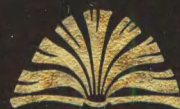

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

Михаил Иванович
ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ИЗБРАННОЕ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Руководитель проекта
А. Б. Усманов

Редакционный совет:

- Л. А. Опёнкин, *доктор исторических наук, профессор*
(председатель);
И. Н. Данилевский, *доктор исторических наук, профессор*;
А. Б. Каменский, *доктор исторических наук, профессор*;
Н. И. Канищева, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(ответственный секретарь);
А. Н. Медушевский, *доктор философских наук, профессор*;
Ю. С. Пивоваров, *академик РАН*;
А. К. Сорокин, *кандидат исторических наук,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель);
В. В. Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор,*
лауреат Государственной премии РФ
(сопредседатель)

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОСПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Михаил Иванович ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ИЗБРАННОЕ

АВТОР
ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ:

Д. М. Туган-Барановский,
доктор исторических наук

СОСТАВИТЕЛИ,
АВТОРЫ КОММЕНТАРИЕВ:

О. В. Волобуев,
доктор исторических наук,

А. Ю. Морозов,
кандидат исторических наук

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОСПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
Т81

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Туган-Барановский М. И. Избранное / М. И. Туган-Барановский; [сост., авторы коммент. О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов; автор вступ. ст. Д. М. Туган-Барановский]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 720 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

ISBN 978-5-8243-1132-7

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1132-7

© Волобуев О. В., Морозов А. Ю., составление
тома, комментарии, 2010
© Туган-Барановский Д. М., вступительная
статья, 2010
© Институт общественной мысли, 2010
© Российская политическая энциклопедия,
2010

Михаил Иванович Туган-Барановский

Туган-Барановский М. И. — экономист, теоретик кооперативного движения, социолог был одним из наиболее известных ученых-гуманитариев и общественных деятелей поздней имперской России. Он родился 8 января 1865 г. в семье отставного штаб-ротмистра гусарского полка Ивана Яковлевича (Ибрагима Якубовича¹) Туган-Барановского, владевшего имением в Купянском уезде Харьковской губернии. Семья принадлежала к старинному роду польских татар, проживавших на территории нынешних Белоруссии, Прибалтики и Польши с XV в.² Согласно семейной легенде, сама фамилия образовалась в результате битвы при Грюнвальде в 1410 г. против немецких рыцарей. Туган-беку, предводителю татарской конницы, понравилась польская княжна Розалия Барановская, согласившаяся выйти за него замуж, при условии, что он принесет ей голову немецкого военачальника. Туган будто бы это условие выполнил, и так возникла фамилия³. Туган-Барановские гордились тем, что были природными князьями, и некоторые из них считали, что ведут свой род от чингизидов⁴. Весьма живописно выглядел их фамильный герб: корона, над короной — полумесяц, под короной — сердце; под сердцем — пересечение двух ятаганов, в центре пересечения — половина конского удила⁵. В дальней-

¹ В связи с принятием православия Ибрагим Якубович переименовал себя в Ивана Яковлевича.

² См. генеалогическое древо Туган-Барановских в кн.: Herbars rodzin tatarskich w Polsce. Opracował st. Dziadulewicz. Wilno, 1929.

³ См.: *Хрущов-Сокольников*. Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы. СПб., 1910. Ч. 1–2.

⁴ В РГАДА сохранились документы об отдельных представителях рода. Так, в духе героев известного романа «Потоп», проявил себя Давид Туган-Барановский. Он участвовал в битвах с русскими и шведскими войсками, за что, согласно указам короля Яна Казимира, в 1659 и 1662 гг. получил несколько деревень и стал хорунжим в Троцком татарском воеводстве.

⁵ Я не знаю, когда герб появился, но мой коллега С. Думин обнаружил его в архиве среди документов начала XIX в. Он опубликован в татарском гербовнике, изданном в Польше в 1929 г.

шем Туганы участвовали в польских восстаниях 1830 и 1863 гг.⁶ Среди польских повстанцев особенно проявил себя дед Михаила Ивановича, прозванный своими товарищами Туган-чертом. В битве под Линтварисом в 1863 г. он зарубил в бою своего родного брата за то, что тот перешел на сторону царских войск. После подавления польского восстания Туганы были даже лишены княжеского титула.

В отличие от своих предков, Михаил Иванович выбрал стезю интеллектуальной деятельности. О духовном формировании его личности известно, к сожалению, немного. Весь его архив пропал, в том числе и подготовленный в рукописи второй том главного труда «Русская фабрика». Личная библиотека в имении на Украине, насчитывавшая около 40 тыс. томов, была увезена немцами в Германию еще во время Первой мировой войны⁷.

В 1883 г. Туган-Барановский поступил на первый курс естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Его товарищами по университету были студенты, ставшие вскоре известными людьми. Это будущие писатели В. В. Вересаев и А. С. Серафимович, тогда студенты историко-филологического факультета, их однокурсник — публицист и издатель В. А. Поссе, ученый-естественник И. Н. Чеботарев. Однокурсниками и товарищами Туган-Барановского были Александр Ульянов, Петр Шевырев, О. М. Говорухин, И. Д. Лукашевич, создавшие позже «Террористическую фракцию “Народной воли”». С будущими членами этой организации Туган-Барановский находился в доверительных отношениях. Так, В. В. Вересаев вспоминал: «Александра Ульянова я встретил раз у студента Михаила Туган-Барановского»⁸. По словам И. Н. Чеботарева, Туган-Барановский входил в состав биологического кружка вместе с А. Ульяновым, П. Шевыревым, О. Говорухиным и И. Лукашевичем⁹.

⁶ Borawski P., Dubinsky A. Tatarzy polscy dzieje, obrzedy, iegendy, tradycje. Warszawa, 1986. P. 133.

⁷ В этой библиотеке были книги с автографами В. Зомбарта, К. Каутского, Э. Бернштейна, Б. Шоу, А. И. Куприна, Г. В. Плеханова и др.

⁸ Вересаев В. В. В студенческие годы // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1963. Т. 1. С. 206.

⁹ Лукашевич И. Д. 1 марта 1887 г. Пг., 1920. С. 6–8.

В конце 1885 г. в Петербурге были организованы студенческие землячества, а затем оформился и Союз землячеств; его члены принимали попытки вести агитацию в окрестных деревнях, которые, впрочем, успеха не имели. По воспоминаниям моего отца, Туган-Барановский с товарищами на поезде прибыли в какую-то деревеньку под Петербургом и только начали крестьянам говорить что-то против царя и дворян, как мужики закричали: «На вилы их!». Осознав грозящую опасность, студенты бросились бежать на станцию, где их от расправы спас жандарм. Михаил Иванович говорил потом, что этот случай его многому научил: «Если нужно агитировать против монархии только под защитой полиции, то зачем вообще нужна такая агитация?» Главным делом Союза землячеств была организация в Петербурге панихиды на Волковом кладбище по случаю 25-летней годовщины со дня смерти Н. И. Добролюбова 17 ноября 1886 г. Полиция, однако, не допустила ее проведения и разогнала полторы тысячи студентов, устроивших шествие в знак протеста по Невскому проспекту. Градоначальник П. А. Грессер лично арестовал несколько десятков человек, среди которых оказался и Туган-Барановский. Политически неблагонадежный студент был исключен из университета и выслан в Харьковскую губернию по месту проживания его родителей¹⁰. В результате ходатайства отца перед Министерством внутренних дел Михаилу разрешили продолжать обучение в Харьковском университете.

Между тем, оставшиеся в Петербурге друзья М. И. Туган-Барановского, создав в начале 1887 г. подпольную «Террористическую фракцию “Народной воли”», стали готовить покушение на императора Александра III. Финал печальный: за подготовку цареубийства организаторы «террористической фракции» (в том числе А. И. Ульянов) были казнены, рядовые участники приговорены к различным срокам тюремного заключения. Казнь товарищей потрясла Михаила Ивановича. Он отчетливо сознавал, что если бы тогда находился в Петербурге, то принял бы участие в покушении («высылка спасла мне жизнь», — признавался он впоследствии).

В 1889 г. Туган-Барановский закончил два факультета: физико-математический и экстерном сдал за юридический. В этом же году в

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. 3-е ДП. Оп. 82. Д. 659 (1). 1886. Л. 7.

его жизни произошло знаменательное событие. Будучи в Париже, он, во время осмотра Эйфелевой башни, познакомился со своей будущей женой Лидией Карловной Давыдовой¹¹. Вскоре они поженились. Их брак был удивительно гармоничный: супругов многое сближало, и прежде всего, творческая деятельность. Лидия Карловна являлась переводчиком и автором книг о Шопене и Дж. Элиоте, одновременно она фактически редактировала популярный журнал «Мир Божий». Супружество с Лидией Карловной длилось десять лет и закончилось трагически: на почве анемии, развившейся во время беременности, Лидия Карловна умерла. Для Михаила Ивановича смерть жены была страшным ударом. Позже в письме к своему другу и единомышленнику П. Б. Струве он писал, что хотел даже покончить жизнь самоубийством, и это желание ушло лишь на 40-й день (чему, вообще говоря, он придавал мистическое значение). (С. 672. Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы наст. изд.)

После окончания университета главным делом для Туган-Барановского стали занятия научными исследованиями в области политэкономии и гуманитарных наук в целом. Его первая работа, опубликованная в 1890 г., была посвящена «учению о предельной полезности» и содержала в себе попытку синтеза трудовой теории стоимости и теории ценности австрийской школы¹². В 1891 г. вышла в свет его книга о П.-Ж. Прудоне, в 1892 г. — о Дж. Милле¹³. Однако по-настоящему крупной работой, принесшей ему мировую известность, стала книга «Промышленные кризисы в современной Англии», которая была защищена в 1894 г. в Московском университете в качестве магистерской диссертации.

¹¹ Л. К. Давыдова на самом деле не была родной дочерью известного директора Петербургской консерватории Карла Юльевича Давыдова, а была удочерена им, как и будущая жена А. И. Куприна — М. К. Куприна-Иорданская, ее названная сестра. Сейчас, конечно, уже невозможно это точно установить, но мой отец говорил, что Давыдов удочерил девочек революционеров, родившихся в тюрьме. М. К. Куприна-Иорданская прямо говорит, что она была удочерена Давыдовым. Ее ребенком подкинули Давыдовым 25 марта 1881 г. (Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М., 1966. С. 331).

¹² Туган-Барановский М. И. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. 1890. № 10. Т. 11. С. 129–130.

¹³ Туган-Барановский М. Н. П.-Ж. Прудон, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891; Его же. Дж.-С. Милль. Его жизнь и учено-литературная деятельность. СПб., 1892.

В 1898 г. Туган-Барановский завершил книгу «Русская фабрика», которую тогда же защитил в Московском университете как докторскую диссертацию. Это исследование сыграло огромную роль в опровержении народнических идей. О том, как происходила защита, рассказывал очевидец, тогда студент исторического факультета Московского университета В. И. Пичета: «К назначенному часу актовый зал был переполнен. Часть студентов встретила [диспутанта] бурными аплодисментами. Но диспутант принес сугубое разочарование народникам и победу марксистам, и для распространения в студенческой среде марксистской теории [его выступление] имело громадное значение. <...> Провозглашение Туган-Барановского доктором политической экономии было встречено громом аплодисментов всего зала, который продолжал рукоплескать, когда диспутант проходил через весь зал к выходу...»¹⁴.

Увлечение марксизмом и борьба с народничеством в 1890-е гг. сближали позиции Струве и Туган-Барановского с социал-демократическим движением. Так, в конце февраля 1894 г. состоялось знакомство с В. И. Лениным на квартире инженера Р. Э. Классона¹⁵. В 1897 г. Струве и Туган-Барановский организовали первый марксистский журнал «Новое слово», вслед за ним возникло «Начало». Фактическими редакторами этих журналов были Струве и Туган-Барановский. Однако уже в конце 1890-х гг. наметились их идейные разногласия с Г. В. Плехановым, Лениным и их сторонниками. Это было связано с тем, что Туган-Барановский в майском номере «Научного обозрения» за 1899 г. опубликовал статью «Основная ошибка абстрактной теории К. Маркса», в которой подверг критике известное марксистское положение о якобы имеющей место тенденции к понижению нормы прибыли¹⁶. В дальнейшем отношения между Туган-Барановским и Лениным еще более обострились. Тут, видимо, примешались и сугубо личные моменты, о чем в своих мемуарах подробно рассказал П. Б. Струве. По мнению мемуариста, он лично почувствовал к Ленину

¹⁴ Московский университет в воспоминаниях современников. М. 1989. С. 593. О самой защите см.: РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 123. Д. 197. Д. 199.

¹⁵ Можно предположить, что это произошло раньше, поскольку Н. К. Крупская была гимназической подругой Л. К. Давыдовой и, по словам моего отца, именно Туган-Барановский познакомил Крупскую с Лениным.

¹⁶ Научное обозрение. 1899. № 5.

своего рода отвращение уже с первых часов знакомства, и причиной этого было, по его словам, не теоретическое разномыслие, а то, как Ленин относился к своим противникам. «Многие, — писал Струве, — разделяли со мной это впечатление от Ленина. Я назову только двоих и притом весьма различных людей: В. И. Засулич и М. И. Туган-Барановского. В. И. Засулич, самая умная и чуткая из всех женщин, каких мне приходилось встречать, испытывала к Ленину антипатию, граничившую с физическим отвращением, — их позднее политическое расхождение было следствием не только теоретических или тактических разногласий, но и глубокого несходства натур»¹⁷. Но особенно интересна другая характеристика: «М. И. Туган-Барановский, с которым я был в течение многих лет очень близок, говорил мне со свойственной ему наивностью <...> о своей неудержимой антипатии к Ленину. Зная и даже будучи близок с братом Ленина Александром Ульяновым, который был казнен в 87 г. ..., он с изумлением, граничившим с ужасом, рассказывал, как не похож был Александр Ульянов на своего брата Владимира. Первый, при всей своей моральной чистоте и твердости, был чрезвычайно мягкий и деликатный человек даже в обращении с незнакомыми и врагами, тогда как резкость второго была поистине равносильна жестокости»¹⁸.

Идейная эволюция Туган-Барановского и Струве от марксизма к ревизионизму и одновременно непримиримость Ленина и его окружения к любой критике марксизма привели в конечном счете к полному разрыву их отношений. Последний раз они встретились на Псковском совещании 1900 г. уже как «друго-враги» (термин Мартова). На этом совещании было принято решение о создании газеты «Искра». Но уже в самой «Искре» Туган-Барановский и Струве из-за противодействия Ленина не печатались. В личном фонде Струве хранятся шесть писем к нему Туган-Барановского за 1899–1905 гг., которые позволяют проследить эволюцию их позиций. (С. 667–674.)

После смерти Лидии Карловны Туган-Барановский жил в доме тещи, страдая от одиночества. Наиболее близким ему человеком в то

¹⁷ Струве П. Б. Мои встречи и конфликты с Лениным // Возрождение. 1950. № 10. С. 115.

¹⁸ Там же. С. 115.

время был Струве. К тому же Туган-Барановский лишился студенческой аудитории, поскольку в 1899 г., по причине политической неблагонадежности, ему было запрещено преподавание в вузах столицы.

4 марта 1901 г. Туган-Барановский вместе с Струве принял участие в демонстрации студентов, протестовавших против решения правительства об отправлении арестованных полицией студентов в армию. В результате оба они были арестованы и десять дней провели в казематах Литовского замка. По приговору им было отныне запрещено проживание в столичных и университетских городах¹⁹.

Вскоре Струве выехал за границу, где стал издавать журнал «Освобождение», а Туган-Барановский поселился в селе Лохвицы Полтавской губернии, где проживал до 1905 г. Там к нему пришло и личное счастье. Он женился на Ольге Федоровне Русиновой, и вскоре родились дети: сын и дочь. В это время ему было всего 36 лет. Он стал чувствовать себя «более зрителем, чем действующим лицом». (С. 669.) Очевидно, таким мыслям способствовало сравнительное уединение, которое наступило после Петербурга. К тому же по натуре Туган-Барановский был более склонен к научной и теоретической деятельности, чем к политической борьбе и суматохе, ему теперь противна была та «ярмарка тщеславия, которой не может не являться всякая общественная деятельность». (С. 672.)

Однако, несмотря на такие настроения, Туган-Барановский все же принимал участие в общественной жизни Полтавской губернии: являлся почетным мировым судьей Лохвицкого уезда, гласным Полтавского губернского и Лохвицкого уездного собраний. Довольно близкие отношения он поддерживал с писателем В. Г. Короленко, которого регулярно посещал в Полтаве. В июне 1903 г. Туган-Барановский, после поездки по югу России, принял участие в Киеве в расширенном заседании местного социал-демократического комитета, на котором сделал доклад, содержавший прогноз возможного близкого подъема крестьянского движения. В этом же году власти запретили Туган-Барановскому еще на пять лет въезд в столичные города.

Полтавский период жизни Туган-Барановского был весьма плодотворным в творческом отношении. В 1903 г. отдельной книгой

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. ДП 4-е Д. 1898. № 3. 140. Л. 6–7.

вышли его «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» (сначала в 1901–1902 гг. они публиковались в «Мире Божьем»), в 1905 г. двумя изданиями «Теоретические основы марксизма», в 1906 г. — «Современный социализм в его историческом развитии» и «Очерк движения в пользу национализации земли и практические выводы». В 1907 г. появился сокращенный курс лекций М. И. Туган-Барановского, а в 1909 г. полный — «Основы политической экономии», представлявший собой по существу самостоятельное исследование. Все эти крупные работы были почти сразу переведены на иностранные языки и изданы сначала в Германии, а потом и в других странах.

В 1905 г. Туган-Барановский вернулся на кафедру Петербургского университета (в качестве приват-доцента); с 1911 г. он окончательно переселяется в Петербург. В 1912 г. Совет университета избрал его профессором, но министерство не утвердило это постановление. Активно работал он и в других высших учебных заведениях: с 1913 г. преподавал в качестве профессора в Петербургском политехническом институте, на Бестужевских высших курсах и в Народном университете им. А. Л. Шанявского. Во всех высших учебных заведениях, где преподавал Туган-Барановский, он пользовался необычайной популярностью и авторитетом. Его считали энциклопедистом, обращались как к арбитру в научных спорах. Ученик Туган-Барановского, выдающийся экономист Н. Д. Кондратьев позже вспоминал: «Он читал лекции в большинстве случаев с огромным эмоциональным подъемом. Его мысли неслись стремительным потоком. Менее всего Михаил Иванович склонен был читать лекции из года в год по раз принятому шаблону. Наоборот он всегда чутко следил за интересами аудитории и общества»²⁰.

Будучи истинным ученым, Туган-Барановский пытался придать результатам своих исследований прикладной характер. Это выразилось не только в том, что он разрабатывал новую модель социализма, но еще и в стремлении прогнозировать развитие общества. По словам Кондратьева, пророчества Туган-Барановского были «странны и своеобразны, хотя были порой и верны, так же малословны реальному массовому сознанию, как и весь уклад его лич-

²⁰ Кондратьев Н. Д. М. И. Туган-Барановский. Пг., 1923. С. 116–117.

ности». В этом отношении, отмечает Кондратьев, особенно любопытны факты, приведенные известной деятельницей социал-демократического и либерального движения Е. Д. Кусковой. В конце 1890-х гг. Михаил Иванович предсказывал, что через несколько лет в России будет конституция и предлагал держать пари. В начале XX в. он утверждал, что в России возможна скорая социальная революция и «что на сцену выступит с небывалой силой демократия, и снова предлагал Е. Д. [Кусковой — Д. Т.-Б.] держать пари». «Михаил Иванович <...>, — комментирует Кондратьев, — в этих случаях не ошибался. Но нельзя не признать, что эти его предсказания, несмотря на всю их удивительную правильность, носят скорее характер вспышек провидения яркой индивидуальности, которые были <...> продуктом личного переживания и умонастроения»²¹. Вероятно, Кондратьев отчасти прав, имея в виду интуитивный характер некоторых пророчеств. Но думается, что у Туган-Барановского существовала и научная система прогнозов, основанная на его знании экономики и сформулированной им теории кризисов. Именно эта теория подтвердилась фактами.

В книге «Русская фабрика», которая вышла в начале 1898 г., Туган-Барановский указал, что Россия приближается к промышленному кризису, и он действительно произошел в «очень острой форме» в конце 1899 г.²² В немецком издании «Промышленных кризисов», вышедшем в 1900 г., он высказал мнение, что в Германии зреет промышленный кризис, и кризис действительно разразился в 1901 г.²³ Также Туган-Барановский предвидел американский кризис 1907 г.²⁴

К 1910 г. авторитет Туган-Барановского как ученого был настолько велик, что к его мнению внимательно прислушивалось правительство. Расскажу о совершенно уникальном эпизоде, свидетельствующем не только о четкой работе охраны, но и о значении, которое придавали деду в верхах. В конце октября 1910 г. должен был состояться его доклад в Вольном экономическом обществе в Петер-

²¹ Там же. С. 28–29.

²² Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. СПб., 1898. С. 325.

²³ Его же. Периодические промышленные кризисы. М., 1923. С. 8.

²⁴ Его же. Лекции по политической экономии. Сокр. изложение. СПб., 1907. С. 346.

бурге. Но задолго до выступления в Департаменте полиции соответствующие эксперты пытались определить, о чем он будет говорить и какой это может вызвать резонанс в обществе. В записке Особого отдела Департамента полиции говорилось: «На предстоящем в Вольно-Экономическом Обществе докладе Туган-Барановского о современном положении нашей промышленности будет, по всем вероятностям, указано на то, что улучшение нашего промышленного положения повлечет за собой усиление рабочего движения в смысле «сплочения» рабочих сил в целях улучшения своего заработка и т. д. Предстоят, дескать, как учит наука, — «стачки наступательного характера» <...> Для вида, конечно, все подобного рода «умозаключения» и «предсказания» будут облечены в квазинаучную форму...» Заметим, что не слишком глубокие умы работали над данным заключением. Как и над другим: накануне выступления, 19 октября 1910 г., начальник Петербургского охранного отделения писал о будущем докладе: «автор не преминет, конечно, коснуться рабочего движения, что может вызвать на научной, якобы, почве затяжного характера полемику, представляющую собой в сущности лишь особый прием замаскированной агитации»²⁵. После всего этого товарищ министра внутренних дел генерал Курлов отдал приказ о наблюдении за данным собранием.

Наконец, 20 октября 1910 г. в Вольном экономическом обществе состоялся доклад Туган-Барановского «Перелом в положении русской промышленности». Обратимся опять к полицейским документам, поскольку они красноречивее всего говорят о событии: «В заседании присутствовало до 300 человек, в числе коих действительных членов общества было не более 75–80 человек; большинство были посторонние лица <...>, было много социал-демократов фракции меньшевиков»²⁶. Доклад продолжался полтора часа; сущность его сводилась к следующему: «Кризис, царивший в русской промышленности с 1902 г. и разоривший массу предприятий — объясняется отливом иностранных капиталов. Капиталы же начали отливать благодаря шаткости положения правительства <...> Теперь положение начало изменяться <...> Кризис проходит <...> Свои положения докладчик

²⁵ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 320. Л. 1–2.

²⁶ Там же. Л. 3–4.

доказывал цифрами и диаграммами; доклад был очень содержателен и сдержан; Туган-Барановский читал его по корректурным листкам, так как он будет напечатан в журнале «Современный мир»²⁷.

По словам Туган-Барановского, «улучшение современного хозяйства в России, благоденствие крестьян и вообще успокоение наступит лишь тогда, когда произведено будет полное решение аграрного вопроса в России», т. е. когда помещичьи земли перейдут к крестьянам и вследствие этого повысится покупательная способность населения. На вопрос — какие шаги следует предпринять, Туган-Барановский давал следующий ответ: «Мы должны идти в с.-д. партию, не ту, которую рекомендуют Ленин и Луначарский, а ту, в которой Плеханов и Мартов, и, войдя в эту партию, мы должны организовать рабочих и приучить их к планомерной борьбе, такой борьбе, которая окончилась бы полной победой»²⁸. В прениях по докладу выступали меньшевики Пилецкий, Могилянский, экономист Воронцов и др., которые утверждали, что «кризис еще не прошел, расцвета нет, а докладчик, якобы, подтасовывает цифры». Департамент полиции придавал особое значение заключению Туган-Барановского, что кризис в России «проходит» и теперь следует ожидать оживления промышленности. Основные положения доклада были опубликованы в журнале «Современный мир» и в ряде статей в газете «Речь»²⁹. Будущее показало, что Туган-Барановский был полностью прав. За это оптимистическое заключение его публично поблагодарил председатель Совета Министров Российской империи В. Н. Коковцов. Туган-Барановский с достоинством ответил: «Я не оптимист и не пессимист, а просто ученый, следующий логике развития реальности, вне зависимости от ожиданий начальства»³⁰.

В семинарах Туган-Барановского в университете обучалось по несколько сот человек. Сам Михаил Иванович считал, что его семина-

²⁷ ГА РФ. Ф. ДП ОО. 1910. Д. 320. Л. 6–13.

²⁸ Там же. Л. 6–13.

²⁹ Туган-Барановский М. И. Состояние нашей промышленности за последние десятилетия и виды на будущее // Современный мир. 1910. № 12. С. 27–53; Его же. Оживление промышленности // Речь. 1910. № 283; Его же. Неурожай и промышленный подъем // Речь. 1911. № 275. 282.

³⁰ Выдрин Д. Отец русской кооперации // Молодой коммунист. 1990. № 3. С. 57.

рий по форме отличается от университетских семинариев в Германии. Там темы докладов носят чрезвычайно узкий, строго фактический характер. Правда, говорил он, это имеет свою сильную сторону, так как отчет «отучает студента от верхоглядства, легкомысленных, непродуманных заключений и, вместе с тем, знакомит его с самой техникой разработки научного материала. Но чрезмерная узость имеет и свою невыгодную сторону. Если работа посвящена вопросу, не могущему заинтересовать никого кроме самого работника, то все прочие участники <...> не принимают в ней никакого участия»³¹. С этим учетом он давал темы докладов и сочинений. Наиболее выдающиеся научные исследования опубликованы в «Трудах...» его экономического семинария.

В 1916 г. вышел в свет один из главных трудов М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации»³², в котором дан обстоятельный сравнительный анализ кооперативного движения на Западе и в России.

Февральскую революцию 1917 г. Туган-Барановский встретил восторженно. Но уже вскоре, по словам моего отца, он стал испытывать тревогу, опасаясь установления военной диктатуры. Находясь в имении Лохвице, где он заканчивал книгу «Социализм как положительное учение», Туган-Барановский в августе 1917 г. получил две телеграммы: одну от крымско-татарских националистов, другую — от Украинской Центральной Рады. Бахчисарай и Киев предлагали ему портфель министра финансов. Михаил Иванович сделал выбор в пользу Центральной Рады. Он так это объяснял: «Чем больше думаю о происходящем, тем больше убеждаюсь — взрыв неизбежен. Крым так мал, а Украина сила, крестьянство идет за самостийниками»³³. Однако работа по упорядочению украинских финансов продвигалась трудно. Денег катастрофически не хватало. Центральная Рада стремительно теряла свой авторитет. Когда Михаил Иванович обратился к знакомому банкиру за помощью, то по-

³¹ Труды экономического семинария под руководством М. И. Туган-Барановского при юридическом факультете С.-Петербургского университета. СПб., 1912–1913. Ч. 1–2.

³² Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 1916; 2-е изд., М., 1918; 3-е изд., М., 1919.

³³ Туган-Барановский М. М. Мемуары (В рукописи). С. 21.

следний отказался иметь дело с Украинским правительством. «Лично вам могу одолжить», — сказал банкир Туган-Барановскому и дал ему под вексель пятьсот тысяч рублей.

После падения Центральной Рады Туган-Барановский в январе 1918 г. приехал в Москву. Полагая, что большевики должны его преследовать, он скрывался сначала у кооператора Махновца, а затем у вдовы одного из сыновей Льва Толстого. Его затворничество завершилось неожиданно. Однажды на Тверской он встретился с управляющим делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичем. Они были хорошо знакомы ранее и машинально раскланялись. «Что поделяваете?» — лукаво шурясь, спросил Владимир Дмитриевич. «Да вот прячусь от вас», — пробормотал в замешательстве Михаил Иванович. «Не целесообразнее ли покинуть глубокое подполье? Дзержинский говорил, что вы ночуете у Толстых, к чему стеснять людей? ВЧК не до вас, у нее работы по горло», — заверил Бонч-Бруевич³⁴. Впоследствии Туган-Барановский признавался сыну, что никогда в жизни он не чувствовал себя так глупо, как в ту минуту. С тех пор Михаил Иванович уже не скрывался. Он читал лекции, председательствовал в Совете кооперативных съездов. В эти дни он сблизился с известным анархистом П. А. Кропоткиным и даже в какой-то мере подпал под его влияние. В Москве Туган-Барановский заинтересовался проблемой старения организма и выздоровления. У него возникло желание получить еще и медицинское образование³⁵.

В июле 1918 г. Туган-Барановский легально переехал на оккупированную немцами Украину и поселился в Лохвице, но вел себя независимо. Когда военный комендант городка майор фон Ветке явился засвидетельствовать свое почтение, Туган-Барановский его не принял. Вскоре ученый вернулся в Киев. Там он фактически отошел от политической деятельности: получил кафедру в университете, одновременно являлся деканом юридического факультета, занимался созданием Украинской Академии наук и в дальнейшем возглавил социально-экономическое отделение АН. В то время Туган-Барановский закончил работу «Влияние политэкономии на естествознание и философию», которая была опубликована уже

³⁴ Там же. С. 24–25.

³⁵ Там же. С. 25–26.

после его смерти (в 1923 г. на украинском, а в 1925 г. — на русском языках). Продолжал он интересоваться и проблемами оздоровления, «книжные полки его кабинета все больше отвоевывала себе медицинская литература»³⁶.

Однако жить Туган-Барановскому оставалось всего несколько месяцев. Ускорил его уход брат Николай Иванович. Бежав летом 1918 г. из Петрограда в Киев, последний втерся в доверие к немцам и с их помощью стал председателем Совета Северной армии. Как-то Николай Иванович пришел к Туган-Барановскому с просьбой помочь ему получить паспорт на чужое имя и пропуск из Киева. Михаил Иванович эту просьбу выполнил, хотя он с неодобрением относился к деятельности брата и называл его авантюристом. Придя за документами, Николай Иванович попросил оставить на сохранение пакет; он пояснил, что там акции и деньги, т.е. все его сбережения, которые он намеревается передать сыну. Михаил Иванович согласился. Пряча пакет в надежное место, Ольга Федоровна, по воспоминаниям моего отца, неловко уронила его, бумага прорвалась, высыпались «пачки царских четвертных» и связка документов. При пересчете денег оказалось около двух миллионов. Ознакомление с документами показало, что это часть секретного архива Северной армии. Потрясенный Михаил Иванович сделал движение «будто намеревался выбросить бумаги в печку, но сдержался. Не имею права, доверили, — прошептал и сгорбился...» Родные успокаивали его, говоря, что деньги можно пожертвовать на благотворительные цели, а документы уничтожить. Но крайне щепетильный, Михаил Иванович не мог нарушить раз данного слова. После этого он места себе не находил. «Теперь я умру, — говорил он, — я не имею права жить, я поступил подло». Той же ночью с ним случился сердечный припадок. «Выздоровливал плохо, сам не хотел. То лежал в оцепенении, то метался в постели»³⁷.

Когда Михаилу Ивановичу стало лучше, председатель Украинской Директории Винниченко предложил ему возглавить финансовую миссию, направлявшуюся во Францию. В распоряжение семьи Туган-Барановских был предоставлен вагон первого класса. В дороге Михаил Иванович скончался. Это произошло 8 января 1919 г. около стан-

³⁶ Там же. С. 26–27.

³⁷ Там же. С. 29–31.

ции Затишье, недалеко от Одессы. Похоронен он был в Одессе на так называемом «старом кладбище».

* * *

Увлечение политэкономией пришло к М. И. Туган-Барановскому, по всей вероятности, в Харьковском университете. В 1889 г. за три месяца он подготовил две дипломные работы, которые защитил: одну по физико-математическому факультету — «Явления гидризма у животных», и другую по юридическому — «Причины ценности»³⁸. Впоследствии он весьма дорожил своим естественнонаучным образованием. Как писал сам Михаил Иванович, обучение на естественном отделении дало ему «умение четко и ясно ставить проблему, находить нужные материалы, брать из них только существенное, подмечать в них закономерности»³⁹. Видимо, не случайно незадолго до смерти он написал работу «Влияние идей политэкономии на естествознание и философию». Немалую роль в научных изысканиях играло и знание Туган-Барановским пяти европейских языков.

Хотя Туган-Барановский так и не стал ортодоксальным марксистом, тем не менее вплоть до конца 1890-х гг. его расхождения с марксизмом не носили принципиального характера. Так, он использовал первый и второй тома «Капитала» К. Маркса в своей магистерской работе, посвященной промышленным кризисам, а его труд «Русская фабрика...» был проникнут марксистской методологией.

Девяностые годы XIX в., особенно их середина, стали своеобразным переломным временем, когда в студенческих аудиториях, квартирах интеллигентов, на заседаниях Вольного экономического общества и на страницах журналов шли ожесточенные споры между марксистами и народниками. В этой идейной борьбе Туган-Барановский вместе со своим тогда единомышленником и другом Струве был на стороне марксистов. Известный русский историк и социолог профессор Н. И. Кареев отмечал, что на заседаниях Петербургского исторического общества Туган-Барановский и Струве «были просто идолами одной части слушателей», тогда как их оппо-

³⁸ Татарникова С. Н. М. И. Туган-Барановский — мыслитель, демократ, экономист // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 219.

³⁹ Там же.

ненты идолами другой⁴⁰. В ту пору они, особенно в Петербурге, пользовались особой популярностью в марксистской среде. «Вначале, — вспоминает деятельница либерального движения А. В. Тыркова-Вильямс, — об Ульянове [Ленине — Д. Т.-Б.] говорили мало. На поверхности петербургского марксизма, на глазах у всех, включая Департамент полиции, бушевали два молодых вожака — Струве и Туган <...> Они были неразлучны, вместе давали они битвы в полузакрытых собраниях Императорского Вольно-экономического общества <...> Эти два Аякса марксизма вместе составляли программы и манифесты, явные и тайные, вместе затевали и губили журналы, вместе шли приступом на народников...»⁴¹.

Отзвуки петербургских дискуссий находили отклик в других городах. «До нас, московских студентов-марксистов, — писал известный впоследствии русский религиозный философ С. Л. Франк, — доходили в 1894–1896 гг. вести о шумных выступлениях П. Б. Струве (вместе с М. И. Туган-Барановским) в схватках с народниками в Петербурге, на студенческих вечеринках и в заседаниях научных обществ»⁴². Социал-демократ Н. Валентинов (Вольский) вспоминал, какое большое впечатление произвели на него работы Туган-Барановского «Русская фабрика» и Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Эти работы показались Валентинову «более интересными», чем книга Ленина «Развитие капитализма в России»⁴³. Он также сообщает в мемуарах, что его, в 1897–1898 гг. студента Технологического института в Петербурге, «ввел <...> в марксизм и не переставал потом толкать на изучение экономики» именно Михаил Иванович⁴⁴.

По словам Тырковой-Вильямс, в середине 1890-х гг. Туган-Барановский (как и Струве) искренне и безоговорочно верил в марксизм, в его творческую силу. Оба они могли наизусть цитировать Маркса и Энгельса, твердить марксистские истины «с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран», будучи совер-

⁴⁰ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 195.

⁴¹ Тыркова-Вильямс А. Воспоминания. М., 1998. С. 228.

⁴² Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 15.

⁴³ Валентинов Н. Встречи с Лениным. Вермонт, б. г. С. 49.

⁴⁴ Там же. С. 73.

шенно уверены, что правильно приведенное изречение из «Капитала» или даже из переписки Маркса и Энгельса разрешает все сомнения и споры. «А если еще указать, в каком издании и на какой странице это напечатано, — не без сарказма замечала Тыркова-Вильямс, — то возражать могут только идиоты. Для этих начетчиков марксизма каждая буква в сочинениях Маркса и Энгельса была священна. Слушая их, я поняла, как мусульманские завоеватели могли сжечь Александрийскую библиотеку»⁴⁵. Она вспоминает яростные монологи Туган-Барановского в защиту марксистской теории: «Неужели вы воображаете, что через 30 лет в Европе еще будет существовать частная собственность? Конечно, нет! Пролетариат все это сметет. Исчезнет к тому времени и полицейское государство. Все будут свободны. Не забывайте, что люди учатся летать. При развитии авиации полицейское государство не может существовать. Воздух не знает ни границ, ни паспортов»⁴⁶.

Дискуссии, о которых вспоминает Тыркова-Вильямс, относились в основном к первой половине 1890-х гг., но чем дальше к концу десятилетия, тем явственней становилась тенденция отхода Туган-Барановского от марксизма. Собственно, поиски своего пути в науке определились у него буквально с первых работ. Уже его статья «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причины их ценности» (1890) была не вполне марксистской⁴⁷. В ней рассматриваются две теории ценности: учение о предельной полезности Бем-Баверка, Визера, Джевонса и Менгера, и трудовая теория ценности Рикардо и Маркса. Фактически Туган-Барановский пытался примирить обе эти теории, считая, что они не противоречат друг другу. В дальнейшем основные идеи этой статьи были развиты в работах «Теоретические основы марксизма» (1905) и «Основы политической экономии» (1909).

Строго говоря, не была вполне марксистской и магистерская диссертация Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народ-

⁴⁵ Тыркова-Вильямс А. Указ. соч. С. 229.

⁴⁶ Там же. С. 233.

⁴⁷ По-видимому, эта статья представляла из себя дипломную работу по юридическому факультету Харьковского университета «Причины ценности», которая была защищена М. И. Туган-Барановским в 1889 г.

ную жизнь». В ней использовались идеи как Ш.-Б. Сэя и Д. Рикардо, так и К. Маркса. В частности, Туган-Барановский привлек теорию воспроизводства общественного капитала, изложенную во втором томе «Капитала». Не случайно в качестве объекта исследования выбрана Англия как страна «классического капитализма». Вполне понятно, что колебания промышленности, отмечал ученый, были сильнее всего в той стране, в которой накопление капитала идет быстрее, т. е. в Англии⁴⁸. В анализе источников происхождения кризисов и их периодичности большое значение он придавал свободному ссудному капиталу.

Теория Туган-Барановского в дальнейшем встретила критику со стороны руководителей германской социал-демократии, считавших основой кризисов «недопотребление трудящихся»⁴⁹. В России эту теорию восприняли С. А. Первушин, В. Я. Железнов, И. М. Кулишер, В. К. Дмитриев, а позже Н. Д. Кондратьев. В частности, Кондратьев писал, что работа Туган-Барановского «настолько ярко вскрывала природу капиталистического народного хозяйства в его целом и настолько в общем подтвердилась действительностью, что по справедливости доставила ему мировую известность, создала в этом вопросе целую школу, к которой с теми или иными оговорками примкнули столь видные экономисты западных стран, как Шпитгоф, Шмоллер, Лескюр и др. Она породила целую литературу за и против нее. Даже и противники ее, как В. Зомбарт, признали ее чрезвычайным шагом вперед, высшей формой теории кризисов. Один из западных последователей Туган-Барановского — А. Шпитгоф назвал его лучшим теоретиком экономической конъюнктуры, а книгу охарактеризовал, как первую научную монографию про кризисы»⁵⁰. Зарубежные экономисты XX в. (Д. Кейнс, Р. Кинерсли, Алек Ноув и др.) чрезвычайно высо-

⁴⁸ Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы: История английских кризисов. Общая теория кризисов. М., 1997. С. 252.

⁴⁹ Kautsky K. Krisistheorien // Die Neue Zeit. Stuttgart. Bd. II. 1902. № 28–31; Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1–2. М., 1924.

⁵⁰ Кондратьев Н. Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923. С. 73, 80–81. Ж. Лескюр писал, что книга М. И. Туган-Барановского является «самым оригинальным и самым значительным произведением во всей экономической литературе...» (Лескюр Ж. Общие и периодические промышленные кризисы. СПб., 1908. С. 2–3).

ко оценили вклад Туган-Барановского в теорию кризисов⁵¹. Так, известный американский экономист Элвин Хансен отмечал, что его книга «произвела настоящий переворот в экономической мысли». Хансен подчеркивал также важность разработки Туган-Барановским теории делового цикла: «Именно он положил начало новому подходу к изучению этой проблемы».

Вклад Туган-Барановского в историю общественной мысли можно сформулировать в следующих тезисах.

Ученый был первым экономистом, доказавшим, что промышленные кризисы носят при капитализме периодический характер. «Промышленный цикл, теорию и объяснение которого я даю в этой книге, — писал он, — коренится в экономических условиях господствующей системы хозяйства — капитализма — и, представляя собой явление социального порядка, может сокращаться и растягиваться в известных пределах. Наличие этих пределов позволяет говорить о периодичности кризисов»⁵².

Туган-Барановский сформулировал теорию кризисов или, как говорит его биограф Г. Н. Сорвина, «теорию капиталистической конъюнктуры», которая дала возможность прогнозировать наступление кризисов. В предисловии к третьему изданию своей монографии исследователь писал: «Развиваемая в этой книге теория кризисов объясняет, какие факторы благоприятствуют увеличению и сокращению продолжительности промышленного цикла, а также вскрывают и движущие силы самого цикла. Поэтому не трудно, исходя из названной теории, формулировать признаки приближения промышленного, как это сделал, например, Брезигар⁵³. Таким образом, теория приобретает большое практическое значение: она дает возможность предвидения в чрезвычайно важной хозяйственной области»⁵⁴.

⁵¹ См. об этом: Корнейчук Б. В. Экономические воззрения М. И. Туган-Барановского. СПб., 2008.

⁵² Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы... С. 57.

⁵³ Эмиль Брезигар в 1913 г. опубликовал книгу «Die Vorboten einer Wirtschaftskrise in Deutschland», в которой попытался установить признаки приближения кризисов, исходя из его теории. В 1912 г. в Париже был учрежден, по инициативе правительства, «постоянный комитет для предвидения промышленных кризисов».

⁵⁴ Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы... С. 58.

Туган-Барановский наметил ряд признаков приближения кризиса: это цена железа, высота учетного процента. В предисловии к 3-му изданию он отмечал: «... многое из этого, что я с таким трудом устанавливал в первом издании этой книги [т.е. в 1894 г. — Д. Т.-Б.], стало теперь общим достоянием экономической мысли. Кто, например, теперь не знает, что цены железа, а отнюдь не цены хлеба (!), являются самым важным показателем фазисов промышленного цикла. Об этом говорит чуть ли не любой биржевой отчет, в этом убеждены теперь все люди практики <...> Но когда я выступил с этим тезисом 19 лет тому назад, то тезис этот не только не был общеизвестным, но был встречен, как парадокс. Установил же я его чисто индуктивным путем, изучая движение цен железа в Англии за много десятилетий»⁵⁵.

Исследование Туган-Барановского показало, что капитализм никогда не умрет естественной смертью. Несмотря на существующие антагонизмы и кризисы, он внутренне способен к непрерывному развитию. Что касается периодических промышленных кризисов, то они, считал Туган-Барановский, не являются «симптомом приближающейся смерти», а лишь острым и болезненным средством «самокорректирования» пути развития со стороны капитализма.

В книге Туган-Барановского содержался еще один важный вывод об улучшении положения рабочего класса Англии к концу XIX в. Этот вывод был сделан на основе тщательного изучения статистических данных, которые, как подчеркивал ученый, «убедительно говорят, что действие промышленного застоя и безработицы на условия жизни массы английского населения сильно смягчено в новейшее время какими-то причинами». И далее он заключал: «Важнейшими из этих причин следует признать общее поднятие экономического положения английского рабочего и рост тред-юнионизма»⁵⁶.

Очевидно, что указанная тенденция в той или иной мере была характерна и для других капиталистических стран. Заключение автора шло вразрез с одним из главных тезисов К. Маркса об обнищании пролетариата по мере развития капитализма⁵⁷. Отметим, что к этому выводу Туган-Барановский пришел за четыре года до публикации хо-

⁵⁵ Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы... С. 58.

⁵⁶ Там же. С. 380 и далее.

⁵⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избранные произведения в 3-х томах. Т. 1. М. 1980.

рошо известной книги Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1898), которая считалась манифестом ревизионизма.

После защиты магистерской диссертации Туган-Барановский, выступая против народников в защиту исторического материализма, а также по вопросу о роли личности в истории, отказывается от использования марксистских терминов, заменяя их своими⁵⁸. Вместо «производительных сил» он говорит о «материальных условиях», «производственные отношения» заменяет «хозяйственными», «надстройку» трактует как «социальную среду» и т. п. Позже, в работе «Очерки из новейшей истории политической экономики и социализма» (1903), Туган-Барановский будет подчеркивать преимущество своих терминов над терминами Маркса. Он обвинит марксизм в социальном монизме, в абсолютизации роли производительных сил в историческом процессе. По мнению Туган-Барановского, сами производительные силы оказываются зависимыми от социальной среды. Таким образом, получается замкнутый круг, который свидетельствует о недоказанности теории исторического материализма. Но эти положения Туган-Барановский сформулировал в 1903 г. До 1899 г. его разногласия с марксизмом проявлялись в довольно завуалированной форме.

Докторская диссертация Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» была крупным вкладом в развитие историко-экономической науки. Эта работа восемь раз переиздавалась в нашей стране (последний раз в 1997) и за рубежом (Берлин, 1900; США, 1970)⁵⁹. В Соединенных Штатах «Русская фабрика» была издана в серии «Экономическая классика». Даже в 30-е гг. XX в., когда в нашей стране вышло ее седьмое издание, «Русскую фабрику» называли «в основном марксистским трудом»⁶⁰.

⁵⁸ Туган-Барановский М. И. Значение экономического фактора в истории // Мир Божий. 1895. № 12; *Его же*. Экономический фактор и идеал // Мир Божий. 1896. № 4; *Его же*. Письмо в редакцию // Мир Божий. 1896. № 5. Полемицировали с М. И. Туган-Барановским видные ученые Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев и Л. Е. Оболенский (См.: Кареев Н. И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб., 1896).

⁵⁹ Книга была издана и в Японии, но у меня нет ее точных выходных данных.

⁶⁰ Высокую оценку этой книге дал В. И. Ленин (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 339, 460). После 1900 г. Ленин отзывался о Туган-Барановском исключительно негативно.

В диссертации Туган-Барановский проследил генезис и развитие капитализма с XVII в. по конец XIX в. и высказал мысль, что Россия «страдает» не от развития капитализма, а от «недостатка его развития». Этот тезис позже повторил Ленин в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», правда, без ссылки на автора. Как и Струве⁶¹, Туган-Барановский подчеркивал: «Наша культурная отсталость уменьшается благодаря развитию того же капитализма <...> И поэтому наш прогноз таков: успехи русской капиталистической индустрии за последнее время являются только слабыми начатками того могущественного развития русского капитализма, которое предстоит в будущем»⁶².

В 1899 и 1900 гг. Туган-Барановский опубликовал две статьи с критикой марксизма⁶³. В них он отвергал сформулированное Марксом (в III-м томе «Капитала») положение о том, что норма прибыли имеет тенденцию к понижению. По мнению Туган-Барановского, это положение противоречит фактам и не является обоснованным. Автор усматривал противоречие между II-м и III-м томами «Капитала». Примерно в это время (19 мая 1899) он писал социал-демократу А. Н. Потресову: «Странное, право, мое положение. Одни меня ругают за ортодоксальность, а другие за то, что я не настоящий марксист. Так, я недавно узнал, что многие правоверные марксисты очень озлоблены против меня за мою статью в «Архиве»⁶⁴. Статья в майской книжке «Научного обозрения» озлобит, наверное, еще больше. Но что же делать? Для меня ясно, как дважды два, что конструкция Маркса несостоятельна. Тем не менее, огромное большинство признает, что я

⁶¹ П. Б. Струве в 1894 г. писал: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку капитализму» (*Струве П. Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России*. СПб., 1894. Вып. I).

⁶² Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 376–377.

⁶³ Туган-Барановский М. И. Основная ошибка абстрактной теории капитализма К. Маркса // Научное обозрение. 1899. № 5; *Его же*. Трудовая ценность и теория прибыли // Научное обозрение. 1900. № 3.

⁶⁴ Немецкий журнал «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» («Архив социального законодательства и статистики»). М. И. Туган-Барановский опубликовал в этом журнале (1898, XII) свою статью на немецком языке «Die sozialen Wirkungen der Handelskrisen in England» («Социальные последствия торговых кризисов в Англии»).

говору сущий вздор. Это, разумеется, право каждого <...> но следовало бы, мне кажется, строго различать разногласия в вопросах общественных от разногласий в вопросах чисто научных. Я понимаю, что можно возненавидеть человека за первое — но за последнее, казалось бы, ненавидеть нельзя. А между тем, у нас совсем не умеют различать эти две области»⁶⁵.

В работах, опубликованных уже в начале XX в., в полтавский период жизни и позже, Туган-Барановский пытался выработать свой взгляд на проблему социального идеала и способов его достижения. Хотя, как уже отмечалось выше, капитализм, по мнению ученого, не мог умереть естественной смертью, и периодические промышленные кризисы были лишь своеобразным способом его исправления, Туган-Барановский до конца своих дней оставался социалистом, в отличие от Струве, который, как едко выразился Д. Н. Овсяннико-Куликовский, последовательно переходил «от одной немецкой доктрины к другой»⁶⁶. Это обстоятельство и обусловило в конце концов расхождение Туган-Барановского со Струве. Овсяннико-Куликовский верно подметил, что Туган-Барановский от марксизма «ортодоксального» и «еретического» прямо перешел к самостоятельному творчеству, и в его книгах и статьях «современная социалистическая мысль получила глубоко оригинальное выражение»⁶⁷. Уже с начала XX в., пытаясь отыскать совершенную модель общественного устройства, он основательно занимался изучением различных социальных теорий, в том числе и социалистических. Этому были посвящены многие работы: от «Очерков из истории политической экономики» (1901–1903) до «Социализма, как положительного учения» (1918). В них он отрицал претензию марксизма на научное социальное предвидение и доказывал, что идеи А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна и других так называемых социалистов-утопистов являются не менее научными, чем проекты К. Маркса и Ф. Энгельса.

От марксизма и тем более от большевизма Туган-Барановского отталкивала, прежде всего, теория классовой борьбы. К тому же он не

⁶⁵ Социал-демократическое движение в России М., Л., 1928. С. 44–45.

⁶⁶ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Предисловие к кн.: Туган-Барановский М. И. Нравственное мирозерцание Достоевского. Одесса, 1920. С. 1.

⁶⁷ Там же. С. 1–3.

поддерживал заключение о близком крахе капитализма. Правда, он допускал, что капитализму будет нанесен удар, но — в отдаленной перспективе, когда будет достигнут высокий уровень развития экономики. Кроме того, ученый критиковал марксизм с этических позиций. «Марксизм, — писал Туган-Барановский в 1909 г., — отвергал необходимость этического оправдания социализма и, конечно, не без достаточных оснований. Дело в том, что вся система общественной философии марксизма проникнута принципиальным отрицанием этики. Внеклассовую этику марксизм признает предрассудком, а классовая этика есть внутренняя невозможность. И потому марксизм вполне последовательно ставит на место морали классовый интерес. Получается очень стройное социологическое построение, в котором для этики в собственном смысле слова места нет. И если на практике марксизм не в силах удержаться на этом принципиальном аморализме, то в теории он твердо стоит на этой позиции». (С. 606.)

В поисках этического идеала Туган-Барановский обращался к учениям А. де Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, к философии И. Канта. В мировоззрении Канта его более всего привлекала концепция верховной ценности человеческой личности. «Как верховная цель в себе, человек не может быть обращен в средство для других целей»⁶⁸, — утверждал он, поскольку человек «есть цель в себе» и в качестве таковой не может служить средством «для той или другой воли, но всегда должен рассматриваться во всех своих действиях, направленных как на него самого, так и на другие разумные существа, как цель»⁶⁹. Отсюда, считал Туган-Барановский, вытекает идея равноценности каждой человеческой личности. «Отбросьте учение об абсолютной ценности человеческой личности — и все демократические требования нашего времени окажутся пустым разглагольствованием. Поэтому необходимо признать идею равноценности человеческой личности основной этической идеей современного социализма»⁷⁰. Туган-Барановский интересовался также нравственными идеями Ф. М. Достоевского. (С. 585–604.)

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 144. Карт. 8. Д. 59. Л. 11.

⁶⁹ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение // Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996. С. 265.

⁷⁰ Там же. С. 273.

В отличие от Маркса и марксистов⁷¹ Туган-Барановский много занимался историей социалистических идей, выяснением облика будущего социалистического строя. Уже в начале XX в. он опубликовал в журнале «Мир Божий» «Очерки из истории политической экономии», в которых были даны яркие портреты социалистов-утопистов Р. Оуэна, А. Сен-Симона, Ш. Фурье и др.⁷² В период Первой русской революции и вплоть до 1918 г. Туган-Барановский анализировал проблемы социализма, посвятив этому ряд крупных работ⁷³, главными из которых стали: «Современный социализм в своем историческом развитии» (1906) и «Социализм как положительное учение» (1918)⁷⁴. Причем последняя книга стала, по определению Е. И. Корольковой, своеобразным «научным прогнозом»⁷⁵. Аналогов этой работе в ортодоксальном марксистском и большевистском лагере создано не было.

⁷¹ М. И. Туган-Барановский писал: «Марксизм принципиально отрицает пользу и назначение подробных планов будущего устройства, усматривая в этом утопизм. Поэтому неудивительно, что ничего выдающегося в этой области марксизм не создал» (См.: *Туган-Барановский М. И.* Социализм как положительное учение... С. 297).

⁷² См.: Мир Божий. 1901. № 1–12; 1902. № 2–4, 7. Полностью его «Очерки из новейшей истории политической экономики и социализма» издавались в СССР, России и на Украине 9 раз (1903, 1905, 1906, 1907, 1916, 1919. М.; 1919, Харьков; 1996. М.; 2004, Донецк).

⁷³ *Туган-Барановский М. И.* Земельная реформа: Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905; *Его же.* Социалистическое учение об эксплуатации труда//Мир Божий. 1906. № 5; *Его же.* Что такое социализм?//Фридман М. И. О финансовом бойкоте. СПб., 1906; *Его же.* Как осуществится социалистический строй//Мир Божий. 1906. № 5; *Его же.* Русская интеллигенция и социализм (По поводу сборника «Вехи»)//Интеллигенция в России: Сб. ст. СПб., 1910; *Его же.* К лучшему будущему. СПб., 1912; *Его же.* Социалистические общины последователей Оуэна и Фурье//Вестник Европы. 1913. № 2; *Его же.* Социалистические общины нашего времени//Вестник Европы. 1913. № 3; *Его же.* Общественно-экономические идеалы нашего времени. СПб., 1913; *Его же.* В поисках нового мира. СПб., 1913; *Его же.* О русском социализме//Речь. 1913. № 213; *Его же.* Русская революция, кооперация и социализм//Вестник кооперации. 1917. № 2–3; *Его же.* Величайшая в мире коммунистическая организация (община духоборов). М., 1918.

⁷⁴ *Туган-Барановский М. И.* Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906 (Дрезден, 1908; Лондон, 1910; Париж, 1913; Киев, 1920; Прага, 1927; Нью-Йорк, 1966; Лихтенштейн, 1977); *Его же.* Социализм как положительное учение. Пг., 1918.

⁷⁵ Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С. 131.

Можно согласиться с известным экономистом Б. Д. Бруцкусом, высланным из России в 1922 г., который в те годы писал: «Если в русской литературе и сделана попытка конструировать социализм как положительное учение, то она принадлежит покойному М. И. Туган-Барановскому, которого, конечно, нельзя назвать ортодоксальным марксистом. Таким образом, приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал»⁷⁶.

Что же собой представляла модель социализма Туган-Барановского? Прежде всего нужно подчеркнуть, что он считал социализм «надисторическим идеалом человечества», осмысление которого стало начальным этапом развития общественной мысли. В своих работах он подробно рассматривает историю социалистических идей и предлагает свою классификацию различных систем социалистического строя. Туган-Барановский подразделял социализм в широком смысле слова на социализм в узком смысле (когда сохраняются товарно-денежные отношения) и коммунизм. Он выделял государственный, синдикальный, коммунальный и анархический социализм (в узком смысле) и государственный, коммунальный и анархический коммунизм⁷⁷.

Государственный (централистический) социализм и коммунизм характеризуются большой ролью государства и централизацией власти. Туган-Барановский считал основоположниками этого типа социализма учеников Сен-Симона (С.-А. Базара и Б.-П. Анфантена), а также К. Пекера и Э. Беллами. Наиболее ярким представителем государственного коммунизма он считал Э. Кабе⁷⁸.

Синдикальный социализм — это такая форма социализма, при которой средства производства находятся во владении не всего общества, а различных профессиональных рабочих групп. Самым выдаю-

⁷⁶ Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство // Новый мир. 1990. № 8. С. 177.

⁷⁷ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение // Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М. 1996. С. 275.

⁷⁸ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. С. 282–304.

щимся представителем синдикального социализма Туган-Барановский называл французского революционера Луи Блана⁷⁹.

Коммунальный (федералистический) социализм и коммунизм — это такая форма социализма и коммунизма, при которой хозяйственной единицей является община, коммуна. Создателем коммунального социализма он считал Ш. Фурье, а коммунального коммунизма — Р. Оуэна и его ученика У. Томпсона⁸⁰.

Анархический социализм и коммунизм являются крайней противоположностью централистическому социализму и коммунизму. Основателями данного направления были У. Годвин, П.-Ж. Прудон и П. А. Кропоткин. Крупнейшим из новейших анархистов Туган-Барановский считал Л. Н. Толстого⁸¹. По его мнению, анархический строй есть «безусловная невозможность».

Анализируя все эти типы социализма, Туган-Барановский пришел к выводу, что государство должно стать важнейшей хозяйственной организацией социалистического общества. Только при условии централизации возможны стройность, согласованность, пропорциональность во всех частях общественного целого. «Без централизации, — писал он, — не может быть и плановости целого, так как эта плановость может быть внесена в общество только подчинением его составных частей единому централизованному плану»⁸². И тогда общественный строй станет продуктом разумной воли человека и наиболее полно приспособится к общественным нуждам и потребностям.

Но Туган-Барановский отдавал себе отчет, что государственная централизация включает в себе и огромные опасности, которых необходимо так или иначе избегать. «Чем более централистически организовано общественное хозяйство и чем большие размеры приобретает эта организация, — рассуждал он, — тем больше опасности для свободы отдельных лиц. Централизм всегда несет с собой и бюрократизм — оторванность общественного механизма от тесного соприкосновения с действительной жизнью, игнорирование всех ин-

⁷⁹ Там же. С. 310–312.

⁸⁰ Там же. С. 313–331.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 363–364.

дивидуальных отличий ее. Соответственно этому возрастает и роль принудительного начала власти в строе общественной жизни. Таков неустрашимый грех всякого централизма»⁸³.

В связи с этим важно было бы выяснить отношение Туган-Барановского к марксистскому представлению о социализме. Отметив в гл. 3 о государственном социализме «централистический характер» марксистской модели социалистической организации, он больше к этому вопросу не возвращался и нигде не высказывал прямо своего отношения к идее Маркса о диктатуре пролетариата, не употреблял сам термин и не расшифровывал его суть. Любопытно, что говоря об анархизме и его теоретиках Прудоне, Годвине и Кропоткине, Туган-Барановский не упоминает Бакунина — одного из первых революционеров-социалистов, кто дал в ряде работ, и прежде всего в книге «Государственность и анархия» (1873), аргументированную критику марксистской трактовки социализма. Невозможно допустить, что Туган-Барановский не читал этой работы Бакунина и не знал его аргументов против этой марксистской (как показали дальнейшие события, чрезвычайно опасной) идеи, тем более, что о Бакунине он писал в своих «Очерках из истории политической экономики» еще в 1902 г. (в очерке «К. Маркс»). (С. 542.) Из очерка видно, что симпатии Туган-Барановского скорее на стороне Бакунина, нежели Маркса. Не вызывает сомнений, что он был осведомлен о сути конфликта Маркса и Бакунина в I Интернационале, но приходится признать, что Туган-Барановский оказался менее проницательным и дальновидным, чем Бакунин. Кстати сказать, и Бернштейн в своей программной книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1898) также ничего не писал о диктатуре пролетариата.

Говоря о преимуществах централизма и даже о том, что государственный социализм имеет предпочтение перед другими системами, Туган-Барановский все же обращает внимание на его «невыгодные стороны», заключающиеся «в подавлении личности»⁸⁴. Вывод он делает следующий: необходим известный компромисс между различными социалистическими системами: «Централистическая система не

⁸³ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение. С. 364.

⁸⁴ Там же. С. 366.

может быть отвергнута, но она должна быть дополнена и ограничена системами федералистическими, представлявшими больше свободы человеческой личности»⁸⁵. Для этого государственный социализм должен быть дополнен муниципальным социализмом. Каждая муниципальная организация должна иметь свое собственное хозяйство. «Центральная государственная власть должна брать на себя лишь то, что явно не по силам муниципалисту»⁸⁶. Это первый, как указывает Туган-Барановский, «корректив к централизующему началу государственности», однако далеко не достаточный.

Сильной стороной синдикального социализма являлось то, что производственный процесс подпадал под непроизводственный контроль рабочих, занятых в производстве. В этом случае, подчеркивал Туган-Барановский, свобода рабочего гораздо более обеспечена, чем при государственной организации производства⁸⁷. Он также считал, что наряду с принудительным началом организации производства возможна и свободная его организация: «Такой свободной хозяйственной организацией нашего времени является в большей или меньшей степени вся область кооперации»⁸⁸.

В социалистическом государстве власть составляет ежегодный бюджет и берет на себя снабжение своих граждан продуктами, в которых они нуждаются. Для этого требуется самая детальная статистика общественного потребления и производства, статистика, охватывающая «все народное хозяйство во всех его мельчайших деталях, и статистика непрерывная, ибо общественное производство и потребление является непрерывно продолжающимся процессом, колеблющимся и изменчивым». Причем всякая неточность статистического учета будет давать о себе знать существенным расстройством общественного хозяйства, так как все это хозяйство будет основываться на статистическом учете. «Каким талантом должен обладать министр социалистического государства, — замечает М. И. Туган-Барановский, — чтобы управлять всем огромным механизмом <...> и управлять так, чтобы, не нарушая свободы каждой отдельной личности и, в

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 367.

⁸⁷ Там же. С. 368.

⁸⁸ Там же. С. 369.

то же время, подчиняя действия отдельных лиц интересам целого, удовлетворять всем общественным потребностям!». Если это управление будет происходить плохо, то в результате получится полное расстройство общественного хозяйства, могущее привести к полной его остановке. Дефицит продуктов может стать хроническим, диспропорции в развитии экономики окажутся более значительными, чем при капитализме.

С другой стороны, в социалистическом обществе все будут получать примерно равный доход. Исчезнет, таким образом, стимул к жизни. Это приведет к понижению производительности труда. Избежать этого можно, только принципиально изменив природу человека. У него должны появиться стимулы совершенно иного рода: чувство солидарности каждого с остальными людьми, преданность общим интересам, чувство долга, увлечение красотой и привлекательностью труда. В конечном итоге эти стимулы могут с успехом заменить грубые стимулы капиталистического общества. Но «в неподготовленной социальной среде социализм, вместо того, чтобы стать царством свободы и всеобщего богатства, должен стать царством рабства и всеобщей нищеты»⁸⁹.

По мнению Г. Н. Сорвиной, Туган-Барановский нарисовал черты «своеобразной системы рыночной экономики», с денежным хозяйством и со всеми его атрибутами — рынком, ценностью, стоимостью, ценами, деньгами. Потребление, по Туган-Барановскому, регулируется доходом. «Государство нормирует доходы», но, как отмечает Сорвина, «существует (в рамках дохода) свобода выбора — именно в наличии последней Туган-Барановский усматривает особую значимость денежного хозяйства»⁹⁰. Вывод: «речь идет о первой в истории социалистических идей модели рыночного социализма». И в качестве аргумента исследователь проводит эпизод из воспоминаний Н. Валентинова (Вольского). «Я, — писал Валентинов, — никогда не мог себе представить ведение современного хозяйства без денежной системы, т. е., в сущности, без фактора оценки. Когда в 1898 г., будучи студентом, я сказал профессору

⁸⁹ Указ. соч. С. 426.

⁹⁰ Сорвина Г. Н. Экономист серебряного века // Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. М., 1997. С. 43–44.

М. И. Туган-Барановскому (это он был моим первым учителем марксизма), что не представляю себе, как социалистическое общество может обойтись без денег, то он мне ответил: А вы об этом не думайте, это же глупость!»⁹¹.

На мой взгляд утверждение, что Туган-Барановский был первым автором «модели рыночного социализма», еще нуждается в обосновании. Правда, косвенным подтверждением данной версии является его брошюра «Русская революция и социализм», опубликованная в Петрограде в 1917 г. В ней он приходит к выводу: «До социализма современная Россия, безусловно, не созрела». (С. 641.)

По мнению Туган-Барановского, есть только один путь развития России, который связан со следующими условиями:

- власть в руках социалистов без проведения глубоких социалистических преобразований: «О социализации всех фабрик думать в настоящее время не приходится»;
- государство будет регулировать отношения между трудом и капиталом; власть определяет размер заработной платы рабочего и продолжительность рабочего дня;
- крестьянское трудовое хозяйство должно быть связано с кооперацией в мощные союзы и объединения;
- в городе — государственный «урегулированный» капитализм, ограниченный в своих правах интересами всего общества и контролем рабочего класса.

Общий вывод таков: «двигаясь в сторону социализма и постепенно приближаясь к последнему, Россия все же в ближайшем будущем не станет социалистической страной». (С. 644.)

С разработкой оптимальной модели социалистического общества связаны и исследования Туган-Барановского в области кооперации. Активно заниматься этими проблемами он стал с 1909 г., когда начал издавать в Петербурге в то время единственный в мире специализированный журнал «Вестник кооперации». Этот журнал был посвящен вопросам кооперативной теории, тогда как западноевропейская кооперативная печать носила преимущественный практический характер. Журнал выходил до 1918 г. включительно. За 10 лет Туган-

⁹¹ Там же. С. 44.

Барановский опубликовал более 30 статей⁹² и две книги по кооперации: в 1913 г. вышла его книга «Экономическая и социальная природа кооперативов», а в 1916 г. — обобщающее фундаментальное исследо-

⁹² Туган-Барановский М. И. Производительные артели с точки зрения социальной политики (доклад к предстоящему в Санкт-Петербурге в 1910 г. Съезду деятелей по кустарной промышленности)//Вестник кооперации. 1909. № 3; *Его же*. Кооперация свободная, опекаемая и принудительная//Речь. 1909. № 342; *Его же*. Прежде и теперь [О поддержке марксистами кооперативного движения]//Речь, 1910. № 14; *Его же*. Определение и классификация кооперативов//Вестник кооперации. 1911. № 2; *Его же*. Новая опасность для русской кооперации//Речь. 1911. № 54; *Его же*. О кооперации//Речь. 1911. № 58; *Его же*. Экономическая природа кооперативов//Вестник кооперации. 1912. № 1; *Его же*. Ответ М. Л. Хейсину (О природе дохода кооперативных предприятий)//Вестник кооперации. 1912. № 3; *Его же*. Кооперация//К лучшему будущему. СПб., 1912; *Его же*. Кооперация и ее социальный смысл//Современная иллюстрация (беспл. Приложение к газ. «Современное слово»). 1913. № 10. Тематический выпуск «Кооперация в России и на Западе»; *Его же*. О русском социализме//Речь. 1913. № 213; *Его же*. Классовый характер сельскохозяйственной кооперации//Вестник кооперации. 1913. № 7; *Его же*. Экономическая и социальная природа кооперативов//Курсы по кооперации. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А. Л. Шанявского, 1913. С. 1–11; *Его же*. Экономическая и социальная природа кооперативов. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А. Л. Шанявского, 1913. (2-е изд. — М., 1914; 3-е изд. — 1914; пер. на польск. яз.: Варшава, 1918; 4-е изд. — М., 1918); *Его же*. Предисловие. [О трудовой колонии-общине]//Криничане. Четверть века «Криницы». Киев, 1913; *Его же*. Еще о природе кооперации: Ответ Е. Левину//Вестник кооперации. 1914. № 8; *Его же*. Производительные артели//Вестник кооперации. 1915. № 4; *Его же*. Мелкобуржуазная кредитная кооперация//Вестник кооперации. 1915. № 6; *Его же*. Ремесленная кооперация//Вестник кооперации. 1915. № 4; *Его же*. Классовая природа кооперации и принцип политического нейтралитета//Вестник кооперации. 1915. № 9–10; *Его же*. Русская кооперация и заем свободы. Пг., 1917; *Его же*. Русская революция, кооперация и социализм//Вестник кооперации. 1917. № 2–3; *Его же*. Всероссийский кооперативный съезд//Вестник кооперации. 1917. № 2–3; *Его же*. Земельная реформа и кооперация//ВК (Пг.). 1918. № 1–2; *Его же*. Земельная реформа и кооперации. Тверь, 1918; *Его же*. Русская земельная реформа и кооперация//Вестник кооперативных союзов. 1918. № 1; *Его же*. Крестьянская кооперация на Западе. Тверь, 1918; *Его же*. О кооперативном идеале//Вестник кооперативных союзов. 1918. № 1; *Его же*. О кооперативном идеале. М., 1918 (2-е изд. — Киев. 1918); *Его же*. Остання мета кооперації//Українська Кооперація (Київ), 1918. № 1; *Его же*. Продукційні підприємства кооперативів з точки погляду кооперативної теорії//Українська кооперація (Київ), 1918. № 2; *Его же*. То же (Отд. изд.). Київ, 1918; *Его же*. О новых книгах: В. П. Гайдебурова «Социальная природа прибыли» и К. А. Пажитного «История кооперативной мысли»//Вестник кооперации. 1918. № 3–4; *Его же*. Грошова криза української кооперації//Українська кооперація. 1918. № 4; *Его же*. Выступление на III Всеукраинском кооперативном съезде в Киеве//Центральні Українські Кооперативні зїзди у Києві. Протоколи засіданій...

вание «Социальные основы кооперации»⁹³. К этому надо добавить, что еще ранее была опубликована книга «Земельный вопрос на Западе и в России», тематически связанная с проблемами кооперации⁹⁴.

Главная работа Туган-Барановского — «Социальные основы кооперации» — выдержала пять изданий в нашей стране, издавалась она и за рубежом — в Берлине, Праге, Варшаве и Тель-Авиве (на иврите). Пятое отечественное издание (1989) было осуществлено в годы развития кооперативного движения и накануне распада СССР. Оно стало первым переизданием работ Туган-Барановского в нашей стране после более чем полувекового перерыва.

Туган-Барановский считал, что в отличие от капитализма, который рождается стихийно, т. е. «сам собою», кооперация была создана «искусственно», в результате влияния на капиталистическое общество социалистического идеала. Поэтому понимание кооперации невозможно без знакомства с «социалистическим идеалом». (С. 54–55.) Уже в первой главе дается характеристика социалистического идеала и форм социалистического строя, которая в дальнейшем (в 1918 г.) в более развернутом и аргументированном варианте была повторена в труде «Социализм как положительное учение» (см. об этом выше).

Киев, 1918 (*М. И. Туган-Барановский*: С. 18, 79–80); *Его же*. Чи потрібні Україні свої національні кооперативні центри//Кооперативна зоря. Київ. 25 сентября 1918. № 13–14; *Его же*. Кооперация, соціально-економічна природа її та мета. Київ, 1919 (То же. 2-е изд. — Львів, 1936); *Его же*. Кооперация в сучасну світову епоху//Українська кооперация (Київ). 1919. № 2.

⁹³ *Туган-Барановский М. И.* Экономическая и социальная природа кооперативов. М., 1913 (2-е перераб. изд. — М., 1914; пер. на польск. яз.: Варшава, 1918; То же//Курсы по кооперации. М., 1918); *Его же*. Социальные основы кооперации. М., 1916 (2-е изд. — М., 1918; 3-е доп. изд. — М., 1919; пер. с рос. с 3-го доп. изд.: *Шестир Е.* Що таке кооперация. Київ, 1920; 4-е изд. — М., 1922; изд. 2-е (5-е) — Берлин, 1921; 5-е изд. — М., 1989; пер. на польск. яз.: Варшава, 1918 и 1923; пер. на чешск. яз.: Прага, 1930; пер. на язык иврит: Тель-Авив, 1937; То же (1-я глава)//Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века: Избранные произведения/Подгот. под рук. академика Л. И. Абалкина. Сост. и вступит. Статья Я. И. Кузьмина. 1994; То же (Характер дохода кооперативных предприятий) [фрагменты из книги]/Творцы кооперации. Сб./Сост. Л. А. Самсонов. М., 1991.

⁹⁴ *Туган-Барановский М. И.* Земельная реформа: очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905; *Его же*. Земельный вопрос на Западе и в России//Энциклопедический словарь братьев А. и И. Гранат. 7-е изд. Т. 21. С. 51–149; *Его же*. Земельный вопрос на Западе и в России. М., [191?].

Однако, как полагал Туган-Барановский, было бы «очень ошибочно» смешивать кооперацию с социализмом и социалистическими и коммунистическими общинами Ш. Фурье и Р. Оуэна. Коммунистические общины Оуэна (фаланги Фурье существовали только в его воображении) были задуманы как орудие социального преобразования всего человечества и просуществовали недолго. Кооператив же есть прежде всего хозяйственное предприятие, и в этом качестве мало чем отличается от других хозяйственных организаций капиталистической системы. (С. 78–80.) Но все же, считал Туган-Барановский, кооператив является предприятием «не капиталистического типа», в нем скрывается совершенно иное содержание: «Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом». (С. 80.)

Капиталистическое предприятие существует для извлечения прибыли. И тут Туган-Барановский ссылается на марксистскую формулу, определяющую сущность капитализма: «капитал <...> — это ценность, создающая прибавочную ценность»⁹⁵. Что касается кооператива, то он является детищем двух совершенно противоположных общественных систем — капитализма и социализма, поэтому и душевные качества кооператора представляют своеобразное сочетание противоположных этических начал эгоизма и альтруизма.

В характеристике Туган-Барановского «кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на потребительские нужды». (С. 111.) Отсюда вытекает следующая мысль: кооператив, по сути, есть организация трудящихся классов в их борьбе с капиталистами. Поэтому

⁹⁵ В данном случае под термином «ценность» Туган-Барановский понимал термин «стоимость», принятый сейчас в нашей литературе. Именно так он переводил с немецкого языка слово «Wert» и считал перевод ряда терминов «Капитала» Маркса, сделанный Н. Даниэльсоном и В. Любавиным, неточным. Поэтому с точки зрения Туган-Барановского в «Капитале» речь идет не о трудовой стоимости, а об абсолютной трудовой ценности. См.: *Зверяков М. И., Гринчук В. Г.* Некоторые аспекты теорий стоимости/ценности и кооперации. М. И. Туган-Барановский // М. И. Туган-Барановский: особистість, творча спадщина, сучасність. Донецьк, 2007.

ничего не может быть фальшивее рассуждений многих проповедников кооперации о ее неклассовом характере: «Кооперативы всегда были и остаются организациями классовыми, организациями трудящихся классов». (С. 111.) Туган-Барановский рассматривал кооперацию как одну из форм самозащиты трудящихся классов от натиска капитала. Самозащита может вестись двумя способами: путем непосредственной борьбы с их антагонистами и путем конкуренции с последними. Отсюда и вытекают три основных русла современного рабочего движения — профессиональное, политическое и кооперативное. Первый способ реализуют профессиональное и политическое направления, второй способ — кооперативное. (С. 111–112.)

В своих работах Туган-Барановский дал классификацию кооперативов как хозяйственных предприятий. Он пришел к выводу, что кооперативы делятся на два рода: 1) кооперативы в области владения и 2) кооперативы в области труда. В соответствии с этой классификацией он выделил, но уже по классовому признаку, три формы кооперативного движения: пролетарскую, крестьянскую и мелкобуржуазную кооперации. По его мнению, в пролетарском кооперативе хозяином выступает большая группа рабочих, между тем как работает по найму в этом кооперативе только незначительная часть рабочих. Поэтому в таком кооперативе существует противоположность интересов наемного персонала и хозяев, но она не носит классового характера. К разряду пролетарских обществ Туган-Барановский относил потребительские кооперативы, домостроительные, производительные и трудовые артели. Но, по его мнению, наиболее жизнеспособной формой в условиях капитализма является потребительский кооператив. В то же время производительные артели, к которым вожди социалистического движения (Маркс и Лассаль) относились с большой симпатией, оказались наименее жизнеспособными.

Туган-Барановский подробно проанализировал причины неудач производительных артелей на Западе и в России. Он оспорил мнение Маркса, что потребительские общества «чужды социализму». «Теперь, — писал он, — нам ясно, что в этой сравнительной оценке производительной артели и потребительского общества скрывалась глубокая ошибка». (С. 254.) Правда, артель из всех кооперативов всего дальше стоит от капитализма, поскольку она от-

рицает естественное основание его — наемный труд. Но другими своими сторонами, отмечает далее Туган-Барановский, именно производительная артель, действующая в условиях капитализма, наиболее приближается к капиталистической организации, превращая рабочих в предпринимателей и пропитывая их капиталистическим духом.

В противовес этому потребительское общество («столь антипатичное Марксу»), согласно оценке Туган-Барановского, ближе всего, по своему типу, к социалистическому обществу». Ибо социалистическое общество является организацией, имеющей своей задачей обеспечение своим членам в равной мере наибольшего благосостояния, ввиду чего производительные силы подчиняются общественному контролю в интересах общественного целого. «Точно так же и в потребительском обществе, — подчеркивает Туган-Барановский, — данная хозяйственная организация создается в интересах наилучшего потребления всех, а производство регулируется интересами потребления». (С. 255.) Туган-Барановский в подтверждение своего тезиса ссылается на Каутского, который рисовал социалистическое общество, как потребительское, «вытеснившее капиталистическое хозяйство и охватившее все население страны». Впрочем, считал Туган-Барановский, «не следует думать, будто потребительская кооперация сама по себе может привести к крушению капиталистической системы хозяйства». (С. 488.) Однако, по его мнению, «социалистическое общество может быть построено на разных основаниях». (С. 255.) Последнее, мне кажется, особенно важным для понимания представления о социалистическом идеале Туган-Барановского.

Весьма актуальным представляется анализ Туган-Барановским крестьянской кооперации. Он не случайно употребляет термин «крестьянская кооперация». В этом его отличие от марксистов и, прежде всего, Ленина, которые рассматривали значительную часть крестьянства только как мелких буржуа.

Исследовав огромный фактический материал (кооперация в Германии, Франции, Англии, Италии, Дании и России), Туган-Барановский пришел к выводу, что характерными чертами кооперации являются самостоятельность и самодеятельность. Государство не должно вмешиваться в хозяйственные дела кооперативов, хотя последние могут

принимать помощь со стороны государства. (С. 517–518.) Такова, по мнению Туган-Барановского, должна быть связь между государством и кооперацией. Эту мысль он иллюстрирует историей развития сельскохозяйственной кооперации в Германии, где она находилась в зависимости от государства и потому не смогла проявить все свои преимущества.

Другим важным условием успешного функционирования всякого кооператива, в особенности, крестьянского, Туган-Барановский считал добровольное вступление в общество. «Только при полной свободе участия в кооперативе, — подчеркивал он, — последний может успешно достигать своих целей: такова основная сущность кооперации. Поэтому кооператив отнюдь не может желать, чтобы к участию в нем привлекались лица, которые сами по себе, без внешнего давления не вступили бы в его состав...». (С. 501.)

Туган-Барановский полагал, что кооперация не должна подавлять индивидуальное крестьянское хозяйство. По его мнению, полное поглощение индивидуального сельскохозяйственного производства общественным возможно только в производительных артелях, которые в земледелии имеют не большее распространение, чем в промышленности, то есть «практически никакого». И в этой связи он ссылаясь на Италию, где имелись «довольно сильные арендные товарищества с общей обработкой земли». (С. 344.) Но эти артели отнюдь не могут считаться самостоятельными хозяйственными предприятиями и служат целям совершенного иного рода — давать подсобный заработок сельскохозяйственным рабочим, временно потерявшим работу. Следовательно, эти артели являются одной из форм помощи безработным и не преследуют самостоятельных хозяйственных целей. «Таким образом, следует без всяких ограничений признать, — делает общий вывод Туган-Барановский, — что крестьянская кооперация ни малейшим образом не разрушает крестьянского хозяйства и не превращает его из индивидуального в коллективное. Какое бы широкое распространение ни получила в крестьянской среде кооперация и как бы ни развивалась вглубь, она не может ослабить крестьянского хозяйства. Наоборот, кооперация имеет тенденцию укреплять крестьянское хозяйство, ибо развитие различных форм кооперативной самопомощи приводит к тому, что

стоящая в центре их крестьянская ячейка получает новые источники силы». (С. 344.)

В написанной в 1918 г. главе «Русская земельная реформа и кооперация» речь шла о ликвидации помещичьего землевладения и перспективах развития российской деревни. Туган-Барановский приветствовал ликвидацию помещичьей земельной собственности, считая это актом «социальной справедливости», «правильного нравственного сознания», (с. 385), и увязывая этот процесс с уровнем производительности труда в сельском хозяйстве. Он указывал на то, что раздел крупного помещичьего имения на мелкие участки имеет тенденцию создавать и недостаток сельскохозяйственного инвентаря. Последнее угрожает «совершенно обессилить наше сельское хозяйство и оставить город без продовольствия». Поэтому, чтобы не привести Россию к экономической катастрофе, необходимо провести различные мероприятия, которые бы дали новым земельным владениям возможность вести на прежней помещичьей земле не менее производительное хозяйство, чем вели помещики. «На первом плане среди этих мероприятий, — говорит он, — должны стоять меры по развитию кооперации». По мнению Туган-Барановского, теоретически вполне мыслимо на месте крупного помещичьего и в принципе капиталистического производства создать крупное кооперативное сельскохозяйственное производство. «Это, — говорит он, — было бы самым желательным разрешением сельскохозяйственного кризиса, угрожающего ныне России». (С. 390.) Это было бы желательно и с точки зрения социалистического идеала.

Вместе с тем крупное сельскохозяйственное производство не должно представлять государственную ферму, ради которой крестьянин не согласится бросить свое самостоятельное хозяйство. «Другое дело — земледельческая артель, — пишет он. — Здесь крестьянин не порывает со своим хозяйством и только его расширяет, включая в него и своих односельчан <...> Поэтому земледельческая артель является, говоря теоретически, наиболее естественным переходом от хозяйства мелкого сельского производства к социалистическому хозяйству». Но далее Туган-Барановский делает очень прозорливое и неожиданное заключение: «Тем не менее я не возлагаю больших надежд на земледельческие артели и думаю, что на практике с артелями считаться почти не придется»; «вероятнее всего, что

число членов земледельческих артелей будет считаться немногими тысячами. В лучшем и весьма мало вероятном случае таких членов будут сотни тысяч. На миллионы же рассчитывать уже никак не приходится. И потому даже в наиболее благоприятном случае земледельческие артели охватят лишь ничтожную долю крестьянских хозяйств». (С. 391, 393.) Жизнь показала его правоту⁹⁶.

Тем не менее, считал Туган-Барановский, многие виды кооперации должны получить чрезвычайное развитие в деревне. Это, прежде всего, производительно подсобные артели, которые ранее в русской деревне играли совершенно ничтожную роль. Артели способствовали бы снабжению крестьян сельскохозяйственным инвентарем, в том числе и сельскохозяйственными машинами, например, молотилками и т. д. Однако «кооперативное владение лошадьми и скотом организовать было бы нелегко». (С. 395.)

В России в XIX — начала XX в. существовали маслодельные артели, которые делали большие успехи. Можно было бы, полагал Туган-Барановский, по их примеру создать еще кооперативные свеклосахарные заводы. (С. 395–397.) Необходимо также перестроить кредитные товарищества по типу действительно самодеятельной кооперации и придать им черты райффайзеновских товариществ, тем более, что потребность в кредите в связи с земельной реформой «будет громадна». (С. 398.) Следует также развивать закупочные кооперативы и кооперативы по сбыту сельскохозяйственной продукции. «Только под знаком кооперации, — писал Туган-Барановский, — русская революция может отстоять свои завоевания»⁹⁷.

Туган-Барановский рассматривал и мелкобуржуазную кооперацию. Ее наиболее совершенным типом он считал лондонские чиновничьи общества потребителей. Сравнение организаций чиновничьих и пролетарских потребительских обществ, с его точки зрения, лучше всего выясняет классовую природу кооперации. Потребительское общество чиновников не может считаться кооперацией чистого типа, оно служит не интересам массы потребителей, а прежде всего интересам капитала. Хозяевами их являются только

⁹⁶ См.: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. С. 46–49.

⁹⁷ *Туган-Барановский М. И.* Земельная реформа и кооперация // Вестник кооперации. 1918. № 1–2. С. 3.

акционеры, составляющие небольшую долю участников этих обществ. Таким образом мелкобуржуазная кооперация не тяготеет ни к коллективизму (государственному социализму), ни к какой-либо иной новой хозяйственной системе: «Более всего она тяготеет к чисто капиталистическим организациям и нередко при благоприятных условиях испытывает капиталистический метаморфоз — превращается в капиталистические предприятия». Таково было развитие одной из самых характерных форм мелкобуржуазных кооперативов на Западе — народных банков Шульце в Германии, которые, как показывал Туган-Барановский, превращаются в обычные капиталистические банки. Точно также и потребительские общества мелкобуржуазного типа легко принимают формы, «мало уклоняющиеся от обычных акционерных компаний». Внутренний дух пролетарских и чиновничьих обществ глубоко различен. Пролетарские общества возглавляют идейные люди, сознающие себя участниками великого общественного движения, а директора и администраторы чиновничьих обществ видят в своей деятельности только оплачиваемую службу подобно всякой другой. Следовательно, делает вывод Туган-Барановский, кооперация в каждой из своих основных классовых ветвей имеет различные тенденции развития: «Отсюда ясна невозможность объединения всего кооперативного движения в одну организацию и неустранимость внутренних трений между кооперативами, представляющими кооперативы различной классовой природы». (С. 492.)

Туган-Барановский критиковал господствовавшие тогда представления о кооперативах, как надклассовых организациях, отмечая, что вполне «внеклассовых общественных организаций <...> так же мало, как и организаций, построенных только на классовом начале». (С. 486.) Он обосновал тезис о том, что «... классовый состав кооперативов, в общем более определен, чем классовый состав политических партий, и кооперация преследует в более чистом виде определенные классовые интересы, чем политические партии». (С. 487–488.)

Туган-Барановский высказывался в пользу политической нейтральности кооперативного движения. В состав партии и кооператива могут входить одни и те же лица, «но крайне важно, чтобы формальной юридической связи между обеими организациями не было,

так как только таким образом может быть достигнута полная свобода роста кооперации». (С. 503.) Вместе с тем признание политического нейтралитета кооперации, в его представлении, «еще неравносильно требованию полного отказа кооперации от участия в политической жизни». Напротив, Туган-Барановский подчеркивал, что кооперация не только может, но и должна принимать участие в политике, когда дело идет о защите, законодательным путем, ее жизненных интересов. Равным образом и члены кооператива, за его пределами, участвуют, в качестве правоспособных граждан, в политической жизни страны.

* * *

Творческое наследие Туган-Барановского весьма богато и многогранно. За свои 54 года он написал более 30 фундаментальных книг и множество статей по различным проблемам политэкономии, истории и философии. В рамках данной вступительной статьи не представляется возможным проанализировать весь комплекс его содержательных идей. Так, в стороне остался анализ его экономических воззрений. Несмотря на появление интересных работ Г. Н. Сорвиной, Б. В. Корнейчука и других, эта тема еще ждет своего исследователя⁹⁸. Думаю, что немалое значение для нашего времени представляет его теория денег, изложенная в книге «Бумажные деньги и металл»⁹⁹. В ней помимо важных теоретических выводов (предвосхитивших на два десятилетия концепцию Дж. М. Кейнса) была изложена антиинфляционная программа для послевоенной России. Мне также кажется, что в работах Туган-Барановского содержится ответ на дебатиремый сейчас вопрос, почему в России все еще нет так называемого «среднего класса». По мнению Туган-Барановского, это связано с отсутствием в России, в отличие от стран Запада, мелкой буржуазии¹⁰⁰.

⁹⁸ Корнейчук Б. В. Экономические воззрения М. И. Туган-Барановского. СПб., 2008; Сорвина Г. Н. Экономист серебряного века // Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. М., 1997.

⁹⁹ Туган-Барановский М. И. Бумажные деньги и металл. М., 1917.

¹⁰⁰ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем; Его же. Русская революция, социализм и кооперация // Вестник кооперации. 1917. № 2–3; Его же. Русская революция и социализм // Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996.

В качестве заключения приведу слова академика Д. Овсяннико-Куликовского из некролога о М. И. Туган-Барановском: «Есть люди, у которых на всю жизнь сохраняются лучшие черты детской психики: радость бытия, непосредственность переживаний, свежесть впечатлений, искренность и наивность душевного выражения. Конечно, эти черты даны у них не в своем первоначальном, подлинно-детском состоянии, а в перерожденном, или преобразованном виде, но, при всем том, самая-то суть психологии детства остается в сохранности. Такие натуры в большинстве случаев бывают чрезвычайно привлекательны. Преимущества детской души сочетаются у них с преимуществом зрелого возраста. Опыт лет, налагающий на душу печать серьезности, деловой озабоченности, скрашивается у них незаглушимым предрасположением к очарованию сказок жизни. Мироотношение у них, соответственно возрасту, зрелое, а мироощущение — детское, то есть неувядавшее, непоблекшее <...> В напряженной работе мысли просвечивают черты, напоминающие детскую задумчивость. Среди ученых, мыслителей, художников натуры этого рода встречаются нередко, и можно думать, что так называемая гениальность почти всегда сопряжена с большей или меньшей сохранностью лучших черт детской психики. Они были ярко выражены у Руссо, у Гете, у Пушкина, у Гоголя.

Вот именно к числу натур этого рода принадлежал и покойный М. И. Туган-Барановский. Детское выражалось у него, так сказать, непроизвольно и очаровательно — в житейском обиходе, в отношениях к людям, к делам, к идеям, в некоторых чертах характера, в навыках и приемах мысли. Свежестью и цельностью души веяло от его обаятельной личности. Он любил детей и детские игры, — мог по-детски — серьезно радоваться удачному для него исходу игры и столь же серьезно огорчаться при неудаче. Этой забавной чертой, как нельзя лучше, оттеняется непосредственность, свежесть восприятий, натуральная наивность переживаний. Таков же он и в своей ученой и литературной работе. Читайте его книги... Вы не найдете там и следа той, я бы сказал, «психической нахмуренности», какой отличаются натуры, утратившие благодать «вечнодетского». Взамен вы увидите душу, неомраченную житейским скептицизмом, приемлющую мир, как он есть, и переисполненную несокрушимой верой в силу и торжество добра»¹⁰¹.

¹⁰¹ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Предисловие к кн.: Туган-Барановский М. И. Нравственное миросозерцание Достоевского. Одесса, 1920. С. 2–4.

Размышляя о Михаиле Ивановиче, его жизненном пути, мне иногда кажется, что я его хорошо понимаю. Понимаю так, что даже сейчас мог бы мысленно вести беседу с ним, задавая вопросы и получая ответы. Кстати, именно такой совет дал моему отцу после смерти деда Д. Н. Овсяннико-Куликовский: «Мысли не умирают, и с родным человеком можно общаться после его смерти». Не умирают и книги, в которых содержатся мысли, и это дает возможностям читателям вступать с ученым в заочный диалог.

*Д. М. Туган-Барановский,
доктор исторических наук, профессор*

М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ИЗБРАННОЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КООПЕРАЦИИ

Предисловие к первому изданию¹

Кооперативное движение до сих пор еще недостаточно изучено наукой. Литература по кооперации очень велика, но в огромном большинстве случаев она имеет характер не столько научного анализа этой новой формы хозяйства, завоевывающей себе столь видное место в хозяйственном строе современности, сколько более или менее убедительной пропаганды кооперации. Поэтому, несмотря на чрезвычайное обилие книг, брошюр и статей, посвященных вопросам кооперации, в научных трудах, исследующих те же вопросы, избытка не замечается.

Правда, можно указать и на русском, и на других языках ряд работ, являющихся научными исследованиями тех или иных сторон кооперативного движения. Но всякий, знакомый с литературой вопроса, согласится, что число таких работ весьма ограничено. В частности, ни на русском, ни на других языках не имеется книги, которая ставила бы себе задачей дать общую теорию кооперативного движения во всех его многосложных проявлениях и могла бы служить общим курсом для ознакомления с кооперацией.

Между тем потребность в такой обобщающей работе чувствуется очень сильно, и в особенности в России. Последнее потому, что русское кооперативное движение развивается в существенно иных условиях, чем аналогичное движение на Западе. А именно на Западе кооперация является движением народных масс, в котором участие интеллигенции сравнительно невелико. У нас же кооперация хотя и охватила миллионы населения, все же находится под сильным влиянием интеллигенции, действующей в данном случае под влиянием соображений идейного характера, желая служить интересам трудящихся классов.

При таком характере нашего кооперативного движения мы более нуждаемся в разработке кооперативной теории, выясняющей смысл и задачи движения, чем кооператоры Запада, более стоящие на почве ближайших практических нужд. Это подтверждается и характером нашей кооперативной прессы. Так, например, ни в одной стране нет кооперативного органа, подобного по своим заданиям «Вестнику

кооперации», специально разрабатывающему вопросы кооперативной теории, в то время как западно-европейская кооперативная печать носит преимущественно практический характер.

В книге, предлагаемой вниманию читателя, автор ставит себе задачей посылить восполнить указанный пробел. По мысли автора, книга эта должна быть одновременно и учебным курсом для ознакомления с социальными основами кооперации, и попыткой общей теории кооперативного движения.

Такое соединение в одной книге двух по существу различных задач — научное исследование определенного вопроса и учебного руководства — может вызывать возражения. Однако в пользу этого соединения в данном случае можно сказать очень многое и прежде всего то, что если данный круг вопросов еще мало изучен наукой, то и учебное руководство, чтобы достигать своих целей, должно по необходимости принять характер самостоятельного научного исследования тех же вопросов.

Неудобство названного соединения все же остается, в особенности если автор приходит к выводам, расходящимся с общественными взглядами. В таком положении нахожусь и я: изучение кооперации привело меня к заключению, что столь распространенное среди кооператоров мнение о внеклассовом характере кооперативного движения не соответствует фактам. Пока я не присмотрелся к фактам более пристально, я держался господствующего взгляда; но исследование данного вопроса заставило меня самым решительным образом признать справедливость противоположного тезиса. И потому я должен быть готов встретить недоброжелательную критику со стороны большинства. Критика эта может помешать педагогическим целям моей книги, но отказаться от своих выводов, как бы резко они ни противоречили господствующим мнениям, я не мог и не хотел.

Чтобы сделать свою книгу возможно более общедоступной, я старательно избегал внешнего вида ученой работы — подстрочных примечаний, многочисленных цитат и пр. Книга потребовала от меня довольно продолжительного труда, но мне хотелось бы, чтобы читалась она легко и была доступна пониманию даже малообразованного читателя.

В кооперации не должно быть ученых жрецов, голоса которых не доходят до толпы. Кооперативное движение глубоко демократично, и соответственно этому всякая книга, посвященная во-

просам кооперации, должна быть такова, чтобы ее при желании мог прочесть и понять всякий человек из народа.

1 дек. 1915 г. Петроград

Предисловие ко второму изданию

Первое издание этой книги встретило столь сочувственный прием в нашей кооперативной прессе, что я должен признать опровергнутым свое мнение, выраженное в предисловии к первому изданию, относительно резкого противоречия моих взглядов взглядам большинства русских кооператоров. Тем лучше. Кооперативное движение получило в настоящее время такое развитие, что ему не нужно бояться истины: для своего успеха оно не нуждается в наивных иллюзиях своего детского возраста, когда кооператоры видели в кооперации средство уничтожения классовых антагонизмов и примирения враждующих ныне социальных классов в общей гармонии интересов. К моему удивлению, эта точка зрения, которая еще недавно была, безусловно, господствующей в кооперативной литературе, теперь среди русских кооператоров уже почти не встречает защитников. Это является лучшим доказательством зрелости нашей кооперативной мысли.

Некоторые рецензенты моей книги усмотрели в ней мое возвращение к марксизму. На это я отвечаю, что мое отношение к Марксу остается прежним: отношением отнюдь не противника, но и не ученика, а самостоятельного исследователя. В своем научном мировоззрении я много взял у Маркса, но многое и отвергнул, не считая себя обязанным идти чужими путями, но отыскивая свой собственный.

1 дек. 1917 г.

Предисловие к третьему изданию

В третьем издании я сделал некоторые существенные дополнения, из которых наиболее важны две новые главы — «Русская земельная реформа и кооперация» (отдел 3, гл. VIII) и «О кооперативном идеале» (отдел 5, гл. II). Вместе с тем я произвел в других отделах сокращения, так что общий объем книги увеличился очень немного.

1 мая 1918 г.

Отдел 1. ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О КООПЕРАЦИИ

Глава I. Социалистический идеал

1. Кооперация и социализм

В истории человечества можно различить процессы двоякого рода. Одни имеют бессознательный, стихийный характер и являются непреднамеренным результатом взаимодействия множества отдельных человеческих волей. Каждый человек преследует в узкой сфере своей частной деятельности свои особые цели, защищает свои особые интересы, но и из столкновения этого множества особых целей и интересов получается нечто качественно новое, нечто такое, что не укладывается ни в какую из этих отдельных целей, ни в какой из этих отдельных интересов.

Процессы этого рода играли первенствующую роль в прошлой истории людей, особенно в истории хозяйства. Как произошла, например, великая промышленная революция, ознаменовавшая переход человечества к новой системе общественного хозяйства, капитализму? Капиталистический общественный строй возник не потому, чтобы общество убедилось в несостоятельности прежних хозяйственных форм и признало необходимость перехода к капитализму. Капитализм возник «сам собою»: множество отдельных лиц, не сговариваясь друг с другом и не думая об общественных, исторических результатах своих действий, упорно стремились построить свое частное хозяйство таким образом, чтобы оно приносило им наибольшую выгоду, и так как старые формы хозяйства оказывались стеснительными и препятствующими этим целям, то эти старые формы в конце концов рухнули, и весь строй общественного хозяйства испытал глубочайшее преобразование. Не государственная власть как определенная общественная организация и не какая-либо общественная группа как нечто объединенное общей волей создали новую систему хозяйства, но множество независимо действовавших отдельных хозяев, каждый из которых преследовал свои частные, а не общие цели.

Однако наряду с такими стихийными процессами в истории действуют и процессы принципиально иной природы, управляемые сознательной волей и мыслью человека. В развитии хозяйства

процессы этого рода лишь редко приобретают первенствующее значение. Почти единственным примером новых форм хозяйственных организаций, возникших как результат сознательных усилий широких общественных групп преобразовать в определенном направлении существующую систему хозяйства, являются кооперативные предприятия.

Чтобы понять своеобразную социально-экономическую природу кооперации, нужно не упускать из виду этой ее особенности, самым резким образом отличающей кооперативные предприятия от капиталистических. Капитализм был создан стихийным развитием хозяйства, причем государственная власть, правда, содействовала этому развитию, но не создавала его в результате определенного замысла.

Напротив, кооперация возникла исторически совершенно иначе. Кооперация была раньше придумана отдельными людьми как средство преобразования существующего социально-экономического строя и лишь в непосредственной связи с этим творческим замыслом стала могучей социальной силой. В противоположность «естественному» процессу развития капитализма кооперация была создана «искусственно». Она имела своих духовных отцов и явилась в результате влияния на капиталистическое общество социалистического идеала.

Таков исторический факт, благодаря которому понимание кооперации невозможно без знакомства с социалистическим идеалом. Социализм явился как реакция против капитализма. Капиталистический строй, естественно, предполагает юридическое (а в дальнейшем своем развитии и политическое) равноправие всех членов общества. В этом существенное различие и вместе революционное значение капитализма сравнительно с более ранними системами хозяйства — рабским и крепостным. При системе рабства работник является предметом собственности владельца средств производства, он — существо в полном смысле слова бесправное. При господстве крепостничества за помещиком сохраняется право пользования трудом крепостного; политических прав крепостной совсем не имеет, а гражданские права его крайне ограничены. И только при системе капитализма работник становится в смысле как гражданских, так и политических прав таким же полноправным гражданином, как и владелец средств производства.

Однако этому полному юридическому равенству, характерному для капитализма, сопутствует в экономической области почти столь же глубокое неравенство, как и при предшествовавших системах рабского и крепостного хозяйства. Будучи лишен средств производства, пролетарий в капиталистическом обществе неизбежно попадает в экономическую зависимость от капиталиста, владельца средств производства, подобно тому, как раб находится в экономической зависимости от своего собственника, а крепостной — своего помещика. В экономической области, при господстве капиталистической системы, не только не наблюдается равенства в отношениях рабочего и капиталиста, но рабочий по-прежнему эксплуатируется собственником средств производства, как и при господстве рабского и крепостного хозяйства. Но в то время как экономическое неравенство при прежних системах общественного строя вполне соответствовало правовому мировоззрению того времени, отрицавшему равноценность человеческой личности, экономическое неравенство в системе капитализма оказывается в самом резком противоречии с правовыми воззрениями капиталистического общества, признающего равенство всех людей основой действующего права.

Сущность социализма заключается в требовании экономического равноправия всех членов общества. Социалисты утверждают, что экономический строй современного общества не соответствует правовым воззрениям нашего времени, признающего, что все члены общества имеют равные права на участие в благах культуры. Отрицание социалистами права частной собственности вытекает из их требований экономической равноправности всех. При господстве частной собственности, говорят они, между отдельными лицами возникает экономическая борьба, в которой побеждает сильнейший; право наследства закрепляет и усиливает возникшее социальное неравенство, ведущее к эксплуатации одних общественных групп другими, и в конце концов так торжественно провозглашаемая современным правом равноправность всех оказывается пустым словом. Вот почему социализм в своем стремлении к равенству приходит к более или менее широкому отрицанию права частной собственности, иначе говоря, к требованию общности владения.

2. Общая классификация форм социалистического строя

В пределах социалистических построений будущего общественного строя нужно различать несколько существенно различных типов. Поэтому, чтобы правильно понять внутреннее содержание социализма как представление об определенном роде будущего общественного устройства, нужно прежде всего дать классификацию различных типов социалистического общественного строя.

Наиболее естественной является, быть может, следующая классификация:

А	Б
Социализм в узком смысле слова	Коммунизм
1) государственный (коллективизм)	1) государственный
2) синдикальный	2) коммунальный
3) коммунальный	3) анархический
4) анархический	

Основным делением социализма является деление его на социализм в узком смысле слова и коммунизм. При системе социализма в узком смысле каждому члену общества обеспечивается определенный доход при полной свободе расходования этого дохода. Предметы потребления покупаются отдельными лицами так же, как и при существующей системе хозяйства, за счет дохода данного лица. Но предметы потребления продаются не в частных лавках и магазинах (каковых не существует), а в общественных складах, ибо средства производства при системе социализма принадлежат не отдельным частным лицам, а всей общественной группе, которая при помощи коллективного труда и производит соответствующие продукты.

Таким образом, при этой системе средства производства не находятся в частной собственности отдельных лиц, но принадлежат всей общественной группе, которая и распоряжается ими по своему усмотрению. Напротив, предметы потребления переходят в частную собственность отдельного лица после того, как оно купило их за счет своего дохода. Это различие в условиях пользования средствами производства и предметами потребления проводится социализмом по следующим соображениям. Если бы было допущено присвоение в частную собственность средств производства, то это неминуемо привело бы к экономическому неравенству и эксплуатации экономически более слабых более сильными. Поэтому социализм принципи-

ально не допускает присвоения в частную собственность средств производства. Последние должны быть в распоряжении всей общественной группы, которая и организывает в общих интересах общественный труд. Что же касается предметов потребления, то социализм в узком смысле допускает переход их в частную собственность для того, чтобы не стеснять свободу частной жизни, предполагающую свободу выбора предметов потребления. Эта свобода распоряжения предметами потребления не приводит к нарушению принципа экономической равноправности всех, ибо каждый может приобретать предметы потребления лишь в пределах своего дохода, право на который у всех одинаковое.

Допуская свободу распоряжения своим доходом, социализм в узком смысле неизбежно предполагает сохранение многих экономических категорий современного хозяйственного строя, и прежде всего цены. Предметы потребления переходят в распоряжение отдельного лица при господстве социализма не даром, но лишь по оплате их соответственно их цене. Однако в противоположность товарным ценам нашего времени цены эти строятся не на основе борьбы заинтересованных лиц, столкновения интересов покупателей и продавцов, а свободно назначаются обществом по соображениям целесообразности.

Лица, желающие купить соответствующие предметы потребления из общественных складов, должны подчиняться этим ценам, хотя, конечно, они могут отказаться от приобретения соответствующих предметов, и в таком случае предметы эти останутся непроданными в общественных складах и не перейдут в общественное потребление.

Если предметы потребления покупаются отдельными лицами за счет дохода последних, то должны существовать в той или иной форме и деньги как покупательное средство и мерило цены. Правда, деньги в социалистическом обществе будут иметь существенно иную экономическую природу, чем в наше время: при господстве товарного производства деньгами может быть только тот или иной товар, в социалистическом же строе роль денег может играть любой условный знак или документ, выпускаемый общественным союзом. Дело может устроиться, например, следующим образом. Каждый гражданин получает чековую книжку на определенную сумму. При-

обретая нужные ему предметы потребления, каждый владелец такой книжки уплачивает за них чеком. Цены продуктов (а значит, и чеки) могут быть выражены в таких же денежных единицах — рублях, марках, франках, — как и в настоящее время. Но существенная разница будет в том, что теперь рубль, марка, франк выражают собой определенное количество золота, имеют, следовательно, определенную самостоятельную ценность. При господстве же социализма рубль, марка, франк будут только чисто условными обозначениями, счетными единицами, не имеющими за собой никакого металлического обеспечения.

Чем же будут обеспечиваться чеки, выдаваемые обществом, при системе социализма? Всею совокупностью продуктов, которыми располагает общество. Современное государство должно покрывать свои бумажные деньги звонкой монетой, так как оно не располагает предметами потребления, нужными владельцам бумажных денег. Социалистическое общество не нуждается в таком обеспечении — оно является первоначальным владельцем всех предметов потребления, изготавливаемых в его пределах, и может удовлетворить непосредственно предметами потребления всех предъявителей его чеков.

Итак, социализм предоставляет своим гражданам такую же свободу выбора предметов потребления, какая существует и в товарном хозяйстве современности. Напротив, производство предметов потребления совершенно изымется при господстве социализма из сферы частного хозяйства и передается обществу в его целом.

Социализм в узком смысле является, таким образом, системой денежного хозяйства (хотя в ином смысле, чем современное товарное хозяйство). Напротив, коммунизм есть система натурального хозяйства. Коммунизм тем принципиально отличается от социализма в узком смысле, что в коммунистическом обществе продукты распределяются между отдельными лицами без посредства денег в какой бы то ни было форме. Никакой купли-продажи в коммунистическом обществе не существует, и всякий потребитель получает от общества нужные ему предметы потребления даром, без всякой уплаты. Поэтому в коммунистическом обществе отсутствует категория цены, равно как и категория дохода.

Если предположить, что коммунистическое общество располагает такими мощными производительными силами, что все потребности

его членов могут быть удовлетворены полностью, то коммунизм может допустить полную свободу общественного потребления: каждый член общества берет для своего потребления из общественных складов все, что ему нужно, без каких бы то ни было ограничений со стороны общества. Но подобная свобода предполагает чрезвычайно высокие размеры общественного богатства. Если общественное богатство не столь значительно, то полная свобода для каждого захватывать все, что ему нужно, неизбежно должна повести к тому, что потребности некоторых членов общества будут удовлетворены недостаточно вследствие того, что другие удовлетворяют свои потребности в большей мере. И поэтому коммунизм, если считаться с реальными условиями общественного хозяйства, неизбежно должен отказаться от предоставления каждому свободы потребления. Такая свобода заменяется при господстве коммунизма предоставлением каждому определенного количества предметов потребления известного рода.

В то время как при системе социализма каждый свободно выбирает по своему вкусу нужные ему предметы потребления, при системе коммунизма отдельные граждане получают от общества те предметы потребления, которые общество считает нужным предоставлять своим членам. Система общественного хозяйства при господстве коммунизма очень упрощается, но в ущерб свободе личного потребления.

3. Централистический, корпоративный, федералистический и анархический социализм

И та, и другая система социалистического хозяйства — социализм в узком смысле и коммунизм — может быть разбита на несколько подвидов соответственно большей или меньшей степени централизации общественного хозяйства. Соответственно этому социализм в узком смысле распадается на следующие подвиды: государственный социализм, синдикальный, коммунальный, анархический.

Государственным социализмом (коллективизмом) может быть назван такой строй социализма, при котором хозяйственной единицей являлось бы все государство. Средства производства принадлежат в этом случае государству в его целом, которое и организывает в национальном масштабе общественное производство. Государство со-

ставляет ежегодно национальный бюджет подобно тому, как в настоящее время составляется государственный бюджет; государственная власть заранее определяет общественные потребности в различных продуктах и соответственно распределяет общественное производство, которое выполняется рабочими армиями. Каждый гражданин должен отбывать в течение определенного числа лет эту всеобщую трудовую повинность, подобно тому как в настоящее время отбывается воинская повинность. Изготовленные продукты поступают в государственные склады и покупаются частными лицами.

Все трудоспособные граждане обязаны отбывать трудовую повинность, и взамен этого им обеспечивается определенный доход. Доходом этим они распоряжаются совершенно свободно и покупают за его счет предметы потребления в государственных складах.

План коллективистического государства был впервые разработан французским социалистом Пекером² и в настоящее время привлекает к себе все более сочувствующих социалистов. Под флагом коллективизма выступают и марксисты, поскольку вообще марксисты имеют определенное представление о строе будущего общества.

Симпатии социал-демократов коллективизму объясняются тем, что только в широких рамках государства могут вполне развернуться колоссальные производительные силы, созданные капитализмом. Чем крупнее производство, тем рациональнее техника и тем большее применение получают машины. Свободно располагая своей национальной территорией и всеми миллионами рабочих, социалистическое государство может достигнуть такого огромного повышения производительности общественного труда, на которое не может рассчитывать более мелкая хозяйственная единица.

С другой стороны, предоставляя каждому свободу приобретения в государственных складах по своему выбору предметов потребления, государство не стесняет свободы частной жизни и не грозит превратиться в колоссальный рабочий дом.

По этим соображениям большинство современных социалистов склоняются в пользу коллективизма.

Синдикальным социализмом можно назвать такую форму социалистического строя, при которой средства производства принадлежали бы не всему государству как целому, но отдельным группам рабочих, работающих при помощи этих средств производства. Земле-

дельческие рабочие являлись бы в этом случае владельцами земли, углекопы — угольных копей, машиностроительные рабочие — механических заводов, ткачи — ткацких фабрик и т.д. и т.п. Каждая из этих групп рабочих является автономной и самоуправляющейся производительной единицей. Изготовленный продукт принадлежал бы тем рабочим, которые его произвели, и продавался бы ими за свой счет в государственных магазинах. Суммы, вырученные за продажу этих продуктов, распределяются между рабочими в пределах изготовившей эти продукты рабочей группы.

Синдикальный социализм (представителями которого были Луи Блан³, Лассаль⁴, теперь являются так называемые синдикалисты) неизбежно должен иметь частичный характер, так как некоторые отрасли хозяйства по самому своему существу не допускают подобной организации и должны быть в заведывании всего общества. Так, например, железные дороги не могут быть предметом полновластного распоряжения железнодорожных рабочих, ибо в правильном функционировании железных дорог заинтересовано все общество. Поэтому сторонники синдикального социализма всегда допускают, что синдикальная организация должна распространяться не на все, а лишь на некоторые отрасли хозяйства, другие же отрасли хозяйства должны быть в непосредственном заведывании государства. Продажа продуктов, изготавливаемых рабочими группами согласно планам синдикального социализма, также должна быть в заведывании государства, а не автономных групп торговых посредников.

Вообще, при синдикальном социализме роль государства остается очень значительной, так как только государство может согласовывать действия различных рабочих ассоциаций и регулировать распределение между ними средств производства.

При коммунальном социализме государство совершенно исчезает или роль его сводится к очень незначительным функциям. Самым замечательным представителем коммунального социализма был Фурье⁵, с необычайной яркостью и отчетливостью изобразивший условия жизни социалистической общины, названной им фалангой. Фаланга слагается из нескольких сотен семейств, которые сообща владеют средствами производства, сообща работают и живут в одном общем колоссальном здании, названном Фурье фаланстером. Фаланга одновременно занята и сельскохозяйственным и промышленным

трудом, Фурье мыслит ее как самодовлеющую хозяйственную организацию, мало нуждающуюся в обмене и покрывающую потребности своих членов преимущественно продуктами их собственного труда. Государство распадается на множество фаланг, каждая из которых обладает полной самостоятельностью.

Хозяйственные отношения отдельных фаланг построены на основании свободного обмена. Внутри фаланги господствует самая широкая свобода в выборе занятия и рода труда. Достигается это путем придания всякому труду возможно большей привлекательности. Труд выполняется обширными, свободно образующимися группами рабочих, в приятной и эстетической обстановке. Каждый получает за свой труд определенную плату, которую свободно расходует по своему усмотрению. Кроме того, получают особое вознаграждение капитал и талант. Вознаграждение капитала, с точки зрения Фурье, нисколько не нарушает принципа равноправности всех членов фаланги, так как в фаланге всякий может быть капиталистом: вознаграждение труда настолько обильно, благодаря чрезвычайно высокой производительности труда, что рабочему трудно потребить весь свой заработок, который и превращается им в капитал. Кроме того, не нужно упускать из виду, что самый труд в фаланге, по представлению Фурье, является наслаждением, а не тягостным усилием, предпринимаемым ради необходимости заработать средства к жизни, как в наше время. Поэтому особое вознаграждение капитала никоим образом не может получить характера эксплуатации одних членов общества другими, как в современном обществе.

Основная идея Фурье заключается в том, что все человеческие страсти и влечения по самой своей природе содействуют общему преуспеванию и счастью. Если в настоящее время обществу приходится бороться с естественными влечениями человека, то это лишь благодаря крайней неудовлетворительности общественного устройства. Страсти и влечения суть нечто данное человеку от природы и неизменное. Напротив, устройство общества может быть изменено человеком. Поэтому не влечения человека должны быть приспособляемы к общественному устройству, а это последнее должно быть приспособляемо к человеческим влечениям и страстям.

Фаланга и представляет собой такой социальный строй, в котором все человеческие страсти, имеющие теперь разрушительный

характер, вредящие обществу, получают созидательный характер, будут служить на пользу общества. Возьмем, например, то естественное влечение человека, которое более всего препятствует хозяйственным успехам современного человека, — влечение к отдыху, отвращение к хозяйственному труду, лень. Само по себе упражнение мышц и нервов, равно как и всякая другая нормальная деятельность органов нашего тела, не только не доставляет человеку страдания, но вызывает приятные ощущения. Почему же в наше время человек обычно избегает хозяйственного труда и исполняет его только под давлением внешней необходимости? Потому что в наше время обстановка хозяйственного труда неприятна и неэстетична. Если хозяйственный труд будет происходить в иной обстановке и если род труда будет свободно выбираться человеком под влиянием внутреннего влечения, то этот труд станет доставлять человеку такое наслаждение, какое современному человеку доставляют спорт и разные физические игры; разве хозяйственный труд по самой своей природе менее приятен, чем спорт? То, что теперь называют ленью, является, следовательно, не чем иным, как возмущением нашей природы против той обстановки хозяйственного труда, которая создана современным общественным устройством. В фаланге влечение к свободному, приятному труду явится стимулом небывалого напряжения труда, которое теперь достигается только во время физических игр и спорта.

Точно так же честолюбие, жажда первенства, зависть, которые теперь являются источником стольких несчастий и такой вражды между людьми, будут в фаланге только содействовать повышению производительности труда. Скупость в наше время считается отвратительным пороком и вредит хорошим отношениям между людьми. В фаланге скупость никому вредить не будет и явится полезной общественной силой как противовес чрезмерной жажде чувственных наслаждений и как стимул к накоплению капитала.

Само собою разумеется, что при гармоничном устройстве фаланги и отсутствии внутри ее каких бы то ни было элементов насилия и принуждения необходимость в особой правительственной власти совершенно отпадает, равно как и потребность в суде, полиции, войске и т. д. В фаланге нет поводов к преступлениям, ибо всякий свободно следует своим влечениям.

Так рисует Фурье жизнь в фаланге, которая представляется ему вечным праздником, радостной и свободной игрой сил, присущих нашей природе. Государство исчезнет, исчезнут и современные города — их заменят свободные фаланги, живущие в социальных дворцах — фаланстерах.

Фурье близок к анархизму и только тем отличается от анархистов, что он считает необходимой фалангу, иначе говоря, требует определенной общественной организации труда и является противником хозяйственной независимости каждой отдельной личности. Самым выдающимся теоретиком социалистического анархизма является Прудон⁶. Сущность анархизма заключается в требовании полной свободы во всех областях общественной жизни, полной свободы личности, и прежде всего свободы личности от какой бы то ни было принудительной власти. Прудон в целом ряде сочинений подверг суровой критике государственное начало и пришел к выводу, что всякое государство, каков бы ни был его внутренний строй, будет ли оно основано на принципах единоличной власти кого-либо, господства привилегированного меньшинства или широких народных масс, в равной мере является организацией насилия. Предположим самое демократическое устройство государства. В этом случае власть принадлежит большинству народа. Но ведь подчинение меньшинства большинству есть такое же насилие, такой же деспотизм, как и власть меньшинства над большинством. Свобода человеческой личности протестует против всякого насилия, от кого бы оно ни исходило, от меньшинства или от большинства народа. И потому человеческая личность не может удовлетвориться до тех пор, пока она не освободится от какого бы то ни было государственного принуждения.

Государство должно исчезнуть, а хозяйственная деятельность должна свободно исполняться отдельными рабочими или группами их, причем связью между всеми отдельными производителями должно стать особое учреждение, названное Прудоном меновым или народным банком. Задача этого банка сводится к организации для производителей непосредственного обмена их продуктами. Каждый производитель или группа их доставляет в народный банк свои продукты и в обмен получает билеты банка. На эти билеты могут быть приобретены любые другие продукты, имеющиеся в банке. Таким образом может быть организован непосредственный обмен всех про-

дуктов, производимых в пределах известной территории, причем банк возьмет на себя и организацию беспроцентного кредита. Благодаря такому кредиту каждый желающий или группа их будет получать требующиеся для производства орудия и материалы.

Народный банк упраздняет необходимость какой бы то ни было внешней принудительной организации общественного труда — общественный труд остается вполне свободным, и в то же время отдельные роды труда взаимно согласуются. Таким образом становятся возможными анархическое хозяйство и анархический общественный труд.

4. Централистический, федералистический и анархический коммунизм

Этими четырьмя типами — государственным, синдикальным, коммунальным и анархическим социализмом — исчерпываются планы социалистического (в узком смысле слова) устройства общества. Что касается коммунизма, то можно различать государственный, коммунальный и анархический коммунизм. Синдикального коммунизма быть не может, так как синдикальная организация предполагает обмен продуктами, а коммунизм не допускает никакого обмена.

Планы государственного коммунизма являются наиболее древними социалистическими построениями. Такие планы мы встречаем уже у эллинских мыслителей. Знаменитая «Утопия» Томаса Мора содержит в себе очень разработанный план коммунистического государства. В новейшее время представителем государственного коммунизма был Этьен Кабе⁷, в социальном романе которого «Путешествие в Икарию» изображена жизнь коммунистического государства.

При коммунистическом устройстве общества распределение продуктов между отдельными гражданами происходит не при помощи денег в той или иной форме, а путем непосредственного перехода продуктов из общественных складов в руки потребителей. Поэтому отпадает необходимость назначения цен продуктов и нормирования дохода членов общества.

В «Икарии» Кабе каждый гражданин получает из общественных складов без всякой платы все ему нужное. Государство заботится об удовлетворении нужд своих граждан, предоставляя каждому (соответственно полу и возрасту) одинаковое количество предметов не-

обходимости и удобства. Если предметов известного рода в распоряжении государства имеется слишком мало, чтобы наделить ими всех, то предметы эти совсем не производятся и их не получает никто.

В «Икарии» царят самое строгое равенство и самая строгая регламентация потребления. Все ходят (соответственно различиям пола, возраста, семейного положения) в одинаковых одеждах, живут в одинаковых квартирах, снабженных одинаковой мебелью, получают одинаковую пищу и т. д. и т. д. Во всем царит самый строгий порядок, и все подчиняется одним неизменным правилам. Всемогущее государство регулирует с начала до конца не только физическую, но и духовную жизнь своих граждан. Так как типографии принадлежат наряду с прочими средствами производства государству, то оно является и издателем книг и издает только те из книг, которые признает полезными.

Это единообразие потребления и отсутствие свободы личного выбора вместе со всемогуществом государства, подчиняющего себе всю духовную жизнь населения, составляют слабую сторону централистического коммунизма, почти не встречающего в настоящее время сторонников.

При коммунальном коммунизме хозяйственной единицей является не государство, а сравнительно небольшая община. Самым влиятельным представителем коммунального коммунизма был духовный отец кооперативного движения Роберт Оуэн⁸.

Оуэн был таким же решительным противником государства и насилия, как и Фурье, и для Оуэна государство подлежит уничтожению. Государство должно распасться на множество общин, вполне автономных и независимых друг от друга. Как и в фалангах Фурье, в общинах Оуэна сельское хозяйство должно соединяться с промышленным трудом. Общины эти должны возникать без малейшего принуждения с чьей бы то ни было стороны, путем добровольного вступления членов. Подобно Фурье, Оуэн представляет себе жизнь этих общин сосредоточенной в огромном центральном здании, в котором и вокруг которого должны быть сгруппированы промышленные мастерские и заводы, среди садов и полей, возделываемых членами общины. Никакой принудительной власти не должно быть места в такой общине. Даже выборное правление вызывает возражения со стороны Оуэна, и чтобы избежать последнего, наш социальный реформатор

предлагает следующую организацию управления внутри общины. Все граждане делятся на возрастные группы, и каждая группа выполняет особую общественную функцию: до 20 лет граждане учатся, от 20 до 30 — заняты хозяйственным трудом в пользу общины, от тридцати до сорока — управляют внутренними делами общины, после сорока — внешними ее делами.

Так как число членов общины невелико (от 500 до 3000), то такая организация дает возможность всем гражданам в зависимости от своего возраста принимать равное участие во всех делах общины, и необходимость особого правления или правительства отпадает.

Вообще, между общинами Оуэна и фалангами Фурье замечается значительное сходство по целому ряду существенных пунктов. Тем не менее между организациями того и другого рода имеются и весьма важные различия. Прежде всего нужно помнить, что фаланги Фурье — организации социалистические, а общины Оуэна — коммунистические. Внутри фаланги распределение продукта совершается путем купли-продажи, члены фаланги получают за свой труд заработную плату да еще, кроме того, вознаграждение за талант и процент на вложенный в общее дело капитал. Величина доходов отдельных членов фаланги не одинакова, а характер общественного потребления столь же многообразен, насколько различны индивидуальные вкусы отдельных лиц. Напротив, община Оуэна имеет строго коммунистическое устройство. Всеми продуктами, производимыми общиной, владеют члены ее сообщества, и никакой продажи продуктов отдельным лицам, равно как денежного вознаграждения последних, в общине не существует. Община Оуэна представляет собой как бы большую семью, где все имеют равное право участвовать в потреблении, и потому отсутствуют какие бы то ни было определенные правила для распределения продуктов.

Но и самые цели социальных организаций Фурье и Оуэна глубоко различны. По своему духовному складу Оуэн и Фурье были величайшими антиподами и пришли к своим планам социального преобразования путем совершенно противоположным. Оуэн долгое время был чрезвычайно успешным фабрикантом; затем его внимание привлекли вопросы воспитания рабочих, преимущественно морального. Как руководитель огромного фабричного предприятия, в котором от него зависели многие сотни людей, Оуэн пришел к убеждению в пла-

стичности человеческой природы, в ее изменчивости под влиянием изменения условий среды. Будучи по своей духовной природе моралистом, Оуэн считал высшей целью общественного союза моральное возвышение человечества.

В течение ряда лет Оуэн пытался воспитывать в моральном отношении рабочих своей фабрики в Нью-Ланарке⁹. Но он не мог в конце концов не прийти к заключению, что нравственное перевоспитание человека невозможно, если социальная среда, в которой живет человек, остается неизменной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствует развитию благородных свойств человеческой природы и поощряет все ее дурные свойства. Не удивительно, что современные люди стоят в нравственном отношении так низко. И, очевидно, никакие воспитательные учреждения не в силах улучшить природу человека, если социальная среда не будет изменена.

Вот таким путем в поисках средств нравственно возвысить человека Оуэн и пришел к мысли о необходимости глубочайшего преобразования основ современной общественной жизни. Новый тип общественного строя, проповедником которого он стал, он называл «новым нравственным миром», указывая этим, что конечные цели этого нового общественного строя заключаются в нравственном преобразовании человека. Современный строй плох потому, что он воспитывает плохого человека; оправданием же проектированной Оуэном великой социальной реформы являлось в глазах ее проповедника связанное с ней нравственное возвышение человека.

Итак, для Оуэна человеческая природа есть нечто в высшей степени пластичное и изменчивое; цель общественного преобразования заключается в изменении человеческой природы, в создании нового человека, более соответствующего нашему нравственному идеалу.

Цели общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считал самым важным общественным делом нравственное преобразование человека, но, с одной стороны, был убежден в неизменности основных свойств человеческой природы, а с другой стороны, был решительным аморалистом. Не человеческий характер должен приспособляться к общественному строю, а общественный строй должен быть приспособлен к неизменным свойствам человеческого характера. Общественное воспитание не имеет никакого смысла, ибо человеческая природа неизменна. Наилучшим об-

шественным строем является не тот, который воспитывает наилучшего человека (как думал Оуэн), а тот, который всего более приспособлен к неизменным свойствам человека. Таким наилучшим строем казалась Фурье придуманная им организация фаланги, преимуществом которой перед всеми другими формами общественного строя являлась в глазах творца фаланги предоставляемая последней полная свобода действию всех страстей и влечений человеческой природы, ибо не существует естественных влечений вредных или безнравственных, а существуют лишь плохие формы общественного строя, делающие некоторые влечения человека вредными для общества.

Итак, Оуэн был моралистом и пришел к социальной реформе как к средству морального воспитания человечества; Фурье же был аморалистом и пришел к социальной реформе как к средству освобождения человечества от власти долга и морали. Их социальные цели по своим конечным завершениям были прямо противоположны, но конкретные планы общественного устройства, предложенные тем и другим, имели при существенных различиях много общего.

Оуэн несомненно обладал, в гораздо большей степени, чем Фурье, тем, что называется здравым смыслом. Уже своей деятельностью в качестве руководителя огромного фабричного предприятия Нью-Ланарка он доказал свои практические таланты. Он сумел достигнуть двух вещей, почти всегда взаимно исключающих друг друга: блестящего коммерческого успеха, выражавшегося в высоких барышах, которые его фабричное предприятие доставляло ему и его компаньонам, и существенного улучшения экономического положения занятых в его предприятии рабочих. Оуэн обладал талантом влиять на людей и подчинять их своей воле, но воля его была направлена не на личные, а на общие интересы.

Однако в то же время Оуэн отнюдь не был сильным мыслителем, и ему менее всего были свойственны в умственной области гениальность, творческий полет воображения. Он был рассудочной натурой, и таким же духом рационализма были проникнуты его планы будущего общественного устройства, вытекавшие из всеми признаваемых бесспорными посылок. Никто не отрицает высокой ценности добродетели. Вместе с тем очевидно, что благородные свойства человеческой природы не могут развиваться, если социальные условия поощряют пороки. Значит, нужно создать такие условия общественной

жизни, при которых пороки не могли бы развиваться, а добродетели встречали бы опору в социальной среде.

Корнем всех пороков является, по общему мнению, себялюбие, в свою очередь проявляющееся наиболее резко в области хозяйственных интересов. Поэтому, чтобы создать добродетельного человека, нужно сделать невозможным проявление хозяйственного эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человек ничего не мог называть своим — только в этом случае для развития хозяйственного эгоизма не будет почвы и хозяйственный эгоизм погаснет сам собой.

Но одного этого мало, нужно, чтобы в общественной жизни исчезли какие бы то ни было поводы к развитию дурных свойств в человеческой природе. Всякое неравенство питает зависть и вражду. Поэтому, кроме уничтожения частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство в других областях человеческой жизни — не должно быть правительства, хотя бы и выборного, а значит, не должно быть и государства. Таким логическим путем Оуэн приходит к своим кооперативным, как он их называет, общинам, представляющим крайнее развитие коммунально-го коммунизма.

Весь ход мыслей Оуэна был очень последователен, и нисколько не удивительно, что отец кооперации твердо верил в разумность своего плана общественного устройства, верил настолько непоколебимо, что одно из своих сочинений он озаглавил «Попытка превратить человеческое общество из дома сумасшедших в разумный мир». Действительно, разве не «домом сумасшедших» должно было представляться рационалисту типа Оуэна современное общество, в котором признаваемые всеми высшие цели общественного союза — выработка благородных свойств человеческого характера — не только не получают осуществления, но и попираются самым грубым образом? И разве общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни в соответствии с требованиями морали? Если же оно этого не делает, то не нарушает ли оно очевиднейшим образом своих интересов и не свидетельствует ли этим самым о своем безумии?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, в его рационалистическом основании. Добродетель, кроме порока,

имеет еще одного опасного врага — скуку. Человечество может предпочитать добродетельному устройству общества менее совершенное, если последнее веселее и приятнее. Социальный строй, проектируемый Оуэном, несомненно, добродетельнее современного, но будет ли в нем интереснее жить? Если бы удалось убить все побуждения тщеславия и себялюбия, к чему так стремится Оуэн, то для многих возник бы вопрос: стоит ли жить в таком социальном монастыре? В главном рисунке на одном из своих изданий Оуэн дал изображение, с одной стороны, современного города, с его смешением красивых и безобразных зданий, при крайнем разнообразии условий жизни населения, и, с другой стороны, стройных, величавых социальных дворцов будущего. Этот рисунок подал повод к ироническим комментариям противников Оуэна, которые справедливо нашли, что в изображениях самого Оуэна безумный мир современности оказался гораздо живописнее и привлекательнее скучного и однообразного разумного мира будущего¹⁰.

Совсем иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишком уж разумны и потому скучны, то фаланги Фурье представляют собой продукт самой смелой, безумной, творческой фантазии. Чего только, каких только чудес нет в этих фалангах! Ведь в фалангах совершенно отсутствует в какой бы то ни было степени долг и все исполняется только во имя непосредственного наслаждения. Фаланги не только не страдают монотонностью и скукой нравственных общин Оуэна, но в них все блестит и сияет радостью и весельем, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстям и смерть долгу — таков девиз фаланги.

В противность рационалисту Оуэну Фурье был величайшим фантазером. Своей мечте он доверял безгранично, до такой степени, что самым серьезным образом рассуждал о таких чудесах мира будущего, как превращение морской воды в приятный напиток вроде лимонада, как население морей будущего новыми животными, антикитами, которые с неимоверной быстротой будут перевозить по океану счастливых обитателей фаланстеров, как появление в полярных областях великолепных пальм и т. д. и т. д. Фантазии Фурье заходили так далеко, что многие ставят вопрос, не был ли он попросту помешанным. Но кем бы он ни был, он был, во всяком случае, человеком гениальной мысли.

Социальный строй, основанный на полной свободе человеческих страстей, конечно, представляет собой совершенную утопию и никогда не осуществится. Нравственные общины Оуэна гораздо осуществимее, но зато фаланги Фурье привлекательнее и интереснее. Фурье поставил себе несравненно более трудную задачу, чем Оуэн: создать социальный строй, действующий без чувства долга — той социальной узды, которая ныне вводит в пределы разрушительную силу человеческих страстей. И хотя задачи этой Фурье не решил, все же самая ее постановка свидетельствует о поразительной силе его научного воображения.

Как фаланги Фурье являются организациями почти анархическими, также близки к анархизму и коммунистические общины Оуэна. Единственным отличием коммунального коммунизма от коммунистического анархизма является то, что коммунальный строй не допускает иной хозяйственной единицы, кроме общины определенного устройства, между тем как последовательный анархизм должен допускать и единоличное хозяйство. Таким последовательным коммунистическим анархистом был тот, кого можно считать первым по времени выразителем доктрины анархизма, — Годвин¹¹. Требуя полного отсутствия какого бы то ни было принуждения, Годвин совершенно правильно отрицал необходимость общественной организации труда и потребления. Хозяйственной деятельностью могут быть заняты как группы людей, так и отдельные личности, и точно так же для потребления должна быть сохраняема полная свобода. Общественная организация потребления встречает даже несочувствие Годвина. Точно так же он враг принудительного равенства, которое положено в основу коммунистической общины Оуэна.

В общинах Оуэна не существует частной собственности на что бы то ни было, но имеется общественная собственность — община как целое является собственницей своих средств производства и всех производимых ею продуктов. Анархическое общество, как его понимал Годвин, совершенно порывает с какой бы то ни было частной или общественной собственностью. Каждый производит все, что хочет, и также свободно захватывает в свое владение все, что пожелает. Всякий может свободно взять в свое пользование продукт чужого труда, точно так же как его собственным продуктом может завладеть всякий желающий.

Эта свобода завладения всем нужным не приводит, по представлению Годвина, к всеобщей борьбе, так как Годвин предполагает, с одной стороны, чрезвычайно высокий уровень техники производства, при котором человек может своими единоличными силами создавать в изобилии нужные ему продукты; с другой стороны, Годвин предполагает и нового человека, полного доброжелательства к своим ближним и лишенного хозяйственного эгоизма. Высокая производительность труда дает возможность отдельной личности обходиться без помощи себе подобных, а отсутствие хозяйственного эгоизма приводит к тому, что все охотно делятся своими продуктами друг с другом, как члены одной семьи.

Действительно, только при наличии этих двух условий можно мыслить строй анархического коммунизма, как его рисовал себе Годвин. Не только человек должен стать совсем иным, но и техника производства должна достигнуть такого уровня, чтобы каждый мог без помощи себе подобных создавать все ему нужное. Если же для производства требуется общая работа многих лиц, то необходимо какое-либо общественное регулирование процесса производства, а значит, неизбежна и общественная власть, отрицаемая анархизмом.

Глава II. Социально-экономическая природа кооперации

1. Различие кооператива и социалистической общины

Кооперация возникла в непосредственной связи с социалистическим движением, но было бы очень ошибочно смешивать кооперацию с социализмом. Духовный отец кооперативного движения — Роберт Оуэн — называл кооперативными обществами пропагандируемые им коммунистические общины. Тем не менее первым шагом для понимания сущности кооператива является строгое разграничение последнего и социалистической общины. Социалистические общины хотя и являются хозяйственными организациями, но по своим целям и задачам представляют собой нечто большее, чем эти последние. Общины, возникшие под непосредственным влиянием пропаганды социализма, были задуманы как орудие социального преобразования всего человечества. Членами их были не рядовые люди, в жизни которых хозяйственные интересы господствуют над другими, а искатели новой правды, готовые отказаться от

самых очевидных хозяйственных выгод, если это требуется социальным идеалом. Их привлекали в общины не хозяйственная выгода, но соображения совсем иного рода — социальное воодушевление, надежда совершить при помощи этих общин в интересах всего человечества огромное общественное дело. Люди шли в общину по мотивам того же рода, по которым другие шли на политическую борьбу, рассчитывая преобразовать современный общественный строй и привести его в большее соответствие со своим идеалом добра и справедливости.

Социалистические общины были для немногих избранных. Участник коммунистической общины должен совершенно забыть о личном обогащении, должен быть всегда готов отказаться от личной выгоды в пользу своего товарища по общине, должен относиться к последним с таким же бескорыстием и доброжелательством, с каким обычный человек может относиться только к членам своей семьи. Он должен быть чужд зависти и властолюбию, подчинять свои личные вкусы и влечения вкусам и влечениям своих товарищей по общине и т. д.

Фаланги Фурье еще глубже отличаются от современного общества, чем коммунистические общины Оуэна. Ведь фаланга построена на принципе полной свободы страстей и отсутствии какого бы то ни было элемента принуждения, хотя бы морального. В фаланге свобода страстей приводит к общей гармонии и счастью. Но разве не утопична сама идея создать общество, могущее жить без узды нравственного долга? Каким образом можно достигнуть того, чтобы, с одной стороны, каждый исполнял работу только по внутреннему влечению, в силу ее внутренней привлекательности для данного лица, с другой же стороны, чтобы продукты изготавливались именно те, в которых нуждается данная община? Ведь привлекательность известного труда не находится ни в каком соответствии со степенью необходимости продукта данного труда для населения. Если при выборе занятий каждый будет следовать своим влечениям, то это неизбежно должно привести к тому, что продукты одного рода будут производиться в избытке, других же будет произведено слишком мало и общество утратит хозяйственную основу своего существования. Свобода следовать при выборе хозяйственного труда своим влечениям равносильна уничтожению общественного хозяйства, предполагающего распределе-

ние хозяйственного труда между различными лицами в соответствии не со степенью привлекательности того или иного труда, но с размером общественной потребности в соответствующем продукте.

Если коммунистические общины получили до настоящего времени крайне ограниченное распространение, то общин типа фаланги не существовало и существовать не могло, ибо устройство их заключает в себе внутреннюю невозможность.

Правда, в Америке было немало организаций, именовавших себя фалангами, но по своему внутреннему строю организации эти были близки к общинам Оуэна. Фурьеристская фаланга была для этих общин идеалом, но идеалом недостижимым. Они называли себя фалангами потому, что участники их, выходявшие преимущественно из числа людей интеллигентных профессий, нисколько не сочувствовали идеалу коммунистического равенства, который проповедовал Оуэн. Однако в своем практическом осуществлении общины американских фурьеристов были гораздо ближе к коммунистическим общинам Оуэна, которые трудно осуществимы, но все же осуществимы, чем к совершенно неосуществимым свободным фалангам Фурье.

Ни одной фаланги чистого типа никогда не было на свете. Фаланги Фурье не более как бесплотное создание гениальной фантазии их творца, мечта поэта, которая может манить за собой людей, но никогда не станет грубой реальностью.

Если мы обратимся к социалистическим общинам, не связанным с социалистической пропагандой, — то и тут мы увидим, что организации эти возникли не на основе хозяйственных интересов их членов. Наличие необычных по своей силе морально-религиозных интересов так же характерна для таких общин, как общественный энтузиазм для общин, устраивавшихся социалистами. А так как сильное развитие религиозно-нравственных интересов встречается среди современного человечества очень редко, то понятно, что и религиозно-нравственные социалистические общины не получили сколько-нибудь значительного распространения в современном обществе*.

* О социалистических общинах см. мою книгу «В поисках нового мира» (2-е изд. М., 1918).

2. Кооператив как хозяйственное предприятие

Напротив, кооператив есть хозяйственное предприятие, как и всякое другое. Кооператив обращается прежде всего к хозяйственному интересу человека, и в этом существенное сходство кооператива со всеми другими хозяйственными организациями капиталистической системы. В этом же и его огромная сила.

По внешним признакам кооператив столь мало отличается от обычного капиталистического предприятия, что по ним невозможно определить, имеется ли перед нами кооператив или капиталистическое товарищество. Вот почему так трудно дать вполне удовлетворительное определение кооператива для целей законодательства, которое неизбежно должно исходить именно из этих внешних признаков. Возьмем, например, наиболее разработанное германское законодательство о кооперативах. Германский закон 1 мая 1889 г. определяет кооперативное товарищество как «общество с незамкнутым числом членов, имеющее своей целью содействовать путем общего предприятия хозяйству или промыслу своих членов». Наиболее определенным является первый признак (незамкнутость членов), долженствующий, по смыслу закона, проводить разграничительную линию между кооперативом и обычным торговым товариществом*.

Однако и этот признак дает в сущности очень мало. В каком смысле можно утверждать, что кооператив есть общество с незамкнутым числом членов? Ведь кооператив отнюдь не обязан принимать в свои члены всех желающих. Толкуя это постановление германского закона, автор известной книги о германской кооперации проф. Вигдзинский признает, что смыслу закона нисколько не противоречит, если кооператив будет принимать новых лиц в свой состав только с согласия всех своих членов. Но если так, то чем отличается кооператив от торгового товарищества, число членов которого также может быть увеличено по желанию его участников?

* В русском кооперативном законе кооператив определяется, как «товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особой фирмой, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов, посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов». Это — многословный пересказ германского определения.

Затруднительность по чисто внешним юридическим признакам разграничить кооператив и капиталистическое товарищество видна также и из того, что нередко кооперативы возникают как акционерные компании или торговые товарищества иного рода. Возьмем, например, столь интересные во многих отношениях английские производительные товарищества, основанные на принципе так называемого «копартнершипа». Некоторые из этих товариществ, а именно те из них, в которых владельцами акций являются только рабочие, занятые в данном предприятии, несомненно, являются кооперативами производственного типа. Однако юридически все они просто акционерные компании, как и всякие другие.

Но помимо юридической формы, и внутренняя экономическая природа кооператива имеет много общего с капиталистическим предприятием. Прежде всего по отношению ко всем стоящим вне его кооператив ничем не отличается от всякого другого предприятия и столь же строго стоит на почве своих сепаратных интересов. Продавая свои товары посторонним, кооператив так же стремится продать их по наивысшей цене и на наиболее выгодных для себя условиях, как и любой капиталистический картель. Напротив, покупая товары, кооператив стремится купить их возможно дешевле. Вообще, поскольку дело идет о других предприятиях, кооператив проникнут тем же духом защиты своих частных интересов, который царит в современном обществе.

И это является необходимым условием успеха кооператива. Кооперативное предприятие — не благотворительное учреждение, не общество пропаганды, не политическая организация и не рабочий союз. Оно является хозяйственной организацией в интересах определенной группы лиц и, чтобы иметь успех, должно вестись так же деловито, на основе строгого коммерческого расчета, как и капиталистические предприятия.

И это относится ко всем кооперативам, какие бы общественные группы ни были их хозяевами. «Даже самое передовое из современных рабочих потребительских обществ, — справедливо говорит Герс в своей превосходной книге *«Die deutschen Arbeiter Konsumvereine»*¹², — есть дитя частнокапиталистического хозяйственного строя. Вся техника капиталистического предприятия должна быть усвоена кооперативом. Такой же строгий учет

всех элементов прихода и расхода, такая же (с небольшими различиями) бухгалтерия, такие же внешние приемы контроля служащих и рабочих, такое же устройство торговых помещений и товарных складов, такие же приемы изготовления товаров, их упаковки, экспедиции и т. д. и т. д.

В денежном капитале кооперативы нуждаются не менее, чем все остальные предприятия, и капитал получается ими не даром, но за уплату соответствующего процента. Поскольку кооператив сталкивается с денежным капиталом, он усваивает себе всю технику современной крупнокапиталистической системы. Центральные организации кооперативов нуждаются в банковских операциях и ведут их совершенно так же, как капиталистические банки, в тех же формах, которые являются обычными в крупных банках. Такой же прием оплачиваемых обычным процентом вкладов, такие же текущие счета, контокоррент и пр.

Вообще, если мы возьмем даже пролетарские потребительские общества, то, как замечает Гере, «куда мы ни взглянем, везде мы увидим между ними и частнокапиталистическими предприятиями параллели, черты сходства и внутреннего родства. Потребительские общества, даже наиболее прогрессивные, кажутся с этой точки зрения чисто капиталистическими организациями, стремящимися ни к чему иному, как к крупной организации розничной торговли, совершенно так же, как крупные торговые дома, с той только разницей, что последние достигают своей цели организацией товарного рынка, а потребительские общества — организацией потребителей. Словом, и современное рабочее потребительское общество, даже находящееся в связи с другим и образующее с ними одно органическое целое, имеет вполне частнокапиталистический облик».

В особенности ярко выступает сходство кооператива с капиталистическим предприятием в отношении кооперативов к своему рабочему персоналу. Огромное большинство кооперативов пользуется наемным трудом нисколько не менее капиталистических предприятий. У них такие же директора, кассиры, приказчики, бухгалтеры, высшие и низшие служащие, квалифицированные и неквалифицированные рабочие, как и в предприятиях обычного типа. Все эти служащие получают обычную заработную плату, и условия их труда в отношении продолжительности рабочего дня, сроков уплаты, рабо-

чих помещений и пр. существенно не отличаются от господствующих в лучших капиталистических предприятиях.

Словом, и снаружи и изнутри кооператив кажется капиталистическим предприятием. Он выступает во всеоружии капиталистической техники, стоит на капиталистической почве, и в этом его принципиальное отличие от социалистических общин, которые стремились создать хозяйственную организацию на совершенно новой хозяйственной основе.

Кооператив — не социалистическая община, а хозяйственное предприятие.

3. Различие кооператива и капиталистического предприятия

Итак, кооператив — предприятие. Но предприятие не капиталистического типа. Как ни был близок кооператив по своему внешнему облику к капиталистическим предприятиям, под этой капиталистической оболочкой скрывается в кооперативе содержание совершенно иное. Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом. Чем же отличается кооператив от капиталистического предприятия?

Прежде всего нужно помнить, что далеко не всякое предприятие есть предприятие капиталистическое. Предприятием нужно называть всякую хозяйственную организацию, преследующую частнохозяйственные выгоды своих членов и достигающую этих выгод при посредстве обмена. Первым признаком (частнохозяйственный интерес) предприятие отличается от организаций с общественными целями (так, например, благотворительный приют или социалистическая община не суть предприятия); вторым признаком (обмен) предприятие вводится в систему современного менового хозяйства — первобытный охотник не имел предприятия. Но, например, современный ремесленник или крестьянин имеют предприятия, хотя и предприятия трудового, а не капиталистического типа.

Чем же характеризуется капиталистическое предприятие и как отличить его от предприятий некапиталистических? Обычно думают, что характерным признаком капиталистических предприятий является пользование наемным трудом. Это, однако, безусловно неверно. С одной стороны, существуют капиталистические предприя-

тия, совсем не пользующиеся наемным трудом и пользующиеся им в относительно ничтожных размерах, с другой же стороны, имеются предприятия некапиталистические, основанные на наемном труде.

Лучшим примером предприятий первого рода является предприятие ростовщика. Что оно имеет капиталистический характер, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Но ведь ростовщик может вести свое предприятие без всякого наемного труда. На это можно, пожалуй, возразить, что ростовщический капитал не характерен для современной хозяйственной системы. Возьмем, однако, обычный банк. Можно ли утверждать, что прибыли банка основываются на эксплуатации труда занятого в нем рабочего персонала? Высший персонал банка (директора, члены правления), от которого действительно очень существенно зависит доходность банка, получает обычно столь высокое вознаграждение, что об эксплуатации банком этого рода служащих нельзя говорить серьезно. Остаются низшие служащие и чернорабочие. Неужели же можно думать, что десятки миллионов прибыли какого-нибудь банка создаются трудом писцов, швейцаров, дворников, рассыльных и тому подобных служащих?

Источником прибыли банка является, очевидно, не труд этих лиц, а денежный капитал, которым банк располагает. Конечно, в конце концов прибыль банка извлекается из эксплуатации труда, но труда не тех лиц, которые непосредственно заняты в банке, а рабочих, занятых в предприятиях клиентов банка. Банк, владея необходимым для фабриканта денежным капиталом, имеет возможным принудить этого последнего уступить ему долю прибавочного продукта, создаваемого фабричными рабочими. Именно так, а не иначе рассматривает образование прибыли денежного капитала и Маркс.

Но если так, то, очевидно, банк является капиталистическим предприятием не потому, что он имеет наемный рабочий персонал, а потому, что, располагая денежными средствами, банк может присваивать долю прибавочного общественного продукта, создаваемого за пределами банка. Иными словами, прибыль банка по своему происхождению совершенно аналогична прибыли ростовщика и основывается на эксплуатации рабочих, занятых не в банке, а в предприятиях клиентов банка; и если бы банк совершенно не имел наемных служащих, он оставался бы капиталистическим предприятием, подобно предприятию ростовщика.

Но банки являются венцом капиталистической системы, и для новейшей эволюции капитализма в высшей степени характерно все большее и большее значение, приобретаемое банками. Мало-помалу банки становятся центральной руководящей силой современного капитализма, и к ним переходит управление промышленным и торговым капиталом. Владея акциями фабрик и заводов, банки являются господами промышленности. Итак, денежный капитал есть капитал по преимуществу — крупнейшая сила капиталистической системы. И если, как сказано, для предприятий денежного капитала характерно ничтожное значение занятого в этих предприятиях рабочего персонала, то, очевидно, пользование наемным трудом не может считаться отличительным признаком капиталистического предприятия.

С другой стороны, наемный труд может иметь применение в хозяйственных организациях, не имеющих ничего общего с капиталистической системой. Предположим, например, социалистическое государство. Средства производства принадлежали бы в этом случае государству, которое являлось бы собственником продукта и руководителем всего общественного процесса производства. Рабочие, занятые в государственных мастерских, получали бы за свой труд определенную плату, подобно тому как и рабочие в современных капиталистических предприятиях. Конечно, рабочие в социалистическом государстве не могут быть приравнены по своему положению к современным рабочим. Однако кое-что общее в положении тех и других должно остаться, именно то, что в социалистическом государстве отдельные рабочие не были бы собственниками изготовляемого ими продукта, равно как и средств производства, но получали бы от хозяина средств производства (в данном случае государства) определенную плату за свой труд.

Итак, в социалистическом обществе рабочие получали бы плату за свой труд, и, следовательно, положение их имело бы некоторые черты принципиального сходства с положением современных наемных рабочих.

Но, оставляя в стороне рабочих социалистического государства, в кооперативах мы имеем многочисленные примеры предприятий хотя и некапиталистических, но пользующихся несколько не менее капиталистических наемным трудом. На фабрике потребительского

общества работают такие же наемные рабочие, как и на обычной капиталистической фабрике. Тем не менее кооперативы суть предприятия существенно иного типа, чем капиталистические. Правда, многие теоретики кооперации дают такие определения кооператива, исходя из которых и заведомо капиталистические предприятия следует признать кооперативами: но это говорит только против таких определений, а отнюдь не в пользу тождественности самих определяемых явлений.

Определить что-либо — значит всегда и разделить. Если не проводить различия между предприятиями капиталистическими и кооперативами и называть кооперативами различные капиталистические предприятия, то придется создать новый термин, чтобы из числа капиталистических предприятий выделить те, которые теперь называются кооперативами. По своей форме кооператив может быть неотличим от капиталистического предприятия, и все же внутренняя социально-экономическая природа того и другого столь различна, что в реальной жизни капиталистические предприятия и кооперативы никогда не смешиваются в один общий поток, но всегда живут совершенно особой жизнью.

Капиталистический картель, организующий сбыт, нередко принимает форму, чрезвычайно схожую с кооперативом по сбыту.

Однако и картель, и кооператив представляют собой совершенно различные социально-экономические образования, защищают интересы совершенно различных общественных групп, играют совершенно различную роль в общественной жизни современности. Называть кооперативные предприятия капиталистическими — это значит отказываться от анализа особенностей кооперативных предприятий. Дело тут не в словах, а в самих явлениях, своеобразие которых должно быть признано независимо от того, как бы эти явления ни назывались.

Итак, независимо от вопросов терминологии ясно, что наряду с капиталистическими предприятиями существует обширная группа кооперативных предприятий, которые пользуются наемным трудом, подобно капиталистическим предприятиям, но существенно отличаются по своей природе от последних.

Чем же характеризуется капиталистическое предприятие? У Маркса имеется краткая формула, которая дает все существенное для по-

нимания сущности капитализма. Капитал, говорит Маркс, — это ценность, создающая прибавочную ценность.

Формула эта включает в себе глубокий смысл. При известных социально-экономических условиях продукт человеческого труда получает в хозяйственной жизни способность возрастать в своей ценности. В наиболее наглядной форме эта способность выступает в денежном капитале. Владелец денежного капитала пускает в оборот определенную денежную сумму — дает ее в ссуду другому лицу. Проходит некоторое время, и сумма эта возвращается к своему первоначальному владельцу не в прежнем, а возросшем размере. Деньги создали новые деньги — процент или прибыль.

Если мы возьмем другие формы капитала — торговый или промышленный капитал, то и тут мы увидим то же. Торговец пустил в оборот определенное количество товаров, и через некоторое время, если его обороты были удачны, его товарный капитал оказывается возросшим в своей ценности. Точно так же и промышленник получает через известное время весь свой затраченный капитал с известным приростом ценности.

В этом приросте ценности, образующем собой прибыли капиталиста, заключается весь экономический смысл данного процесса с точки зрения его руководителя. Капиталист пускает в оборот капитал только с этой целью. Правда, для общества значение данного процесса далеко не исчерпывается его последствиями, для кармана капиталиста. Процесс оборота капитала есть вместе с тем процесс общественного производства и обмена. Вся жизнь общества, не только капиталистических классов, но и рабочих, связана с круговоротом капитала, и стоит только этому круговороту задержаться, чтобы нарушилось равновесие между общественным производством и потреблением. Но как бы ни был важен для общества названный процесс, руководителями его являются капиталисты, не имеющие другой цели приводить в действие этот процесс, кроме прироста ценности капитала, прибыли.

Социальной основой возникновения прибыли является присвоение капиталистом труда рабочего; но это социальное отношение скрывается в капиталистическом хозяйстве под маской отношения вещей. Деньги, товары, средства производства — все это вещи, и прибыль, получаемая капиталистом, рассматривается им с полным осно-

ванием как продукт этих вещей. Вещная маска скрывает в капитале его социальное содержание.

В этом и заключается характерная черта капиталистического предприятия в отличие от всякого другого. Капиталистическое предприятие есть, следовательно, такое, движущей силой которого является стремление к прибыли — нетрудовому доходу, возникающему благодаря круговращению капитала. Доход этот имеет своим источником эксплуатацию труда, но отнюдь не всегда того труда, который занят в данном капиталистическом предприятии: источником прибыли может быть и труд в других предприятиях, эксплуатируемых данным предприятием.

Капиталистическое предприятие существует ради прибыли; поэтому капиталистическое предприятие естественно стремится к неограниченному расширению своих оборотов, ибо чем больше обороты, тем больше и получаемая прибыль. Стремление к большему и большему расширению есть характерная черта капитала.

Сравним с капиталистическим предприятием кооперативное. Какую бы форму не имело последнее, какие бы цели оно ни преследовало, оно никогда не преследует цели получения капиталистической прибыли.

Правда, кооперативное предприятие нуждается в капитале не сколько не менее всякого другого. Нуждаясь в капитале, оно принуждено и оплачивать этот капитал соответствующим процентом. Но оплата капитала для кооперативного предприятия отнюдь не есть цель, а лишь средство для достижения иных целей. Оплата капитала для кооператива есть неизбежное зло, расход, от которого нельзя уклониться, но который кооператив стремится свести к минимуму. И это характерно для всех без исключения форм кооперативов. Именно по этому признаку можно безошибочно определить, имеем ли мы перед собой кооператив или предприятие капиталистического типа.

Возьмем, например, потребительское общество. Оно имеет пaeвой капитал, на который начисляется процент. Но потребительское общество существует отнюдь не для того, чтобы доставлять своим пайщикам наивысший доход на их пай; наоборот, потребительское общество назначает по возможности низкий процент на пай, а всю свою чистую выручку распределяет между заборщиками товара, по-

требителями. Значит, оно существует не в интересах капитала, а в интересах потребителей.

Именно поэтому потребительское общество и является кооперативом. Конечно, для организации потребителей открыта возможность распределять свою выручку и иным образом, например между своими пайщиками пропорционально внесенному каждым паяю. И действительно, существуют общества потребителей различного рода: одни распределяют выручку между пайщиками пропорционально паям, а другие — между всеми своими покупателями пропорционально закупкам каждого. Так, например, лондонские чиновничьи общества потребителей распределяют свои доходы между пайщиками, а рабочие потребительские общества так называемого «рочдельского» типа — между покупателями пропорционально закупкам. И те и другие общества именуют себя кооперативными.

Однако деятели английского кооперативного движения не признают чиновничьи общества потребителей кооперативами, так глубоко различия во всех основных чертах устройства обществ рочдельского и чиновничьего типов. В то время как рочдельские общества образуют мощные союзы, входят в состав обществ оптовых закупок, охватывающих всю страну, чиновничьи общества потребителей держат себя особняком и никакого общения с рочдельскими обществами не имеют. Как бы ни называть чиновничьи общества, кооперативами или нет (сами себя они, как сказано, называют кооперативами), несомненно, что рочдельские и чиновничьи организации по всем своим целям и условиям развития существенно различной социально-экономической природы. Именно потому английские кооператоры и настаивают, что если называть рочдельские общества кооперативами, то в этом названии следует отказывать чиновничьим обществам, дабы не присваивать одного общего имени социальным образованиям существенно различной природы.

Чем же принципиально отличаются потребительские общества рочдельского и чиновничьего типов? Да тем, что они преследуют совершенно различные цели. Рочдельские общества существуют в интересах потребителей: конечно, они не могут обойтись без капитала и должны вознаграждать капитал, но служат они интересам не капитала, а потребителей; это явствует из распределения чистой выручки этих обществ, возвращаемой потребителям, а не достающей-

ся владельцам паевого капитала. Напротив, чиновничьи общества служат лишь отчасти интересам потребителей, более же интересам своих пайщиков, ибо доход этих обществ распределяется между пайщиками как обычный дивиденд акционерных обществ. И потому, хотя эти общества и называют себя кооперативами, по своей экономической природе они ближе к капиталистическим компаниям, чем к истинным кооперативам. Если это и кооператив, то промежуточного типа между действительным кооперативом и капиталистическим товариществом.

Перейдем от потребительских обществ к кооперативам других типов. Возьмем, например, кооперативы по сбыту, хотя бы маслодельную артель. Чистая выручка за проданное масло распределяется в маслодельной артели между ее членами пропорционально количеству поставленного молока. Какой смысл имеет такое распределение выручки? Почему выручка распределяется не пропорционально паевому капиталу, а пропорционально молоку? Ведь в стоимость производства масла входит не только молоко, но и многое другое. Казалось бы, всего рациональнее было бы распределять выручку пропорционально доле каждого в расходах по производству масла, т.е. пропорционально внесенному капиталу, включая сюда и ценность поставленного каждым молока.

Однако маслодельная артель, как неизменное правило, распределяет чистую выручку не по паевому капиталу, а по поставленному молоку. Очевидно, для такого распределения выручки существуют серьезные основания. Пaeвой капитал в маслодельной артели получает свою долю, но артель стремится свести доход паевого капитала к минимуму, совершенно так же, как и потребительское общество. Оно оплачивает паевой капитал определенным процентом по возможности менее высоким, а всю частную выручку предприятия передает поставщикам молока. Именно поэтому маслодельная артель и является кооперативом; при другом же распределении выручки маслодельная артель превратилась бы в капиталистическое товарищество.

Итак, и маслодельная артель нисколько не менее потребительского общества стремится свести к минимуму вознаграждение капитала: она существует в интересах не капиталистов, а производителей молока. Этим и объясняется распределение выручки по количеству поставленного молока.

Кредитный кооператив чистого типа (райффайзеновское кредитное товарищество) совсем не имеет паевого капитала или имеет его в ничтожных размерах. Он оплачивает процентом вклады, но существует в интересах не вкладчиков, которые никакого участия в управлении товариществом не принимают, а исключительно в интересах заемщиков, интересы которых требуют возможного понижения процента на капитал. Таким образом, в кредитном кооперативе некапиталистический характер предприятия выступает с полной очевидностью.

Наконец, если мы возьмем производительную артель, то весь смысл ее заключается в стремлении устранить хозяина-капиталиста путем передачи ведения всего дела самим рабочим. Место предпринимателя-капиталиста занимают сами рабочие, удерживающие в своих руках тот прибавочный продукт, который ранее захватывался предпринимателем. Этот прибавочный продукт, который в руках предпринимателя был прибылью, оставаясь в руках создавших его рабочих, становится трудовым доходом.

Итак, к какому бы виду кооператива мы ни обратились, везде, без всякого исключения, мы встречаем следующую характерную черту: кооператив в противоположность капиталистическому предприятию не только не стремится к получению наибольшей прибыли на вложенный капитал, но стремится к обратному — возможному уменьшению капиталистической прибыли. Капитал всегда рассматривается кооперативом как некоторая враждебная сила, без помощи которой обойтись невозможно и которую необходимо поэтому оплачивать, но оплачивать возможно более низко.

Можно, пожалуй, на это возразить, что и в капиталистическом предприятии предприниматель-капиталист хотел бы оплатить возможно ниже тот капитал, который он получает со стороны, путем кредита. Однако предприниматель-капиталист стремится получить возможно более высокую прибыль на свой собственный капитал, вложенный в дело. Кооператив же относится к своему капиталу совершенно так же, как и к чужому капиталу: кооператив по возможности ограничивает плату не только за тот капитал, который он получает от посторонних путем кредита, но и за капитал, который вложен в дело самими хозяевами кооператива, пайщиками. Иными словами, кооператив относится к своему собственному капиталу как

к чему-то постороннему, чуждому, совершенно так же как капиталист-предприниматель относится к чужому, не своему капиталу. Возьмем, например, акционерную компанию: она может располагать капиталом двоякого рода — собственным, акционерным, и чужим, облигационным. Процент за облигационный капитал акционерная компания, естественно, стремится свести к минимуму, но лишь для того, чтобы тем более повысить дивиденд на акционерный капитал. Потребительское общество также имеет свой капитал — вложенные в общество его членами пай. Этот пайщидкий капитал соответствует акционерному капиталу в акционерной компании. Но потребительское общество не только не стремится довести до максимума доходность этого капитала и, наоборот, старается ограничить этот доход возможно более низким процентом: оно относится к своему капиталу так, как капиталист относится к капиталу чужому. Этим и обнаруживается с полной очевидностью некапиталистическая природа кооператива.

4. Характер дохода кооперативных предприятий

Вопрос о природе доходов кооперативов представляет не только теоретический интерес, но имеет также и большое практическое значение в связи с вопросом об обложении налогами кооперативных предприятий. Английское законодательство проводит резкое различие в этом отношении между потребительскими обществами и капиталистическими торговыми предприятиями. Напротив, в Германии налоги на потребительские общества являются одним из средств борьбы государственной власти с этими экономическими организациями. Точно так же и у нас, в России, вопрос об обложении кооперативных предприятий до сих пор не получил вполне определенного решения. Потребительские общества подлежат у нас торговому обложению, если их паевой капитал превышает 10 тыс. руб.

В этих колебаниях государственной власти в ее отношении к кооперативам как к предметам обложения сказывается в числе прочего также и неясность кооперативной теории. Что такое кооператив? Если кооператив принципиально не отличается от капиталистического предприятия, а представляет собой лишь своеобразную форму такового, если доход кооперативного предприятия не что иное, как прибыль, подобно доходу других капиталистических предприятий,

то принципиально трудно возражать против того, чтобы государство подчиняло кооперативы тем же налогам, которым подчиняются капиталистические предприятия вообще.

Доход потребительских обществ кажется всего более сходным с капиталистической прибылью. В то же время потребительские общества, как общества пролетарского типа, встречают наиболее враждебное отношение со стороны многих слоев современного общества, а также во многих странах и государственной власти; подчинение их обычному промысловому обложению является вполне действительным тормозом их развития и роста. Отсюда громадная практическая важность для кооперативного мира доказать некапиталистическую природу доходов потребительских обществ.

Развиваемая при этом аргументация имеет обычно следующий характер. Величина дохода потребительского общества может быть больше или меньше, в зависимости от того, как высоки цены, по которым потребительское общество продает продукты своим членам. Если бы общество продавало продукты по себестоимости (чего обычно нет, но что возможно и в отдельных случаях имеет место), то общество не имело бы никакого денежного дохода и в этом случае, очевидно, не получало бы никакой прибыли. Однако оно не потеряло бы внутреннего смысла своего существования, так как члены его получали бы и в этом случае определенную выгоду, которая сводилась бы к приобретению необходимых предметов потребления по низшей цене. Отсюда следует, что потребительское общество мыслимо без всякого денежного дохода и, значит, без всякой прибыли. Если же мы возьмем обычное потребительское общество рочдельского типа, которое продает продукты своим членам по рыночной цене, то в этом случае общество действительно имеет в конце года определенный денежный доход. Но этот денежный доход является не прибылью, а накопленными суммированными сбережениями членов, которые в первом случае получались бы ими по частям при каждой отдельной покупке.

Такова обычная аргументация, выдвигаемая кооператорами, когда им нужно обосновать свое требование об освобождении потребительских обществ от торгово-промышленного обложения. В полной убедительности этой аргументации позволительно усомниться.

Действительно, недостаточность приведенной выше аргументации очевидна. Чем является по своей природе доход потреби-

тельских обществ? Возьмем следующий пример. Перед нами две фабрики: одна принадлежит акционерной компании, другая — потребительскому обществу и работает только на нужды потребительского общества при помощи наемного труда. В капиталистической природе дохода первой фабрики не может быть ни малейшего сомнения. Доход акционеров (хотя бы этими акционерами были рабочие, как это иногда имеет место в английских фабриках) является капиталистической прибылью. На каком же основании мы не признаем прибылью доход, доставляемый потребительскому обществу его фабрикой, на которой рабочие точно так же работают по найму, как и на всякой другой фабрике. Если доход фабрики потребительского общества не есть прибыль, то к какой категории общественного дохода мы должны его отнести?

Экономическая наука различает в капиталистическом обществе три основных категории общественного дохода: земельную ренту, прибыль и заработную плату. Очевидно, что доход рассматриваемой фабрики не есть земельная рента; точно так же ясно, что этот доход не представляет собой и заработной платы членов потребительского общества, ибо потребительское общество является хозяином фабрики, работа на которой производится наемным трудом. Значит, доход этот должен быть признан прибылью. Другого выхода, по-видимому, нет.

Но если согласиться с этим, то нельзя останавливаться на полдороге и необходимо идти дальше. Если доход потребительского общества с его фабрики является прибылью, то каким образом можно отрицать капиталистическую природу всех остальных доходов потребительского общества? Разве существует принципиальное различие между различными элементами этого дохода? Часть своего капитала общество затрачивает на устройство фабрики; другая часть идет на приобретение товаров, устройство торгового помещения, складов и т. д. Мы называем торговой прибылью доход торговца, получаемый им благодаря закупке товара по низшей цене сравнительно с рыночной, по которой торговец продает эти товары своим покупателям. Разве не такой же природы доход потребительского общества? Если доход потребительского общества с его фабрики мы признали прибылью, то мы не можем иначе рассматривать доход общества с его торгового предприятия.

Можно опять применить ту же аргументацию и спросить, что же такое, если не прибыль, торговый доход потребительского общества, и по методу исключения (это, несомненно, не земельная рента и не заработная плата) прийти к выводу, что весь доход потребительского общества есть несомненная прибыль. Потребительское общество борется с капиталом его собственным оружием. Оно ставит себе целью присвоить прибыль капиталиста-предпринимателя, будет ли это торговый посредник или промышленный предприниматель, все равно. Но прибыль остается прибылью, в чьих бы руках она ни оставалась. Конкурируя с капиталистом, потребительское общество, даже если все члены его являются пролетариями, само делается капиталистом, и значит, и его доход не может не иметь капиталистической природы.

В пользу такого понимания природы потребительского общества и получаемого им дохода, можно, по-видимому, привести очень многое. Не подлежит ни малейшему сомнению, что в пределах потребительского общества между им самим и его служащими и рабочими существует известная рознь интересов, принципиально не отличающаяся от розни интересов труда и капитала вообще. Разве потребительские общества не эксплуатируют своих рабочих? И разве рабочему не все равно, кто его эксплуатирует, обычный ли капиталист или общественная организация в лице потребительского общества, если степень эксплуатации в том и другом случае одинакова?

Таким образом, доход потребительского общества следует, по-видимому, признать просто предпринимательской прибылью, а само общество — одним из видов капиталистических предприятий. Однако и это, казалось бы, такое естественное решение вопроса наталкивается на непреодолимые трудности.

Дело в том, что прибыль всякого капиталистического предприятия есть нечто, вполне определенное и объективно существующее. Можно спорить о наилучших приемах учета капиталистической прибыли, но все эти приемы исходят из представления о прибыли, как о чем-то, допускающем количественное измерение. Но что такое по своим количественным размерам доход потребительского общества? Если этот доход есть не что иное, как прибыль, то как она велика в каждом данном случае? Совершенно ясно и не подлежит ни малейшему спору, что прибыль эта отнюдь не определяется размером того денежного

остатка, который в конце каждого года распределяется между членами потребительского общества. Ведь если бы мы предположили, что общество не имеет никакого денежного остатка, подлежащего распределению, благодаря продаже обществом его продуктов по себестоимости, то выгоды, получаемые членами общества от данной хозяйственной организации, отнюдь не исчезли бы и даже могли бы не уменьшиться по своим размерам, а только распределились бы иначе во времени: вместо того чтобы получать раз в год свои суммированные выгоды, каждый член общества получал бы их по частям, при каждой своей отдельной покупке. Точно так же если бы общество повысило продажные цены и этим повысило свой доход, то реальные выгоды членов общества отнюдь не испытали бы увеличения, так как увеличению суммы, получаемой каждым членом в конце года, соответствовало бы и увеличение расходов каждого члена в течение года. Таким образом, размер «прибыли» потребительского общества не может быть определен по денежному остатку, распределяемому между членами общества.

Но каким же другим способом может быть определена эта прибыль? Единственным рациональным способом этого определения мог бы быть только следующий: нужно установить, по каким ценам члены потребительского общества приобретали бы продукты данного качества, если бы этого общества не существовало. Затем нужно определить, во что обходятся те же продукты при приобретении их от потребительского общества (принимая, конечно, в соображение и денежные суммы, распределяемые обществом между его членами). Разница между первой и последней ценами и определяет экономическую выгоду членов общества от существования последнего.

Дело, однако, в том, что если последняя цена и допускает точный учет, то первая совершенно неопределима. Действительно, как установить цену, по которой член общества приобретал бы продукт при отсутствии общества? Если общество только что возникает, то к решению этой задачи еще можно подойти с той или другой стороны. Но возьмем район, где потребительские общества существуют издавна и имеют большое развитие, — какой-нибудь Цюрих или Глазго. Не нелепа ли в данном случае сама постановка вопроса: каковы были бы цены в розничной торговле этих продуктов, если бы в них не существовало потребительских обществ? Ответить на подобный

вопрос почти так же невозможно, как ответить на вопрос, каковы были бы цены в этих городах при отсутствии в них капиталистической розничной торговли, ибо и капиталистическая торговля, и общества потребителей суть неустраняемые и основные факторы строения цен в этих пунктах.

Итак, никаких определенных данных для измерения размеров «прибыли» потребительских обществ мы не имеем. Очевидно, если это и прибыль, то прибыль крайне своеобразная, глубоко отличающаяся по своей экономической природе от прибыли капиталистических предприятий. Лучше сказать, это совсем не прибыль, ибо прибыль неопределенная и не допускающая количественного учета не есть то, что называют капиталистической прибылью.

Но что же такое доход потребительских обществ, если не прибыль? Мы опять вернулись к своему исходному вопросу, приобретшему решительно загадочный характер.

Чтобы подойти к его решению, вспомним об основном делении бюджета каждого хозяйства — приход и расход. Хозяйственная деятельность всегда направлена к получению наибольших выгод. Но выгоды эти могут иметь двойственный характер: они могут заключаться или в увеличении прихода, или в уменьшении расхода. Выгоды первого рода по своей природе всегда допускают точное определение; выгоды второго рода нередко по самому существу такому определению недоступны.

Возьмем конкретный пример. Сельский хозяин желает увеличить удоимость своих коров и с этой целью изменяет характер даваемого им корма. Полученные им с этого выгоды могут быть легко учтены по увеличению количества молока, доставляемого каждой коровой. Это вновь полученное молоко соответственно увеличит доход данного хозяйства.

Но пусть тот же сельский хозяин, чтобы уменьшить опасность заболевания своих коров, прививает им сибирскую язву. Такой образ действий хозяина, если опасность заболевания сибирской язвой велика (например, если болезнь появилась в соседнем стаде), несомненно, вполне рационален и выгоден для хозяйства. Но определить размер полученной выгоды совершенно невозможно, ибо невозможно знать, заболел бы данный скот определенной болезнью или нет, если бы прививок не последовало.

В первом случае полученная выгода имеет определенный характер, ибо это есть новая ценность, поступившая в приход данного хозяйства. Во втором случае никакой новой ценности от данной хозяйственной операции не получилось, ибо операция эта имела в виду лишь предотвратить возможный убыток.

Возможный убыток есть по самой своей природе нечто неопределенное, как и все лишь возможное, но реально неосуществившееся; полученный же прирост ценности имеет вполне реальный характер и допускает точное измерение.

Рациональное хозяйство должно принимать меры в двояком направлении: как к увеличению своего реального прихода, так и к уменьшению своего реального расхода, причем в последнем случае могут иметься в виду не только возможные, ожидаемые, но и реально еще не наступившие опасности. Такой характер имеют все операции страхования и многое другое.

Теперь мы можем понять природу выгод, доставляемых потребительским обществом его членам. Эти выгоды заключаются не в увеличении дохода последних, а в уменьшении их расходов. Потребительское общество не дает своим членам нового дохода, но оно сокращает их расходы, и в этом его польза.

Насколько именно сокращает общество эти расходы, сказать невозможно, так как в данном случае приходится учитывать не реально существующие экономические факторы, а исходить из предположения возможного, но реально не существующего экономического положения.

Итак, трудность или, точнее, невозможность определить экономическую природу дохода потребительских обществ зависела от того, что суммы, распределяемые потребительским обществом между его членами, вообще не являются в экономическом смысле доходом. Он суть лишь сбереженная членами общества часть расходов последних.

В данном случае дело идет вовсе не о тонкостях экономической терминологии, а о реальных экономических различиях огромной важности. Предположим, например, что рабочие устраивают на свои сбережения фабрику, на которой работа производится рабочими, нанимаемыми со стороны. Хозяевами данной фабрики будут только рабочие; но как бы демократически не было организовано управле-

ние данной фабрики, как бы не было велико равноправие между ее хозяевами, она никогда не составит кооператива, если будет ставить своей целью продажу продуктов на сторону. Она явится вполне капиталистическим предприятием, подчиненным всем законам капиталистических предприятий. Хозяева фабрики, рабочие, могут преследовать только одну цель при устройстве этой фабрики — получить наибольшую прибыль на затраченный ими капитал. Чем лучше будет вестись фабрика, тем больше будет доставляемая ею прибыль. При удаче операции фабрики могут неограниченно расти, и соответственно этому может расти и прибыль, получаемая хозяевами. Хотя устроителями фабрики были рабочие и фабрика устроена ими на заработанные деньги, но ничто не мешает тому, чтобы рабочие — хозяева фабрики стали по истечении известного времени крупными капиталистами и вышли из рядов рабочего класса.

Рабочий, имеющий пай на фабрике, на которой начисляется дивиденд, получает доход из двоякого источника: с одной стороны, — со своего труда, с другой стороны — со своего капитала. Чем лучше идет принадлежащее ему капиталистическое предприятие, тем важнее капиталистический доход такого рабочего, и в конце концов рабочий может превратиться в настоящего капиталиста, переставая лично работать по найму, в чем исчезнет надобность вследствие увеличения его нетрудовых доходов.

Возьмем теперь фабрику, принадлежащую потребительскому обществу рабочего состава. Ее хозяевами являются такие же рабочие, как и хозяева первой фабрики. Но эта фабрика работает не на сторону, а на потребительские нужды членов потребительского общества.

Получая свою долю на заборный рубль, член потребительского общества получает нечто совершенно иное, чем хозяин первой фабрики. И это лучше всего видно из следующего. Как бы хорошо ни шли дела второй фабрики, денежный доход от нее не может превзойти очень узких размеров, — он не только не может превысить размер доходов ее хозяев из других источников, но даже не может достигнуть полных размеров этих последних доходов. В самом деле, ведь в виде доли на заборный рубль рабочий возвращает себе часть своих расходов, производимых им из его же заработка. Как бы удачно ни шли дела потребительского общества, но расходы его не могут быть сведены до нуля, значит, рабочий во всяком случае получит обратно

от потребительского общества в виде денежного остатка меньше того, что он дал.

Итак, потребительское общество ни в каком случае не может превратить рабочего в капиталиста. Чтобы получить свою долю доходов потребительского общества, рабочий должен прежде всего израсходовать свои деньги. Откуда же он их может получить? Только путем продажи своей рабочей силы. Никакого нового источника дохода потребительское общество своему члену не дает, ибо оно согласно сказанному имеет своей целью уменьшить расходы потребителя, а не дать новые источники дохода производителю.

Правда, и капиталистические предприятия стремятся к сбережению расходов, но предприятия эти, сберегая расходы, тем самым повышают свою прибыль, между тем как потребительское общество, сберегая расходы, никакого нового дохода не создает.

То обстоятельство, что выгоды потребительского общества находятся в известной зависимости от эксплуатации обществом труда его служащих и рабочих, ничего не меняет в этом положении дела. Далеко не всегда эксплуатация труда приводит к возникновению специфического капиталистического дохода — прибыли. Возьмем, например, труд домашней прислуги. Ее труд эксплуатируется нанимателями несколько не менее, чем труд рабочего, занятого на фабрике. Однако никому в голову не приходит, вычисляя свои доходы, причислять к ним еще «прибавочный труд» своей домашней прислуги.

Может быть, однако, это просто неточность составления баланса домашнего хозяйства? Отнюдь нет. Приравнивать «прибавочный труд» домашней прислуги прибавочному труду рабочего, занятого в капиталистическом предприятии, значит совершенно не понимать природы капиталистического хозяйства и природы капиталистической прибыли.

Сущность капиталистического хозяйства сводится к тому, что капиталист бросает в оборот известную ценность, которая затем к нему возвращается, но в возросшем виде. Этот прирост ценности образует собой прибавочную ценность, ради которой и предпринимается капиталистом вся данная операция.

Если капиталист дает рабочему на своей фабрике работу, то лишь для того, чтобы уплаченная заработная плата вернулась обратно к уплатившему в возросшем виде. Капиталист совершенно равнодушен

к тому, какую именно работу выполняет рабочий, каким потребностям удовлетворяет изготовленный рабочим продукт, как влияет этот продукт на те или иные общественные интересы и т.д., и т.д. Ему важно только одно — чтобы ценность полученного им продукта возможно больше превышала сделанные затраты, чтобы возникла возможно большая прибавочная ценность и вернулась к своему исходному пункту — кассе капиталиста, пустившего ценность в оборот.

Что сущность круговорота капитала именно такова, об этом не может быть серьезного спора. Посмотрим теперь, имеется ли что-либо общее по своему внутреннему экономическому содержанию между наймом рабочего на фабрику и наймом домашней прислуги.

Я нанимаю за 20 руб. в месяц кухарку вовсе не потому, что я хочу пустить в оборот свои 20 руб. и превратить их, скажем, в 25 руб. Мои побудительные мотивы совсем иные, не имеющие ничего общего с мотивами капиталиста. Мне нужна не прибавочная ценность — мне нужен обед. И чтобы получить обед, я плачу кухарке. И если согласиться, что я эксплуатирую свою кухарку, то все же окажется, что капиталист эксплуатирует своих рабочих ради прибыли, а я эксплуатирую свою кухарку ради потребительских целей, ради хорошего обеда, а это далеко не одно и то же.

Допустим, что фабрикант увеличил эксплуатацию своего рабочего, повысив его рабочий день на 1 ч. Это вызовет соответственно увеличение прибыли фабриканта.

Если же я увеличу эксплуатацию своей кухарки, повысив ее рабочий день на 1 ч., то я не увеличу своей прибыли от кухарки, ибо и раньше никакой прибыли от нее не получал. Увеличение рабочего дня кухарки даст мне, быть может, возможность улучшить мой стол — вот и все. Я существенно выиграю, как и фабрикант, но мой выигрыш будет другой экономической природы — у капиталиста возросла прибыль, у меня же улучшилось потребление.

Правда, новая прибыль фабриканта может быть затрачена им на улучшение его потребления, и, таким образом, окончательный результат в обоих случаях будет тот же. Но достигнут-то он будет разными путями: в первом случае увеличение эксплуатации труда (в капиталистическом хозяйстве) превращается в добавочную прибыль, а затем добавочная прибыль превращается в добавочные предметы по-

требления капиталиста; во втором же случае (в домашнем хозяйстве) увеличение эксплуатации труда никакой добавочной прибыли не дает, а имеет своим непосредственным результатом улучшение условий домашнего хозяйства.

Вообще, капиталистическое хозяйство есть прибыльное, а не потребительское хозяйство — это нужно твердо помнить. Движущей силой капиталистического хозяйства является абстрактная прибавочная ценность; напротив, движущей силой потребительского хозяйства является потребность в тех или иных конкретных хозяйственных предметах.

Потребительское общество по самой своей природе преследует потребительские цели. Как бы оно ни эксплуатировало труд своих служащих и рабочих, оно не может утратить этого своего основного характера. И потому уменьшение расходов на домашнее хозяйство, к чему стремится потребительское общество, нечто совершенно иное, чем увеличение прибыли, к чему стремится капиталистическое предприятие. Суммирование в одно целое ряда этих сбережений и выдача их в конце года члену потребительского общества не изменяет экономической природы таких сбережений и не делает их прибылью, хотя бы эти суммированные сбережения и назывались «дивидендом», подобно капиталистической прибыли акционерных обществ.

Отсюда видно, как велико различие социально-экономической природы потребительского общества и капиталистического предприятия, кому бы последнее ни принадлежало, — лицам капиталистического класса или, при акционерной форме предприятий, — рабочего класса.

Перейдем теперь к другим видам кооперативных предприятий. Совершенно ясно, что доход производительной артели является принципиально трудовым доходом и в качестве такового ничего общего с нетрудовой капиталистической прибылью не имеет. К какому же подразделению тройственной группы доходов — земельной ренте, прибыли и заработной плате относится этот доход? Ни к какому, по той простой причине, что эти три вида дохода предполагают капиталистический способ производства, в данном же случае производство не имеет капиталистического характера. Поэтому доход производительной артели, равно как и

доход одиночного самостоятельного производства, стоит вне названного тройственного деления.

Правда, в доходе производительной артели могут быть и нетрудовые элементы, общие с капиталистической прибылью. Так, например, поскольку доход артели основывается на разнице между покупной и продажной ценой приобретаемых материалов, доход этот принципиально не отличается от торговой прибыли. Но не эти извне привходящие элементы определяют собой экономическую природу дохода артели. Артель устраивается не для спекуляции на разнице покупной и продажной цены, а для достижения наилучшего использования в интересах рабочего его рабочей силы. Торговая спекуляция является посторонним элементом в деятельности артели. Напротив, трудовой доход составляет самое существо ее, и изображать трудовую артель компанией капиталистов-спекулянтов, значит совершенно исказить действительность.

Возьмем другие виды кооперативов — кооперативы по сбыту продуктов труда членов кооперативов и по переработке этих продуктов. Кооперативы эти во многих случаях по своей внешней форме значительно сближаются с ультракапиталистическими организациями нашего времени — картелями и синдикатами капиталистов. Одна из важнейших целей этих капиталистических организаций заключается в совместной продаже продуктов каждого отдельного предприятия. Для этого картель устраивает общую контору продажи, причем полученная прибыль обычно разверстывается между участниками картеля в соответствии с количеством проданного через посредство общей конторы продукта. Чем больше продуктов продает через общую контору каждое отдельное предприятие, тем больше причитающаяся ему доля общей прибыли. Перед нами полная аналогия с распределением выручки в кооперативах для сбыта.

Не следует ли такой капиталистический картель — например, хоть бы русскую знаменитую «Продамету»¹³ недавнего времени, — признать кооперативом? Экономическая форма «Продаметы» принципиально не отличалась от любого кооператива сбыта. Правда, юридически общество «Продамета» была не что иное, как обычная акционерная компания с такими же акциями, дивидендом на них и т.д. Но эта акционерная форма была только обманчивой видимостью. На самом же деле «Продамета» отнюдь не походила на обычную ак-

ционерную торговую компанию, и это с полной очевидностью выступало из поразительного несоответствия между оборотами «Продаметы» и ее акционерным капиталом. Основной капитал «Продаметы» при учреждении этого общества был определен всего в 100 тыс. руб., между тем обороты его в ближайшие же годы достигли десятков миллионов рублей. Отсюда ясно, какое ничтожное значение имел для оборотов «Продаметы» ее основной капитал. Объясняется это тем, что «Продамета» не покупала товаров, а только продавала их по поручению ее членов. Она была организована в виде акционерного общества только для того, чтобы получить права юридического лица.

Акции «Продаметы» не могли быть отчуждены по усмотрению акционеров, но распределялись между участниками пропорционально доле участия каждого в сбыте соответствующих товаров; поэтому и прибыль «Продаметы» распределялась фактически между ее членами таким же порядком, подобно тому как в артельной маслодельне полученный доход распределяется пропорционально количеству поставленного молока.

Некоторые теоретики кооперации не прочь, по-видимому, признать подобные капиталистические организации за настоящие кооперативы. Но ведь совершенно очевидно, что экономическая роль и все условия развития капиталистических картелей и трестов не имеют ничего общего с ролью и условиями развития в современном обществе кооперативов. Ни один кооператор не предложит всерьез включить в кооперативные союзы и организации также и капиталистические картели и тресты. Если же теоретики кооперации приходят в результате своих попыток определить кооперацию к признанию кооперативами и картелей, то это является лучшим доказательством неудачности этих попыток, сведением к абсурду данных теоретических построений.

Итак, чем же отличаются кооперативы по сбыту от капиталистических контор сбыта, иначе говоря, картелей? Только тем, что первые организации объединяют трудовых производителей, а вторые — капиталистических предпринимателей. Различие юридической структуры тех и других есть следствие этого основного их различия.

Кооперативы по сбыту не нуждаются в юридической форме акционерной компании потому, что они не преследуют капита-

листических целей. Как и картели, они стремятся к повышению доходов их членов; но так как членами кооперативов являются не капиталисты, а трудящиеся производители, то и кооперативы по сбыту увеличивают трудовые доходы своих членов.

Опять-таки, как мы видели на примере производительных артелей, нельзя провести точной разграничительной черты между трудовыми и нетрудовыми элементами доходов самостоятельных производителей, образующих кооператив по сбыту. Каждый производитель стремится продать свой продукт по возможно высшей цене, и это верно как относительно капиталистических, так и трудовых производителей. Если продажная цена продукта мелкого производителя не соответствует его относительной трудовой стоимости, то в ней имеются нетрудовые элементы — мелкий производитель получает доход, аналогичный торговой прибыли. Но мелкие производители по самой природе капиталистического общества являются в нем не сильнейшим, а слабейшим общественным классом. Они борются не за повышение их трудового продукта выше трудовой нормы, а стараются оградить себя путем кооперативной организации от понижения цены их продуктов капиталистами-посредниками ниже этой нормы.

«Продавец всегда стремится, — сказал известный теоретик кооперации Оппенгеймер¹⁴, — к возможно большей прибыли». Это сказано очень неточно. Действительно, всякий продавец всегда стремится к наибольшей выгоде, но эта выгода не всегда имеет характер капиталистической прибыли. Если продавец продает свой собственный трудовой продукт капиталисту-посреднику, то, как общее правило, не он является эксплуататором покупателей, а покупатель его эксплуатирует. Торговый посредник обладает капиталом, а мелкий производитель находит опору только в своем труде. Повышение продажной цены продукта мелкого производителя отнюдь не превращает его в капиталиста, но, как общее правило, только уменьшает эксплуатацию мелкого производителя капиталистом-посредником.

Но и по самому существу дела продажная цена продукта трудового производителя не может превысить, как общее правило, трудовой нормы. И это потому, что если бы нечто подобное произошло, если бы продажные цены в данной отрасли производства существенно повысились против названной нормы, то мелкий производитель получил бы сильный мотив к расширению своего предприятия

путем привлечения к нему наемного труда; таким образом, мелкий производитель развивался бы в мелкого капиталиста. Кооперация мелких производителей повела бы в этом случае к превращению трудовых производителей в мелких капиталистов. Но организация, в которой трудящиеся элементы перестали бы давать тон, неизбежно утратила бы и специфические черты кооператива, которые обычно считаются его признаками, как-то: демократизм, личное начало и т. д. Все эти черты суть неизбежное и неустранимое следствие существенной природы кооператива — того, что кооператив объединяет трудовые, а не капиталистические элементы.

Капиталистическая организация имеет всегда крайне характерный облик. Весь смысл этой организации заключается в стремлении к наибольшему барышу. Отсюда тенденция к неограниченному расширению оборотов предприятия, ибо жажда наживы никогда не достигает насыщения. Капиталу свойственно становиться самоцелью, подчинять себе не только весь строй данной экономической организации, но и самого человека.

Кооперативы характеризуются прямо противоположными чертами. Их цель — не наибольшая прибыль, но наибольшая степень благосостояния членов кооператива: они не только не подчиняют человека капиталу, но, наоборот, ставят своей задачей избавить человека от такого подчинения.

И в этом смысле кооператоры, настаивающие еще со времен Шульце-Делича¹⁵ на том, что кооперация есть союз лиц в противоположность союзам капиталов, совершенно правы. Недостатком определения кооператива как союза лиц является лишь неопределенность и неясность этого понятия. Нужно показать, какой же экономический смысл имеет противопоставление понятия лица понятию капитала.

Вопрос о природе доходов кооперативов может быть решен следующим образом. Доход кооперативного предприятия принципиально глубоко отличен от капиталистической прибыли. Правда, элементы прибыли могут примешиваться к доходу кооперативов. Но они всегда являются инородным телом в природе этого дохода, явлением ненормальным, препятствующим кооперативу достигать своих основных целей, началом капиталистического вырождения кооператива, которое постигает очень многие кооперативы, но кото-

рое никоим образом не может считаться выражением их внутренней сущности. Кооперация выросла на капиталистической почве и имеет капиталистическую форму; но в этой капиталистической форме живет совершенно иной, некапиталистический дух, влекущий человечество на новые пути, создающий новые общественные формы, настолько противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплуатации и насилию.

5. Кооператив и муниципальные предприятия

Итак, кооператив не только не есть капиталистическое предприятие, но именно в борьбе с капиталом и заключается самая сущность кооперативного движения. В своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу, враждебную капиталу. Кооперативы служат интересам не капиталистов, а тех, кто страдает от капитализма. Кооперация есть одна из форм самозащиты трудящихся классов от натиска капитала.

Каждый вид кооперативов имеет своей специальной задачей борьбу с определенным родом капитала. Так, например, потребительские общества ведут борьбу прежде всего с розничными торговцами, торгующими предметами широкого массового потребления; на следующей ступени развития потребительские общества, объединенные в общества оптовых закупок, вступают в борьбу и с оптовыми торговцами, а еще на следующей ступени, когда они переходят к собственному производству, — и с промышленным капиталом. Товарищества по сбыту борются с капиталистами-скупщиками, закупочные товарищества — с капиталистами-продавцами. Производительные ассоциации стремятся уничтожить капиталиста-фабриканта, заменяя его организованным участием рабочих в руководстве промышленным предприятием.

Но не нужно забывать, что борьба кооперативов с капиталистом ведется ими не созданием совершенно нового хозяйственного строя, как пытались, и безуспешно, бороться с капитализмом социалистические общины. Кооперативы тоже создают новый мир, но теми орудиями, которые имеются в самом капитализме.

Развитие капиталистического строя, будучи, несомненно, прогрессивным процессом и повышая в огромной степени произ-

водительность общественного труда, в то же время сопровождается тяжелыми страданиями для широких масс населения. Мелкие производители терпят от конкуренции крупных капиталистических предприятий и в то же время, все более и более втягиваясь в сферу меновых отношений, утрачивают устойчивость своего хозяйства и попадают в зависимость от денежного и торгового капитала. Создаваемый ростом капиталистического производства пролетариат является новым общественным классом, лишенным средств производства и не обеспеченным в своем доходе, всецело зависящим от условий продажи рабочей силы.

В то время как мелкие производители страдают от развития капиталистических отношений в качестве предпринимателей, рабочие терпят от тех же отношений в качестве продавцов рабочей силы и потребителей. И для тех и для других возникает необходимость ограждения своих интересов от неблагоприятных последствий нового хозяйственного строя.

Самозащита трудящихся классов возможна только путем объединения их в более или менее обширные группы, мелкие самостоятельные производители, и рабочие являются, сравнительно с крупными предпринимателями, капиталистами, экономически более слабыми! Единоличная борьба отдельных представителей трудящихся классов с капиталистами невозможна. Но связанные общей организацией, трудящиеся классы могут с успехом противостоять капиталу.

Единичный пролетарий не располагает никакими средствами для борьбы с розничным торговцем, продающим ему предметы потребления плохого качества по непомерно высокой цене. Он не может заменить покупку у розничного торговца приобретением товара у оптовика, ибо он покупает по мелочам и не располагает капиталом, необходимым для покупки товара большими партиями. Но группа таких пролетариев, объединенная в качестве покупателей, представляет собой крупную покупательную силу, для которой покупка по оптовым ценам не представляет собой ничего невозможного. Точно так же мелкий производитель, выступая единолично, не имеет никакой возможности отстоять себе тех условий кредита, которые доступны крупному предпринимателю. Группа же мелких производителей при солидарной ответственности их друг за друга представляет собой не меньшее обеспечение исправного возврата полученной

ссуды, чем любой капиталистический заемщик. Также и при сбыте своих продуктов мелкий производитель, предоставленный своим единоличным силам, неизбежно попадает в зависимость от экономически более сильного капиталиста — покупателя, между тем как группа тех же производителей, выступая как одно целое на товарном рынке, легко достигает таких же условий продажи, как и крупный предприниматель.

В этом объединении многих лиц вокруг одной хозяйственной цели заключается источник силы кооперации. Кооперативы — не только хозяйственные предприятия, но и предприятия многоличные.

Хозяйственные организации в интересах широких общественных групп могут возникать двумя способами — принудительно или добровольно. Государство и его органы являются принудительной организацией, которая может ставить себе цели хозяйственные и успешно достигать их. Принудительные общественные организации могут создавать специальные учреждения для защиты хозяйственных интересов тех же общественных классов, которые объединяются и в кооперативы.

Кооператив защищает хозяйственные интересы экономически слабых общественных групп путем объединения их в одно хозяйственное целое. Но то же может делать государство или его органы — город и земство. И действительно, мы нередко видим, что принудительные общественные организации (например, муниципалитеты), так сказать, конкурируют с кооперативами в защите интересов совершенно того же порядка.

Потребительское общество борется за удешевление стоимости жизни нуждающихся классов населения. Но за ту же задачу борется и муниципалитет. Так, например, в последнее время под влиянием вздорожания жизни многие города устраивают городские лавки для продажи разных продуктов по умеренным ценам.

Другим примером того же рода являются государственные и общественные зернохранилища — элеваторы, устраиваемые государством и муниципалитетами для улучшения условий продажи хлеба. Те же цели преследуют и элеваторы, принадлежащие кооперативам.

Если мы вспомним, какой огромной экономической силой обладают принудительные общественные союзы, то самая возможность конкуренции с последними кооперативов покажется нам мало по-

нятной. Ведь государство и его органы собирают свои средства путем налогов. Экономические средства государства кажутся неисчерпаемыми. Напротив, кооперативы не только не обладают столь же обширными ресурсами, но, как общее правило, очень ограничены в своих денежных средствах. И это нисколько не удивительно. Ведь кооперативы возникают среди более бедных классов населения. Эти классы не располагают никакими избытками, никакими свободными капиталами.

Начинаются кооперативы обычно с самым ничтожным денежным капиталом, который только постепенно, после продолжительного существования кооператива, достигает больших размеров. Таким образом, перед нами две хозяйственные организации — одна из них располагает средствами, практически неисчерпаемыми и получаемыми в желаемых размерах путем принудительного обложения населения; другая же организация до последней степени стеснена в средствах, собираемых жалкими грошами среди более нуждающихся общественных классов. Разве возможна успешная конкуренция между организациями столь различной экономической силы?

Опыт показывает, что не только возможна, но что нередко кооперативы оказываются более пригодными для разрешения тех задач, которые они себе ставят, чем преследующие сходные цели учреждения, связанные с государством и муниципалитетами.

Городские лавки и тому подобные учреждения далеко не всегда имеют успех, несмотря на громадные средства, которые на них затрачиваются. Редко они себя окупают и обычно могут существовать только благодаря новым и новым затратам общественных средств. Напротив, кооперативы не только окупают себя, но и имеют возможность накапливать из своей выручки крупные сбережения. Накопленный английскими потребительскими обществами капитал считается десятками миллионов фунтов стерлингов, но, кроме того, эти общества имеют возможность возвращать своим покупателям из своей выручки свыше десяти миллионов фунтов стерлингов ежегодно.

Что же возмещает кооперативам недостаток капитала при начале дела? В чем источник их силы?

Ответ не труден. Если сила принудительных союзов заключается в возможности принуждения населения, то сила кооперативов заключается именно в их полной добровольности, в совершенной свободе

каждого члена принимать или не принимать в них участие. Кооператив является такой хозяйственной организацией, которая возникает совершенно свободно, без какого бы то ни было принуждения. Кооператив есть организованная самопомощь, и в этом его специфическая сила.

Сравним потребительское общество с лавкой, устраиваемой городом для борьбы с дороговизной тех или иных продуктов. В городской лавке управление принадлежит городским властям, которые сами непосредственно очень мало заинтересованы в том, чтобы лавка достигала своих целей. Лавка существует в интересах покупателей, но сами покупатели не принимают никакого участия в управлении ею. Они ничем не помогают управлению лавкой, относятся к ней так же, как и к любому капиталистическому предприятию.

Возьмем теперь потребительское общество. Правда, начинать ему приходится с грошей, и его первые шаги всегда сопряжены с огромными затруднениями. Но зато члены потребительского общества лично заинтересованы в том, чтобы оно достигало своих целей. Все покупатели суть вместе с тем и хозяева. Какое-либо упущение или неисправность управления лавкой контролируются самым действительным образом сотнями и тысячами участников кооператива. Всякий из них понимает, что неудача лавки есть его собственная неудача, и отсюда является готовность идти на известные жертвования своими экономическими интересами и своим временем и трудом для поддержания лавки.

Опираясь на эту солидарную заинтересованность всех своих клиентов, кооператив может достигать огромных результатов с самым ничтожным капиталом. Недостаток капитала заменяется общей готовностью сделать все возможное для успеха общего дела.

Муниципальное предприятие в интересах населения есть опека последнего сверху. Напротив, кооператив есть самопомощь самого населения.

Кооператив вызывает прежде всего к личной заинтересованности каждого. Но это не все — на личной заинтересованности основываются и капиталистические предприятия. Кооперация в этом отношении, как и в других, существенно отличается от капитализма.

Люди, поведение которых определяется только мотивами личного эгоизма, непригодны для кооперации. Правда, кооператив обещает

своим членам существенные экономические выгоды, но эти выгоды могут быть получены ими лишь в случае, если члены кооператива способны отказаться от своих выгод. Первые шаги кооператива всегда очень трудны, и кооператив не переживает болезней своего детства, если члены его будут думать только о своих личных интересах. На первых порах кооператив никаких выгод не дает, а требует жертв. Не только нужно вносить пай, что для тех классов населения, среди которых возникает кооператив и которые не обладают никакими избытками, очень и очень не легко, но нужно быть готовым и переносить последствия промахов и ошибок, неизбежных у руководителей нового дела. Кучка рабочих, решившихся основать потребительское общество, не располагает знанием рынка и вообще не обладает торговым умением. Поэтому, как общее правило, первое время рабочее потребительское общество оказывается по отношению к выполнению своих непосредственных задач — снабжению своих членов доброкачественными предметами потребления по умеренной цене — стоящим значительно ниже обычной капиталистической лавки. Для членов общества возникает соблазн покупать товары не в своей лавке, а у соседнего торговца, который к тому же предлагает товар в кредит, в то время как общество отпускает товар только за наличные.

Затем, само ведение дела — должности члена правления, ревизионной комиссии — требует значительной затраты времени и труда. А всякая свободная минута дорога рабочему человеку. Приходится жертвовать своим досугом и вместо того, чтобы отдыхать от утомительного труда, тратить время на скучные и нисколько не интересные мелкие хлопоты и счета.

Что же побуждает людей не отступать перед всеми этими трудностями и победоносно преодолевать их? Очевидно, только интерес к общему делу, общественное воодушевление, энтузиазм. Без такого энтузиазма невозможен успех кооператива.

Каких же душевных свойств требует кооперация от своих участников? Конечно, не равнодушия к личному интересу. Наоборот, кооператив предполагает личную заинтересованность и без нее не может иметь успеха. Личная заинтересованность создает тот непрерывный контроль, который так важен для успеха кооператива.

Приказчик продает в лавке потребительского общества товар плохого качества. Если покупатели лавки не привыкли беречь свою

копейку, то они могут и не обратить внимания на полученный ими от плохого качества товара небольшой хозяйственный ущерб. В результате этих мелких упущений получается плохое ведение всего дела. Напротив, если члены кооператива привыкли строго охранять свои интересы и избегать всякого хозяйственного ущерба, как бы ничтожен он ни был, то ни одно упущение правления не остается незамеченным и может быть, следовательно, исправлено.

Таким образом, мелочный контроль дела, исходящий от массы членов кооператива, пользующихся его услугами, есть необходимое условие успеха. А этот мелочный контроль может основываться только на привычке строго охранять свои интересы.

6. Определение кооператива и различие кооперации от других форм самопомощи трудящихся классов

Но охрана своих интересов должна соединиться у кооператора с готовностью жертвовать ими во имя общих интересов. Не чистый эгоизм и не чистый альтруизм, а солидарность интересов — вот духовная основа кооперации. Эгоизм лежит в основе капитализма, альтруизм — социализма, кооперация соединяет эгоизм с альтруизмом в сознании солидарности общего и частного интересов. В кооперативе интересы всех примирены и все в равной мере заинтересованы в том, чтобы общее дело преуспевало, успех этого общего дела обещает и многочисленные выгоды отдельным участникам. Но чтобы получить эти выгоды, нужно уметь и отказываться от них, если это требуют общие интересы.

Как правильно замечает Рейнольд Рин¹⁶, автор прекрасной книги «Das Konsumvereinswesen in Deutschland», «сознание своих собственных интересов побуждает кооператора стремиться к сохранению всех тех, по внешней видимости чисто идеалистических учреждений, которые имеют своей целью развитие чувства солидарности между кооператорами. Отсюда затрата огромных сумм в английских потребительских обществах на цели воспитания, образования и благотворительности, достигающих, чтобы привести конкретный пример, в обоих потребительских обществах Ольдгама¹⁷ за пятидесятилетие их существования не менее двух с половиной миллионов марок. Эти общества знают, что эти два с половиной миллиона марок были не следствием, а причиной 53,5 млн. марок, выданных членам тех же

обществ. Отсюда и стремление создать в потребительском обществе средоточие духовной и общественной жизни членов общества. Как хороший хозяин потребительское общество вводит в свой финансовый учет выгоды от поднятия морального и интеллектуального уровня своих членов совершенно так же, как государство учитывает выгоды от поднятия платежеспособности населения, поощряя развитие образовательных учреждений. Наблюдателя поражает контраст между тем членом потребительского общества, который на общем собрании гремит по поводу плохого чая, проданного его достойной супруге, и кооператором, который с воодушевлением требует затрат на кооперативные школы, библиотеки, санатории и пр., но в конце концов это только подтверждение тривиальной истины, что с поднятием морального и интеллектуального уровня возрастают и хозяйственные успехи человека».

Итак, кооперация воспитывает нового человека, гармонично сочетающего в себе умение отстаивать личные интересы с готовностью отказываться от них во имя интереса общего. Как кооперация есть детище двух совершенно противоположных общественных систем — капитализма и социализма, так и душевные свойства кооператора являются своеобразным сочетанием противоположных этических начал эгоизма и альтруизма.

Суммируя все указанные характерные черты кооператива, мы приходим к следующему определению его: *кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды.*

Кооператив по самому своему существу есть организация трудящихся общественных классов в их борьбе с капиталистами. Поэтому ничего не может быть фальшивее рассуждений многих проповедников кооперации о неклассовом характере кооперативного движения. Кооперативы всегда были и остаются организациями классовыми, организациями трудящихся классов.

Самозащита трудящихся классов может вестись двумя способами: путем непосредственной борьбы с их антагонистами и путем конкуренции с последними. Отсюда и вытекают три ос-

новых русла современного рабочего движения — профессиональное, политическое и кооперативное. Профессиональное движение, выражающееся в союзах рабочих как продавцов рабочей силы, непосредственно направлено против капиталистов. Весь смысл рабочего союза заключается в борьбе с капиталистом-предпринимателем ради возможного улучшения условий продажи рабочей силы. Интересы капиталистов и рабочих находятся в данном случае в резком антагонизме.

Политические партии рабочих ведут такую же борьбу, но в более широких политических рамках. Борьба направлена в этом случае непосредственно против капиталистов, против государства, поскольку последнее является выражением классового господства владельцев средств производства. И политическая партия рабочих, не менее рабочего союза, есть боевая организация, созданная всецело для борьбы.

Кооператив глубоко отличен по своей природе и от рабочего союза, и от политической партии. Правда, все три организации имеют своей средой трудящиеся классы и защищают интересы этих классов. Но кооператив ведет эту защиту совсем другим методом, чем рабочий союз (не говоря уже о политической партии).

Рабочий союз борется внутри капиталистического предприятия и, значит, предполагает существование последнего; в рабочем союзе находит себе выражение внутренний антагонизм, присущий капиталистическому предприятию как таковому. Напротив, кооператив существует не внутри капиталистического предприятия, а вне его, рядом с ним. Рабочий союз берет капиталистическое предприятие, как оно есть, и стремится изменить в интересах рабочих его внутреннее соотношение сил. Кооператив не затрагивает непосредственно внутреннего строения капиталистического предприятия и соотношения его антагонистических сил, а создает рядом с капиталистическим предприятием новое предприятие в интересах трудящихся классов.

Поэтому с формальной, внешней стороны кооператив не ведет никакой борьбы с капиталистическим классом. В то время как весь смысл рабочего союза заключается в этой борьбе, кооператив занят ведением своего предприятия и совершенно не вмешивается в отношения труда и капитала в других предприятиях.

Многие кооператоры думают, что кооператив есть организация, принципиально чуждая какой бы то ни было борьбе. Кооперация, говорят они, есть социальный мир, кооперация не посягает ни на чьи интересы, она стоит выше классовых антагонизмов современности.

Это, однако, безусловно неверно. Если бы кооперация была вне классовых антагонизмов капиталистического общества и выражала собой социальный мир, то почему она встречала бы в своем развитии столько вражды? В особенности потребительская кооперация — самая высшая форма кооперации — вызывает в своем росте самое ожесточенное противодействие капиталистического класса. Об этом будет речь ниже, теперь же ограничимся констатированием того бесспорного факта, что не только лавочники борются всеми средствами с потребительскими обществами, но нередко и государство. Достаточно сослаться на пример Германии.

В действительности кооперативы ведут не менее энергичную борьбу с капиталистическим классом, чем рабочие союзы, но совершенно иным образом. Создавая новое предприятие, кооператив конкурирует с капиталистическими предприятиями и уничтожает последние. В этом смысле кооператив еще опаснее для капиталистического предприятия, чем рабочий союз. Последний стремится изменить соотношение сил внутри капиталистического предприятия в ущерб интересам капитала, но не только не желает разрушения самого предприятия, а, наоборот, не менее капиталиста заинтересован в сохранении его. Самой действительной угрозой рабочим является закрытие предприятия: нет работодателя — нет и работы.

Напротив, кооператив не только не боится прекращения капиталистического предприятия, а стремится к этому. Всякий кооператив имеет перед собою определенный вид капиталистического предприятия, с которым он конкурирует и который он стремится уничтожить.

В этом смысле кооперация ведет с капитализмом еще более решительную борьбу, чем другие организации рабочего класса. Рабочий союз, как сказано, борется с капиталистом, но не с капитализмом. Что касается политического движения рабочих, то оно, конечно, направлено на уничтожение капиталистической системы, но лишь в окончательном итоге. Непосредственно же удары политической рабочей партии направлены отнюдь не на капиталистические предпри-

ятия, а на государственную власть, поскольку последняя ограждает интересы капиталистического класса в ущерб интересам рабочим.

С капиталистическими предприятиями как таковыми борются только кооперативы. И потому кооперация отнюдь не является социальным миром, а социальной борьбой, столь же принципиальной и идущей до конца, как и политическая борьба рабочего класса. Но кооперация борется не насилием, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя. Кооперация есть, конечно, борьба, но борьба мирными средствами.

Глава III. Классификация кооперативов

1. Кооперативы как некапиталистические предприятия

Кооператив принципиально отличается от капиталистического предприятия не внешними, формальными признаками, а своей внутренней природой. Поэтому, чтобы решить вопрос, является ли кооперативом то или другое предприятие, нужно прежде всего выяснить, имеет ли данное предприятие капиталистический характер, и если оно имеет этот характер, то оно никоим образом не может быть признано кооперативом, как бы ни были велики черты его сходства с кооперативами.

Возьмем, например, общество взаимного кредита. По внешнему устройству оно очень близко к кредитному кооперативу. Общество взаимного кредита возникает для того, чтобы удовлетворить нужду в кредите его членов, совершенно подобно кооперативному кредитному товариществу. Обе организации носят одинаково демократический характер, и в обществе взаимного кредита, как и в кредитном товариществе, каждое лицо имеет один голос независимо от размера своего паевого взноса. Обе организации носят одинаково открытый характер; каждый может в них вступать с разрешения правления — число членов в них не ограничено.

Проф. Вигодзинский устанавливает три признака кооператива: 1) неограниченное число членов; 2) содействие промыслу или хозяйству членов; 3) общее предприятие. Всеми этими тремя признаками обладает общество взаимного кредита и, значит, должно быть признано кооперативом. Однако общества этого рода живут совершенно иной жизнью, чем кредитные кооперативы, не входят в союзы коопе-

ративов и не имеют ничего общего с кооперативным движением. Как общее правило, эти общества и не называются кооперативами.

Чем же они отличаются от кооперативов? Тем, что они служат интересам не мелких трудовых производителей, а более зажиточных общественных классов. Это доказывается многими признаками, — прежде всего размером открываемого ими кредита, который уже не может быть назван мелким кредитом. Затем самый характер кредита иной: кредитный кооператив кредитует своих членов под их долговые расписки, а общество взаимного кредита учитывает векселя. Клиенты кредитного кооператива принадлежат к тем классам общества, которые не пользуются векселями, так как вообще не ведут коммерческих капиталистических операций. Напротив, общество взаимного кредита, учитывая векселя, содействует капиталистическим операциям своих членов. Затем, истинный кредитный кооператив не должен начислять дивидендов на паи — да и паев в нем не должно быть. Правда, кооператив должен оплачивать капитал, которым он пользуется, но он не ставит себе целью повышение этого дохода, а, наоборот, стремится свести вознаграждение капитала к возможному минимуму. Напротив, общество взаимного кредита всегда имеет паи и выдает на паи дивиденд, который нередко достигает столь же высоких размеров, как и дивиденд любой акционерной компании. И это неудивительно, ибо в то время как члены кредитного кооператива принадлежат к тем классам общества, которые не располагают свободным капиталом, члены общества взаимного кредита выходят из среды более или менее состоятельных общественных классов, получающих капиталистические доходы и потому, естественно, стремящихся оплачивать высоко и вложенный ими в общее дело паевой капитал.

Итак, различие общества взаимного кредита и кредитного кооператива заключается в том, что первое обслуживает более или менее состоятельные, капиталистические или полукapиталистические классы, а второй служит интересам некапиталистического класса «мелких» трудящихся производителей. Именно поэтому общество взаимного кредита и не может быть причислено к кооперативам.

Точно так же, как бы близко ни походил по внешним чертам своего устройства капиталистический картель на кооператив по сбыту, он не может быть признан кооперативной организацией, потому что членами его являются не мелкие трудящиеся производители, а капиталисты.

Конечно, отнюдь не обязательно, чтобы все члены кооператива принадлежали к трудящимся классам. Наоборот, почти неизбежно, чтобы в состав кооперативов входили и лица других общественных классов. Ведь кооперативы в большинстве случаев носят характер открытых организаций, в которых может принимать участие каждый желающий. Если в кооператив пожелает вступить лицо капиталистического класса, то кооператив не имеет никаких оснований противиться этому.

Возьмем, например, потребительское общество. В него может вступить каждый желающий, к какому бы общественному классу он ни принадлежал. Потребительское общество не имеет мотивов препятствовать богатым людям вступать в число его членов. Наоборот, оно только выигрывает, если его члены и покупатели обладают большими покупательными средствами. И фактически классовый состав членов потребительского общества обычно бывает весьма разнообразен. Правда, в потребительских кооперативах обычно преобладают члены из состава трудящихся классов, но наряду с ними входят и лица состоятельные, и даже богатые. Если последних обычно бывает очень мало, то лишь вследствие их нежелания вступать в члены организации, в которой они не нуждаются и которая им чужда по духу. Дело в том, что все устройство потребительского кооператива приспособлено к обслуживанию интересов не капиталистов, а лиц трудящихся классов. На это указывает скудная оплата паевого капитала, равное право голоса всех членов, независимо от числа паев, запрещение сосредоточения в руках одного лица более определенного числа паев, а главным образом — распределение выручки не по паям, а по забору. И потому участие отдельных лиц капиталистического класса в потребительском обществе не мешает последнему быть кооперативом.

Точно также в разнообразных кооперативах по сбыту и закупке сельскохозяйственных продуктов состав членов не может быть приурочен к какому-либо одному общественному классу. Не только крестьяне, но и помещики играют большую роль в сельскохозяйственной кооперации, а в некоторых странах наблюдается даже, что сельскохозяйственная кооперация развивается под непосредственным руководством и преобладающим влиянием помещичьего класса. Тем не менее это кооперативы, а не капиталистические компании, ибо таково их внутреннее строение.

Возьмем, например, маслодельную артель. Она не имеет никаких поводов отказывать в приеме в число своих членов лицам помещичьего класса. Наоборот, чем больше поставщиков молока примыкает к артели, тем сильнее она себя чувствует. Что же делает кооперативом маслодельную артель, в состав которой входят как крестьяне, так и помещики? То, что внутреннее устройство маслодельной артели не капиталистическое. Это видно из низкой оплаты паевого капитала, равного права голоса всех членов, и главное — из распределения выручки не по паям, а по молоку. Эти черты устройства маслодельной артели свидетельствуют, что она служит интересам не капиталистов, а тех, кто собственным трудом производит молоко, и вот почему артель является кооперативом, сколько бы помещиков ни принимало в ней участия.

То же можно сказать и о кредитном кооперативе, служащем интересам мелких заемщиков и отнюдь не утрачивающем этого своего характера от того, что в члены его входят лица состоятельные.

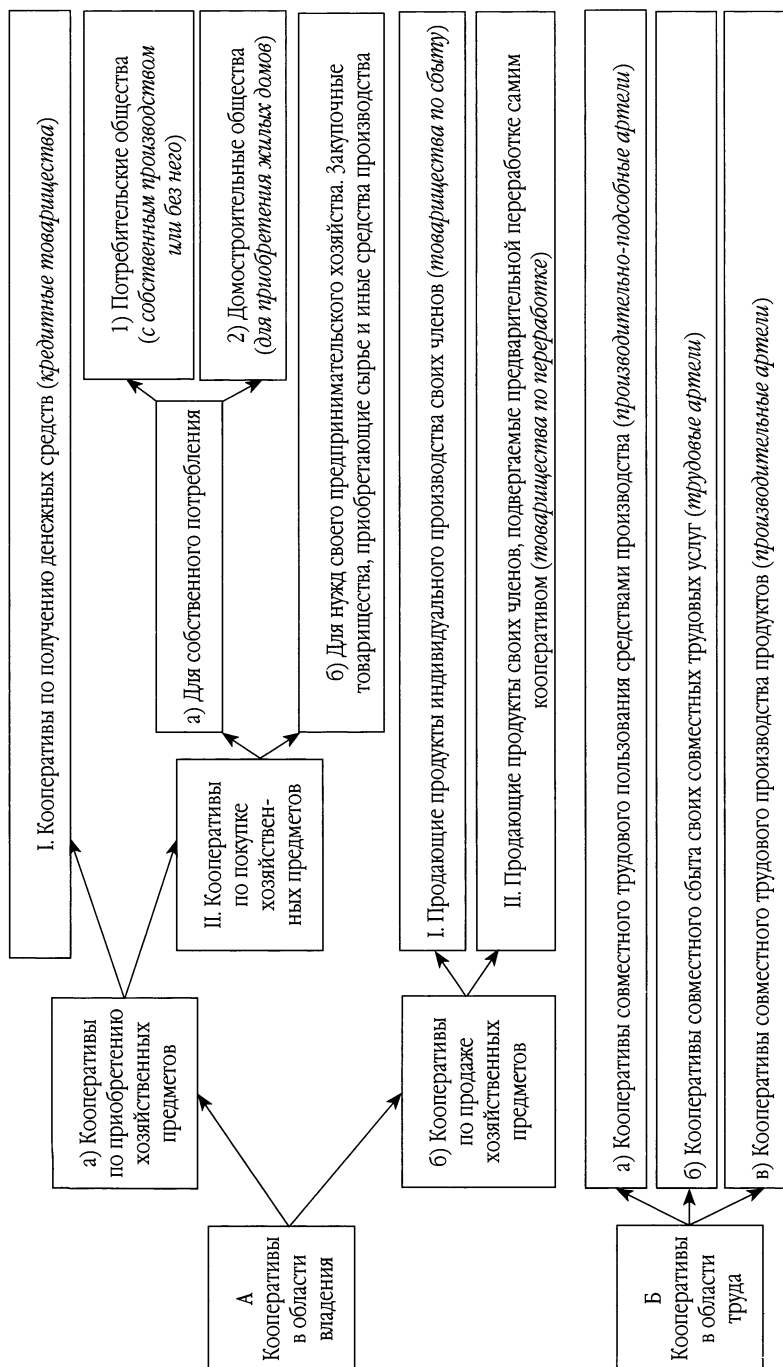
Итак, некапиталистический характер кооператива нужно понимать не в том смысле, чтобы в кооперативы не могли входить лица капиталистических классов, а в том, что кооперативы по своему внутреннему устройству приспособлены к обслуживанию интересов не капитала, а трудящихся классов. Лица капиталистического класса, входящие в состав кооператива, приравниваются последним к остальным его членам, и кооператив, таким образом, не утрачивает своего демократического характера.

2. Классификация кооперативов как хозяйственных предприятий

Переходя к классификации кооперативов, нужно прежде всего отметить, что кооперативная организация может преследовать двоякого рода цели: 1) объединение тех или иных лиц для общего владения предприятием и 2) объединение тех или иных лиц в области труда. Таким образом, мы приходим к основному делению кооперативов на два рода: 1) кооперативы в области владения и 2) кооперативы в области труда. Кооперативы первого рода ставят себе цели более простые и несложные, чем вторые.

Дальнейшие подразделения кооперативов видны из нижеследующей таблицы.

Классификационная таблица кооперативов

Таким образом, можно различить следующие 9 основных видов кооперации:

1. Кредитные кооперативы.
2. Потребительские общества.
3. Домостроительные общества.
4. Закупочные товарищества.
5. Товарищества по сбыту.
6. Товарищества по переработке.
7. Производительно-подсобные артели.
8. Трудовые артели.
9. Производительные артели.

Эти виды кооперативов расположены по порядку возрастающей сложности их функций. Наибольшей простотой отличаются кредитные кооперативы, задача которых сводится к распределению между членами денег, получаемых ими путем кредита со стороны, под ответственностью всех членов кооператива. Организации этого рода так несложны и требуют так мало кооперативного сознания и делового умения, что легко удаются даже в самых отсталых странах. Потребительские общества также преследуют очень простые задачи совместной закупки предметов потребления, но уже требуют более сложного предприятия и значительной степени торгового умения. Домостроительные общества представляют гораздо более трудностей для своего осуществления, так как они предполагают и более значительную затрату средств (постройка дома) и связывают на долгий срок в одно хозяйственное целое всех участников кооператива (погашение основного капитала, вложенного в дом). Закупочные товарищества также труднее осуществимы, чем потребительские общества, ибо интересы потребителей легче могут быть приведены к взаимному согласованию, чем интересы конкурирующих друг с другом производителей.

Все эти четыре вида кооперативов ставят себе задачей приобретение хозяйственных предметов. А так как покупка по самой природе менового хозяйства является операцией гораздо легче осуществимой, чем продажа, то названные кооперативы вообще легче осуществимы, чем вторая группа кооперативов в области владения — кооперативы по сбыту. Кооперативы этого последнего рода, естественно, распадаются на два подразделения: кооперативы по

сбыту продуктов индивидуального производства своих членов и товарищества по переработке, сбывающие продукты своих членов в переработанном виде. Товарищества по переработке преследуют более сложные задачи, чем простые товарищества по сбыту, так как, кроме сбыта, они организуют также и переработку продуктов.

Наиболее сложные задачи преследуют кооперативы в области труда. По степени сложности своих функций кооперативы этого рода распадаются на три вида. Производительно-подсобной артелью является такой кооператив, члены которого работают порознь, но сообща владеют и пользуются некоторыми средствами производства. Примерами таких производительно-подсобных артелей в кустарной промышленности являются артельные горны, кузни, парни, а в сельском хозяйстве — артельное пользование молотилками и другими сельскохозяйственными машинами. Трудовой артелью является группа рабочих, сообща продающих свой труд и сообща исполняющих трудовые процессы. С этим обычно соединяется и общее владение некоторыми средствами производства. Типом таких трудовых артелей являются строительные артели или артели газетчиков, грузчиков, носильщиков, грабарей¹⁸ и т.п. Наконец, производительной артелью является группа лиц, совместно владеющих средствами производства, вместе участвующих в производстве и совместно владеющих изготовленным продуктом. Очевидно, производительная артель образует собой наиболее сложный вид кооператива, так как она является и кооперативом по покупке (средств производства), и кооперативом по производству, и кооперативом по сбыту.

3. Важность правильной классификации кооперативов

До какой степени важна стройная и соответствующая внутренней природе каждого вида кооперативов общая классификация их, видно из тех недоразумений, к которым приводит отсутствие такой общепринятой классификации. Так, например, на первом Всероссийском кооперативном съезде маслодельные артели были отнесены съездом в одну секцию с производительными артелями и рассматривались съездом как одно из подразделений производительных артелей. Маслодельные артели представляют собой один из наиболее успешных кооперативов. Таким образом, создалось представление, что и производительные артели способны к таким же

быстрым успехам. Между тем на самом деле производительные артели являются самым неудачным членом кооперативной семьи и влачат в общем очень жалкое существование по причинам, которые будут выяснены ниже. Отнесение маслодельных артелей к числу производительных артелей совершенно искажало, таким образом, действительное положение дел.

К какому же виду кооперативов должны быть отнесены маслодельные артели? Производство в маслодельной артели выполняется при помощи наемного труда и ничего кооперативного в себе не включает, так как участвующие в производстве рабочие не состоят членами кооператива. Кооперативное начало маслодельной артели заключается в том, что ее хозяевами являются мелкие производители молока, которые как молочные производители опять-таки ведут хозяйство единолично, некооперативным образом, и вступают в кооперативную связь лишь в сфере сбыта молока, перерабатывая его рабочими, не состоящими членами кооператива.

Переработка молока в масло при помощи наемного труда не есть кооперативная организация труда; но объединение производителей молока в одну группу для улучшения условий сбыта их молока является кооперативной организацией. В каком виде сбывается молоко объединившихся производителей его — в виде ли просто молока или в переработанном виде, в виде масла, — это принципиального значения не имеет, и маслодельная артель принципиально является кооперативом по сбыту, а именно товариществом по переработке, но отнюдь не кооперативом по производству, ибо в таком кооперативе участники труда производства (в данном случае — рабочие маслодельной артели) должны быть кооперативно связаны между собой.

Вот если бы рабочие маслодельной артели были хозяевами ее, сами приобретали молоко и за свой счет продавали его на рынке, это был бы трудовой производительный кооператив. Таких маслодельных артелей мы не знаем по понятным причинам, на которых мы останавливаться теперь не будем, но такие артели мыслимы, и на это следует указать, чтобы сделать вполне ясным отличие трудового производительного кооператива от кооператива только в сфере владения.

Дело по существу очень просто, хотя и вызывает недоразумения. Поэтому поясним еще в двух словах, почему маслодельная артель не есть трудовой производительный кооператив.

Процесс производства масла складывается из двух ступеней — производства молока и переработки молока в масло. Молоко производится хозяевами артели не кооперативным способом, а единолично, каждым за свой счет. Масло производится также не кооперативным трудом, а при помощи наемных рабочих, не принадлежащих к кооперативу. Значит, в области труда производства ни на какой его ступени кооператива в данном случае нет. Иными словами, маслодельная артель не есть трудовой производительный кооператив, а только особый вид кооператива по сбыту, товарищество по переработке, подобно тому как мастерская потребительского общества не есть трудовой производительный кооператив, а только дополнительная организация закупочного кооператива.

И не только русские кооператоры не замечают принципиального различия товариществ по переработке и производительных артелей. Ту же ошибку делают и многие теоретики кооперации на Западе. Так, например, проф. Вигодзинский в своем известном курсе «*Das Genossenschaftswesen in Deutschland*» относит товарищества по переработке к группе производительных кооперативов, которые делятся им на частичные и полные. Частичные производительные кооперативы выполняют на кооперативных началах только часть того или иного производительного процесса. Так, например, маслодельная артель, которую Вигодзинский относит к частичным производительным кооперативам, перерабатывает в кооперативном предприятии молоко в масло, но само молоко добывается вне кооперативного предприятия. Напротив, полные производительные кооперативы организуют кооперативным образом весь процесс производства с начала до конца.

В данном случае Вигодзинский обнаруживает прямо-таки поразительное непонимание особенностей различного вида кооперативов. Он думает, что товарищество по переработке есть та же производительная артель, только идущая не столь далеко, «менее радикальная», как он выражается, чем эта последняя. Нетрудно показать, однако, до какой степени несостоятельно такое понимание.

Возьмем производительную артель, хотя бы сапожников, и сравним ее с маслодельной артелью. В артели сапожников производителями являются сами сапожники, непосредственно своим трудом участвующие в производстве. Наемного труда не существу-

ет, собственниками сапог являются те самые лица, которые их произвели. Напротив, в маслодельной артели масло принадлежит отнюдь не тем рабочим, которые его произвели. Масло принадлежит поставщикам молока, не принимавшим ровно никакого участия своим трудом в переработке молока в масло.

А между тем, с точки зрения Вигодзинского, сапожная артель и маслодельная артель должны быть признаны кооперативами одного рода — частичным производительным кооперативом. Ведь и сапожная артель подобно маслодельной артели не выполняет в своем предприятии всего процесса производства сапог: она покупает кожу на стороне и только перерабатывает эту кожу в сапоги совершенно так же, как маслодельная артель только перерабатывает в своем предприятии молоко, а получает его от индивидуальных производителей.

В сущности Вигодзинский должен признавать все производительные артели частичными производительными кооперативами, ибо ни в одной из них процесс производства не ведется с начала до самого конца в том же предприятии, все они покупают сырой материал и иные средства производства на стороне и, следовательно, выполняют только частичные операции производства.

С точки зрения Вигодзинского, не было бы никакого различия между двумя маслодельными кооперативами следующих типов: в одном переработка масла велась бы наемным трудом, а предприятие принадлежало бы поставщикам молока, в другом же переработка масла велась бы маслодельными рабочими, которые за свой счет покупали бы молоко на стороне, а предприятие принадлежало бы маслодельным рабочим. И тот и другой кооператив Вигодзинский должен принять в равной мере частичным производительным кооперативом.

Однако не требует никаких доказательств, что маслодельные кооперативы двух названных типов глубочайшим образом отличались бы друг от друга; это видно уже из того, что маслодельные кооперативы первого типа удивительно преуспевают и в некоторых странах уже почти уничтожили в области маслоделия капиталистические предприятия, между тем как маслодельные кооперативы второго типа совершенно отсутствуют.

Легко понять, какая невероятная путаница возникнет, если, говоря об успехах маслодельной артели, мы не будем различать, о какой

именно артели идет речь — о той, при которой масло принадлежит поставщикам молока, или о той, при которой масло принадлежит маслодельным рабочим. Первая артель действительно делает быстрые успехи, что же касается до второй, то она не только не преуспевает, но до сих пор еще и не возникла.

И если, как заявляет Вигодзинский, успехи полных производительных кооперативов «равняются в Германии нулю», то дело тут совсем не в том, что «полные» производительные кооперативы идут дальше в своих производительных операциях, чем «частичные», а в том, что преуспевающие частичные производительные кооперативы организованы совершенно иначе и имеют совершенно иную внутреннюю природу, чем «полные» кооперативы. Успехи маслодельной артели, организованной по типу «полного» производительного кооператива (т. е. без наемных рабочих), также «равны нулю».

Такая путаница понятий у лучших теоретиков кооперации нагляднее всего свидетельствует о несовершенстве современной кооперативной теории. Нередко делают и другую ошибку в классификации кооперативов: смешивают производительную артель с фабрикой потребительского общества. Совершенно ясно, что эти хозяйственные организации имеют различную структуру: в производительной артели нет наемного труда, а на фабрике потребительского общества работают наемные рабочие. Тем не менее и то, и другое производство сплошь и рядом фигурируют и в кооперативной литературе, и в официальной кооперативной статистике (что еще хуже) под общей рубрикой «производительная кооперация».

И опять-таки в этом смешении виновны видные кооперативные деятели. Так, например, на съезде германского Всеобщего союза в Баден-Бадене в 1901 г. между представителем союза Крюгером и одним из вождей пролетарского кооперативного движения фон Эльмом¹⁹ завязалась полемика, основанная на неправильном употреблении термина «производительная ассоциация». А именно: Крюгер, возражая против стремления пролетарских потребительских обществ основать собственное производство, указал на неосуществимость производительной ассоциации (артели). В свою очередь фон Эльм, ссылаясь на успехи собственного производства потребительских обществ, стал защищать производительные ассоциации, апеллируя к памяти отца германской кооперации Шульце, который при-

знал производительные ассоциации «венцом кооперации». И Крюгер, и фон Эльм не сознавали, что между производительной ассоциацией и собственным производством потребительского общества нет ничего общего и что Шульце, говоря о производительной ассоциации, никогда не имел в виду собственного производства потребительских обществ.

4. Формы кооперативного движения

Кооперативное движение есть общественное движение, имеющее своей непосредственной целью создание разного рода кооперативов, классификация которых дана выше. Кооперативное движение имеет такой же классовый характер, как и другие великие социальные движения нашего времени.

Так как кооперативы являются одной из форм самозащиты трудящихся классов от неблагоприятных для них условий капиталистического хозяйства, то естественно, что кооперативное движение возможно и исторически существовало и существует только в среде трудящихся классов. Соответственно этому можно различать кооперативное движение среди пролетариата, крестьянства и промежуточного класса мелкой буржуазии

Что касается пролетариата, то для него открыты преимущественно нижеследующие кооперативы: потребительские общества, домостроительные кооперативы, трудовые и производительные артели. По причинам, которые будут выяснены ниже, производительные артели не могут достигнуть больших успехов в современном хозяйстве. Трудовые артели более жизнеспособны, но и они играют сравнительно незначительную роль в системе современного хозяйства. Домостроительные кооперативы уже гораздо важнее, но главнейшим пролетарским кооперативом являются потребительские общества, составляющие вместе с тем важнейший вид кооперативов.

Легко понять, что все кооперативы по сбыту продуктов и закупке средств производства не существуют для наемных рабочих, не ведущих самостоятельного производства. Кредитные кооперативы также имеют в виду преимущественно самостоятельного производителя, ибо совершают операции преимущественно производственного, а не потребительского кредита. Таким образом, и кредитные кооперативы существуют не для пролетария.

Для мелких самостоятельных производителей открыты все роды кооперативов, а некоторые из последних и имеют в виду только самостоятельных производителей. Мелкое производство существует как в области сельского хозяйства, так и в промышленности. Однако сельскохозяйственная кооперация по причинам, которые будут выяснены ниже, далеко превосходит по своему значению промышленную кооперацию, и из трех основных ветвей кооперативного движения — пролетарского, крестьянского и мелкобуржуазного — наибольшего развития достигли две первые ветви.

Что касается мелкобуржуазной кооперации, то она имеет своеобразный характер, соответственно своеобразному классовому характеру мелкой буржуазии. К мелкой буржуазии можно причислить частью многие категории служащих — мелких чиновников, представителей либеральных профессий и т.д., частью мелких предпринимателей, которые получают доход из двойственного источника: из своего труда и из своего капитала, иначе говоря, из эксплуатации чужого труда. Поскольку мелкий предприниматель является представителем трудового элемента, постольку он может быть истинным кооператором; но поскольку мелкий предприниматель является капиталистом, постольку он чужд кооперации. И потому кооперация в среде мелкой буржуазии есть не полная, но капиталистически перерожденная кооперация, легко превращающаяся в чисто капиталистические товарищества и союзы, не имеющие с кооперацией ничего общего. Эти три основные ветви кооперативного движения — пролетарская, крестьянская и мелкобуржуазная кооперация — и будут рассмотрены нами в последующем изложении особо.

Отдел 2. ПРОЛЕТАРСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

Глава I. Роберт Оуэн и связанное с ним кооперативное движение

1. Мировоззрение Оуэна

Пролетарская кооперация явилась совершенно непредвиденным результатом того общественного движения, которое связывается с именем Оуэна. В настоящее время вполне установлено, что ни Оуэн,

ни его ближайшие последователи отнюдь не ставили своей целью создание таких хозяйственных организаций, какими являются современные потребительские общества. Организации эти возникали на основе совершенно иных целей и стремлений, чем те, которые в настоящее время преследуют участники и деятели потребительских обществ.

Роберт Оуэн был человеком не особенно глубокого ума, очень несовершенного образования, но с большим здравым смыслом и непоколебимым упорством в логическом развитии своих идей. С крайней самоуверенностью соединялась у него бесстрашная смелость мысли, побуждавшая его идти до конца в своих исканиях истины, не смущаясь тем, что выводы его расходятся с господствующими мнениями и принятыми верованиями. Если что-либо казалось ему верным, он готов был это защищать перед всем светом и до конца своих дней. С таким складом ума Оуэн соединял мягкое, сострадательное сердце, которое привлекало к нему людей.

Не обладая особым богатством духовных дарований и будучи человеком крайне рассудочным, Оуэн должен был чувствовать глубокую антипатию ко всему иррациональному, бессознательному, мистическому. Благодаря этому Оуэн не мог не разойтись с господствующей религией. Этот же рационализм в связи с его сочувствием страданиям народных масс сделал Оуэна социалистом.

Как социалист он был одним из самых крайних. Проповедник «нового нравственного мира» мог примириться только с совершенным коммунизмом, полным отрицанием какой бы то ни было частной собственности и какого бы то ни было неравенства. Он был не только коммунистом, но и анархистом, — его боязнь какого бы то ни было насилия и стеснения свободы действий человека была так велика, что ему казалось недопустимым какое бы то ни было правительство, даже выборное. Власть, выбранная народом, есть все же власть, а всякая власть есть насилие.

Новый общественный строй казался ему достижимым не в отдаленном будущем, а немедленно, сегодня или завтра. От этой уверенности, несмотря на все горькие разочарования, которые ему подарила жизнь, Оуэн не отказывался до конца жизни.

Как ни различны в настоящее время формы общественной жизни у разных народов, все это не имеет никакого значения по отношению к

достижению «нового нравственного мира». Отсюда полное равнодушие великого утописта к форме правления и отрицание значения политической борьбы. Страны с самым деспотическим правительством так же легко могут перейти к новым формам жизни, как и страны демократические. Новый общественный строй соответствует интересам всех и каждого, и потому этот строй не имеет основания опасаться противодействия каких бы то ни было общественных элементов. Единственным врагом его является человеческое невежество — непонимание людьми своих интересов. Короли и министры боятся коммунизма лишь потому, что они недостаточно ознакомлены с сущностью нового учения. И потому Оуэн обращался со своей проповедью как к королям и министрам и вообще к богатым людям, так и к рабочим и беднякам.

Убеждение в возможности создать такую социальную организацию, которая примирила бы все интересы и была бы в равной мере приемлема для всех, коренилась глубочайшим образом во всем мировоззрении Оуэна. Убеждение это было непосредственно связано с его рационализмом и упрощенной прямолинейностью мысли. Различия человеческих взглядов, вкусов, симпатий, влечений, интересов казались ему чем-то очень поверхностным и неглубоким. Человеческий характер, учил он, есть результат воспитания и окружающих человека условий жизни. Значит, все различия взглядов и вкусов легко могут быть преодолены соответствующим воспитанием и устройством общества, и общее благополучие может быть достигнуто без жертвования интересами кого бы то ни было.

2. Возникновение кооперативного движения

Таков был человек, которому было суждено стать отцом кооперативного движения, и таковы были его взгляды. Что же общего, однако, между «новым нравственным миром», к которому стремился Оуэн и который показался ему достижимым в ближайшем же будущем, и потребительскими обществами?

Общего настолько мало, что, конечно, потребительские общества не напоминают, хотя бы самым отдаленным образом, те свободные коммунистические общины, к которым стремился Оуэн. Возникли же потребительские общества следующим образом.

С тех пор как Оуэн выработал свое социальное мировоззрение, которому он остался верен до конца своей жизни, целью его неуго-

мимой пропаганды стало создание в пределах существующего общества коммунистических общин. Для устройства этих общин, которые он называл «кооперативными» общинами, недостаточно было доброй воли отдельных лиц, но требовались также и денежные средства, и очень крупные. В связи с этим «денежным вопросом» общественное движение, связанное с именем Оуэна, быстро проходит два фазиса. В первом оно было непосредственно направлено на устройство коммунистических общин. Так, первой крупной общественной организацией, примыкавшей к Оуэну, было «Кооперативное и экономическое общество», возникшее в 1821 г. Целью этого общества было согласно уставу «устройство деревни на основах единства и взаимной кооперации, соединяющей земледелие, промышленность и торговлю согласно плану Роберта Оуэна». Общество имело в виду приступить к покупке в предместьях Лондона зданий, в которых могли бы сообща жить и работать члены общества.

Общество действительно приобрело несколько домов, но скоро распалось. В том же 1821 г. в Эдинбурге возникает «Практическое общество» с целью устройства коммунистической общины. Оно скоро распалось, но его инициатор Авраам Комб, человек с большим состоянием, сделал в компании с несколькими другими состоятельными людьми попытку устроить коммунистическую общину в окрестностях Глазго, в приобретенном для этой цели имении Орбистон.

Возможность осуществления этой попытки объяснялась тем, что среди учеников Оуэна было несколько богатых людей, которые могли взять на себя сопряженные с этим крупные расходы.

Однако огромное большинство последователей Оуэна принадлежало к числу людей бедных, которые, несмотря на свою полную готовность стать участниками «нового нравственного мира», не располагали никакими избытками для его устройства. Поэтому оуэнистское движение очень скоро, по мере своего роста и распространения среди народных масс, вступает в новый фазис: его непосредственной целью становится не устройство коммунистической общины, ибо для этого не хватало денежных средств, а собирание денежных средств, требующихся для такой общины.

В 1824 г. последователи Оуэна основывают «Лондонское кооперативное общество», имеющее целью пропаганду нового учения всеми возможными способами — лекциями, печатными изданиями, диспу-

тами и т. д. Общество очень энергично принимается за работу и создает особый периодический орган «Cooperative Magazine», который выходил под разными названиями вплоть до конца 1830 г. По этому изданию можно следить за развитием общественного движения, названного Оуэном.

В первых номерах «Cooperative Magazine» сообщается преимущественно о событиях, связанных с двумя крупными опытами устройства коммунистических общин — американской общины Нью-Гармони и шотландской в Орбистоне. Обе эти попытки кончились, как известно, полнейшей неудачей.

Лондонские кооператоры пытаются и со своей стороны сделать кое-что в том же направлении — ищут в окрестностях Лондона подходящую землю площадью от 500 до 2000 акров и собирают для этой цели капитал в 4000 ф. ст. И в других частях страны образуются общества для устройства коммунистических колоний, так, например, в Дублине при поддержке лорда Клонкери (Cloncurry) образуется Кооперативное общество, собравшее для названной цели несколько тысяч фунтов стерлингов. В том же 1826 г. возникает Девонское Экзетерское кооперативное общество, которое при денежной поддержке одного состоятельного человека приступает даже к устройству кооперативной общины и строит на купленной земле несколько коттеджей. В следующем году образуются Доулэндс-Девонская община (Dowlands-Devon Community) такого же рода и много других, о которых не имеется определенных сведений. Все эти общества были крайне эфемерными образованиями и распадались почти немедленно после их возникновения. Они интересны лишь в том отношении, что показывают, куда была направлена первое время деятельность последователей Оуэна.

После неудачи экспериментов в Нью-Гармони и Орбистоне среди последователей Оуэна начинает распространяться правильное убеждение, что на помощь богатых людей рассчитывать нечего и что рабочие могут помочь себе только собственными силами.

В одном анонимном письме в январской книжке «Cooperative Magazine» 1828 г. автор развивает, например, следующие любопытные мысли: если бы и нашлись богатые люди, вроде Оуэна и Комба, которые пожелали бы на свои средства устроить коммунистическую общину, что очень сомнительно, то этим самым община попала бы в

полную зависимость от богатых филантропов, и в ней не было бы действительного равенства. Необходима община, устроенная на средства тех самых лиц, которые будут в ней жить и работать.

Сторонники этого взгляда основали в июне 1826 г. Cooperative Community Fund Association (Общество фонда кооперативной общины).

Существенная особенность этой организации сравнительно с другими более ранними того же рода заключалась в том, что общество это стремилось открыть доступ в него более обширным группам, для чего была введена очень низкая купюра паев и сами паи должны были состояться из незначительных еженедельными взносами.

В апреле 1827 г. эта организация объявила об образовании дополнительного фонда, который должен был состояться следующим образом. Общество продает своим членам разного рода продукты, причем вся прибыль поступает в распоряжение общества. При этом первоначально имелось в виду продавать продукты труда членов общества, но с течением времени выдвинулась мысль продавать членам общества вообще всякие предметы потребления независимо от того, кем они произведены, выигрывая на разнице между розничной и оптовой ценой.

В майской книжке «Cooperative Magazine» за 1827 г. появляется статья, озаглавленная «Как собрать средства для устройства коммунистической общины», автор которой советует лицам, желающим образовать общину, продавать друг другу продукты своего труда или же иные предметы потребления, купленные по низким ценам, и известный процент прибыли отчислять в общий фонд. Таким образом, мало-помалу образуется достаточный фонд для устройства общины, и в то же время члены данной организации привыкнут к общему хозяйству и узнают друг друга.

Статья эта произвела большое впечатление, и через несколько недель возникло новое общество Union Exchange Society (Общество совместного сбыта). Члены этой организации условились собираться раз в месяц в помещении «Лондонского кооперативного общества» и продавать друг другу те продукты, которые они могли тем или другим способом приобрести. К продажной цене должны быть прибавлены 10 %, которые и передавались в общий фонд для устройства комму-

нистической общины. Однако этот фонд должен был распределяться поровну между всеми членами общества и храниться у каждого из них, с тем чтобы впоследствии поступить на устройство общины.

Дело пошло удачно, и скоро обороты этого общества, которое можно считать первым потребительским обществом, возникшим в связи с пропагандой Оуэна, значительно возросли. Однако оно продержалось недолго и, по-видимому, не просуществовало и одного года. Более успеха имела аналогичная организация, возникшая в Брайтоне, Brighton Cooperative Benevolent Fund Assoziation (Брайтонская ассоциация кооперативного дружеского фонда). Цели этой организации определялись ее инициаторами следующим образом: 1) образовать небольшими еженедельными взносами фонд для того, чтобы соответствующие лица могли устроить кооперативную общину, отдавая на это собранный капитал или часть его, по усмотрению каждого, и 2) распространить знание кооперативной системы. Через несколько недель число членов этого общества достигло 150 человек, причем еженедельный взнос одного члена составлял 1 пенни. Члены были почти исключительно из числа ремесленников и рабочих.

Однако такой способ составления капитала скоро был найден членами общества недостаточным, и при обществе организовывается новое со следующими операциями. Во-первых, общество приобретает по оптовым ценам товары и перепродает их своим членам с соответствующей прибылью. Во-вторых, общество организывает продажу продуктов труда его членов, причем имеет в виду достигнуть того, чтобы продукты продавались соответственно их трудовой стоимости и таким образом обеспечивалась каждому трудящемуся полная выручка его труда.

В обществе скоро начались раздоры, причем несколько мелких капиталистов, участвовавших в нем, вышли. Общество приобрело небольшой участок земли, на котором устроило сад и огород. Имелось в виду приобретение более крупного земельного участка, на котором предполагали выстроить ряд домов и обширное здание для продажи продуктов труда членов общества.

Брайтонское кооперативное общество имело относительный успех и явилось образцом для ряда других. В мае 1828 г. в Англии было только 4 кооперативных общества, а в 1830 г. их насчитывалось

уже около 300. Огромное большинство этих обществ возникло, по-видимому, с непосредственной целью собрать средства для коммунистической общины. Во всяком случае, в кооперативной литературе того времени конечной целью этих обществ признается «приобретение земли и жизнь в общине» («the purchase of land and living upon it in Community»). Еще через два года число кооперативных обществ, большинство которых было одновременно и потребительскими обществами, и сырьевыми товариществами, определялось уже в 400–500. Все эти общества признавали себя созданием Оуэна и видели в нем своего пророка. «Принципы кооперации», по пониманию этих первых кооператоров, суть не что иное, как принципы коммунизма согласно учению Оуэна.

Очень характерна книга самого выдающегося ученика Оуэна, Уильяма Томпсона²⁰ «Practical Directives for the speedy and economical Establishment of Communities» (Практические указания для скорого и экономического устройства общин), вышедшая в 1830 г. Характерно уже само ее заглавие. Истинный метод кооперации заключается, по его словам, не в чем ином, как в добровольном соединении лиц промышленных и производительных классов для образования рынка друг для друга, работы друг на друга, взаимного снабжения собственными силами всем необходимым для удовлетворения наиболее настоятельных нужд. «Кооперативные общества, — говорил он, — все имеют своей целью превращение в полные кооперативные общины, как только из прибылей торгового фонда будет скоплена сумма для приобретения достаточно значительного участка земли, чтобы на нем можно было существовать».

На первом кооперативном конгрессе в Манчестере в мае 1831 г.²¹ было единогласно постановлено, что «конгресс признает в высшей степени желательным, чтобы в Англии была организована настолько скоро, насколько это возможно, коммунистическая община на основах взаимной кооперации, общего владения, равенства труда и источников удовольствия». Конгресс предпринял шаги к немедленному осуществлению этого пожелания и с этой целью обратился, по предложению Уильяма Томпсона, ко всем кооперативным обществам страны с приглашением, чтобы каждое из них назначило особого делегата и ассигновало ему 30 фунтов для немедленного устройства в Англии первой коммунистической общины на 200 человек.

Обращение это никакого успеха не имело отчасти потому, что его не одобрил Оуэн, незадолго перед тем испытывший горькое разочарование со своей американской общиной. Но, конечно, неудача эта зависела также и от того, что ближайшие задачи кооперативных обществ требовали всех их средств и по самой силе вещей не могли не заслонять собой их более отдаленных целей.

Что же такое представляло собой типичное «кооперативное общество» начала тридцатых годов? В большинстве случаев оно слагалось из мелких производителей того или другого определенного ремесла, и непосредственной целью его было приобретение за общий счет не столько предметов потребления, сколько сырых материалов для производства. Оно было более сырьевым товариществом, чем потребительским обществом.

Соответственно такому характеру кооперативных обществ для них очень скоро выдвинулась новая задача — организация сбыта изготовленных изделий. Этой цели должны были служить особые кооперативные базары — магазинные товарищества, находившиеся в сношениях одновременно со многими кооперативными обществами и продававшие их изделия широкой публике. Один из первых таких базаров был открыт в Лондоне в 1830 г., причем свыше 40 кооперативных обществ только в Лондоне находились с ним в деятельных сношениях. В начале 30-х гг. число кооперативных базаров стало быстро расти, и вместе с этим среди последователей Оуэна возникает новая мысль относительно условий наилучшей организации сбыта — мысль, следующим образом сформулированная в одной из статей журнала Оуэна «The Crisis» (июнь 1832 г.).

«Сотни тысяч людей разнообразных промыслов просыпаются ежедневно, не зная как обеспечить себя своим трудом. Каждый из них может произвести больше продуктов данного рода, чем ему требуется для своих собственных нужд, и все они нуждаются в продуктах друг друга. Обычный порядок для получения нужных продуктов сводится к тому, что эти лица превращают изготовленные ими продукты в деньги путем продажи своих произведений посреднику и затем обратно превращают полученные деньги в нужные им продукты, обращаясь при этом обычно к какому-либо торговому посреднику. Но если денег мало или посредник не обнаруживает желания купить предлагаемый продукт, то производитель принужден идти на боль-

шие жертвы, чтобы получить нужные ему деньги, отдавая большое количество своих собственных продуктов, чтобы приобрести те продукты, в которых он чувствует нужду. Таким образом, производитель попадает в зависимость от посредника, получающего прибыль, путем удержания в свою пользу части продукта, проходящего через его руки, к очевидному ущербу для производителя, отчуждающего с убытком свой собственный продукт и приобретающего чужой продукт по повышенной цене. Однако никакой необходимости в торговом посреднике не существует. Производители могут обойтись без него, для этого требуется только, чтобы производители вступили в непосредственное соприкосновение друг с другом, и в таком случае они получают возможность обмениваться своими продуктами к своей взаимной выгоде и к выгоде потребителей вообще».

При этом необходимо новое орудие обмена — таковым должны стать билеты, на которых обозначено среднее количество труда, требующееся для производства данного продукта. Иными словами, обмен продуктов должен совершаться не на основе обычных металлических денег, а при помощи новых рабочих денег, специально выпускаемых для этой цели.

Таким образом, возникла мысль организовать особые кооперативы, которые должны были обеспечить сбыт продуктов мелких производителей при помощи рабочих денег. Кооперативы эти получили название «рабочих бирж». Первая из таких бирж была открыта в Лондоне в 1832 г.

Первые дни прилив разного рода изделий в эту биржу был чрезвычайно велик. Выпускаемые биржей рабочие деньги довольно охотно принимались мелкими торговцами окружающего района. Тем не менее трудности, связанные с такой организацией сбыта, почувствовались очень осязательно с первых же шагов деятельности рабочей биржи, и она немедленно же должна была отступить от своего основного принципа — расценки продуктов по вложенному в них общественно-необходимому труду и перешла к расценке последних по условиям рынка. Если биржа не рассчитывала на возможность сбыта продукта по его трудовой цене, то цена, уплачиваемая биржей в рабочих деньгах, соответственно понижалась. Хотя в этом случае сама идея рабочих денег утрачивала свое значение (ибо производитель получал в обмен на свой продукт меньше трудовых единиц, чем он

затратил на производство), биржа иначе поступать не могла, так как в противном случае (при соблюдении трудового принципа) биржа совсем бы не могла реализовать полученные продукты.

Только благодаря отказу от трудовой расценки лондонская рабочая биржа могла продержаться около двух лет. Кончилось дело все-таки крахом. Еще менее удачными были многочисленные рабочие биржи, возникшие по образцу лондонской в различных провинциальных городах Англии. Все они кончились полной неудачей, создавшей общее недоверие и к другим кооперативным организациям, возникшим в связи с агитацией Оуэна. Одно кооперативное общество за другим стали закрываться, половина тридцатых годов была временем почти всеобщего крушения оуэнистского движения. Можно было думать, что кооперация закончила круг своего развития своей гибелью.

3. Кризис мелкого производства и кооперации

Столь разнообразные кооперативные общества 20–30-х гг. прошлого века явились сложным результатом факторов двоякого рода. С одной стороны, их происхождение находилось в несомненной связи с определенным циклом общественных идей — социальной системой Оуэна. Коммунистический идеал Оуэна был тем семенем, из которого выросли все эти кооперативные организации. И это верно не только в смысле генетической зависимости, исторического происхождения первых кооперативов — нет, это происхождение кооперативов самым существенным образом определяло всю их внутреннюю структуру. Им был присущ в высокой степени идеалистический дух, их целью оставалась коммунистическая община. И хотя эта цель не только не была ими достигнута, но и была недостижима, тем не менее только эта недостижимая цель придавала им жизненную силу, сплачивала в одну тесную организацию сотни и тысячи рабочего люда. Только благодаря наличности этой идеальной недостижимой цели могла быть преодолена социальная инерция, препятствующая созданию существенно новых форм жизни, особенно в такой малообразованной и неинтеллигентной среде, каковой являлись в начале прошлого столетия рабочие классы Англии. Только идеальный порыв, новая социальная вера могли дать английским трудящимся классам силы к тому мощному социальному творчеству, которое проявилось в создании кооперативных организаций.

Но, с другой стороны, кооперативные общества, возникшие в действительной жизни, имели так мало общего с тем, что Оуэн называл этим именем, так мало походили на идеальную коммунистическую общину, к которой он призывал людей, что Оуэн не мог видеть в них своих духовных детищ. Они были созданы стремлением к коммунизму, но ничего коммунистического в себе не заключали. В той форме, какую они реально получили, они никогда не входили в круг идей Оуэна. Они отразили в себе реальную историческую среду, в которой пришлось действовать великому утописту. Средой этой были определенные классы капиталистического общества, главным образом мелкие производители, ремесленники и кустари. Пропаганда Оуэна нашла горячих последователей именно среди этих классов английского общества, так как они тяжело страдали от новой в то время системы хозяйства — капитализма. Первая половина прошлого века была эпохой промышленной революции, выражавшейся в вытеснении ремесла и кустарной промышленности фабрикой. Мелкое производство в области промышленности, имевшее ручной характер, погибало от конкуренции крупного производства, получившего в свое распоряжение такое могучее орудие труда, как машина. Рост новой формы промышленности сопровождался чрезвычайным упадком заработков мелких ремесленников и кустарей. А так как кустари и ремесленники пополняли ряды и фабричных рабочих, то неудивительно, что заработная плата и фабричных рабочих должна была оставаться на низком уровне. Таким образом создалось то падение благосостояния широких масс английского народа, которое отметило собой всю данную эпоху и которое получило свое яркое освещение в целом ряде работ парламентских комиссий первой половины XIX в., занимавшихся выяснением причин этого явления и средств борьбы с ним.

Этот кризис мелкого производства в Англии сделал народные массы Англии восприимчивыми к проповеди Оуэна, призывавшего своих современников к созданию нового общественного строя. И действительно, в пределах существующего общественного строя не было выхода из этого кризиса. Мелкие ремесленники и кустари, составлявшие в Англии того времени огромное большинство промышленного населения, были обречены ходом экономического развития на пролетаризацию. Однако они упорно держались за свою,

хотя бы и призрачную, экономическую самостоятельность и более всего опасались перспективы стать фабричными рабочими. И вот является Оуэн, красноречиво доказывающий им, что можно сохранить хозяйственную самостоятельность и избежать горькой участи работать по найму, под властью капиталиста, если только решиться порвать со старым миром и основать свободную коммунистическую общину. Неудивительно, что проповедь Оуэна нашла отклик в массах.

Как человек, близко стоящий к промышленной жизни, Оуэн прекрасно понимал сущность того промышленного переворота, который переживала Англия. «Ваша работа, — говорил он в одном из своих обращений к трудящемуся люду, — страдает от конкуренции с машинами и другими научными изобретениями, угнетающими вас, пока вы не опускаетесь до самого низкого уровня существования». Кризис мелкого производства казался Оуэну с полным основанием не допускающим никакого удовлетворительного разрешения на почве существующего строя, так как технический прогресс не может быть остановлен, а бедствия мелких производителей именно и вызываются техническим прогрессом.

От этого кризиса непосредственно страдали мелкие производители и только косвенно и в гораздо меньшей степени — фабричные рабочие. А так как главную массу промышленного населения Англии составляли в первые десятилетия прошлого века именно мелкие производители — ремесленники и кустари, то вполне естественно, что именно в этой социальной среде проповедь Оуэна оказала наиболее сильное действие.

Первый период кооперативного движения в Англии характеризуется, как мы видели, попытками устройства коммунистических общин. В этом периоде, по самому существу дела, наибольшую роль играла интеллигенция — люди имущих классов и даже нередко очень богатые, по чисто идеалистическим мотивам примыкавшие к Оуэну и дававшие деньги, требовавшиеся для таких попыток. Период этот, как мы видели, был очень непродолжителен и охватывал только несколько лет, тем не менее о нем не следует забывать, так как именно он с наибольшей ясностью свидетельствует о конечных целях всего движения, и как бы ни были далеки эти цели от исторической почвы, они составляли силу движения, создавая тот нравственный подъем и

энтузиазм, без которых движение не могло бы получить большого общественного размаха.

Второй период кооперативного движения начинается с того времени, когда оно перерастает свои первоначальные классовые рамки и становится движением уже не только интеллигенции, но и широких народных масс. При этом необходимо иметь в виду, что со вступлением движения в этот фазис важнейшей социальной средой движения становятся не столько фабричные пролетарии, сколько ремесленники и кустари.

В потребительских обществах участвовали разнообразные общественные элементы, но преобладали в них все же мелкие производители. Это видно уже из того, что первые потребительские общества возникали отнюдь не в центрах фабричной промышленности, а в городах с развитой мелкой промышленностью и торговлей — в Лондоне, Брайтоне, Бирмингеме, Норриче и др. Еще яснее этот непролетарский характер членов первых потребительских обществ обнаруживается в том, что большинство из них были не столько потребительскими обществами, сколько сырьевыми товариществами.

Что касается до бирж труда, которые получают такое развитие в 30-х гг., то их классовый характер уже не может вызвать ни малейшего сомнения: очевидно, перед нами организации мелких производителей, страдающих от недостатка рынка для своих произведений. Этот недостаток рынка был непосредственно создан промышленной революцией, ростом фабрики.

Наряду с рабочими биржами в это время растут и производительные артели мелких производителей. Именно в этом классовом характере кооперативного движения 30-х и лежит ключ к пониманию всех его особенностей, как совершенно справедливо настаивает Л. Пумпянский в своей работе, посвященной ранней истории английской кооперации (*Die Kooperation und der Sozialismus in England. Archiv f. die Geschichte des Socialismus*, В. II, Н. 2–3)²².

Вот почему кооперативное движение, созданное Оуэном, мало-помалу сошло, как бы в фокусе, в рабочих биржах. Действительно, ведь именно в недостатке рынка заключался центр кризиса мелкого производства.

С другой стороны, ясно, что крушение рабочих бирж было неизбежно. Не говоря уже о том, что кооперация среди ремесленников по

причинам, которые выяснятся в последнем отделе этой книги, встречается для своего осуществления огромные трудности, — та форма кооперации, которую представляли собой рабочие биржи, была чистейшей утопией.

Дело шло об организации сбыта произведений мелких производителей. Произведения эти не находили себе сбыта (или, точнее, не находили себе на рынке цены, окупавшей затраты производства) благодаря тому, что с ними конкурировали более дешевые произведения фабричной промышленности. Что же такое представляли собой рабочие биржи? Не что иное, как организованные сообщества этих самых мелких производителей для обмена друг с другом своими произведениями. Но ведь эти небольшие группы производителей составляли только ничтожную долю того рынка, который требовался для сбыта произведений их труда. Даже если бы все мелкие производители страны входили в состав рабочих бирж, и в этом случае они не могли бы обеспечить своим сочленам достаточного рынка сбыта, ибо продукты труда мелких производителей сбывались также и другим общественным классам: капиталистам, фабрикантам, землевладельцам, промышленным и сельским рабочим и т. д. Какое же значение в качестве рынка сбыта могли иметь небольшие группы мелких производителей, образовавшие собой рабочие биржи?

В довершение всего рабочие биржи отказывались от употребления денег, обращавшихся в стране, и заменяли их новыми «рабочими деньгами», которые могли приниматься только в тесном кругу лиц, прямо или косвенно заинтересованных в биржах.

Все вместе представляло собой нечто до последней степени непрактичное и внутренне невозможное. Правда, новые общественные образования обычно появляются первоначально в несовершенной форме, и если только в них есть здоровое зерно, то, как бы ни была неудачна форма, зерно может дать ростки. Так, например, и потребительские общества возникли из организаций, преследовавших утопические цели устройства коммунистических общин. Можно себе представить, что и из рабочих бирж могли бы возникнуть жизнеспособные кооперативы, именно кооперативы по сбыту продуктов мелкой промышленности.

Этого не случилось по той причине, что общественная среда этих кооперативов не могла создать жизнеспособность коопера-

тивных организаций. Ремесленная кооперация до настоящего времени не выходит из области благих пожеланий. Вполне естественно, что в 20-е годы прошлого века ремесленная кооперация не могла возникнуть.

Таким образом, сведение кооперативного движения к рабочим биржам знаменовало собой крушение всего дела. И действительно, вторая половина тридцатых годов отмечена в истории кооперации как постепенное разложение и упадок великого движения, вызванного Оуэном, поскольку социальной средой этого движения были мелкие производители.

Однако хотя мелкие производители и составляли главную массу членов кооперативных обществ 20–30-х гг., наряду с ними в состав первых кооперативов входили и представители совершенно иного общественного класса — фабричные рабочие. Фабричные рабочие могли участвовать в кооперативах только одного определенного рода — потребительских обществах.

Глава II. Возникновение пролетарских потребительских обществ

1. Кооперация и пролетариат

Второй период истории кооперативного движения был более продолжительным, чем первый, и закончился крушением большинства кооперативных обществ, созданных Оуэном и его непосредственными последователями. Однако кооперативное движение не погибло: оно вступило после этой неудачи в свой третий и уже успешный фазис, для чего оно должно было еще раз изменить свою социальную среду и найти наконец тот общественный класс, условиям жизни которого оно, естественно, соответствовало.

Этим классом явились фабричные рабочие. Новая история кооперации начинается с образования потребительских обществ чисто пролетарского классового состава.

Однако для того, чтобы пролетарские потребительские общества могли получить развитие, для этого жизнь должна была выработать для них соответствующую форму. Потребительские общества двадцатых — тридцатых годов прошлого века просуществовали недолго. Они были слишком рудиментарны, бесформенны и внутренне не-

стройны, чтобы обладать жизненными силами. И классовый состав их был очень неопределенным. Наряду с фабричными рабочими в эти общества входили — и в преобладающем числе — ремесленники и люди многих других классов. Одновременно они были и сырьевыми товариществами, а также стремились быть организациями сбыта. Они не были чистыми пролетарскими организациями и соответственно этому страдали от внутренних раздоров.

Кроме того, первые кооперативы были слишком тесно связаны с утопическим идеалом коммунистической общины, чтобы удачно справляться с практическими трудностями жизни. Чем дальше, тем более уклонялись они от оуэнистских идей и тем пригоднее становились для жизни. Этому не мог не видеть их духовный отец и становился к ним все более и более равнодушным. Так, например, он пишет по поводу посещения города Карлейля в ноябре 1836 г.: «К моему удивлению, я нашел в различных частях города 6 или 7 кооперативных обществ. Общества эти хорошо работают, т. е. получают известную прибыль от совместной продажи в розницу. Однако давно пора покончить со столь распространенным взглядом, будто такие общества и суть та социальная система, к которой мы стремимся, или что эти общества имеют что-либо общее с новым нравственным миром».

Чем более развивалось классовое самосознание английского пролетариата, тем отчужденнее чувствовал себя Оуэн среди английских рабочих. Для Оуэна кооперация была, как сказано, средством примирения всех классов, и потому он не мог не относиться враждебно и к тред-юнионизму²³, и к чартизму²⁴. Реальное кооперативное движение английского пролетариата также ускользало от его непосредственного влияния.

2. Рочдельское общество и сущность его принципов

Как известно, современная потребительская кооперация ведет свое начало от устройства в 1844 г. в небольшом фабричном городке северной Англии Рочделе знаменитого потребительского общества нового типа. В чем же заключался секрет поразительного успеха этого общества, явившегося прообразом стольких тысяч потребительских обществ во всем мире?

Важнейшими из рочдельских принципов, столько раз комментировавшимися в кооперативной литературе, были следующие: 1) де-

мократичность устройства (каждый член имеет равный голос), 2) низкие размеры пая и возможность вносить его небольшими взносами, 3) продажа продуктов не в кредит, а на наличные деньги, 4) продажа продуктов не по себестоимости, а по средним рыночным ценам и 5) распределение всех денежных остатков в конце года не по паям, а по закупкам каждого члена (по забору). В чем же заключалась та внутренняя связь, которая объединяет все эти принципы и которая вызвала их к жизни?

Прежде всего следует констатировать, что рочдельское общество возникло на той же самой идейной основе, как и потребительские общества более раннего периода. Известный английский кооперативный деятель Голейок²⁵ в своей истории «честных рочдельских пионеров» (как они себя называли) приводит подробную характеристику 13 из 28 основателей рочдельского общества. Все они — фабричные рабочие, по своим убеждениям почти все они являются или социалистами, или чартистами; а так как чартизм был политическим движением, преследовавшим широкие социальные цели, то мы смело можем признать основателей рочдельского общества более или менее определенными социалистами или радикальными реформаторами. Среди этих 28 не встречается ни одного имени, получившего ранее общественную известность, — все это были, очевидно, рядовые рабочие, ничем особенно не выделявшиеся и никакими особыми талантами не обладавшие.

Конечно, сами по себе, по своим внутренним свойствам это были далеко не заурядные люди. Но характерно, что никто из них не выдвинулся из рядовых рабочих и что, следовательно, их дело было создано не лицами, посторонними рабочему классу, но представителями этого самого класса, без всякой внешней поддержки.

Цели созданного ими общества, Общества честных рочдельских пионеров, сформулированы ими следующим образом:

«Устройство склада для продажи провизии, одежды и пр. Приобретение или постройка ряда домов, в которых могли бы жить члены общества, желающие помогать друг другу в улучшении их домашней и общественной жизни; организация производства тех продуктов, которые признает нужным производить общество для предоставления занятия тем членам общества, которые не имеют занятия или страдают от длительного понижения их заработной платы; в интере-

сах дальнейшего обеспечения экономического положения членов общества должно приобрести одно или несколько имений для обработки их теми из членов общества, которые не имеют занятия или труд которых плохо вознаграждается. Как только это будет возможно, общество должно приступить к организации сил производства, распределения, воспитания и управления, или, иными словами, должно организовать собственными силами общину с объединенными интересами, или же прийти на помощь другим обществам, организуя им подобные общины».

Последний пункт бросает особенно яркий свет на социальные верования первых рочдельских пионеров. Та же вера в немедленную осуществимость «нового нравственного мира», которая вдохновляла кооператоров двадцатых годов, дала силы и рочдельцам создать общество.

Историческое значение дела рочдельцев заключалось в том, что рочдельцы положили в основу своего потребительского общества именно те принципы, которые, как показал последующий опыт, наиболее обеспечивают успех и развитие организации этого рода. Каким же образом никому неизвестные и ничем не доказавшие своих выдающихся умственных способностей рядовые фабричные рабочие небольшого английского города придумали эти принципы, ставшие как бы евангелием потребительской кооперации?

Единственно возможный ответ должен быть следующий. Именно потому рочдельские принципы и оказались до такой степени плодотворными, что они никем не были «придуманы». Они явились как бы сами собой, естественным выражением тех социальных потребностей, которым служила вновь возникшая организация.

Никакой глубокой мудрости не требовалось для того, чтобы понять практичность и целесообразность этих принципов. И потому нисколько не удивительно, что, как показывают новейшие исследования, многие рочдельские принципы практиковались сходными обществами рабочих задолго до рочдельского общества. Можно сказать, что всякий разумный фабричный рабочий, сходного душевного склада и сходных социальных верований, легко мог прийти к этим принципам.

Прежде всего нужно иметь в виду, что рочдельское общество было типичным обществом фабричных рабочих. Среди рочдельцев не

было ремесленников и мелких буржуа. Поэтому роцдельцы не говорят, перечисляя свои цели, об организации совместной продажи продуктов труда отдельных членов общества, не говорят и относительно совместной закупки необходимого для производства сырья. В этом бросающееся в глаза различие между роцдельским обществом и потребительскими обществами двадцатых — тридцатых годов, которые все были смешанного состава и наряду с фабричными включали в себя многочисленных ремесленников и кустарей.

Роцдельское общество вышло из среды фабричных пролетариев, и потому оно имеет непосредственно ввиду только потребительские интересы. Это объясняет отсутствие в роцдельском обществе тех утопических элементов, которые сказались в рабочих биржах и подобных организациях, стремившихся сохранить хозяйственную самостоятельность мелких производителей и в то же время обеспечить им постоянный сбыт их изделий.

Пойдем дальше. Откуда в роцдельском обществе эти строгие требования относительно продажи товара за наличные деньги, назначение сравнительно высокой (рыночной, а не более низкой) продажной цены и распределение остатков не по паям, а по забору? Все это имеет тот же источник: классовую природу роцдельского общества.

Основатели роцдельского общества были не только потребителями, но потребителями — фабричными рабочими. Они сами непосредственно участвовали в производстве, но продукт их труда принадлежал не им. Отсюда и возникли знаменитые роцдельские принципы.

Правило о распределении остатков по забору с необходимостью вытекало из того, что роцдельцы были пролетариями, а не мелкими капиталистами. Как рабочие пролетарии они привыкли отстаивать интересы труда, а не капитала, в капитале же привыкли видеть своего прирожденного врага. Правда, для устройства общества требовались пай, но сила общества основывалась не на его ничтожных капиталах (весь первоначальный капитал роцдельского общества определялся 28 ф. ст. — 280 руб. на наши деньги), а на том, что общество располагало покупательными средствами своих членов. Если бы остатки распределялись по паям, то интересы паевого капитала выдвинулись бы на первый план; этим самым было бы ослаблено общество, так как оно не могло опираться на значительный паевой капитал, которого неоткуда было собрать его пролетарским членам. Вместе с тем такое

распределение не соответствовало бы интересам и членов общества опять-таки потому, что они были не мелкими капиталистами, а пролетариями. Правда, каждый из них внес свой пай; но насколько больше он вносил обществу в качестве покупателя предметов потребления? Сознывая это, рождельцы, как пролетарии не могли не прийти к заключению, что остатки должны распределяться отнюдь не по паям, которые в их личном хозяйстве и в хозяйстве общества играли сравнительно ничтожную роль, а по закупкам каждого члена, что было основой всей силы общества и что составляло самую крупную затрату в хозяйстве каждого из них.

Таким образом, знаменитое правило распределения остатков по забору естественно вытекало из пролетарского характера рождельского кооператива. Известно, какую важную роль во всем последующем развитии потребительской кооперации суждено было сыграть этому правилу. Можно без преувеличения сказать, что на этом правиле основана вся потребительская кооперация и что без него потребительские кооперативы не могли бы рассчитывать на какой бы то ни было успех в среде рабочего класса.

Не так просто поддается объяснению рождельское правило продажи по рыночной цене и на наличные. Обычно указывают для оправдания этого правила на то, что благодаря ему потребительское общество функционирует как принудительная сберегательная касса: небольшие сбережения при каждой продаже в конце года суммируются и в таком суммированном виде выдаются каждому члену, выигрывавшему благодаря тому, что суммированные небольшие сбережения имеют гораздо большее экономическое значение, чем эти ничтожные сбережения в несуммированном виде. Это объяснение совершенно неудовлетворительно. Конечно, нельзя отрицать, что суммирование сбережений увеличивает их экономическое значение. Но ведь в данном случае это суммирование производится принудительным образом. Казалось бы, было бы гораздо согласнее с духом кооперации предоставить каждому самому решать, суммировать свои сбережения или пользоваться ими в отдельности.

Иными словами, продажа не по рыночным ценам, а по возможно более низким ценам, лишь окупающим покупную цену плюс необходимые расходы общества, кажутся с первого взгляда наиболее соответствующей принципу свободы кооперации.

И это кажется тем правдоподобнее, что существует много потребительских организаций, не придерживающихся этого правила. Можно сказать более — различные организации потребителей распадаются на два типа: одни твердо держатся правила продавать по рыночным ценам, другие продают по возможно более низким ценам.

К числу первых принадлежат общества рочдельского типа, т. е. огромное большинство современных потребительских обществ. К числу вторых принадлежат также довольно многочисленные (хотя далеко не в той мере, как общества первого типа) потребительские организации типа лондонских обществ поставок для служащих в различных ведомствах (Civil Service Supply Association или Civil Service Cooperative Society). Организации последнего рода распространены и в других странах среди лиц средних классов. В Германии наблюдается даже любопытная историческая последовательность в этом смысле. По словам Гуго Цейдлера, автора «Geschichte des deutschen Genossenschaftswesens der Neuzeit»²⁶ до половины шестидесятих годов прошлого века потребительские общества Германии характеризовались тем, что они отнюдь не стремились продавать товары по рыночным ценам, а, наоборот, старались возможно понизить продажную цену товаров. «Принципиальное отсутствие накопления прибыли и распределения прибыли, — говорит Цейдлер, — есть характерная черта всех потребительских обществ этого типа». И в настоящее время в Германии сохранилось немало обществ этого типа, хотя преобладающим типом в Германии стал рочдельский тип. «Полное вытеснение обществ первого типа рочдельскими мало вероятно, — говорит тот же автор, — так как эти общества вполне удобны для имущих средних и даже высших классов. Ибо лица, принадлежащие к этим классам, как чиновники, врачи, учителя и т. д., имеющие обеспеченный доход, пользуются потребительскими обществами обычно для того, чтобы получать продукты или лучшего качества, или по более низким ценам, когда повышение цен или понижение их доходов угрожает понизить их обычный уровень жизни. В Англии эти потребительские общества известны как Лондонская система, или Civil system, но не признаются кооперативами со стороны собственно рабочих или потребительских обществ рочдельского типа».

Итак, потребительские общества бывают двух родов — рочдельского и иного типа. Эти два типа различаются не только по своему внутреннему строению, но и по своему классовому составу. Общества рочдельского типа являются по своему классовому составу пролетарскими обществами и продают товары по сравнительно высоким ценам, между тем как общества второго типа, состоящие из лиц средних общественных классов, продают товары по возможно более низким ценам.

Дело принимает несколько парадоксальный вид. Почему пролетарские общества, т. е. общества, члены которых принадлежат к наименее обеспеченным классам, не щадят денежных средств своих членов и принуждают их покупать дорого, чтобы накапливать свои сбережения, между тем как общества из среды обеспеченных классов придерживаются обратной политики и стремятся немедленно же передавать в пользу своих членов все составляемые ими сбережения?

Ответить на этот вопрос поможет нам история потребительской кооперации. Вспомним, что потребительские общества возникли, так сказать, попутно. Как Колумб не искал Америки, а искал Индию, так и первые кооператоры искали «нового нравственного мира», а нашли потребительские общества. Энтузиасты коммунизма из среды рабочего класса хотели собрать средства для устройства коммунистической общины, и для этого им нужно было накопить капитал. Если бы товары продавались по возможно более низким ценам, то никакого накопления капитала не могло бы произойти. При рочдельской системе капитал накапливался в двух местах. Во-первых, в конце года члены общества получали обратно большую часть своих сбережений в суммированном виде. Эти денежные средства членов могли получить любое назначение в зависимости от их усмотрения. Во-вторых, располагая значительными избытками, и сам потребительский кооператив получал возможность удержать в свою пользу некоторую часть этих сбережений и, таким образом, образовать некоторый запасный капитал, который мог также получить любое назначение.

Эти сбережения вполне объясняют, почему рочдельское общество неизбежно/должно было продавать продукты не по возможно более низким, а, наоборот, по возможно более высоким ценам. Ибо это общество возникло вовсе не для того, чтобы немного улучшить экономическое положение его членов, уменьшить расходы по приобрете-

нию необходимых предметов потребления, а для преобразования всего существующего социального строя, для создания «нового нравственного мира». Для этой великой цели необходимы были известные жертвы, и общество требовало этих жертв со стороны своих членов.

Напротив, потребительские общества средних классов возникают по совершенно другим побуждениям. Чиновники, офицеры, врачи и пр. менее всего стремились и стремятся, основывая свои общества, уничтожить существующий общественный строй. Их цели совершенно иные и несравненно более скромные. Они хотят возможно уменьшить свои домашние расходы — и только. Для уменьшения расходов нет никакой необходимости прибегать к рочдельской практике — продавать продукты из потребительской лавки по высокой цене и затем в конце года распределять накопленные избытки. Напротив, всего целесообразнее и разумнее поступать обратно — продавать товары по возможно более низким ценам и оставлять в своем домашнем хозяйстве все полученные таким образом сбережения.

Данное объяснение рочдельского принципа продажи по рыночной цене может показаться очень натянутым. Действительно, если нельзя спорить, что рочдельцы в 1844 г. ввели этот принцип именно по этим побуждениям (ибо это исторический факт, что рочдельцы рассматривали свою организацию как подготовительную ступень к коммунистической общине), то ведь в настоящее время многие тысячи потребительских обществ, рассеянных по всему свету и организованных по рочдельскому типу, отнюдь не мечтают ни о каких общинах и возникают по совершенно иным побуждениям и мотивам.

Конечно, было бы нелепо утверждать, что современные потребительские общества рочдельского типа преследуют те же социальные цели, что и их исторический прототип. Но все же и в современных пролетарских потребительских обществах продажа по рыночным ценам определяется причинами сходного характера.

Современное пролетарское потребительское общество не мечтает о коммунистической общине. Тем не менее душевный строй его членов имеет существенно иной характер, чем душевный строй членов чиновничьих и офицерских обществ.

Лица рабочего класса не обладают никакими избытками. Между тем устройство потребительского общества требует известного, хотя бы и небольшого, капитала. Эта необходимость собрать паевой

капитал требует больших жертв со стороны пролетарских членов потребительского общества.

Затем, всякое вновь возникшее потребительское общество, в особенности когда оно плохо снабжено капиталом, первое время, нередко первые годы, не может удовлетворительно справляться со своими задачами и обычно оказывается неспособным так же хорошо удовлетворять потребностям своих членов, как обыкновенная капиталистическая лавка. Для того чтобы общество пережило благополучно первые и самые трудные годы, необходимо, чтобы его члены были готовы идти на известные материальные жертвы; без этой готовности общество не может достигнуть успеха.

Чем менее обеспечена общественная среда, из которой вербуются члены общества, тем чувствительнее эти жертвы. И притом требуются не только денежные жертвы, но и значительная затрата времени и труда без соответствующей оплаты. Только на дружной работе всех членов общества в его общую пользу, на неослабевающем интересе массы членов общества к своему общему делу и основывается сила пролетарского потребительского общества.

Хотя в настоящее время устройство потребительского общества требует «гораздо менее инициативы и идеалистического подъема, чем в эпоху Оуэна, тем не менее и теперь без морального подъема, элемента идеализма невозможен успех пролетарского кооператива. Откуда же берется этот энтузиазм? Из сознания, что кооператив служит не только эгоистическим целям его членов, но и выполняет некоторую важную задачу. Только высокие общественные цели могут вызвать энтузиазм.

Иными словами, потребительское общество может вызвать со стороны своих членов готовность к известным жертвам лишь в том случае, если кооператив приобретает в их глазах некоторую идеальную ценность. Нужно, чтобы члены кооператива любили его, рассматривали его как нечто высшее, нежели их собственные интересы.

И, несомненно, успешные кооперативные организации вызывают к себе именно такое отношение со стороны своих наиболее деятельных членов. Где нет группы таких преданных делу лиц, там дело не может рассчитывать на успех.

Только тогда, когда кооператив в большей или меньшей мере является самоцелью (а это существенно важно для его преуспевания),

можно рассчитывать на готовность со стороны членов приносить известные материальные жертвы для развития кооператива. Для успеха кооператива требуется, чтоб он располагал достаточным капиталом. А капитал этот не может быть собран, если потребительское общество будет продавать свои товары по возможно более низким ценам.

Итак, для преуспевания кооператива необходимо, чтобы в его распоряжении оставались значительные свободные денежные средства, которыми он мог бы свободно располагать. Это достигается тем, что товары продаются кооперативом по сравнительно высокой цене. Правда, кооператив выдает большую часть накопленных таким образом денежных средств обратно своим членам. Но, во-первых, известная часть накопленных средств остается все же в руках кооператива и превращается в его запасный капитал. Во-вторых, в случае надобности кооператив все же сохраняет свободу распоряжения этим избытком. В случае надобности он может дать им и другое употребление. В-третьих, пока эти избытки не возвращены членам, кооператив пользуется ими для своих оборотов.

Несколько лет тому назад на Бирмингемском конгрессе британских потребительских обществ генеральный секретарь кооперативного союза, покойный теперь Грей²⁷, сделал предложение создать «кооперативное государство» — объединить в одну громадную организацию все британские потребительские общества. В своей речи Грей указал на идеалистический дух, пронизавший британское кооперативное движение в первые годы после его возникновения. Современная британская кооперация, доказывал он, несмотря на свои огромные успехи, все же не осуществила рочдельских принципов, как их понимали сами рочдельцы. Рочдельцы на первый план выдвигали не личные интересы отдельных членов кооператива, а общий интерес, выражением которого является кооператив. Основную рочдельскую идею, из которой вытекали все рочдельские принципы, Грей усматривал в требовании, чтобы каждый член содействовал успеху целого и чтобы сбережения, получаемые благодаря существованию кооператива, шли в большей или меньшей степени на нужды самого кооператива, т. е. на развитие и усиление кооперативного строительства.

«Не пришло ли теперь время, — воскликнул Грей, — серьезно подумать, как соединить старые рочдельские идеалы с новыми метода-

ми действия и создать план объединения рассыпанных сил современного кооперативного движения в одно целое? Соберем же силы, осуществим идеалы рочдельцев, соединившись в кооперативное государство».

Для осуществления такого кооперативного государства Грей считал нужным, чтобы члены кооперативов согласились отчислять половину следуемых им заборных отчислений в неотчуждаемый капитал создаваемой гигантской кооперативной организации.

План Грея не получил пока осуществления, но все же его нельзя не считать крайне характерным для духа британского кооперативного движения, который уже теперь привел к грандиозному развитию этого движения. Если кооперативного государства, о котором мечтал Грей, пока и нет, то уже давно существуют и все больше развивают свои операции английское и шотландское общества оптовых продаж, с их оборотами в десятки миллионов фунтов, десятками тысяч рабочих, занятых в производственных предприятиях, многочисленными фабриками, пароходами, плантациями и пр., и пр. Эти гигантские хозяйственные организации, созданные британской кооперацией, возникли всецело за счет средств, накопленных потребительскими обществами из разницы между продажной и покупной ценой товаров. Правда, гораздо большая доля этой разницы пошла в пользу отдельных членов кооперативов. Но и оставшихся средств хватило на то, чтобы создать то великое дело, каким является британская кооперация.

Итак, в рочдельском принципе продажи по сравнительно высокой цене выражается требование от каждого члена кооператива быть готовым на известные жертвы для усиления кооператива. Рочдельский кооператив существует не только для доставления его членам известных экономических выгод. Конечно, он существует и для этого, и без достижения этой цели кооператив не мог бы иметь успеха. Но наряду с этой целью, удовлетворяющей эгоистическим интересам членов, кооператив преследует и идеальные цели, и в качестве такой идеальной ценности он существует ради себя, для развития и укрепления новой формы хозяйственной организации, соответствующей высшим интересам человечества. В качестве идеальной ценности кооператив требует от своих членов готовности жертвовать своими интересами интересу кооператива. Если кооператив служит интере-

сам его членов, то и, обратно, его члены должны служить интересам кооператива — такова сущность рочдельского кооператива.

После сказанного нетрудно понять, почему потребительские общества из среды лиц более обеспеченных классов придерживаются совершенно иных принципов деятельности, чем пролетарские кооперативы. Чиновники, офицеры и проч. не могут не относиться к своему кооперативу совершенно иначе, чем относятся рабочие. Никакой идеальной ценности кооператив для них не имеет. Кооператив нужен им лишь постольку, поскольку он им доставляет определенные хозяйственные выгоды. Ни на какое самопожертвование ради усиления своего кооператива они не пойдут, и потому они требуют от кооператива немедленных определенных выгод. Ни о каком «кооперативном государстве» они не мечтают, а желают иметь в своей кухне продукты лучшего качества и по возможно более низкой цене.

Третий рочдельский принцип — покупка на наличные деньги — был выражением той же основной сущности рочдельского кооператива. «Представление о кредите как о социальном зле, — говорит Голейок, — было частью социалистического воспитания рочдельцев. Как социальные реформаторы, они привыкли думать, что для всего общества будет лучше, что коммерческие операции будут проще и честнее, если кредит будет уничтожен».

Объяснение Голейока справедливо, поскольку дело идет о мотивах тех знаменитых «двадцати восьми», которые создали рочдельский кооператив. Но, конечно, не этими социалистическими соображениями о вреде кредита объясняется то, что и этот рочдельский принцип получил такое распространение в пролетарских потребительских обществах.

И этот принцип основан на той же идее, что и принцип продажи по рыночным ценам. Покупка на наличные требует большого напряжения сил со стороны малообеспеченных членов пролетарского кооператива; но она необходима потому, что без нее кооператив будет слишком слаб, чтобы ставить себе крупные цели.

Покупка на наличные особенно необходима именно для пролетарского кооператива, так как кооператив, возникший в этой среде, не может располагать значительными капиталами и, значит, должен черпать всю свою силу из средств своих покупателей. Продажа в кредит лишит пролетарский кооператив всех его оборотных средств, и

вот почему рочдельская кооперация предъявляет такие высокие требования своим членам.

Демократичность устройства, невысокий размер пая и внесение его небольшими взносами с очевидностью вытекают из классового характера членов рочдельской кооперации. Иными словами, все рочдельские принципы целиком и без остатка объясняются классовым составом членов рочдельских кооперативов, тем, что данный кооператив является хозяйственной организацией пролетариата — производительного класса, сплоченного условиями своего труда, но не являющегося собственником своего продукта и потому не обладающего капиталом. На особенностях рочдельского кооператива отразилась, однако, не только экономическая необеспеченность того общественного класса, который создал эту новую форму хозяйственной организации. Самая возможность развития в этой среде хозяйственных союзов, предъявляющих к своим членам столь суровые требования, показывает, что эта среда хотя и не обладает капиталом, обладает правильным, регулярным доходом. Этот правильный доход является источником, откуда пролетарский кооператив черпает свои силы.

С другой стороны — и это существенно важно, — рочдельский кооператив характеризует и идеальную сторону социальной природы пролетариата. Пролетариат — это класс будущего, класс, по всем условиям своей жизни, долженствующий стремиться к новому общественному строю. Коммунистические общины, стремление к которым создало потребительские общества, — это, конечно, утопия, несуществимая мечта. Но не случайно эта мечта получила распространение именно среди пролетариата.

В настоящее время миллионные массы рабочего класса, выступающие под знаменем кооперации, совершенно равнодушны к коммунистическим планам Оуэна. Но и теперь, как и в первое время возникновения кооперации, рабочий класс видит в кооперации некоторую идеальную ценность, ради которой можно пойти на крупные жертвы.

Именно в этом признании идеальной ценности кооперации как общественного движения, создающего новые формы жизни, и заключается характернейшая черта рочдельского кооператива, откуда и вытекли так называемые рочдельские принципы. Отсюда — удиви-

тельная сила рочдельского кооператива, которая получила столь яркое выражение в потребительских обществах Англии.

В своем реальном историческом осуществлении рочдельская кооперация, удовлетворяя насущные мелкие нужды своих членов, в то же время преследует широкие цели огромного общественного значения. За устранением розничного торговца, посредника между потребителем и оптовым торговцем, идет устранение оптового торговца. Такова задача гигантских обществ оптовых продаж, созданных британской кооперацией.

Но этим дело не кончается. Общества оптовых продаж организуют производство нужных им продуктов и таким образом устраняют капиталиста и в сфере производства.

Таким образом рочдельская кооперация работает над осуществлением грандиозного плана общественного преобразования — наполовину бессознательно, — но тем характерно это направление для кооперативов рочдельского типа.

Глава III. Современное положение и общие вопросы пролетарской потребительской кооперации

1. Оптовая организация потребительской кооперации

Наибольшее развитие пролетарские потребительские общества получили в Великобритании, которая остается доньше образцом того, чего может достигнуть пролетариат в области кооперации. Решающую роль в истории пролетарской кооперации сыграло, как сказано, учреждение в 1844 г. рочдельского потребительского общества, выработавшего те единственно возможные основания, на которых неизбежно должна основываться пролетарская кооперация. Следующей знаменательной датой в истории пролетарских кооперативов явилось учреждение в 1863 г. в Манчестере Кооперативного общества оптовой продажи северной Англии. В основу этой новой хозяйственной организации, объединяющей для оптовых операций отдельные потребительские общества, положены своеобразно измененные рочдельские принципы. Потребительское общество ведет розничную продажу, и его членами являются отдельные лица; напротив, Общество оптовой продажи ведет оптовую продажу и его членами являются не физические лица, а целые группы таких лиц,

юридические лица — потребительские общества. Капитал Общества оптовой продажи складывается из взносов участвующих в нем потребительских обществ, причем каждое общество должно делать взнос, пропорциональный числу своих членов. Общество отпускает своим членам продукты только на наличные деньги по оптовым рыночным ценам и в конце года возвращает остаток членам пропорционально закупкам. В общем собрании членов каждое общество располагает числом голосов, пропорциональным числу своих паев в общем капитале.

Таковы хозяйственные основы оптовой организации потребительских обществ. Они совпадают с рочдельскими принципами. Правда, может показаться, что последний пункт противоречит рочдельскому требованию, чтобы каждый член имел один голос независимо от числа паев, которым он располагает. Однако на самом деле предоставление в общем собрании членов Общества оптовой продажи каждому члену тем более голосов, чем более он имеет паев, вполне согласуется с демократическими принципами рочдельцев. Если бы члены общества оптовой продажи имели равное число голосов каждый, то это было бы равносильно подавлению интересов большинства интересами меньшинства. Ведь каждый кооператив вносит в общество тем больше паев, чем более он имеет в своем составе членов, и, следовательно, чтобы интересы всех членов различных кооперативов, объединенных центральной организацией, были в ней одинаково защищены, необходимо, чтобы число голосов в распоряжении каждого кооператива было пропорционально числу участвующих в нем лиц, а значит, и пропорционально числу паев в его распоряжении.

В то время как потребительские общества ставят своей задачей передавать в распоряжение рабочего класса прибыль розничного торговца, общество оптовой продажи стремится к тому же по отношению к прибыли оптового торговца. В этом было принципиально новое в данной кооперативной организации, объединившей мало-помалу огромное большинство пролетарских кооперативов.

В 1872 г. оно переименовано в Кооперативное общество оптовой продажи (Cooperative Wholesale Society) без ограничения его северной Англией. Районом его действий в настоящее время является вся Англия, в то время как в Шотландии действует возникшее в 1869 г. Шотландское кооперативное общество оптовой продажи.

Дальнейший, принципиально важный шаг в деле развития пролетарской кооперации был сделан присоединением к операциям общества оптовой продажи собственного производства. Потребительская кооперация стремится к возможному улучшению условий потребления своих членов. Для этого она вытесняет сначала розничного торговца-посредника, затем оптового и, наконец, переходит к собственному производству, вытесняя таким образом капиталистическое посредничество и в области производства. Благодаря этому в настоящее время британские общества оптовой продажи представляют собой нечто большее, чем простую организацию оптовой продажи на кооперативных началах: они являются одновременно и обществами производства тех продуктов, в которых нуждается потребительская кооперация.

О размерах самостоятельного производства английского общества оптовой продажи можно судить по нижеследующим данным: в 1915 г. оно располагало в своих производственных предприятиях капиталом в 3 510 442 ф. ст., причем в этих предприятиях было занято 20 432 рабочих, продуктов было изготовлено на 12 895 914 ф. ст. Общество имело не только фабрики и заводы, но и пароходы, чайные плантации и фермы. Шотландское общество оптовой продажи располагало в своих производственных предприятиях капиталом в 1 078 529 ф. ст. при 7215 рабочих и 3 669 153 ф. ст. ценности изготовленных продуктов.

Но не только общества оптовой продажи имеют свои производительные отделы: почти все наиболее крупные потребительские общества Великобритании имеют свои фабрики и заводы, на которых производятся те или иные продукты для надобностей общества. Самое крупное из английских потребительских обществ рочдельского типа — Лидское — имеет целый ряд своих фабрик и иных производственных предприятий. Общая сумма производства в производительных отделах потребительских обществ Великобритании немногим превышает по своим размерам производство обоих обществ оптовой продажи.

Впрочем, несмотря на огромное развитие собственного производства, значительно большую часть продаваемых ими продуктов британские потребительские общества покупают все же на стороне, у частных предпринимателей; в 1915 г. всего было продано британ-

скими потребительскими обществами продуктов на 102,5 млн. ф. ст., в том числе произведенных в производительных отделах двух обществ оптовой продажи не более чем на 16,5 млн. ф. ст. Через посредство обоих обществ оптовой продажи потребительскими обществами было приобретено продуктов на 44 млн. ф. ст.

2. Производство потребительских обществ

Для внутренней жизни британской потребительской кооперации особое значение получил вопрос о наиболее желательных формах кооперативного производства. По отношению к этому вопросу среди английских кооперативов очень рано обнаружились два борющихся течения, которые и поныне разделяют британский кооперативный мир на два лагеря — индивидуалистов и федералистов. Первые признают наиболее желательной формой производства самостоятельную производительную ассоциацию, вторые — производственное предприятие потребительского общества.

Первое течение приобретает особое значение в пятидесятых годах прошлого века, и выразителями его становятся ряд замечательных людей из средних классов общества, объединившихся под флагом так называемого «христианского социализма». К числу их принадлежали Кингсли, Нил, Юз, Морис²⁸ и др. К ним примыкали в ревностной пропаганде производительных уже ассоциаций и более ранние вожди английской кооперации, в том числе и знаменитый сподвижник Оуэна Голейок.

Для представителей этого течения производительная ассоциация (производительная артель) являлась самой совершенной формой кооперации или даже единственно истинной кооперацией, так как только производительная ассоциация принципиально уничтожает наемный труд. И они делали героические усилия для насаждения в стране производительных ассоциаций — усилия, совершенно безуспешные, так как основываемые ими в значительном количестве артели неизменно распадались по причинам, которые будут выяснены ниже, в главе о производительных артелях.

Противоположное течение, которое относилось отрицательно к производительным ассоциациям и стремилось к созданию собственного производства потребительских обществ, долгое время не имело определенного теоретического выражения. Цитаделью его стало ан-

глийское Общество оптовой продажи, которое, как только оно упрочилось, стало энергично стремиться к развитию собственного производства. В основе этого стремления не лежало, как сказано, никакой определенной теории, никакой определенной конечной цели, а только ясно сознаваемые потребности практической жизни. «Кооперативные путники пришли к этому принципу, — говорит Редферн, историк английского общества оптовой продажи, в юбилейном издании «The Story of the C. W. S.», — скорее случайно, чем с заранее определенной целью, как Колумб случайно приплыл к островам Вест-Индии».

Теоретическое обоснование этого течения было дано значительно позже, в известной книге Беатрисы Поттер²⁹ «Кооперативное движение Великобритании». Течение это, именовавшее себя «федералистическим», в противоположность «индивидуалистическому» течению, защищавшему производительные ассоциации, признавало производство потребительских обществ более высоким социальным типом, чем производство производительных ассоциаций. В первом случае производство служит интересам всего общественного целого, совпадающего с кругом потребителей, между тем как во втором случае на первый план выдвигаются сепаратные интересы обособленной группы рабочих, занятых данным производством и естественно противопоставляющих себя общественному целому. Первая система производства объединяет рабочих служением общему интересу, между тем как вторая вносит разъединение в их среду и разбивает рабочий класс на группы враждующих друг с другом отдельных производительных единиц, совершенно так же как мы это видим и по отношению к отдельным капиталистическим предприятиям.

Ввиду очевидного неуспеха производительных ассоциаций социальное им течение скоро приняло на практике смягченную форму требования, чтобы рабочие, если они уже не являются полными хозяевами предприятия, то по крайней мере участвовали в его прибылях и в управлении предприятием. В такой форме течение это выразилось в требовании организации производства на началах «трудового кооператива».

Спор обоих течений неоднократно доходил до обсуждения на ежегодных конгрессах высшей организации, объединяющей британскую кооперацию Кооперативного союза. Английское Общество

оптовой продажи некоторое время выдавало своим рабочим известную процентную премию в виде прибавки к заработной плате, но в 1875 г. отказалось от таких выдач не по принципиальным соображениям, а по мотивам чисто практического характера. Затем эта форма оплаты труда была возобновлена и окончательно отвергнута обществом в 1886 г.

Сторонники участия рабочих в прибылях апеллировали к Кооперативному союзу. Во главе кампании против Общества оптовой продажи стал Юз. Стачка рабочих на фабрике общества в Лестере в 1886 г. дала повод к резким нападкам на общество. Голейок сказал даже, что «появление общества оптовой продажи в Лестере было несчастьем для кооперации». Сторонники «индивидуалистического» производства, в числе которых было пять бывших президентов конгрессов Кооперативного союза (Голейок, Юз, Нил, маркиз Рипон, Тейлор), предложили на конгрессе союза в Дьюсбери резолюцию, защищавшую принцип самостоятельных производительных ассоциаций и настаивавшую на том, чтобы, во всяком случае, рабочим было возвращаемо не менее половины всей чистой прибыли. Голейок сказал на этом конгрессе следующее: «В 1886 г. у Общества оптовой продажи было в Лестере 990 рабочих. Прибыль общества равнялась 9500 ф. ст. Разделенная между рабочими, эта прибыль дала бы на каждого рабочего 9 ф. 10 шилл. Кому же досталась эта прибыль, выработанная рабочими? Ее получили 970 потребительских обществ. Что же они сделали с нею? Они передали ее 650 тысячам своих членов. Сколько же получил каждый член? Около полутора фартинга... Имя Иуды Искарота предается проклятиям всего света в течение 18 веков за то, что он предал распятию Христа; но он предал Христа по крайней мере не даром, а за тридцать сребренников. Между тем, кооператоры предают рабочего распятию неоплаченного труда за три восьмых пенни».

Легко понять софизм Голейока: он противопоставил ничтожность выгоды, получаемой каждым членом потребительских обществ, от присвоения прибавочного труда рабочего отдельной фабрики, крупной потере от такого присвоения для рабочего. Но при этом Голейок игнорировал два обстоятельства: во-первых, то, что если выгоды членов потребительских обществ на каждого отдельно члена оказываются гораздо меньшими, чем потери каждого от-

дельного рабочего, то зато число выигрывающих членов гораздо больше, чем число проигрывающих рабочих. Во-вторых, Голейок совершенно неправильно противопоставил всей массе членов потребительских обществ рабочих только одной фабрики, между тем как нужно было бы противопоставить членам потребительских обществ рабочих всех фабрик и предприятий, принадлежащих потребительским обществам. Тогда результат сравнения получился бы совершенно иной. В 1916 г. в потребительских обществах Великобритании, принадлежащих к Кооперативному союзу, было 3187285 членов (всего же, во всех потребительских обществах было 3310724 членов), а общая сумма чистого дохода этих обществ достигала 14 960 086 ф. ст., да, кроме того, два общества оптовых продаж получили чистого дохода в том же году 1639216 ф. ст. Общая сумма чистого дохода достигла, таким образом, для различных и оптовых потребительских обществ 16592302 ф. ст. — на каждого члена приходилось чистого дохода около 5 ф. ст. Если бы весь этот доход поступил в распоряжение рабочих и служащих потребительских обществ, то каждый член потребительского общества лишился бы не ничтожной суммы в три восьмых пенни, как рассчитывал Голейок, но около 5 ф. ст. в год, что уже составляет немаловажную сумму в скромном бюджете рабочего, из числа которых вербуются члены потребительских обществ союза.

На конгрессе победило компромиссное предложение, которое, однако, было ближе к резолюции, предложенной сторонниками ко-партнершипа³⁰, чем к противоположному течению, и могло рассматриваться как победа первых. Большинством в 213 голосов против 160 прошла резолюция, призывавшая Общество оптовой продажи и вообще все кооперативы распределять прибыль между рабочими, пайщиками и потребителями.

Общество оптовой продажи не подчинилось этому постановлению, равно как и большинство потребительских обществ. В 1890 г. общество предприняло анкету для выяснения, в какой мере потребительские общества предоставляют своим служащим и рабочим участие в прибылях. Оказалось, что из 881 общества, принадлежащих к Обществу оптовой продажи, только 94 делали это. Такой результат анкеты только укрепил Общество оптовой продажи в его нежелании вводить участие рабочих в прибылях, и на этой позиции оно твердо

стоит и в настоящее время в противоположность Шотландскому обществу оптовой продажи, в котором служащие и рабочие принимают участие в прибыли (правда, в очень незначительной мере).

Сторонники коопартнершипа усмотрели в образе действий английского Общества оптовой продажи решительную измену кооперативным принципам и превращение общества в обычную акционерную капиталистическую компанию. Однако не подлежит сомнению, что образ действий английского Общества оптовой продажи опирается на сочувствие огромного большинства британских кооператоров и что общество остается истинным кооперативом рочдельского типа.

В конце концов сторонники самостоятельных производительных ассоциаций выделились из общей организации британских кооперативов — Кооперативного союза и образовали свой собственный союз, получивший впоследствии название Ассоциации трудового коопартнершипа, существующий и поныне, но большого успеха не имеющий. Принципы английского Общества оптовой продажи стали руководящими в английской кооперации, дополнившей рочдельские принципы принципом организации производства силами объединенных потребительских обществ.

Это сказалось в статьях английских кооперативных изданий по поводу исполнившегося в 1914 г. пятидесятилетия деятельности Общества оптовой продажи. Вот, например, как рисуется будущее английской кооперации руководящему органу британской кооперации Cooperative News.

«К концу следующего пятидесятилетия Общество оптовой продажи будет, вероятно, владеть каменноугольными копями в Англии и Уэльсе, источниками нефти в Америке, хлопковыми плантациями в Африке, пшеничными полями в Канаде и других странах. Оно будет само добывать железо из своих собственных рудников, вырабатывать кожу со своего скота на своих пастбищах в Аргентине, получать шерсть и баранину со своих овец в Англии и Австралии; оно создаст свои рыбачьи флотилии с помощью потребительских обществ, расположенных вблизи моря, а также земледельческие фермы внутри страны. Что касается океанского транспорта, то ввиду захвата торговых судов синдикатами судовладельцев для Общества оптовой продажи станет необходимым завести свои собственные суда, чем и

будет завершен контроль общества над всеми источниками удовлетворения жизненных потребностей».

Можно сомневаться в правильности этого прогноза, но, во всяком случае, ясно, что для Cooperative News дальнейшее развитие британской кооперации рисуется в виде постепенного расширения сферы действий Общества оптовой продажи, пока в его руках не сосредоточится производство всего того, в чем нуждается английский потребитель. Для отдельных производительных ассоциаций в этой концепции места совсем не остается.

Однако за последние годы в общественном мнении английской кооперации как будто замечается по отношению к этому вопросу некоторый многозначительный поворот, что сказалось не только в появлении многих книг и статей в защиту коопартнершипа, но и в резолюции Абердинского конгресса (1913 г.). Конгресс этот снова рассматривал старый и, казалось бы, окончательно решенный вопрос о наиболее желательных формах кооперативного производства и вынес следующую резолюцию: «Ввиду неупорядоченности, трения и малой производительности современной промышленной организации, основанной на конкуренции, конгресс признает, что пришло время для развития кооперативного производства во всех его формах и приглашает кооператоров тщательно изучить наилучшие способы содействия всем формам ассоциированного труда, включая сюда как существующие формы производства при посредстве потребительских обществ и обществ оптовой продажи, так и при посредстве независимых производительных ассоциаций».

Нужно, впрочем, иметь в виду, что этот возврат к прежним, казалось бы, давно похороненным воззрениям отнюдь не был вызван успехами производительных ассоциаций или хотя бы успехами предприятий на принципах коопартнершипа. Как будет указано в главе о производительных артелях, успехи производительных ассоциаций до сих пор совершенно ничтожны, и немногим лучше обстоит дело с принципом коопартнершипа. Поворот к этим принципам вызван, как правильно указывает г. Чекин в статье «Трансформация капитализма» в «Вестнике кооперации», причинами совершенно иного рода — разочарованием английских кооператоров в возможности для потребительской кооперации захватить в свои руки значительную часть современного производства. «Кооперативный

рынок, — говорил на Абердинском конгрессе Гаррисон, — хотя еще не целиком приобретен кооперацией, но имеет свои определенные границы. Он ограничен не только численностью участников кооперации, хотя и возрастающей из года в год, но в уменьшающейся прогрессии, но и низкой покупательной способностью членов потребительских обществ и незначительностью исходящего от них платежеспособного спроса. Не считая пищевых продуктов, потребление рабочим классом продуктов производства печально мало. Голые спины в достаточной степени, по выражению Карлейля³¹, нуждаются в рубашках. Но за рубашки нечем платить, и потребностям не соответствует достаточный платежеспособный спрос». Эта ограниченность кооперативного рынка в связи с другими условиями, которые будут выяснены ниже, приводит к невозможности занять в кооперативных предприятиях труд тех миллионов членов потребительских обществ, которые уже теперь объединены кооперацией. Действительно, в 1914 г., при 3096314 членах всех потребительских и производительных обществ Англии и Ирландии было занято во всех этих кооперативах 144974 рабочих и служащих, т. е. менее 5 % числа членов. И, очевидно, как бы быстро ни шло развитие потребительских обществ, соотношение это вряд ли существенно изменится, хотя бы уже потому, что большую часть предметов потребления рабочего класса составляют различные пищевые вещества, в производстве которых потребительские общества не могут достигнуть многого. Большая часть этих пищевых продуктов привозится из других стран и, следовательно, не может быть произведена английским рабочим; но и те продукты, которые производятся внутри страны, не могут быть с успехом изготавливаемы наемными рабочими на фермах потребительских обществ в силу особенностей сельскохозяйственного производства, делающих последнее более пригодным для крестьянского хозяйства. Неудача попыток обществ оптовой продажи организовать собственное сельскохозяйственное производство является достаточной иллюстрацией трудностей этого дела.

Таким образом, приходится оставить мысль, что все или хотя бы большинство членов потребительских обществ с течением времени станут находить занятие в предприятиях потребительских обществ и сделаются, таким образом, своими собственными хозяевами. Сознание этого положения дел и вызывает среди кооперативных деятелей

Англии известное разочарование в результатах потребительской кооперации. Как быть с миллионами рабочих, которые никогда не найдут себе занятия в предприятиях потребительской кооперации и, значит, обречены работать в капиталистических предприятиях?

Вообще, эксплуатация наемного рабочего потребительского общества этим последним могла бы исчезнуть лишь в том случае, если бы потребительское общество охватило всю нацию, и притом если бы все потребители были в то же время рабочими: в этом последнем случае общая совокупность потребителей совпала бы с совокупностью производителей и рабочих, как бы ни вознаграждался его труд в форме заработной платы, все равно получал бы свой полный трудовой продукт, ибо все то, что он терял бы в качестве производителя, он выигрывал бы в качестве потребителя. Но пока общее число членов потребительского общества превосходит число занятых в нем рабочих, эти последние, получая неполную оплату труда (что является неизбежным по условиям капиталистической конкуренции, так как потребительское общество не может оплачивать рабочих существенно иначе, чем они оплачиваются капиталистическими предприятиями), несомненно, эксплуатируются потребителями, в качестве членов потребительского общества они получают обратно только часть своего прибавочного продукта, присвоенного потребительским обществом.

3. Рабочий вопрос в кооперации

Понимание этого положения дел и вызвало за последнее время среди английских кооператоров известное разочарование в потребительской кооперации и тяготение к производительным ассоциациям и коопартнершипу. Тяготение это не может, впрочем, иметь значительных практических результатов, так как производительные ассоциации по причинам, которые будут выяснены ниже, не являются в современном хозяйственном строе жизнеспособными организациями. Предприятия же на началах коопартнершипа обычно имеют вполне капиталистический характер и ничего общего с кооперацией не имеют. Те же предприятия на началах коопартнершипа, в которых контроль принадлежит не капиталистам, а рабочим, страдают (хотя и в меньшей мере) недостатками, присущими производительным ассоциациям, и потому также не могут получить значительного распространения.

В конце концов следует признать, что хотя потребительская кооперация своими собственными средствами и не в силах избавить рабочего от эксплуатации, такое избавление не может быть достигнуто и производительными ассоциациями в чистом или преобразованном виде. Кооперация вообще наталкивается здесь на свои естественные границы и требует своего восполнения со стороны государства и муниципалитетов, действующих на совершенно иной, публично-правовой основе, а не на основе частной инициативы.

Рост числа рабочих, служащих в потребительских обществах, естественно, придает все более значения рабочему вопросу в кооперации. Все кооперативные предприятия, кроме трудовых кооперативов, предполагают как свое естественное основание наемных рабочих. По отношению к пользованию наемным трудом нетрудовые кооперативы не отличаются в формальном отношении от капиталистических предприятий. Однако между теми и другими имеется то существенное различие, что кооперативы преследуют совершенно иные цели, чем капиталистические предприятия, и члены кооперативов вербуются из иных общественных классов, чем капиталисты. В этом последнем отношении особенно отличаются от капиталистических предприятий потребительские кооперативы пролетарского типа. В пролетарских кооперативах хозяином предприятия является организованная группа наемных рабочих; они пользуются наемным рабочим персоналом, принадлежащим к тому же самому общественному классу, к какому принадлежат и хозяева этих кооперативов. Таким образом, в пролетарских кооперативах и хозяева, и рабочие принадлежат к одному и тому же классу пролетариата, а между тем как в капиталистическом предприятии хозяева и рабочие принадлежат к разным общественным классам. Противоположность интересов предприятия и рабочих не уничтожается, однако, от того, что хозяева и рабочие являются членами того же общественного класса, ибо как определенные лица хозяева и рабочие отличаются в данном случае друг от друга.

Хозяином в пролетарском кооперативе является обширная группа рабочих, между тем как работает по найму в этом кооперативе только небольшая часть тех же рабочих. Отсюда возникает в кооперативе противоположность интересов наемного персонала и хозяев, но в противность тому, что наблюдается в капиталистическом предприя-

тии, эта противоположность не имеет классового характера. Тем не менее эта противоположность интересов может принимать такой же острый характер, как и в условиях капиталистического производства. Действительно, стачки рабочих в кооперативах далеко не являются исключением даже в тех странах, где кооперация достигла наивысшего развития. Так, например, в Англии английскому Обществу оптовой продажи приходилось неоднократно вести борьбу со своими бастующими рабочими. То же нужно сказать о Франции и Германии.

Эти острые проявления антагонизма интересов рабочих и хозяев в пролетарских кооперативах не должны удивлять, так как названный антагонизм имеет корни в самом существе данного экономического отношения. Однако принадлежность хозяев и рабочих к одному и тому же общественному классу не остается без последствий и приводит к тому, что рабочий вопрос в кооперативах чувствуется членами кооператива как нечто болезненное и ненормальное. В то время как капиталисты, стоящие во главе своих предприятий, легко примиряются с мыслью, что антагонизм их интересов с интересами рабочих является естественным и неустранимым условием современной хозяйственной системы, пролетарии, стоящие во главе пролетарского кооператива, не могут не видеть в рабочих, занятых в их кооперативе, своих товарищей, а не противников.

Отсюда, естественно, стремление кооперативов смягчить по возможности противоположность интересов хозяев и рабочих в пределах своего предприятия.

Именно на почве защиты интересов рабочих, занятых в кооперативах, и возникло течение среди кооператоров, благоприятствующее трудовому коопартнершипу и вообще расширению контроля рабочего над кооперативом. Кооператоры старой школы отрицали неизбежность рабочего вопроса в кооперации. Такова была, например, точка зрения одного из самых авторитетных вождей британской кооперации Митчела³², давшего в этом смысле показание перед известной английской Королевской комиссией о труде. Противоположность интересов рабочих и хозяев в потребительском обществе рассматривалась им как преходящее явление, которое должно исчезнуть при дальнейшем развитии кооперации.

Однако с этим мнением согласиться никоим образом нельзя. Как указано выше, только в том случае, если бы потребительские об-

щества охватили всю нацию, и притом если бы все потребители были в то же время рабочими, названная противоположность интересов должна была бы исчезнуть. Следует при этом подчеркнуть, что одного распространения потребительского общества на всю нацию недостаточно для прекращения эксплуатации труда. Требуется еще второе условие исчезновения капиталистического класса, ибо если бы капиталисты входили в потребительские общества наряду с рабочими, то эксплуатация труда сохранилась бы, так как нетрудовые доходы капиталистов были бы вычетом ее трудового продукта рабочих.

Иначе говоря, потребительская кооперация как таковая не может разрешить рабочий вопрос.

Рабочий вопрос в кооперативах является, следовательно, таким же неустранимым явлением, как и рабочий вопрос в пределах капитализма. Только одна форма кооперации уничтожает в корне антагонизм трудящегося и работодателя — это производительная ассоциация. Но характерно, что именно эта форма кооперации, как это будет выяснено ниже, оказывается на практике почти неосуществимой.

Однако из неизбежности рабочего вопроса в пределах кооперации отнюдь не следует, что кооперация должна относиться пассивно к этому положению дел, предоставляя борьбе заинтересованных лиц устанавливать положение трудящихся в кооперативе. Наоборот, кооперация не может не занять в данном случае совершенно иную позицию, чем капиталистическое предприятие. Различие это вытекает из самого существа предприятий того и другого рода. Капиталистическое предприятие действует в интересах капиталиста, и интересы занятых в предприятии рабочих не могут рассматриваться капиталистом как нечто совершенно чуждое реальным целям данной хозяйственной организации. Вот почему в капиталистическом предприятии отношения труда и капитала определяются относительной силой двух борющихся сторон — капиталиста и рабочего (до тех пор пока в эти отношения не вмешивается посторонняя сила государства, которое и регулирует положение трудящегося, исходя из совершенно иных публично-правовых оснований). В другом положении находится кооператив. Хотя кооператив также служит прежде всего интересам своих хозяев, но этими хозяевами являются трудящиеся люди, которые в своей хозяйственной деятельности отстаивают интересы не капитала, но труда. Кроме того, кооператив преследует не только

цели хозяйственного благополучия своих участников, но и ставит себе известные задачи идеального порядка. Эта существенная основа кооперации не может не оказать влияния и на отношение кооперативов к положению занятых в них наемных рабочих.

И действительно, мы замечаем, что лишь при неразвитых формах кооперации вопрос о рабочих разрешается в них так же, как и в капиталистических предприятиях — путем борьбы рабочих и работодателей, на основании соотношения реальных сил того и другого общественного элемента. В то время как капиталистическое предприятие отнюдь не тяготеет к какому-либо иному решению рабочего вопроса, кооперация с самого начала воспринимает борьбу рабочего с хозяином, как нечто противоречащее природе кооператива, как «больной вопрос» своего внутреннего строя. Правда, при неразвитых формах кооперации наемный труд обычно эксплуатируется кооперативами несколько не меньше или почти не меньше, чем в обычных капиталистических предприятиях того же размера. Однако такое отношение к наемному труду встречает осуждение со стороны представителей идеального духа кооперации — вождей и идеологов кооперативного движения. Поэтому в это время отношение к наемному труду в пределах кооперации характеризуется следующими чертами. На практике в кооперативах положение труда существенно не отличается от положения труда в капиталистических предприятиях. Но в кооперативной теории такое положение вещей осуждается, и общественное мнение кооперативного мира стремится изменить положение труда к лучшему. Выражением этого общественного мнения являются резолюции кооперативных съездов, которые обычно протестуют против эксплуатации труда и стремятся побудить кооперативы улучшить положение занятого в них рабочего персонала.

Однако долгое время кооперативная мысль не может выработать принципов, которыми должны руководствоваться кооперативы в своих отношениях к наемному персоналу. Ясно одно, что отношения эти не должны регулироваться борьбой труда и капитала, как в капиталистических предприятиях. Необходимо найти некоторое общее начало, исходя из которого кооперация могла бы создать такое положение для своих рабочих, которое одновременно было бы согласовано и с хозяйственными целями кооперации, и с интересами рабочих.

Какое же это начало? Прежде всего ясно, что наемный персонал кооперации не может никоим образом претендовать на полную оплату своего труда соответственно вырабатываемому им продукту. Ибо если бы кооперация стала возвращать рабочему все то, что рабочий создает в кооперативном предприятии, то кооперация не получила бы ничего в свою собственную пользу и лишалась бы своего хозяйственного смысла. Возьмем, например, фабрику потребительского общества. Весь продукт, производимый на этой фабрике, мы должны рассматривать как создание труда занятого на ней рабочего персонала (конечно, не только физических, но и умственных рабочих). Правда, потребительское общество дало капитал, необходимый для того, чтобы фабрика могла работать, но если мы не приписываем капиталу способности создавать новый прибавочный продукт в частном капиталистическом предприятии, то мы не можем приписывать ему этой способности и в том случае, когда собственником капитала является потребительское общество. Продукт, по общему правилу, создается только трудом, капиталу же принадлежит в создании продукта только пассивная роль необходимого условия производства.

Итак, весь продукт, производимый на фабрике потребительского общества, создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительское общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не создавало прибавочного продукта и, значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу.

Но если так, то для чего потребительскому обществу устраивать фабрику? Если оно вернет себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет для общества бесполезно.

Точно так же, если всю разницу между себестоимостью и продажной ценой продукта, продаваемого из лавки потребительского общества, возвращать рабочим и служащим общества, то общество лишится своего смысла и должно будет прекратить свои операции, ибо оно не будет давать никаких выгод своим членам.

Отсюда с очевидностью следует, что условием самого существования кооператива является удержание в его пользу известной части прибавочного продукта, создаваемого рабочим персоналом, занятым в кооперативном предприятии. Кооператив не может вознаграждать

занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта. Кооператив под страхом своей гибели должен удерживать в свою пользу часть прибавочного продукта, создаваемого рабочим.

Но какую часть? Здесь и возникает главная трудность.

Решение ее возможно при помощи следующих соображений. Кооперативное предприятие конкурирует с капиталистическим. Верховным законом кооператива, как и всякого другого жизненного образования, является стремление к самосохранению. Нельзя требовать от кооператива, чтобы он давал рабочему больше, чем это совместимо с поддержанием самого кооператива.

Если кооперативу приходится конкурировать с капиталистическими предприятиями, то, значит, и условия оплаты труда в кооперативном предприятии не могут существенно разойтись с условиями оплаты труда в капиталистических предприятиях. В противном случае кооператив не мог бы выдержать конкуренции с капиталистическими предприятиями, и последние вытеснили бы кооперацию из современной хозяйственной системы.

Таким образом, основным принципом вознаграждения труда в кооперативах должно быть признано правило, что вознаграждение труда должно исходить из тех или иных оснований, господствующих в капиталистических предприятиях. Но труд вознаграждается в различных капиталистических предприятиях не одинаково: в одних вознаграждение труда больше, в других меньше. Значит, вышесказанное правило требует дальнейшего развития. Какие именно условия вознаграждения труда в капиталистических предприятиях должны быть руководящими для кооперативов — высшие, средние или низшие нормы вознаграждения?

Несомненно, именно высшие нормы. Кооперативное предприятие преследует не только цели хозяйственной выгоды своих членов, но и идеальные цели высшего порядка. Требование труда на полную оплату всего трудового продукта вполне соответствует идеальным целям кооперации. Если требование это тем не менее не осуществляется кооперацией, то лишь потому, что осуществление его было бы равносильно самоуничтожению коопераций. Но тем не менее кооперация должна стремиться подойти возможно ближе к этому требованию, поскольку это допускается самым существом кооперации.

Вознаграждение труда по высшим капиталистическим нормам экономически возможно, ибо оно осуществляется некоторыми капиталистическими предприятиями. Следовательно, оно возможно и для кооперативных предприятий, и такое вознаграждение является нормой, к которой кооператив должен всячески стремиться.

Итак, мы нашли принцип, исходя из которого кооператив может определить, какова должна быть оплата занятого в нем рабочего персонала. Рабочие должны быть поставлены в кооперативном предприятии в такое положение, которое соответствует положению трудящихся в капиталистических предприятиях с наилучшими условиями для труда или даже по возможности выше.

Если кооператив будет исходить из этого принципа, то столкновения с рабочими на почве неудовлетворенности последних условиями труда не должны иметь места, ибо рабочие будут дорожить работой в данном предприятии, и в другом предприятии они не найдут лучших условий работы. В то же время и кооператив сохранит возможность достигать своих целей, оплачивая рабочих ниже их полного трудового продукта.

Только таким образом может быть если не разрешено, то ослаблено противоречие интереса работодателей и рабочих кооперации. На практике именно к такому решению и идет кооперация в тех странах, где кооперативное сознание всего выше. Так, в Англии и Германии между двумя основными формами рабочего движения в экономической области — кооперацией и рабочими союзами — устанавливается все более тесная связь. На конгрессах пролетарской кооперации принимают участие и представители рабочих союзов. В пределах самих кооперативов сознание общности классовых интересов как служащих, так и хозяев кооператива все более дает себя чувствовать.

Выдающееся значение вопрос о положении рабочих в кооперативах получил в германской пролетарской кооперации, которая стала очень быстро развиваться за последнее десятилетие. В целом ряде конгрессов германских пролетарских потребительских обществ вопрос этот вызвал страстные дебаты, в особенности на конгрессах в Штутгарте (1905 г.) и Дюссельдорфе (1907 г.). Интересы рабочих защищались представителями рабочих союзов.

Точно так же вопрос о положении рабочих в кооперативах обсуждался и на конгрессах рабочих союзов, особенно на конгрессе в

Кельне в 1905 г. Потребительские общества подвергались ожесточенным нападкам со стороны рабочих за эксплуатацию своих рабочих.

Мало-помалу и кооперативы, и рабочие пришли к известному сближению, что и обнаружилось на Эйзенахском конгрессе потребительских обществ в 1908 г. Конгресс этот принял следующую резолюцию: «Конгресс признает долгом кооперативов стремиться, насколько возможно, к тому, чтобы по отношению к условиям оплаты и положению своих рабочих кооперативы являлись образцом для других предприятий. Конгресс обнаруживает готовность вступить в переговоры с рабочими союзами относительно установления общих условий вознаграждения труда и продолжительности труда».

В Англии рабочие потребительской кооперации получают, как общее правило, заработную плату согласно тарифам рабочих союзов, рабочий день на фабриках Общества оптовой продажи обычно значительно ниже, чем на капиталистических фабриках того же рода. Абсрдинский кооперативный конгресс 1913 г. выработал шкалу минимальной заработной платы и рекомендовал ее введение во всех принадлежащих к союзу кооперативах.

И в других странах с развитой пролетарской кооперацией условия труда в пролетарских кооперативах являются если и не образцовыми, то все же лучшими, чем в средних капиталистических предприятиях того же типа.

Очень ярко рисует новый характер условий труда в пролетарских кооперативах П. Гере в своей книге «Die deutschen Arbeiter Konsumvereine» (1910 г.)³³.

Пролетарские кооперативы, говорит он, создают более совершенную обстановку труда, чем та, что мы видим в капиталистических предприятиях. «Корни этих новых отношений заключаются в своеобразном факте, что в рабочем потребительском обществе служащие, как высшие, так и низшие, обученные и необученные, мужчины или женщины, в равной мере в то же время являются членами общества, в котором они служат. В большинстве обществ служащие нанимаются только из среды членов общества и притом по одному на семью. Если из этого правила приходится делать исключение и нанимать лиц, не состоящих членами общества, то вновь нанимаемое лицо должно немедленно же стать и членом общества: каждый служащий в обществе должен состоять его членом. Это имеет край-

не важные последствия. Каждый рабочий и служащий общества соединяют в своем лице и нанимателя труда, и рабочего. Он — рабочий, поскольку он работает по найму общества; он — наниматель труда, поскольку он в качестве члена общества является хозяином имущества общества и полноправным членом общего собрания — высшей инстанции общества. Так как общее собрание избирает правление и требует отчетов от этого последнего, то, поскольку служащий не является сам членом правления, какую бы должность он ни занимал, хотя бы был только ночным сторожем, он является одновременно и высшим лицом по отношению к своему начальству. В то же время он высшее лицо и по отношению ко всем своим товарищам по службе. Иными словами, он свое собственное начальство и свой собственный работодатель. В пределах общества он является, так сказать, двойственным лицом в хозяйственном отношении, заключающим в себе неустранимое внутреннее противоречие, и в то же время как рабочий и работодатель он вдвойне заинтересован в успехах общества. Благодаря тому что служащие и рабочие рабочего потребительского общества являются одновременно и его членами, в современной хозяйственной жизни создается совершенно новый тип рабочего, который имеет существенно иной характер, чем рабочий частного капиталистического предприятия. В то время как в капиталистическом предприятии рабочие всегда остаются просто рабочими руками, и обычно тем в большей мере, чем крупные предприятия, в потребительском обществе они являются до самого последнего уважаемыми лицами».

В общем собрании потребительского общества рабочие общества не только являются такими же членами, как и все остальные, но обычно наиболее осведомленными и заинтересованными членами. Хотя общая численность рабочих общества составляет незначительный процент членов, но так как члены далеко не аккуратны в посещении общих собраний, а служащие общества, естественно, связаны с ним всего теснее всеми своими интересами, то служащие легко приобретают значительное влияние на решения общего собрания. Поэтому правление общества не может относиться к своим служащим так, как относится к последним правление капиталистического предприятия, которому не приходится бояться своих служащих, так как в общем собрании акционеров они участия не принимают.

Конечно, это не должно приводить к утрате авторитета правления и недисциплинированности рабочего персонала. Во всяком случае, такое положение дела не может не иметь своим следствием известного уважения к личности рабочего, который не чувствует себя по своему социальному положению низшим лицом по отношению к правлению. И члены правления, и служащие являются в социальном отношении товарищами, равными, а не высшими и низшими. Поэтому в пролетарских кооперативах нередко наблюдается такая смена должностей, которая невозможна в обычном предприятии. Сплошь и рядом высшая должность сменяется на низшую, и притом совершенно добровольно, без всякого чувства унижения для заинтересованного лица. Очень часто, например, член правления, т.е. высшее лицо в служебной иерархии потребительского общества, становится приказчиком, т.е. подчиненным правления. Иногда даже председатели правления добровольно принимают должности простых служащих того или другого рода.

Таким образом, пролетарская кооперация является прообразом того общественного строя, при котором никакая работа не будет заключать в себе чего-либо социально унижающего человека, при котором уважение к отдельному человеку будет определяться его личными достоинствами, а не занимаемым им общественным положением.

Столкновение интересов рабочих и работодателей не может исчезнуть в кооперативном предприятии, ибо оно коренится в самом существе данной хозяйственной организации. По при том чувстве равенства, которое все больше и больше проникает в отношения членов, служащих в пролетарской кооперации, — это столкновение интересов не должно приводить к борьбе, но к известному компромиссу, основанному на взаимном уважении к правам и интересам обеих сторон.

4. Пределы потребительской кооперации

Потребительские общества являются кооперативом такого рода, в котором с формальной стороны могут участвовать все классы общества, ибо все являются в равной мере потребителями. Поэтому можно было бы думать, что потребительские общества могут создаваться во всякой социальной среде и в конце концов должны охватить все общество.

Отсюда понятно, что именно с потребительскими обществами связывались и связываются наибольшие надежды относительно преобразования современного общества. Дело рисуется в таком виде. Потребительские общества растут все больше и больше, охватывают мало-помалу все общественные классы и становятся единственной организацией, при посредстве которой потребители получают необходимые для них предметы потребления. Вместе с этим растет и собственное производство потребительских обществ как в области изготовления промышленных, так и сельскохозяйственных продуктов. В конце концов процесс этот должен закончиться совершенным поглощением новой формой хозяйства старой хозяйственной системы — капиталистическое хозяйство сходит со сцены, и место его занимает коллективистическое хозяйство, ибо потребительское общество, вытеснившее капиталистическое хозяйство, охватившее все население страны и управляющее всем народным хозяйством, было бы не чем иным, как системой коллективизма.

Таково было мнение многих из специалистов, именно в силу этого и сочувствовавших потребительской кооперации. Казалось в высшей степени заманчивым достигнуть социалистического строя без всякой политической и классовой борьбы, путем органического развития потребительских обществ.

Однако в настоящее время мнение это вряд ли может рассчитывать на большое число сторонников даже среди самых увлекающихся кооператоров. Совершенно ясно, что потребительские общества ни в каком случае не могут сами по себе заместить капиталистическую систему хозяйства, ибо развитие их силою вещей заключено в довольно узкие пределы.

Вопрос этот в некоторых отношениях был выяснен еще Б. Поттер в ее классической книге «Кооперативное движение в Великобритании». Прежде всего отнюдь не нужно думать, что потребительские кооперативы могут развиваться во всякой общественной среде. Правда, всякий является потребителем, но далеко не всякий имеет достаточные побудительные мотивы, чтобы вступать в члены потребительского общества.

Кооперация открывает свои двери для всех, но не все в них входят. Прежде всего кооперация существует лишь для трудящихся классов современного общества, но не для капиталистов.

Конечно, и капиталистические классы могут нуждаться в соединении своих сил для достижения тех или иных целей. Но хозяйственные организации среди капиталистов, естественно, принимают совершенно иные формы, чем организации трудящихся классов. Хозяйственной организацией трудящихся является кооператив; хозяйственная же организация капиталистов должна неизбежно сложиться в формы капиталистического товарищества.

Что касается удовлетворения лицами богатых классов своих потребительских нужд, то для этого существуют обычные капиталистические магазины, вполне удовлетворяющие своему назначению и предоставляющие богатым людям такие удобства выбора разнообразных предметов потребления и элегантной обстановки, которые недостижимы для потребительского общества. Если же для более низших слоев капиталистического класса и возникает потребность в потребительских организациях (для удешевления жизни), то организации эти естественно складываются в более или менее капиталистические формы, как это мы видим на примере лондонских потребительских обществ чиновников гражданского ведомства (о которых будет сказано ниже, в разделе, посвященном мелкобуржуазной кооперации).

Итак, потребительская кооперация не может охватить капиталистические классы. Здесь лежит классовая граница потребительской кооперации сверху.

Но и снизу для потребительской кооперации имеются свои пределы. Потребительская кооперация предъявляет довольно суровые требования своим участникам. Платеж наличными, уплата пая — все это не под силу многим и многим более бедным элементам современного общества. Полезным членом потребительского общества может быть только тот, кто располагает определенным регулярным и не совсем незначительным доходом.

Поэтому беднейшие элементы современного общества так же мало пригодны для потребительской кооперации, как и более богатые. Потребительская кооперация развивается с успехом лишь среди некоторой части трудящихся классов, именно среди лучше оплачиваемой или более достаточной его части.

Потребительская кооперация может развиваться среди всех трех общественных классов, в которых вообще возможна коопера-

ция, — среди пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Но полного своего развития потребительская кооперация достигает только среди одного общественного класса — пролетариата, и притом городского пролетариата.

Для этого существуют свои причины. Среди мелкой буржуазии кооперация вообще тяготеет к капиталистическим формам, так как мелкая буржуазия сама является наполовину капиталистическим классом. Среди крестьянства потребительская кооперация также не может получить значительного развития по причинам, которые будут выяснены при характеристике крестьянских потребительских обществ (в отделе крестьянской кооперации). И только среди городского пролетариата потребительская кооперация принимает те грандиозные формы, которые характеризуют потребительские кооперативы рочдельского типа.

Мало того, для полного успеха потребительского кооператива требуется социальная среда совершенно определенного типа. А именно, как показывает опыт, потребительские общества достигают наибольшего развития преимущественно в не очень больших фабричных городах.

Небольшим фабричным городом был Рочдель, где зародилась современная пролетарская кооперация. И это было далеко не случайным, как показывает неудача попыток создать потребительскую кооперацию в Лондоне.

Казалось бы, Лондон, являющийся сосредоточием духовных сил всей страны, мог, во всяком случае, достигнуть того, что так блестяще удалось ничтожному Рочделю. Между тем потребительская кооперация, быстро распространявшаяся в фабричных городках северной Англии, натолкнулась на непреодолимые препятствия в мировой столице.

И это кажется тем более странным, что кооперативное движение Англии началось с учреждения в Лондоне в 1824 г. Лондонского кооперативного общества.

С того времени, когда в Рочделе жизнь выработала ту единственную форму, в которой потребительская кооперация может достигнуть полного развития, не прекращались попытки создать и в Лондоне потребительскую кооперацию. Только за время 1881–1892 гг. в Лондоне было основано в разное время не менее 73 потребительских

обществ, и все они погибли после короткого существования. Причины гибели их указывались разнообразные: плохая администрация, раздоры среди членов, растраты и хищения служащего персонала и многое другое — вот что вызвало гибель этих обществ согласно анкете, проведенной кооперативным союзом и Обществом оптовой продажи.

Но почему же именно в Лондоне — мировой столице — хуже справлялись с трудностями, естественно сопровождающими всякое хозяйственное предприятие, чем в Рочделе и других небольших фабричных городах, где потребительская кооперация достигла такого блестящего расцвета? В этом и заключается весь вопрос.

Ответ на него должен быть следующий. Для успеха потребительского общества требуется наличность совершенно определенной социальной среды. Кооператив только в том случае может существовать, если члены относятся к нему, как к чему-то им дорогому, ради чего они готовы идти на известные жертвования. Члены должны любить свой кооператив, составлять собой как бы одну семью, видеть в своем кооперативе самостоятельную ценность. Такое отношение к кооперативу гораздо легче достижимо в небольшом городе с мало меняющимся, устойчивым населением, чем в таком необъятном скоплении людей, каким является Лондон. Каким образом могут составить кооперативную семью жители Лондона, с переменной квартиры внезапно исчезающие из пределов досягаемости кооператива, не знающие своего соседа и имеющие множество интересов и примаков вне кооператива?

В среде населения, обладающего прочной оседлостью и хорошо знакомого друг с другом, имеется наилучшая почва для кооперации. В такой среде люди не боятся жертвовать своему кооперативу не только своими имущественными средствами, но и своим досугом и трудом. Действительно, сколько дарового труда со стороны всех более деятельных членов кооператива, а тем более со стороны лиц, руководящих им, требует кооператив! Если члены будут относиться к своему кооперативу как к обычному хозяйственному предприятию, то, конечно, такой кооператив не выдержит конкуренции с капиталистическими предприятиями.

В отсутствии подходящей духовной атмосферы и заключается основная причина неудачи лондонской кооперации. И это препят-

ствие оказывается настолько существенным, что преодолеть его не могли самые упорные усилия создать в Лондоне потребительскую кооперацию рочдельского типа. В 1894 г. за дело взялась такая мощная и опытная в кооперативном строительстве организация, как Общество оптовой продажи, ассигновав для создания в Лондоне потребительского общества 3000 ф. ст. Оно само выбрало лиц для управления обществом, наняло помещение для магазинов, доставило обществу все нужные продукты — словом, организовало все дело наилучшим образом. В то же время Кооперативный союз, со своей стороны, предпринял в Лондоне деятельную агитацию в пользу нового общества и мобилизовал все свои силы, чтобы заинтересовать им лондонское население. Общество открыло сразу 5 магазинов под руководством лиц, опытных в управлении потребительскими обществами. Сначала дело пошло хорошо, и Гаукинс, председатель правления лондонского отдела Общества оптовой продажи, заявил на конгрессе в Вульвиче в 1896 г., что пройдет немного времени и Лондон будет обладать самым крупным потребительским кооперативом во всей Великобритании.

Будущее далеко не оправдало этих ожиданий, и через несколько лет Лондонское общество закрылось вследствие постоянного сокращения своих операций. Оказалось, что никакая пропаганда и никакие денежные затраты не в силах создать потребительскую кооперацию, если для нее не имеется почвы в данной социальной среде.

Эта неудача в Лондоне рочдельской кооперации тем характернее, что в том же Лондоне прекрасно удаются потребительские общества иного, не кооперативного или не вполне кооперативного типа — чиновничьи общества, о которых будет идти речь в отделе о мелкобуржуазной кооперации.

Таким образом, следует признать, что наиболее благоприятной средой для развития потребительской кооперации являются не очень большие фабричные города, где имеется достаточно многочисленная группа оседлых и хорошо знающих друг друга, довольно однородных по своему образу жизни потребителей — фабричных рабочих, составляющих обширный рынок для предметов потребления массового характера и в то же время благодаря своему классовому составу и общему социальному облику обладающих достаточным социальным идеализмом и чувством товарищеской солидарности для

социального творчества. И действительно, мы видим во всем мире, что рочдельские кооперативы удаются преимущественно в городах этого рода. Это наблюдается и в Англии, где потребительская кооперация сосредоточена преимущественно в северной части страны, в районах фабричной промышленности, и во Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии — словом, повсюду. Наоборот, мировые столицы — Лондон, Париж, Берлин, — если и не являются «кооперативными пустынями», то во всяком случае отстают по развитию в них потребительских кооперативов от менее крупных фабричных городов.

Итак, сферой развития потребительской кооперации является лишь определенная общественная среда. Затем, по самому существу потребительская кооперация может захватывать в данной стране только те отрасли хозяйства, в которых изготавливаются продукты, предназначенные для потребления внутри страны, но отнюдь не отрасли промышленности, работающие для экспорта. Продукты, предназначенные для вывоза, естественно, выходят за пределы деятельности туземных³⁴ потребительских обществ, ибо последние суть организации туземных потребителей, а не организации для сбыта товаров иностранным покупателям.

Итак, вся огромная область экспортной промышленности и торговли остается вне сферы влияния туземной потребительской кооперации. Но и по отношению к производству предметов ввоза влияние туземной потребительской кооперации весьма ограничено.

Правда, можно себе представить, что потребительские общества внутри страны организуют собственное производство этих предметов за пределами страны, в местах их производства. Образцы такого производства мы видим в чайных плантациях на Цейлоне, которые принадлежат английскому Обществу оптовой продажи. Но сколько-нибудь значительного развития производство этого рода получить не может в силу огромных трудностей для руководства промышленным предприятием за пределами страны — трудностей, которые для потребительского общества гораздо значительнее, чем для капиталистического предприятия.

Таким образом, из сферы хозяйства потребительских обществ почти целиком изымается производство всех продуктов, обращающихся в международной торговле. Предметы ввоза могут, конечно, закупаться потребительскими обществами, но почти не могут ими

производиться. Предметы же вывоза ни продаваться, ни производиться потребительскими обществами не могут.

Далее, потребительские общества ограничивают свое хозяйство почти исключительно предметами потребления. Продажа же средств производства выходит за пределы хозяйственной деятельности потребительских обществ по той причине, что члены потребительских обществ, как не имеющие своего производства, в этих продуктах не нуждаются. Правда, общества потребителей имеют свое собственное производство, но размеры его столь ограничены, что спрос на средства производства со стороны потребительской кооперации сравнительно невелик. Потребительское общество не может устроить для своих надобностей железодельный завод, ибо железо лишь в ничтожной мере может понадобиться ему для собственных надобностей, и большую часть изготовленного железа пришлось бы продавать на сторону, что не соответствует задачам потребительских обществ. Каменноугольная шахта уже более может стать предметом эксплуатации потребительского общества, так как каменный уголь потребляется как топливо в домашнем хозяйстве. Но, как общее правило, потребительская кооперация лишь в очень незначительной степени нуждается в средствах производства, и, следовательно, изготовление средств производства по необходимости остается вне сферы потребительской кооперации.

Между тем для современного хозяйственного развития характерно растущее значение средств производства в общественной экономике. Это очень ярко сказывается в том, что руководящей отраслью промышленности все более и более становится железодельная промышленность (железо — важнейшее средство производства современности), в то время как еще не очень давно такую руководящую роль играла хлопчатобумажная промышленность. Таким образом, естественное развитие капитализма в этом отношении имеет тенденцию не увеличивать, а уменьшать значение потребительской кооперации в общем строе народного хозяйства, ибо народное хозяйство все более направляется на изготовление не предметов потребления, а средств производства.

Но и, помимо этого, многие отрасли хозяйства по самому своему существу непригодны для того, чтобы перейти в сферу действия потребительской кооперации. Это именно те отрасли хозяйства, кото-

рые по самой своей природе предполагают работу на все общество. Важнейшим примером хозяйственных организаций этого рода, непригодных для потребительской кооперации, является столь важная в современной хозяйственной жизни транспортная промышленность. Железная дорога для пассажирского передвижения не может быть устроена потребителем общества, ибо по железной дороге ездят не только члены потребительского общества, но все население страны; железная дорога только для надобностей членов потребительского общества была бы экономической нелепостью — по такой дороге было бы слишком мало движения и стоимость транспорта достигла бы чудовищных размеров. Можно себе представить, пожалуй, только небольшую железнодорожную пригородную ветку местного значения в руках потребительского общества, и то только в том случае, если передвижение членов потребительского общества по этой линии так интенсивно, что окупает расходы по ее эксплуатации. Но и в этом случае постройка железной дороги потребителем общества не была бы экономически целесообразна, ибо значительная часть населения — все не члены потребительского общества — исключалась бы из пользования дорогой, и потому такая дорога не могла бы конкурировать с железными дорогами обычного типа, которыми пользуются все.

Морское сообщение более пригодно для того, чтобы быть организовано потребителем общества, и мы действительно видим, что Общество оптовой продажи имеет свою собственную небольшую флотилию. Однако и это возможно только в весьма ограниченных размерах, и пароходы Общества оптовой продажи служат не для пассажирского, а для грузового транспорта, и по очень понятным причинам: для пассажирского транспорта не хватило бы пассажиров — членов потребительских обществ.

В общем, нужно сказать, что железнодорожный и пароходный транспорт не может перейти в руки потребительских обществ, и только в ничтожной мере может быть организован на началах потребительской кооперации.

Сфера потребительской кооперации оказывается ограниченной и с этой стороны. Но этими пределами далеко не исчерпываются естественные границы, на которые наталкивается потребительская кооперация.

Потребительские общества ставят себе целью доставление своим членам необходимых для них предметов потребления. Из чего же состоят эти предметы потребления? Главным образом из различных предметов питания: те общественные классы, нуждам которых преимущественно служит потребительская кооперация, в силу незначительности своего дохода принуждены большую часть последнего тратить на свою пищу.

Поэтому важнейшую роль среди продуктов, продаваемых потребительскими обществами, играют разные предметы питания. Возникает вопрос, могут ли потребительские общества организовать собственное производство сельскохозяйственных продуктов.

Ответ на это должен быть дан отрицательный. Дело в том, что в силу особенностей сельского хозяйства мелкое крестьянское хозяйство сильнее капиталистического. Но потребительское общество может организовать сельскохозяйственное производство только на началах наемного труда. Поэтому сельскохозяйственное производство потребительского общества не может не страдать всеми недостатками капиталистического сельского хозяйства и оказывается так же слабо в конкуренции с крестьянским хозяйством, как и капиталистическое сельское хозяйство.

И действительно, мы видим, что все попытки Общества оптовой продажи организовать собственные молочные и иные фермы оказались более или менее неудачными или, во всяком случае, не вполне удачными. Правда, общество имеет чайные плантации на острове Цейлоне, но это потому, что в чайном деле капиталистическое хозяйство более выгодно. Вообще, нельзя отрицать, что в отдельных случаях возможна организация потребительскими обществами собственного сельскохозяйственного производства, но лишь в отдельных случаях. Как общее же правило, нужно признать, что в сфере сельского хозяйства потребительские общества силой вещей обречены на роль простых покупателей продуктов, производимых не ими.

Поэтому нас несколько не должны удивлять сравнительно ничтожные размеры собственного производства потребительских обществ. И что же мы видим? При более чем 3 миллионах членов потребительских обществ в производственных предприятиях всех обществ было занято в 1914 г. всего 53 923 рабочих.

Число членов потребительских обществ Великобритании с семьями значительно превышает четверть всего населения страны. Напротив, число рабочих в производственных предприятиях потребительских обществ составляет ничтожную долю процента всего рабочего населения страны. И нет основания думать, чтобы это соотношение существенно изменилось к лучшему по мере дальнейшего развития потребительской кооперации.

И общие теоретические соображения, и факты показывают, что потребительская кооперация хотя и растет, но рост ее наталкивается на известные пределы, почему темп ее роста там, где она уже успела достигнуть значительного развития, падает. Правда, еще и теперь в Англии оборот потребительских обществ растет быстрее суммы роста внешней торговли страны: за десятилетие 1901–1910 гг. оборот потребительских обществ возрос на 48,3 %, в то время как сумма всего национального ввоза и вывоза возросла за то же время на 36,9 %. Но темп роста оборотов потребительских обществ в общем падает:

1861–1870 гг. 305,5 %

1871–1880 гг. 163,5 %

1881–1890 гг. 96,5 %

1891–1900 гг. 34,5 %

1901–1910 гг. 48,3 %

Еще характернее цифры закупок в потребительских обществах на одного члена (разделить общую сумму продажи в потребительских обществах на число членов):

1905 г.	28 ф. 7 шилл.	1910 г.	28 ф. 5 шилл.
---------	---------------	---------	---------------

1906 г.	28 " 10 "	1911 г.	28 " 7 "
---------	-----------	---------	----------

1907 г.	29 " 6 "	1912 г.	28 " 13 "
---------	----------	---------	-----------

1908 г.	29 "	1913 г.	29 " 7 "
---------	------	---------	----------

1909 г.	28 " 10 "	1914 г.	28 " 16 "
---------	-----------	---------	-----------

Эти цифры не показывают почти никакого роста, хотя члены потребительских обществ расходуют в своих обществах только небольшую долю своего дохода, который определяется приблизительно в 110 ф. ст. Только в тех странах, в которых потребительская кооперация находится в начале своего развития, наблюдается ее быстрый рост. Так, например, в Германии, в которой рост потребительских обществ был искусственно задержан особыми условиями германского общественного развития, мы видим за последние годы чрезвычай-

но быстрое увеличение как числа членов, так и оборотов потребительских обществ, далеко оставляющее за собой то, что мы наблюдаем в этом отношении в Англии. В Германии за время 1899–1909 гг. оборот потребительских обществ поднялся на 269 %, в то время как обороты внешней торговли возросли лишь на 59 %. Но эти успехи находятся в очевидной связи с молодостью германской кооперации и должны неизбежно прекратиться с течением времени. В особенности ясна ограниченность потребительской кооперации в сфере производства. Если в области приобретения продуктов потребительской кооперации удалось все же достигнуть очень многого, то по отношению ко всему национальному производству собственное производство потребительских обществ является величиной совершенно незначительной. И это положение вещей не может быть изменено никакими усилиями потребительских обществ по причинам, которые были указаны.

Невозможность расширения собственного производства очень наглядно обнаруживается в том, что английские потребительские общества вложили к 1914 г. в свое производство только около 8 млн. ф. ст., а их капиталы, вложенные в частные капиталистические предприятия (преимущественно в железные дороги), достигают в несколько раз большей суммы.

Все это доказывает, что характерные для раннего периода кооперативного движения мечты о вытеснении силами одной кооперации существующей хозяйственной системы не имеют под собой реальной почвы. Как бы ни была велика мощь кооперации, но кооперация является лишь одной из многих сил, преобразующих современное капиталистическое хозяйство. Так, кооперация отнюдь не может выполнять тех хозяйственных функций, которые с успехом выполняются принудительными органами общества — государством и муниципалитетами. Взять, например, область железнодорожного хозяйства — здесь кооперация бессильна, но государство вполне доказало свою способность руководить железнодорожным делом. Снабжение городов газом, водой, электричеством, трамвайное сообщение наилучшим образом могут быть организованы городскими муниципалитетами. Народное образование в широком смысле слова (включая сюда библиотеки, музеи и прочие образовательные учреждения и т.д.) также, естественно, ложится на государство и муниципалитеты.

Где муниципалитеты берут на себя организацию продажи населению тех или иных продуктов, там кооперативы иногда отказываются от конкуренции с муниципалитетами в данной области. Так, в Италии, в городах, где существуют городские хлебопекарни, потребительские общества обычно не продают хлеб.

Среди различных общественных союзов, выполняющих функции снабжения населения необходимыми ему предметами потребления, особенно выдвинулись за последнее время городские муниципалитеты, развитие деятельности которых создало целое общественное течение, обычно называемое «муниципальным социализмом». Муниципалитет нередко конкурирует с потребительской кооперацией, и естественно, что кооперация должна занять определенную принципиальную позицию по отношению к муниципальному социализму.

Более старые кооператоры рочдельской школы, для которых потребительская кооперация была единственным средством решения социального вопроса, принципиально отрицали какую бы то ни было принудительную организацию общественного хозяйства, в том числе и муниципальную. Кооперация казалась им вполне справедливо высшей хозяйственной системой, чем муниципальное хозяйство, и всякое ограничение кооперативного хозяйства муниципальным они признавали принципиально недопустимым. Теперь сознание естественной ограниченности сферы достижения потребительских обществ приводит и самих кооператоров к сочувственному отношению к муниципальному социализму. Так, на одном из недавних конгрессов Кооперативного союза секретарь Международного союза Мюллер³⁵ сказал по этому вопросу следующее:

«Для кооператора приятно констатировать, что некоторые крупные города Великобритании и континента уже много сделали в смысле организации потребительских интересов своих обитателей, создав для них общественное снабжение газом, водой и электричеством, построив жилища, общественные бани и организовав трамвайное сообщение. С моей точки зрения, это муниципализаторское движение по самой своей сущности и целям близко подходит к нашему, и я думаю, что понимающий принципы нашего движения кооператор имеет полное основание принимать участие как гражданин в развитии и расширении подобных предприятий его общины».

5. Потребительская кооперация и борьба классов

Потребительская кооперация является той формой кооперации, которая резче сталкивается с интересами некоторых общественных классов, в особенности класса торговцев. Поэтому ни один другой вид кооперации не встречает в своем развитии такого сильного общественного противодействия, ибо торговый класс является влиятельным и могущественным в современном обществе. Наиболее яркие формы общественной борьбы на основе роста потребительской кооперации получила в Германии соответственно вообще особой обостренности классовой борьбы в этой стране.

Как будет указано ниже (в главе о возникновении мелкобуржуазной кооперации), германская кооперация рочдельского типа возникла сравнительно недавно, причем она первоначально примыкала к Всеобщему союзу, основанному Шульце, имевшему резко выраженный мелкобуржуазный характер. Потребительские общества пролетарского состава начинают быстро расти со времени девяностых годов прошлого века преимущественно в фабричных центрах Саксонии и складываются в формы рочдельской кооперации в противность мелкобуржуазному типу более старых германских потребительских обществ. Эти новые пролетарские общества не замедлили вызвать к себе самую ожесточенную вражду со стороны руководителей шульцевского союза — вражду, которая закончилась исключением их из союза вопреки их собственному желанию (обо всем этом будет идти речь ниже, в отделе мелкобуржуазной кооперации). Но и после того как пролетарские общества образовали свой особый союз — Центральный союз германских потребительских обществ, руководители шульцевского союза продолжали, как могли, вредить пролетарской кооперации в правительственных кругах, а также в кругах имущих классов, настаивая на том, что пролетарские кооперативы представляют собой социал-демократические организации, хотя на самом деле кооперативы эти ровно ни в какой связи с политической партией социал-демократии не состоят и строго придерживаются принципа политического нейтралитета (что отнюдь не мешает большинству членов этих кооперативов примыкать к социал-демократической партии).

Но, конечно, главным врагом пролетарской кооперации являются не мелкобуржуазная кооперация и ее руководители, а те обществен-

ные классы, интересам которых угрожает рост пролетарских кооперативов, и прежде всего класс торговцев, особенно же мелких торговцев. С тех пор как потребительские общества в Германии благодаря участию в них рабочих масс стали быстро расти, начинается и энергичная агитация против них торговцев.

На почве этой борьбы торговцев с потребительскими обществами возникли своеобразные хозяйственные организации торговцев — так называемые «общества скидок» (Rabattvereine). Общество скидок является организацией торговых фирм, которые на основании общего соглашения предоставляют лицам, примыкающим к этим обществам, получать известные скидки с цены товаров, продаваемых в соответствующих магазинах.

Торговцы вступают в такие соглашения ради привлечения к себе клиентов. Однако в большинстве случаев льготы подобного рода оказываются мнимыми, так как торговые фирмы имеют множество способов уклониться от исполнения своего обязательства путем продажи товара худшего качества или по повышенной цене. Но если даже торговые фирмы и исполняют свои обязательства вполне добросовестно, организации такого рода не имеют ничего общего с целями рочдельской кооперации.

Цели рочдельской потребительской кооперации отнюдь не исчерпываются удешевлением предметов потребления, но идут гораздо дальше; рочдельские общества стремятся освободить потребителя от зависимости торгового посредничества во всех его видах. Поэтому общества эти по самой своей природе должны вести борьбу с капиталом, и отсюда вытекает для них необходимость работать над созданием новой хозяйственной системы. В результате этой борьбы получают огромные выгоды для потребителей. Напротив, общества скидок как организации торгового капитала оставляют торговое посредничество во всей его силе и даже укрепляют позицию торгового посредника, привлекают к нему новых клиентов. Поэтому общества скидок являются ни чем иным, как одним из орудий борьбы торгового капитала с потребительской кооперацией путем отвлечения менее сознательных общественных элементов от вступления в потребительские общества, которые требуют самодетельности от своих членов и готовности на известные жертвы, но зато и обещают им гораздо более крупные выгоды, чем общества

скидок, не требующие никаких жертв, но зато ничего существенного и не дающие их клиентам.

Потребительские общества не только уменьшают для своих членов расходы по приобретению необходимых предметов потребления, но являются еще и самым действительным средством в борьбе с фальсификацией продуктов, которая достигает при условии капиталистической торговли чудовищных размеров. Как показали специальные обследования, большая часть предметов потребления, приобретаемых в мелких лавочках более бедными классами населения, в большей или меньшей степени фальсифицирована. Потребитель не имеет никакой возможности проверить, фальсифицирован ли приобретаемый им продукт или нет, и является беспомощной жертвой эксплуатации лавочников. Только потребительские общества дают надежные средства для борьбы с фальсификацией. Общества скидок в этом отношении ровно никакого значения не имеют, ибо они оставляют потребителя в руках торговцев.

Вообще, общества скидок реальных экономических выгод потребителю не обещают даже при полной добросовестности торговых фирм. Взаимная конкуренция между фирмами и так понижает процент торговой прибыли до довольно низкого уровня, и не понятно, каким образом общества скидок могут сделать процент торговой прибыли еще более низким. Пока этих обществ мало и число участвующих в них фирм ограничено, фирмы могут выигрывать на отвлечении покупателей от других фирм, не участвующих в данных организациях, и таким образом, расширяя свои обороты, могут понижать процент прибыли на каждом отдельном товаре. Но если число фирм, участвующих в таких организациях, возрастает, то и выгоды участия в них путем возможности расширения своих оборотов за счет не участвующих фирм для каждой отдельной фирмы падают и, значит, фирмы не имеют возможности понижать процент прибыли, падающей на каждый отдельный товар.

Несмотря на свою полную недействительность по отношению к интересам потребителей, общества скидок за последние годы получили в Германии очень большое распространение. В настоящее время число таких обществ определяется в Германии многими сотнями, а число членов — десятками тысяч. Все они образуют один

общеимперский союз, распадающийся на подотделы, подобно имперскому союзу потребительских обществ и его подотделам.

Успех обществ скидок объясняется тем, что они являются организациями торговцев, борющихся с потребительскими обществами. Именно общества скидок и ведут наиболее деятельную агитацию против потребительских обществ. Рядом с ними имеется целый ряд иных организаций торговцев, преследующих те же цели. Вообще германские торговцы копируют потребительскую кооперацию и стремятся бороться с нею ее же оружием. Так, в 1904 г. германские торговцы колониальными товарами образовали центральное общество оптовой продажи по образцу таких же организаций потребительских обществ.

Кроме того, торговые классы Германии располагают многими обществами и союзами, не имеющими характера хозяйственных предприятий и преследующими цели защиты интересов торговцев против всех враждебных им общественных течений. Эти общества и союзы выступают под общим флагом защиты интересов «средних классов общества». Одним из главнейших врагов средних классов признается потребительская кооперация, с которой организации этого рода ведут самую ожесточенную борьбу.

Так, например, основанный еще в 1898 г. Немецкий союз промышленности и торговли выставил в числе других своих требований также и «запрещение всех потребительских обществ и торговых домов для военных, чиновников и иных служащих». Союз этот является главной цитаделью борьбы с потребительскими обществами, к чему, собственно говоря, и сводится вся его деятельность. Союз стремится влиять на правительство и законодательные палаты в смысле, враждебном потребительской кооперации.

В отчете союза за 1908–1909 гг. читаем по вопросу о потребительских обществах следующее: «Потребительские общества из года в год дают повод правлению союза обращать внимание властей на все возрастающую опасность от этих организаций для мелких и средних предприятий. Прошлом собрание союза вновь потребовало, чтобы было обращено внимание правительства на эту опасность. В соответствии с этим правление составило обширную записку, в которой указывало на развитие как социал-демократических, так и чиновничьих потребительских обществ. В этой записке обращается внима-

ние министров, равно как рейхстага, на опасность для государства распространения потребительской кооперации. «Социал-демократия пользуется потребительскими обществами как испытанным средством уничтожения консервативных общественных элементов. Недальновидно со стороны государства не только предоставлять своим чиновникам полную свободу устраивать потребительские общества, но даже и поощрять разными способами последние».

Все эти организации выпускают в свет разнообразную литературу, посвященную борьбе с потребительскими обществами. В этой литературе потребительские общества объявляются созданием социал-демократии и средние общественные классы призываются к уничтожению потребительских обществ. Сплошь и рядом литература эта принимает характер открытых политических доносов, причем поименно указываются чиновники и городские служащие, занимающие те или иные должности в потребительских обществах. Нередким приемом борьбы с потребительскими обществами является следующий.

В Германии потребителем обществ запрещено законом продавать свои продукты не-членам. Враждебные обществам лица всячески стараются уличить последних в продаже товаров не-членам; для этого посылают кого-либо с улицы, чтобы незаконным образом купить в лавке потребительского общества, и затем немедленно доносят властям.

Вместе с тем торговые организации, равно как и отдельные торговцы, всеми способами стараются помешать развитию операций потребительских обществ, причем обычным средством является бойкот обществ и запугивание всех тех лиц, кто состоит в сношениях с потребительской кооперацией. Членам потребительских обществ нередко отказывают в продаже нужных им продуктов, если они обращаются в обычную лавку, торговцам же, которые продают свои товары обществам, отказывают в каких бы то ни было коммерческих сношениях как изменникам своему классу. Иногда бойкот распространяется на фирмы, которые помещают свои объявления в прессе потребительских обществ. Бойкоту подвергаются и служащие в потребительских обществах, в случае если им приходится искать место в обычных лавках. Иногда составляются проскрипционные листы всех лиц, так или иначе имеющих хозяйственные связи с потреби-

тельской кооперацией, не только служащих, но и торговцев, фабрикантов и пр., состоящих в коммерческих сношениях с потребительской кооперацией. Такой проскрипционный список составлен был, например, в 1904 г. в Галле и сообщен местным торговцам со следующим сообщением: «Присылаемый список очень обширен и является результатом большого труда. Ваше дело воспользоваться им. Для этого вы должны, если только вы нуждаетесь в услуге какого-либо ремесленника или, если вам нужно у кого-либо купить какой-либо товар, прежде всего удостовериться, не стоит ли данное лицо в названном списке. Если оно стоит в списке, то вам следует ранее заказа настоять на том, чтобы данное лицо прекратило все сношения с потребительскими обществами и вернулось к сношениям со свободными торговыми предприятиями. Указывайте ему, как горько почувствовал бы он сам, если бы его лишили его клиентуры, и настаивайте, что основой социального мира является правило: жить самому и давать жить другим».

В случае согласия бойкотируемого лица отказаться от сношений с потребительскими обществами, оно должно подписать особое письменное обязательство, которое и сообщается руководителям бойкотистской кампании — правлению местного союза общества скидок. Даже простые члены потребительских обществ подвергаются подобному бойкоту и рискуют потерять работу в капиталистических предприятиях.

Иногда членам потребительских обществ отказывают в квартирах или же отдают квартиры лишь по повышенной плате. В некоторых городах домовладельцы, являющиеся вместе с тем и торговцами, даже включают в свои контракты с квартирантами особый пункт о непринадлежности квартиранта к потребительскому обществу. Еще труднее потребительскому обществу найти помещение для своих общих собраний, так как владельцы подходящих помещений нередко принципиально отказывают уступать их для надобностей кооперативов, почему иногда приходится устраивать такие собрания под открытым небом.

Особенно усиленно агитируют торговые организации против участия чиновников в потребительских обществах. При этом развивается такая аргументация. Торговцы являются основой среднего класса общества; средний общественный класс является опорой со-

временного государства, и от него получает свои денежные средства казна. Поэтому государство должно считать недопустимым для своих служащих, чтобы они участвовали в организациях, уничтожающих средние классы.

Иногда требования торговцев, обращенные к властям, принимают более мягкие формы, оставаясь такими же по существу. Очень характерны в этом смысле пожелания Гессенского союза торговцев, вынесенные на общем собрании союза в 1908 г.: «Союзу чужда мысль требовать, чтобы правительство совершенно запретило своим чиновникам участвовать в потребительских обществах. Союз хорошо понимает, что такой меры нельзя советовать правительству, так как она равносильна ограничению личной свободы граждан. Но, конечно, правительство может поступить, как это сделало баварское министерство путей сообщения, — указать, что участие его чиновников в потребительских обществах не согласно с общечеловеческой справедливостью, а в особенности с деятельностью чиновников».

В других случаях организации торговцев менее умеренны и прямо требуют закрытия всех чиновничьих потребительских обществ.

При этом вся эта агитация проводит глубокое различие между потребительской и всякой иной кооперацией: очень часто определено указывается, что торговый класс ничего не имеет против крестьянской кооперации и только потребительская кооперация признается им недопустимой.

В петиции президенту прусского совета министров, князю Бюлову, представленной от имени Центрального союза германских обществ для защиты промышленности и торговли в 1908 г., было выдвинуто требование, чтобы допущение деятельности существующих потребительских обществ, равно как и устройство новых, было разрешаемо лишь с особого согласия в каждом отдельном случае правительственной власти. Осуществление этого требования дало бы возможность властям совершенно уничтожить потребительскую кооперацию.

Правда, такая крайняя мера не встретила сочувствия со стороны законодательных палат и потому не могла осуществиться. Но, несомненно, правительства различных германских государств не остались глухи к домогательствам торговцев, и отношение правительственных властей к потребительской кооперации было и остается

совершенно иным, чем к другим видам кооперации. Враждебность германских правительств к потребительской кооперации обнаруживается очень ярко. Статья закона, запрещающая потребительским обществам продажу не-членам, дает повод к многочисленным стеснениям потребительских обществ в их нормальной деятельности по отношению к членам. Местные власти путем всевозможных мелочных придирок стараются затруднить деятельность потребительских обществ, что им нередко и удается. Об отношении местных властей к потребительской кооперации может дать понятие следующий ответ магистрата города Ахена на просьбу центральной организации германских потребительских обществ — Общества оптовых закупок — разрешить постройку в пределах города мыловаренного завода: «Магистрат постановил отклонить эту просьбу, ибо постройка мыловаренного завода не соответствует государственным и местным интересам. Очевидно, мыловаренный завод является только началом целого ряда подобных кооперативных предприятий в Ахене. Это ясно как из обширных размеров приобретенного обществом земельного участка, так и из публичных заявлений депутатов рейхстага Пеуса и фон Эльма. По словам этих последних, «Общество оптовых закупок» имеет в виду устроить в Ахене различные другие фабрики и вообще концентрировать в Ахене кооперативное производство. Производство это угрожает существованию многочисленных торговцев и ремесленников разного рода, так же как и интересам многих домовладельцев, которым грозит утрата квартирантов и нанимателей лавок. Кооперативное производство угрожает гибелью так называемых средних классов общества, противоречит интересам государства и не соответствует желанию правительства охранять интересы средних классов общества, особенно же ремесленников».

На такие неожиданные, необоснованные возражения местных властей против расширения деятельности потребительских обществ последним приходится наталкиваться сплошь и рядом.

Государственные власти также нередко запрещают рабочим государственных предприятий и своим чиновникам принимать участие в определенных потребительских обществах, особенно в тех из них, среди руководителей которых имеются социал-демократы. Так, например, прусский министр железных дорог фон Будде издал в 1904 г. следующий циркуляр своим подчиненным местам: «Вообще жела-

тельно, чтобы служащие в управлении государственных железных дорог получали нужные им продукты при посредстве обычных лавок. Обращаю внимание, что принятие на себя служащими в управлении государственных железных дорог должностей в правлениях потребительских обществ и предоставление помещений в казенных зданиях для торговых операций потребительских обществ допустимо лишь в тех случаях, когда создание или сохранение потребительского общества является настоятельно необходимым. Последнее же я могу признать лишь тогда, когда:

1) большому числу служащих вследствие удаленности их местожительства от торговых заведений существенно затрудняется приобретение предметов жизненной необходимости;

2) когда замечается в данном районе дороговизна жизни длительного характера;

3) когда есть основания опасаться, что служащие будут удовлетворять свою потребность в удешевлении своей жизни путем участия в потребительских обществах, которые фактически преследуют не только частнохозяйственные цели».

Сходным образом относятся к потребительским обществам и другие министры различных германских правительств, причем подобные циркуляры далеко не остаются только на бумаге, но приводятся в исполнение с величайшей строгостью. Участие в потребительских обществах, входящих в состав Центрального союза германских потребительских обществ, обычно рассматривается властями как несовместимое с пребыванием на государственной службе или работой в государственных предприятиях, и виновные в этом немедленно увольняются. Пожелания торговых организаций получили, таким образом, в данной области полное осуществление.

Даже потребительские общества чиновников встречают в Германии несочувственное отношение власти; нередко чиновникам указывается на желательность участия вместо потребительских обществ в обществах скидок.

Местная полиция пользуется всяким поводом, чтобы не разрешать собрания потребительских обществ пролетарского состава. Хотя эти общества в Германии, как сказано, политически совершенно нейтральны и никакой связи с социал-демократией не имеют, они всегда стоят под угрозой закрытия под предлогом их политического харак-

тера. Так, одно из крупнейших германских обществ потребителей — Лейпциг-Плагвицкое — едва не было закрыто за то, что передало несколько сотен марок совершенно неполитическому образовательному кружку рабочих.

Но главным орудием борьбы с потребительскими обществами является для германских правительств крайне несправедливое и тяжелое обложение налогами. В Англии потребительские общества свободны от обычного промыслового обложения, и это только справедливо, ибо потребительские общества не дают никакой прибыли и распределяемые ими остатки не имеют по своей экономической природе ничего общего с дивидендом акционерных компаний.

В Германии положение потребительских обществ иное. Первоначально, пока потребительские общества были распространены преимущественно среди мелкой буржуазии, германское обложение потребительских обществ было более или менее справедливо: облагались особым налогом только те общества, которые продавали товары не-членам, и лишь соответственно той части своих доходов, которая получалась ими от не-членов. Затем была совершена первая несправедливость: был обложен весь доход потребительских обществ, продающих не-членам, т. е. и тот остаток, который получался от сбережений на цене при покупках членами.

Затем, в 1889 г. потребительским обществам было запрещено продавать товары не-членам. Эта мера должна была, по мысли ее инициаторов, замедлить рост потребительских обществ, лишив их значительной части клиентов. На самом же деле она привела к противоположному результату: не-члены, не желая терять выгод от приобретения предметов потребления через посредство общества, стали вступать в число членов последних, которые именно с этого времени стали быстро расширять свои обороты.

Тогда власти начали борьбу с ростом потребительских обществ при посредстве налогового законодательства: их стали подчинять обычному промысловому обложению и притом таким образом, что потребительские общества должны были платить не менее, а более, чем обычные промышленные предприятия.

Неудивительно, что Гере, описывая все эти формы борьбы с потребительскими обществами в Германии, с тех пор как эти организации получили огромное распространение среди германского про-

летариата, приходит к следующему заключению: «Все это не что иное, как классовая борьба, в которой германские рабочие потребительские общества уже давно так же участвуют, как и германский пролетариат вообще... Поэтому неверно обычное утверждение, что кооперация есть мир. Нет, кооперация, во всяком случае пролетарская потребительная кооперация, есть борьба, и именно классовая борьба. Не имеет значения, что генеральный секретарь Центрального союза заявляет в отчете союза за 1908 г., что рабочие потребительские общества принципиально отвергают, чтобы они представляли собой классовую кооперацию, хотя они и не спорят, что они обязаны своим возникновением и развитием определенному общественному классу. Это неверно, и это опровергается фактами. Еще более ложно то, что д-р Крюгер опять повторил на весь свет в декабре 1909 г., будто рабочие потребительские общества не что иное, как боевые и классовые организации социал-демократической партии. Правда, доказываемая фактами, и которой не может не видеть никто, кто не желает от нее отворачиваться, заключается в следующем: потребительные общества суть боевая и классовая организация современного пролетариата точно так же, как партия и рабочие союзы. Потребительские общества имеют свое самостоятельное значение, как и каждая из двух последних организаций. В противоположность этим последним они преследуют исключительно хозяйственные цели и — никто не может доказать противного — не стремятся в своей деятельности ни к каким политическим целям, стоят совершенно вне политических партий. Но они не менее, чем эти последние, боевые и классовые организации современного пролетариата».

6. Потребительская кооперация в России

Потребительская кооперация в России, как и вообще русская кооперация, имеет преимущественно крестьянский характер. Возникла же она в шестидесятые годы прошлого века в среде имущих классов, на почве того общественного подъема, который характеризовал собой это время.

Пролетарская потребительская кооперация начинает развиваться у нас только в самое последнее время. Как правильно указал С. Н. Прокопович³⁶, успехи пролетарской потребительской кооперации задерживаются в России целым рядом неблагоприятных условий. Важ-

нейшим из них является то, что у нас не достиг еще значительного развития класс фабричного пролетариата. Правда, у нас имеется несколько миллионов фабричных рабочих, но из них значительная часть еще не утратила связи с деревней. По данным Всероссийской переписи 1897 г., 57,1 % рабочих, занятых в нашей промышленности, были одиночками, т. е. жили без семьи, причем часть их совсем не имела семьи, а другая часть имела семью в деревне. Но бессемейный рабочий, как общее правило, не имеет своего домашнего хозяйства — столуется он не дома, а либо у хозяина предприятия, где работает, либо у квартирной хозяйки, либо в трактире. В потребительском обществе такие рабочие почти не нуждаются и, во всяком случае, не могут расходовать в этих обществах значительную часть своего бюджета.

Но и семейный рабочий только тогда может много давать потребительскому обществу, когда его заработная плата достаточно высока. При крайне низком уровне заработной платы в России до революции наш фабричный рабочий являлся плохим покупателем. Так, например, по бюджетному обследованию условий жизни петроградских рабочих, более трети рабочих никогда не покупали нового платья, довольствуясь приобретением ношеного. Естественно, что при таких условиях потребительская кооперация среди нашего фабричного пролетариата не могла достигнуть того развития, как на Западе.

Правда, наряду с этим в наших экономических условиях имеются и противоположные факторы, благоприятствующие созданию потребительских организаций среди рабочего класса. А именно: значительная часть наших фабрик расположена вдали от городских поселений и торговых центров. Удовлетворение потребительских нужд фабричных рабочих путем приобретения предметов потребления в обычных лавках наталкивается в этом случае на серьезное препятствие в виде отсутствия или недостаточного количества этих лавок. В этом случае сама жизнь требует создания какой-либо особой организации для удовлетворения потребительских нужд рабочих.

В наших русских условиях положение это привело к тому, что потребительские организации рабочих сложились довольно рано и получили довольно значительное развитие, но в своеобразной, почти некооперативной форме. Отдаленность наших фабрик от торговых центров уже издавна привела к тому, что у нас получила

огромное распространение система фабричных лавок, причем эти фабричные лавки являлись в руках фабрикантов орудием самой грубой эксплуатации фабрикантами своих рабочих. Когда же с созданием нашей фабричной инспекции органы инспекторского надзора начали борьбу с оплатой труда рабочих при помощи товаров, фабричные лавки уступили место фабричным потребительским обществам, которые номинально являлись потребительскими кооперативами пролетариата, но фактически во многих случаях мало отличались от прежних фабричных лавок, так как эти потребительские общества находились в полной зависимости от фабрикантов и служили их интересам.

В сходном положении находятся и железнодорожные рабочие. Среди них чувствуется также настоятельная нужда в особых потребительских организациях, но в то же время вследствие общих условий нашей общественности организации эти до революции с трудом сохраняли самостоятельность и, как общее правило, находились в сильной зависимости от правления дороги.

Таким образом, у нас имелись три различного рода пролетарских кооперативов: зависимые фабричные потребительские общества, зависимые железнодорожные потребительские общества и независимые рабочие потребительские общества.

Зависимые фабрично-заводские и железнодорожные общества представляли собой во многих отношениях очень сходный тип. Они не могли считаться вполне кооперативными организациями, так как находились под сильным влиянием правлений соответствующих капиталистических предприятий и во многих случаях являлись простым придатком к этим последним. Это сказывалось очень наглядно в том, что, как общее правило, выбор членов правления в таких обществах не был свободным; нередко правление состояло в большей своей части из членов администрации предприятия. Затем, так как в уставах многих таких обществ имеется пункт, согласно которому членами общества могут быть только служащие в данном предприятии, то администрация последнего имела полную возможность исключать любого члена общества путем увольнения его из числа служащих.

Иногда лавка фабрично-заводского потребительского общества становилась простым отделением фабричной конторы, воскрешая собой фабричные лавки прежнего времени.

Неудивительно, что потребительские общества при фабриках и заводах сплошь и рядом вызывали к себе резко враждебное отношение со стороны рабочих. Во время рабочих беспорядков на Брянском заводе в Екатеринославе 1898 г. рабочие подожгли и разграбили лавку потребительского общества. Такие случаи бывали неоднократно.

Заводоуправления сплошь и рядом распоряжались капиталом состоящих при них потребительских обществ по своему усмотрению и затрачивали их капиталы на нужды заводов, состоя в неоплатном долгу по отношению к обществам. Во всех этих случаях форма потребительского общества прикрывала собой организацию, ничего общего с кооперацией не имеющую.

Действительно кооперативными организациями среди нашего фабричного пролетариата являлись лишь так называемые независимые рабочие потребительские общества. Во всяком случае, такие кооперативы были и до революции 1917 г. Самым крупным из них был эфемерный Трудовой союз, возникший среди петроградских рабочих летом 1906 г., быстро достигший значительных размеров (в октябре 1907 г. число членов в нем превысило 8 тыс.), но уже в начале 1908 г. принужденный ликвидировать дело. Причина крушения Трудового союза заключалась, помимо преследований администрации, в плохой постановке всей коммерческой стороны дела.

Война привела к колоссальному росту потребительской кооперации. По подсчету А. Меркулова в Союзе потребителей к 1 января 1917 г. у нас было уже 20 000 потребительских обществ. Число членов их должно было быть не менее 5 миллионов. Правда, большая часть этих обществ, равно как и членов, приходится не на города, а на села.

Однако и в городах потребительская кооперация под влиянием обостренного продовольственного кризиса во время войны сделала огромные успехи, причем особенно характерно, что в городах стали возникать огромные потребительские общества многолавочного типа. Такие потребительские общества в 1916 г. возникли в Москве, Киеве, Самаре, Харькове, Иркутске и других городах. На первом месте среди них стало московское общество «Кооперация» с числом членов свыше 60 000.

Февральская революция в истории русской кооперации явилась новой эрой, ибо впервые русская кооперация получила полную сво-

боду своего развития. С кооперации были сняты узы, которые стесняли ее свободный рост при старой власти, и кооперация пошла по новому пути свободного самоопределения.

В области пролетарской кооперации немедленным последствием этого нового положения дела явился чрезвычайный рост независимых рабочих потребительских обществ. Пролетариат, создавший революцию и ставший во главе ее, конечно, не мог не взять в свои руки те потребительские общества, которые в прежнее время были в руках фабричной администрации. Зависимые фабричные потребительские общества рабочих быстро стали переходить в руки самих рабочих. Так, в Москве перешло в руки рабочих огромное потребительское общество, общество фабрикантов и заводчиков, обслуживающее до 200 тыс. рабочих. То же произошло в Петрограде в потребительском обществе Путиловского завода, обслуживающем 35 тыс. рабочих, и на многих других фабриках и заводах России.

Рядом с этим в изобилии стали возникать и новые рабочие кооперативы. Кооперативный закон³⁷, изданный Временным правительством, сделал открытие новых кооперативов, равно как и союзов их, совершенно свободным. В связи с огромным подъемом самосознания рабочего класса, а также с бóльшим и бóльшим обострением продовольственного кризиса, это не могло не повести к быстрому росту пролетарской кооперации. Русская пролетарская кооперация — как и на Западе — выступила с совершенно определенными симпатиями к социализму. По словам одного из видных деятелей этой кооперации М. Л. Хейсина³⁸, число членов пролетарских потребительских обществ достигло к началу октября 1917 г. крупной цифры в 1,5 миллиона.

Рост пролетарских потребительских обществ повел к тому, что пролетарские кооперативы почувствовали потребность в самостоятельном объединении. 1–7 августа 1917 г. состоялся первый Всероссийский съезд представителей рабочих потребительских обществ. На этот съезд явилось более 200 представителей пролетарских кооперативов.

Главным вопросом съезда был вопрос о том, какое положение пролетарская кооперация должна занять по отношению к имеющимся всероссийским объединениям кооперации, и прежде всего по отношению к всероссийскому объединению потребительской кооперации в виде московского Союза потребительских обществ.

Московский Союз потребительских обществ³⁹ возник еще в 1898 г. и стал центральной закупочной оптовой организацией для потребительской кооперации России. В состав этого мощного союза, которым может гордиться русская кооперация (обороты его в настоящее время превышают 200 млн. руб. в год), входят разнообразные потребительские общества как пролетарского, так и непролетарского состава, причем, однако, первые, несомненно, преобладают. Так, в 1912 г. число членов в фабрично-заводских и железнодорожных обществах, примыкающих к союзу, составляли 60,6 % общего числа членов обществ союза.

Съезд постановил образовать особый идейный центр пролетарской кооперации, но нового хозяйственного центра не создавать, продолжая участвовать в московском союзе.

Глава IV. Домостроительная кооперация

Родиной домостроительной кооперации, как и пролетарской кооперации вообще, является Англия. Появление этого вида кооперации тесно связано с развитием капиталистической хозяйственной системы. Характерный для капитализма рост больших городов приводит к крайнему вздорожанию квартир, в особенности для беднейших слоев городского населения. Вместе с тем благодаря чрезвычайной скученности городского населения существенно ухудшаются жилищные условия большинства городского населения. Отсюда настоятельная потребность городского пролетариата, а также и вообще всех менее достаточных слоев городского населения, включая сюда хуже оплачиваемых служащих, чиновников и лиц либеральных профессий, в мерах общественной самопомощи для улучшения жилищных условий и понижения расходов по оплате жилища.

Первые домостроительные товарищества возникают в Англии еще ранее потребительских обществ и, по-видимому, вне всякой связи с великим общественным движением, вызванным Оуэном. Таким образом, домостроительная кооперация с самого своего возникновения стоит особняком от других видов кооперации и продолжает занимать такое же положение и ныне. Объясняется это как особым характером по своим техническим задачам домостроительной кооперации, так и недоступностью этого вида кооперации для массы

городского пролетариата в силу необходимости затраты сравнительно очень крупных денежных средств.

Первые английские строительные кооперативы имели характер особого рода сберегательных касс, ставивших себе целью накопление денежных средств, необходимых для постройки дома. Организация их была следующая. Группа лиц с неопределенным составом обязывается делать еженедельные взносы в общую кассу, взносы эти накапливаются, пока они не достигнут таких размеров, что образуется капитал, достаточный для постройки небольшого дома для одной семьи. Капитал этот выдается в ссуду тому или иному члену товарищества, причем дом переходит в собственность лица, получившего ссуду, строящего дом совершенно самостоятельно и пользующегося им по своему собственному усмотрению.

Товарищества этого типа получили большое распространение в Англии, английских колониях и в Америке. В настоящее время в Англии числится свыше 700 тыс. членов этих товариществ, в Америке же число членов превышает два миллиона. В строительных кооперативах принимают участие преимущественно высшие слои пролетариата, а также служащие разного рода. Кооперативная связь их членов очень невелика: кооператив существует только для того, чтобы дать своим членам возможность приобрести в собственность дом. Когда эта цель достигнута, то лицо, получившее ссуду для постройки дома, остается по отношению к кооперативу должником, и только эта связь соединяет его с кооперативом. По уплате ссуды данное лицо выходит из состава товарищества.

Операции товарищества в высшей степени несложны. Оно является простой сберегательной кассой, только тем отличающейся от обычной сберегательной кассы, что активная операция ее имеет строго определенный характер и состоит в выдаче ссуд под залог домов. Этот характер активных операций домостроительных товариществ придает чрезвычайную финансовую устойчивость товариществам: ссуды обеспечены залладными, и риск потери выданной ссуды минимален. Расходы по управлению товариществом также очень невелики, ибо ввиду крайней простоты операций товарищества последнее не нуждается даже в своем особом помещении.

Эта простота организации в связи с тяготением населения англосаксонской культуры к жизни в отдельных небольших домиках, каж-

дая семья особо, привела к значительному распространению товариществ описанного типа в Англии и родственных ей странах. Однако этому виду строительной кооперации присущи очень крупные недостатки. Прежде всего она доступна только для более достаточных лиц, так как требует внесения, хотя и по частям, очень значительного пая. Затем и в ней могут принимать участие только лица, уверенные, что им не придется менять своего местожительства в поисках работы. Заурядный рабочий, которому приходится переходить из одного места в другое, не склонен связывать себя с определенной недвижимостью. Затем, задача товарищества этого рода ограничивается предоставлением своим членам денежной суммы, необходимой для постройки дома, сама же постройка, равно как и условия эксплуатации дома, товарищества не касаются. Все это имеет своим последствием то, что жилищный вопрос не разрешается домостроительными товариществами данного типа, создающими лишь новых домовладельцев, иногда пользующихся своим домом в целях спекуляции.

Поэтому за последние годы начинает быстро расти новый вид домостроительного товарищества существенно иного типа. Прежние англо-саксонские товарищества, как сказано, не строили домов, а только доставляли своим членам средства для такой постройки. В настоящее время задачей домостроительного товарищества становится постройка домов.

В Англии инициатором этого нового типа товарищества явился видный общественный деятель Генри Вивиян⁴⁰. Домостроительные товарищества должны, по его представлению, ставить себе несравненно более широкие задачи, чем товарищества старого типа. А именно: они должны стремиться преобразовать к лучшему жилищные условия городского населения. Город нашего времени представляет собой нечто до последней степени нерациональное и уродливое. Нужно создать новый тип человеческого поселения — город-сад⁴¹. Чтобы достигнуть этого, домостроительные товарищества должны сами строить дома и оставаться их собственниками после того, как в них поселятся жильцы.

В настоящее время в Англии имеется 14 товариществ этого нового типа, располагающих недвижимой собственностью в 800 тыс. ф. ст. Товарищества приобретают для застройки обширные земельные участки и возводят на них по определенному плану изящные дома,

устраивая между домами сады, площадки для лаун-тенниса, детских игр и вообще принимая все меры к тому, чтобы создать не только вполне гигиеничное и комфортабельное, но и приятное для жизни жилище. Правда, товарищества эти не могут считаться в полном смысле слова кооперативами и приближаются в некоторых отношениях к акционерным компаниям. Отступление от кооперативных принципов выражается следующими чертами: во-первых, в этих товариществах число голосов, которыми располагает каждый член, пропорционально числу паев во владении каждого (максимум числа паев в одних руках ограничен 10); во-вторых, на пай выдается довольно крупный дивиденд (однако не свыше 5 %); наконец, товарищества имеют в виду как менее достаточных, так и «более состоятельных квартирантов — стоимость квартир доходит в них до 1000 руб. в год и выше.

Товарищества этого типа работают, в противность старым товариществам, только в ничтожной мере на собственный, а главным образом на заемный капитал, выпуская особые закладные листы, которые без труда размещаются на рынке. Паявой капитал составляет около 15 % всего капитала, которым располагают товарищества.

Английские строительные кооперативы основаны всецело на частной инициативе и не пользуются никакими пособиями со стороны государства или муниципалитетов. Но государство и город самым жизненным образом заинтересованы в оздоровлении условий жизни городского населения. Поэтому борьба с жилищной нуждой должна по справедливости рассматриваться как задача, лежащая не только на кооперации, но и на государстве и его органах. Кооперация не в силах собственными средствами справиться с этой задачей уже потому, что наиболее нуждаются в коренной реформе жилищные условия беднейших слоев городского населения, не обладающих достаточными средствами, чтобы принять без посторонней помощи участие в строительной кооперации, требующей гораздо больших капиталов, чем какой бы то ни было другой вид кооперации. Поэтому мы видим, что на европейском континенте строительная кооперация развивается в новейшее время при непосредственной и очень значительной поддержке государства и муниципалитетов.

Особенный размах строительная кооперация получила за последние годы в Германии. Германские товарищества по демократичности

своего устройства стоят гораздо выше английских нового типа, так как в них каждый член имеет только один голос. Члены их принадлежат преимущественно к высшим слоям пролетариата. Паи в них также значительно ниже, чем в английских товариществах, и преобладает пай в 200 марок; внесение такой суммы сразу не под силу пролетарию, но она вносится не сразу, а по частям.

В 1910 г. в Германии было 1056 строительных кооперативов, причем в 739, давших о себе сведения, числилось 196 751 членов, располагавших паевым капиталом в 41 млрд. марок и заемным капиталом в 363 млрд. марок. Огромное большинство германских строительных кооперативов остаются собственниками выстроенных ими домов. Члены кооператива пользуются за определенную плату квартирами в этих домах.

Десятая часть пая вносится обычно при вступлении, а остальная сумма покрывается ежегодными взносами, размер которых колеблется от 30 пфеннигов до 1 марки. Как общее правило, каждый член владеет только одним паем. Величина процента на пай не превышает 4 и нередко спускается значительно ниже.

Успехи германской строительной кооперации всецело основываются на том, что кооперативному строительству приходят на помощь государство и муниципалитеты. Дело в том, что кооперативы, располагая незначительным собственным капиталом, настоятельно нуждаются в привлечении капиталов со стороны. Между тем частные банки очень неохотно ссужают в Германии своими капиталами строительную кооперацию благодаря тому, что банки находятся в руках домовладельческих элементов, относящихся к строительной кооперации очень враждебно, как к своему опасному конкуренту. И германская строительная кооперация влачила бы жалкое существование, если бы ей не пришли на помощь государственные кассы страхования рабочих, которые располагают миллиардным капиталом, составившимся из страховых взносов.

Германские кассы рабочего страхования понимают свою задачу очень широко и признают, что в сферу деятельности их входит содействие всякого рода мерам, которые приводят к оздоровлению населения. Конечно, самым действительным средством к поднятию уровня народного здоровья является улучшение жилищных условий. Поэтому кассы поступают в полном соответствии со своими основ-

ными задачами, открывая широкий кредит домостроительным товариществам на льготных условиях.

К 1913 г. кассы выдали в кредит на постройку рабочих жилищ более 418 млн. марок, из которых 238 млн. марок приходится на долю строительных кооперативов и общепользных строительных акционерных обществ. Процент по этим ссудам колеблется между 3 и 4. При этом кассы выдавали в ссуду значительно большую часть капитала, необходимого для постройки, чем частные кредитные учреждения, выдающие не свыше 60 % стоимости имущества, между тем как кассы кредитуют до 70 %, а иногда и до 85 % стоимости имущества.

Существенную помощь германские строительные кооперативы получают и от городских муниципалитетов. Большинство германских городов признают в настоящее время, что жилищная реформа, настоятельная необходимость которой никем не отрицается, может быть проведена только при помощи строительной кооперации. Поэтому обязанностью города является всяческое содействие этому виду кооперации и принятие мер к тому, чтобы кооперативное строительство было возможно более согласовано с интересами массы городского населения.

Германские города обычно не продают своих земель кооперативам, а сдают их в наследственно-строительную аренду сроком на 70–100 лет, причем на все это время обычно назначается одна и та же умеренная арендная плата. Таким образом, кооперативы избегают необходимости затрачивать крупный капитал на приобретение земельной собственности и в то же время избегают столь разорительного повышения городской земельной ренты. Далее, города деятельно содействуют получению кооперативами необходимых им денежных средств, что достигается следующим образом. Так как частные кредитные учреждения кредитуют только в известном проценте к стоимости имущества, то города устраивают специальные банки для кредитования под вторую закладную. В 1912 г. таких городских банков было уже 61. Если же город не может непосредственно ссудить капитал, необходимый кооперативу, то он достигает того же, принимая на себя перед кредитным учреждением поручительство за исправное выполнение кооперативом своих обязательств, причем благодаря поручительству кредитруемая сумма повышается иногда до 90 % стоимости постройки.

Но, конечно, город приходит на помощь строительной кооперации лишь в том случае, если она удовлетворяет целям, которые ставит себе город в своей деятельности по улучшению жилищных условий массы городского населения. Поэтому город требует одобрения планов постройки городской властью, городского контроля за квартирной платой и предназначения квартир для более нуждающихся слоев городского населения. Поэтому обычно город содействует только такому строительству, которое имеет в виду устройство дешевых рабочих квартир, число комнат в которых (включая кухню) не превышает трех, редко четырех.

Некоторые германские строительные кооперативы строят небольшие домики с двумя квартирами (так называемые парные особняки), но большинство строит огромные многоэтажные дома, стремясь, однако, согласовать свои постройки с требованиями гигиены и эстетики.

Благодаря содействию государства и городов, германская строительная кооперация служит интересам той части населения, которая не располагает капиталами, необходимыми для постройки дома, но в то же время всего более нуждается в улучшении своих жилищных условий, — городского пролетариата. Правда, и при помощи со стороны строительная кооперация доступна все же не всей массе пролетариата, а только наиболее обеспеченной его части.

Интересна постановка государственной помощи строительной кооперации в Австрии. Центральное общество жилищной реформы в Австрии выработало в 1908 г. особый проект образования государственного фонда для поддержки общепользуемой строительной деятельности вообще и кооперативного строительства в частности. Согласно этому проекту государственный фонд должен был служить для покрытия расходов по государственному поручительству за капитал, выдаваемый в ссуду строительным организациям ипотечными учреждениями, причем поручительство это должно выдаваться не за всю ссуду, а лишь за ту ее часть, которая выдается под вторую закладную сверх 50 % стоимости дома. Кредит строительным кооперативам должен был быть организован согласно проекту следующим образом: под первую закладную строительные кооперативы получают деньги без всякого содействия государства, под вторую же закладную берет на себя ручательство государство — в размере 40 % стоимости

дома. Таким образом кооперативы получают возможность получать ссуду до 90 % стоимости своей недвижимости на таких же условиях, как и под первую закладную.

Проект этот был одобрен правительством, и в 1910 г. в Австрии вступил в действие закон об образовании государственного жилищного фонда в 25 млн. крон. Фонд предназначается на поддержание общепольного домостроительства, а строительство может быть признано общепольным лишь в том случае, если соответствующая строительная организация выдает не свыше 5 % дивиденда на паи. При этом, однако, фонд оказывает содействие постройке лишь небольших квартир, под каковыми закон понимает семейные квартиры общей площадью не свыше 80 кв. метров, дома для бессемейных, причем в каждой комнате должно быть помещаемо не более трех жильцов, и ночлежные дома. Все дома должны удовлетворять в строительно-техническом, санитарном и нравственном отношениях требованиям, предъявляемым к здоровым и дешевым народным квартирам.

Как справедливо указывает в «Вестнике кооперации» Г. А. Глебов⁴², в австрийском законе имеет наибольшее значение признание принципа планомерной государственной поддержки строительной кооперации, но идея государственной гарантии не может быть признана удачной. Благодаря гарантии все выгоды от кредитования кооперативного строительства будут доставаться существующим ипотечным учреждениям, а убытки по возможным несостоятельствам будет нести государство. Было бы гораздо рациональнее, если бы государство основало со специальной целью содействия общепольному строительству особый ипотечный банк с правом выпуска закладных листов. Таким образом государство получило бы не меньшую возможность кредитовать строительные кооперативы, чем и при системе поручительства, но в то же время оно гораздо непосредственнее влияло бы на ход общепольного строительства, извлекая в свою пользу все выгоды от поддержки строительной кооперации. Но необходимым условием для успеха дела является связь с органами местного самоуправления — непосредственно распределять государственную поддержку должны муниципалитеты как учреждения, ближе всего стоящие к местным делам.

Что касается России, то у нас домостроительная кооперация имеется только в слабых зачатках. Поскольку она существует, она служит

интересам не пролетариата, а достаточных классов городского населения, что и понятно, так как наши рабочие получают слишком низкую заработную плату, чтобы делать из нее крупные сбережения, требующиеся для участия в строительных кооперативах.

Глава V. Производительные артели

1. Производительные ассоциации во Франции

Производительные артели занимают крайне своеобразное место среди других кооперативов. Не будет преувеличением сказать, что вся современная кооперация выросла из идеи производительной артели и что в этом смысле производительная артель является основным и первоначальным видом кооперации. Ибо что такое социалистические общины, явившиеся духовной почвой кооперации, как не производительные артели известного рода, лишь тем принципиально отличающиеся от обычного типа артелей, что изготовленные ими продукты предназначаются не для сбыта, а для собственного потребления артельщиков? Между социалистической общиной и производительной артелью обычного типа существует множество незаметных переходов, и между обеими организациями имеется несомненная внутренняя связь.

И действительно, кооперативное движение во всех странах начинается с увлечения идеей производительной артели в тех или других формах. Классической страной производительных ассоциаций считается по справедливости Франция. В кооперативной литературе прежнего времени было принято отождествлять различные роды кооперации с различными странами: Англия считалась страной потребительской кооперации, Франция — производительных артелей, а Германия — кооперации кредитной. Это совершенно неверно, поскольку дело идет о современном состоянии кооперации в этих странах; но в историческом смысле указанная характеристика не лишена основания. Действительно, в то время как в Англии кооперация всегда выражалась почти исключительно в форме потребительских обществ, в Германии долгое время руководящую роль в кооперативном движении играли кредитные кооперативы Шульце-Делича, а во Франции самой яркой страницей истории кооперации были попытки к устройству производительных ассоциаций.

Попытки эти ведут свое начало от Бюше⁴³, ученика Сен-Симона⁴⁴ и Фурье. Сам себя он считал сенсимонистом и долгое время был деятельным сотрудником сенсимонистских изданий. Однако идея производительной ассоциации как основной ячейки нового общественного строя была заимствована им не у Сен-Симона, а у Фурье. С первым Бюше сближался высокой оценкой роли религиозного элемента в общественной жизни; но в своей практической общественной деятельности он был ближе к Фурье. Подобно последнему (и в противоположность школе Сен-Симона) Бюше отнюдь не был государственным и возлагал надежды преимущественно на частную инициативу и свободу самостоятельности.

Идея производительной ассоциации сводилась у Бюше к следующему. Группа рабочих одинаковой профессии образует собой ассоциацию для того, чтобы совместно за общий счет производить известные продукты для продажи. Объединенные рабочие образуют собой предприятие, в котором нет хозяев-капиталистов, но каждый является одновременно и хозяином и рабочим. Каждый получает в течение года обычную заработную плату, весь же чистый доход предприятия, остающийся за покрытием всех расходов (в том числе и на заработную плату), распределяется следующим образом: одна пятая идет в неделимый капитал ассоциации, остальная же доля частью распределяется между членами ассоциации пропорционально труду каждого, частью же идет на цели взаимопомощи. Неделимый капитал ассоциации, долженствующий таким образом механически возрастать с каждым годом, не может быть разделен между членами ассоциации и не выдается никому из последних при уходе из ассоциации. Он принадлежит ассоциации в ее целом и должен идти на расширение общего дела. Ассоциация не может пользоваться более года работой по найму посторонних рабочих; по истечении годового срока она обязана вводить этих рабочих в среду своих полноправных членов, если только имеется надобность в их работе.

Образованию неделимого «социального» капитала Бюше придавал особое значение: только благодаря такому самовозрастающему фонду принцип ассоциации может восторжествовать над своекорыстными интересами ее членов, и вся организация приобретает устойчивость и возрастающую экономическую силу.

Капитал, необходимый для устройства таких ассоциаций, мог бы быть получен, по представлению Бюше, или от государства, или же от частных лиц, сочувствующих идее ассоциации. В конце концов ассоциация должна охватить всех рабочих той же профессии, живущих в том же районе, но это должно явиться результатом роста ассоциации, а не началом всего дела. Ассоциации должны возникать первоначально независимо одна от другой, совершенно добровольно и без всякого принуждения со стороны общественной власти. Их собственный успех должен привести к тому, что они станут господствующей формой хозяйства и вытеснят капиталистические предприятия в современном обществе.

Этот план устройства производительной ассоциации обратил на себя большое внимание французских рабочих, и скоро начались попытки его осуществления. Первой ассоциацией, возникшей по плану Бюше, была небольшая ассоциация рабочих ювелирного дела. Но особое значение идеи Бюше получили после революции 1848 г., когда революционное правительство ассигновало капитал в 3 млн. фр. на поддержку производительных ассоциаций. Декрет об этом ассигновании был принят Национальным собранием единогласно и даже без прений, но отнюдь не потому, что все члены Национального собрания были убеждены в спасительности производительных ассоциаций. Наоборот, большинство депутатов относились к этой идее с решительной враждебностью, но не считали возможным противиться желаниям парижских рабочих, некоторые же депутаты руководились мотивом, который был выражен Тьером⁴⁵, сказавшим докладчику законопроекта: «Следовало бы попросить об ассигновке не в три, а в двадцать млн. фр. Да, мы бы дали вам двадцать миллионов, и это была бы не слишком большая плата за убедительный опыт, который излечил бы вас всех от этого грандиозного безумия».

Впрочем, что касается последователей Бюше, то они были скромнее правительства и опасались, что слишком щедрая помощь государства поведет к основанию несолидных ассоциаций и Тьер окажется прав. «Лучше было бы, — писали они в своем органе, — чтобы в год было издержано для данной цели сто тыс. фр., лучше было бы поддержать одну или две ассоциации, чем дать повод для врагов освобождения рабочего, крича о невозможности рабочих ассоциаций».

В сороковые годы прошлого века среди рабочего класса Франции шла борьба между двумя течениями: одно, примыкавшее к Бюше, стояло на принципе добровольности ассоциаций и опасалось слишком легкого возникновения их на государственные средства; другое, во главе которого был Луи Блан, отрицало возможность развития производительных ассоциаций без помощи государства и настаивало на государственной организации ассоциаций среди рабочих. Первое течение защищало кооперацию, второе — социализм. Спор по существу вращался вокруг тех же идей, как и более поздний спор Лассалья и Шульце-Делича.

Для распределения ссуд был образован особый комитет под председательством министра земледелия и торговли. Комитет выработал нормальный устав для производительных ассоциаций, имеющих право на получение государственной поддержки. Устав этот был составлен почти во всем согласно идеям Бюше, вплоть до образования неделимого «социального» капитала. Комитет был завален просьбами о ссудах для возникавших ассоциаций. Всего было подано около 600 таких просьб, причем общее число членов предполагавшихся ассоциаций должно было достигать свыше 60 тыс. Одна ассоциация портных Парижа должна была включать 30 тыс. членов — всех членов, занятых этим промыслом в городе.

Точных данных о распределении ассигнованной суммы между различными ассоциациями не имеется. Известно только о получении правительственной ссуды 32 ассоциациями Парижа и 29 в провинциях. Огромное большинство просьб о ссуде осталось, как видно, без удовлетворения.

Очень немногие из ассоциаций, получивших ссуду, не распались в течение ближайших же лет. Те, которые сохранились, в большинстве превратились в капиталистические товарищества.

Кроме ассоциаций, учреждавшихся при непосредственной поддержке государства, в конце сороковых годов во Франции возникло без правительственной помощи несколько десятков производительных ассоциаций, судьба которых была приблизительно такая же.

Затем во Франции была новая вспышка артельного движения в восьмидесятых годах прошлого века, благодаря тому что богатый благотворитель Рампаль завещал городу Парижу капитал в 1400 тыс. фр. для поддержки производительных ассоциаций. Из этого капита-

ла было выдано до 1901 г. 127 отдельных ссуд, значительная часть которых пропала безвозвратно. Больших фактических результатов в смысле развития производительных ассоциаций это жертвование не имело.

2. Производительные ассоциации в социалистической кооперативной литературе

Производительные артели были той формой кооперации, к которой вожди социалистического движения относились в течение долгого времени с совершенно исключительной симпатией. Точнее говоря, только производительная артель среди различных кооперативных организаций и встречала сочувствие со стороны создателей современного социализма.

И это относится не только к более ранним представителям социализма в его утопической форме, но и к Марксу с его ближайшими последователями. Так, Интернациональная ассоциация рабочих⁴⁶ в своем вступительном воззвании, составленном Марксом и принятом на митинге рабочих в Лондоне 28 сентября 1864 г., говорит по поводу производительных артелей следующее: «Высокая ценность этого социального эксперимента не может быть преувеличена. Фактами, вместо аргументов, доказывают производительные ассоциации, что производство в крупных размерах и в соответствии с успехами современного знания может совершаться без участия хозяев, пользующихся наемным трудом, что средства производства для того, чтобы приносить свои плоды, отнюдь не должны быть неизбежно монополизированы как средство господства над рабочими и эксплуатации их во вред труду и что как рабский труд, как крепостное право, так и наемный труд являются лишь преходящими общественными формами, обреченными на исчезновение при появлении ассоциированного труда, исполняющего свое дело добровольно, с бодрым сердцем и полной энергией. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; рабочие эксперименты на континенте были фактически практическим результатом теорий, которые в 1848 г. не были впервые открыты, но только были во всеулышание провозглашены».

Не менее энергично подчеркивала значение производительной артели и известная резолюция Женевского конгресса Интернацио-

нала⁴⁷, специально посвященная кооперации. Резолюция эта признала необходимым объединение отдельных производительных артелей, но предостерегала рабочих от увлечения «доктринерскими системами кооперации». Значение кооперации усматривалось в том, что кооперация «доказала на практике возможность замены существующей губительной и деспотической системы подчинения труда капиталу благотворительной и республиканской системой ассоциации свободных и равных производителей». Однако Интернационал не предавался иллюзии относительно возможности для артели преобразовать капиталистический хозяйственный строй. Напротив, по мнению Интернационала, преобразование современного общества могло совершиться только путем изменения всех его основ, для чего требуется прежде всего, чтобы политическая власть перешла пролетариату. Кооперация же может играть при этом лишь второстепенную роль.

Переходя к рассмотрению различных видов кооперации, резолюция заканчивается следующим призывом к рабочим: «Мы советуем рабочим обратить большее внимание на кооперативное производство, чем на кооперативные лавки (потребительские общества). Эти последние задевают лишь поверхность современной хозяйственной системы, в то время как кооперативное производство затрагивает самые ее основы. Мы советуем всем кооперативным обществам часть их дохода обращать в фонд для пропаганды, советуем распространять их основные принципы как путем примеров, так и практических указаний, иными словами, путем новых предприятий кооперативного производства. Чтобы помешать превращению кооперативных обществ в обычные буржуазные командитные товарищества, все рабочие кооперативов должны иметь равные права, все равно, состоят ли они пайщиками или нет. Как переходную меру мы можем допустить, чтобы пайщики получили небольшой процент на свой пай».

Вопрос о производительных артелях привлекал усиленное внимание и последующих конгрессов Интернационала. Так, на Лозаннском конгрессе был поднят вопрос о мерах содействия развитию кооперативного производства. В этих видах конгресс советовал рабочим союзам «помещать их фонд в производительные товарищества как лучшее средство для извлечения этих фондов из рук буржуа-

зии и правительства и использования их для освобождения рабочего класса». В конце концов это должно было привести, по мнению конгресса, к созданию широко организованного национального кредита производительным товариществам.

Но Интернационал не довольствовался теоретической защитой производительных артелей. Ее руководители пытались и сами создавать артели через посредство своих лекций в разных странах. Вообще, не подлежит сомнению, что производительные артели были единственным видом кооперации, встречавшим горячее сочувствие со стороны Интернационала.

Такое отношение к производительным ассоциациям Маркс сохранил до конца. Так, в III томе «Капитала» мы находим по данному вопросу следующие характерные соображения:

«Кооперативные фабрики самих рабочих представляют в пределах старых форм первую брешь в старых формах, хотя они, конечно, повсюду по своей действительной организации воспроизводят и принуждены воспроизводить все недостатки существующей системы. Но противоположность между капиталом и трудом в них утрачивается, хотя вначале в такой форме, что рабочие, как ассоциация, представляют своим собственным капиталистом, т. е. употребляют средства производства для увеличения ценности своего собственного труда. Они показывают, каким образом на известной степени развития материальных производительных сил и соответственных им форм общественного производства из одного способа производства естественно развивается и вырабатывается новый способ производства. Кооперативная фабрика не могла бы развиваться иначе, как из фабричной системы, возникшей из капиталистического способа производства, и без кредита, возникающего из него же. Кредит, образуя существеннейшее основание для постепенного превращения капиталистических единичных предприятий в капиталистические акционерные общества, оказывается точно так же средством постепенного расширения кооперативных предприятий до более или менее национальных размеров. На капиталистические акционерные предприятия точно так же, как и на кооперативные фабрики, надо смотреть, как на переходные формы от капиталистического способа производства к обобществленному; только в одном случае противоположность уничтожается отрицательно, а в другом положительно».

Знаменитый спор в шестидесятых годах прошлого века между Шульце-Деличем и Лассалем вращался вокруг вопроса о том, каким образом рабочий класс Германии может скорее всего прийти к созданию производительных артелей. Что касается Шульце, то этот выдающийся деятель германского кооперативного движения выступил на историческую арену горячим поклонником артельной идеи; он вырабатывает своеобразную теорию естественного хода развития кооперации — теорию, в которой производительной артели принадлежит роль венца всего кооперативного здания.

Кооперативное движение, думал Шульце, когда его теория окончательно сложилась, естественно начинается с кредитных кооперативов и потребительских обществ. Значение этой первой ступени кооперативного движения заключается в том, что при помощи кредитных кооперативов и потребительских обществ мелкие производители и фабричные рабочие накапливают в своих руках некоторые сбережения, которые должны дать им возможность перейти ко второй ступени кооперации, каковой являются сырьевые и магазинные товарищества-кооперативы по закупке и сбыту. Эти товарищества представляют собой кооперативы уже более сложного состава и должны в еще большей степени увеличивать достатки своих членов, приучая их в то же время к самостоятельному руководству сложным хозяйственным предприятием и знакомя с торговыми операциями. По достижении известного уровня кооперативного воспитания и накопления достаточного капитала участники этих кооперативов могут перейти к заключительной, высшей форме кооперации — производительным ассоциациям.

Производительная ассоциация казалась Шульце не только высшей формой кооперации, но и такой, по достижении которой исчезает потребность в кооперативах низших ступеней. Только производительная артель, по мнению Шульце, может преодолеть кризис мелкой промышленности, ремесла, вызванный ростом капиталистической фабрики. Только производительная ассоциация может с успехом конкурировать с фабрикой и успешно бороться с пролетаризацией ремесленников.

«В производительной ассоциации, — говорил Шульце, — мы приветствуем завершение всей системы. В то время как ассоциации первых ступеней обеспечивают своим сочленам в их мелких предприя-

тиях и домашнем хозяйстве выгоды крупного капитала только в некоторых отношениях, производительные ассоциации дают возможность своим членам создать крупное предприятие со всеми выгодами новых приемов хозяйства и таким образом заполнить пропасть, которая теперь отделяет рабочих и мелких мастеров от класса крупных предпринимателей».

Производительные ассоциации не только превращают своих членов в самостоятельных участников крупного предприятия, но и повышают уровень заработной платы рабочих, находящихся вне их: капиталист принужден уплачивать своим рабочим ту плату, которую они могли бы получить, основав производительную ассоциацию, так как в противоположном случае рабочие бросят работу по найму и организуют самостоятельную ассоциацию.

Благодаря росту ассоциаций заработная плата в капиталистических предприятиях должна будет в конце концов принять ту форму, которая единственно соответствует интересам «справедливости и гуманности», — форму участия рабочих в прибылях предприятия.

Выгоды такого порядка вещей почувствует все общество. Предприниматели выиграют благодаря повышению производительности труда. Затем общество выиграет «благодаря сохранению и укреплению здоровых средних классов, этих незаменимых носителей здорового, как политического, так и социального, духовного и материального развития». Будет положен предел росту мамонизма⁴⁸ и пауперизма⁴⁹, бичей современного общества.

Однако Шульце решительно протестует против мысли, что ассоциации вытеснят капиталистические предприятия. «Никто не может отрицать значения капитала и интеллигентности, если и тем и другим в достаточной мере обладает отдельное лицо. Устройство промышленного предприятия таким лицом во всяком случае легче осуществимо, чем организация удачной ассоциации. И, без сомнения, такой предприниматель, даже если в той же отрасли промышленности имеются ассоциации, не встретит труда в приискании рабочих, которые признают для себя выгоднее, вместо того чтобы брать на себя риск участия в ассоциации, работать по найму, в особенности если отношения наемного труда будут регулированы указанным способом».

Поэтому неудивительно, что Шульце признавал планы общественного преобразования, предложенные Оуэном, «самой бессмыс-

ленной и радикальной системой, которую когда-либо знал свет». Излагая историю кооперативного движения в Англии, Шульце рисует дело таким образом, как будто рабочий класс Англии, убедившись в бесполезности рабочих союзов и во вреде стачек, пришел к мысли, что единственное средство улучшения его участи заключается в устройстве производительных ассоциаций. «Производительная ассоциация есть только дальнейшее развитие тред-юниона», — заявляет он категорически.

Производительная ассоциация объединила, по мнению Шульце, английское рабочее движение, которое раньше выражалось в других формах: тред-юнионах и потребительских обществах. Что касается французского рабочего движения, то в нем Шульце не видел ничего, кроме более или менее удачных попыток устройства производительных ассоциаций.

Итак, производительная артель — вот к чему должны стремиться трудящиеся массы, чтобы прочным образом улучшить свое экономическое положение. Но производительная артель, являясь самым сложным видом кооперации, может возникнуть только в результате долгой кооперативной эволюции, после многих лет кооперативного воспитания населения. Пока массы этого воспитания еще не получили, не следует и мечтать об артелях — преждевременные попытки создания артелей могут только скомпрометировать самую идею кооперации. В особенности нежелательны и опасные попытки насаждения артелей сверху, при поддержке государственной власти, так как кооперация, основанная на поддержке извне, нежизнеспособна и неминуемо должна привести к крушению всего дела, как бы ни была щедра эта поддержка. Такова была точка зрения того, кого с полным правом считают отцом германской кооперации. Противником его выступил блестящий оратор и мыслитель Фердинанд Лассаль.

Лассаль решительно отрицал, чтобы кооперативы, которые явились в действительной жизни результатом деятельности Шульце, могли иметь какое бы то ни было значение по отношению к улучшению положения фабричного пролетариата. «Что касается сырьевых товариществ и ссудо-сберегательных, — писал он, — то обе эти формы хозяйственных организаций существуют лишь для тех, кто ведет предприятие за свой собственный счет, т.е. для ремесленного класса. Для рабочего класса в собственном смысле слова, т.е. для ра-

бочих, занятых в крупном фабричном производстве, не имеющих собственного предприятия, эти формы совсем не существуют». Но и по отношению к ремесленникам кооперативы этого рода, по мнению Лассалья, большого значения иметь не могут. «Они могут только продлить безнадежную борьбу, которую мелкая промышленность ведет с крупной, и тем увеличить муки этой борьбы, задержать без всякой пользы поступательный ход развития. Таков единственный их результат по отношению к классу ремесленников, между тем как класса рабочих, занятых в крупной промышленности, они совсем не затрагивают».

Потребительские общества также ничего не могут сделать для рабочих, ибо заработная плата, в силу «железного закона», никогда не может подняться на продолжительное время выше уровня, строго необходимого для жизни. Если потребительские общества не имеют большого распространения, то они могут помочь своим членам из числа рабочих классов, удержав в свою пользу прибыль мелкого лавочника. Но если потребительские общества получают значительное распространение и в состав их начинают входить значительные массы рабочего класса, заработная плата соответственно падает, и все выгоды приобретения рабочими предметов потребления по более дешевым ценам достаются предпринимателям.

Однако Лассаль отнюдь не хотел этим сказать, что кооперация ничего не может дать рабочему классу. Наоборот, именно в кооперации он видел выход для рабочего из капиталистического хозяйства. Но единственной формой кооперации, преобразующей самую основу капитализма, Лассаль признавал производительную артель.

Производительная ассоциация не может явиться результатом долгой эволюции других кооперативных форм, так как эти формы существенного значения для рабочего класса иметь не могут. С другой стороны, производительные ассоциации не могут быть создаваемы рабочими собственными усилиями, так как, чтобы иметь успех, они должны располагать значительными капиталами, которые никак не могут быть накоплены рабочими, заработная плата которых не может подняться над уровнем голого существования. Значит, производительные ассоциации могут возникать лишь при помощи извне, со стороны государства. Рабочие составляют большинство населения, и потому они могут потребовать от государственной власти, чтобы она

взяла в свои руки образование производительных ассоциаций. На это государство должно единовременно ассигновать достаточно крупную сумму, так как дело может удасться лишь в том случае, если оно будет ведено в крупном масштабе. Пруссия могла бы, например, ассигновать 100 млн. талеров для устройства производительных ассоциаций и этим сделала бы решительный шаг на путь к превращению современного капиталистического хозяйства в новый хозяйственный строй, в котором производство перейдет в руки связанных между собой производительных ассоциаций. Но все это станет возможно лишь тогда, когда рабочий класс получит возможность влиять на законодательство страны. Для этого же, в свою очередь, прежде всего требуется, чтобы рабочие завоевали всеобщее избирательное право.

Таков был ход мыслей Лассалья, приведший его к резкому полемическому столкновению с Шульце. Каждый из обоих противников одержал в своей области победу: Шульце на долгое время подчинил своим идеям кооперативное движение Германии, а Лассаль явился отцом политической партии германских рабочих — социал-демократии. Но характерно, что оба противника в равной мере видели в производительной артели заключительное звено общественно-го развития.

3. Неудачи производительных артелей

Эти исключительные симпатии теоретиков и общественных деятелей идее производительной артели должны были бы, казалось, привести эту форму кооперации к особенно быстрому росту. Что же нам показала жизнь? Исключительно быстрый рост артелей? Ни малейшим образом. Именно этот вид кооперации получил на практике наименьшее распространение. Совсем недавно знаменитое Фабианское общество⁵⁰ в Англии предприняло исследование вопроса о производственной кооперации. В результате исследования получился напечатанный в 1914 г. доклад лучших знатоков рабочего движения в Англии С. и Б. Вебб⁵¹, пришедших по вопросу об успешности артельного движения к следующему заключению: «Если мы попробуем обозреть три четверти столетия упорного и воодушевленного труда, который был затрачен в полудюжине различных стран по созданию ассоциации производителей, владеющих своими средствами производства и управляющих своим промышленным предприятием, то

нельзя не вынести чувства разочарования. Ни в одной из стран не существует более сотен таких ассоциаций из тысяч, которые возникали; и большинство из этих ассоциаций все еще с трудом борются за свое существование. К тому же эти ассоциации в большинстве случаев наблюдались в трех родах промышленности, которые допускают производство в небольших размерах; и они ни в одном случае не охватывают большого числа рабочих или значительного капитала. Затем, те из таких обществ, которые имели сколько-нибудь значительный экономический успех или достигли более значительных размеров, существенно уклонились в большинстве случаев от типа самоуправляющейся мастерской, — и это в такой мере, что можно, не удаляясь от истины, утверждать, что шансы успеха такого общества тем более, чем дальше оно от типа самоуправляющейся мастерской!»

Этот успех, продолжают С. и Б. Вебб, тем поразительнее, что именно производительные артели привлекали к себе всего более симпатий и поддержки не только со стороны идейных вождей рабочего движения, но и со стороны правительства и общественных учреждений. «Поскольку дело идет о хозяйственной и интеллектуальной поддержке других общественных классов, — читаем в том же отчете, — ассоциации производителей во всех странах находили гораздо более поддержки и поощрения, чем ассоциации потребителей. Точно так же они пользовались — по крайней мере во Франции и Италии — гораздо большей поддержкой и правительства. В Великобритании, где правительство не оказывало помощи никакой форме кооперации, ассоциации производителей находили себе защиту и опору у влиятельных людей промышленного и политического мира, точно так же как и в прессе. Наконец, эти ассоциации производителей постоянно пользовались особой симпатией, поощрением и помощью столь влиятельных организаций рабочего класса, как рабочие союзы».

И все это не привело ни к каким сколько-нибудь заметным практическим результатам. Производительные артели в чистом виде представляют собой нечто до последней степени редкое и исключительное среди различных экономических организаций нашего времени. Достаточно указать, что вполне компетентные авторы названного доклада Фабианского общества находят в Великобритании всего одну производительную артель чистого трудового типа, т.е. такой

кооператив, все рабочие которого являются в равной мере собственниками предприятия и изготавливаемого ими продукта.

Эта единственная производительная артель Великобритании представляет собой небольшую бумаготкацкую фабрику в Нельсоне (в Ланкашире), существующую с 1888 г. и возникшую после неудачной стачки рабочих. Капитал этой фабрики равняется 4355 ф. ст., рабочих на ней 116, из которых полноправными членами артели состоит около половины, а остальные рабочие — женщины и малолетние, принадлежащие в большинстве к семьям членов артели.

Что же дает рабочим эта фабрика, столь исключительная по своему устройству? Судя по имеющимся данным, рабочие от своеобразного строя своей фабрики выигрывают в экономическом отношении весьма мало — они получают за свой труд лишь обычную нормальную (тред-юнионистскую) заработную плату, без всяких прибавок. Капитал, который эта артель накопила за четверть века своего существования, очень невелик, она сильно задолжена, в техническом отношении оборудование фабрики стоит невысоко, и обороты ее в течение ряда лет остаются стационарными.

Продолжительность рабочего дня на ней, как сообщает Губер, автор ценной монографии о британской производительной кооперации «Kapital- und Verwaltungsbeteiligung der Arbeiter in den britischen Produktivgenossenschaften»⁵², равняется 9,5 часа, т.е. как и на большинстве обычных капиталистических фабрик. Правда, рабочие этой фабрики имеют то преимущество, что они сами хозяева в своем деле, это может давать им известное самоудовлетворение, но и только, — никаких реальных экономических выгод, как видно из приведенных данных, артельная организация рабочим не дала.

Итак, в Англии, родине пролетарской кооперации, существует одна единственная производительная артель чисто трудового типа. В Германии дело обстоит еще хуже. В настоящее время в Германии нет ни одной производительной артели трудового типа. Еще недавно существовала такая артель — башмачников в Штрауссберге, но, как сообщает Вейль в монографии «Die gewerblichen Produktivgenossenschaften in Deutschland»⁵³, она уже утратила свой чистый трудовой тип и не может считаться в строгом смысле производительной артелью.

Классической страной производительных артелей обыкновенно принимают Францию. Действительно, ни в одной стране идея произ-

водительных артелей не встречала такой симпатии и, что важно, деятельной поддержки со стороны общественных кругов и даже правительственных и общественных учреждений, как во Франции. Но результат всех этих усилий в течение многих десятилетий оказался до последней степени скудным. Правда, во Франции насчитывают более сотни производительных артелей. Но, во-первых, очень немногие из них имеют чистый трудовой характер; во-вторых, в огромном большинстве случаев это очень небольшие предприятия, с небольшим числом членов и небольшим капиталом; в-третьих, они существуют в большинстве случаев только благодаря деятельной поддержке их со стороны или правительственных и общественных учреждений, снабжающих их заказами и отчасти капиталами, или отдельных частных лиц, сочувствующих идее производительной артели. Знаменитый Рабочий стекольный завод в Альби, о котором будет речь ниже, не является производительной артелью чистого типа.

Единственным примером успешных производительных артелей чистого трудового типа, крупных размеров и существующих без посторонней поддержки, являются земледельческие артели Италии, на которых поэтому нужно остановиться.

Артели эти возникли весьма своеобразно в итальянской провинции Реджио-Эмилии. В провинции этой преобладает крупное землевладение, причем число земледельческих рабочих превышало за последнее время спрос на них со стороны местных земледельцев. Следствием этого явились безработица и ухудшение условий заработка, что в свою очередь повело к образованию среди земледельческих рабочих союзов, начавших борьбу за улучшение условий труда. Союзы эти поставили себе целью добиться такого распределения труда между отдельными рабочими, при котором все рабочие находили бы себе занятия, хотя бы и работая неполное время. Чтобы доставить занятия своим безработным членам, союзы пришли к мысли организовать на арендуемой земле земледельческие артели.

Эта мысль была приведена в исполнение, и таким образом возникли знаменитые итальянские земледельческие артели, тесно связанные с союзами земледельческих рабочих и с политической партией итальянских социалистов.

Устройство этих артелей следующее. Артель ведет общее хозяйство на арендуемой земле, сообща приобретает весь необходимый

инвентарь и продает изготовленные продукты. Каждый вновь поступающий член артели вносит небольшую вступительную плату (обычно 1 лиру) и приобретает известное число паев, высота которых обычно не превышает 10–12 лир. Денежный остаток в конце года за вычетом отчислений в запасный капитал распределяется между пайщиками пропорционально числу паев.

Все работы на арендуемом участке производятся сообща артелью, во главе которой стоят избираемые ею правление и совет. Правление избирает директора и других должностных лиц артели, причем обычно директором является председатель правления.

Члены артели получают заработную плату, которая обычно не отличается от средней платы земледельческих рабочих в данном районе.

Чтобы понять внутренний смысл всей этой организации, нужно помнить, что она возникла путем своеобразного развития союзов земледельческих рабочих, стремившихся тем или другим способом обеспечить своим членам достаточный заработок. Поэтому неудивительно, что члены такой артели одновременно состоят и членами местного рабочего союза. Далеко не все члены артели работают одновременно на арендуемом ею земельном участке: если для них занятия на этом участке не находится, то они работают на стороне как обычные наемные рабочие.

По словам г. Христиана, организации эти возникли «как дополнение к работе профессиональных организаций, и это особое условие необходимо иметь в виду для оценки достигнутых ими результатов. Коллективная аренда позволяет профессиональной организации давать работу тем членам, которые не находят места на частновладельческих землях или находят слишком кратковременную работу. Во-вторых, они могут давать работу той части рабочих, которые не могут претендовать на получение установленной организациями оплаты, — старикам, женщинам. И таким путем сохраняют на известном уровне заработную плату» (Вестник кооперации. 1914. № 1).

Таких своеобразных земледельческих артелей возникло в Италии 82, из которых 79 имеют 21 644 члена и 525 957 лир основного капитала и 8168 гектар арендуемой земли. Сопоставляя число членов этих артелей с площадью арендуемой земли (почти 3 члена на 1 гектар), легко видеть, что рабочая сила артельщиков только в ничтожной

мере используется артелью. Как общее правило, на арендуемом участке находят себе временное занятие только те члены, которые по той или иной причине остаются без работы в обычных капиталистических сельскохозяйственных предприятиях.

Из всего этого видно, что земледельческие артели Италии отнюдь не могут считаться производительными артелями нормального типа. Они не имеют самостоятельного значения как производственные предприятия, а преследуют иную цель — предоставления временного занятия тем из их членов, кто потерял заработок в капиталистическом предприятии. Они тесно примыкают к рабочим союзам, одной из важнейших задач которых всегда является борьба с безработицей их членов. Как средство борьбы с безработицей артели эти должны быть признаны достигающими цели, а потому они, в общем, не только не падают, но, по-видимому, развиваются и растут. Но очень сомнительно, чтобы артели эти могли существовать, если бы работа в них была единственным занятием их членов.

Таким образом, сравнительный успех итальянских земледельческих артелей очень мало говорит в пользу производительных артелей вообще.

В России, невзирая на многочисленные попытки создания производительных артелей, имеется, строго говоря, в настоящее время только одна производительная артель крупных размеров, существующая настолько продолжительное время, что ее можно считать доказавшей свою жизнеспособность. Это — известная ножевая артель в селе Павлове, созданная и руководимая А. Г. Штанге. Возникла она в 1893 г. при деятельной поддержке со стороны различных общественных учреждений и частных лиц, а также и государства. Благодаря неунынным стараниям своего устроителя артель получила заимообразно довольно крупный капитал. Так, от частных лиц она получила в ссуду в разное время не менее 50 тыс. руб., а кроме того, от правительственных учреждений 55 тыс. руб. Благодаря этому артель получила возможность выстроить обширный корпус с паровыми двигателями и вообще поставить дело производства на уровень современной техники.

Число постоянных работников этой артели, по сообщению А. Г. Штанге на первом Всероссийском кооперативном съезде⁵⁴, достигало 277, причем членов было 144, а не-членов — 133. Значитель-

ное количество рабочих не-членов ни малейшим образом не препятствует артели сохранять свой чистый трудовой тип, так как, по словам г. Штанге, «наемные рабочие находятся в совершенно одинаковых условиях с членами в отношении заработной платы, прибыль же до сих пор между членами не распределялась (она поступала на погашение убытков прежних лет). При таком равенстве в зарплате необходимость для членов вносить 5 % заработной платы в пай и служит главной причиной, почему работающие в артели не торопятся вступать в члены, несмотря на то преимущество членов, что положение их в артели прочнее».

Рабочий день в артели является обычным для фабрик этого рода — 10,5 часа.

Подводя итог сказанному, мы должны признать, что производительные артели чистого трудового типа являются крайне редкой формой производительной организации⁵⁵.

Вряд ли число участников производительных артелей превосходит число участников коммунистических общин. Обе эти формы хозяйственных организаций — явление исключительное в современной хозяйственной жизни и представляет в этом отношении разительный контраст с другими кооперативными организациями, развивающимися с такой удивительной быстротой и приобретающими все большее и большее значение в хозяйственном строе современности.

4. Причины неудач производительных артелей

В чем же заключаются глубокие внутренние причины неуспеха производительных артелей? В своем вышецитированном докладе Фабианскому обществу С. и Б. Вебб указывают три основные причины этого неуспеха: 1) недостаток дисциплины среди членов артелей; 2) недостаток знания ими условий рынка и 3) недостаточную быстроту производительных ассоциаций в изменении техники производства.

Что касается первой причины, то она выражается в том, что рабочие — члены артели, чувствуя себя хозяевами дела, плохо слушаются лица, руководящего делом. Руководитель, как общее правило, оказывается не в силах справиться с рабочими и заставить их подчиняться дисциплине, необходимой для того, чтобы сложное хозяйственное

дело имело успех. При обычных условиях капиталистического производства руководитель предприятия всегда может настоять на своем распоряжении, так как в его власти отказать рабочему в работе. Напротив, в артели авторитет руководителя очень ограничен, так как этот руководитель выбран самими же рабочими из их собственной среды и может быть каждую минуту ими же смещен. Он должен быть популярен среди своих избирателей, чтобы оставаться у власти, и потому последняя не может не быть весьма слабой. Именно эта невозможность подчинить рабочих дисциплине указывается очень часто как причина крушения производительных артелей. История Рабочего стекольного завода в Альби, представляющего собой тип, значительно уклоняющийся от настоящей производительной артели, является яркой иллюстрацией того, как трудно заставить рабочих повиноваться руководителю, если только рабочие сознают себя господами положения. Администрация этого завода оказалась совершенно не в силах справиться с рабочими, и лица, стоящие во главе ее, должны были уходить благодаря нежеланию рабочих считаться с распоряжениями выбранных ими же руководителей.

Дело шло все хуже и хуже, пока не был изменен тот параграф устава завода, согласно которому выборы административного персонала находились в руках занятых на заводе рабочих. Только тогда, когда рабочие утратили власть выбирать по своему усмотрению администрацию завода, дела на заводе пошли лучше.

Вторая причина неуспеха артелей, указываемая С. и Б. Вебб, также приводит множество артелей к гибели. Рабочий может превосходно знать свое дело и в то же время совершенно не обладать знаниями, необходимыми для руководителя предприятием. А ведь успех предприятия зависит в огромной мере от знания условий товарного рынка. Особенно важно в этом отношении знание условий сбыта продуктов. Чтобы быть хорошим предпринимателем, даже и знания рынка недостаточно, нужно обладать еще особым душевным складом и особыми предпринимательскими талантами. А так как условия жизни и деятельности рабочего ни малейшим образом не predisполагают его к приобретению всех этих знаний и развитию соответствующих талантов, то естественно, что рабочая группа оказывается плохим предпринимателем, а это не может не действовать самым губительным образом на успех предприятия.

Наконец, что касается третьей причины, то и ее значение громадно. Рабочий, привыкший к определенному роду труда и достигший в нем значительного искусства, естественно, не склонен переходить к новым приемам производства, в которых преимущества его приобретенных навыков и знаний отпадают. Если предприятие находится в руках капиталиста, то последний не имеет оснований уклоняться от изменения характера производственных процессов, если такое изменение обещает предприятию существенную выгоду. Напротив, рабочий склонен насколько возможно оставаться при прежних приемах производства, которые ему привычны, и только под давлением крайней необходимости отказывается от них и переходит к новым приемам.

Кроме того, артель встречает большие затруднения при введении новых машин, так как машины уменьшают спрос на труд, а артель не может оставлять своих членов без работы, подобно тому как это делает капиталистический предприниматель. Так, например, на кооперативных сапожных и башмачных фабриках Лестера, которые, не будучи артелями чистого трудового типа, все же значительно приближаются к таковым, замечается значительная отсталость в техническом отношении именно по этой последней причине. В докладе С. и Б. Вебб приводят характерный отзыв одного из горячих сторонников производительных ассоциаций, который, описывая одну фабрику этого типа в Лестере, прибавляет: «Теперь фабрика эта может легко ввести новые машины, так как пятеро из ее рабочих пайщиков умерло».

Легко понять, до какой степени затрудняется введение новых машин, если для введения их приходится ждать смерти тех рабочих, труд которых эти машины могут сделать излишним.

К этим трем причинам С. и Б. Вебб сводят основные факторы неуспеха производительных артелей. Вряд ли можно, однако, признать этот анализ причин неуспеха артелей достаточно глубоким и исчерпывающим. Он кажется довольно неубедительным, и вполне естественно, что такой горячий сторонник артелей, как А. В. Меркулов, пришел в статье в «Вестнике кооперации» к выводу, что серьезных доводов против возможности успеха артелей авторы доклада не привели. Этот вывод напрашивается сам собой, но напрасно А. В. Меркулов заключает отсюда, что таких доводов и вообще не существует и

что неудачи артелей зависят от внешних причин, которые могут быть в будущем устранены.

Нет, причины неудачи производительных артелей коренятся в самом существе социально-экономической природы последних. Правда, факторы неудачи артелей, которые указывают Веббы, могут казаться чем-то несущественным и внешним. Так, например, может показаться неубедительным указание Веббов, что артели не могут иметь успеха благодаря незнакомству рабочих с условиями товарного рынка и отсутствию в их среде предпринимательских талантов. На это можно возразить ссылкой на успех других кооперативов, возникающих в той же социальной среде или же в среде, еще менее знакомой с условиями рынка. Возьмем, например, потребительскую лавку среди тех же фабричных рабочих. Разве рабочие знакомы с условиями покупки нужных им товаров? Ни малейшим образом. И однако же потребительские лавки с успехом конкурируют с обычными капиталистическими лавками. Точно так же разве крестьяне, устраивающие кооператив по сбыту хлеба или яиц, обладают нужными торговыми сведениями? И тем не менее никому не придет в голову отрицать на этом основании возможность успеха этих кооперативов, доказываемого ежедневным опытом.

Точно так же известная дисциплина и готовность подчинять свои частные интересы и выгоды общим требуются не только от участников производительных артелей, но и от членов всех других кооперативов. А если так, то не сводится ли критика Веббов, направленная против артелей, к указанию на трудности, свойственные вообще всякому кооперативному предприятию, — трудности, несомненно, вполне реальные, но, как показывает опыт, вполне преодолимые?

Действительно, Веббы не указывают или по крайней мере не подчеркивают достаточно ярко тех слабых сторон производительной артели, которые свойственны именно этому роду кооперативного предприятия в отличие от кооперативов всех других отделов. И однако такие слабые стороны в производительной артели, несомненно, имеются, и именно они приводят к столь глубокому контрасту между мощным развитием других кооперативов и прозябанием производительных артелей.

Принципиальное отличие производительной артели как одного из трех видов трудовых кооперативов от кооперативов нетрудовых

(кооперативов в области владения) заключается в том, что только трудовые кооперативы отрицают наемный труд, между тем как другие кооперативы имеют в своем основании наемный труд. В отрицании наемного труда вся сущность производительной артели.

Всякий определенный кооператив заключает в себе, в своем особенном строе, определенный внутренний смысл и вместе специфический источник своей экономической силы. Кооперативы возникают не стихийно, сами собой, но как средство достижения определенных целей, во имя каких-либо определенных интересов составляющих их лиц. Так, производительная артель возникает во имя вполне определенных интересов тех рабочих, которые выполняют в данном предприятии рабочую функцию, составляющую хозяйственное содержание данного предприятия. Другие кооперативы возникают с другими целями — в интересах лиц, пользующихся услугами данного предприятия. Так, потребительская лавка возникает в интересах покупателей этой лавки, кооперативное зернохранилище — в интересах лиц, продающих хлеб через посредство данного зернохранилища, маслодельная артель — в интересах поставщиков молока, сбывающих при помощи артельного завода свое молоко, перерабатываемое заводом в масло, кредитное товарищество — в интересах лиц, нуждающихся в кредите, и т. д., и т. д.

Поэтому все другие кооперативы могут также свободно организовывать рабочие функции своего предприятия. Потребительская лавка нанимает на стороне приказчика, подобно любой другой лавке, на фабрике, принадлежащей потребительскому обществу, работают такие же наемные рабочие, как и на капиталистической фабрике; в маслодельной артели масло производится таким же наемным мастером, как и в капиталистическом заводе, и т. д., и т. д. Все эти кооперативы почти не страдают от незнакомства своих участников с торговым делом: руководство торговыми операциями возлагается этими кооперативами на наемный персонал, совершенно так же как это мы видим и в капиталистических предприятиях. Для успеха этих кооперативов отнюдь не требуется, чтобы участники их были людьми исключительных умственных и моральных качеств, были своего рода хозяйственными энциклопедистами, обладали знанием процессов производства и торговых приемов, мест покупки и сбыта товаров, имели предпринимательские таланты и пр., и пр. Все кооперати-

вы, основанные на наемном труде, могут привлекать к делу каких угодно рабочих и специалистов какого угодно дела в какой угодно области, совершенно так же, как и капиталистические предприятия. И как для того чтобы получать дивиденды от акций химического завода отнюдь не требуется предварительное знакомство с химией, точно так же и получение выгод от участия в потребительском кооперативе отнюдь не требует знакомства с условием торговли.

Располагая наемным рабочим персоналом, кооперативы приобретают полную свободу в такой организации предприятия, которая наиболее соответствует успеху данного дела. Успех же всякого предприятия зависит прежде всего от удачного подбора личного состава его рабочего персонала. Кооперативы с наемным трудом могут свободно выбирать самый лучший рабочий персонал: если только тот или иной агент или рабочий оказывается неудовлетворительным, то кооператив может заменить их лучшими. При этом кооператив может оплачивать особо искусных и талантливых рабочих или лиц своей администрации так высоко, как это требуется, чтобы привлечь данное лицо на службу. Только это может дать кооперативу возможность привлекать к себе наиболее производительных и успешных работников, что существенно важно для успеха дела.

Совершенно иной характер имеет производительная артель. Она не имеет никакой свободы в выборе своего рабочего персонала и должна довольствоваться персоналом, которым являются члены артели. Персонал же этот даже в том случае, если он состоит из лучших рабочих данного дела, неизбежно страдает весьма существенным недостатком: он состоит из людей, знакомых с операциями производства, но не с торговыми операциями. Между тем производительная артель не только производит, но и покупает необходимые средства производства и сырой материал для обработки, да кроме того, и продает свои изделия. Продажа же при современных капиталистических условиях хозяйства представляет собой крайне трудную операцию благодаря огромной конкуренции между различными предприятиями, производящими те же самые продукты. Вообще нужно сказать, что в современной хозяйственной системе самое главное — найти рынок для сбыта продукта, производство же продукта технических трудностей не представляет. В борьбе за существование побеждают не те предприятия, которые имеют особые преимущества по отноше-

нию к производству, а те, которые находятся в лучшем положении по отношению к сбыту.

Производительная артель имеет некоторое преимущество сравнительно с другими предприятиями только по отношению к условиям производства. Преимущество это заключается в том, что члены артели работают не на хозяина, а на самих себя. Это, естественно, имеет тенденцию повышать и производительность труда. Правда, оборотной стороной медали является то, что рабочие, освобожденные от принудительной дисциплины, устанавливаемой хозяином, могут работать небрежно и не исполнять своих обязанностей. Выше было указано, что эта небрежная, недисциплинированная работа является частой причиной гибели артелей. Тем не менее нужно признать, что при благоприятных условиях рабочие производительной артели под влиянием сознания, что они получают за свой труд продукт полностью, без всякого вычета в пользу капиталиста, могут работать лучше и энергичнее, с большим успехом, чем наемные рабочие, прибавочный продукт которых достается не им самим, а хозяину-капиталисту.

Вот в этой-то возможности поднятия производительности труда и заключается единственное преимущество артели перед конкурирующими с ней капиталистическими предприятиями. Но возможно ли считать это преимущество значительным? Если производство основано на ручном труде и притом требует труда особенно искусного, квалифицированного, то преимущество это более существенно. Поэтому артель чаще встречается среди предприятий, имеющих характер ремесла. Но когда в основе производства лежит машина и количество и качество производимого продукта не столько зависят от искусства труда, сколько от свойства употребляемых при производстве машин, тогда это преимущество артели перед капиталистическим предприятием утрачивает большую часть своего значения.

Уже одно это обстоятельство, естественно, суживает область применения артели по мере распространения машины.

Указанной сильной стороне артели противостоит специфически свойственная ей слабость, заключающаяся в том, что артель не может привлекать рабочие силы по найму и потому должна довольствоваться своим собственным рабочим персоналом, естественно слагающимся из представителей физического труда, не-

знакомых с условиями торговой деятельности. Как бы ни был успешен в артели труд производства, это еще не гарантирует ее успеха, если ее торговые функции выполняются плохо. А по отношению к выполнению торговых функций артель не может не стоять ниже капиталистического предприятия, ибо рабочие как таковые отнюдь не обладают знаниями и душевными свойствами, необходимыми предпринимателю.

Поэтому производственные артели должны быть признаны, в общем, более слабыми предприятиями, чем капиталистические; их слабость коренится не во внешних, устранимых условиях, как, например, в недостатке капитала, недостаточном знакомстве рабочих с этим видом кооперации и т. д., а в самой природе производительной артели. Эта основная слабость артели вытекает из ее особенности как кооператива, существующего в интересах рабочих, выполняющих в ней хозяйственные функции.

Отсюда проистекают и те причины неуспеха артелей, которые указывают Веббы. Недисциплинированность рабочих потому так губительно отражается на судьбе артели, что рабочие производительной артели не имеют хозяина. Точно так же незнакомство членов артели с торговыми функциями лишь потому так опасно для успеха дела, что артель не может нанять на стороне лиц, знакомых с этими функциями. Наконец, трудность введения новых приемов производства и новых машин очевидным образом связана с указанной особенностью артели.

Но этими тремя причинами неудач артелей далеко не исчерпываются слабые стороны рассматриваемого рода кооперативов. Веббы не указывают одной из них, которая, быть может, имеет наибольшее значение.

Дело в следующем. Промышленная жизнь нашего времени складывается из чередования периодов промышленного подъема и застоя. В этом заключается то, что называют промышленным циклом. Всякое предприятие, рассчитывающее на продолжительное существование в пределах существующей хозяйственной системы, должно быть построено таким образом, чтобы иметь возможность расширяться и сокращаться в связи с фазами промышленного цикла.

При промышленном подъеме предприятия должны расширять свои обороты, при наступлении же промышленного застоя — сокра-

щать последние. Только приспособляясь к фазисам промышленного цикла, предприятия могут существовать и развиваться.

Для капиталистического предприятия приспособление к циклическим колебаниям промышленности не представляет затруднений. Оно может легко и расширять свои обороты, и сокращать их в первом случае путем найма новых рабочих рук, которые всегда имеются в избытке на рабочем рынке, во втором случае путем увольнения тех рабочих, которые оказываются излишними по условиям товарного рынка. Совсем в другом положении находится артель: она испытывает огромные затруднения и по отношению к расширению, и по отношению к сокращению производства.

В первом случае, т.е. при расширении производства, артель должна увеличить число рабочих, занятых в ней. Каким же образом может быть это достигнуто? Новые рабочие могут быть введены либо как полноправные члены артели, либо как наемные рабочие. Но первый способ увеличения рабочих сил артели встречает большие затруднения. Прежде всего, если артель является предприятием, имеющим успехи и приносящим своим членам хозяйственные выгоды, то введение новых лиц в качестве полноправных хозяев дела равносильно отказу прежних членов артели от части выгод, которые они получили бы, если бы новые рабочие были заняты обычным порядком, на условии обычной заработной платы. Иными словами, введение новых рабочих в артель требует добровольного отказа членов артели от известных хозяйственных выгод. Конечно, в отдельных случаях члены артели могут проявить такое бескорыстие, но, как общее правило, ожидать от кого бы то ни было поведения, противоречащего собственным хозяйственным интересам, не приходится. Кроме того, введение новых рабочих в качестве полноправных членов артели нецелесообразно даже помимо соображений подобного рода. Дело в следующем. Успех артели возможен только при подборе рабочих, обладающих более или менее исключительными моральными и интеллектуальными свойствами. Обычно артель достигает некоторого успеха только после трудной и упорной борьбы за существование, причем ее инициаторам приходится идти на всякого рода жертвы, лишь бы сохранить артель. И вот, когда артель добилась наконец известного успеха и может расширить свои обороты, возникает вопрос о введении в ее состав новых членов только потому, что это необхо-

димо для расширения производства. Но ведь новые рабочие, потребность в которых должна быть удовлетворена немедленно, могут быть ниже тех требований, которые артельщики вправе предъявить своим новым сочленам. Каким же образом артельщики могут принимать в артель новых лиц и делать их своими полноправными товарищами, когда это может повести к крушению всего дела, требующего для успеха исключительного подбора своих членов?

Все эти соображения препятствуют артели привлекать новых рабочих в качестве своих полноправных товарищей. Конечно, артель может вводить новых членов, но лишь в том случае, если эти члены удовлетворяют тому высокому моральному и интеллектуальному уровню, который требуется от артельщиков. Потребность же в расширении оборотов отнюдь не сопровождается увеличенным предложением рабочих этого рода.

Итак, при необходимости расширять обороты артель неизбежно переходит к пользованию трудом вольнонаемных рабочих. Но этим самым она утрачивает свой чистый трудовой тип и приближается к капиталистическому предприятию.

Сокращение производства еще труднее выполнимо для артели, ибо в этом случае артель не может уменьшить числа занятых рабочих, которые состоят ее полноправными членами. В общем артель представляет собой хозяйственную организацию, крайне неподвижную и неэластичную, с трудом допускающую сжатие и расширение оборотов, между тем как возможность того и другого настоятельно требуется условиями совместной промышленной жизни. Иными словами, производительная артель не приспособлена к условиям капиталистического хозяйства.

Тем не менее артели продолжают возникать. Каждый промышленный кризис ведет к образованию артелей, которые обычно состоятся из наиболее энергичных и предприимчивых рабочих. Причины возникновения артелей в этом случае следующие. Кризис приводит к сокращению производства и к потере заработка тысячами рабочих. Среди безработных естественно появляется мысль попытаться собственными средствами организовать производство, что возможно только в случае образования артелей.

Яркой иллюстрацией такого возникновения артелей является довольно сильное артельное движение, развившееся в России после

1905 г., в период сильного застоя нашей промышленности, охватившего несколько лет. Застой этот привел к массовой безработице, между тем как общественный подъем, в котором рабочий класс принял такое выдающееся участие, значительно содействовал росту самосознания и самостоятельности рабочих. И вот мы видим, что во многих городах России создаются в большом числе самые разнообразные артели. В одном Петрограде образовалось несколько десятков артелей, некоторые из которых были довольно крупными предприятиями, имевшими свыше сотни членов. Так, например, артель производителей металлических кроватей имела свой паровой двигатель и в 1908 г. включала 135 членов.

Петроградские артели были предметом особого обследования со стороны артельного отдела Петроградского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах⁵⁶. Для Всероссийского кооперативного съезда 1908 г. были собраны сведения о 15 артелях, возникших около этого времени в Москве, причем одна из московских артелей — артель портных — включала в себя 253 члена и имела обширную, прекрасно оборудованную мастерскую. Многочисленные артели возникли также в Риге, Одессе, Баку, Николаеве и других городах России.

Нередким поводом к возникновению артелей являются также стачки рабочих. Нежелание хозяев уступить стачечникам приводит к тому, что рабочие, покинувшие работу, устраивают самостоятельно или при посторонней помощи собственное предприятие, в котором и начинают работу. Таким образом возник, например, известный рабочий стекольный завод в Альби после неудачной стачки в Кармо в 1894 г.

Наиболее крупным рабочим предприятием, возникшим непосредственно из неудавшейся стачки, является стекольный завод в северной Италии *Verreria operai federale*, устроенный в 1903 г. Стачечники при поддержке союза стекольных рабочих организовали это предприятие, в скором времени приобретшее огромные размеры и ставшее крупнейшим стекольным заводом Италии. Число рабочих на этом заводе доходило до 2000 и на нем производилось около 60 % всего количества стеклянных бутылок, изготавливаемых в стране. В 1911 г. артель эта должна была ликвидировать свои дела вследствие финансовых затруднений, но затем реорганизовалась и возобновила производство.

Во всех этих случаях артели возникают вследствие внешнего повода — потери рабочими занятия на обычных капиталистических предприятиях. Очень немногие из таких артелей оказываются жизнеспособными. Если на Западе за последнее время можно указать несколько примеров рабочих предприятий этого рода, имевших больший или меньший успех, то это лишь потому, что предприятия эти уклонялись от чистого типа артелей и приближались к иному типу, о котором речь будет идти впереди.

Производительные же артели чистого трудового типа, возникающие таким образом, имеют крайне мало шансов достигнуть успеха и почти неизменно распадаются. Это и понятно, для своего успеха артель требует исключительного подбора рабочих, и наскоро организовать ее невозможно. В период же промышленного застоя устройство новых предприятий вообще встречает огромные затруднения благодаря трудности сбыта изготавливаемых продуктов. И потому именно артели, возникающие из потребности найти занятие для рабочих, утративших работу, оказываются, как показывает опыт, особенно недолговечными.

Огромное большинство артелей, возникших у нас в период промышленного застоя середины первого десятилетия этого века, очень скоро распалось, и артельное движение этих годов ни к каким прочным результатам не привело.

Итак, первая и самая обычная судьба производительных артелей — это быстрое распадение их вследствие неспособности артели выдержать конкуренцию капиталистических предприятий. Но, конечно, нельзя сказать, что распадаются все артели. Распадаются сотни, но десятки выживают. Эти уцелевшие артели бывают двух типов.

Одни из них в силу исключительно благоприятного подбора своих членов (например, потому, что среди членов оказываются лица с предпринимательскими талантами) имеют положительный успех. Успех этот выражается в том, что заработок артельщиков подымается над уровнем обычной заработной платы в данном промысле. Такая артель, если только она свободна и ее действия не регулируются какой-либо иной общественной организацией, неизбежно испытывает своеобразное капиталистическое превращение. Артель больше и больше приближается к капиталистическому предприятию, пока не

становится в полном смысле слова таковым. Превращение это совершенно неизбежно по причинам, выясненным выше. Преуспевающая артель не может расширять своих оборотов путем привлечения в свой состав новых рабочих в качестве полноправных членов. Новые рабочие силы неизбежно должны стать в положение наемных рабочих по отношению к хозяевам артели. Рабочий персонал распадается, таким образом, на два класса — хозяев-артельщиков и наемных рабочих. Чем лучше идут дела артели, тем многочисленнее становится группа наемных рабочих. Процесс этот завершается тем, что члены артели, первоначально участвовавшие в работе наряду со всем остальным рабочим персоналом, перестают сами работать и становятся пайщиками предприятия. От артели не остается ровно ничего — вместо нее вырастает капиталистическое предприятие на паях. Такой путь проделали все свободные в своих действиях артели, которые по тем или иным причинам имели достаточный коммерческий успех. Так, например, товарищество очечников в Париже, возникшее в 1848 г., имело выдающийся успех и очень скоро утратило свой первоначальный трудовой тип. Оно существует и теперь в Париже как огромное предприятие, имеющее свыше тысячи рабочих, но все они работают по найму. Предприятие это получило вполне капиталистический характер — во главе его стоят 58 пайщиков, владеющих капиталом свыше одного миллиона франков. Такое же превращение испытали и другие производительные ассоциации, возникшие во Франции в конце сороковых годов и имевшие хозяйственный успех.

Но, конечно, нельзя сказать, чтобы все артели, которым удается преодолеть трудности борьбы за существование и уцелеть, подвергались процессу капиталистического превращения. Процесс этот почти неизбежен только для преуспевающих артелей. Если артель особого успеха не имеет, то она может сохранить трудовой характер, но именно благодаря отсутствию успеха. Мы знаем примеры артелей, которые существуют многие десятилетия и не вырождаются в капиталистические предприятия. Так, например, ассоциация формовщиков, возникшая во Франции в сороковых годах прошлого века, сохранилась вплоть до нашего времени и не пользуется наемным трудом. Такой же чисто трудовой характер имеет описанная Веббами артельная хлопчатобумажная фабрика в Нельсоне, Павловская ножевая артель и др.

Все эти артели существуют уже давно, не распадаются и в то же время не проникаются капиталистическим духом. В глазах поклонников артелей они являются доказательством возможности для производительной артели достигать успеха, сохраняя трудовой тип. А если это удастся некоторым артелям, то почему при благоприятных условиях это же самое не удастся и многим?

Дело, однако, в том, что сохранение названными артелями трудового типа именно тем и объясняется, что они не имеют большого успеха. Возьмем, например, едва ли не единственную артель чисто трудового типа, сохранившуюся во Франции с сороковых годов прошлого века, — артель формовщиков. Артель эта имеет всего-навсего около десятка членов, а ее капитал определяется немногими десятками тысяч франков. Отсюда видно, как скромны успехи этой артели. Или взять артельную фабрику в Нельсоне. Как указано выше, артель эта, хотя и существует более четверти века, имеет капитал только в несколько тысяч фунтов стерлингов, а члены ее получают не больше заработка, чем наемные рабочие соседних капиталистических фабрик. Точно так же единственная русская крупная и упрочившаяся производительная артель — Павловская, несмотря на свое долговременное существование, дает своим членам так мало выгод, что, по свидетельству ее руководителя, наемные рабочие, работающие в этой артели, не обнаруживают никакого желания вступать в ее члены, хотя последние охотно принимают их в свою среду; участие в артели выгод для рабочих не представляет, и потому последние предпочитают работать на артельщиков по найму, вместо того чтобы вступать в артель в качестве полноправных членов.

Вот в этом-то отсутствии каких бы то ни было реальных выгод от участия в артели и заключается секрет сохранения названными артелями их трудового типа. Если артель имеет действительный успех, то она дает своим членам больший заработок, чем они получали бы вне артели. Отсюда является искушение для артельщиков привлекать в артель новых работников не в качестве полноправных членов, а нанимать их так же, как нанимает и любой фабрикант-капиталист. Если же артель не обеспечивает своим членам лучшего заработка, то отпадает и мотив для артельщиков замыкать свои ряды, и артель обнаруживает готовность принять в свой состав всякого желающего. Но по этой же самой причине желающих вступать в артель в этом

случае оказывается мало, и артель, — как, например, в Павлове, — принуждена прибегнуть к найму рабочих, несмотря на то что двери для поступления в артель для них открыты настежь.

Трудовой тип артели объясняется в этом случае тем, что артель не доросла до капиталистического предприятия, дающего не только заработок рабочему, но и прибыль предпринимателю. На почве этой слабости артели как производственного предприятия, нередко возникают очень странные факты. Так, обследование петроградских артелей, произведенное в 1909 г., обнаружило, что «условия труда членов артелей гораздо хуже, чем условия труда наемных рабочих в тех же артелях». И рабочий день оказался у членов артелей более продолжительным, чем у наемных рабочих тех же артелей, и заработок ниже. Рабочий день в артелях, как показало обследование, «доходит до предела физической возможности работать дальше». Как общее правило, обследованные артели работали больше установленной законом нормы рабочего дня в 11,5 часа. Почти все артели прибегали к наемному труду, но, конечно, они не заслуживали упрека в эксплуатации своих наемных рабочих. Наоборот, наемные рабочие артели эксплуатировали своих хозяев, что явствует из того, что наемные рабочие находились в большинстве случаев в лучших условиях по отношению к заработку, чем их хозяева. Вот что говорит по этому поводу цитированное обследование: «Установленным можно считать тот факт, что условия наемного труда в артелях, как бы это ни показалось странным с первого взгляда, значительно лучше тех условий, которыми обставлен труд самих членов артели. Причина же этого вполне реальна. Член артели, вложив в устройство известный капитал и сам устанавливая для себя обстановку труда, при стесненных обстоятельствах (а в настоящих артелях «стесненные» обстоятельства почти постоянны) легко примиряется даже с очень значительным ухудшением положения своего труда, льстя себя перспективой на лучшие обстоятельства. Наемные же рабочие, не являясь хозяевами в артели, оценивают условия труда безо всяких подобных «видов», считаясь лишь с рыночной ценой их рабочей силы. Это приводит к тому, что артели, прибегая к наемному труду, не могут переносить на него условия труда своих членов, а подчиняются общим средним обычным условиям наемного труда в их профессии» (Вестник кооперации. 1909. Кн. 3). Понятное дело, что арте-

ли, не могущие обеспечить своим членам того заработка, который получается наемными рабочими, не подвергаются опасности капиталистического вырождения. Но позволительно поставить вопрос: для чего вообще нужны артели, если они не могут доставить своим членам лучших условий труда и заработка, чем обычные капиталистические предприятия?

Итак, немногие артели, преодолевающие огромные трудности конкуренции с капиталистическими предприятиями, обычно либо сами превращаются в капиталистические предприятия, либо избегают этой участи благодаря своей относительной бесполезности для входящих в них членов. И то и другое является банкротством артельной идеи.

Подводя итог сказанному, следует признать, что производительные артели чисто трудового типа являются кооперативами, не могущими рассчитывать на значительное распространение в условиях современного хозяйства. Конечно, это не значит, что такие артели совершенно невозможны. Они могут иметь в редких случаях успех, даже не утрачивая своего трудового типа, но это только в том случае, если успех их не велик. При значительном же успехе свободная артель почти неизбежно превращается в капиталистическое предприятие.

И в этом ничего странного нет. Производительная артель, будучи кооперативом, в одном отношении наиболее далеким от условий капиталистического предприятия, в других отношениях всего ближе к капиталистическому предприятию. Правда, артель отрицает наемный труд, в то время как для других кооперативов он является единственным основанием. В этом заключается противоположность артели капиталистическому предприятию, а вместе с тем и коренная причина слабости артели. Но, с другой стороны, артель ближе всех остальных кооперативов к капиталистическому предприятию в том отношении, что артель так же охватывает предпринимательскими интересами со всех сторон своих членов, как и любое капиталистическое предприятие. Действительно, возьмем другие кооперативы, например потребительское общество. Кооператив этого рода ставит себе задачей не получение наибольшего предпринимательского дохода, а сокращение расходов по приобретению нужных предметов потребления. Предпринимательская

психология по необходимости отсутствует в таком кооперативе. Точно так же ничего общего с предпринимательством не имеют и кредитные кооперативы. Что касается кооперативов по закупке средств производства и сбыту продуктов (в переработанном или непереработанном виде), то такие кооперативы уже ближе к предпринимательству, но все же не всецело стоят на предпринимательской точке зрения, и это по следующей причине. Кооперативы эти имеют в виду создать наилучшие условия для трудового хозяйства членов этих кооперативов, каковыми фактически являются преимущественно крестьяне. Это трудовое крестьянское хозяйство более или менее чуждо предпринимательской психологии, а именно оно определяет все направление кооператива. Возьмем, например, маслодельную артель. Во главе ее стоят крестьяне, производящие молоко и стремящиеся выручить при посредстве маслодельной артели наивысшую цену за свое молоко. Как производители молока они ведут трудовое потребительское хозяйство, и только как продавцы масла они являются предпринимателями.

Напротив, члены производительной артели со всех сторон стоят на почве частнохозяйственного предпринимательства. Они и покупают на рынке средства производства, и продают свои продукты, стремясь как можно дешевле купить и возможно дороже продать. Все их хозяйственное благополучие основывается на успехе их предприятия, и стремление к расширению этого предприятия им естественно присуще. Хотя сами они являются рабочими в противность обычному предпринимателю-капиталисту, но они не менее последнего заинтересованы в том, чтобы их предприятие давало наибольший доход. Артельщики не менее любого капиталиста чувствуют себя противниками и естественными конкурентами всех других предприятий, производящих те же продукты, и противопоставляют свои интересы интересам всего остального мира.

В то время как все остальные кооперативы естественно стремятся к расширению своих рядов и не имеют ровно никаких оснований замыкаться в своем составе, артель, наоборот, естественно тяготеет к замкнутости. Потребительское общество только выигрывает, если в состав его входят новые члены. То же нужно сказать и о кредитных кооперативах, равно как и о кооперативах по закупке и продаже. Чем больше членов входят в состав этих кооперативов, тем больше

выигрывает каждый отдельный их член, ибо тем лучше осуществляются задачи этих кооперативов.

Напротив, производительная артель должна опасаться включения новых членов в свои ряды по мотивам, о которых сказано выше, и тут принципиальное отличие артели от всех других кооперативов (основанных на наемном труде). Введение новых членов ни малейшим образом не расстраивает рабочих функций этих последних кооперативов, ибо в них рабочие функции исполняются не хозяевами кооператива, а наемным персоналом (хотя, конечно, под руководством и наблюдением первых), в то время как в артели рабочие функции выполняются самими хозяевами кооператива, и потому каждый новый член изменяет характер рабочей функции. С другой стороны, члены преуспевающей артели проигрывают экономически, если в состав артели входит новый член, который мог бы работать на артель и в качестве наемного рабочего.

В других кооперативах вновь поступающий член есть источник новых средств для кооператива, становящегося от этого только сильнее и богаче. В артели (если она имеет успех) новый член есть новый претендент на те выгоды, которые артель получает вследствие благоприятного положения, достигнутого старыми членами. Введение в кооператив нового члена во всех других кооперативах соответствует экономическим выгодам старых членов. В артели же введение нового члена требует отказа от своих экономических выгод со стороны старых членов.

Отсюда естественное стремление артели принимать характер замкнутого предприятия. По сходным мотивам артель неохотно входит и в союзы с другими артелями — совершенно так же, как капиталистическое предприятие неохотно входит в союзы с другими капиталистическими предприятиями и делает это только под давлением необходимости или под влиянием надежды достигнуть таким образом монопольного положения и вознаградить себя этим за потерю полной свободы действий (картели и иные капиталистические организации).

Вот почему для некоторых теоретиков кооперации возникает даже вопрос, можно ли признавать производительные артели кооперативами или нет (столь видный теоретик кооперации, а вместе и выдающийся практический деятель в той же области, как Генрих Ка-

уфман⁵⁷, видимо, склоняется к этой точке зрения). И действительно, свободная, предоставленная самой себе производительная артель по самому существу дела не может быть организацией открытой, а, по общему мнению, открытый характер предприятия — возможность доступа в него всем желающим — является характерным признаком кооператива. Производительная же артель является предприятием почти столь же замкнутым, как и капиталистическое предприятие, представляя с последним и в этом отношении разительное сходство. Крайности, очевидно, сходятся.

В общем, нужно признать, что условия современной хозяйственной жизни не благоприятствуют успеху производительных артелей. В отдельных случаях, однако, артели могут удаваться, в особенности в тех отраслях промышленности, которые не требуют применения машин и вообще не требуют большой затраты капитала. Так как самая слабая сторона артели заключается в ее коммерческих операциях, то чем примитивнее хозяйственный строй страны, тем легче в ней удаются артели, особенно в добывающей промышленности, в которой требуется наименьшая затрата капитала (отпадает затрата на приобретение сырья). Вот почему у нас, в России, встречаются артели в рыболовных промыслах, охотничьих, в горном деле, например по разработке камня, добыче разного рода руд, золота и пр.

Затем, артели имеют некоторое распространение в кустарной промышленности, хотя тут и требуется затрата капитала на приобретение сырья. Но благодаря тому что в кустарной промышленности, производство имеет характер мелкого, кустари в благоприятных случаях могут образовывать небольшие артели, хотя для возникновения кустарных артелей, как общее правило, требуется содействие извне. В последнее время такие артели устраиваются в различных районах России при помощи земства.

Вообще производительные артели возможны и действительно существуют в отдельных случаях, но почти всегда как очень небольшие предприятия, значение которых в общем строе современного хозяйства совершенно ничтожно.

5. Организация типа коопартнершип

В конце концов мы должны признать, что производительная артель в чистом виде не играет сколько-нибудь заметной роли в хозяй-

ственной системе современности и не имеет шансов играть более важную роль в будущем. Однако жизнь создала некоторый новый тип предприятий, имеющих нечто общее с артелями и народнохозяйственное значение которых является несравненно более важным. Это предприятия, основанные на системе так называемого трудового коопартнершипа.

Принципиальное отличие предприятий этого рода от артелей заключается в следующем. В артели капитал и труд сливаются в одно неразрывное целое: каждый рабочий артели является в то же время собственником общего капитала артели. Напротив, в предприятиях по системе коопартнершипа капитал и труд формально разъединены: капитал такого предприятия складывается из паев, которые могут принадлежать как рабочим, занятым в предприятии, так и другим лицам. Но для более тесной связи между капиталом и трудом предприятия этого рода, с одной стороны, вводят в состав правления известное число членов по выбору рабочих, с другой стороны, предоставляют рабочим известную долю чистой прибыли предприятия.

Большая часть предприятий по системе коопартнершипа объединена в Англии общей организацией — обществом Cooperative Production Federation (Федерация кооперативного производства), владеющим капиталом свыше 400 тыс. ф. ст. Обществу этому принадлежат около 60 фабрик. Задачи его заключаются в содействии возникновению новых фабрик на основе трудового коопартнершипа, финансировании их и облегчении сбыта их изделий. Общество выработало нормальный устав предприятий этого типа; основные пункты этого устава заключаются в следующем.

Членами предприятия могут быть как частные, так и юридические лица. Капитал предприятия всегда выражается определенной фиксированной суммой, предприятие не имеет открытого характера, сближаясь в этом отношении с обычными капиталистическими предприятиями и резко отличаясь от кооперативных.

Каждый новый член принимается правлением. Для того чтобы приобретение паев было доступно и простым рабочим, паи очень мелки — обычно в 1 ф. ст., причем они могут быть уплачиваемы и по частям. Устанавливается максимум числа паев в одних руках. Паи могут быть свободно перепродаваемы и переуступаемы третьим лицам.

В общем собрании пайщиков каждый имеет один голос независимо от числа паев в его обладании. Однако юридические лица, входящие в состав членов, могут иметь и дополнительное число голосов, соответственно числу своих паев.

Правление избирается общим собранием пайщиков, причем в состав его могут быть избираемы и те члены, которые состоят рабочими предприятия. Но, во всяком случае, будучи избран в правление, рабочий должен оставить прежнюю работу в предприятии.

Директор предприятия (manager) назначается правлением. Директор своей властью назначает и увольняет всех рабочих и руководит всем делом, отдавая отчет в ходе дела ежемесячным заседаниям правления.

Из чистой прибыли предприятия 5 % поступает в дивиденд на паи, часть идет на возвращение затрат покупателям товаров предприятия, часть идет рабочим в соответствии с полученной ими заработной платой, а часть (в очень немногих предприятиях) и в добавочный дивиденд пайщикам. В большинстве предприятий при распределении прибыли рабочие получают в дополнение к своей обычной плате такой же процент, какой получают покупатели товаров предприятия в дополнение к цене этих товаров. Остальная прибыль идет на другие цели: в запасный капитал, на благотворительные цели и пр.

Таков нормальный тип фабрик на основе трудового коопартнершипа. Фабрики эти не могут похвалиться особенно быстрым ростом, однако все же это не то, что производительные артели, почти не существующие в действительности. Их имеется в Англии в общем около сотни, с 6–7 тыс. рабочих.

Внутренний строй предприятий, основанных на системе трудового коопартнершипа, может быть весьма различен. Некоторые из них значительно приближаются к производительным артелям. Другие же почти ничем не отличаются от обычных капиталистических предприятий.

К артелям приближаются те из них, в которых состав членов почти совпадает с составом рабочих и в которых, следовательно, хозяевами дела являются те самые рабочие, которые заняты в предприятии. Правда, все же некоторая часть паев оказывается и в этом случае принадлежащей нерабочим. Но если большинство членов принадлежит к числу рабочих в данном предприятии, то система коопартнер-

шипца не препятствует тому, чтобы все управление предприятием принадлежало рабочим.

Такое предприятие не может все же считаться производительной артелью — хозяином предприятия являются не рабочие как таковые, а пайщики предприятия. Иными словами, предприятие принадлежит все же пайщикам, а не рабочим как таковым. Директор назначается правлением, избираемым пайщиками, и имеет право увольнять рабочих и нанимать новых, что совершенно противоречит духу артели.

Словом, при системе трудового коопартнершипа, если даже пай принадлежат преимущественно рабочим, рабочие имеют хозяина и предприятие не связано неразрывно с данным составом рабочих. В этом огромное преимущество системы трудового коопартнершипа перед производственной артелью — основная слабость артели, заключающаяся в связанности ее с данным составом рабочих, отпадает.

В то же время система трудового коопартнершипа, если только пай принадлежат большей частью рабочим, приближается к артели в том отношении, что рабочие могут неограниченно влиять на ход дела и получать все его выгоды. В общем система эта может быть признана наиболее рациональным типом предприятия, в котором рабочим принадлежит фактическое руководство предприятием и в котором рабочие получают все выгоды последнего.

Другие предприятия на основе коопартнершипа совсем удаляются от кооперативного типа и должны быть отнесены к чисто капиталистическому типу. Это именно те предприятия, в которых пай принадлежат посторонним капиталистам, а рабочие составляют лишь меньшинство — и нередко ничтожное меньшинство — общего числа членов. Такие предприятия, хотя бы они и причисляли себя к системе трудового коопартнершипа, начисляли рабочим известный процент прибыли к их заработной плате и вводили в состав правления известную часть представителей рабочих, не могут считаться в каком бы то ни было смысле кооперативами и ничего общего с артелями не имеют. О предприятиях этого типа здесь говорить не приходится.

По большей части фабрики на основе коопартнершипа, если они имеют успех и идут хорошо, выдают своим рабочим около 5 % дополнительной платы. Это, конечно, немного, а в некоторых случаях прибавка эта оказывается даже номинальной, так как она достигается

путем соответствующего уменьшения нормальной платы или только зачисляется в пай рабочего, в распоряжение его фактически не поступая. Большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что, по-видимому, на многих фабриках этого рода, особенно же в тех из них, которые находятся под большим влиянием рабочего персонала, рабочий день короче, иногда весьма значительно, чем на обычных фабриках, и вообще обстановка труда значительно лучше, чем на последних.

Преимущество типа трудового коопартнершипа сравнительно с обычной производительной артелью заключается также и в том, что при этой системе чрезвычайно облегчается привлечение капитала и установление органической связи между данным предприятием и иными организациями рабочего класса. Во многих фабриках этого типа большей или по крайней мере очень значительной частью паев владеют потребительские общества. Благодаря этому последние получают возможность контролировать производство в своих интересах, а соответствующее предприятие, не утрачивая своей самостоятельности, в то же время приобретает себе обеспеченный сбыт.

Как общее правило, имеют успех именно те фабрики на основах трудового коопартнершипа, которые находятся в органической связи с потребительскими обществами. Но и кроме потребительских обществ, пайщиками могут быть рабочие организации иного рода. Так, например, пайщиками рабочего стекольного завода в Альби явились разнообразные рабочие организации Франции — как кооперативы, так и рабочие союзы.

Вообще, насколько можно судить по имеющимся в литературе данным, все или почти все производственные предприятия на Западе, возникающие в наше время как самостоятельные организации рабочих, не сливают в одно целое труд и капитал. Капитал всегда собирается иным порядком, чем составляется рабочий персонал. Иными словами, эти предприятия не являются в строгом смысле слова производительными артелями, рабочие всегда имеют хозяина, каковым является собрание пайщиков, причем в состав этих пайщиков входят в большей или меньшей мере и те лица, которые не принимают участия в работе.

Благодаря этому производственные предприятия рабочих становятся предприятиями не только той группы рабочих, которые непо-

средственно участвуют в работе в этом предприятии, но и иных рабочих групп, преимущественно разного рода рабочих кооперативов. Фабрика становится в этом случае предприятием обширной группы рабочих, а непосредственно занятые на ней рабочие находят себе хозяина в более обширной группе организованных рабочих, которым принадлежат паи.

6. Желательные формы кооперативного производства

В заключение нужно решить принципиальный вопрос: какой тип производства является более желательным — производство, организуемое потребительским обществом в интересах своих членов, или же производство, организуемое занятыми в предприятии рабочими в своих собственных интересах? Предприятие первого типа тем существенно отличается от второго, что в первом интересы рабочих как таковых подчинены интересам потребительского общества, между тем как во втором на первом плане стоят интересы рабочих.

С точки зрения общественных интересов следует в условиях современного хозяйственного строя скорее отдать предпочтение первому типу, т.е. производственным предприятиям, организуемым потребительскими обществами. Потребительские общества объединяют в себе обширные группы населения. Подчинение общественным интересам сепаратных интересов группы рабочих, работающих на фабрике потребительского общества, оправдывается тем соображением, что рабочие, не работающие на фабрике потребительского общества, имеют не менее человеческих прав, чем те, кто непосредственно занят работой на фабрике потребительского общества.

Огромное большинство членов потребительского общества работает на обычных капиталистических фабриках, и только немногие из этих членов заняты работой на фабрике потребительского общества. Эти последние рабочие получают, как общее правило, такую же плату, как и рабочие в капиталистическом предприятии. И это понятно: только оплачивая труд по этой норме, потребительское общество может извлекать выгоду из своего производственного предприятия, иными словами, потребительское общество присваивает себе прибавочный продукт нанимаемых им рабочих. Напротив, самостоятельное предприятие рабочих для того именно и возникает, чтобы весь трудовой продукт остался в руках рабочих.

Что же является в условиях современной хозяйственной системы более справедливым и согласованным с интересами всего рабочего класса: тот ли порядок, при котором рабочие, занятые в предприятии потребительского общества, получают заработную плату, какую получают и рабочие в капиталистических предприятиях, или тот, при котором рабочие в своем собственном предприятии получают свой полный трудовой продукт и, значит, получают значительно больше, чем их товарищи на капиталистических фабриках?

В первом случае рабочие получают только часть своего трудового продукта; прибавочный продукт присваивается их нанимателем — потребительским обществом. Можно сказать, что потребительское общество эксплуатирует своих рабочих подобно капиталисту. Но кому идет этот прибавочный продукт? Обширной группе рабочих, образующих потребительское общество.

Положение создается такое. Все рабочие, как работающие в предприятии потребительского общества, так и работающие на стороне в капиталистических предприятиях, находятся в равном положении — все получают только часть своего трудового продукта.

Прибавочный же продукт, создаваемый рабочими, нанимаемыми потребительским обществом, распределяется равномерно между всеми рабочими, входящими в состав потребительского общества, как между теми, кто создал этот прибавочный продукт, так и между теми, кто этого прибавочного продукта не создавал, но создавал прибавочный продукт в капиталистических предприятиях.

Едва ли может возникать сомнение, что такое распределение прибавочного продукта наиболее соответствует социальной справедливости. Рабочие, нанимаемые потребительским обществом, принадлежат к тому же рабочему классу, как и остальные рабочие, работающие на капиталистических фабриках. Первые ничем не лучше вторых и никаких преимущественных прав перед последними не имеют. Поэтому вполне согласно с социальной справедливостью, чтобы экономическое положение тех и других было приблизительно одинаково и, значит, чтобы прибавочный продукт первых был равномерно распределен между всеми.

Напротив, при самостоятельной организации производства отдельной группой рабочих в их сепаратных интересах они хотят сохранить себе весь свой трудовой продукт и стать, таким образом, в

лучшее положение, чем их товарищи, работающие в капиталистических предприятиях. Это противоречит солидарности всего рабочего класса и не может не наталкиваться на противодействие остальной массы рабочего класса. Весь смысл тяготения рабочих к артелям, равно как и к предприятиям на основе трудового коопартнершипа, являющимся наиболее жизнеспособным типом самостоятельного предприятия рабочих, и состоит в том, что данные рабочие желают сохранить в своих руках весь свой трудовой продукт. Это вполне законное стремление противоречит интересам остальной массы рабочего класса, и потому мы должны признать производственные предприятия потребительских обществ в условиях современной хозяйственной системы более высоким типом, более согласованным с социальной справедливостью, чем самостоятельные производственные предприятия отдельных рабочих групп.

Однако из этого не следует делать вывода, что предприятия типа трудового коопартнершипа (о производительных артелях мы не говорим, ибо этот тип предприятия в капиталистическом обществе нежизнеспособен) являются нежелательным типом кооперативных предприятий. Отнюдь нет.

Во-первых, сложные вопросы экономической жизни не могут быть решаемы только с точки зрения отвлеченной социальной справедливости. Та или другая группа рабочих, создающая свое самостоятельное предприятие, имеет на это такое же право, как и любой частный предприниматель. Весьма возможно, что без инициативы данных рабочих соответствующее предприятие совсем не возникло бы. Надежда повысить свой социальный уровень, улучшить свое экономическое благосостояние есть чрезвычайно важный двигатель экономической энергии, содействующий росту общественного богатства и развитию производительных сил. Можно только сказать, что производственные предприятия потребительских обществ принципиально более желательны в современных условиях, чем самостоятельные предприятия рабочих. Но отсюда еще отнюдь не следует нежелательность предприятий этого второго рода.

Если же значительная часть паев в самостоятельных предприятиях рабочих принадлежит потребительским обществам, то получается промежуточный тип предприятия, который иногда может заключать в себе сильные стороны обоих типов.

Но имеется и другое важное основание, говорящее в пользу трудового коопартнершипа. Оно заключается в следующем. Потребительские общества могут охватить только некоторую часть общественного потребления и соответственно этому могут подчинить своему контролю только часть общественного производства. Как же быть с той большой частью общественного производства, которая остается вне контроля потребительских обществ? Так, например, не ясно ли, что железоделательные заводы, судостроительные верфи, угольные шахты, железные дороги и пр. никоим образом не могут подпасть под контроль потребительских обществ. Во всех этих предприятиях естественным средством увеличить контроль рабочих масс является введение принципа трудового коопартнершипа. Трудовой коопартнершип является в предприятиях этого рода единственно возможным типом кооперации, ибо для потребительских обществ эти предприятия недоступны.

Таким образом, трудовой коопартнершип сохраняет свое самостоятельное значение рядом с другими видами кооперации.

Исключительные симпатии к производительным артелям со стороны как интеллигенции, так и рабочих масс имели различное происхождение. Что касается социалистических вождей — как, например, Маркса и его школы, — то симпатии эти вытекали из того, что производительные артели казались им кооперативами, наиболее близкими к социалистическому идеалу. Напротив, потребительские общества не встречали сочувствия Маркса по той причине, что Маркс считал потребительские общества чуждыми социализму.

Теперь нам ясно, что в этой сравнительной оценке производительной артели и потребительского общества скрывалась глубокая ошибка. Правда, артель из всех кооперативов всего дальше от капиталистической организации в том отношении, что она отрицает естественное основание капиталистического строя — наемный труд. Но другими своими сторонами именно производительная артель, действующая в пределах капиталистической хозяйственной системы, наиболее приближается к капиталистической организации, превращая рабочих в предпринимателей и пропитывая их капиталистическим духом.

Напротив, потребительское общество, бывшее столь антипатичным Марксу, по своему типу всего ближе к социалистическому обще-

ству. Ибо социалистическое общество является организацией, имеющей своей задачей обеспечение своим членам в равной мере наибольшего благосостояния, ввиду чего производительные силы подчиняются общественному контролю в интересах общественного целого. Точно так же и в потребительском обществе данная хозяйственная организация создается в интересах наилучшего потребления всех, а производство регулируется интересами потребления.

По этой причине современные марксисты — как, например, Каутский⁵⁸, — рисуя социалистическое общество, нередко изображают его как потребительское общество, вытеснившее капиталистическое хозяйство и охватившее все население страны. И действительно, потребительское общество, достигшее такого развития, явилось бы, как было указано в предыдущей главе, коллективизмом.

Впрочем, социалистическое общество может быть построено на разных основаниях, и необходимо рассмотреть именно эти различные типы социалистического общества с точки зрения их большей или меньшей близости к производительной артели и потребительскому обществу.

Потребительское общество ближе всего, как сказано, к государственному социализму, коллективизму. При государственном социализме общественное производство регулируется из одного центра, причем работа выполняется под руководством общественных властей, избираемых обществом. Рабочий при господстве коллективизма подчинен этим властям не менее, чем он подчинен при господстве наемного труда предпринимателю.

Напротив, производительная артель, не дополненная государственной организацией обмена (как в синдикальном социализме), приближается к идеалу анархического социализма. Анархизм отрицает подчинение личности обществу и стремится к такому общественному строю, при котором каждый рабочий или каждая группа рабочих выполняла бы свою работу без всякой принудительной власти со стороны. Артель и является такой свободной производительной группой, ничем не связанной в своих действиях и не подчиняющейся общественному контролю.

Поэтому совершенно естественно, что артели вызывают принципиальное сочувствие всех, тяготеющих к анархическому идеалу (например, французских революционных синдикалистов, несомненно

стоящих на почве анархического идеала). Но Маркс и марксисты никогда не тяготели к анархизму. Их социалистическим идеалом был коллективизм. Поэтому симпатии Маркса к артелям и антипатия к потребительским обществам основывались на недостаточном понимании внутренней природы кооперативов того и другого рода.

Напротив, симпатии рабочих классов к артелям вполне естественны и законны. Производительные артели привлекают рабочих потому, что артель при удаче дает возможность рабочему избавиться от работы по найму, стать хозяином. Именно наиболее энергичные, предприимчивые и даровитые рабочие должны тяготеть к артелям. Успевающая артель обещает рабочему превратить его в капиталиста. Это не может не привлекать тех из числа рабочих, кто обладает предпринимательскими склонностями и талантами.

Вот почему, несмотря на все неудачи самостоятельных рабочих предприятий, в виде ли артелей или в виде более совершенного типа, основанного на системе трудового коопартнершипа, предприятия эти не утрачивают своей притягательной силы для рабочих, несмотря на то что отношение к таким предприятиям со стороны социалистических вождей в настоящее время изменилось в неблагоприятном смысле.

Глава VI. Трудовые артели

Трудовые артели тем существенно отличаются от производительных, что в трудовых артелях рабочие не владеют изготовленным продуктом, а нередко и большей частью средств производства. Трудовые артели являются гораздо более простым типом предприятия, чем производительные. Последние представляют собой кооперацию и в сфере закупки средств производства, и в сфере труда, и в сфере продажи изготовленного продукта. В трудовых же артелях кооперация сосредоточивается преимущественно в сфере труда и только в небольшой части захватывает область закупки средств производства; что же касается области сбыта, то здесь мы имеем, при трудовой артели, сбыт не продукта, но несравненно менее сложную продажу самого труда.

Соответственно этому трудовые артели являются гораздо более жизнеспособными организациями, чем артели производительные.

И это понятно, так как кооперативное начало в этих организациях сосредоточивается преимущественно в сфере труда, где рабочая артель обладает наибольшими преимуществами сравнительно с капиталистическим предприятием, а коммерческие функции, в которых артель всего слабее сравнительно с капиталистическими предприятиями, отпадают.

И мы, действительно, видим, что трудовые артели имеют довольно большое распространение, притом не только в странах, стоящих на низком уровне развития, как Россия, но и в странах высокой капиталистической культуры, как Италия, Франция, Новая Зеландия.

Что касается России, то в ней трудовые артели охватывают многие десятки, если не сотни тысяч рабочих.

Всем известным примером трудовой артели являются весьма распространенные у нас плотничьи артели. Выгоды сотрудничества в этом промысле очень велики, а орудия труда сравнительно дешевы. В то же время капиталистическая организация промысла наталкивается на раздробленность работы в деревне. В городе господствует капиталистическая организация строительного дела, но в деревне, при ничтожных размерах проектов и их разбросанности, капиталистическая организация строительного дела встречает известные трудности. Благодаря этому в деревне издавна распространены плотничьи артели, учет которых никто никогда не вел, но которые исчисляются тысячами.

Плотничьи артели обычно отличаются небольшими размерами: в них участвует 4–5, много — 10 рабочих. Как исключение встречаются артели и гораздо более крупные, например, доходящие до 75 человек. Артели каменщиков, также имеющие большое распространение, обычно имеют небольшие размеры.

Кроме строительного промысла, трудовая артель очень распространена в разнообразных землекопных промыслах, работах по проведению дорог, каналов, промыслах по рубке и сплаву леса и пр. Точно так же мы знаем многочисленные артели по разгрузке и выгрузке разного рода товаров. Во всех этих случаях артельщики работают сообща, оказывая разного рода трудовые услуги или исполняя те или иные производительные операции по заказам других лиц, от которых артель нередко получает и важнейшие средства производства (так, например, строительные артели получают строительный

материал от нанимателя). Поэтому трудовая артель, будучи кооперативом, является в то же время особой формой наемного труда. В Англии заработок таких артелей рассматривается как особая форма заработной платы — «кооперативная» заработная плата.

Кроме России, где трудовые артели являются старинным бытовым явлением, кооперативы этого рода получают за последнее время значительное развитие и в некоторых странах Запада, преимущественно в романских странах. Всего более замечательные трудовые артели Италии.

Трудовые артели Италии подробно описаны немецким автором Прейером в его книге «Die Arbeits- und Pachtgenossenschaften Italiens»⁵⁹ (1913 г.). Согласно его данным, в конце 1910 г. в Италии было 1017 таких артелей, причем в 754 артелях было 94 735 членов; большинство этих членов (55 387) принадлежали к артелям по выполнению различного рода общественных работ.

К числу городских артелей в Италии принадлежат артели строительных рабочих, портовых грузчиков и т. п. Однако особенно интересны артели для общественных работ. Первая из таких артелей образовалась в провинции Эмилия в 1883 г.; она возникла для выполнения обширных работ по мелиорации в так называемой Ager Romanum. Работы эти, порученные артели правительством, были исполнены ею так удачно, что правительство в скором времени создало особое законодательство о видах поощрения трудовых артелей.

Законодательство это допускает к выполнению общественных работ трудовые артели наряду с капиталистическими предпринимателями, причем, артелям предоставляются известные преимущества сравнительно с частными предпринимателями.

Закон указывает особые меры, которые должны быть принимаемы властями для того, чтобы частные предприятия с целью воспользоваться льготами, предоставляемыми артелям, не принимали фиктивно форм этих последних. С этой целью в каждой префектуре должны вестись для данного района особые регистры действительных трудовых артелей, удовлетворяющих требованиям, указываемым в законе. Идя навстречу обнаруживающемуся среди трудовых артелей стремлению соединиться в более крупные союзы, закон определенно разрешает такие объединения, получающие права юридических лиц и полную свободу в своей деятельности. Объединения этого

рода не только не встречают в Италии подозрительного отношения со стороны власти, но всячески поощряются и поддерживаются.

Одной из целей итальянского законодательства о трудовых артелях является сохранение этими артелями их трудового характера. Контроль государственной власти за деятельностью этих артелей преследует те же цели — охранение их трудового характера, воспрепятствование развитию в их среде капиталистических элементов, но, однако, так, чтобы артели сохраняли полную свободу своей деятельности и отнюдь не превращались в подчиненную инстанцию государственных учреждений.

Артели организованы обычно следующим образом. Лицо, желающее стать их членом, должно представить рекомендацию не менее двух членов. Во главе артели стоит правление, избираемое рабочими из своей среды, но рядом с правлением действует нередко и особый технический комитет из лиц с высшим образовательным уровнем (инженеров, юристов и пр.), не принадлежащих к артели. Необходимость в техническом комитете, члены которого состоят на жалованье артели и к ней не принадлежат, вызывается трудностью для рабочих справиться со стоящими перед ними задачами собственными силами.

Наличность такого технического комитета порывает со строго рабочей организацией артели, так как в состав ее вводится посторонний элемент — служащие в артели по найму. Это вызывает нередко недовольство ревнителей артельной чистоты, но экономическая необходимость привлекать к участию в операциях артелей лиц с лучшим образованием преодолевает.

При исполнении работ члены артели получают обычную заработную плату. Избыток заработка артели сверх этой платы идет частью в запасный капитал, частью на образование особых фондов на поддержание рабочих в старости, частью же распределяется между членами артели как добавочное вознаграждение. Это добавочное вознаграждение обычно очень невелико и редко превышает 2 %.

Трудовые артели Италии, благодаря поддержке их со стороны государства, выросли в крупную экономическую силу и выполняют с большим успехом самые сложные работы, соединяясь для этой цели в огромные союзы. Так, например, в провинции Равенне союз трудовых артелей взял на себя работы по мелиорации бассейна Рено, при-

чем общая стоимость этих работ выражалась внушительной цифрой в 10 млн. фр. В Реджо-Эмилии союз трудовых артелей взял на себя и удачно выполнил постройку ширококолейной железнодорожной линии Reggio — Ciano⁶⁰. В Милане точно так же союзы трудовых артелей исполняют очень крупные строительные работы.

Из изложенного видно, что итальянские артели представляют собой нечто действительно весьма жизнеспособное. Артели с успехом конкурируют с частными предпринимателями, чем главным образом и объясняется благожелательное отношение к ним государственной власти. Конечно, далеко не все артели выживают. Но все же статистические данные доказывают, что погибает меньшинство артелей.

За двадцать лет артели выполнили общественных работ на огромную сумму в 70 млн. лир. Во многих районах Италии трудовые артели почти вытеснили капиталистических предпринимателей при выполнении общественных работ. Министерство общественных работ вполне удовлетворено работами, выполняемыми артелями, и неоднократно это высказывало в официальных документах. Особенно удаются артелям земляные работы и мелиоративные. Правда, вначале артели выполняли работы с некоторым замедлением благодаря недостаточно хорошей организации работ, но впоследствии и в этом отношении стали перегонять частных предпринимателей. Особым преимуществом работ, выполняемых артелями, министерство признает их лучшее качество сравнительно с работами, выполняемыми частными подрядчиками, а также и то, что с артелями возникает меньше споров и пререканий.

О ходе развития в Италии трудовых артелей дают представление нижеследующие цифры:

Год	Число артелей	Количество выполняемых работ	Ценность работ (млн. лир)
1889	2	26	0,4
1890	88	157	3 7
1902	225	134	2,9
1892	272	106	1,8
1893	346	177	2,6
1894	380	215	2,0

Окончание таблицы

Год	Число артелей	Количество выполняемых работ	Ценность работ (млн. лир)
1895	408	159	2,1
1896	350	200	2,0
1897	303	125	1,8
1898	271	140	2,8
1899	165	146	3,2
1900	193	104	2,2
1901	201	136	2,8
1891	201	120	1,6
1903	285	159	4,4
1904	341	180	3,9
1905	353	187	4,2
1906	394	215	5,1
1907	421	274	6,6
1908	492	212	7,3
1909	547	199	6,9

Отсюда видно, что хотя с большими колебаниями, но все же довольно быстро растет как число артелей по выполнению общественных работ, так и ценность выполняемых ими работ. Очевидно, итальянские трудовые артели стоят вполне прочно и мало-помалу вытесняют из охватываемой ими сферы общественного хозяйства частнохозяйственное предпринимательство.

Однако не нужно забывать, что эти успехи основываются в значительной степени на покровительстве трудовым артелям со стороны государственной власти, которая идет ради этого даже на известные жертвы: дело в том, что государству работы, выполняемые трудовыми артелями, обходятся несколько дороже, чем выполняемые частными предпринимателями.

Для массы рабочих трудовые артели имеют довольно большое значение: они оказывают значительное влияние на общие условия труда в соответствующих промыслах и повышают заработок даже тех рабочих, которые непосредственного участия в артелях не принимают. Артели избавляют от безработицы рабочих, которым не хватает работы в частных предприятиях: они образуют собой естественное дополнение ра-

бочих союзов и выполняют самую важную функцию этих последних — пособие безработным. Можно думать, что в непосредственной связи с развитием этих артелей находится замечаемое за последнее время в тех итальянских провинциях, где эти артели распространены, повышение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Эта тесная связь итальянских трудовых артелей с рабочими союзами не должна упускаться из виду. Как и арендные артели земельных рабочих, трудовые артели лишь отчасти являются хозяйственными предприятиями; отчасти же, а может быть и в большей части, они являются вспомогательными организациями при рабочих союзах и преследуют цели этих последних.

Во всяком случае, трудовые артели гораздо более способны к самостоятельному развитию, чем производительные артели. И это понятно: трудовые артели не продают продуктов, в гораздо меньшей степени нуждаются в капитале и не имеют такого замкнутого характера, как производительные артели. Объединяя группы рабочих, выполняющих за известную плату определенные работы в пользу другого лица, артели эти легко сливаются в более обширные союзы. Трудовые артели не отрицают принципа наемного труда, ибо сами они слагаются из наемных рабочих.

Подводя итог сказанному, мы должны признать трудовые артели вполне жизнеспособным видом кооперации, который может еще много дать в будущем. Но для успеха их существенно важно, чтобы они не боялись прибегать к использованию труда наемного персонала: мы видели, что итальянские артели, состоя из рабочих, оплачивают из своих средств труд более квалифицированного служащего персонала — инженеров, механиков, юристов, других лиц высшего образовательного уровня. Этим нарушается артельный принцип, и артель приближается к кооперативам обычного типа, пользующихся наемным трудом. Но от этого артель становится только сильнее.

Глава VII. Международное объединение пролетарской кооперации

Инициаторами Международного кооперативного союза явилась группа английских кооператоров с Ванзиттаром Нилом и Генрихом Вольфом⁶¹ во главе, которые при этом преследовали свои особые

цели, связанные с борьбой двух течений в английском кооперативном движении. Как указано выше, лица эти стояли во главе того течения, которое искало решения социального вопроса в участии рабочих в прибылях предприятия и возлагало большие надежды на производственные ассоциации. Участие рабочих в прибылях наряду с производительными ассоциациями должно, по мнению этих лиц, примирить интересы труда и капитала, а значит, и уничтожить основной социальный антагонизм нашего времени.

Значительное большинство английских кооператоров враждебно этой точке зрения. Ввиду этого Нил и Вольф задумали опереться в своей борьбе за принципы коопартнершипа на иностранных кооператоров, которые, по их расчетам, были более склонны к этому принципу, чем англичане.

Таким образом, возникла международная организация кооперативов. Первый международный кооперативный конгресс, состоявшийся в Лондоне в 1895 г., прошел под преобладающим влиянием сторонников коопартнершипа. Точно так же и на последующих конгрессах первоначально преобладало то же течение. Но по мере роста Международного союза и все более и более энергичного участия в нем пролетарских потребительских обществ положение стало изменяться. На Манчестерском международном конгрессе 1902 г., в центре английской кооперации, сторонники коопартнершипа потерпели решительное поражение: их проект создать особую секцию участия рабочих в прибылях не встретил никакой поддержки, и таким образом тот принцип, во имя которого возник Международный кооперативный союз, был отвергнут им же самим.

Решающее значение в дальнейшей эволюции союза имел Будапештский международный конгресс 1904 г. На этом конгрессе столкнулись очень резко три основных течения, разделяющие современную кооперацию, — крестьянское, мелкобуржуазное и пролетарское. Борьба разыгралась вокруг вопроса о задачах потребительских обществ. Секретарь союза швейцарских потребительских обществ Ганс Мюллер прочел доклад о потребительских обществах, в котором доказывал, что потребительские общества должны стремиться к уничтожению капиталистической торговли и замене капиталистической системы хозяйства кооперацией. Доклад заканчивался следующими словами: «Кооперативное движение есть освободительное движение

в экономической и социальной области, стремящееся к новому порядку хозяйственной и общественной жизни... И потому, кто действительно желает содействовать развитию кооперации, тот никогда не должен забывать, что дело идет об уничтожении существующих отношений зависимости, а не о создании новых».

Эти последние слова были направлены против венгерских аграриев, достигших очень влиятельного положения в венгерской сельской кооперации и подчинивших ее себе в некоторых отношениях.

Венгерские магнаты, в большом числе принимавшие участие в конгрессе, не сочли нужным протестовать против реферата Мюллера, но это исполнили представители германской кооперации: Крюгер — от имени руководимого им союза кооперативов, верных идеям Шульце-Делича, и Клингенбиль — от имени райффайзеновских кооперативов. «От имени представляемого мною союза, — сказал Крюгер, — я должен заявить, что принадлежащие к нему потребительские общества не разделяют взглядов Мюллера... Потребительское общество, с нашей точки зрения, не есть средство преобразования и изменения современного хозяйственного строя, но для нас потребительское общество есть законный член существующего строя. Современное кооперативное движение уже имеет столько врагов, что нет нужды увеличивать их число, предаваясь таким утопиям, которые вытекают из указанного хода мыслей».

В своей речи Крюгер старался доказать, что в торговом посреднике не нужно видеть врага кооперации.

Очень решительно высказался против Мюллера также и представитель райффайзеновских кооперативов Клингенбиль. «В то время как мы всячески содействуем, — сказал он, — тем обществам, которые стараются доставить земледельцу средства производства, в которых нуждается его хозяйство, мы не оказываем помощи потребительским обществам в собственном смысле слова. У нас, в Германии, имеется класс мелкой промышленности и торговли, в состав которого входит множество независимых хозяев, и он в своей совокупности, конечно, не эксплуатирует общества. Ввиду особой важности поддержания этого класса мы избегаем делать последние выводы из идеи ассоциации, чтобы не подвергать опасности существование этого класса или хотя бы причинить ему вред, поскольку это не требуется необходимостью. Действуя так, мы остаемся верны чистому райффайзеновскому духу, ибо мы по-

ложили в основу практической деятельности нашей организации чувство общечеловечности в смысле христианской любви к ближнему».

Огромное большинство ораторов высказалось в пользу Мюллера, и победу одержали сторонники кооперативного социализма, как определил враждебную ему точку зрения Крюгер. Конгресс раскололся на две группы: с одной стороны, крьюгеровский и райффайзенский союзы, а также австрийский союз товариществ в духе Шульце-Делича, с другой — все остальные участники конгресса.

В результате Крюгер вместе с руководимым им союзом вышел из союза; так же поступил и глава австрийского союза Врабец. Германский имперский союз сельскохозяйственных товариществ, равно как и австрийский того же рода, отказались примкнуть к Международному кооперативному союзу, и в скором времени возник особый международный союз сельскохозяйственных кооперативов.

«С внешней стороны, — замечает по этому поводу Мюллер, — этот раскол ослаблял международную организацию кооперации; на самом же деле выступившее наружу разногласие было выгодно для союза». Действительно, нельзя объединить в одной организации того, что по самой своей природе различно и преследует совершенно различные общественные цели.

Раскол этот, показавший, что в пределах союза одержали окончательную победу представители кооперативного социализма, вызвал изменения и в составе правления союза. Президент его и один из основателей Генрих Вольф, горячий сторонник идеи примирения классов посредством участия рабочих в прибылях, должен был уйти, и место его занял Максвелл, глава Шотландского общества оптовых продаж, а секретарем союза стал Ганс Мюллер, реферат которого вызвал раскол в среде союза.

История Международного кооперативного союза поучительна во многих отношениях. Прежде всего союз силой вещей получил совершенно иной характер, чем хотели его основатели. «Они хотели воздвигнуть здание союза на производительных ассоциациях, и поскольку они придавали значение потребительским обществам, то лишь как покупателям продуктов производительных ассоциаций. Но жизнь создала иное. Отброшенный угол стал основанием всего здания» (Мюллер).

Затем, крайне характерно, что союз отнюдь не содействовал объединению различных видов кооперации, но, наоборот, углубил про-

пасть между ними. И это, несомненно, содействовало выяснению действительного положения вещей. Несоединимого по самой своей природе искусственными мерами соединить нельзя. «Ни в одной стране, — говорит Мюллер, — не могли возникнуть союзные организации, охватывающие все отрасли и ветви кооперативного движения. Единство кооперативного движения, к которому стремились его теоретики и практические деятели пять — десять лет тому назад, уже давно разрушено фактическим ходом развития». Международный кооперативный союз, задуманный как объединительный центр всех видов кооперации, превратился в объединительный центр только одного вида кооперативов — пролетарских потребительских обществ.

Отдел 3. КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

Глава I. Райффайзен и его общественное мировоззрение

Как Оуэн является отцом пролетарской кооперации, так крестьянская кооперация ведет свое начало от Райффайзена. Крестьянская кооперация возникает в шестидесятых годах прошлого века в прусских провинциях Пруссии под непосредственным влиянием агитации Райффайзена⁶². Райффайзен был очень сильной и своеобразной фигурой, но весь его душевный облик представляет собой яркий контраст с обликом Оуэна. Он тоже был идеалистом, но идеалистом совершенно иного рода, чем Оуэн. Последний по своему душевному складу был прямолинейным радикалом, человеком, не боящимся идти своим путем до конца, совершенно не считаясь с общественным мнением. Этот радикализм соединялся у Оуэна с крайней уверенностью в правоте собственного мнения. Отсюда его доктринерство, нетерпимость к чужим взглядам.

Райффайзен был другим человеком. Успех его деятельности основывался на том, что он был менее всего доктринером и самым тесным образом сросся с теми верованиями и убеждениями, которые господствовали в его общественной среде. Это был тип разумного филантропа, способного с величайшим воодушевлением бороться с замечаемым им общественным злом, но исходящего в своей деятельности, в своих представлениях о хорошем и дурном из тех представлений, которые преобладают в окружающем его обществе.

В то время как Оуэн начал свою широкую общественную деятельность с пропаганды коммунистических общин, Райффайзен начал ее с устройства благотворительных обществ. Желание поставить благотворительность на более прочную основу привело его к тому, что он создал в прирейнском городке Фламмерсфельде свою первую наполовину кооперативную, наполовину благотворительную организацию Фламмерсфельдское общество помощи нуждающимся сельским хозяевам. Вторая организация в том же роде, основанная Райффайзеном, — Геддерсдорфское благотворительное общество — также имеет не столько кооперативный, сколько благотворительный характер. Это общество ставило себе задачей наряду с кредитованием своих нуждающихся членов также и помощь беспризорным детям, воспитание их, доставление работы выпущенным из тюрьмы и многое другое в том же роде.

Превращение этого общества в действительный кредитный кооператив произошло, так сказать, само собой, помимо желания его учредителя. Оказалось, что благотворительные функции общества не получили развития, а кредитная функция разрослась и вытеснила остальные. Таким образом, крестьянская кооперация, подобно пролетарской, возникла в результате переработки самой жизнью организаций, созданных с иными, идеальными и отнюдь не своекорыстными хозяйственными целями. Однако цели, которые ставились в первом и другом случае, были совершенно иные: пролетарские потребительские общества возникли из организаций, которые стремились к величайшей общественной реформе — созданию коммунистического общественного строя, а сельскохозяйственные кооперативы возникли из благотворительных обществ, никакими радикальными целями не задававшихся, пытавшихся ослабить нужду теми средствами, которая указывала господствующая мораль, — помощью ближнему.

Мировоззрение Райффайзена очень отчетливо выражено им во введении к его главному литературному труду «Die Darlehnskassen-Vereine»⁶³ (1-е изд. в 1866 г.). Указывая, что наше время гордится своими хозяйственными успехами, автор скорбит, что эти успехи покупаются в ущерб нравственности. «Среди предпринимательного класса царит дикая погоня за наживой... а в низших классах также распространяется все большая и большая жажда чувственных удо-

вольствий: ненависть и зависть к имущим получают среди них все большее распространение; партия социальной революции находит себе среди них, несмотря на все препятствия, которые закон ставит ее планам, направленным на ниспровержение всего существующего государственного и общественного порядка, все более и более сторонников... Наступило время дать другое направление духу нашего времени, пошедшего по ложному пути. Каково должно быть это новое направление, для истинного христианина не может быть сомнения. Оно указано нашим Господом... Нужно стремиться не к преходящим земным, а к вечным небесным благам, к чему сам Христос указал нам путь учением и примером».

В то время как конечная цель Оуэна заключалась в радикальнейшей общественной реформе, Райффайзен не обнаруживал никакого интереса к политическим и социальным реформам и признавал единственно важным делом нравственное поднятие человека, что ему казалось вполне возможным и в условиях современного общества. Он ожидал нравственного подъема человеческой личности от основанных им хозяйственных организаций, в свою очередь предполагающих действие нравственных сил. «Без нравственных сил, т.е. без познания наших обязанностей по отношению к Богу и по отношению к нашим ближним, как это учит христианство, и без искреннего стремления исполнять эти обязанности совершенно невозможно развитие кредитных товариществ», — писал он с глубоким убеждением.

Хотя основанные им кредитные товарищества в том виде, который они окончательно приняли, отнюдь не были благотворительными учреждениями, но все так называемые райффайзеновские принципы исходят из убеждения, что высокий нравственный уровень членов должен быть основой кредитных товариществ. В этом требовании нравственного обновления человека заключался утопический элемент райффайзеновской организации, бывший вместе с тем источником ее силы, подобно тому как социальная утопия Оуэна явилась источником силы кооперативного движения Англии. Ибо из утопического элемента вытекало воодушевление деятелей райффайзеновского движения, а без воодушевления невозможно никакое широкое социальное творчество.

Социальное мировоззрение Райффайзена может быть охарактеризовано как христианский социализм очень умеренного от-

тенка — мировоззрение, к которому естественно и неизбежно приходит всякий верующий христианин, не склонный к политической борьбе. Во главе кредитных товариществ Райффайзен охотнее всего видел местного священника. К политической борьбе Райффайзен был не только равнодушен, но даже совершенно чуждался политической жизни: по словам его близкого товарища Фасбендера, он совсем не принимал участия в выборах в законодательные палаты по соображениям принципиального характера.

Евангельские заповеди Райффайзен рассматривает как единственно возможную основу деятельности кредитных товариществ. Защищая требование бесплатности обязанностей членов правлений, Райффайзен ссылается на слова Христа «возлюби ближнего своего, как самого себя». «С христианской точки зрения, — говорит он, — мы все дети Небесного Отца и как братья Того, Кто ради нас стал человеком, будучи Сыном Божиим, образуем одну большую семью. Отсюда следует, что мы должны так же заботиться о своих ближних, как о самих себе. И если от руководителей сельских кредитных товариществ требуется, чтобы они без вреда для своих личных дел часть своего свободного времени уделяли руководству товариществом (денежные жертвы от них не требуются), то это поистине далеко не чрезмерное требование. У кого так мало готовности к самопожертвованию и так мало чувства общности, тот не должен считать себя христианином».

Задачи райффайзеновского кредитного товарищества далеко не ограничиваются, по мысли самого Райффайзена, кредитными операциями. Товарищество должно стать универсальным кооперативом, охватывающим со всех сторон хозяйственную жизнь своих сочленов.

Так, товарищество должно прежде всего исполнять операции по закупке предметов, нужных для сельского хозяйства. К обычным потребительским обществам Райффайзен относился очень несочувственно. «Сомнительно, — говорит он, — имеют ли благотворительное действие потребительские общества, устраиваемые в городах. Это зависит от местных условий и от руководителей общества. При огромной конкуренции торгующих предметами потребления каждый из них должен стараться превзойти других качеством своего товара и дешевизной своих цен. Это делает, как можно думать, излишним устройство потребительских обществ. Но если такие общества,

тем не менее, возникают, как это часто случается, то управление ими остается очень трудным делом».

Еще труднее, по мнению Райффайзена, устраивать потребительские общества в деревне. В последних нет и действительной потребности, так как желательно, чтобы крестьянин не покупал предметов своего потребления со стороны, а довольствовался произведениями собственного хозяйства. Следует покупать только то, что не производится в деревне и необходимо для хозяйства, как удобри-тельные туки, семена, каменный уголь и т. д. Все это может быть приобретаемо кредитным товариществом.

Оно же может заниматься и совместной продажей продуктов хозяйства его членов. Вместе с тем оно может перерабатывать эти продукты за общий счет и исполнять разнообразные производительные функции.

Капитал кредитного товарищества должен оставаться неделимой собственностью товарищества. Капитал этот должен возрастать до значительной величины, так как райффайзеновское товарищество не знает паев и дивидендов, и весь доход товарищества за вычетом его благотворительных расходов должен идти на увеличение его капитала. Товарищество образует собой, таким образом, прочную хозяйственную организацию, которая с течением времени должна стать еще сильнее. Но так как высшая цель райффайзеновских товариществ, по мысли их творца, заключается не в улучшении хозяйственного положения их членов, но в их нравственно-религиозном подъеме, то капитал товарищества не должен возрастать далее известного предела, излишек должен употребляться на цели благотворительности.

«Истинный райффайзеновский союз, — читаем в «Райффайзеновском календаре» за 1898 г., — есть не что иное, как благотворительное учреждение, которое учреждается при помощи состоятельных членов общины в интересах менее обеспеченных его членов и бедных».

Все это необходимо иметь в виду, чтобы понимать ту социальную почву, на которой возникло райффайзеновское движение. Движение это было столько же хозяйственным, сколько и нравственно-религиозным. Долгое время оно сохраняло этот характер; до известной степени сохраняет и теперь, хотя, конечно, в гораздо меньшей степени. Выражается это очень наглядно в том, что и теперь во главе

большинства райффайзеновских союзов стоят люди, которые непосредственных выгод от этих союзов не получают, — духовенство, богатые землевладельцы, учителя и т. д. Капитал этих союзов первоначально также получался преимущественно на благотворительной основе: путем ссуды его богатыми членами общины.

У Райффайзена также была своя утопия, как и у Оуэна, но утопия совершенно иного рода. А именно, по словам его близкого друга Нагеля, Райффайзен «рассматривал свои товарищества только как средство к достижению гораздо более высокой цели. Ему рисовалась впереди реформа современного общественного строя на основе деятельного христианства. Товарищества же казались ему этапом на пути к этой цели, к организации братского, христианского общежития».

Глава II. Райффайзеновское кредитное товарищество

1. Возникновение райффайзеновского кредитного товарищества

Возникновение первого райффайзеновского кредитного кооператива В. А. Косинский рисует в своей работе, основанной на тщательном изучении первоисточников⁶⁴, следующим образом. Основанное Райффайзеном в 1854 г. Геддерсдорфское благотворительное общество исполняло функции как благотворительного, так и кредитного учреждения. Как благотворительное общество оно большого успеха не имело, но кредитные операции его получили быстрое развитие. Рост этих операций имел своим последствием значительное увеличение задолженности самого общества. Когда на общем собрании общества в 1863 г. обнаружилось, что долг общества дошел почти до 25 тыс. талеров, то собрание постановило ликвидировать общество, если его задолженность превысит эту сумму. Рост задолженности, однако, не прекратился, и общее собрание постановило ликвидировать общество 1 ноября 1864 г.

Эта неудача привела Райффайзена к признанию необходимости поставить кредитные операции на прочную основу, отделив их от благотворительной деятельности. Знакомство с организацией шульцевских ссудо-сберегательных товариществ помогло ему выработать

тип кредитного учреждения, приспособленного для целей кредита в крестьянской среде.

В первоначальном уставе геддерсдорфского кредитного товарищества явно сказывается влияние уставов народных банков, устроенных несколько ранее Шульце-Деличем. И это нисколько не удивительно, так как не подлежит сомнению, что именно Шульце явился учителем Райффайзена в области кооперации. Ввиду последних враждебных отношений обоих крупнейших кооперативных деятелей Германии факт этот должен быть особенно подчеркнут, тем более что в своих печатных сочинениях Райффайзен отрицает влияние на него Шульце. Однако В. А. Косинский вполне установил, что именно от Шульце Райффайзен заимствовал идею своего кредитного товарищества, как показывает очень интересная рукопись самого Райффайзена, относящаяся к 1864 г. В этой рукописи отец крестьянской кооперации говорит, что он долго вел переписку с Шульце, отстаивая мысль, что общества, подобные геддерсдорфскому, должны основываться всецело на христианской любви и быть чуждыми в каком бы то ни было отношении своскорыстных мотивов; однако неуспех фламмерсфельдского общества и недовольство среди членов геддерсдорфского общества в конце концов убедили его в правоте Шульце. «Чтобы не повторить печального опыта в Фламмерсфельде, — говорит Райффайзен далее, — я решил не противодействовать закрытию общества и с течением времени создать новое на иной основе. Это мне и удалось, и притом в форме, близкой к товариществам Шульце-Делича. Так как эти последние приспособлены к городским условиям, то я, конечно, ввел в устав постановления, приспособленные к здешним условиям».

Таким образом, можно считать бесспорным, что идея райффайзеновского кооператива непосредственно внушена Шульце. А так как не подлежит сомнению, что кооперативные воззрения Шульце возникли на основе знакомства с учениями французских социалистов, то в конце концов крестьянская кооперация оказывается ведущей свое начало от социалистических учений первой половины прошлого века.

Первый крестьянский кредитный кооператив казался его создателю, Райффайзену, лишь слегка измененным ссудо-сберегательным товариществом типа Шульце. И действительно, в первом уставе

геддерсдорфского товарищества связь с народными банками Шульце еще очень велика: в этом товариществе имеется, например, паевой капитал, на который начисляется дивиденд, против чего очень решительно протестовал Райффайзен впоследствии. Только постепенно из этого товарищества развился кооператив совершенно нового типа. В своей окончательной форме кооператив, созданный Райффайзенем, оказался организацией, глубоко отличной от шульцевского народного банка. Те нововведения, которые первоначально казались самому Райффайзену незначительными и вызванными необходимостью приспособить ссудо-сберегательное товарищество к нуждам деревни, знаменовали собой в действительности создание кооператива совершенно нового типа.

Действительно, шульцевское ссудо-сберегательное товарищество было приспособлено к нуждам и интересам совершенно иного общественного класса, чем райффайзеновский кооператив: первое обслуживало нужды городской мелкой буржуазии, а второй служил интересам христианства. А так как городская мелкая буржуазия и крестьянство являются совершенно различными общественными классами, с разными интересами и различными условиями жизни и хозяйства, то естественно, что и хозяйственные организации, удовлетворяющие их интересы, должны были оказаться принципиально различными.

Глубоко неправ поэтому В. А. Косинский, рассматривая райффайзеновский кооператив как один из подвидов шульцевских народных банков. Повторяем, что райффайзеновское кредитное товарищество является организацией принципиально совершенно новой, хотя творец ее и был приведен к ней желанием приспособить уже существовавшую организацию к нуждам иной социальной среды.

2. Райффайзеновские принципы

Новое райффайзеновского кооператива заключается в так называемых «райффайзеновских принципах», которые имели для крестьянской кредитной кооперации такое же значение, как рочдельские принципы для пролетарской кооперации. Наиболее характерные из этих принципов заключаются в следующем.

Райффайзеновское товарищество принципиально отрицает паевой капитал. Правда, в настоящее время все райффайзеновские кре-

дитные кооперативы в Германии имеют паевой капитал, но это только уступка требованию германского закона, не допускающему существования кооперативов без паевого капитала. Однако пай в райффайзеновских товариществах обычно незначительны, иногда они имеют даже номинальный характер.

Затем райффайзеновское товарищество строго придерживается принципа «локализации» — район действий товарищества должен быть строго ограничен и по возможности не превышать района церковного прихода. Максимальным районом для кредитного товарищества Райффайзен признал территорию с 1500 душ населения. Товарищества с большим районом уже нежелательны.

Третьим райффайзеновским принципом является требование безвозмездного труда со стороны всех выборных должностных лиц товарищества. Оплачиваться должен лишь труд наемного счетовода. Правление же и совет должны работать для товарищества даром.

Четвертым райффайзеновским принципом является запрещение одному члену товарищества участвовать одновременно в нескольких товариществах.

Наконец, характерной особенностью райффайзеновского товарищества является отсутствие согласованности между активными и пассивными операциями товарищества: райффайзеновское товарищество признает себя совершенно свободным в помещении поступающих в него вкладов и, как общее правило, дает долгосрочное помещение вкладам, поступившим в него на короткие сроки.

Все названные принципы звучат очень парадоксально, и неудивительно, что они встретили самое решительное порицание со стороны того, от кого Райффайзен получил первый толчок в своей кооперативной деятельности, — Шульце. Шульце был типичнейшим представителем мелкой буржуазии, со всеми сильными и слабыми сторонами этого общественного класса. Сильной стороной мелкобуржуазного духа является практичность, слабой — духовная ограниченность, связанная с этой практичностью. Мещанство духа вполне соединимо с большой дозой здравого смысла, но трудно соединимо со значительным полетом воображения.

Народные банки Шульце отразили все типичные стороны особенности их духовного отца. Райффайзен был иной натурой — в нем была творческая мечта, и потому ему удалось создать нечто гораздо

более грандиозное, чем шульцевские народные банки (о которых речь будет идти ниже, в разделе о мелкобуржуазной кооперации). Райффайзеновские принципы показались Шульце чем-то до последней степени противоречащим здравому смыслу и рациональным основам кредитного дела. Между обоими вождями германской кооперации возникла ожесточенная полемика, в которой Шульце был нападающей стороной и притом не только в печати; как влиятельный депутат Шульце боролся с райффайзеновскими принципами и на законодательной почве; ему удалось добиться того, что германское законодательство сделало невозможным осуществление одного из райффайзеновских принципов, запретив товарищества без паевого капитала.

Какой же смысл имеют эти столь странные принципы? Разберем их один за другим.

Отказ от паевого капитала казался Шульце чистой нелепостью. Никакое предприятие не может работать без капитала, это совершенно очевидно. Не может обходиться без капитала и кредитное товарищество; откуда же оно может получить этот капитал? Первоначальные райффайзеновские товарищества получали капитал на благотворительной основе: более достаточные жители деревни — помещики, духовенство и др. — ссужали кредитные товарищества необходимым им капиталом с тем, чтобы этот капитал был возвращен им впоследствии, когда товарищество окрепнет. Но на основе благотворительности не может создаться прочная хозяйственная организация. Поэтому Шульце считал себя вправе не только самым резким образом возражать против этого основного райффайзеновского принципа, но и добиваться законодательного запрещения товариществ без паевого капитала, чего ему, как сказано, и удалось достигнуть.

Однако этот райффайзеновский принцип отнюдь не был произвольным измышлением Райффайзена. Мало того, только на основе этого принципа возможен кредит для массы менее обеспеченного деревенского населения по той простой причине, что нуждающийся крестьянин отнюдь не располагает капиталом, необходимым для внесения сколько-нибудь значительного пая. Кредит, основанный на предварительном внесении пая в несколько сотен марок (как это практикуется в шульцевских народных банках), естественно, предназначается не для нуждающегося крестьянина, а для более достаточ-

ных классов населения. Небольшой же пай делает невозможным самостоятельное возникновение кредитного кооператива и вызывает необходимость посторонней помощи, совершенно так же, как и при отсутствии паевого капитала.

Таким образом, крестьянская кредитная кооперация стоит, по-видимому, перед дилеммой — или крупный пай и, следовательно, недоступность кредита для более бедной части крестьянства, или же небольшой пай (полное отсутствие паевого капитала) и в таком случае необходимость помощи кооперативу со стороны. Райффайзен, естественно, выбрал второе решение, которое ему диктовалось уже тем, что он отправлялся в своем построении от идеи благотворительного общества и против помощи кооперативу со стороны он принципиально ничего не имел.

Но, конечно, если бы кооперация опиралась на благотворительность, как этого хотел Райффайзен, то она не могла бы получить большого развития. В действительной жизни названная дилемма получила с течением времени разрешение совершенно иное, не предвиденное творцом крестьянской кооперации. А именно: кооперация постепенно настолько окрепла, создавши свои центральные организации, что эти центральные организации получили возможность открывать кредит вновь возникающим кооперативам и, таким образом, ссужать им необходимый основной капитал. Кооперативы получили прочную основу для начала своей деятельности, не прибегая к помощи богатых благотворителей (как это было вначале), и в то же время избегли необходимости требовать внесения крупного пая от лиц, нуждающихся в кредите.

Своеобразный, нехозяйственный подход Райффайзена к решению данной задачи — подход из области благотворительности — оказался чрезвычайно плодотворным. Если бы Райффайзен стоял только на почве хозяйственного рационализма, как Шульце, то, конечно, он не мог бы совершить своего исторического дела — создать крестьянскую кооперацию. Нужно было преодолеть систему капитализма, а для этого нужно было внести в эту систему некоторые принципиально новые начала, что и сделал Райффайзен, подойдя к кооперации как к наилучшей форме благотворительности.

Итак, отрицание паевого капитала как нельзя более соответствует задачам крестьянской кредитной кооперации, имеющей своей целью

организовать кредит для лиц, не обладающих денежным капиталом. Капитал, необходимый для начала дела, получается в этом случае со стороны, из средств, которыми располагают центральные кооперативные организации. Источником же для открытия кредита являются, как и в других кредитных учреждениях, вклады.

Для того чтобы вклады притекали в кредитное учреждение, необходимо доверие вкладчиков. Доверие же это достигается правильным и добросовестным ведением дела, а отнюдь не значительностью паевого капитала. Таким образом, кредитное учреждение, даже не имеющее никакого паевого капитала, может пользоваться полным доверием пайщиков.

Второй райффайзеновский принцип — локализация — звучит не менее парадоксально. Всякое предприятие экономически тем сильнее, чем больше его размеры. Поэтому, казалось бы, кредитный кооператив только выигрывает, если он принимает большие размеры и, значит, охватывает более значительную группу лиц. Между тем принцип локализации требует, чтобы кооператив никоим образом не увеличивал своих размеров — товарищество всегда должно оставаться организацией небольших размеров, как бы ни были благоприятны условия для его расширения.

Это кажется такой же экономической несообразностью, как и первый принцип — отрицание паевого капитала. Обрекая свои кооперативы на локализованное, не обрекает ли их Райффайзен вместе и на бессилие?

Однако и в данном случае Райффайзен обнаружил такой же такт и такое же глубокое понимание истинной природы крестьянской кооперации, как и при отрицании паевого капитала. Крестьянское кредитное товарищество должно оказывать помощь лицам, не обладающим сколько-нибудь значительным имуществом. Тем не менее оно должно быть вполне обеспечено в исправном возвращении заемщиками получаемых ими ссуд. Чем же можно заменить имущественное обеспечение ссуды? Очевидно, только личным доверием к должнику. Данное лицо может обладать ничтожным имуществом и все-таки заслуживать полного доверия, если его личные качества таковы, что внушают доверие.

Особенностью крестьянского кредита является, таким образом, необходимость самого близкого знакомства кредитного учреждения

с личностью должника. Без этого знакомства кредитное учреждение рискует потерять свои ссуды, если должник не может обеспечить полученной им ссуды своим имуществом.

Но для возможности близкого знакомства с каждым должником требуется, чтобы район действия кредитного учреждения был ограничен. В одной деревне или в одном церковном приходе все прекрасно знают друг друга. В этом случае имеется не только полное знание друг друга, но и полное знакомство с состоянием хозяйства каждого; не представляет никакого труда проверить, насколько правильны заявления того или иного лица, ищущего ссуды. Если, например, данное лицо заявляет, что ссуда ему нужна на покупку лошади, то не трудно убедиться, действительно ли данное лицо нуждается в лошади и выигрывает ли оно от покупки лошади. Столь же легко проверить и назначение, какое ссуда получает в хозяйстве лица, воспользовавшегося ссудой. Для односельчан все жители деревни живут как бы под стеклянной крышей, и все самые интимные подробности жизни каждого всем превосходно известны.

При таком близком знакомстве совсем не трудно размещать ссуды без всякого риска их невозвращения. Но имеется и еще одна очень существенная выгода размещения ссуд среди лиц, близко живущих друг от друга. В этом случае чрезвычайно затрудняется для должника уклонение от выполнения им своих обязательств; неуплата долга одним лицом причиняет ущерб всем членам товарищества, которые имеют возможность тысячами способов дать почувствовать своему односельчанину все недовольство его образом действий. Уклонение от платежа полученной ссуды грозит в этом случае должнику множеством самых серьезных неприятностей.

Итак, принцип локализации имеет то значение, что он дает возможность индивидуализировать кредитные операции и таким путем достигать их наибольшего обеспечения; и в то же время он дает возможность самого строгого контроля за назначением ссуды и гарантирует исправный возврат ее путем нравственного давления со стороны заинтересованных членов товарищества. Всех этих выгод лишается товарищество более крупного района, и вот почему Райффайзен придавал такое важное значение малому району действия своих товариществ.

Однако невыгоды небольших размеров кредитного учреждения все же остаются: мелкое предприятие по необходимости является сла-

бым. Но для кредитного кооператива с очень узким районом возникает, кроме этого, еще особое неудобство, связанное с его операциями как учреждения кредита. А именно: товарищество кредитует теми капиталами, которые оно получает в виде вкладов от лиц, не нуждающихся в данный момент в этом капитале. Но если вкладчики и члены кредитного учреждения принадлежат к очень узкому району и находятся вследствие этого в очень сходных условиях экономической жизни, то усиленный спрос на капитал, равно как и усиленное предложение капитала, приходится для всех приблизительно на одни и те же моменты времени. Так, осенью все сельские хозяева после продажи урожая имеют некоторые избытки денежных средств, а весной при начале полевых работ чувствуют нужду в оборотных средствах. По этой причине товарищество очень узкого района рискует периодически испытывать то избыток предложения капитала, то избыток спроса на капитал; в первом случае будет трудно разместить капитал, во втором будет трудно удовлетворить потребность в кредите.

Таким образом, принцип локализации заключает в себе при своих сильных сторонах и некоторые опасности. Жизнь показала, однако, что имеется полная возможность сохранить сильные стороны этого принципа, избегнув его опасности: нужно только дополнить этот принцип новым — принципом объединения строго локализованных товариществ в более или менее обширные союзы. Такие союзы, связывая сотни и тысячи отдельных товариществ, нисколько не уменьшают самостоятельности каждого отдельного товарищества и не препятствуют ему так же тонко и точно индивидуализировать свои кредитные операции, но в то же время союзы эти делают отдельное товарищество членом крупного целого, одной ячейкой огромной сети товариществ. Перемещая капитал из одного товарищества в другое, союз дает возможность выравнивать спрос и предложение капиталов в отдельных товариществах, и, что не менее важно, союз связывает товарищество со всем денежным рынком страны; денежный капитал с широкого рынка не может быть помещен в небольшом деревенском товариществе, но союз, объединяющий множество таких товариществ, выступает на денежном рынке как крупное кредитное учреждение, привлекающее денежные вклады с широкого денежного рынка, подобно всякому другому крупному кредитному учреждению.

Таким образом, союз создает для отдельного кредитного товарищества мощную экономическую базу. Товарищества, образующие союз, сплетаются в одну сеть, раскидывающуюся на обширной территории, и в то же время товарищества не утрачивают сами тесной связи с небольшими группами лиц, принадлежащих к одному селу. Выгоды локализации кредитного товарищества целиком сохраняются, но невыгоды небольшого размера кредитного учреждения отпадают благодаря союзному объединению товариществ.

Третий райффайзеновский принцип — бесплатность работы руководителей товарищества — не менее существен для успеха дела. Конечно, в крупном кредитном предприятии нельзя требовать бесплатного труда. Но ведь райффайзеновское товарищество должно оставаться мелким. В мелком кредитном товариществе распределение ссуд между какой-нибудь сотней членов требует самой незначительной затраты труда; заседания товарищества происходят всего раз, много — два раза в неделю, в свободное время, и жертва своим досугом, которая требуется в этом случае от члена правления, настолько незначительна, что для принесения ее не нужно героизма. Во всяком случае, опыт показал, что бесплатная служба членов правления и совета вполне осуществима.

Бесплатность же службы членов правления и совета значительно усиливает товарищество. Во-первых, непосредственная выгода соблюдения этого райффайзеновского принципа заключается в значительном понижении расходов по управлению товариществом. Райффайзеновские товарищества работают с такими небольшими затратами на управление предприятия, как никакие другие. Если бы служба членов правления оплачивалась по обычной капиталистической мерке, то это привело бы к огромному повышению процентов по ссудам, выдаваемым товариществами, ибо при ничтожном количестве этих ссуд благодаря небольшим размерам товарищества прибавка к расходам товарищества, вызываемая оплатой членов правления, выразилась бы крупным увеличением расходов на каждую ссуду. Благодаря же бесплатности труда членов правления и совета товарищества могут работать при самом ничтожном превышении процента по ссудам сравнительно с процентом, платимым по вкладам. Так, за первые годы настоящего столетия германские сельские кредитные товарищества взымали по ссудам от 4,7 до 4,8 %, в то время как по вкладам

они платили от 3,6 до 3,7 % — разница немногим более 1%. Конечно, такой результат был бы невозможным, если бы труд членов правления и совета оплачивался.

Райффайзеновские товарищества давали деревенскому населению кредит из такого процента, который нередко оказывался даже более низким, чем учетный процент Имперского банка. В этих случаях крестьянин получал из своего товарищества ссуды на более выгодных условиях, чем первоклассные фирмы из крупных капиталистических банков.

Однако этим далеко не исчерпываются выгоды, получаемые товариществом от строгого соблюдения принципа бесплатности трудовых услуг. Принцип этот имеет чрезвычайно важные косвенные последствия. Райффайзеновское товарищество целиком основывается на доверии к личности должника. Оно вручает своему правлению очень большую власть — открывать или отказывать в кредите только на основании оценки нравственных качеств человека. Поэтому важно, чтобы эта власть была в достойных руках. Лишь в этом случае весь механизм может работать правильно и товарищество будет заслуживать того доверия, которое оно само требует от своих вкладчиков.

Отсюда следует особая важность для райффайзеновского товарищества — привлекать в свое правление лиц, вполне добро-совестных, которым не страшно вручать судьбу других лиц. Как же обеспечить подбор в состав правления лиц именно таких редких качеств? Райффайзеновский принцип бесплатности работы членов правления и совета как нельзя лучше приспособлен к тому, чтобы достигать этой цели. Не рассчитывая ни на какие материальные выгоды, члены правления и совета райффайзеновского товарищества берут на себя свои обязанности только из интереса к делу и желания помочь своим односельчанам. Правда, они получают известное вознаграждение за свои труды, но вознаграждение не денежное, а заключающееся в уважении и благодарности тех, кому они бескорыстно служили. Таким образом, только благодаря следованию этому принципу, заимствованному Райффайзеном из области благотворительности, созданные им учреждения крестьянского кредита могут наиболее удачно осуществлять свои отнюдь не благотворительные функции.

Четвертый райффайзеновский принцип не требует особых пояснений. Участие одного и того же лица в нескольких кредитных товариществах совершенно несовместимо с той тесной личной связью между товариществом и всеми его членами, которая является основой райффайзеновского кооператива. Кредитное товарищество должно иметь возможность осуществлять полный контроль над всей хозяйственной деятельностью своего члена; если же данное лицо участвует одновременно в нескольких товариществах, то, конечно, каждое из них, не будучи осведомлено относительно операции этого лица с другими товариществами, не имеет никакой возможности осуществлять этот контроль.

Одной из характерных особенностей райффайзеновского товарищества, вызвавшей особо горячие нападки на этот тип кредитных учреждений со стороны Шульце и его единомышленников, было несоответствие в этих товариществах между характером пассива и актива. Кредитное учреждение кредитует из тех капиталов, которые притекают к нему со стороны. Поэтому общим правилом деятельности кредитных учреждений признается, что их активные операции должны определяться характером их пассивных операций: для того чтобы кредитное учреждение могло практиковать долгосрочный кредит, оно должно получать и капитал в свое распоряжение на долгие сроки.

Поэтому ипотечные банки, кредитующие своих клиентов на продолжительные сроки, получают капиталы для своих операций не путем привлечения краткосрочных вкладов, а выпуском особых кредитных документов, закладных листов, которые погашаются в течение того же срока, на который выдается ссуда. Банки же, не выпускающие подобных документов, а получающие свои средства для кредитования из краткосрочных вкладов, могут оказывать лишь краткосрочный кредит. Это признается элементарным и основным правилом банковского дела, нарушение которого должно приводить к невозможности для банка выполнять свои обязательства по отношению к своим кредиторам и, значит, к крушению банка.

Между тем райффайзеновское товарищество силой вещей приводится к долгосрочному кредиту. Оно имеет в виду оказывать помощь сельскому хозяину в его хозяйственной деятельности. Но в сельском хозяйстве капитал оборачивается медленно, это не торговля, в кото-

рой капитал легко может обернуться несколько раз в течение года. Нормальный сельскохозяйственный оборот охватывает при озимом посеве почти год, в скотоводстве три–четыре года. Основной же капитал (постройки, машины и пр.) оборачивается в сельском хозяйстве многие годы.

Между тем источником средств для кредитования являются для райффайзеновского товарищества краткосрочные вклады. Отсюда возникает для крестьянского кредита серьезное затруднение, которое должно быть тем или иным способом преодолено.

Райффайзеновские товарищества практикуют кредит двоякого рода: во-первых, краткосрочный кредит и, во-вторых, долгосрочный, причем последний охватывает продолжительные сроки, даже свыше 10 лет.

При этом нужно иметь в виду, что фактически краткосрочные ссуды, сроком до одного года, играют в райффайзеновских кооперативах сравнительно незначительную роль. Значительно преобладают ссуды сроком от 1 до 10 лет (на эти ссуды приходится около $\frac{2}{3}$ всех ссуд), ссуды же на сроки свыше 10 лет составляют около $\frac{1}{5}$ всех ссуд.

Каким же образом райффайзеновское товарищество открывает долгосрочный кредит, получая краткосрочные вклады?

Чтобы обеспечить товарищества на случай истребования вкладов, Райффайзен ввел в уставы своих товариществ два постановления: во-первых, товарищества могут в случае надобности прибегнуть к выпуску долгосрочных облигаций; во-вторых, товарищества имеют право во всякое время потребовать от своих членов возвращения полученных последними ссуд, на какие бы сроки ни были выданы последние, при условии предупреждения должника за четыре недели.

Это последнее правило формально превращает все ссуды товарищества в краткосрочные, возвращаемые через четыре недели. Первое же правило дает возможность товариществу превратить свои обязательства в долгосрочные.

Однако и то и другое правило имеют чисто формальный характер и на практике почти никогда не применяются. Что касается выпуска долгосрочных обязательств, то за все время существования райффайзеновских товариществ к этому не приходилось прибегать ни разу. А право требовать возвращения ссуды с предупреждением за четыре недели также остается на бумаге, так как фактически то-

варищества пользуются им крайне редко, в совершенно исключительных случаях.

Таким образом, фактически товарищества открывают долгосрочный кредит при помощи вкладов, помещаемых в товарищества на короткие сроки. Это возможно только потому, что фактически вклады остаются в товариществе продолжительные сроки.

Указанное затруднение разрешается, следовательно, следующим образом: товарищества фактически получают капитал на долгие сроки и потому могут выдавать его в ссуду на долгие сроки. Формально же товарищества кредитуют на короткий срок (ибо каждая ссуда может быть истребована обратно в течение месяца), получая вклады также на короткий срок. Требование банковской политики о соответствии банковского актива и пассива фактически совершенно не нарушается, да и формального нарушения нет вследствие указанной статьи устава товарищества, разрешающей досрочное истребование ссуды.

Возможность кредитования на долгий срок обуславливается, таким образом, особым характером вкладов в райффайзеновских товариществах. В данном случае еще раз обнаруживается основная черта всей этой организации, ее тесная связь с жизнью деревни и начало доверия, которое составляет основы всех ее операций. К райффайзеновскому товариществу совершенно неприменимы те требования, которые следует предъявлять ко всякой хозяйственной организации, стоящей на почве только хозяйственного эгоизма и строгого хозяйственного расчета. Дух райффайзеновского товарищества совершенно иной, в этом сила товарищества. Неудивительно, что Шульце, стоявший на почве совершенно иного мирозерцания, оказался не в силах уразуметь эту специфическую силу райффайзеновской кооперации и, предъявляя к ней те же требования, как и к всякой другой хозяйственной организации, упорно отказывался признать рациональность и остроумие той организации, при помощи которой Райффайзен решил казавшуюся неразрешимой задачу — обеспечить кредит лицам, с точки зрения обычного банка совершенно некредитоспособным.

Но указанными чертами не исчерпываются особенности райффайзеновского товарищества. Оно включает в себе еще одно учреждение, для него весьма характерное.

Кредитный кооператив был для Райффайзена не целью, а только средством для более высокой цели. Кредитные товарищества были задуманы их творцом как орудия преобразования всего современного общественного строя на началах братской любви и христианской морали. Они отнюдь не должны были служить интересам только своих членов.

Соответственно этому Райффайзен придавал особое значение тому, чтобы созданные им товарищества могли исполнять свою общественную функцию помимо своих ближайших задач — улучшения условий кредита небольшой группы своих членов.

С этой целью Райффайзен сделал обязательным для своих товариществ образование особого неделимого и постоянного фонда, который в случае прекращения товарищества должен идти на устройство нового кредитного товарищества. Фонд этот образуется из отчислений товарищества и имеет следующее назначение: во-первых, он должен дать возможность товариществу с течением времени избавиться от чужого капитала — товарищество, пользуясь этим фондом, получает возможность кредитовать из него своих членов; во-вторых, при прекращении товарищества фонд этот должен быть передан центральной организации райффайзеновских товариществ для устройства нового товарищества такого же типа.

Образованию такого неделимого фонда Райффайзен придавал особое значение. Идея этого фонда была внушена Райффайзену, очевидно, неделимым фондом для производственных ассоциаций Бюше, хотя, по-видимому, сам Райффайзен и не был знаком со взглядами Бюше, — они дошли до него из вторых рук. Фасбендер в своей книге «F. W. Raiffeisen, in seinem Leben, Denken und Wirken»⁶⁵ (1902 г.) отмечает, что идея неделимого фонда была высказана одновременно с Райффайзенем известным швейцарским социалистом и кооператором Беккером, но что и тот и другой пришли к своим взглядам независимо друг от друга. Это вполне возможно, так как и тот и другой воспользовались в данном случае идеей Бюше, которая была хорошо известна в шестидесятые годы прошлого века в кругах лиц, интересовавшихся кооперацией.

Идея неделимого фонда как хозяйственного базиса кредитного кооператива при устранении чужого капитала является самым слабым из райффайзеновских принципов и до настоящего времени не

получила практического осуществления; фактически райффайзеновские товарищества в гораздо большей степени, чем кредитные кооперативы шульцевского типа, кредитуют чужим капиталом, и это несколько не удивительно ввиду того, что образование значительного собственного капитала возможно лишь путем повышения процента по ссудам, на что члены товарищества идут очень неохотно.

Чтобы понять сущность райффайзеновского товарищества, нужно иметь в виду, что кредитные операции отнюдь не должны были, по мысли Райффайзена, быть единственным делом товарищества. Кредитное товарищество должно стать деревенским кооперативом самого универсального рода: кроме ссуд, оно должно также закупать для своих членов нужные им средства производства, продавать продукты их труда, организовывать для своих членов сельскохозяйственные курсы и лекции, вообще всесторонне руководить жизнью и деятельностью своих членов и подымать их хозяйственный, моральный и интеллектуальный уровень.

«Доставлением денежных средств, — говорит Райффайзен в своем основном сочинении *«Die Darlehnskassen Vereine»*, — не ограничиваются задачи товарищества. Дальнейшая задача товарищества заключается в том, чтобы достигнуть наилучшего использования этих средств в видах поднятия хозяйства и производства, а не увеличения бесполезных расходов. Указание способов к этому столь же важно или даже важнее, чем получение денег. Сельскохозяйственные общества, так же как и крестьянские общества, ставят себе задачей содействовать этому. Они, без сомнения, сделали в этом отношении многое. Однако редко собрания таких обществ и доклады странствующих лекторов при относительно очень скудном специальном образовании в сельскохозяйственных школах еще далеко не оказывают на отдельные лица такого влияния, чтобы произошел общий подъем. Очень часто подобные собрания посещаются многим лицами, ищущими образования и помощи в своей нужде. Но после докладов нередко слышишь: все это прекрасно и мы охотно бы сделали все это, но у нас нет денег. Землевладельцы могут предлагать, что им угодно, но мы ничем из этого воспользоваться не можем. Иначе обстоит дело с кредитными товариществами. Без всяких особых мер собрания товарищества являются вместе с тем и собраниями сельскохозяйственного общества. Но в отличие от сельскохозяйственных обществ това-

рищества располагают средствами для проведения и исполнения предлагаемых улучшений. Таким образом могут осуществляться всевозможные мелиорации, дренажирования почвы улучшения лугов, устройство виноградников, плодовых садов и т. д., и т. д., могут быть поощряемы разные вспомогательные отрасли хозяйства, как пчеловодство, рыбоводство, кустарные промыслы и т. д. Собрания товарищества могут происходить каждое воскресенье. Все, что касается улучшения хозяйственного положения членов товарищества, может быть обсуждаемо на этих собраниях и осуществляется при помощи имеющихся денежных средств».

Глава III. Развитие райффайзеновской кредитной кооперации

I. Райффайзеновское движение в строгом смысле

Первое райффайзеновское товарищество возникло, как сказано, в 1864 г. Оно нашло для себя благодатную почву, так как во второй половине XIX в. в Германии, как и в других государствах Западной Европы, крестьянское хозяйство переживало тяжелый кризис, вызванный быстрым проникновением в деревню денежного хозяйства и сопровождавшийся чрезвычайным обострением нужды крестьянина в денежных средствах.

Эта потребность в денежном капитале еще усиливалась обнаружившейся необходимостью перехода к более интенсивным системам хозяйства: от прежнего, преимущественно зернового хозяйства к различным отраслям животноводства и птицеводства. Как показало обследование германским «Союзом социальной политики» вопроса о ростовщичестве, германская деревня даже в восьмидесятих годах прошлого века сильно страдала от ростовщичества, и это было нисколько не удивительно, так как в деревне почти не существовало особых учреждений для удовлетворения крестьянской потребности в кредите.

Положение еще более осложнилось возникновением в половине семидесятых годов прошлого века тяжелого аграрного кризиса, охватившего свыше двух десятилетий. Кризис этот был вызван сложными причинами, в основе которых лежало удешевление сухопутного и морского транспорта, благодаря чему зерновые продукты заокеанских стран и

России появились в огромном количестве на рынках Западной Европы, что естественно привело к падению цен этих продуктов, продолжавшемуся вплоть до половины девяностых годов прошлого века.

Все это вместе привело к тому, что в германской деревне обнаружилась очень острая потребность в кредитных учреждениях, которые могли бы кредитовать крестьянскую массу. Обычные учреждения кредита были недоступны для крестьянина, вполне понятно, что райффайзеновские кооперативы пришлось как нельзя более кстати и начали быстро распространяться.

Вот данные о росте в Германии кредитных товариществ (всех типов):

Год	Число кредитных товариществ в Германии
1890	3467
1895	6417
1900	11 477
1905	15 011
1910	17 493
1912	18 830
1913	19 300
1914	19 700

Правда, в этот итог входят и городские товарищества Шульце. Но так как число последних очень невелико и колеблется около тысячи, то приведенные цифры характеризуют собой рост именно сельских кредитных товариществ, огромное большинство которых является товариществами более или менее чистого райффайзеновского типа.

Этот поразительный рост крестьянской кредитной кооперации стал возможен лишь благодаря тому, что райффайзеновские товарищества действовали не изолированно друг от друга, но очень скоро создали объединяющие их союзы.

Союзы эти носят в Германии названия центральных касс и служат, как было указано выше, главным образом двум целям: во-первых,

выравниванию спроса и предложения денежного капитала в отдельных товариществах и, во-вторых, установлению связи между отдельными товариществами и широким денежным рынком. Только опираясь на центральные кассы, райффайзеновские товарищества могли достигнуть таких выдающихся успехов.

Райффайзен прекрасно понимал необходимость объединяющих товарищества союзов и с самого начала своей кооперативной деятельности стал стремиться к созданию центральной кассы своих товариществ, равно как и к более широкой организации небанковского типа для объединения деятельности товариществ в других отношениях. Чтобы достигнуть этой цели, ему пришлось преодолеть значительные затруднения, так как германский кооперативный закон 1868 г. запрещал образование союзов кооперативов. Препятствие это было обойдено Райффайзенем путем образования центральной кассы своих товариществ на основах акционерной компании. Таким образом, уже в семидесятых годах прошлого века в Нейвиде — в небольшом прирейнском городе, в районе которого развивалась деятельность Райффайзена, — возникли две центральные организации для крестьянской кооперации: Сельскохозяйственная центральная кредитная касса Германии и Общий союз сельских товариществ Германии.

Центральная касса возникла, как сказано, в форме акционерной компании с капиталом в 10 млн. марок, разделенным на 10000 акций по 1000 марок. Задача центральной кассы заключалась в производстве банковских операций для доставления членам кассы необходимых денежных средств. Членами же кассы являлись лишь райффайзеновские товарищества. Кроме банковских операций, касса содействовала также и другим операциям товариществ — закупке ими сельскохозяйственных средств производства и продаже сельскохозяйственных продуктов.

Касса эта с течением времени открыла 12 отделений в различных районах Германии, являющихся центрами, объединяющими деятельность товариществ данного района. Главная задача отделений кассы заключалась в регулировании распределения денежных капиталов между отдельными товариществами данного района. Директора отделений составляли вместе с главным директором правление центральной кассы. Отделения возникли сравнительно недавно: первые

три отделения были учреждены в 1895 г., до этого же времени все денежные операции объединенных товариществ были сосредоточены непосредственно в Нейвидской кассе.

Другим объединяющим центром райффайзеновских товариществ явился Общий союз сельских товариществ Германии. Эта организация не преследовала непосредственных хозяйственных целей и должна была стать духовным центром всей сети райффайзеновских товариществ, играя по отношению к райффайзеновской кооперации такую же роль, какую играет по отношению к британской потребительской кооперации Кооперативный союз. Но, кроме этого, Общий союз выполнял и некоторые иные функции: так, при нем было ревизионное отделение, заведующее ревизией товариществ, и страховое отделение, исполняющее роль посредника между товариществами и частными страховыми обществами. Союз представляет райффайзеновскую кооперацию в сношениях с правительственными и законодательными учреждениями.

Все эти кооперативные учреждения — отдельные товарищества и обе центральные организации — образовали собой тесно сплоченное целое, стоящее на страже райффайзеновских принципов. Принципы эти являются для всей данной кооперативной организации чем-то священным, не подлежащим никаким изменениям. Райффайзеновские принципы признаются обязательными для всех товариществ, принадлежащих к центральной кассе. Согласно уставу каждого товарищества какое-либо изменение статей устава, касающихся основных райффайзеновских принципов, могут быть вытеснены общим собранием только по единогласному решению всех членов товарищества. В уставе Общего союза содержится в этом отношении еще более суровая статья, заявляющая, что вопрос об изменении основных райффайзеновских принципов совсем не может быть предметом обсуждения собрания. Изменение этой статьи возможно лишь на основании единогласного постановления всех товариществ, принадлежащих к союзу.

Нельзя не согласиться с А. Н. Анцыферовым⁶⁶, что в организации, созданной Райффайзенем, его принципы окружены тройной непроницаемой броней. Создана целая хитросплетенная система, имеющая целью обеспечить этим принципам вечное существование. Раз только товарищество организовано по нейвидскому образцу, раз

только члены-учредители подписали его, они тем самым навсегда отказываются от права касаться новых райффайзеновских принципов. И по мере того как число членов будет расти, фундамент, на котором стоит незыблемость принципов, будет становиться все тверже и тверже. При современных условиях кредита отдельному товариществу нет возможности существовать, если оно не присоединится к какой-либо центральной кассе, в которую оно помещает временный избыток своих средств и откуда, что еще важнее, оно получает кредит на выгодных условиях. Таким образом, жизненная необходимость заставляет местное товарищество сделаться акционером Нейвидской центральной кассы. Но здесь принципы стоят незыблемо, и каждый новый акционер укрепляет их положение; выйти же из кассы для товарищества почти невозможно.

Правда, райффайзеновские принципы в самом важном вполне соответствуют характеру крестьянской кооперации; однако этого все же нельзя сказать относительно каждого из них. Так, одним из основных райффайзеновских принципов является неограниченная ответственность членов товарищества по всем его обязательствам. Этот принцип отнюдь не может считаться необходимым условием кредитного товарищества, ибо при хорошем ведении дела товарищество всегда может выполнить свои обязательства, не прибегая к дополнительным взысканиям со своих членов. Опыт показывает, что товарищества с ограниченной ответственностью почти так же или даже совершенно так же привлекают вклады, как и товарищества с неограниченной ответственностью. Таким образом, этот райффайзеновский принцип особого значения на практике не имеет.

Принцип бесплатности услуг в общем вполне соответствует характеру кредитного товарищества небольших размеров, но опять-таки в отдельных случаях строгое осуществление его может натолкнуться на серьезные затруднения. И было бы совершенно непрактично жертвовать реальными интересами товарищества ради соблюдения чистоты принципа. Идея неприкосновенного учредительного фонда, бывшая в глазах Райффайзена едва ли не самым основным из его принципов, на практике не имеет почти никакого значения.

В общем итоге, воздавая должное райффайзеновским принципам и усматривая в некоторых из них единственно возможную основу крестьянского кредита, все же никоим образом нельзя одобрить при-

нудительного навязывания этих принципов каждому товариществу, чем, несомненно, грешит райффайзеновская организация. Поэтому нисколько не удивительно, что по мере роста крестьянской кооперации в Германии росла и оппозиция правоверному райффайзенизму.

Райффайзеновская организация, как справедливо замечает А. Н. Анцыферов, была вся проникнута духом патриархальной оценки, что отнюдь не вяжется с современной кооперацией. Вместе с тем для всей организации характерен чрезвычайный централизм ее конструкции. Первоначально этот централизм был даже еще большим. Так, вначале не существовало никаких отделений Центральной кассы, и все исполнялось непосредственно в Нейвиде. Постепенно райффайзеновская организация должна была отказываться от своего первоначального догматизма и предоставлять больше свободы своим кооперативам.

2. Движение имперского союза

При том духе, который первоначально пронизывал все райффайзеновские товарищества, неудивительно, что рядом с ними стали возникать крестьянские кооперативы, стоявшие в стороне от райффайзеновских организаций. Товарищества эти вскоре после своего возникновения стали соединяться в союзы, а затем все эти местные союзы в 1883 г. объединились в один Всеобщий союз сельскохозяйственных товариществ Германии (в 1903 г. переименованный в Имперский союз сельскохозяйственных товариществ Германии). При своем возникновении союз этот объединил всего 278 товариществ, к 1913 г. в состав этого союза входило уже 13 131 кредитное товарищество.

Кредитные товарищества, входящие в состав Имперского союза, стоят в сущности на основе тех же самых принципов, как и райффайзеновские товарищества, и в этом смысле могут быть с полным основанием причислены к типу этих последних. Различия же между товариществами, принадлежащими к тому и другому союзу, заключаются лишь в том, что товарищества райффайзеновского союза признают райффайзеновские принципы непререкаемыми догмами, между тем как товарищества Имперского союза, стоя в общем на основе тех же принципов, допускают возможность и отклонения от них в случае необходимости. Самым крупным принципиальным расхождением с

этими принципами является, пожалуй, то, что Имперский союз признает необходимым для товариществ паевой капитал, и даже довольно крупный.

Вопрос о паевом капитале был рассмотрен на конгрессе Имперского союза в Свинемюнде в 1909 г., причем данному вопросу был посвящен особый реферат д-ра Квабека. Докладчик решительно высказался за усиление паевого капитала товарищества, причем, однако, признавал нужным ограничить дивиденд по паям теми и другими нормами (процентом, платимым по вкладам, или же максимумом в 4 %) с тем условием, чтобы дивиденд этот приписывался к паю, пока последний не достигнет 100 марок. При этом Квабек признавал желательным, чтобы товарищества доводили пай до еще более крупных размеров — 500 марок на члена. Обязательный взнос при вступлении в товарищество, по мнению Квабека, должен достигать по крайней мере 50 марок.

Предложенная Квабеком резолюция, которая рекомендовала товариществам стремиться к увеличению своего паевого капитала, была принята конгрессом единогласно.

Выше было сказано, что все германские кооперативы по закону должны иметь паевой капитал. Однако многие кредитные товарищества, не только в райффайзеновском, но и в Имперском союзе, стремятся свести пай к такому ничтожному размеру, при котором пай становится номинальным. Так, в 1908 г. среди германских сельскохозяйственных товариществ считалось 3131 товарищество с паями от 2–5 марок, 229 — с паями от 1 до 2,126 — с паем в 1 марку и ниже. Против подобных товариществ с очень ничтожным паевым капиталом и был направлен реферат Квабека. Единогласное одобрение его конгрессом показывает, что в среде германской крестьянской кооперации райффайзеновский принцип, отрицающий паевой капитал, в настоящее время утрачивает сочувствие. Это объясняется поднятием благосостояния германского крестьянина, благодаря чему внесение пая уже не становится для него до такой степени затруднительным, как это было в шестидесятых годах прошлого века, когда вырабатывались райффайзеновские принципы. Во всяком случае, принцип этот сохраняет все свое значение для крестьянской кооперации тех стран, где благосостояние крестьянской массы стоит не выше или даже ниже германского уровня полвека тому назад.

Точно так же и по вопросу о неограниченной ответственности членов товарищества Имперский союз отклоняется от райффайзеновских принципов. Правда, союз рекомендует неограниченную ответственность, но допускает и ограниченную. Фактически в начале этого века в Германии 94 % всех кредитных товариществ имели ответственность неограниченную.

Затем, Имперский союз отнюдь не считает обязательным бесплатность службы членов правления и совета. Идея «учредительного фонда», которой Райффайзен придавал такое значение, совершенно чужда Имперскому союзу. Товарищества Имперского союза имеют, далее, более специализированный характер: в то время как райффайзеновское товарищество выполняет всевозможные операции по закупке и сбыту, товарищества Имперского союза выделяют операции этого рода особым товариществам. Вообще, союз предоставляет входящим в его состав товариществам полную свободу внутреннего устройства и ничего им не навязывает. Вся организация Имперского союза характеризуется отсутствием централизации и широким простором для самостоятельности, выгодно отличаясь в этом отношении от райффайзеновского союза.

Тем не менее товарищества Имперского союза в большинстве мало отличаются по своей организации от товариществ райффайзеновского союза: те же небольшие размеры товарищества, та же в большинстве бесплатность работы членов правления и совета, те же небольшие пай (хотя и более крупные, чем в товариществах чисто райффайзеновского типа).

При своем возникновении Имперский союз состоял исключительно из товариществ по закупке, сбыту и переработке, кредитные же товарищества не принимали в нем никакого участия, так как принадлежали к райффайзеновской организации. Чтобы не раздражать Райффайзена, союз даже принципиально не принимал в свой состав кредитных товариществ.

После смерти Райффайзена (в 1888 г.) союз изменил свою тактику и стал принимать в свой состав все крестьянские товарищества без различия. Немедленно же к союзу стали примыкать в большом числе кредитные товарищества, и через 15 лет число кредитных товариществ в Имперском союзе стало значительно превосходить число товариществ в райффайзеновской организации.

При отсутствии глубоких принципиальных различий между кооперативами обоих союзов существование двух обособленных союзов долго продолжаться не могло, и в 1905 г. произошло слияние обеих организаций, причем нельзя не признать, что слияние это было в сущности присоединением гораздо менее крупного райффайзеновского союза к более мощному Имперскому, широкая свобода которого сделала его привлекательным и для райффайзеновских товариществ.

Присоединение райффайзеновского союза к Имперскому, о чем переговоры велись более десяти лет без всякого результата ввиду упорного желания преемников Райффайзена по руководительству союзом сохранить свое самостоятельное существование, стало необходимым ввиду неудовлетворительного ведения дела в Нейвидской центральной кассе, которая стала давать постоянные дефициты.

Значение состоявшегося соглашения обеих центральных организаций сводилось преимущественно к тому, что райффайзеновский союз согласился отказаться от своей прежней централизации и предоставил своим 12 отделам такую же широкую свободу, какой пользовались и отделы Имперского союза.

После достигнутого слияния с райффайзеновской организацией Имперский союз объединил почти всю сельскохозяйственную кооперацию Германии. Талантливый руководитель Имперского союза Гааз явился почти такой же центральной фигурой в крестьянской кооперации Германии, какой был в свое время Райффайзен. Гааз, несомненно, много сделал для дальнейшего развития крестьянской кооперации, хотя деятельность его не внесла ничего существенно нового в формы, созданные его предшественниками. Заслуга Гааза заключается только в том, что он сгладил углы и шероховатости первоначального райффайзеновского кооператива и приспособил его к потребностям жизни. Гааз был человеком компромисса, а такие люди всегда идут в главном за более оригинальными людьми и выполняют второстепенное дело улучшения в частностях основ, вырабатываемых не ими.

Имперский союз представляет собой сложную организацию учреждений различного рода. Кредитные товарищества, принадлежащие к нему, соединены между собой прежде всего по-

средством центральных касс, которых до присоединения райффайзеновской организации было 23. Но над всеми центральными кассами еще недавно стоял Имперский кооперативный сельскохозяйственный банк, созданный в 1902 г. по постановлению конгресса союза в Карлсруэ путем преобразования существовавшего еще с 1897 г. в Гамбурге общества оптовых закупок Имперского союза.

Соответственно своему происхождению Имперский кооперативный банк преследовал цели разного рода — не только объединения денежно-кредитных операций отдельных центральных касс, но и регулирования чисто товарных операций отдельных товариществ, организацию кооперативных закупок и продаж сельскохозяйственных продуктов.

Этот банк, созданный Имперским союзом, явился серьезным конкурентом Прусской центральной кассы кооперативных товариществ, учрежденной прусским правительством в 1895 г. (об этой кассе будет речь в главе о ремесленной кооперации). Прусская касса поставила себе задачей сосредоточить в своих руках общее руководство всей германской кооперацией и как учреждение государственное быстро развило свои операции. Шульцевские народные банки, принципиально отрицающие вмешательство государства в кооперативное движение, отнеслись к ней очень враждебно. Крестьянская кооперация Германии никогда не отрицала принципиально помощи государства, и потому крестьянские кооперативы охотно вступили в сношения с Прусской кассой. Однако Прусская касса своим бюрократическим образом действий скоро вызвала недовольство и среди крестьянских кооперативов. В Имперском кооперативном банке Прусская касса увидела своего нежелательного конкурента и стала систематически стремиться к ограничению его операций. В конце концов между всеми организациями состоялось соглашение, которым области деятельности Прусской кассы и Имперского банка были строго размежеваны. Круг деятельности Прусской кассы был ограничен, во-первых, территориально — Пруссией, а во-вторых, по отношению к характеру сделок — денежно-кредитными операциями. За Имперским банком остались операции вне пределов Пруссии и на всей территории империи операции товарного характера.

3. Крушение центральной организации германской крестьянской кооперации

Имперский банк занял видное положение в крестьянской кооперации Германии; можно было думать, что обороты банка начнут расти таким же темпом, как и обороты Имперского союза, которые к 1913 г. достигли почти 5 млрд. марок. Однако ожидания эти не оправдались главным образом благодаря неблагоприятному отношению к банку могущественной Прусской кассы. Соглашение, заключенное между банком и Прусской кассой в 1904 г., уже само по себе поставило деятельность банка в очень узкие рамки, так как оно лишило банк возможности производить кредитные операции во всей Пруссии.

Столь же неблагоприятно относилась Прусская касса и к другой организации крестьянских кооперативов — к Центральной кассе райффайзеновского союза. Дело кончилось столкновением Прусской кассы с обеими организациями.

Конфликт с райффайзеновской кассой был вызван следующими обстоятельствами. Прусская касса заключила в 1905 г. договор с Нейвидской центральной кассой следующего рода: Нейвидская касса обязалась по этому договору покрывать все свои потребности в банковском кредите исключительно в Прусской кассе и вместе с тем вносить все свои излишки вкладов исключительно в Прусскую кассу. По следующему договору в 1907 г. Нейвидская касса обязалась не вести никаких операций с Имперским кооперативным банком.

Все эти ограничения деятельности были очень тягостны Нейвидской кассе, и в 1910 г. она заявила Прусской кассе, что хотела бы вступить в сношения с Имперским банком и вообще не ограничивать свои банковские операции только сношениями с Прусской кассой. Последняя в ответ на это заявление прервала в 1911 г. сношения с Нейвидской кассой.

Это совпало с очень тяжелым положением Нейвидской кассы, вызванным главным образом ее операциями по закупке и сбыту сельскохозяйственных продуктов. Операции эти нередко приносили большие убытки, превысившие к 1910 г. 3 млн. марок. Ввиду этого в 1910 г. правление Нейвидской кассы решило ликвидировать свои товарные операции, а в возмещение своих убытков обязать принадлежащие к ней товарищества сделать единовременный

взнос в 750 марок каждое товарищество с тем, чтобы эта сумма была впоследствии постепенно погашена кассой из ее доходов.

Прусская касса воспользовалась тяжелым положением Нейвидской кассы для того, чтобы попытаться совершенно разрушить последнюю. А именно: она обратилась ко всем союзным кассам райффайзеновских товариществ с предложением вступить в непосредственные сношения с Прусской кассой и прекратить сношения с Нейвидской кассой.

К счастью, попытка Прусской кассы уничтожить Нейвидскую кассу не удалась: огромное большинство товариществ, принадлежащих к райффайзеновскому союзу, согласилось поддерживать свою союзную организацию, и только около 170 познанских товариществ отказали в просьбе Нейвидской кассе и вышли из состава ее членов.

Однако хотя Нейвидская касса и устояла, но самостоятельно существовать она уже не могла и должна уже была примкнуть к кооперативному отделению Дрезденского коммерческого банка, который выполняет функции центрального банковского учреждения и для шульцевских народных банков (о чем см. в главе о мелкобуржуазной кредитной кооперации). Но если такое подчинение чисто капиталистическому кредитному учреждению и не представляло собой ничего противоестественного для полукапиталистических шульцевских товариществ, то иное нужно сказать о райффайзеновских товариществах, ничего общего с капиталистическими учреждениями не имеющих. Для них присоединение к Дрезденскому банку знаменовало собой полное крушение всей кооперативной идеи.

Таким образом, история райффайзеновской кооперации заканчивается к нашим дням тяжелым кризисом, который, без сомнения, будет в конце концов преодолен кооперацией, но который все же показывает, как еще относительно слаба кооперация в борьбе за свою самостоятельность.

Еще в худшее положение пришли дела Имперского союза. Некоторые из товариществ этого союза значительно уклонились от райффайзеновских принципов и мало-помалу стали развиваться в направлении капиталистических банков. Возможность для такого развития открыта для всех товариществ, имеющих большие паи и достигающих крупных размеров. Одно из таких очень крупных товариществ, принадлежащее к Гессенскому союзу (входившему в состав Импер-

ского) товарищество в Нидермодау, благодаря хищениям в его среде оказалось в невозможности продолжать дело и должно было закрыться. При этом оказалось, что пассив товарищества превосходит его актив свыше чем на полтора миллиона марок. По этой крупной цифре можно видеть, как далеко было это товарищество от райффайзеновского принципа локализации.

Деятельность этого товарищества охватывала очень большой по территории район. Число его членов было незначительно — к моменту ликвидации в нем было всего 197 членов, — но операции его были так обширны, что иногда в товариществе скапливалось до 3 млн. марок вкладов. Эти крупные суммы размещались вопреки закону между не-членами, жившими в совершенно других местах. Товарищество вступило на путь капиталистических спекуляций и вообще мало-помалу приняло характер обычного банка, и притом весьма плохого рода.

В конце концов все это привело к хищениям в среде товарищества и к краху, в результате которого четверо главных руководителей товарищества попали на скамью подсудимых и были приговорены к продолжительному тюремному заключению за мошенничества разного рода.

Подобного же рода грустные явления обнаружили и в нескольких других товариществах Гессенского союза. Расстроенное положение в товариществах этого союза не замедлило отразиться и на положении центральной кассы Гессенского союза, которая также должна была ликвидировать свои дела. Впрочем, ликвидация Гессенской кассы была вызвана преимущественно другим, еще более крупным несчастьем германской кооперации — крушением Имперского банка.

Большую часть своих средств касса вложила в Имперский банк, около 8 млн. марок. Когда под влиянием событий балканской войны 1912 г. вкладчики стали требовать из кассы свои вклады обратно, то касса оказалась не в силах вернуть свои деньги из Имперского банка и обратилась за помощью к Прусской кассе, которая и оказала эту помощь, открывши Гессенской кассе кредит в размере 6 млн. марок. Но и это не спасло Гессенскую кассу, и она была вынуждена приступить к ликвидации своих дел.

Гессенские товарищества не замедлили организовать взамен закрывшейся новую центральную кассу, которая, впрочем, большого

доверия к себе не вызвала и существует доныне только поддержкой Прусской кассы и гессенского правительства, которое охотно пошло на поддержку кассы, подчинив ее вместе с тем своему контролю.

Гессенская касса пострадала не только материально, но и морально: ее директор был признан судом виновным в составлении ложных отчетов и был приговорен к тюремному заключению. Вообще, руководители гессенской кооперации (во главе которых стоял создатель Имперского союза Гааз) были совершенно дискредитированы в общественном мнении.

Как сказано, главной причиной гибели Гессенской кассы был крах Имперского банка. Банк этот, образованный первоначально в форме кооперативного товарищества, в 1907 г. был преобразован в акционерный банк. Деятельность его была сильно стеснена соглашением с Прусской кассой, и благодаря этому обороты его не обнаружили тенденции к правильному росту, как это видно из нижеследующих цифр:

Год	Обороты Имперского банка, млн. марок
1907	366
1908	710
1909	836
1910	610
1911	459

Соглашение с Прусской кассой ограничило, как сказано выше, операции Имперского банка товарными сделками во всей империи и денежно-кредитными операциями за пределами Пруссии. Но товарные операции плохо удавались банку и давали хронический убыток. Ввиду этого в 1910 г. банк решил ликвидировать эти операции и ограничиться денежно-кредитными.

Однако банку не удалось привлечь к себе значительное количество вкладов, которых в 1913 г. было всего около 12 млн. марок, причем около 8 млн. приходилось на долю вкладов Гессенской центральной кассы.

Хуже всего, однако, было то, что и Имперский банк, подобно многим другим кредитным учреждениям Имперского союза, существенно уклонился от своих задач служить делу мелкого кре-

стьянского кредита и постепенно принял характер обычного спекулятивного банка. Большую часть своих оборотных средств банк вложил в капиталистический Сельскохозяйственный кредитный банк. Оба эти учреждения фактически составили одно целое. Президент Имперского союза Гааз, бывший одновременно председателем правления Имперского банка, стал председателем совета и Сельскохозяйственного банка. Сельскохозяйственный банк до этого слияния был в очень трудном положении. Имперский банк пришел ему на помощь и вложил в него около 10 млн. марок своих средств. Однако эта сумма оказалась недостаточной, чтобы поправить дела Сельскохозяйственного банка, и вместе с последним рухнул и Имперский банк.

Все эти катастрофы привели к расколу и среди Имперского союза. Как сказано выше, к Имперскому союзу присоединился в 1905 г. райффайзеновский союз. Крушение предприятий Имперского союза и недоверие к его руководителям привели к тому, что на общем собрании райффайзеновского союза в 1912 г. в Гейдельберге было постановлено о выходе из состава Имперского союза. Согласно этому постановлению 4373 кредитных товарищества райффайзеновского союза, т. е. приблизительно четверть всех кредитных товариществ Германии, покинули Имперский союз.

Таким образом, германская крестьянская кооперация испытала за последние годы целый ряд катастроф; катастрофы эти, несомненно, отнюдь не были случайными событиями, ничем не связанными с общим характером германской кооперации. Нельзя не остановиться на очень поучительном выяснении общих причин всех этих грустных для кооперации событий.

Эти общие причины могут быть сведены к двум: 1) к неблагоприятному влиянию на германскую кооперацию правительственного органа — Прусской центральной кассы и 2) к капиталистическому перерождению центральных учреждений германской кооперации и некоторых отдельных кооперативов.

Что касается первой причины, то ее значение из изложенного ясно. Не подлежит сомнению, что Прусская касса много сделала для развития германской кооперации. Но платой за эти успехи явилась зависимость некоторых важнейших отраслей германской кооперации от Прусской кассы.

Прусская касса совершенно определенно стремилась и стремится подчинить себе германскую кооперацию. Центральные учреждения кооперативных союзов, естественно, стоят на пути к этому стремлению, и касса сознательно идет к их разрушению. Невысказанной целью руководителей кассы является создание такого положения вещей, при котором отдельные кооперативы получили бы возможность полного развития своих сил, но связывались бы друг с другом не собственными кооперативными же организациями, а над ними стоящим бюрократическим учреждением — Прусской кассой.

В этом опасность той поддержки кооперативного движения, которая оказывается государственной властью. Принципиально нельзя отвергать с точки зрения целей и задач кооперации такой поддержки. Но если она исходит от правительства, проникнутого духом бюрократической опеки, то такая поддержка должна приниматься кооперативами лишь на условии предоставления кооперации полной свободы ее самостоятельного развития. В противном случае кооперация рискует лишиться своей сущности — свободы самоопределения и самостоятельности.

Вторая причина неудачи германской кооперации также весьма характерна для условий германской общественности. Как будет указано ниже, в Германии крестьянская кооперация находится под сильным влиянием класса крупных землевладельцев. Духовными вождями германской деревенской кооперации являются аграрии. Этот союз помещичьего и крестьянского классов входил в основные замыслы Райффайзена, который, исходя из своего социального идеала, отрицал классовый антагонизм и хотел основать свою кооперацию на сотрудничестве богатых и бедных. Райффайзенские принципы имели своей целью сделать невозможным капиталистическое перерождение кооперации: хотя и руководимый помещиком, райффайзенский кооператив должен служить интересам отнюдь не помещиков, а крестьян — в этом весь смысл этих принципов.

Итак, райффайзенская кооперация должна была заставить помещиков служить интересам крестьян — задача далеко не из легких, и неудивительно, что разрешение ее не всегда удавалось на практике.

Товариществам Имперского союза, менее строго придерживающимся райффайзенских принципов, но в равной или даже

большой мере находящимся под влиянием помещичьего класса, еще больше угрожает эта опасность капиталистического перерождения. И мы действительно видим, что не только центральные учреждения Имперского союза, но и отдельные товарищества союза уклонились от своей задачи — помощи крестьянскому классу и стали организациями, служащими капиталистическим интересам.

Из всего этого для крестьянской кооперации вытекает урок: союз крестьянства и помещичьего класса в области кооперации чреват опасностями и легко может повести к искажению сущности кооперации. Ибо кооперация есть самодеятельность, помещик же, руководящий крестьянским кооперативом, является наглядным, фактическим доказательством, что крестьяне сами еще не доросли до самопомощи, а значит, не доросли и до истинной кооперации.

Райффайзен начал с благотворительных организаций; затем он перешел к кооперации. Но его кооперация, при всем бесспорном величии его замысла, все же заключала в себе много элементов, чуждых духу самодеятельности. Вот почему эта кооперация оказалась все же слабой и подверженной опасности капиталистического перерождения. Еще более грозной оказалась эта опасность для тех крестьянских кооперативов, которые дальше стояли от райффайзеновских принципов, имевших в виду препятствовать кооперации развиваться в сторону капиталистических учреждений.

Неудачи германской крестьянской кооперации составляют резкий контраст с тем, что мы видим в области пролетарской потребительской кооперации. Можно ли допустить, чтобы английское общество оптовых продаж или хотя бы германское общество оптовых закупок запуталось в спекуляциях и было вынуждено ликвидировать дело? Нечто подобное в высшей степени невероятно, и, конечно, пролетарской кооперации никогда не придется заносить на страницы истории таких эпизодов, как крушение Гессенской центральной кассы и Имперского кооперативного банка.

Откуда же это различие? Во-первых, из самого различия задач, которые кооперация ставит себе в области пролетарского и крестьянского хозяйства. Пролетарская кооперация преследует цели удовлетворения потребительских нужд, и это уже само по себе почти исключает элемент спекуляции и риска. Потребительская кооперация удовлетворяет вполне определенным общественным потребностям и

ничего общего с капиталистическим предпринимательством не имеет. Напротив, крестьянское хозяйство незаметно переходит в капиталистическое предпринимательство, предполагая сбыт крестьянских продуктов на широком и неопределенном рынке, сбыт в тех же условиях, как сбывают и продукты капиталистического производства. Этот сбыт не может не заключать в себе элемента риска и, естественно, предполагает торговую спекуляцию.

Итак, одна из причин твердости и устойчивости развития пролетарской кооперации сравнительно с неустойчивостью крестьянской заключается в различии потребительского и предпринимательского хозяйства. Другая причина заключается в неопределенности классового состава крестьянской кооперации: если бы эта кооперация имела чисто крестьянский характер, то она была бы гораздо меньше подвержена капиталистическому перерождению. Но в Германии руководителями крестьянской кооперации на практике являются крупные землевладельцы-капиталисты. Что же удивительного, что при таких руководителях крестьянская кооперация легко сбивается с кооперативного пути и переходит к чисто капиталистическим спекуляциям?

Причины неудачи германской крестьянской кооперации сводятся, следовательно, преимущественно к зависимости этой кооперации от элементов, чуждых крестьянству, — бюрократических учреждений государства и помещиков. Проистекающий отсюда для кооперации урок заключается в том, что здоровое развитие кооперации возможно лишь на основе ее большей классовой обособленности.

Глава IV. Крестьянская кооперация вне области кредита

1. Крестьянские потребительские общества

Райффайзеновские товарищества должны были быть, по мысли их творца, всеобщими крестьянскими кооперативами, совмещающими в себе все отрасли кооперативного хозяйства, доступные крестьянской кооперации: они должны были не только организовывать снабжение своих членов необходимыми денежными средствами, но и давать своим членам возможность сообща покупать необходимые средства производства и некоторые предметы потребления, которые

не производятся в крестьянском хозяйстве, а также сообща продавать продукты крестьянского хозяйства и сообща перерабатывать некоторые сырые. В действительной жизни райффайзеновские товарищества хотя отчасти и выполняют эти более сложные функции, но главным их делом все же остается доставление кредита.

Наряду с такими сложными кооперативами жизнь создала в крестьянской среде и кооперативы с более специализированными целями. Эти специализированные кооперативы в большинстве случаев лучше справляются со своими задачами, чем недифференцированные райффайзеновские кооперативы. Однако никакого общего правила в этом отношении установить нельзя.

Среди крестьянских кооперативов по закупкам следует прежде всего отметить своеобразное положение потребительских обществ. Все общественные классы являются потребителями, в том числе и крестьяне. В то же время крестьяне являются потребителями малодостаточными, легко поддающимися эксплуатации капиталистов-посредников, торгующих предметами потребления. Действительно, нигде не наблюдается такого огромного превышения различных цен сравнительно с оптовыми, как именно в деревне, и это понятно, так как в деревне, естественно, создается в пользу местного лавочника известная монополия, вытекающая из трудности для деревенского жителя купить нужные ему предметы потребления за пределами своего села.

Пользуясь этой монополией, деревенские лавочники нередко сильно повышают цены своих товаров и этим создают потребность в организациях потребителей. Однако в пределах крестьянского хозяйства имеются также некоторые условия, задерживающие рост потребительской кооперации.

Условия эти заключаются в следующем. Прежде всего нужно иметь в виду, что значительная часть потребностей крестьянина удовлетворяется продуктами его собственного хозяйства. В то время как городской житель все свои предметы потребления должен закупить на рынке, крестьянин весьма значительную часть своих предметов потребления совсем не покупает, а производит в своем собственном хозяйстве. Поэтому покупательный спрос крестьянина представляет собой гораздо меньшую величину, чем покупательный спрос горожанина с таким же достатком, и, значит, благосостояние крестьянина в

меньшей степени зависит от цены на предметы потребления, чем благосостояние городского жителя, например, фабричного рабочего.

Затем нужно иметь в виду и то обстоятельство, что крестьянин не только покупает нужные ему предметы потребления, но и производит продукты для продажи. Крестьянин прежде всего производитель, а потом уже потребитель. Его благосостояние определяется прежде всего тем, сколько ему удастся произвести продуктов и по какой цене их сбыть, лишь на втором плане — ценой предметов его потребления. Напротив, фабричный рабочий имеет на товарном рынке только потребительские интересы, ибо он не является собственником производимого им продукта.

Вместе с тем ясно, что деревенские потребительские общества, в силу их небольших размеров, ни в каком случае не могут приобрести такой экономической силы, как потребительские кооперативы фабричных рабочих.

Таким образом, для развития деревенской потребительской кооперации имеются некоторые существенные задерживающие условия, равно как и условия благоприятствующие, причем, однако, задерживающие условия связаны с самым существом крестьянского хозяйства, а благоприятствующие условия (слабое развитие деревенской торговли) связаны с низким уровнем экономического развития данной страны и исчезают при большом развитии капиталистического обмена.

Поэтому мы наблюдаем далеко не одинаковое развитие деревенских потребительских обществ в различных странах. В некоторых из них деревенские потребительские общества достигают большого распространения (Дания, Россия), в других замечается почти полное отсутствие деревенских потребительских обществ. К числу последних принадлежит и Германия, причем в Германии для этого имеются и свои особые причины. В то время как в германских городах потребительская кооперация развивается очень быстро, германская деревня почти не знает потребительской кооперации.

Выше было указано, что руководители германской крестьянской кооперации — и прежде всего Райффайзен — относились без всякой симпатии к потребительским обществам по причинам довольно сложного характера. Самому Райффайзену потребительская кооперация казалась неуместной в деревне главным образом потому, что

он хотел бы, чтобы крестьянин возможно меньше покупал предметов своего потребления, а производил бы их в своем собственном хозяйстве. Это соответствовало его общему мировоззрению, требовавшему для деревни патриархального и натурального хозяйства. Но, кроме того, в данном случае играли свою роль и определенные общественные симпатии руководителей райффайзеновской кооперации к классу мелких деревенских торговцев, сохранение которого казалось весьма желательным как для самого Райффайзена, так и для его преемников. Последний мотив был высказан с полной определенностью представителем райффайзеновской кооперации на международном кооперативном конгрессе в Будапеште в 1904 г. (об этом см. главу о международном объединении пролетарской кооперации).

С еще большей враждебностью к потребительским обществам относятся германские аграрии, влияние которых так значительно в германской деревенской кооперации. Вот что говорит по этому поводу один из лучших знатоков германской деревни, председатель восточно-прусской сельскохозяйственной палаты фон Батоки: «Дружеское отношение руководящих сельскохозяйственных кругов к городскому среднему торгово-промышленному классу сделало невозможным для этих кругов участие в потребительской кооперации». С этим объяснением вполне соглашается и проф. Вигодзинский, указывая, что именно общественно-политические симпатии аграриев к среднему торговому классу препятствуют появлению в германской деревне потребительских обществ.

2. Кооперация в области покупки и сбыта

Закупочная кооперация в деревне имеет своей целью приобретение разного рода средств производства сельского хозяйства. Такие закупки в Германии осуществляются частью райффайзеновскими кредитными товариществами, частью особыми специализированными кооперативами. Нередко эти последние кооперативы одновременно занимаются и сбытом тех или иных крестьянских продуктов.

Вполне естественно, что операции по закупке получили гораздо большее развитие, чем операции по сбыту, так как при условиях современного хозяйства покупка является несравненно более простой операцией, чем сбыт. Закупаются разнообразные продукты, необходимые для сельского хозяйства, — искусственные удобрения, кормо-

вые средства, семена, каменный уголь, машины, инструменты и пр. В 1912 г. таких закупочных товариществ в Германии было 2321, причем всего было закуплено кооперативами на 300 млн. марок.

Закупочные товарищества также объединяются в более или менее крупные союзы, как и кредитные товарищества. Союзы закупочных товариществ производят оптовые закупки. Центральные общеимперские кредитные учреждения, как Имперский кооперативный банк и райффайзеновская Центральная касса, имели в виду общеимперское объединение операций по закупке и сбыту, но не достигли в этом, как сказано, успеха.

Существенным отличием закупочных товариществ (равно как и товариществ по сбыту) от кредитных товариществ является то, что кредитные товарищества в Германии почти всегда имеют неограниченную ответственность, а значительная часть товариществ по закупке и сбыту построена на основе ограниченной ответственности. Это и понятно, так как кредитные учреждения более нуждаются в особых гарантиях своей кредитоспособности, чем предприятия другого рода.

Подобные организации весьма распространены и в других странах, кроме Германии. Французские сельскохозяйственные синдикаты начали быстро развиваться с 1884 г., когда был издан французский закон о синдикатах, разрешавший свободное образование профессиональных рабочих союзов и получивший неожиданно для его инициаторов применение к организациям совершенно иного рода, чем кооперативные, частью чисто капиталистических организаций.

Цели их весьма разнообразны. По образцовому уставу задача синдиката заключается в изучении и защите сельскохозяйственных интересов. С этой целью синдикат изучает меры экономического характера и законодательные реформы, которые могут требоваться интересами сельского хозяйства, организывает разные экономические учреждения, которые могут быть полезны сельскому населению, производит опыты в интересах поднятия производительности сельского труда, устраивает лекции, облегчает приобретение необходимых для сельского хозяйства продуктов, содействует сбыту сельскохозяйственных продуктов и исполняет, кроме того, многие другие операции. Вообще сельскохозяйственный синдикат должен быть согласно образцовому уставу таким учреждением, которое стоит в цен-

тре всей сельскохозяйственной жизни данного района. По словам гр. де Рокиньи⁶⁷, синдикат должен быть «ячейкой, несущей в зародыше все учреждения, способные улучшить экономические, моральные и социальные условия обитателей деревни».

В действительности французские синдикаты очень далеки от достижения этого идеала, хотя и нельзя отрицать, что они сделали много для поднятия французской деревни. Плохо то, что в большинстве случаев они далеки от истинно кооперативного духа и основаны не столько на самостоятельности населения, сколько на патронаже богатых землевладельцев. В этом смысле очень характерно, что синдикаты допускают в состав своих членов не только лиц, ведущих сельское хозяйство, но и землевладельцев, которые владеют землей, но никакого самостоятельного сельского хозяйства не ведут.

В числе руководителей французских синдикатов в изобилии встречаются имена старинной знати. Соответственно общему характеру французских синдикатов как учреждений патронального характера мы замечаем во внутреннем строе их глубокое уклонение от кооперативных принципов. Так, прежде всего, в них весьма часто не находит выражения принцип равноправия членов. Членские взносы обычно различны, и лица, уплачивающие взносы низших разрядов, не пользуются правом решающего голоса в общих собраниях. Прибыли синдиката нередко разверстываются по паям.

Этих уклонений достаточно, чтобы отказать многим и многим французским сельскохозяйственным синдикатам в признании их кооперативами. Конечно, среди синдикатов имеются и такие организации, которые можно признать кооперативами или, по крайней мере, приближающимися к таковым. Но именно наиболее крупные и успешные французские синдикаты всего более уклоняются от кооперативных принципов и значительно сближаются с капиталистическими учреждениями.

Среди кооперативов по сбыту заслуживают особого внимания кооперативы по сбыту хлеба, получившие наибольшее развитие в Америке и Германии. Для нас, русских, поучительнее именно германские кооперативы этого рода. Идея широкой организации совместного сбыта хлеба возникает в Германии первоначально не в крестьянских, а в помещичьих кругах в 90-х гг. прошлого века под влиянием падения хлебных цен, особенно обострившегося в это время.

Низкие цены на хлеб особенно тяжело чувствовались крупными землевладельцами, так как крестьяне являются в большей степени производителями животных продуктов, между тем как для крупного хозяйства важнейшим предметом производства являются разного рода хлеба. Поэтому неудивительно, что в девяностые годы в Германии среди крупных помещиков появляется усиленный интерес к разного рода мерам, которые могли бы поднять цены на хлеб или, по крайней мере, задержать падение их.

Среди таких мероприятий обратил на себя особое общественное внимание план крупного землевладельца Грасс-Планина устроить на государственный счет сеть элеваторов во всех важнейших узловых пунктах железных дорог, имеющих значение для хлебной торговли. Элеваторы эти должны были быть переданы товариществам сельских хозяев, причем Грасс-Планин считал необходимым, чтобы государство сделало поставку хлеба в эти элеваторы обязательной для всех землевладельцев данного района.

При монополии внутренней хлебной торговли, думал автор этого проекта, станут возможны общественное регулирование хлебных цен и успешная борьба с их падением.

Проект Грасс-Планина первоначально был встречен германскими кооперативными кругами несочувственно, так как он был явно внушен особыми интересами крупных помещиков. Но так как влияние этих последних в германском кооперативном мире очень велико, то мало-помалу идеи Грасс-Планина стали завоевывать и кооператоров. На конгрессе Имперского союза в Нейштадте в 1895 г. была принята резолюция, требовавшая перестройки в случае надобности за государственный счет сети хлебных элеваторов с тем, чтобы эти элеваторы были передаваемы в распоряжение сельскохозяйственных товариществ.

Однако среди германских кооперативов было и противоположное течение, не сочувствовавшее перестройке за государственный счет крупных элеваторов и признававшее желательным с точки зрения крестьянских интересов устройство только мелких элеваторов, которые не могли бы влиять на общий уровень хлебных цен, но более соответствовали бы задачам сбыта крестьянского хлеба. Эта точка зрения нашла себе выражение в резолюциях провинциального (силезского) конгресса райффайзеновских товариществ и преобладала

в местностях с развитым крестьянским хозяйством — в Бадене, Вюртемберге и Баварии.

Прусское правительство охотно пошло навстречу идеям Грасс-Планина и в 1896 г. ассигновало из государственных средств 3 млн. марок на устройство хлебных элеваторов с тем, чтобы эти элеваторы передавались на особых условиях товариществам. В следующем году фонд этот был доведен до 5 млн. марок. Примеру Пруссии последовали и некоторые другие германские государства: Саксония, Бавария, Вюртемберг, Баден. За счет прусского фонда было выстроено 36 элеваторов, перешедших в заведывание специально образованных для этого товариществ. Руководителями товариществ оказались люди, ничего общего с крестьянским хозяйством не имеющие. Многие, и притом наиболее крупные, товарищества занялись спекулятивной торговлей хлебом, причем сбывался хлеб, покупаемый товариществами и на стороне. Товарищества вели такую же капиталистическую торговлю хлебом, как и любая хлеботорговая фирма. Никаких кооперативных элементов товарищества эти в себе не заключали.

Судьба их оказалась весьма плачевной. Значительная часть их была ликвидирована, а остальные утратили всякую связь с кооперативным движением, что должен был признать в конце концов и Имперский союз, под покровительством которого состоялась вся эта кампания. Прусское правительство также разочаровалось в идее государственной помощи для устройства элеваторов, и дальнейшие затраты фиска на этот предмет прекратились.

Однако одновременно с крушением плана государственных элеваторов возникло движение в пользу организации кооперативного сбыта хлеба на совершенно иных основах. Товарищества с государственной помощью были в руках крупных землевладельцев и отнюдь не могли считаться кооперативами. Но по отношению к условиям продажи хлеба положение крестьянина гораздо хуже, чем крупного землевладельца, ибо крестьянин продает свой хлеб небольшими партиями, и потому цена его хлеба обычно значительно ниже помещичьего. Кооперативная организация сбыта хлеба обещает существенно улучшить условия продажи крестьянского хлеба, и потому вполне естественно, что среди германских крестьян возникло сильное движение для устройства кооперативных зернохранилищ.

Понятное дело, что крестьянские кооперативные зернохранилища ставят себе более скромные задачи и отнюдь не пытаются управлять хлебными ценами. Они стремятся лишь к тому, чтобы дать возможность крестьянину продавать свой хлеб по господствующей в данный момент рыночной цене, устраняя посредничество хлебного скупщика.

Такие крестьянские хлебные зернохранилища получили значительное развитие в районах с преобладающим крестьянским хозяйством — в Баварии, Бадене и Вюртемберге. Характерной чертой южно-германских кооперативов по сбыту хлеба является то, что огромное большинство из них существует не самостоятельно, но при каких-либо других товариществах. Так, например, в Бадене из 67 кооперативных зернохранилищ лишь 23 товарищества основаны с данной специальной целью, остальные же связаны с другими кооперативами.

В Баварии большинство этих товариществ связано с кредитными товариществами, в Бадене же — с товариществами по закупке и продаже. Как общее правило, кооперативы по сбыту хлеба занимаются одновременно и закупочными операциями, причем закупаются преимущественно искусственные удобрения, семена и кормовые средства. Это является необходимым ввиду того, что хлебный сезон продолжается только несколько месяцев в году и нужно найти занятие в остальное время для служащего персонала и помещений товарищества.

Наиболее интересны и поучительны баденские товарищества. Более крупные из этих товариществ при железнодорожных станциях имеют небольшие зернохранилища, в которых хлеб не только хранится, но и очищается и сортируется. Хлеб принимается или за наличный расчет, или же на хранение, причем в последнем случае лицо, сдавшее свой хлеб, получает складочное свидетельство, в котором обозначены количество и качество хранящегося хлеба, и он имеет право получить от товарищества ссуду в размере 66 % стоимости хлеба. Однако, как общее правило, кооперативные зернохранилища принимают хлеб лишь за наличный расчет, прием же хлеба на хранение является исключением. Средства для всех этих операций товарищества получают в случае необходимости от Баденского союза сельскохозяйственных товариществ.

Баденские товарищества по сбыту хлеба заняли вполне прочное положение среди других сельскохозяйственных кооперативов и ведут свое дело довольно удачно. Обороты их определяются несколькими миллионами марок в год, что сравнительно с общим количеством продаваемого в Бадене хлеба является, конечно, цифрой незначительной, и не превышает нескольких процентов всего количества хлеба, продаваемого в Бадене.

Сходным образом ведут свои операции кооперативные зернохранилища и в других крестьянских районах Германии, например в Баварии, где их роль особенно велика.

3. Товарищества по переработке и сбыту

Весьма интересный тип крестьянского кооператива — маслодельные товарищества. Маслодельный кооператив является товариществом по переработке. Членами маслодельного товарищества являются сельские хозяева данного района, поставляющие в маслодельню молоко. Молоко расценивается соответственно своему качеству, перерабатывается в масло в товарищеской маслодельне при помощи наемного персонала, оплачивается по известной цене, а весь полученный чистый доход от продажи масла разверстывается между членами товарищества пропорционально количеству и качеству поставленного каждым молока.

Маслодельные товарищества интересны тем, что они являются кооперативами, имеющими совершенно исключительный успех. Можно без всякого преувеличения сказать, что экономическая история не знает другого примера такого быстрого распространения новой хозяйственной организации, как мы наблюдаем в данном случае.

Первая товарищеская маслодельня была устроена Штиллингом Андерсеном в Дании в 1882 г. Развитие этой новой формы кооперации пошло поразительно быстрыми шагами. Через 16 лет, в 1898 г., в Дании насчитывалось всего 1547 молочных предприятий, причем на долю кооперативных приходилось 1013 — вдвое более, чем на долю капиталистических. Иными словами, достаточно было столь небольшого промежутка времени, чтобы капиталистические молочные предприятия уже решительно отступили на задний план сравнительно с кооперативными.

В 1900 г. в Дании было 1029 кооперативных маслоделен, 266 акционерных маслодельных заводов и 264 помещичьих.

В 1909 г. число маслодельных кооперативов возросло до 1157 (160 тыс. членов), число акционерных заводов упало до 238, а помещичьих до 90. Кооперативная переработка молока стала почти единственной формой производства масла — из 115 млн. кг масла, производимого в Дании, на долю кооперативного производства приходилось 100 млн. кг.

Чтобы понять причины этого необычайно быстрого развития датской маслодельной молочной кооперации, нужно иметь в виду историческую обстановку, при которой это развитие совершалось. Изобретение сепаратора совершенно преобразовало технику маслоделия. Первое время применение сепаратора дало решительный перевес капиталистическому молочному хозяйству сравнительно с крестьянским, так как отдельному крестьянину было не под силу приобретение сепаратора. Но кооперативная организация маслоделия дала возможность крестьянину использовать для своего молока это важное техническое изобретение. Внедрив сепаратор, крестьянское кооперативное маслоделие стало быстро вытеснять капиталистическое.

После изобретения сепаратора (а также и некоторых приборов для определения качества молока) самой рациональной формой предприятия по переработке молока стало кооперативное предприятие. Правда, капиталистический маслодельный завод может пользоваться теми же машинами, что и кооперативный. Но дело в том, что качество масла самым тесным образом связано с качеством молока. Производство же молока фактически находится преимущественно в крестьянских руках: помещичье хозяйство не может по чисто техническим условиям с успехом конкурировать в этой области с крестьянским. Капиталистический маслодельный завод должен скупать у крестьян молоко для выработки масла. Слабая сторона такой скупки с точки зрения техники маслоделия заключается в том, что завод, скупающий молоко, не имеет возможности контролировать производство молока, а между тем малейших неправильностей при производстве и хранении молока (например, хранение его в загрязненной посуде) достаточно, чтобы пострадало качество изготавливаемого масла. Поэтому с технической точки зрения является рациональной

лишь такая организация производства масла, при которой производство молока и переработка его в масло связаны между собой в хозяйственном отношении и подчиняются одному общему контролю.

Поэтому капиталистический маслодельный завод, вырабатывающий масло из скупаемого молока, является с технической стороны нерациональной формой предприятия. Молоко должно производиться под контролем предприятия, которое производит масло.

С другой стороны, после изобретения сепараторов производство масла должно было отделиться от крестьянской фермы, так как устройство хорошо оборудованного маслодельного завода не под силу среднему крестьянину.

Иными словами, и капиталистическое, и крестьянское маслоделие стали после изобретения сепаратора одинаково нерациональны. Единственно рациональной формой производства масла стало кооперативное маслоделие, так как при нем производство масла может производиться в крупных размерах при помощи машин, в то же время маслодельное предприятие имеет возможность контролировать производство молока, так как хозяевами предприятия являются производители молока.

К тому же рационально поставленный маслодельный завод является предприятием, хотя и превышающим экономические силы отдельной крестьянской семьи, но все же далеко не крупным по масштабу современной хозяйственной системы. На устройство маслодельного завода вполне достаточен капитал в несколько тысяч рублей. Такая сумма не превышает экономических сил крестьянской группы.

Таким образом, кооперативное маслоделие оказывается несравненно более сильной формой предприятия, чем капиталистическое маслоделие или индивидуальное крестьянское. Только опираясь на кооперацию, молочное хозяйство в наше время может быть организовано технически рационально.

И действительно, мы видим, что в Дании молочное хозяйство стало делать быстрые успехи лишь после того, как оно приняло кооперативную форму. В настоящее время датская организация маслодельного производства является во всех отношениях образцовой. Члены товарищества обязываются подчиняться определенным условиям как доения, так и содержания скота; товарищество принимает все возможные меры для улучшения качества и удойности молочного

скота. Для этого вырабатываются наиболее рациональные правила кормления скота, воспрещается выдача коровам таких кормов, которые неблагоприятно влияют на количество и качество молока; молоко принимается в маслодельню по количеству содержащегося в нем жира, что поощряет крестьянина тщательно следить за тем, чтобы все производство молока было рационально; для улучшения качества скота устраиваются случные пункты с лучшими производителями, принимаются меры к доставлению всем членам товарищества самой рациональной посуды и т. д., и т. д. Товарищество следит за способами сохранения молока у членов товарищества и всячески старается поднять производство как молока, так и масла на наиболее высокий технический уровень. Когда в агрономической лаборатории в Копенгагене было открыто, что некоторыми манипуляциями можно уничтожить неприятный привкус в масле, то этот очень сложный способ в скором времени стали применять почти все кооперативные маслодельни.

В результате распространения кооперативного маслоделия получился огромный рост производства масла и поднятие всей этой отрасли хозяйства на необычайную техническую высоту. Дания заняла в маслоделии первое место в мире.

Конечно, датские кооперативные маслодельни работают не изолированно, но сплоченные в мощные союзы; вообще без союзного объединения отдельных кооперативов никакой длительный и прочный успех кооперации невозможен.

Подобную же картину чрезвычайно быстрого распространения кооперации при одновременном подъеме техники молочного дела мы замечаем в молочном хозяйстве Германии, Ирландии, Австрии, Австралии и других стран⁶⁸. В некоторых районах Германии с наибольшим распространением крестьянского хозяйства кооперативное маслоделие почти совершенно вытеснило, как и в Дании, всякое иное. В Германии молочная кооперация организована следующим образом. Товарищества объединены в союзы, которые играют чрезвычайно важную роль в деятельности каждого отдельного товарищества. При своем возникновении товарищество получает от союза детально разработанный план устройства завода и сметы всех необходимых построек и технических приспособлений. Технический персонал в распоряжении союза следит в случае надобности за всей

постройкой завода. Все необходимые препараты и машины товарищество также получает через посредство союза.

От него же товарищество получает и бланки необходимых для ведения дела книг и ведомостей, а нередко союз же посылает своих инструкторов для обучения персонала товарищества правильному счетоводству.

Союзы содержат специальные школы для подготовки технического персонала для молочных заводов. Услуги союзов товариществам так велики и очевидны, что вне союзов остается только небольшая часть товариществ.

Что касается капитала, необходимого для открытия действий товарищества, то и этот капитал получается при посредстве союзных организаций; товарищество присоединяется к какой-либо центральной кассе и из нее получает краткосрочный кредит на оборотные средства и долгосрочный — на оборудование самого завода. Другие товарищества кредитуются у отдельных кредитных товариществ.

Некоторые товарищества вырабатывают только масло, значительное большинство — как масло, так и сыр, также побочные продукты молочного производства. Пригородные товарищества совсем не перерабатывают молоко и поставляют его в сыром виде потребителям.

Всего в 1913 г. в Германии было зарегистрировано Имперским союзом 3488 молочных товариществ, да, кроме того, незарегистрированных товариществ было, по приблизительному подсчету, около 700–800. Число членов в этих товариществах должно было приближаться к 400 000.

За последние годы рост молочной кооперации в Германии несколько замедлился, потому что для германской молочной кооперации выступает новая задача — перейти от производства молочных продуктов к поставке потребителям молока в сыром виде, так как продажа молока в непереработанном виде дает гораздо большую выручку, чем в виде масла, цена которого сильно понижается иностранной конкуренцией. Эта новая задача — подход к непосредственной поставке потребителям молока — является очередной для германской молочной кооперации.

Очень интересной формой кооператива по переработке являются описанные Л. Н. Анцыферовым товарищества виноделов

рейнского района. Для владельца небольшого виноградника устройство хорошо оборудованного погреба для переработки винограда в вино является делом совершенно непосильным. Поэтому мелкие виноградари принуждены продавать свой виноград не весь и, естественно, попадают в полную зависимость от скупщиков винограда, ибо виноград является очень быстропортящимся продуктом, продолжительное хранение которого невозможно. На этой почве создается потребность в кооперативной организации для переработки винограда в вино.

Образцом винодельческих товариществ явилось первое из них в прирейнской деревне Майшоссе. Культура винограда остается делом каждого отдельного члена товарищества, но весь собранный виноград поступает в распоряжение товарищества, которое подвергает виноград в своем подвале всем операциям, необходимым для изготовления вина.

При поступлении винограда в распоряжение товарищества виноград оплачивается, а затем все полученные при продаже вина излишки распределяются между членами товарищества пропорционально ценности доставленного винограда и внесенного членом пая.

Особенно интересно влияние, оказываемое товариществом на производство винограда. Как сказано, культура винограда остается в руках отдельных членов товарищества. Однако успех товарищества самым существенным образом зависит от хозяйничанья отдельных членов на их виноградниках. Поэтому товарищество вынуждается силой вещей к самому деятельному вмешательству в индивидуальное хозяйство его членов. Чтобы вино было надлежащего качества, для этого необходима срезка винограда в надлежащее время. Поэтому товарищество требует, чтобы все члены его производили срезку винограда в момент, определяемый правлением товарищества. Затем качество винограда зависит от способа обработки почвы, от системы удобрений, от рациональной борьбы с разного рода вредителями и т. д., и т. д. Все это в большей или меньшей степени регулируется товариществом на общих собраниях его членов, устанавливающих путем взаимных соглашений все детали виноградной культуры. Товарищество же является посредником по приобретению членами орудий, удобрительных средств и всего другого, необходимого для виноградной культуры.

В результате получается, как это замечается и в области молочной кооперации, поднятие технического уровня не только производства того продукта, который непосредственно выпускается товариществом, но и того сырья, которое производится в индивидуальном хозяйстве отдельных членов товарищества.

Производство этого последнего продукта остается хотя и индивидуальным, но регулируемым коллективом и опирающимся на действие этого коллектива. Граница между индивидуальным и общественным производством в этом случае не стирается совершенно, ибо отдельные члены все же работают не на коллектив, а на себя самих, причем их доход определяется успешностью их единоличного труда.

Однако нельзя не признать, что в данном случае благодаря всеобщему регулированию труда отдельного лица коллективом труд этот не может быть назван всецело индивидуальным. Перед нами новый тип индивидуального труда, управляемого коллективом.

4. Производительно-подсобные товарищества

Товарищества по переработке, как было выяснено выше, отнюдь не должны быть смешиваемы с кооперативами в сфере труда: в этих товариществах кооперативная организация охватывает не труд производства, но владение производительным предприятием и управление им вместе со сбытом изготавливаемого продукта. Производство же в кооперативах этого рода ведется при помощи наемного труда совершенно так же, как в любой капиталистической мастерской. Ничего общего по своему внутреннему экономическому строю между маслодельным или винодельческим товариществом и производительной артелью не существует, ибо в производительной артели процесс производства осуществляется не наемными рабочими, но членами кооператива. В маслодельном или винодельческом товариществе члены товарищества никакого участия своим личным трудом в процессе переработки молока в масло или винограда в вино не принимают, а все эти процессы выполняются наемными рабочими.

Что касается кооперативов в сфере труда, то в сельском хозяйстве производительные артели являются таким же редким исключением, как и в области промышленности. Трудовые артели совершенно отсутствуют в сельском хозяйстве, и только производительно-подсобные артели имеют известное значение.

Производительно-подсобные артели встречаются среди крестьян преимущественно в двух видах: во-первых, как товарищества по пользованию некоторыми машинами, приобретение которых по их сравнительно высокой стоимости не под силу отдельному крестьянину, и, во-вторых, как арендные товарищества. (Третьим и крайне интересным типом производительно-подсобных артелей являются товарищества по снабжению сельских хозяев электрической энергией, но эти товарищества только возникают и еще ищут для себя подходящих экономических и юридических форм. Сомнительно, чтобы они могли осуществиться в широком разма­ре в форме кооперативов.)

Наибольшее распространение имеют товарищества по пользованию молотильными машинами. Что касается арендных товариществ, то они за последнее время стали быстро распространяться в Италии и Румынии на почве своеобразных условий крестьянского хозяйства в этих странах.

Италия является страной с большим развитием аренды. Так, в Ломбардии до 90 % крупных землевладельцев отдают свою землю в аренду капиталистическим фермерам. В южной Италии, особенно в Сицилии, преобладает аренда другого типа — мелкими участками крестьянам, причем сами крестьяне не снимают землю непосредственно у землевладельцев, но последние сдают землю особым капиталистическим посредникам, не ведущим сельского хозяйства, но пересдающим снятую землю крестьянам. Посредник не выполняет никаких производительных функций, но гарантирует землевладельцу исправный взнос арендной платы, внося ее из своих средств и собирая затем значительно увеличенную арендную плату с мелких арендаторов.

При таком положении дела мелкие арендаторы принуждены платить чрезвычайно высокую арендную плату, значительная часть которой остается в руках посредников. Отсюда и возникло движение в пользу кооперативной аренды, которая в Италии существует в двух формах: в форме коллективной аренды с общей обработкой земли и в форме коллективной аренды без общей обработки земли. При первой форме аренды арендующая группа является земледельческой производительной артелью (об этих артелях было сказано в главе о производительных артелях). Распространение таких форм аренды

весьма ограниченное. Гораздо большее значение имеет коллективная аренда без общей обработки земли.

При этой последней форме аренды товарищество за общий счет снимает определенный участок земли, разбивает его на мелкие участки и распределяет их между своими членами. Арендная плата за эти участки равняется соответствующей части общей арендной платы, уплачиваемой землевладельцу, плюс некоторая добавочная сумма на расходы по управлению товариществом и отчисление в резервный капитал товарищества, равно как и на амортизацию долгов товарищества.

Хотя обработка земли ведется в этом случае самостоятельно каждым отдельным членом, тем не менее имеется и некоторое общее хозяйство. Прежде всего члены товарищества сообща производят закупки нужных им средств производства и сообща продают продукты. Затем, так как ответственность за исправный взнос арендной платы ложится на все товарищество, то товарищество считает себя вправе контролировать хозяйство каждого отдельного члена. Особый наблюдательный комитет следит за обработкой земли отдельными членами, учит их методам новейшей техники, указывает на наилучшие способы использования удобрений, наилучшие сорта культивируемых растений и т. д. Иногда товарищество для целей общего руководства приглашает особых агрономов.

Таким образом, итальянские арендные товарищества с раздельной обработкой земли представляют собой кооперативы весьма сложного типа, не только производительно-подсобные, но и товарищества по закупке и сбыту, заключая в себе к тому же некоторые элементы и производительных артелей.

В 1906 г. таких арендных товариществ с раздельной обработкой в Италии было 83, причем площадь арендуемой ими земли определялась крупной цифрой в 30 тыс. га. Товарищества эти имеют полный успех, и нет никакого основания сомневаться в их дальнейшем развитии.

Еще большее значение имеют арендные товарищества в Румынии. И в Румынии, как и в Италии, арендные товарищества возникли на почве особых аграрных отношений этой страны: при господстве крупного землевладения в Румынии создалось такое же капиталистическое посредничество при аренде, как и в Италии. После революци-

онного движения румынского крестьянства в 1907 г. румынское правительство признало необходимость широкого аграрного законодательства, направленного к улучшению участи крестьянства⁶⁹. Одним из самых действительных средств к оздоровлению аграрных отношений была признана кооперация. Развитие арендных товариществ идет за последние годы в Румынии чрезвычайно быстрым темпом, как это видно из нижеследующих данных:

Год	Число арендных товариществ	Число их членов	Арендуемая площадь (тыс. га)
1903	8	—	5,0
1907	103	11 118	73,3
1908	172	23 071	133,2
1910	275	36 071	190,5
1911	372	62 009	283,4
1912	550	100 000	400,1

Румынские арендные товарищества, подобно итальянским, не ограничиваются передачей земельных участков в арендное пользование членам товарищества, но практикуют некоторые общие хозяйственные операции, как, например, общую закупку различных товаров и общий сбыт. Быстрый рост их находится в связи с правительственными мерами, принятыми под влиянием крестьянского движения. Важнейшие из этих мер заключаются в следующем. В 1908 г. был издан закон, согласно которому ни одно лицо не может брать в аренду в одни руки более 4000 га земли; законом 1910 г. было установлено, что все казенные земли, а равно земли, принадлежащие обществам и общественным учреждениям, если они эксплуатируются самими владельцами, должны отдаваться в аренду не иначе, как кооперативным товариществам сроком не менее как на 5 лет.

Но и помимо этого, румынское правительство непосредственно поощряет кооперативную аренду. Так, в 1908 г. была основана правительством Центральная сельская касса, капитал которой был доведен до 20 млн. лей. Центральная касса должна приобретать частновла-

дельческую землю для распродажи ее небольшими участками крестьянам или же для отдачи ее в аренду кооперативам. Кооперативные аренды организуются при посредстве Центральной кассы, издавшей с этой целью особый нормальный устав арендного товарищества.

Согласно нормальному уставу арендное товарищество является кооперативом с неограниченной ответственностью. Капитал товарищества составляется из паевых взносов размером не менее 20 лей каждый пай. План ведения хозяйства составляется правлением и должен быть утвержден Центральной кассой. Земельные участки находятся в пользовании одной и той же семьи в течение всего срока арендного договора (обычно охватывающего срок от 5–10 лет). Руководит хозяйством особый ученый агроном, который следит за хозяйством всех членов товарищества, должен заботиться об улучшении этого хозяйства, организывает зимой особые агрономические курсы для крестьян и т. д.

Утверждают, что кооперативная аренда очень подняла крестьянское хозяйство Румынии. Так, например, только с этого времени в Румынии начинает развиваться огородничество, которое раньше было делом исключительно приезжающих на летний сезон болгарских крестьян; агрономы же научили румынского крестьянина огородничеству.

Хотя обработка земли в румынских арендных товариществах производится раздельно, но некоторые рабочие операции производятся сообща: так, например, сжатый хлеб члены товарищества отвозят на общий ток и сообща его обмолачивают машиной. Продукты также сбываются сообща через выборных представителей. Из вырученной суммы отчисляется известный процент в пользу товарищества и образовывается фонд для приобретения машин, производства мелиорации, постройки школ и пр.

5. Сельскохозяйственная кооперация в Англии

Особый характер имеет сельскохозяйственная кооперация в Англии. Значение английской сельскохозяйственной кооперации и ее своеобразие заключаются в том, что она является одним из звеньев грандиозной и строго продуманной системы, имеющей своей целью коренное изменение аграрных условий Англии и насаждение в ней на место господствующего крупного капиталистического сельского

хозяйства крестьянского хозяйства. К этому стремятся английские власти уже много лет, не отступая перед такими решительными мерами, как принудительное отчуждение частновладельческих земель. Английское общественное мнение издавна привыкло ценить значение кооперации; естественно, что и насаждение крестьянского хозяйства было признано осуществимым лишь при условии развития крестьянских кооперативов. Закон 1908 г., установивший в случае надобности принудительное отчуждение частновладельческой земли (по нормальной оценке), рекомендовал советам графств способствовать образованию среди владельцев небольших земельных участков и, по возможности, наделять землей не отдельные лица, а целые группы таких лиц под их круговую ответственность.

С целью распространения сельскохозяйственной кооперации в Англии возникло в 1901 г. по частной инициативе «Земледельческое организационное общество», получающее от правительства крупную субсидию. Общество это ведет деятельную пропаганду кооперации, устраивает с этой целью публичные лекции, посылает особых своих агентов для ознакомления населения в разных местах с кооперативными принципами, инструктирует вновь возникающие кооперативы и пр. Никакой коммерческой деятельности у него нет и оно не располагает никакой властью по отношению к вновь возникающим кооперативам.

В 1905 г. такое же общество возникло и в Шотландии. В Ирландии оно возникло еще раньше английского, в 1894 г.

К концу 1910 г. к этой организации принадлежало уже 396 кооперативов, т.е. около $\frac{4}{5}$ всех сельскохозяйственных кооперативов Англии. В названной организации участвовало 161 арендное товарищество. В 1915 г. в английском земледельческом организационном обществе состояли уже 543 сельскохозяйственных кооператива. К шотландскому обществу в том же году принадлежало 145 кооперативов, к ирландскому — 1023 кооператива.

Члены английских арендных товариществ обрабатывают землю обычно раздельно, но значительная часть живого и мертвого инвентаря принадлежит всему товариществу, которое ссужает его за определенную плату членам товарищества.

Земледельческому организационному обществу удалось наладить сбыт некоторых сельскохозяйственных продуктов непосредственно

английскому Обществу оптовых продаж, чего достигнуть было не легко, так как потребительские кооперативы Англии относились с большим недоверием к сельскохозяйственной кооперации. Вообще, английская сельскохозяйственная кооперация при всей своей молодости обещает стать чрезвычайно важным фактором возрождения в Англии давно исчезнувшего крестьянского хозяйства.

Глава V. Социальная среда крестьянской кооперации

Одним из характерных признаков кооперации, по общему мнению, является то, что кооперативы представляют собой открытые учреждения: в них принимаются все желающие, согласные выполнять обязательства, налагаемые принадлежностью к данному кооперативу. Это нисколько не мешает тому, что фактически в кооператив того или иного рода идут не все, а лишь лица, принадлежащие к определенным общественным группам, классовым интересам которых соответствует участие в данных организациях.

Состав участников сельскохозяйственных кооперативов весьма сложный. Сельскохозяйственный кооператив не имеет никаких оснований отгораживаться от крупных сельских хозяев, напротив, участие последних в кооперативе для последнего весьма желательно, так как чем крупнее хозяйственные обороты данного лица, тем экономически сильнее и включающая его организация. Поэтому, как общее правило, сельскохозяйственные кооперативы охотно принимают в свои члены всех сельских хозяев независимо от того, ведут ли последние крупное или мелкое хозяйство.

Что касается отношения к кооперативам самих сельских хозяев, то оно далеко не одинаково у мелких хозяев — крестьян и крупных хозяев — помещиков. Для крестьян кооперация является незаменимым и единственно возможным средством поднятия их экономического благосостояния. Крестьянин экономически слишком слаб, чтобы своими собственными силами удовлетворительно справиться с теми задачами, которые выпадают на него в современном развитии капиталистическом хозяйстве. Капиталистическая система хозяйства, господствующая в настоящее время, приспособлена к интересам крупных хозяев, располагающих достаточным капиталом. Капиталы, которыми располагают крестьяне, сравнительно

ничтожны, потому крестьяне, естественно, попадают под эксплуатацию тех капиталистических общественных элементов, с которыми крестьянин сталкивается по условиям своего хозяйства; такими элементами являются, во-первых, представители денежного капитала (на этой почве возникает деревенское ростовщичество), во-вторых, представители торгового капитала (на этой почве возникает эксплуатация крестьянства торговыми посредниками — деревенскими лавочниками, продавцами разного рода сельскохозяйственных средств производства, машин, орудий, искусственных удобрений и пр., а также скупщиками сельскохозяйственных продуктов) и, наконец, в тех районах, где крестьянин ведет хозяйство не на своей, а на арендованной земле, крупные землевладельцы или капиталистические посредники, передающие землю в аренду. Все эти общественные элементы, интересы которых находятся в антагонизме с интересами крестьянина, экономически сильнее изолированного крестьянина, и при отсутствии особых крестьянских организаций, когда крестьянину приходится своими единоличными силами отстаивать свои интересы, крестьянин естественно попадает в экономическую зависимость от названных капиталистических классов. Общественная задача кооперации в том именно и заключается, чтобы освободить крестьянина от этой зависимости и восполнить коллективной силой крестьянской группы слабость единоличных сил крестьянина.

Поэтому естественной задачей кооперации является защита интересов мелкого сельского хозяина — крестьянина. Участие крестьянина в сельскохозяйственных кооперативах диктуется его настоятельными экономическими интересами.

Соответственно этому вся организация, весь внутренний строй кооператива приспособлен к защите именно крестьянских интересов. Возьмем, например, кредитное товарищество. Основанием его являются так называемые райффайзеновские принципы. Все эти принципы вытекают из одного основного стремления — дать возможность пользоваться возможно дешевым кредитом тем лицам, которые считаются некредитоспособными с точки зрения обычного капиталистического банка. Райффайзеновская организация существует, очевидно, для мелких и малообеспеченных сельских хозяев, а не для крупных помещиков, которые легко получают

кредит в обычных банках. По своей первоначальной идее райффайзенровский кооператив был почти благотворительным учреждением для бедняков.

Если мы возьмем разнообразные кооперативы по закупке и сбыту, то и в них мы заметим черты, которые делают их организациями, приспособленными для обслуживания интересов именно мелких, а не крупных хозяев. Прежде всего какой смысл имеет основное правило всякого кооператива, предоставляющее каждому члену иметь только один голос в общих собраниях независимо от того, сколько паев он имеет в своем распоряжении? Правило это, очевидно, внушено стремлением оградить интересы именно менее самостоятельных членов кооператива. Тот же смысл имеет и другой кооперативный принцип — распределение чистого дохода не по паям, а по участию данного лица в оборотах кооператива.

Возьмем, например, кооперативную маслодельню. Чем объясняется самая характерная черта этой экономической организации, резко отличающая ее от акционерного капиталистического маслодельного завода, — тем, что доход от продажи масла распределяется пропорционально поставленному каждым молоку, а не пропорционально доли внесенного каждым в предприятие капитала?

Смысл этой особенности маслодельного кооператива, очевидно, заключается в том, что предприятие основывается в интересах производителей молока, а не в интересах лиц, владеющих капиталом. Но ведь молоко с точки зрения капиталистического предпринимателя такой же капитал, как и машины, заработная плата и прочее, необходимое для действия маслодельного предприятия. Поэтому с капиталистической точки зрения самым рациональным было бы приравнять молоко к прочим элементам капитала и распределять прибыль пропорционально капиталу, вносимому каждым, иначе говоря, по паям. Маслодельный кооператив смотрит на это дело совершенно иначе и самым строгим образом выделяет молоко из прочих затрат маслодельного производства и распределяет получаемый доход только по молоку.

Почему? Да потому, что маслодельный кооператив существует не в интересах людей, владеющих капиталом, а в интересах тех, благосостояние которых основывается на владении коровой и получаемом от нее молоке. Вот почему молоко для маслодельного кооператива

вовсе не есть элемент капитала, а нечто принципиально отличное от капитала, нечто символизирующее затраченный на производство молока крестьянский труд.

Вообще, внутренняя часть организации сельскохозяйственного кооператива неопровержимым образом свидетельствует, что перед нами организация, существующая в интересах не капиталистических предпринимателей, а трудящихся производителей.

Соответственно этому мы видим, что повсеместно сельскохозяйственная кооперация обслуживает прежде всего трудящиеся слои деревенского населения.

Возьмем, например, кредитную кооперацию. В германских кредитных товариществах райффайзеновского типа существует три вида ссуд: под личное поручительство, под обеспечение ценными бумагами, под обеспечение ипотекой. По данным, приводимым А. Н. Анцыферовым, в 1901 г. 75,3 % общего числа ссуд падало в товариществах райффайзеновского союза на ссуды, обеспеченные поручительством, 22,6 % — на ссуды, обеспеченные ипотекой, и только 2,1 % — на ссуды, обеспеченные ценными бумагами. Средняя величина ссуды на одного члена не превышала в том же год 690 марок. Все это ясно говорит, что клиентом райффайзеновских товариществ является мелкий сельский хозяин-крестьянин и что капиталистический кредит не играет в деятельности этих товариществ почти никакой роли.

Точных статистических данных относительно имущественного положения членов сельскохозяйственных кооперативов в различных государствах не имеется, и потому приходится довольствоваться для выяснения классового состава участников сельской кооперации косвенными данными. Все эти данные говорят, что членами сельских товариществ являются по преимуществу крестьяне.

Так, прежде всего бросается в глаза, что кооперативы распространены по преимуществу в районах с преобладанием крестьянского хозяйства и имеют гораздо меньший успех там, где преобладает помещичье хозяйство. Макс Грабейн приводит в своей известной книге «Wirtschaftliche und sociale Bedeutung der ländlichen Genossenschaften in Deutschland»⁷⁰ (1908 г.) следующую статистику распределения германских кооперативов в различных районах Германии:

Районы с преобладанием мелкого и среднего сельского хозяйства		Районы с преобладанием крупного сельского хозяйства	
Сельскохозяйственная площадь, приходящаяся на одно товарищество, га			
Рейн-Пфальц	453	Бранденбург	2380
Гессен	606	Познань	2838
Рейн-Прусск.	815	Померания	3089
Вюртемберг	862	Западная Пруссия	3833
Гессен-Нассау	896	Мекленбург-Шверин	4031
Вальдек	925	Восточная Пруссия	5220
Баден	1027	Мекленбург-Стрелиц	6223

Легко заметить, что кооперативы преобладают в районах мелкого и среднего хозяйства.

Относительно Гессена имеются данные об имуществе и доходах членов сельских кредитных товариществ. Средний доход члена кредитного товарищества оказался в этом далеко не бедном германском государстве равным всего 1207 маркам, а средний размер имущества — 15602 маркам; и то и другое свидетельствует, что члены кредитных товариществ принадлежат в своей массе малообеспеченным слоям населения.

Какие же именно слои крестьянского населения преимущественно принимаются в кооперативном движении? Ответить на этот вопрос по недостатку соответствующих статистических сведений очень не легко. По-видимому, кооперация привлекает в свои ряды главным образом средних и крупных крестьян. Самые мелкие крестьяне, приближающиеся к пролетариату, слишком слабы экономически для того, чтобы участвовать в значительном количестве в кооперативах.

Имеющаяся по данному вопросу отрывочная статистика, в общем, подтверждает это предположение. Так, например, относительно образцовой датской молочной кооперации можно сказать, что в ней участвуют все элементы сельского населения, обладающего коровами, но далеко не в одинаковой мере: на долю parcelлярных мелких хозяйств приходилось, по данным, относящимся к 1903 г., 28,7 % всего

молока, переработанного в молочных кооперативах; на долю средних хозяйств — 55,2, а на долю крупных хозяйств — только 13,8 %.

Что касается группы мелких хозяйств, то она, в свою очередь, может быть разделена на три подгруппы. Самая низшая группа карликовых хозяйств дает ничтожное количество коров, поставляющих молоко на кооперативы, но из общего числа коров во владении этой группы все же 58 % коров принадлежит членам кооперативов. В следующей группе мелких хозяйств в кооперативы поставляется молоко 82,8 % всех коров, находящихся во владении этой группы; наконец, в самой высшей группе мелких хозяйств уже 84,9 % коров связано с кооперативами. Отсюда очевидно, что в датской маслодельной кооперации участвуют все слои крестьянского населения, но участие самых мелких хозяев менее значительно, чем участие тех крестьянских групп, которые приближаются к средним слоям крестьянства.

В Германии роль крупного хозяйства в кооперации более значительна, чем в Дании, и соответственно этому в германской кооперации замечается стремление к сближению с капиталистическими организациями. Так, некоторые германские молочные товарищества охотно замыкают свой состав и становятся фактически недоступными беднейшим хозяевам деревни благодаря требованию высокой вступительной платы (до 80 марок на корову). Но это является далеко не общим правилом, а исключением.

По словам такого выдающегося знатока германской кооперации, как Грабейн, генерального секретаря Имперского союза, «кооператив есть такая хозяйственная форма, в которой объединяются ради своих общих интересов средние и мелкие хозяева, а также и остальные, более слабые элементы деревенского населения. Однако сельский кооператив не носит характера односторонней классовой организации; наоборот, почти повсеместно в кооперативных организациях принимают в большей или меньшей степени деятельное участие и крупные хозяева, а также и иные элементы деревенского населения».

Особенно велико участие крупных хозяев в французских сельских синдикатах, которые только отчасти могут быть причислены к кооперативам. Вообще, сельская кооперация представляет в этом отношении в разных странах далеко не одинаковую картину: хотя везде преобладает в кооперативах крестьянство, но, во-первых, среди самого крестьянства имеются различные группы по своему относи-

тельному достатку, и роль каждой из этих групп в кооперации в разных странах различна; во-вторых, наряду с крестьянством почти всюду в состав кооперативов входят крупные землевладельцы, в одних странах в большей, в других в меньшей мере.

Что касается участия в деревенской кооперации крупных землевладельцев, то оно объясняется частью хозяйственными интересами помещиков, частью же причинами исторического и политического характера. Что касается первой причины, то она, конечно, имеет свое значение. Кооперация приспособлена к интересам менее достаточных классов деревенского населения, но и более достаточные классы могут извлекать из участия в кооперативах определенные хозяйственные выгоды. Ссуда в несколько сотен марок, которая выдается кредитным кооперативам, не удовлетворит, конечно, потребности в кредите крупного землевладельца, но все же и она может оказаться далеко не лишней в добавление к кредиту, получаемому из обычного капиталистического банка. Еще более существенную помощь хозяйству крупного сельского хозяина могут оказать разного рода кооперативы по сбыту, закупке и переработке. Поэтому хозяйственные интересы крупного хозяина побуждают его не уклоняться от участия в кооперативах. Нужно, однако, иметь в виду существенное различие в этом отношении между крестьянином и крупным хозяином: для крестьянина участие в кооперативе диктуется интересами самосохранения — вне кооператива само экономическое существование крестьянина как самостоятельного хозяина нередко подвергается опасности; напротив, для крупного хозяина участие в кооперативе ни малейшим образом не является вопросом первенствующей хозяйственной важности — крупный хозяин прекрасно может существовать и вне кооперации, но участие в ней может быть для него выгодно, хотя выгода эта обычно и не является сколько-нибудь значительной⁷¹.

Таким образом, чисто экономические причины хотя и благоприятствуют участию крупных хозяев в кооперации, но действие их довольно слабо. А так как кооператив является по самому своему существу демократическим учреждением, большинство членов которого принадлежат к иному общественному классу — крестьянству, то на чисто экономической почве трудно было бы ожидать сколько-нибудь значительной тяги класса крупных хозяев к коопе-

рации. Ведь в кооперативах всякий член имеет равный голос — многие помещики, участвующие в них, совершенно подавляются голосами крестьян. Вся организация кооператива совершенно не приспособлена к обслуживанию нужд помещика.

Но, кроме хозяйственных мотивов, поведение общественных групп управляется и многими другими соображениями. Исторически сельскохозяйственная кооперация возникла как благотворительное учреждение в среде крупных землевладельцев и деревенской интеллигенции: деревенских учителей, духовенства и пр. Райффайзен и его первые сподвижники отнюдь не принадлежали к крестьянскому классу, и вся райффайзеновская кооперация задумана как организация, служащая интересам крестьянства, но опекаемая и руководимая не самими крестьянами, а более образованными и достаточными классами деревенского населения. Этот первоначальный характер сельской кооперации значительно изменился по мере ее роста, но не вполне утрачен и поныне. И теперь руководители сельской кооперации выходят в значительной степени из общественных классов, стоящих на социальной лестнице гораздо выше крестьянства.

К таким историческим причинам, обуславливающим сравнительно значительное участие помещичьего класса в крестьянской кооперации, присоединились и присоединяются в некоторых странах и причины политического характера. В Германии, например, политические условия объединили среднее и крупное крестьянство в одну политическую партию с крупными землевладельцами. Дело в том, что землевладельцы вместе с крестьянами — сторонники пошлин на сельскохозяйственные продукты, между тем как партия городского пролетариата — социал-демократы — является ожесточенным врагом аграрного протекционизма, удорожающего предметы потребления городского населения. Общие политические интересы и общность принадлежности к этой политической партии сближают помещиков с крестьянами и на экономической почве. Помещики, опираясь политически на поддержку крестьян, привыкших видеть в них своих политических вождей, естественно становятся руководителями и крестьянской кооперации.

И действительно, в Германии крестьянская кооперация находится под преобладающим влиянием крупных землевладельцев.

Грабейн сообщает следующие данные относительно участия крупных землевладельцев в управляющих органах сельских кооперативов. В 305 кредитных товариществах Померании было из среды крупных землевладельцев 109 председателей совета и 50 председателей правления. В Силезии в 619 кредитных товариществах было из среды крупных землевладельцев 308 председателей правления и 273 председателя совета.

Еще гораздо сильнее участие крупных землевладельцев в управлении центральными организациями сельской кооперации: союзов, центральных касс и т. п.

Затем выдающуюся роль в руководстве сельскохозяйственной кооперацией Германии играют духовенство и школьные учителя, которые в Германии стоят очень близко к помещицкому классу и находятся под его сильным влиянием. В Силезии в 619 кредитных товариществах из среды духовенства было 88 председателей совета и 45 председателей правления, а из среды учителей — 39 председателей совета и 34 председателя правления. В Померании в 305 товариществах из среды духовенства был 51 председатель совета и 49 председателей правления, из среды учителей — 27 председателей совета и 23 председателя правления.

Таким образом, можно думать, что вообще в большинстве сельских кооперативов Германии руководителями являются не крестьяне, но более достаточные элементы деревенского населения, и прежде всего крупные землевладельцы.

Этим объясняется, что некоторые виды кооперации совершенно отсутствуют в германской деревне. В предшествовавшей главе было указано, что благодаря политическим симпатиям германских аграриев классу торговцев в германской деревне не могут развиваться потребительские общества. Точно так же известная политическая организация германских аграриев Союз сельских хозяев очень успешно тормозит развитие и некоторых других форм сельскохозяйственной кооперации, противоречащих интересам тех общественных групп, которые поддерживаются союзом, а именно: мукомольных и хлебопекарных кооперативов. Вопрос о мерах развития этих кооперативов уже много лет стоит на очереди в Германии, но все не получает разрешения благодаря нежеланию германских аграриев ссориться с мельниками и булочниками.

На одном из недавних конгрессов германских деревенских кооперативов это подчинение сельскохозяйственной кооперации руководству крупного землевладения получило очень яркое выражение. А именно: на Майнцском конгрессе 1908 г. был поставлен на обсуждение доклад ландрата фон Эйзенгард-Роте, посвященный вопросу о том, какими средствами в области кооперации можно бороться с недостатком рабочих в сельском хозяйстве. Эту тему докладчик более точно определил как вопрос о том, «каким образом кооперативное движение может наиболее целесообразным образом поддержать стремления, направленные к увеличению числа сельскохозяйственных рабочих путем прикрепления их к земле?» Докладчик указал, что в настоящее время крупные землевладельцы очень страдают от недостатка рабочих рук и стремятся теми или другими способами увеличить связь сельскохозяйственных рабочих с землей. Последнее необходимо потому, что только этим путем можно задержать отлив рабочих в города.

Достигнуть этого можно, по мнению докладчика, следующим образом. Желательно, чтобы сельскохозяйственные кооперативы покупали землю и передавали ее в долгосрочную аренду сельскохозяйственным рабочим, но непременно небольшими участками — размером от 3 до 8 моргенов, во всяком случае, не настолько крупными, чтобы рабочий был избавлен от необходимости работать на стороне.

Доклад этот, явно направленный против интересов сельскохозяйственных рабочих, был встречен конгрессом весьма сочувственно. Председатель Касперс-Бубенгейм счел нужным выразить от себя полное одобрение докладу. Очень поучительны были и следовавшие за докладом прения. Один из ораторов выразил мнение, что несчастьем для сельскохозяйственных рабочих является чрезмерное учение в школе, которое приводит к тому, что рабочие стремятся в город. В заключительном слове докладчик еще резче выразил свою классовую точку зрения. «Различные ораторы, — сказал он, — признавали, что рабочий, имеющий свой собственный кусок земли, не работает или редко работает на чужой земле, ибо он стремится по возможности увеличить прикупкой свое землевладение и занять свои рабочие силы на своем участке. Это, однако, не принесет пользы. Мы на востоке страдаем от недостатка рабочих рук для крупного землевладения и для крестьянского хозяйства, а крупное землевладение у нас на востоке такой важный носитель культуры, что мы должны позабо-

титься о нем. Поэтому мы должны принять меры, чтобы крупные землевладельцы и крестьяне имели в своем распоряжении достаточно рабочих, и только на втором плане мы можем поставить вопрос о желательности для рабочего собственной земли. Исходя из этих соображений, я, как представитель востока Германии, считал нужным рекомендовать, чтобы были приняты меры, которые, так сказать, принудили бы рабочего работать на чужой земле... Я не противник частной земельной собственности для рабочих, но мы не хотим давать землю каждому рабочему, даже и не заслуживающему этого. Сельские рабочие большей частью сущие дети, и их нужно опекать».

Эти слова вызвали крики «браво», и конгресс единогласно принял следующую резолюцию, предложенную докладчиком: «Конгресс германской сельскохозяйственной кооперации признает в высшей степени желательным, чтобы Имперский союз обратил особое внимание на крайне важный вопрос об укреплении связи с землей сельскохозяйственных рабочих при помощи кооперативов».

Майнцский конгресс германских сельскохозяйственных кооперативов с полной ясностью показал, что германская деревенская кооперация находится в полном подчинении у крупных аграриев, представляя в этом отношении разительный контраст с потребительской кооперацией, в сфере которой господствуют социал-демократические элементы*.

* Нужно иметь в виду, что Майнцский конгресс был не просто очередным ежегодным конгрессом германской сельскохозяйственной кооперации, но «юбилейным» конгрессом, так как он совпал по времени с двадцатипятилетием Имперского союза сельскохозяйственных кооперативов. В связи с этим конгрессу была придана особая торжественность. Почетным председателем конгресса был Великий Герцог Гессенский, конгресс был особенно многолюден и даже принял до некоторой степени международный характер, ибо в нем участвовали многочисленные представители сельскохозяйственной кооперации из других стран. Тем характернее принятые конгрессом резолюции по вопросу о сельскохозяйственных рабочих. Об этом конгрессе имеется особая статья в «Очерках по кооперации». А. Н. Анцыферова. Почтенный автор с энтузиазмом говорит о нем и об обнаружившейся в нем мощи германской сельскохозяйственной кооперации. С последним нельзя не согласиться, но нельзя и не пожалеть, что как в России, так и на Западе наблюдается среди друзей кооперации наклонность оставлять в тени ее классовые черты даже тогда, когда они до такой степени бьют в глаза, как в резолюциях Майнцкого конгресса. А. Н. Анцыферов, говоря о работах конгресса, даже и не упоминает об его резолюциях по рабочему вопросу.

Подобное же положение вещей — господство крупных сельских хозяев в пределах деревенской кооперации — мы наблюдаем и во многих других странах. Так, например, в Бельгии сельскохозяйственная кооперация является одной из главных хозяйственных опор господствующей там реакционной католической партии. Крупные помещики доминируют на конгрессах бельгийских сельскохозяйственных кооперативов еще больше, чем в Германии.

Во Франции мы видим совершенно ту же картину. Достаточно сказать, что духовным вождем французской кооперации в деревне считается граф де Рокиньи, реакционный политик и завзятый враг социализма. Экономические воззрения Рокиньи крайне наивны и не пошли в области социальной политики дальше либерального манчестерства⁷² половины прошлого века. Он не видит в современном обществе никаких социальных антагонизмов и склонен считать таковые зловредной выдумкой социалистических агитаторов. «Кропоткины, Карлы Марксы, Жюли Геды и пр., и пр., — говорит он, — могут стараться возбудить антагонизмы и классовую вражду, которые следовало бы считать угасшими после того, как французская революция провозгласила равенство прав людей, свободу и братство граждан; они могут предсказывать социальное разрушение и уничтожение частной собственности, снятие границ и исчезновение идеи отечества: время для всего этого еще не пришло, можно надеяться, что в стране здравого смысла, как наша, оно никогда не придет для осуществления этих преступных утопий. Народ действительных тружеников хорошо знает, и не от таких утопий он ожидает улучшения своей участи».

Вне революционного социализма Рокиньи различает два главнейших направления экономической мысли. Одно, называемое им государственным социализмом, стремится путем социальных реформ, осуществляемых государством, улучшить участие трудящегося народа; это направление достигло особого развития в Германии и вообще имеет успех в странах, не знающих политической свободы.

Государственному социализму Рокиньи противопоставляет идею профессиональной ассоциации. Профессиональная ассоциация не имеет ничего общего с союзами рабочих, так как рабочий союз объединяет рабочих в противоположность их хозяевам, а профессиональная ассоциация уничтожает классовый антагонизм, объединяя в

одной организации и рабочих, и хозяев известного промысла, без различия их классовой принадлежности. В этом Рокиньи усматривает главную силу сельскохозяйственных кооперативов.

«Сельскохозяйственные синдикаты включают в свои ряды как хозяев, так и рабочих, и на этом основан их успех. Крупные землевладельцы, фермеры, управляющие, мелкие землевладельцы, служащие, простые рабочие входят в состав одного союза; они научатся в нем знать друг друга, помогать друг другу, просвещать друг друга, обсуждать свои общие интересы, соединяться для общей победы. Ничто не сближает в такой степени различные общественные классы, и ничто не способствует в такой мере объединению их интересов, и ничто не поднимает в такой мере уровень демократии. Первые деятели сельскохозяйственных синдикатов очень правильно поняли, что для достижения действительного прогресса и крупных социальных результатов необходимо, ввиду раздоров и столь эксплуатируемых недоумений в промышленном мире, утвердить союз, господствующий между хозяином и рабочим в сельском хозяйстве».

Рокиньи признает, что во Франции обычно думают, будто сельскохозяйственные синдикаты являются опорой реакционных партий. Он возражает против этого, но очень неубедительно. Зато он вполне согласен, что сельскохозяйственные синдикаты представляют силу, враждебную социализму. «Не так давно предлагали, — говорит он, — организовать во Франции антисоциалистическую лигу или ассоциацию, долженствующую воспрепятствовать успехам социализма путем поощрения частной инициативы. Эту ассоциацию в деревне не нужно создавать, так как она там уже имеется и не как общество академического характера, а как практическое учреждение. Сельские хозяйственные синдикаты образуют эту антисоциалистическую лигу; это они, постепенно осуществляя путем профессиональной солидарности всевозможные реформы и социальные улучшения, докажут бесплодность обещаний коллективизма и государственного социализма».

И это не только общие фразы. Действительно, некоторые сельские синдикаты Франции ведут активную борьбу с социализмом. Так, например, Syndicat économique agricole является одновременно «лигой социальной защиты против социалистической пропаганды в деревне». Эта организация ставит себе задачей борьбу с социалистической

пропагандой в деревне и в противность государственному социализму стремится к «сведению к минимуму вмешательства государства в частную жизнь». Тезису о борьбе классов эта организация противопоставляет начало объединения классов, причем «буржуазия должна образовать генеральный штаб свободной ассоциации».

Соответственно выдающейся роли, которую в сельскохозяйственной кооперации играют представители крупного землевладения, деревенская кооперация занимает в большинстве западно-европейских стран совершенно иную политическую позицию, чем потребительская кооперация. И это ярко обнаружилось при попытках объединить все виды кооперации в общие организации национального или интернационального характера. Везде потребительская кооперация складывается в особые организации сравнительно с сельскохозяйственной.

Выше (в главе отдела о пролетарской кооперации) была изложена история образования Международного кооперативного союза, который по замыслу его инициаторов должен был объединить все виды кооперации. На самом деле он объединил только одну ветвь мирового кооперативного движения — пролетарскую кооперацию. Союз не только не содействовал объединению различных классовых течений современной кооперации, но углубил пропасть между ними. И это, несомненно, являлось шагом вперед и соответствовало внутренним тенденциям кооперативного движения. Несоединимого по своей внутренней природе никакими искусственными мерами соединить нельзя.

Подобно тому как пролетарская кооперация получила свой объединяющий центр в Международном кооперативном союзе, так и сельскохозяйственная кооперация образовала свой собственный Международный союз сельскохозяйственной кооперации. Союз этот возник в 1907 г., через три года после будапештского конгресса старого союза; как выше было указано, будапештский конгресс имел решающее значение в истории Международного кооперативного союза, так как на этом конгрессе ясно обнаружилось, что пролетарская кооперация тяготеет к сближению с социалистическим движением. Представители германских и австро-венгерских сельскохозяйственных кооперативов отнеслись с большим несочувствием к этому повороту пролетарской кооперации и решили образовать свой особый международный союз, чего им и удалось достигнуть.

Международный союз сельскохозяйственных кооперативов проникнут совершенно иным духом, чем старый Международный кооперативный союз. Руководящую роль в нем играют германские сельскохозяйственные кооперативы с характерными для них аграрными тенденциями. Сила и значение этого нового международного союза пока гораздо слабее старого.

Глава VI. Социальное значение крестьянской кооперации

Сельскохозяйственная кооперация является при современных условиях необходимым спутником крестьянского трудового хозяйства. Эта чрезвычайно важная роль кооперации в крестьянском хозяйстве объясняется тем, что благодаря кооперации крестьянин получает возможность пользоваться выгодами и преимуществами крупного хозяйства. Кредитные товарищества, общества по закупке, сбыту и переработке — все это организации, во главе которых стоят мелкие хозяева, но в то же время общества эти являются сравнительно крупными хозяйственными организациями, могущими с успехом конкурировать с крупными капиталистическими предприятиями; объединенные же в союзы общества эти становятся не только крупными, но и очень крупными предприятиями.

Одна группа сельскохозяйственных кооперативов не имеет никаких специфических преимуществ перед капиталистическим предприятием, кроме того, что объединенные в союзы кооперативы эти могут иметь большие размеры. Так, например, общество по сбыту сельскохозяйственных продуктов ставит себе те же цели, что и капиталистическое предприятие с теми же задачами, но если эти общества объединены в национальный союз, то силы такого союза могут быть громадны. Кредитное товарищество само по себе гораздо менее привлекает вклады, чем любой капиталистический банк, и только товарищества, объединенные в союз, становятся уже сильным кредитным учреждением. Поэтому вне союзов кооперативы этого большого рода значения иметь не могут.

Другая группа кооперативов имеет в отношении выполнения своих задач уже специфические преимущества перед капиталистическими предприятиями. Сюда относятся прежде всего това-

рищества по закупке как средств производства сельского хозяйства, так и предметов потребления. Преимущество их перед аналогичными капиталистическими предприятиями заключается в том, что самая трудная задача при условиях современной хозяйственной системы заключается в отыскании рынка для имеющихся продуктов; кооперативы же по закупке суть уже готовый рынок, ибо они состоят из объединившихся для целей закупки покупателей.

Правда, этим специфическим выгодам кооперативной организации закупки противостоят и известные невыгоды сравнительно с капиталистической закупкой — меньшее знакомство с рынком, меньшая заинтересованность в успехе дела лиц, руководящих им, и т. д. Объединенные в союзы кооперативы этого рода получают уже значительные преимущества перед капиталистическими предприятиями.

Третью группу сельскохозяйственных кооперативов составляют такие, которые в силу особых технических условий почти не допускают конкуренции капиталистических предприятий, представляя собой в техническом отношении единственно рациональную форму предприятия. К этой группе относятся некоторые товарищества по переработке, например, маслодельные кооперативы; по чисто техническим условиям, сущность которых сводится к тому, что рациональное производство масла требует контроля и над производством молока, капиталистический маслодельный завод, производящий масло из покупного молока, стоит в техническом отношении гораздо ниже маслодельного кооператива, контролирующего производство молока. Кооперативы этого типа уже сами по себе обладают силой вытеснять капиталистические предприятия.

В общем, сельскохозяйственная кооперация значительно повышает производительность крестьянского хозяйства и увеличивает его способность конкурировать с крупным капиталистическим сельским хозяйством. Крестьянскому хозяйству, и помимо кооперации, присущи известные преимущества сравнительно с капиталистическим; преимущества эти коренятся в одной определенной области сельского хозяйства — в области производства, где в силу технических условий крестьянское производство оказывается значительно более производительным, чем капиталистическое.

Однако в сфере обмена крестьянское хозяйство находится в гораздо худших условиях, чем капиталистическое. Кооперация глубоко

изменяет в этом отношении позицию крестьянского хозяйства: благодаря кооперации крестьянин получает возможность пользоваться кредитом почти на таких же (а иногда и лучших) условиях, как и крупный сельский хозяин, продавать свои продукты почти по такой же высокой и покупать нужные ему продукты почти по такой же низкой цене, как и крупный хозяин, или даже благодаря союзам обгоняет в этом отношении изолированных крупных хозяев.

В область чисто сельскохозяйственного производства в точном смысле слова кооперация почти не проникает или если и проникает, то лишь окольным путем, со стороны. Переработка молока в масло, винограда в вино, зерна в муку, что исполняет кооперация, не является в строгом смысле слова сельскохозяйственным производством, областью которого являются только биологические процессы.

Поэтому с принципиальной стороны сельскохозяйственная кооперация отнюдь не превращает мелкого крестьянского производства в какую-либо иную форму.

Объединенное кооперативными организациями хозяйство крестьянина остается мелким в том смысле, что основной ячейкой кооперативной ткани, как бы эта последняя ни была разветвлена, прочна и сложна, все же остается отдельное крестьянское хозяйство, во главе которого стоит самостоятельный хозяин, на свой страх и риск ведущий это хозяйство. Самостоятельности крестьянского хозяйства кооперация не только не угрожает, но, увеличивая успешность этого хозяйства и повышая его технический уровень, делает крестьянское хозяйство более устойчивым. Поэтому нужно самым решительным образом отвергнуть идею, будто кооперация ведет к концентрации крестьянского производства. Нет, как бы ни была развита сеть кооперативных организаций, все же в основе ее остается индивидуальный производитель — крестьянин.

Однако не следует игнорировать и то новое, что кооперация приносит в крестьянское хозяйство. Кооперация прежде всего уничтожает ту изолированность мелких хозяев друг от друга, которая являлась характернейшей чертой крестьянского хозяйства прежнего времени.

До начала кооперативной эры хозяйственный успех каждого крестьянина зависел только от условий его индивидуального хозяйства. Крестьянин чувствовал себя на своем поле, за стеной своей усадьбы

изолированным от всего мира. От своего соседа, живущего рядом с ним в совершенно сходных экономических условиях, он так же мало ожидал помощи, как и от своего помещика, который помещался на противоположной ступени социальной лестницы. На этой почве вырастали чудовищный крестьянский эгоизм и отчужденность крестьянина от всего мира, которые были так ярко описаны Золя в его знаменитом романе «La Terre»⁷³ (условия жизни русского крестьянина благодаря общине и вообще примитивности всего нашего сельского экономического строя, еще недавно имевшего в большей или меньшей степени характер натурального хозяйства, были существенно иные).

Кооперация все это изменила в корне. Правда, крестьянин по-прежнему остается господином на своем поле и в своей усадьбе. Но он уже чувствует себя единицей огромного целого — ячейкой сложной кооперативной организации, которая начинается тут же в деревне, но, постепенно распространяясь, охватывает всю страну. Благополучие каждого отдельного члена этой организации существеннейшим образом зависит от успешной работы всей кооперативной системы. Для индивидуальной независимости деятельности крестьянину остается только одна область — сельскохозяйственного производства на своем поле и в пределах своей усадьбы. Но как только крестьянин соприкасается с рынком, тут его личное хозяйство поглощается хозяйством обширного коллектива, к которому он принадлежит. И чем большее значение приобретают денежные отношения в пределах крестьянского хозяйства, тем большее значение приобретает и хозяйство этого коллектива.

Таким образом, хозяйство крестьянина в целом утрачивает свой прежний индивидуалистический характер. Его внутренняя природа становится более сложной: сохраняя известную область, в которой крестьянин чувствует себя по-прежнему предоставленным своим собственным силам, он в то же время все более и более связывает крестьянина со всеми его односельчанами, далее, со всем его классом.

В этом заключается огромное воспитательное значение крестьянской кооперации. Однако некоторые виды кооперации оказывают еще более глубокое влияние на строй крестьянского хозяйства, подчиняя контролю кооперативно организованной кре-

стьянской группы и сами процессы крестьянского производства. Сюда относятся прежде всего различные формы товариществ по переработке. Так, маслодельное товарищество существенно преобразовывает и сам процесс производства молока. Правда, молоко выделяется самостоятельно отдельным крестьянином; но так как качество масла зависит от качества молока, то маслодельный кооператив вынужден силой вещей контролировать производство молока. Возьмем, например, образцовую датскую маслодельную кооперацию. Вокруг кооперативного маслодельного завода группируется целый ряд других кооперативов, имеющих в виду улучшить производство молока. Так, этой цели служат товарищества для приобретения лучших производителей, ибо лишь таким путем можно улучшать породу молочного скота. Не меньшее значение имеют контрольные товарищества, которые контролируют способы кормления скота, доения коров, хранения молока и вообще всю постановку молочного хозяйства. Для выполнения контроля товарищества имеют особые аппараты, посредством которых определяются составные вещества молока, а сам контроль осуществляют лица с основательным агрономическим образованием, могущие быть руководителями крестьянина во всех случаях его хозяйственной жизни. Эти контролеры объезжают всех членов товарищества, присутствуют при доении коров и указывают средства для поднятия молочности коров.

Таким образом, производство молока, оставаясь делом отдельного крестьянина, в то же время оказывается регулируемым кооперативной организацией во всех своих существенных частях. Это уже не прежнее изолированное производство, а нечто существенно иное. Производство, правда, еще не принимает характера общественного, так как оно осуществляется не общественной группой при помощи общественных средств производства, а отдельным хозяином при помощи средств производства, находящихся в его индивидуальной собственности. Однако это индивидуальное производство контролируется и регулируется общественной группой.

Выше было указано, что совершенно подобное же влияние на весь строй культуры винограда оказывает и винодельческое товарищество. Во всех этих случаях само крестьянское производство (а не только рыночные отношения крестьянского хозяйства) преобразовывается кооперацией.

Еще существеннее влияние кооперативной организации на строй производства в некоторых формах трудовой производительной кооперации, например в арендных товариществах. Тут мы видим очень сложную комбинацию единоличного и общественного производства. Единоличное производство помещено в ткань общественного и невозможно вне этой связи, само распределение земельных участков между отдельными хозяевами производится общественной группой, которая многие процессы производства (например, молотбу хлеба, а также разного рода мелиорации и т. п.) производит общими силами.

Полное поглощение индивидуального сельскохозяйственного производства общественным возможно только в производительной артели. Но производительные артели в земледелии имеют не большее распространение, чем в промышленности, т. е. практически никакого. Правда, в Италии имеются довольно сильные арендные товарищества с общей обработкой земли. Но, как было выяснено в главе об артелях, эти артели отнюдь не могут считаться самостоятельными хозяйственными предприятиями и служат целям совершенно иного рода — давать подсобный заработок сельскохозяйственным рабочим, временно потерявшим работу в обычном капиталистическом сельском хозяйстве. Артели эти являются, следовательно, одной из форм помощи безработным и не преследуют самостоятельных хозяйственных целей, являясь вспомогательной организацией при рабочих союзах.

Таким образом, следует без всяких ограничений признать, что крестьянская кооперация ни малейшим образом не разрушает крестьянского хозяйства и не превращает его из индивидуального в коллективное. Какое бы широкое распространение ни получила в крестьянской среде кооперация и как бы ни развилась вглубь, она не может ослабить крестьянского хозяйства. Наоборот, кооперация имеет тенденцию укреплять крестьянское хозяйство, ибо развитие различных форм кооперативной самопомощи приводит к тому, что стоящая в центре их крестьянская ячейка получает новые источники силы.

В этом существенное различие между крестьянской и пролетарской кооперацией. Пролетарская кооперация, выразителем которой является пролетарское потребительское общество, создает новую хозяй-

ственную систему и в своем естественном развитии совершенно разрывает с существующими хозяйственными формами. Если бы мы предположили, что потребительское общество охватило все население страны и заменило капиталистические предприятия, то получился бы хозяйственный строй, вполне совпадающий с одной из форм социалистического строя, с так называемым коллективизмом. Совсем иной характер имеет крестьянская кооперация. Если бы мы предположили, что крестьянская кооперация достигла своего логического завершения и охватила все те стороны крестьянского хозяйства, на которые она в большей или меньшей степени оказывает влияние и теперь, то получилось бы хозяйство, конечно, глубоко отличное от изолированного крестьянского хозяйства недавнего времени, до появления кооперативных организаций, но, как бы глубоко ни было влияние кооперации на крестьянское хозяйство, все же это хозяйство оставалось бы крестьянским и отнюдь не стало бы социалистическим, ибо в основе его по-прежнему лежала бы частная собственность крестьянина на средства производства и продукты его труда.

Отсюда, однако, не следует, что крестьянская кооперация по своему существу враждебна социализму: современный социализм отнюдь не требует уничтожения крестьянской собственности и замены крестьянского труда на своем поле обработкой земли обширными общественными группами. Большинство представителей современного социализма (включая сюда и таких ортодоксальных марксистов, как Карл Каутский) признает, что даже в пределах социалистического государства крестьянское хозяйство может сохраняться благодаря существенно иным техническим условиям производства в сельском хозяйстве и промышленности. Не выставляя требования уничтожения крестьянской собственности, социалисты могут являться защитниками и крестьянской кооперации, которая, несомненно, поддерживает крестьянское хозяйство.

Но, с другой стороны, крестьянская кооперация отнюдь не должна неизбежно, по своему внутреннему существу, относиться дружелюбно к социализму. Современный социализм и крестьянская кооперация идут не противоположными, но разными путями. Поэтому между социализмом и крестьянским кооперативным движением возможны самые различные отношения — как дружеские, так и враждебные.

И мы это наблюдаем в действительности. В некоторых странах социалистическое движение оказывает сильное влияние на крестьянскую кооперацию и до известной степени созидает ее. Это мы видим, например, в Италии, где некоторые интересные формы крестьянской кооперации (как, например, коллективные аренды) создались под непосредственным влиянием социалистической партии (хотя в той же Италии мы наблюдаем наряду с социалистическими крестьянскими кооперативами крестьянские кооперативы, находящиеся под влиянием клерикалов и реакционных партий). Напротив, в других странах, как, например, в Германии, Бельгии и отчасти Франции, крестьянская кооперация находится под влиянием реакционных политических партий и относится враждебно к социалистическому движению.

Но какую бы позицию по отношению к социализму ни занимала крестьянская кооперация, она делает свое дело не только поднятия экономического уровня крестьянского хозяйства, но и глубокого его преобразования. Она воспитывает нового крестьянина, приучает его к самостоятельности и самопомощи, развивает его общественные чувства и приобщает его к умственной культуре. Это с одной стороны, со стороны влияния кооперации на личность крестьянина. Что же касается до самого крестьянского хозяйства, то под влиянием кооперации оно становится также иным: вместо прежней изолированности кооперация создаст мощные общественные связи между крестьянскими хозяйствами не только одного села, но через посредство союзов и всей нации. Крестьянское хозяйство хотя и остается индивидуальным, но в то же время общественно урегулированным, и в этом заключается новый тип крестьянского хозяйства, который создается кооперацией.

Глава VII. Крестьянская кооперация в России

1. Условия возникновения крестьянской кооперации в России

Русская крестьянская кооперация представляет собой нечто весьма своеобразное. С одной стороны, ни в какой другой стране мы не наблюдаем такого стремительного роста кооперативов и числа их членов. Хотя в октябре 1915 г. наша кооперация отпраздновала свой

пятидесятилетний юбилей (22 октября 1865 г. был утвержден устав первого в России ссудо-сберегательного товарищества), тем не менее наше кооперативное движение приобрело серьезное общественное значение совсем недавно. Более или менее значительный размах оно принимает только после революции 1905 г. и, таким образом, насчитывает не более десяти лет быстрого роста. Если сравнить число кооперативов в начале века с тем, сколько их имелось накануне революции, то как не поразиться скорости развития нашей кооперации!

Общее число кооперативов в России

	1 января 1901—1902 гг.	1 января 1917 г.
Кредитные кооперативы	837	16 055
Потребительские общества	600	20 000
Сельскохозяйственные общества	137 (малого района)	6 032
Сельскохозяйственные товарищества	?	2 100
Маслодельные артели	51	3 000
Кустарные и иные артели	—	—
<i>Итого</i>	1625	47 187

Число членов в этих 47 тысячах кооперативов точно установить не легко. Известно только число членов в кредитных кооперативах, в которых, по официальному подсчету, было к 1 января 1917 г. 10 478 000 членов. Общее число членов наших кооперативов можно было принять к началу 1917 г. в 16 млн. чел. Правда, некоторое число членов участвует одновременно в нескольких кооперативах, но все же общее число семейств, принадлежащих к кооперативам (как общее правило, от семьи участвует в кооперативе только одно лицо), должно было быть, по всей вероятности, около 14 млн. Принимая среднюю семью члена кооператива около 6 человек (как показали специальные обследования, в кооперативах участвуют преимущественно многосемейные крестьяне), получаем, что всего участвовало в кооперативах около 84 млн. чел., т. е. немногим более половины всего населения России.

И если вспомнить, что все это движение едва насчитывает одно десятилетие своего роста, то достигнутые результаты не могут не показаться грандиозными. По числу кооперативов и членов в них Россия занимает в настоящее время, безусловно, первое место во всем мире.

При этом нужно иметь в виду, что до революции наша кооперация была главным образом крестьянской. Городская кооперация была развита у нас накануне революции сравнительно слабо и охватывала собой не более 6–8 тыс. потребительских обществ и кредитных кооперативов (почти исключительно ссудо-сберегательные товарищества).

Эти удивительные успехи крестьянской кооперации в России кажутся отнюдь не согласующимися с обычным представлением о русском крестьянине как об общественном элементе, не проявлявшем больших способностей к самостоятельности и социальному творчеству.

Однако приведенные цифры не должны приводить к преувеличенному представлению о значении русской кооперации. Мы не должны упускать из виду, что русская кооперация до революции была глубоко отличной от кооперации на Западе.

Западно-европейская кооперация возникла или без всякой помощи государства или же если государство и оказывало поддержку кооперативному движению, то, во всяком случае, не государство ее создавало. Наша кооперация в самой значительной своей части — именно кредитная кооперация — была почти целиком насаждена государством.

Как это будет выяснено ниже, быстрый рост наших кредитных товариществ должен быть почти всецело отнесен на счет деятельности чиновников Государственного банка — инспекторов мелкого кредита. И поэтому грандиозные цифры наших кооперативов не должны были внушать друзьям нашего кооперативного движения слишком много энтузиазма. Очень и очень немногие из этих десятков тысяч кооперативов были действительно кооперативами по своему внутреннему содержанию.

2. Кредитная кооперация

Наибольшее распространение у нас имеют кредитные кооперативы. Из 16 млн. членов наших кооперативов на долю кредитной кооперации приходилось у нас свыше 10 млн. членов.

Кредитные кооперативы у нас двух типов — так называемые ссудо-сберегательные товарищества и кредитные товарищества. Первых к 15 октября 1917 г. считалось по официальным данным 4373, вторых — 12 114.

Хотя ссудо-сберегательных товариществ, таким образом, гораздо меньше, чем кредитных, они возникли гораздо раньше вторых. Кредитная кооперация ведет у нас свое начало от Рождественского товарищества в селе Дороватове, устроенного в 1866 г. Лугининым⁷⁴. Товарищество это было попыткой приспособить кредитный кооператив типа Шульце к условиям русской деревни. Краткая история первых попыток насаждения в России кредитной кооперации будет ниже, в отделе о мелкобуржуазной кооперации. Основной грех этих первых попыток насадить в России крестьянскую кооперацию заключался в том, что ссудо-сберегательные товарищества не были приспособлены к условиям русской деревни уже потому, что они были построены на основе паевого капитала, между тем как при бедности русского крестьянина требование пая делало невозможным участие в товариществе рядового крестьянина. И до настоящего времени ссудо-сберегательные товарищества распространены преимущественно не среди крестьянства коренной России, а среди неземледельческих слоев населения или же на более зажиточных окраинах России. Сильные ссудо-сберегательные товарищества имеются среди еврейского населения, затем в Королевстве Польском и в Прибалтийском крае. Главная же масса крестьянских кредитных кооперативов совершенно иного типа — в виде кредитных товариществ.

Кредитные товарищества созданы у нас законом 1895 г., установившим им тип. Они отличаются от ссудо-сберегательных товариществ в принципиальном отношении: они не имеют паевого капитала и этим воспроизводят в русских условиях тип райффайзеновского кредитного товарищества. По отношению к вопросу о паевом капитале русские кредитные товарищества стоят даже более строго на райффайзеновских принципах, чем их германский образец, ибо в Германии, как было выше указано, закон не разрешает кооперативов без паевого капитала, почему райффайзеновские кооперативы принуждены иметь свой паевой капитал, между тем как русские кредитные товарищества действительно никакого паевого капитала не имеют. Откуда же кредитные товарищества в России черпают необходимый все же для начала дела капитал? В Германии первые райффайзеновские кооперативы были основаны на благотворительной основе и получали нужные денежные средства от местных состоятельных людей — помещи-

ков, пасторов и пр.; когда же кооперация достигла значительного развития, то вновь возникающие кооперативы стали получать денежные средства для начала дела из союзных кооперативных организаций — центральных касс Имперского банка, а также из государственной Прусской центральной кассы кооперативных товариществ.

В России сложилось существенно иное положение. Кредитные товарищества возникли у нас по инициативе не помещиков и иных зажиточных элементов деревни, но по инициативе государственной власти, которая, естественно, и позаботилась о снабжении кредитных товариществ необходимым им капиталом. Кредитные товарищества получают у нас средства для начала дела заимообразно от Государственного банка.

Оказывая денежную поддержку кредитным товариществам, государство, естественно, подчинило товарищества и своему контролю. В 1904 г. было образовано при Государственном банке особое Управление по делам мелкого кредита, с обширным штатом инспекторов мелкого кредита, причем эти чиновники должны были следить за деятельностью кредитных товариществ, производить в них периодические ревизии и вообще всячески руководить ими. Товарищества были во всех важнейших своих действиях подчинены Управлению по делам мелкого кредита и его местным чинов. На инспекторов мелкого кредита было возложено оказание содействия при устройстве учреждений мелкого кредита, поставленных под всестороннюю опеку инспекторов.

Со времени 1904 г. правительственная власть в лице Управления по делам мелкого кредита начинает систематически стремиться к насаждению в нашей деревне кредитных товариществ. Для этой цели ассигновываются из государственных средств десятки миллионов рублей на кредитование кредитных товариществ. При деятельной поддержке государства кредитные товарищества действительно достигают весьма значительного развития. В дополнение к средствам, получаемым в ссуду из Государственного банка, они собирают значительные собственные капиталы и привлекают еще более значительные капиталы со стороны в виде вкладов. К 1 января 1916 г. пассив кредитных товариществ выражался следующими крупными цифрами:

	В млн. руб.
Средства собственные	129
Вклады и займы у частных лиц	558
Займы из государственных средств	95,5

Хотя по развитию своих денежных оборотов наши кредитные товарищества далеко уступают германским, все же около 800 млн. руб. капитала, которым они располагали, являлись суммой далеко не незначительной. Государство, несомненно, достигло своей цели — создать в русской деревне доступный крестьянину мелкий кредит. Вопрос только в том, чем были наши кооперативные по форме учреждения мелкого кредита — действительно кооперативами или только вспомогательными учреждениями Государственного банка?

Что касается ссудо-сберегательных товариществ, число которых в деревнях сравнительно невелико, то они могли бы безусловно считаться настоящими кооперативами, если бы действовали сколько-нибудь нормально. Но среди ссудо-сберегательных товариществ, действующих в русской деревне, только незначительная часть живет нормальной жизнью; остальные же находятся в упадке по тем или иным причинам. Поэтому когда приходится говорить о нашей крестьянской кредитной кооперации, то нужно иметь в виду почти исключительно кредитные товарищества.

Относительно же кредитных товариществ сомнения в их кооперативности были вполне обоснованы. Даже с точки зрения формально-правовой их трудно было считать кооперативами в полном смысле слова. По мнению составителей проекта нового гражданского уложения, «кредитные товарищества представляются не столько частными товариществами, основанными на кооперативном начале с целью содействия кредиту своих членов, сколько своеобразным способом организации мелкого кредита, оказываемого Государственным банком».

И действительно, степень самостоятельности членов кредитного товарищества была чрезвычайно ограничена: в лице инспектора мелкого кредита каждое товарищество имело начальника или, точнее, опекуна, руководившего почти каждым шагом товарищества. Собственный капитал товарищества в большинстве случаев выражался

незначительной суммой сравнительно с тем капиталом, который товарищество получило в ссуду из Государственного банка. Огромное большинство членов товарищества не принимало почти никакого участия в руководительстве товариществом, контролировавшимся фактически отнюдь не членами товарищества, а стоявшими вне его правительственными чиновниками. Для среднего члена кредитного товарищества последнее имело интерес лишь постольку, поскольку оно могло выдать ему требуемую ссуду. Если ссуда возвращена обратно, то крестьянин обычно считал, что связь его с товариществом порвалась. Общие собрания членов бывали редко и посещались плохо. Во многих товариществах благодаря их сравнительно крупным размерам место общего собрания членов заступали собрания уполномоченных; в этом случае связь рядового члена с жизнью товарищества была еще более слабой и ограничивалась выбором уполномоченных.

Вообще, относительно среднего кредитного товарищества смешно было и говорить о самостоятельности его членов, а следовательно, в таком товариществе не имелось и истинной кооперативной жизни. Все это было бесспорно, и все же кредитные товарищества сыграли огромную роль в кооперативном пробуждении России.

Обычная история русского кредитного товарищества была такова. В начале это было учреждение, возникшее по инициативе инспектора мелкого кредита или кого-либо другого со стороны. Члены его нисколько им не интересовались и видели в нем только источник получения ссуды, причем в первое время эти ссуды получались из капиталов, ссуженных государством.

Однако чем дольше существовало товарищество, тем сильнее становилось его воспитательное воздействие на его членов. Сначала начинает сознательно относиться к делам товарищества небольшой кружок лиц из числа его непосредственных руководителей. Затем этот кружок все расширяется, товарищество начинает вести более сложные операции, все более прививается на местной почве и все более втягивает в круговорот своих интересов крестьян того же села. Товарищество начинает поддерживать своими капиталами другие товарищества — уже несомненно кооперативного типа — как местное потребительское общество, сельскохозяйственное общество, товарищество по закупке и сбыту и т.д. Мало-помалу накапливается собственный капитал товарищества, и оно начинает жить само-

стоятельной кооперативной жизнью, освобождаясь от зависимости от Государственного банка.

Таков был обычный и вполне естественный ход развития кредитного товарищества. В начале его деятельности оно никаких кооперативных элементов в себе не заключало. Но чем дальше, тем более проникается его жизнь кооперативными элементами и в конце концов товарищество становится истинным кооперативом. Кооперативная форма товарищества наполняется действительным кооперативным содержанием.

Конечно, невозможно с полной определенностью сказать, что представляли собой десятки тысяч кредитных товариществ, которые существовали в русской деревне. Во всяком случае, можно быть уверенным, что среди них имелись товарищества на всех ступенях кооперативного развития — от товариществ, не имевших в себе никаких элементов истинной кооперации, до настоящих кооперативов, живших полной кооперативной жизнью, ничуть не менее кооперативов Запада. И, что самое важное, ясно, что число кооперативов первого рода относительно все сокращалось, а число кооперативов последнего рода быстро росло. Кооперативное сознание проникало все глубже и глубже в толщу русского крестьянского мира и глубочайшим образом преобразовывало весь его социально-психологический облик.

Какова же социальная среда нашей кредитной кооперации? В этом отношении следует прежде всего отметить, что в связи с иным происхождением нашей кооперации влияние помещичьего элемента в ней гораздо слабее, чем, например, в Германии. Это может быть иллюстрировано до некоторой степени и статистическими данными. Кооперативная секция Киевской всероссийской выставки 1913 г. провела анкету среди кредитных кооперативов, на которую откликнулось 1322 товарищества. Согласно этой анкете оказалось, что по образовательному уровню состав правления и совета в ответивших кредитных и ссудосберегательных товариществах имеет следующий вид (в процентах):

	Высшее образование	Среднее	Низшее	Неграмотные
Правление	2,7	11,2	85,5	0,7
Совет	4,2	10,5	83,5	1,8

На долю лиц с высшим и средним образованием приходилось только 13,9 % членов правления и 14,7 % членов совета. По всей вероятности, все помещики входили в эту группу; но, очевидно, в эту группу входили и многие другие лица, кроме помещиков, — лица либеральных профессий, народные учителя, священники, фельдшера и т.д. Таким образом, можно думать, что в составе правления и совета помещики играли роль совершенно незначительную.

Наша крестьянская кооперация находилась вне влияния помещичьего класса. Это и неудивительно, так как отношения между помещичьим и крестьянским классами в России не имеют ничего общего с тем, что мы наблюдаем, например, в Германии, где оба класса стоят в тесном политическом союзе.

Труднее решить вопрос относительно того, какие именно элементы крестьянства входили в состав кредитных товариществ. Общих данных этого рода относительно всей России не имеется, приходится довольствоваться данными относительно отдельных районов. В отчете Управления по делам мелкого кредита за 1904 г. имеются сведения об обеспечении членов кредитных товариществ лошадьми. Эти сведения могут быть сравнены с данными относительно обеспечения лошадьми крестьянского населения в тех губерниях, в которых в том же 1904 г. была произведена конская перепись. Таким образом, возможно сравнение в отношении обеспечения лошадьми всего крестьянского населения и членов кредитных товариществ в 3 губерниях: Херсонской, Таврической и Екатеринославской. С. Н. Прокопович дает на основании этого сопоставления следующие данные (в процентах):

	Кредитные товарищества	Все крестьянское население
Безлошадные	12,2	32,8
1 лошадь на двор	8,8	8,2
2 лошади на двор	48,6	34,0
3 лошади на двор	19,7	15,4
5 и более лошадей на двор	10,7	9,6

Легко заметить, что в кредитных товариществах сравнительно мало представлена группа деревенской бедноты — безлошадных крестьян. Наоборот, группа двухлошадных крестьян представлена значительно сильнее, чем в массе крестьянского населения. Группа зажиточных крестьян, имеющих 3 лошадей и больше, представлена также сильнее, чем в остальном населении, хотя тут перевес и не так значителен, как при сравнении групп двухлошадных.

Исходя из этого, следует заключить, что кредитные товарищества привлекают преимущественно крестьян средней состоятельности — трудовое крестьянство, ведущее самостоятельное сельское хозяйство и стоящее выше сельского пролетариата. Пролетаризированное крестьянство лишь в ограниченной степени участвует в кредитных товариществах, а более зажиточное крестьянство занимает в кредитных кооперативах следующее место за средними крестьянскими группами.

Но «лошадность» крестьянских групп является очень неточным показателем степени их экономической зажиточности. Детальный анализ сравнительного уровня экономического положения членов кредитных товариществ и остального крестьянского населения дан Г. Красильниковым на основании земской переписи членов кредитных товариществ в Уфимской губернии в 1911 г.

Сравнение это приводит к следующим результатам. Во-первых, оказалось, что в товариществах участвуют крестьяне со значительно большим семейным составом, чем семьи крестьян, не участвующих в товариществах. Это указывает на большую экономическую силу членов товарищества (как общее правило, у более зажиточных групп крестьянского населения семья имеет больший состав).

Лучше всего характеризуется экономическое положение крестьянского двора площадью его посева. В этом отношении уфимское обследование дало следующие результаты:

Из 100 дворов		
	Все крестьянское население	Товарищества
Не сеют	0	5
Сеют до 2 десятин	21	12
Сеют 2–10 десятин	56	64
Свыше 10 десятин	13	19

Несеющие крестьянские группы участвуют в кредитных товариществах в два раза менее, чем эта группа представлена во всем крестьянском населении. В товариществах преобладают крестьянские группы со средним размером посевной площади, за ними идут крестьяне с большими посевами.

Точно так же и скотом члены кредитных товариществ обеспечены значительно лучше, чем крестьянская масса.

Судя по этим данным, можно было бы думать, что кредитные товарищества имеют тенденцию замыкаться в среде более состоятельного крестьянства. Однако это не так. Г. Красильников приводит следующую таблицу:

На 100 дворов членов кредитных товариществ в Уфимской губернии находилось на 1 января:

	1906 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Безлошадных	2	3	3	4	4
Хозяйство с 1 лошадыю	16	25	27	27	28
Хозяйство с 2 лошадьми	29	31	32	31	32
Хозяйство с 3—4 лошадьми	34	29	26	27	25
Хозяйство с 4 лошадьми	19	12	12	11	11

Эта таблица показывает, что первоначально кредитные товарищества захватывают более состоятельных крестьян. Но по мере укрепления товариществ в состав их входят и более бедные крестьяне. За 5 лет процент безлошадных в уфимских товариществах возрос в два раза, а процент крестьян, имеющих более четырех лошадей, понизился более чем на треть. «Создаваясь сначала по преимуществу среди зажиточных элементов деревни, — говорит Г. Красильников, — уфимская кооперация постепенно всасывала в себя и хозяйства, менее экономически состоятельные, и в результате основным ядром ее оказывался крестьянин-середняк, который и составляет собой так называемую народную массу».

Точно так же и обследование Никольского кредитного товарищества в Раненбургском уезде Рязанской губернии привело к выводу, что «в своей работе кооператив естественно стремится к средним по хозяйственному положению группам крестьянства. Для кредитной кооперации эти средние группы и выше средних являются нормальной средой».

Таким образом, по общему мнению исследователей, кредитная кооперация служит у нас интересам прежде всего среднего трудового крестьянства, имеющего свое хозяйство и обрабатывающего свою землю.

Мы видели, что по условиям своего возникновения русская крестьянская кооперация не имела ничего общего с германской. И в других отношениях русское кредитное товарищество глубоко отличалось от райффайзеновского товарищества Германии.

Первым и самым важным различием является то, что наши товарищества самым грубым образом расходятся с принципом локализации. Средние размеры нашего кредитного товарищества значительно превосходят германские: в то время как в Германии преобладают товарищества с числом членов менее 100, у нас совсем нет товариществ, в районе которых число дворов было бы не менее 100. Наиболее распространенным у нас типом являются товарищества, в районе которых от 1000 до 2000 дворов. Наряду с этим у нас имеются товарищества еще гораздо более крупные. В среднем на одно товарищество у нас приходилось в 1916 г. 682 члена.

Легко понять, какое огромное значение в жизни наших товариществ имеет столь значительный их размер. Охватывая собой иногда обширную территорию со множеством сел, деревень и хуторов и включая тысячи членов, товарищества наталкиваются на многообразные трудности в осуществлении своего прямого дела — организации кредита для малоимущей массы крестьянского населения. При большом районе правление товарищества не имеет никакой возможности знать своих членов, и при определении их кредитоспособности правлению приходится руководствоваться внешними формальными признаками — обычно количеством земли, которым располагает заемщик. Но так как этот признак далеко недостаточный, а к тому же при существовавшем у нас законодательстве взыскание долгов с крестьянина было чрезвычайно затруднительно, ибо крестьянская наделная земля, равно как и движимое имущество крестьянина, необходимое для существования, не могли быть продаваемы за долги, то товарищество, отказывая в кредите всем более бедным своим членам, в то же время подвергалось большому риску потерять свои деньги. При крупном районе товарищества неизбежны большие расходы членов отдаленных селений на проезд к това-

риществу; эти расходы по поездке иногда значительно повышают сумму, в которую обходится должнику получение кредита из товарищества. Далее, при крупном районе для товарищества невозможно контролировать употребление ссуды и отсутствует то давление общественного мнения села на каждого члена, которое играет такую важную роль в обеспечении исправного возврата ссуды. Более близкие села к месту помещения правления получают при этом естественное преимущество перед более отдаленными, почему, как общее правило, в крупных товариществах процент крестьян, принимающих участие в товариществе, тем менее, чем данное село более удалено от места пребывания правления.

Не менее важна и следующая сторона дела. Мелкое товарищество имеет характер более чистого кооператива, чем крупное. Действительно, в крупном товариществе силой вещей невозможны общие собрания членов (как собрать в одно место несколько тысяч человек?), и их заступают собрания уполномоченных. Но при этом рядовой член товарищества совершенно отстраняется от контроля за деятельностью правления, неестественно, утрачивает интерес к своему товариществу. О кооперативном воспитании в этом случае не может быть и речи.

Поэтому крупные товарищества уклоняются от кооперативного типа в сторону обычных банков и нередко начинают в обход своего устава заниматься разного рода спекуляциями, так как размещение среди членов скопляющихся у таких товариществ в значительном количестве вкладов весьма затруднительно. Многие из таких товариществ ссужают своими деньгами разные местные учреждения и в конце концов подвергают серьезному риску свои вклады. Напомним, что и в Германии крушение Имперского кооперативного банка произошло в связи с ликвидацией некоторых крупных товариществ, которые уклонялись от райффайзеновского принципа локализации и благодаря этому должны были прибегнуть к рискованным спекуляциям.

Почему же наши товарищества имеют столь крупный район? Для этого существуют разнообразные причины.

Прежде всего это вызывается недостатком в русской деревне лиц, способных руководить хотя бы и весьма несложным хозяйством товарищества. Поэтому, где такие лица явились и дела товарищества

пошли хорошо, там товарищество, естественно, растет и захватывает в круг своих операций все больший и больший район. Новые товарищества не возникают, так как для руководства ими не находится достаточно знающих и способных лиц.

Поэтому до последнего времени мы замечали, что, как общее правило, товарищества становились все крупнее и крупнее; несмотря на огромное увеличение числа товариществ, число членов в них росло еще более.

Существенным препятствием к возникновению у нас мелко-районных кредитных товариществ являлась и слабость у нас кооперативных союзов. Мелкое товарищество может быть сильным, только опираясь на союз. Пока же у нас союзов было мало или же они были очень слабы, единственным средством увеличения экономической силы товарищества было увеличение числа его членов. Нередко крупные товарищества фактически начинали играть роль союзов товариществ; такую эволюцию претерпело, например, одно из очень крупных товариществ юга России — Лохвицкое кредитное товарищество, которое распространило свои операции на весь уезд, натолкнулось при этом на разнообразные трудности в размещении своих вкладов и должно было значительную часть их разместить между другими товариществами уезда.

Из этого основного отличия наших кредитных товариществ от райффайзеновского типа (нарушения ими принципа локализации) вытекали и другие. Так, наши товарищества отнюдь не придерживались другого райффайзеновского принципа — бесплатности труда членов правления и совета. Как общее правило, члены правления и совета получали у нас известное вознаграждение, причем, по киевской анкете, среднее вознаграждение председателя правления (для всех товариществ) почти достигало трехсот рублей. Затем, наши товарищества очень редко построены на начале неограниченной ответственности — обычно ответственность составляет некоторое кратное число по отношению к открываемому данному члену кредиту. Нередко один член участвует в нескольких товариществах, хотя это и запрещается уставом. Все это было неизбежным спутником малой кооперативности наших товариществ, не связанных тесными узами с определенной ограниченной группой крестьянского населения.

В общем, наши кредитные товарищества были весьма своеобразным типом кредитного учреждения. Но, как нужно думать, по мере развития нашей кооперации или, точнее, по мере того, как кредитные товарищества будут больше и больше приближаться к действительной кооперации, они будут приближаться и к райффайзеновскому типу. Крупнорайонность наших товариществ неизбежно должна отпасть с дальнейшим ростом их числа: подъем деревни поведет к тому, что каждое село пожелает иметь свое кредитное товарищество, что при развитии союзных организаций не встретит затруднений.

Влияние кредитных товариществ на экономическое положение деревни нельзя учесть статистически, но оно, несомненно, очень велико. Наиболее наглядно значение товариществ как удачного конкурента ростовщичества, составляющего старинную язву нашей деревни. Анкета, которую произвело Московское земство среди ссудосберегательных и кредитных товариществ в 1911 г., дала следующие результаты. Шесть товариществ ответили, что сокращения ростовщичества не было заметно в связи с особым развитием операций самих товариществ; 5 товариществ ответили, что в их районах и раньше не было ростовщичества; 37 товариществ заявили, что вследствие их деятельности ростовщичество, процветавшее раньше в их районах, или совершенно исчезло, или значительно сократилось.

Вот для примера некоторые из отзывов товариществ, заимствуемые из московского земского сборника «Кредитные и ссудосберегательные товарищества» (1911 г.).

Спасо-Нудольское товарищество пишет: «ростовщики совсем перевелись». Правлением совета Петровского кредитного товарищества «констатируется полное прекращение ростовщичества лавочников, трактирщиков и пр.». Васильевское: «местное ростовщичество заметно уменьшилось». Авдотьинское пишет об отсутствии теперь «клиентов у ростовщиков, что последними в частных разговорах неоднократно высказывалось». По словам Онуфриевского товарищества, «открытие товарищества совсем убило ростовщичество; если и берут они процент, то одинаковый с товариществом».

По словам Рудневского товарищества, «деятельность ростовщиков совершенно подорвана. Лица, занимавшиеся снабжением нуждающихся деньгами за высокие проценты, теперь сами вносят вклады в

товарищество. Товарищество в сем году выяснило и другие результаты своей деятельности, именно: уменьшилось число безлошадных крестьян в волости, а также заметно улучшение хозяйства и вообще — в других отраслях».

«Местное ростовщичество упало, — пишет Петровское ссудо-сберегательное товарищество, — местные ростовщики хотя и дают деньги в долг, но за те же проценты, что и товарищество». Иногда они пользуются лишним процентом, когда товарищество не даст члену больше определенного уставом кредита. За последнее время заметно, что ростовщики охотнее несут свои деньги в то же товарищество, потому что деньги, раньше даваемые в заем, остаются свободными.

По словам Зюзинского товарищества, теперь у ростовщиков «проценты уменьшились наполовину: они стали взимать 12 % годовых и не свыше 15 в редких случаях, когда рискуют неуплатой в срок или совсем отказом от платежа».

«Благодаря деятельности товарищества, — пишет Звенигородское товарищество, — для ремесленников, кустарей и земледельцев открывается возможность обходиться без кредита частных лиц, скупщиков товара и т.д., обходящихся всего дороже. Пользование кредитом частных лиц сократилось очень сильно. Положение лиц, занимающихся промыслом разного рода, облегчилось, так как имеется возможность делать более крупные хозяйственные заготовки (материал, скот), выжидать лучшие цены».

Наконец, Зятьковское товарищество сообщило следующее: «Благодаря деятельности товарищества экономическая жизнь населения заметно улучшается. Получивши деньги в товариществе, член покупает себе домашний скот или же дешевле, чем в долг, покупает предметы для своего промысла, более свободен от ростовщичества при покупке и продаже своих изделий. Отсюда ясно, что у товарища остается часть денег, которую он расходует или на пополнение домашнего хозяйства, на расширение своих оборотов в промысле, или делает сбережения на всякий случай».

На то же указывают сведения и из других мест. Так, в районе известного Дзенгелевского товарищества (Киевская губерния) местные ростовщики должны были прекратить свои операции и стали вкладчиками товарищества. То же указывается и относительно Уфимской губернии. В Екатеринбургском уезде Пермской губернии, по словам

г. Мавричева, ростовщичество почти исчезло, а ростовщики стали вкладчиками товарищества. Этот переход прежних ростовщиков в число вкладчиков товарищества, давая товариществу необходимые для него денежные капиталы, имеет, по справедливому мнению Б. А. Фроммета, и свои опасные стороны. Ростовщики стремятся приобрести влияние на ход дела в товариществах и нередко этого достигают, становясь членами его правления. Будучи заинтересованы в повышении процента по вкладам, они стремятся держать и процент по ссудам на высоком уровне (например, на 12 % годовых — вообще, проценты по ссудам в наших кредитных товариществах стоят сравнительно с тем, что мы видим в Германии и других странах, на очень высоком уровне) и вообще использовать товарищество в своих личных торговых или иных экономических интересах.

По свидетельству «Вестника мелкого кредита», «обычно при возникновении товарищества против него восстают благодетели деревни, инстинктивно чувствуя в нарождающейся организации личного своего врага и соперника. Обычно вначале пускаются в ход всякого рода нелепые слухи и запугивания, а когда это не действует, то все эти благодетели спешат пристроиться к новому делу и нередко попадают в правления и советы, стараясь провести в состав правления подходящих подручных людей, и притом таких, чтобы на первых же порах умалить значение учреждения в глазах темного населения, помешать его развитию или, наконец, выжать из него что-либо в свою пользу. Такой план деревенских богатеев часто проводится незаметно для темного люда, который считает это неизбежным злом. В других — около товарищества возникает серьезная партийная борьба».

Но, конечно, все эти попытки ростовщиков захватить в свои руки кредитные кооперативы могут иметь успех лишь при слабом развитии кооперативного духа и должны прекратиться при дальнейшем развитии нашей крестьянской кооперации.

3. Потребительская кооперация

Если относительно многих кредитных товариществ были вполне обоснованны сомнения в их кооперативности, то за последние годы перед революцией у нас быстро росли уже несомненные кооперативы. Так, нельзя было сомневаться в кооперативности наших деревенских потребительских обществ, число которых росло у нас почти

таким же темпом, как и кредитных товариществ. К 1 января 1917 г. у нас насчитывалось около 20000 потребительских обществ, из которых около 15000 обществ было в деревне. По числу потребительских обществ Россия занимает во всем мире первое место, далеко оставляя позади себя даже Великобританию. Но, конечно, отсюда не следует заключать, что наша потребительская кооперация стоит выше английской. Наши потребительские общества, хотя и велики по своей численности, были очень слабы экономически, большинство из них очень небольших размеров, не идет в этом отношении ни в какое сравнение с английскими. В Англии потребительские общества существуют в городах, у нас же преимущественно в деревне.

В противность тому, что мы видим по отношению к кредитной кооперации, правительственная власть не только не насаждала в нашей деревне потребительских обществ, но задерживала их развитие как общими неблагоприятными условиями нашей общественности, так и неразрешением союзов потребительских обществ, в чем настоятельно нуждается потребительская кооперация не менее всякой иной. При небольших же размерах наших потребительских обществ союзное объединение для них особенно важно.

Среднее число членов в нашем потребительском обществе было всего около 150, но так как сюда входят как деревенские, так и городские потребительские товарищества, то среднее число членов в деревенском потребительском обществе должно было быть совсем незначительным. Общая численность членов потребительских обществ достигала в начале войны приблизительно 1,5 млн. чел. Сравнительно с общей численностью нашего населения эта цифра, конечно, не была велика, и по отношению к интенсивности развития нашей потребительской кооперации мы не только не занимали первого места, как по отношению к общей численности потребительских обществ, но занимали едва не последнее место в Европе. Тем не менее, если вспомнить неблагоприятные общественные условия, при которых приходилось развиваться нашей кооперации, то полтора миллиона членов потребительских кооперативов покажутся числом не только значительным, но даже огромным.

Чем же объяснялся этот быстрый рост в нашей деревне уже несомненной кооперации? Прежде всего слабым развитием в русской деревне капиталистической торговли. Деревенский лавочник занимает

у нас монопольное положение и, пользуясь этим, повышает цены своих товаров до чудовищных размеров. При таком положении дела даже очень слабое потребительское общество может с успехом конкурировать с лавочником. И действительно, мы видим, что устройство в деревне потребительского общества обычно приводило к очень значительному понижению цен. Так, в Киевской губернии обследованием 160 обществ установлено, что понижение цен на товары достигло 5–25 %. В других районах понижение цен благодаря появлению потребительских обществ выражается еще более крупными цифрами: например, в Пермской губернии цены на многие товары упали под влиянием потребительских обществ на 3 % и более, в Новгородском уезде цены упали по той же причине на 30–40, в Крестецком уезде — на 20–30 % и т. д., и т. д. Конечно, все подобные показания большой точностью не отличаются, но факт значительного понижения товарных цен при появлении в деревне потребительского общества не подлежит ни малейшему сомнению.

В то же время благодаря развитию денежного хозяйства в нашей деревне быстро растет за последнее время спрос на разнообразные продукты, которые можно получить лишь путем покупки; продукты эти крестьянин получал от местного лавочника по очень высокой цене. Что же удивительного, что, несмотря на все препятствия со стороны администрации и крайне низкий уровень кооперативного сознания, потребительские общества завоевывали нашу деревню?

Такова общая почва, благоприятствовавшая росту нашей деревенской потребительской кооперации. К этому присоединялась деятельность разного рода общественных учреждений, ставивших себе целью развитие кооперации. Важность этого второго фактора особенно наглядно обнаруживается тем, что относительное развитие потребительской кооперации в различных районах с очень близким хозяйственным характером нередко оказывается чрезвычайно различным.

Так, например, наибольшего развития потребительская кооперация достигала в начале войны в трех юго-западных губерниях, в которых число потребительских обществ достигло 1776, между тем как в находящихся в сходных условиях трех правобережных малороссийских губерниях при очень близкой общей численности населения число потребительских обществ было всего 801. В цен-

тральном земледельческом районе, при значительно большей численности населения, число потребительских обществ выражалось скромной цифрой — 370. Нельзя не согласиться с В. В. Хижняковым, который дает следующее объяснение этих, на первый взгляд непонятных различий.

«Кооперация, — говорит он, — у нас пока насаждается, а не вырастает сама путем самодеятельной инициативы населения. Вследствие некультурности населения и отсутствия у него необходимых навыков наша кооперация — еще нежный цветок, требующий приложения искусных рук и тщательного ухода за собой. Поэтому ее возникновение и успешное развитие стоят всецело в зависимости от наличия местных интеллигентных сил, увлеченных делом кооперации и способных ее взращивать и ею руководить. И так как теперь почва для этого взращивания благоприятна, — поскольку мы говорим о населении, уже ищущем новых путей для организации своего хозяйства и выхода из векового его застоя, — то труд интеллигентных работников, идущих навстречу возникшей потребности, оказывается при сколько-нибудь благоприятных внешних условиях благоприятным: кооперация множится и дает некоторые плоды. Поразительную разницу в преимущественном развитии то одной, то другой формы в губерниях близких между собою и даже в смежных уездах одной и той же губернии можно отнести в значительной степени на счет разницы в отношении к той или другой форме со стороны местных учреждений и общественных деятелей, насаждающих кооперацию и направляющих местную инициативу в соответствующее их взглядам русло. И как в количественном отношении, так и в вопросе о том, какая кооперативная форма наиболее развивается, определяющую роль играют местные, часто совершенно случайные, условия: характер местного земства, направление деятельности местного центрального сельскохозяйственного общества, качество и кооперативные воззрения третьего элемента в земстве и деятелей местного общества».

Все это, конечно, так. Нужно только прибавить, что таково же было положение и в других странах в начале развития в них кооперации. В особенности это верно по отношению к деревенской кооперации. Крестьянское население вообще не отличается большой самодеятельностью и готовностью воспринимать новые формы хо-

зяйства; поэтому везде пионерами в деле развития крестьянской кооперации являлись учреждения и люди, сами не принадлежавшие к крестьянской среде. В Германии такую роль сыграли помещики, духовенство, учителя. У нас — отчасти правительственные чиновники, отчасти же земство и интеллигенция, в особенности так называемый третий элемент — земские служащие.

4. Кооперация по закупке и сбыту

Весьма заметную роль в нашей деревенской кооперации играли сельскохозяйственные общества, которых у нас считалось накануне революции около 6000. Сельскохозяйственные общества отнюдь не всегда могут быть признаны кооперативами, ибо по своей первоначальной цели они должны быть прежде всего учреждениями культурно-просветительского характера. У более крупных сельскохозяйственных обществ этот характер их особенно выступает на первый план. Но мелкие сельскохозяйственные общества, членами которых являются крестьяне, обычно на первый план выдвигают задачи совершенно иного рода — чисто хозяйственные и становятся, таким образом, кооперативами с весьма сложными функциями. Сельскохозяйственное общество небольшого района обычно выполняет функции закупочного товарищества, оно приобретает для своих членов средства сельскохозяйственного производства: семена, орудия сельскохозяйственного производства и пр. К этому обычно присоединяются и функции производительно-подсобного кооператива: сельскохозяйственное общество владеет некоторыми сельскохозяйственными машинами, которые оно отпускает за плату для пользования своим членам и другим лицам; иногда общество владеет скотом — производителями (бык, кабан и т. п.). Наконец, сельскохозяйственное общество в некоторых случаях выполняет и функции кооператива по сбыту, беря на себя продажу тех или иных сельскохозяйственных продуктов.

Правда, выполнению сельскохозяйственными обществами всех этих хозяйственных функций сильно препятствовал их устав, отнюдь для этого не приспособленный. Сельскохозяйственное общество не имеет паевого капитала и потому лишено естественного хозяйственного базиса своих сложных операций. Тем не менее эти операции оно нередко выполняет с большим успехом по отсутствию в деревне

других кооперативных организаций, которые могли бы эти операции выполнять. В общем, сельскохозяйственные общества являются кооперативами, так сказать, на безрыбье, по отсутствию организаций, более приспособленных к названным целям.

Само собою разумеется, что вести операции по закупке должны бы такие организации, которые имеют определенный капитал, будет ли это пaeвой капитал или какого-либо иного происхождения. Кооперативами с пaeвым капиталом являлись, по терминологии нашего законодательства, сельскохозяйственные товарищества, которые именно этим признаком и отличались, по букве дореволюционного законодательства, от сельскохозяйственных обществ. Сельскохозяйственные товарищества начали распространяться у нас только в самое последнее время. Накануне революции их считалось 1650 самого разнообразного типа, как по закупке средств производства, так и по переработке и сбыту сельскохозяйственных продуктов.

Наибольшее значение среди товариществ по сбыту у нас имели кооперативные зернохранилища. Кооперативный сбыт хлеба обещает большие выгоды русскому крестьянству, принужденному продавать свой хлеб небольшими партиями и очень спешно под влиянием нужды в деньгах. Хлебные операции, требующие значительных денежных средств, получили развитие у нас при кредитных товариществах, что вполне естественно, так как при бедности нашего крестьянина и затруднительности собрать с крестьянского населения значительный пaeвой капитал только кредитный кооператив, располагающий значительными денежными средствами, может с успехом организовать сбыт крестьянского хлеба.

Согласно данным, приводимым Бородаевским в его книге «Зернохранилища, элеваторы и кооперативный сбыт хлеба» (1912 г.), крестьяне даже в не особенно захолустных углах продавали хлеб скупщикам на 5 и даже 10 коп. дешевле цен в ближайшем крупном центре хлебной торговли. Кооперативные зернохранилища должны были избавить крестьянина от власти хлебного скупщика. Нельзя не признать, что именно при кредитных товариществах всего легче может быть организована кооперативная продажа хлеба. В пользу такой связи говорит и то, что на Западе (в Германии и Австрии) кооперативные зернохранилища обычно существуют не самостоятельно, но при кредитных кооперативах: причем ввиду слож-

ности дела и необходимости для него крупных затрат целая группа кредитных кооперативов объединяется для устройства такого зернохранилища.

Наши кредитные кооперативы уже давно занимались хлебозаготовочными операциями, которые велись свыше чем 1000 кредитными кооперативами при помощи ссуд из Государственного банка. К маю 1913 г. было уже 498 мелких зернохранилищ, принадлежащих кредитным кооперативам, и несколько более крупных, принадлежащих целым группам объединившихся кредитных товариществ.

В последние годы до войны дело постройки сети как элеваторов в крупных центрах хлебной торговли, так и небольших зернохранилищ пытался взять в свои руки Государственный банк. Предполагалась планомерная постройка сети элеваторов и зернохранилищ, причем более крупные элеваторы должны были находиться в заведывании самого банка, а мелкие зернохранилища, входящие в общую сеть, должны были сооружаться на средства Государственного банка, но находиться в пользовании учреждений мелкого кредита.

Элеваторы Государственного банка согласно предположениям правительства должны были быть учреждениями, управляемыми администрацией самого банка, но вместе с тем облегчать кооперативным организациям сбыт товарищеского хлеба.

Недостатком всей этой предполагавшейся широкой организации элеваторов и зернохранилищ был приданный ей с самого начала бюрократический характер. Война застала все эти предложения в начале их осуществления и, конечно, в будущем предполагаемая организация сложится в совершенно иные формы.

5. Кооперация по переработке

Среди разнообразных крестьянских кооперативов совершенно особое место занимают маслодельные артели. Можно сказать, что маслодельная кооперация является у нас самой блестящей страницей всего нашего кооперативного движения. Быть может, до революции это был единственный у нас вид кооперативов, который достиг огромного экономического значения не поддержкой со стороны, а на основе самостоятельности самого населения.

Молочная кооперация имеет у нас свою длинную историю. Начинается она в 60-х гг. в виде артельных сыроварен в Тверской и

Ярославской губерниях. Несколько интеллигентов — Верещагин, Бландов, Бирюлев⁷⁵ и др. — заинтересовались вопросом о молочной кооперации, изучили за границей молочное дело и приехали насаждать в России молочную кооперацию, причем остановились на кооперативном производстве сыра. Благодаря общественному сочувствию их начинаниям и поддержке земства, им удалось в скором времени организовать целый ряд сыроваренных артелей совершенно того же типа по своему внутреннему строю, как и маслодельные кооперативы, получившие ныне огромное распространение во всем мире. Это были не производительные артели, а товарищества по переработке молока.

В 1866 г. возникла первая сыроваренная артель в Тверской губернии на средства Вольного экономического общества. В 1871 г. было уже 25 сыроваренных артелей в Тверской, Ярославской, Новгородской, Вятской губерниях и в Терской области, благодаря главным образом, щедрой денежной поддержке земств. Судьба этих первых молочных кооперативов была печальная: почти все они в скором времени распались. Однако нельзя сказать, чтобы пионеры нашей молочной кооперации не сделали никакого полезного практического дела: не достигнув успеха в деле насаждения молочной кооперации, они достигли иного — создания у нас капиталистического производства сыра и масла. Неудавшиеся артельные заводы в конце концов перешли в руки капиталистов, и один из главных пропагандистов молочной кооперации, Бландов, стал одним из крупнейших в России предпринимателей в области молочного хозяйства.

Конечно, этот странный оборот молочной «артельной эпопеи» ни малейшим образом не компрометирует почтенные имена первых насадителей у нас рационального молочного дела: если наша крестьянская среда оказалась неподготовленной к кооперации, то пионерам нашей молочной кооперации ничего не оставалось, как организовать молочное хозяйство капиталистически. Они сделали большое культурное дело, и не их вина, если это дело оказалось совершенно иным, чем то, к которому они стремились.

Молочная кооперация на время у нас совершенно замерла, и «артельная эпопея» возбуждала только насмешки интеллигенции девятидесятых годов прошлого века. Но история молочной кооперации в России не только не кончилась, но еще только начиналась.

В конце 90-х гг. у нас вновь начинают возникать молочные кооперативы, но уже иного типа, с иными техническими задачами и в совершенно иной общественной обстановке.

Причины неудачи первых молочных кооперативов были многообразны. Прежде всего с точки зрения технических заданий артели не могли иметь успеха потому, что независимо от артельной формы сами процессы сыроварения были у нас мало изучены и, имея очень сложный характер, требовали приспособления к русским условиям, для чего не имелось еще достаточного опытного материала. Не было специалистов не только по сыроваренному, но и по гораздо более простому маслодельному делу. Все это нужно было создавать заново, и потому молочные продукты должны были выходить низкого качества.

Не меньшую роль играла и полная неподготовленность к кооперации крестьян, среди которых интеллигенты насаждали артели. Были и частные причины неудач артелей (вроде неправильного выбора районов с незначительным развитием крестьянского скотоводства), но наибольшее значение имели две вышеуказанные.

Новые молочные артели возникли в Сибири и поставили себе задачей приготовление не сыра, а масла. Возникновение их в Сибири отнюдь не было случайным. Сибирское крестьянство стоит несравненно выше русского по своей зажиточности и земельному богатству. На основе этого земельного богатства развилось сравнительно цветущее крестьянское скотоводство. В Сибири приходится в среднем на крестьянский двор более 4 коров, о чем, конечно, не приходится и мечтать русскому крестьянину.

К этому богатству скотом сибирского крестьянина присоединилось в половине 90-х гг. прошлого века еще крупнейшее хозяйственное событие в жизни Сибири — постройка Сибирской железной дороги, соединившей Сибирь со всем европейским миром. Железная дорога открыла перед Сибирью необъятный рынок и дала толчок необычайной силы для развития сибирского хозяйства. В Сибири появляются представители крупных иностранных фирм по экспорту масла, и на основе иностранного капитала, как отмечает Н. В. Чайковский⁷⁶, начинается лихорадочно быстрое развитие сибирского маслоделия.

Во второй половине 90-х гг. в Западной Сибири вспыхивает масляная горячка: возникает множество мелких капиталистически мас-

льных заводов, взаимная конкуренция между которыми принимает такие размеры, что в скором времени многие предприниматели разоряются и следует общий кризис капиталистического маслоделия.

Почва для маслоделия кооперации была, таким образом, вполне подготовлена, и вот почему деятельность пионеров сибирской кооперации, Сокульского и Балакшина, привела к такому блестящему успеху. Устройство первых маслодельных артелей вследствие недоверия крестьянства к этой новой хозяйственной организации было очень трудно. Но как только крестьяне убедились на опыте в преимуществах этой новой организации для сбыта их молока в переработанном виде, новые артели стали возникать с большой быстротой и вытеснять капиталистические маслодельные заводы.

О характере развития сибирского маслоделия можно судить по нижеследующим данным:

Количество маслодельных заводов в Томской и Тобольской губерниях

Год	Все заводы	В том числе артельные	В процентах
1896	29	5	17
1900	1022	32	3
1902	1980	60	3
1905	1943	357	18
1910	3109	1337	43

Ясно, какой огромный скачок сделало сибирское маслоделие со времени открытия Сибирской дороги. При этом в начале развитие это совершалось в форме капиталистического маслоделия. Со времени 1902 г. картина меняется: под влиянием кризиса капиталистического маслоделия общее число маслодельных заводов к 1905 г. сократилось, но число артельных заводов во много раз возросло. Дальнейшее развитие маслодельного производства совершается почти исключительно за счет роста артельного маслоделия.

Сибирская маслодельная кооперация уже никоим образом не может быть отнесена на счет «благоприятствующей опеки». Это действительно огромное дело, созданное самим населением, на основе самопомощи заинтересованных лиц. И неудивительно, что

кооперация так удалась именно в Сибири. Прежде всего этот успех объясняется исключительными преимуществами маслодельной кооперации перед капиталистическим маслоделием, о чем было сказано в предшествующей главе. Другие кооперативы не обладают такими преимуществами перед капиталистическими организациями. Поэтому, когда условия сложились крайне благоприятно для развития в Сибири маслодельного производства, оно, естественно, приняло форму кооперации.

Во-вторых, сибирский крестьянин, как экономически более сильный, легче мог создать вполне жизнеспособные устойчивые кооперативы, чем гораздо более слабый крестьянин Европейской России.

Сибирская маслодельная кооперация охватывает, как и крестьянская кооперация в Европейской России, преимущественно средних по зажиточности, а затем более богатых крестьян. Около двух третей артельщиков имеют не свыше 5 коров, что близко к средним цифрам для сибирского крестьянства данных районов. По подсчету г. Макарова, среднее количество коров на одного члена артели равно 4–8, а среднее количество коров во владении одного крестьянина в том же районе — 4–16. Число коров у артельщиков, таким образом, только немногим выше среднего. Как это мы видели и по отношению крестьянства Европейской России, вне кооперации стоят только очень бедные жители деревни.

Особенностью сибирских маслодельных артелей является их тесная связь с потребительскими лавками. Эта связь между двумя кооперативами совершенно различных типов вытекла из условия нашего крестьянского хозяйства: при слабости развития в нашей деревне торговли предметами крестьянского потребления маслодельные заводчики являлись одновременно и деревенскими лавочниками. Маслодельные артели, вступив в борьбу с заводчиками, должны были организовать и снабжение населения продуктами лавочной торговли, так как в противном случае артели лишились бы своих членов: деревенский лавочник не станет снабжать своими товарами в кредит тех крестьян, которые не поставляют в его завод своего молока. В настоящее время сибирские артели имеют обычно следующий вид. При маслодельной артели находится и артельная лавка, причем юридически оба кооператива существуют независимо друг от друга, но так как члены в них одни и те же, то фактически оба кооператива являются

одной организацией. Члены артели обязуются поставлять молоко только в свою артель, и точно так же члены потребительского общества обязуются покупать, кроме исключительных случаев, только в лавке своего общества. Чистый остаток потребительской лавки распределяется между членами по забору, а чистый доход маслодельной артели распределяется пропорционально поставленному молоку.

Товары из потребительской лавки отпускаются в кредит под поставляемое каждым членом маслодельной артели молоко.

Но этим не заканчивается организующая роль маслодельной артели. Присоединив к себе потребительскую организацию, она стремится организовать кооперативную продажу хлеба и стать вообще универсальным крестьянским кооперативом. Некоторым артелям это и удастся; вообще значение маслодельных артелей в хозяйстве сибирского крестьянина громадно. Жаль только, что в смысле влияния на технику маслоделия и вообще молочного дела сибирская молочная кооперация заставляет желать очень и очень многого, не выдерживая в этом отношении никакого сравнения с молочной кооперацией Запада. Этот этап кооперативного развития у нас еще, очевидно, впереди.

Маслодельная кооперация сходного типа быстро развивалась и в Европейской России, в тех губерниях, в которых существуют благоприятные условия для крестьянского скотоводства, — в Вологодской, Ярославской, Московской и др., но везде в гораздо более скромных размерах, чем в Сибири. Это вполне понятно, так как только исключительные условия сибирского крестьянского скотоводства дали возможность сибирскому крестьянину, несмотря на все неблагоприятные условия нашей общественности, достигнуть таких крупных результатов в деле молочной кооперации.

6. Кооперативные союзы

Необходимым условием нормального развития кооперации является объединение кооперативов в союзы. Без союзов кооперация не может выйти из стадии первых подготовительных шагов, ибо отдельные кооперативы, не связанные союзными узами с другими кооперативами, являются слишком слабой хозяйственной организацией, чтобы с успехом достигать своих целей. Кооперация есть форма борьбы более слабых в хозяйственном отношении элементов совре-

менного общества с более сильными его элементами, и только единение слабых дает им возможность побеждать сильных. Это верно по отношению не только к отдельным членам кооператива, но и целым кооперативам: кооперативное строительство не заканчивается объединением небольшой группы лиц в кооператив, но продолжается и по отношению к отдельным кооперативам, которые точно так же, чтобы достигать своих целей, должны объединиться в более обширные кооперативные союзы.

Такова одна из аксиом кооперативного движения, столь же верная по отношению к России, как и по отношению к другим странам. Повсюду мы видим, что отдельные кооперативы не остаются изолированными друг от друга, но соединяются в обширные союзы.

Наша кооперация по числу участников в кооперативном движении занимает первое место в мире. Тем не менее создание столь необходимых для кооперации союзов наталкивалось у нас до революции на упорное сопротивление власти.

Только с величайшим трудом удавалось нашим кооперативам при прежнем режиме создать ту или иную союзную организацию. И все-таки жизнь столь властно требовала таких организаций, что они возникали и развивались даже при старом режиме.

Важнейших союзных организаций у нас до войны было три: Московский союз потребительских обществ, объединяющий как крестьянские, так и городские потребительские общества (об этом союзе было сказано в главе о пролетарской потребительной кооперации), Московский народный банк и Сибирский союз маслодельных артелей.

Московский народный банк является с формальной стороны акционерным банком, но так как число частных акционеров в нем ничтожно, а огромное большинство акций размещено среди кооперативов (преимущественно кредитных, но также и среди потребительских обществ и маслодельных артелей), то фактически этот банк является союзной организацией национального масштаба. Банк возник еще очень недавно — в 1912 г., — но успел развить чрезвычайно энергичную деятельность. Операции банка далеко не ограничиваются одним кредитованием кооперативов, но направлены также на объединение кооперативной закупки и кооперативного сбыта, причем, однако, во избежание нежелательной конкуренции с другим ко-

оперативным союзом — Московским союзом потребительских обществ, — банк объединяет закупку только средств производства, а не предметов личного потребления.

К 1 января 1918 г. баланс банка превысил 300 млн. руб., причем вкладов было на 140 млн. руб.; за 1917 г. банк выдал кооперативам по всем видам ссуд около 0,5 млрд. руб., из числа которых потребительская кооперация получила свыше 300 млн. руб. Акционерный капитал банка достиг к 1 декабря 1917 г. 10 млн. руб.⁷⁷

Сибирский союз маслодельных артелей возник в 1907 г., причем в начале в нем принимало участие всего 12 артелей, а оборотный капитал (занятый) выражался скромной цифрой в 21 тыс. руб. В 1912 г. к союзу принадлежало уже 382 артели со 170 артельными потребительскими лавками, причем товарные обороты союза достигли почти 7,5 млн. руб. (в том числе масла было продано свыше чем на 6 млн. руб.)⁷⁸. В 1912 г. союзу удалось организовать сбыт своего масла непосредственно на лондонском рынке — в Лондоне была учреждена компания на паях под названием Союз сибирских кооперативных товариществ, к которой перешли все заграничные операции по сбыту масла сибирских артелей. В 1915 г. в союзе участвовало 829 артелей и 628 артельных потребительских обществ, совокупный оборот которых достигал 20 млн. руб. Через союз проходила $\frac{1}{6}$ всего сибирского масла. Хотя в последние годы в союзе начались раздоры и из союза ушли сначала приуральские артели, а затем и английские артели, составившие свои особые центральные организации, тем не менее обороты союза быстро росли и достигли в 1917 г. 160 млн. руб. В начале 1918 г. к союзу принадлежало 1410 маслодельных артелей и 1167 артельных лавок. В артелях, принадлежащих союзу, вырабатывалась $\frac{1}{3}$ всего масла, производимого в Сибири.

Стремление к союзному объединению все настоятельнее чувствовалось в мире русской кооперации, и, несмотря на все препоны к устройству союзов, которые чинились администрацией старого режима, такие союзы стали возникать за последние два-три года до революции в огромном количестве путем договорных объединений нотариальным порядком без утверждения устава правительственной властью. Нередко объединялись кооперативы различного рода ради общих целей. Объединялись и кредитные кооперативы, и потребительские общества, и сельскохозяйственные товарищества. Некото-

рые кооперативы объединялись с целью общей закупки, другие — с целью общего сбыта. В числе последних обращают на себя внимание союзы для постройки за общий счет элеваторов и зернохранилищ.

Те немногие союзы, которые существовали на основании утвержденных уставов, энергично развивали свои операции. До 1911 г. союзы кредитных кооперативов не имели права принимать вкладов, что, естественно, сводило их функции к очень скромным размерам. По уставу 1911 г. эта операция была разрешена союзам, и с этого времени союзы кредитных товариществ начали быстро усиливаться. К 1 января 1917 г. их было уже 71. При переходе на новый устав операции Киевского союза кредитных товариществ возросли в 90 раз, Мелитопольского — в 17 и Бердянского — в 13 раз.

В связи с ростом кооперативных объединений, а также и с одновременным развитием земской деятельности по вспомоществованию и содействию кооперации для русского кооперативного движения открылась новая задача: каково должно быть взаимодействие союзных кооперативных организаций и земства.

Дело в том, что за последние годы до революции чрезвычайно усилилась деятельность земств по содействию кооперации. К 1 января 1917 г. были уже 272 земские кассы мелкого кредита, выполнявшие приблизительно те же функции, которые выполняют и кооперативные союзы. К 17 октября 1917 г. земских касс было 281.

Как показала анкета, проведенная I отделом Петроградского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах, разработанная г. Н. Шереметьевым, кассы эти кредитовали преимущественно кооперативы, причем замечалось постепенное вытеснение кредитования отдельных лиц кредитованием кооперативов. Выполняя эту последнюю функцию, земская касса вступает в конкуренцию с союзом кооперативов. На этой почве возникло некоторое взаимное соперничество между земскими кассами и союзными кооперативными учреждениями.

С принципиальной стороны вопрос о взаимоотношении между кооперацией и земством прост и ясен. Земство поступает совершенно правильно, вступив на путь деятельного содействия кооперации. Но по мере того как кооперация развивается и набирает сил, земство должно уступить место чисто кооперативным организациям в тех областях хозяйственной жизни, которые пригодны для кооператив-

ного строительства. Пока в нашей деревне непочатый край работы как для органов земства вроде земских касс мелкого кредита, так и для союзных организаций кооперативов. Но как только кооперация достаточно созрела, чтобы обходиться без благожелательной опеки и поддержки земства, земство должно очищать место для чисто кооперативной самостоятельности населения. Деля это, земство не только не терпит какого-либо ущерба, но, наоборот, достигает своей собственной цели — развития кооперации.

7

Война оказала, как и следовало ожидать, огромное влияние на русскую кооперацию главным образом в двух направлениях: благодаря созданному войной продовольственному кризису чрезвычайно выросла потребительская кооперация в деревне и особенно в городе; в то же время потребности армии в поставке огромного количества продовольственных продуктов повели к развитию кооперации по сбыту, чему содействовало и разрушение частной капиталистической торговли, вызванное переходом в руки государственных организаций важнейших отраслей торговли. В том же направлении — в направлении развития кооперации по сбыту — действовал и третий фактор, связанный с войной, — затруднения внешней экспортной торговли многими сельскохозяйственными продуктами.

Продовольственные нужды армии поставили правительство в необходимость обратиться к кооперации за поставкой необходимых продовольственных продуктов. Однако агенты власти очень мало сделали для того, чтобы привлечь кооперативные учреждения к таким поставкам, и потому результаты получились не вполне удовлетворительные. Где правительственные уполномоченные пошли навстречу кооперативам, там получила широкое развитие и кооперативная поставка хлеба. Так было, например, в Орловской, Тульской, Тамбовской губерниях, в Области войска Донского, в Херсонской губернии, на Кубани, в Сибири. Сбытом хлеба, как общее правило, занимались кредитные товарищества, объединенные в союзы. В 1916 г. кооперативы объединяли около 17 % всех хлебных поставок на армию.

Кроме хлеба кооперативы поставляли в армию масло, сено и многие другие продукты. Очень оживленно работали кооперативы в области поставок на армию кустарных изделий — преимущественно сапог.

Так как для развития деятельности кооперативов по сбыту на нужды армии необходимы союзы, то правительство было вынуждено отказаться от своей прежней политики — неразрешения союзов, и новые кооперативные союзы стали возникать в большом количестве. Уже в 1915 г. возникло 64 новых уставных союза и 120 действительных объединений. К концу 1916 г. было уже свыше 320 союзных объединений. К 1 октября 1917 г. по подсчету Совета всероссийских кооперативных съездов было уже 612 союзов, из них 3 центральных, 140 союзов кредитных товариществ, 171 потребительское общество, 31 союз по сбыту, 31 — по закупкам, 210 — смешанных.

Среди кооперативов по сбыту получили мощное развитие кооперативы по сбыту льна. Лен является продуктом крестьянского хозяйства северных районов России. Война чрезвычайно затруднила экспорт льна и этим поставила крестьян-льноводов перед необходимостью самим наладить экспорт льна. Эта трудная задача была блестяще разрешена кооперацией.

В 1915 г. возникла центральная организация по сбыту льна — Центральное товарищество льноводов, которое быстро объединило сотни тысяч льноводных хозяйств в 11 губерниях — Псковской, Тверской, Смоленской, Новгородской, Ярославской и др. Этот новый кооперативный союз с самого начала поставил себе широкие задачи не только сбыта льна на заграничном рынке, но и снабжения льноводов семенами, удобрениями, машинами и другими средствами производства. Успех этого союза был необыкновенно быстрым. К январю 1918 г. в товарищество входило 47 союзов и кроме них 132 отдельных кооператива. Всего в товариществе было объединено до 0,5 млн. крестьянских льноводных хозяйств в 19 губерниях. За 1917 г. товарищество сбыло около 1 млн. пудов льна, что составляет $\frac{1}{20}$ всего льна, сбываемого на рынок русским крестьянством. Посевных семян льна товарищество приобрело для своих членов в 1917 г. 247 тыс. пудов. Большая часть продаваемого товариществом льна сбывалась непосредственно в Англию, Францию и Японию.

8

В дореволюционное время кооперация была единственным широким общественным движением, объединившим народные массы. Никаких других форм организации народных масс при самодержавии

вии почти не существовало. Не только не было политических организаций, но и профессиональные союзы почти отсутствовали; таким образом, кооперация приобретала совершенно исключительное значение и выдвигалась на первый план в качестве общественной силы.

Революция в корне изменила это положение дела. Разного рода общественные организации стали развиваться с быстротой прямо изумительной и через несколько месяцев после революционного развития народные массы России оказались сплоченными и связанными в самые разнообразные общественные объединения.

Наряду с этим, хотя и в гораздо слабейшей степени, шло и объединение народных масс в политические партии.

Какова же была роль кооперации среди новых объединений, той самой кооперации, которая до революции имела такое доминирующее значение в организации народных масс? Не подлежит сомнению, что относительное значение кооперативного движения, в ряду других общественных организующих сил после революции чрезвычайно упало.

Кооперация не только не сыграла в революционный период первенствующей роли в общественной жизни народных масс, но на революционной арене была как-то мало заметна.

И это был не только обман зрения столичного жителя, оглушенного шумом и грохотом политических событий революции.

Нет, и на местах роль кооперативов в общественной жизни очень сузилась и потускнела.

Руководители кооперативов, которые раньше были наиболее видными деятелями местной жизни, теперь были оттеснены на задний план новыми людьми, выдвинутыми революцией.

Вообще можно сказать, что русская кооперация не оказалась сколько-нибудь заметным фактором русской революции. И это несколько не удивительно. Кооперация по самой своей природе сила не разрушающая, а созидаящая. Правда, при известных условиях и кооперация может явиться революционной силой как центр организации народных масс. Но русская революция произошла так внезапно и так быстро, что народным массам не пришлось организоваться для победы и надобности в кооперативных объединениях для целей революции не оказалось.

С другой стороны, хотя революция и выдвинула целый ряд задач творческого характера в области новой организации народного хозяйства и народного труда, но для разрешения этих задач было сделано крайне мало.

Поэтому и с этой стороны кооперация не смогла сыграть сколько-нибудь заметной роли в процессе революционного пересоздания России.

В конце концов приходится констатировать, что в русской революции кооперация оказалась отодвинутой другими общественными силами с исторической авансцены и ими как бы затертой.

В самой кооперации революция вызвала глубокие изменения.

До революции наша кооперация была преимущественно сельской, развивавшейся под опекой государственной власти. Огромный рост кредитных товариществ за последнее десятилетие, поставивший Россию по числу членов кооперативов на первое место в мире, был создан главным образом правительственной опекой.

Революция это положение совершенно изменила. Наша кооперация стала совершенно свободна и получила возможность идти тем путем, который сама себе выберет.

И хотя революционный взрыв отвлек от кооперации общественное внимание, уже теперь явственно намечаются новые пути развития нашей кооперации.

Немедленно после революции, в апреле, состоялся в Москве Всероссийский съезд представителей кооперативных объединений, создавший всероссийский кооперативный центр в Москве — Совет всероссийских кооперативных съездов с задачами сплотить русское кооперативное движение в одно национальное целое⁷⁹.

Однако Московский кооперативный съезд еще шел в старых до-революционных рамках русского кооперативного движения.

На московском съезде имели огромное преобладание представители сельской кооперации, и при этом кооперации кредитной. Пролетарская кооперация была представлена более чем скромно.

И это было вполне естественно, ибо в дореволюционной России независимая пролетарская кооперация играла ничтожную роль. Самодержавие имело все основания опасаться организации пролетариата, и даже самые далекие от политики учреждения, членами которых являлись фабричные рабочие, оказались опасными.

Революция привела к быстрому росту пролетарской кооперации.

Наша дореволюционная кооперация стремилась сохранить внеклассовый характер и объединить в одной национальной организации все ветви кооперативного движения — как кооперацию крестьянскую, так и пролетарскую и мелкобуржуазную.

Московский кооперативный съезд в апреле еще целиком продолжал эту традицию. Он стоял на внеклассовой позиции и исходил из понятия кооперативного движения как единого целого.

Однако жизнь скоро показала, что свободная кооперация не может не обнаружить свои классовые черты. Всероссийский съезд пролетарской кооперации в Петрограде был чрезвычайно поучителен в этом смысле⁸⁰.

Оказалось, что и наше кооперативное движение утрачивает свое единство и идет тем же путем, как и на Западе, где каждая из трех ветвей кооперативного движения — крестьянская кооперация, пролетарская и мелкобуржуазная — имеет свои особые объединяющие центры и преследует свои особые задачи и цели.

Тем же путем, по-видимому, пойдет и наша кооперация, получив полную свободу своего самоопределения.

Что касается крестьянской кооперации, то ей предстоит в грядущей крестьянской России, без сомнения, блестящее будущее.

Но пока крестьянская кооперация с прекращением правительственной опеки, ликвидацией Управления по делам мелкого кредита и прекращением деятельности инспекторов мелкого кредита переживает трудные дни. Как показало совещание инспекторов мелкого кредита, состоявшееся в Петрограде в конце июля 1917 г., многие деревенские кооперативы находились в полном расстройстве, а в некоторых случаях даже были закрыты местными революционными организациями.

Конечно, все эти временные затруднения переходного времени скоро будут преодолены, и кооперация займет почетное место в строе новой России.

Глава VIII. Русская земельная реформа и кооперация

1

Россия стоит на пороге величайшей земельной реформы, которую когда-либо видел мир. Общее направление нашей земельной реформы вполне соответствует тем тенденциям аграрного развития,

которые явственно обозначались за последние десятилетия повсеместно — везде мы наблюдаем постепенный переход земли из рук крупных собственников в руки непосредственных земледельцев.

Самым значительным шагом в этом направлении была земельная реформа в Ирландии, которая еще не вполне закончилась, но общий характер которой обозначился уже достаточно определенно. В Ирландии, как известно, еще недавно почти вся территория страны была сосредоточена в руках крупных земельных собственников, которые не вели на этой земле своего собственного предпринимательского хозяйства, но сдавали ее мелким арендаторам-крестьянам. В первоначальной своей стадии ирландская земельная реформа выразилась в том, что было произведено урегулирование арендных отношений, причем за арендаторами были закреплены арендные права и была установлена общественной властью арендная плата. Но на этом земельная реформа в Ирландии не остановилась: мелкие арендаторы потребовали окончательного перехода земли в их руки, и этого им удалось достигнуть. В 1903 г. был издан закон о выкупе фермерами земли, причем в 1909 г. закон этот был дополнен новым, который допустил принудительный выкуп.

Благодаря этим мерам крупное землевладение в Ирландии, если пока еще и не ликвидировано полностью, то, во всяком случае, стоит на пути к такой ликвидации. Земля перешла в руки трудящихся земледельцев, и требования трудящихся масс были удовлетворены.

Ирландская земельная реформа представляет собой самый крупный опыт земельной реформы за много веков. Но как ничтожны размеры этой законодательной меры сравнительно с тем, что предстоит в ближайшем будущем России!

Прежде всего уже сама территория Ирландии несравнима с территорией России. Ирландская земельная реформа охватила земельную площадь приблизительно в 6 млн. десятин. Результатом ее должно явиться превращение нескольких сотен тысяч крестьянских семейств из арендаторов в земельных собственников, причем в руки крестьянина переходит на правах частной собственности в большей своей части та самая земля, которую они и раньше обрабатывали как арендаторы.

Этот результат был достигнут в Ирландии при помощи целого ряда законодательных актов, охвативших почти три десятилетия

упорной законодательной работы: первый закон об урегулировании аренды был издан в Ирландии в 1881 г., в то время как решающий законодательный акт о принудительном выкупе был издан в 1909 г. При этом нужно иметь в виду, что до настоящего времени еще далеко не вся помещичья земля в Ирландии перешла в руки крестьян.

Размах нашей земельной реформы совсем иной. Она должна охватить площадь приблизительно в 70–80 млн. десятин, а может быть и более.

При этом имеется в виду не просто передача земли тем, кто ее теперь обрабатывает, а уравнильное распределение земли между безземельным и малоземельным земледельческим населением, даже, в идеале, осуществление равного права всех на землю.

И эта грандиозная земельная реформа, вернее, земельная революция должна быть осуществлена не на протяжении нескольких десятилетий, как в Ирландии, а в ближайшее же время.

Отсюда видно, насколько превосходит по своей трудности та задача, перед которой ныне стоит Россия, все то, с чем до настоящего времени приходилось иметь дело другим странам.

2

Великая земельная революция, в практическое осуществление которой мы уже вступили, должна быть обсуждаема и оцениваема с двух различных точек зрения — с точки зрения социальной справедливости и с точки зрения развития производительных сил.

Эти две точки зрения принципиально совершенно различны. В иных случаях они могут совпадать между собой, но такое совпадение отнюдь не вытекает из самого их существа и потому в других случаях оно может совершенно не иметь места.

Достаточно в этом отношении сослаться на историю возникновения капиталистического способа производства. Капиталистическая система хозяйства основана на эксплуатации труда капиталом и с точки зрения социальной справедливости стоит, конечно, гораздо ниже системы мелкого производства, которая была вытеснена капитализмом. Тем не менее развитие капитализма было, несомненно, процессом прогрессивным по той причине, что капитализм стоял по своей производительности гораздо выше предшествующих форм хозяйства.

Точка зрения социальной справедливости разошлась в данном случае с точкой зрения производительности и победила не более справедливая, а более производительная система хозяйства.

Теперь мы стоим перед новым историческим моментом разрушения уже не мелкого, а крупного производства. Крупное капиталистическое сельское хозяйство в России уничтожено революцией, на смену ему приходит новая система хозяйства — трудовая.

Однако разрушение капиталистического сельского хозяйства оказалось бы в России исторически неизбежным отнюдь не в силу низкой производительности этой системы хозяйства. Наоборот, наше капиталистическое сельское хозяйство до сих пор по своей производительности значительно превышает трудовое крестьянское хозяйство и, что особенно важно в данном случае, трудовое хозяйство не только не нагоняет в процессе хозяйственного развития, но скорее все больше и дальше отстает от последнего. Вот соответствующие данные для Европейской России за пять последних десятилетий:

Урожаи всех хлебов в тудях с десятины

	На крестьянских землях	На помещичьих землях
В среднем за 1861–1870 гг.	29	33
В среднем за 1871–1880 гг.	31	37
В среднем за 1881–1890 гг.	34	42
В среднем за 1891–1900 гг.	39	47
В среднем за 1901–1910 гг.	43	54

Как видно из этих цифр, урожайность крестьянской земли значительно ниже, чем помещичьих. Правда, это может зависеть от того, что в помещичьих руках находятся земли лучшего качества, чем в руках крестьян. Но приведенные цифры показывают в то же время, что превосходство помещичьего хозяйства по урожайности сравнительно с крестьянским не только не уменьшается с течением времени, а возрастает. За сорок лет крестьянские урожаи возросли на 48 %, а помещичьи на 64 %; разница тех и других урожаев значительно возросла⁸¹.

Отсюда ясно, что отнюдь не слабая производительность помещичьего хозяйства может оправдать то разрушение его, которое произвела русская революция. Наоборот, капиталистическое сельское хозяйство в России как раз последнее время обнаружило значительный технический прогресс⁸². Первое время после освобождения крестьян наше помещичье хозяйство переживало тяжелый кризис, вызванный неприспособленностью многих помещиков к новым условиям, созданным реформой 19 февраля⁸³. В результате этого кризиса последовали разорение множества помещиков и значительная мобилизация крупного землевладения, причем земля переходила как из среды крупновладельческого класса в руки мелких трудовых хозяйств, так и от одних крупных владельцев к другим.

Новые хозяева из среды крупных владельцев уже были гораздо более приспособлены к условиям капиталистического хозяйства, что и выразилось в значительном подъеме нашего капиталистического сельского хозяйства как раз накануне революции. Произошел подбор более сильных крупных хозяйств, введших у себя усовершенствования современной агрономической техники, перешедших от трехполья к интенсивным системам севооборота, травосеянию, культуре корнеплодов, сахарной свеклы и т. д.

Культурные помещичьи имения, которые лет двадцать–тридцать тому назад были величайшей редкостью, теперь встречаются уже в значительном количестве почти во всех районах России⁸⁴. И тем не менее все это не спасло помещичьего хозяйства, беспощадно уничтоженного революцией.

Что же погубило помещичье хозяйство? То, что помещичье хозяйство встретило осуждение народного правосознания с точки зрения социальной справедливости; и нельзя не признать, что в народном гневe против помещичьего землевладения говорил голос правильного нравственного сознания. Ясно, как божий день, что нетрудовое владение землей не имеет за собой никакого оправдания с точки зрения социальной справедливости. Наша крестьянская масса в противоположность крестьянству большинства стран Запада не настолько проникнута еще инстинктами собственника, чтобы утратить в земельном вопросе непосредственное, здоровое нравственное чувство. И этот-то голос нравственного чувства крестьянской массы и явился приговором помещичьей земельной собственности.

В противность исторически выросшему из социального насилия институту частной земельной собственности народное сознание выдвинуло новое право — право на землю. Не следует преувеличивать степень сознательности нашего крестьянства и не нужно думать, что крестьянство в своей массе чуждо собственнических интересов. Наоборот, несомненно, что крестьянин, даже протестуя против земельной собственности, стоит на почве своих интересов как собственника. Но столь же несомненно, что вражда крестьянина к помещичьей собственности основана не только на его классовых интересах как землевладельческого класса, нуждающегося в расширении своего землевладения, но и на нравственном чувстве, возмущающемся против сосредоточения огромных земельных территорий в руках неработающих лиц. Именно благодаря такому соединению классового интереса и нравственного чувства крестьянский протест против помещичьего землевладения приобретает сокрушающую силу.

Однако как ни важна точка зрения социальной справедливости, нельзя все же забывать и принципиально совершенно иной точки зрения производительности. В данном же случае точка зрения производительности самым тесным образом соприкасается с точкой зрения справедливости.

А именно: следует признать, что идея права каждого гражданина на землю отнюдь не представляет собой высшей социальной идеи. Идее права на землю следует противопоставить как бесспорно высшую социальную идею — идею права на землю (равно как и на все средства производства) отнюдь не каждого отдельного гражданина, а всего общества в совокупности.

На землю имеет право не только землероб, но и фабричный рабочий, матрос, врач, учитель, писатель и т.д., и т.д., — все полезные члены общества без исключения.

Как же осуществить это право? Всем пахать землю? Фабричному рабочему бросить свою фабрику, матросу бросить корабль, врачу бросить больницу и т.д., и всем сесть на землю?

Совершенно ясно, что такое решение права всего общества на землю было бы величайшей нелепостью. Чтобы пахать землю, нужно иметь плуг, а этот плуг выделяется на фабрике. Поэтому нельзя пахать земли, если фабрики останутся за недостатком рабочих. Сама возможность пользования землей предполагает работу

тех лиц, кто никакого непосредственного участия в сельском хозяйстве не принимает.

Нельзя всем стать землеробами, и, значит, равного права всех на землю нельзя осуществить превращением всех в землеробов. Как же может быть осуществлено это бесспорное право всех на землю?

Очевидно, только одним путем. Землю пахать должна только часть общества, а остальные члены общества, будучи заняты другим делом, имеют право требовать, чтобы те, кто пашет землю, пахали ее наилучшим образом, чтобы для всех хватало земледельческого продукта.

Если часть общества, обрабатывающая землю, обрабатывает ее неудовлетворительно, благодаря чему остальные члены общества, участвующие не в сельскохозяйственной работе, терпят недостаток в сельскохозяйственных продуктах, то этим нарушается бесспорное право этих последних на землю. Ибо земля принадлежит, согласно естественному праву, не только землеробам, но всему обществу, в том числе и тем, кто никакого участия в земледельческих работах не принимает, но работает в других областях. И эти последние работники имеют право объявить свое право нарушенным, если земля плохо обрабатывается теми, кто непосредственно пользуется землей.

Только такой смысл имеет новая правовая идея, противопоставляемая в настоящее время революционным сознанием русского крестьянства идее частной земельной собственности. Лишь под тем условием земля может быть в пользовании части общества, чтобы эта часть общества наилучшим образом исполняла свой общественный долг снабжения общества сельскохозяйственными продуктами.

Всякому праву противостоит общественная обязанность. Общественной обязанностью землероба является снабжение общества достаточным количеством сельскохозяйственных продуктов.

Значит, достаточно высокий уровень производительности сельского хозяйства необходим с точки зрения социальной справедливости. Ибо было бы несогласно со справедливостью, если бы переход земли в руки работающих земледельцев повлек за собой лишение сельскохозяйственных продуктов для всех тех, кто работает не на земле, а в других областях общественного труда.

Если бы это случилось, и если бы переход земли в руки трудящихся земледельцев имел своим последствием сокращение производительности сельского хозяйства, в таком случае русской революции

угрожала бы самая грозная опасность — распадаения русского, пока единого, трудового фронта на два враждебных фронта — городского пролетариата и крестьянства. Ибо, конечно, пролетариат самым насущным образом заинтересован в том, чтобы деревня поставляла в город требуемое количество сельскохозяйственных продуктов. Не забудем, что продовольственный вопрос в России стоит очень грозно — и отнюдь не только в связи с войной.

Можно быть уверенным, что и после войны дело доставления нашим городам достаточного количества продуктов продовольствия наладится не скоро. Обычное представление, что Россия изобилует хлебом и иными сельскохозяйственными продуктами, представляет собой чистейшее заблуждение. Правда, мы являлись до войны одним из главных поставщиков хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов на мировом рынке. Но в русской экономической литературе стало общим местом, что мы вывозили не от избытка, а от недостатка. Избытки для вывоза сельскохозяйственных продуктов образовались у нас лишь вследствие того, что мужик недоедал.

Земельная реформа и предпринимается для того, чтобы изменить это положение дела, чтобы избавить от хронического голода нашу деревню. Но при этом условии и при предположении, что техника нашего сельского хозяйства не повысится, у нас не только не будет хлебного избытка для вывоза, но и продовольствие наших собственных городов станет очень затруднительным.

Чтобы охарактеризовать действительное положение нашего продовольственного дела, достаточно сказать, что Россия производит не больше, а меньше хлеба на душу населения, чем Германия. А ведь Германия была страной, ввозящей хлеб, неспособной прокормить своим хлебом свое население.

При той ничтожной урожайности, которой до настоящего времени характеризовалось наше крестьянское хозяйство, и при прекращении деревенского недоедания, накормить город русской деревне будет очень трудно. До сих пор город кормился не крестьянским, а преимущественно помещичьим хлебом, несмотря на то что помещичьи запашки составляли только одну десятую всей запахиваемой площади в России. Теперь эти помещичьи запашки прекратились. Откуда же городское население будет получать свое продовольствие? Таков грозный вопрос, поставленный перед Россией земельной реформой.

Отсюда следует, что необходимым условием осуществления предстоящей нам реформы является принятие мер к поднятию производительности нашего крестьянского хозяйства. Лишь в этом случае земельная революция не повлечет общего расстройств нашего народного хозяйства и не приведет наше городское население к голоду⁸⁵.

3

Между тем не подлежит сомнению, что раздел крупных имений между многочисленными мелкими производителями сам по себе, независимо ни от каких других условий, имеет тенденцию понижать производительность.

Достаточно в этом отношении сослаться на следующее обстоятельство. Раздел крупного имения на мелкие участки имеет тенденцию создавать недостаток сельскохозяйственного инвентаря. Предположим, например, что имение с площадью запашки в 3000 десятин должно быть разделено между 200 крестьянскими хозяйствами. По полтавским данным, запахиваемая площадь в 1000 десятин требует для своей обработки 54 плуга. Если та же площадь достанется 200 владельцам, то для ее обработки каждому потребуется особый плуг; для всей площади потребуются, таким образом, 200 плугов. Иными словами, если между крестьянами будет разделен весь инвентарь прежнего крупного имения, то крестьяне окажутся не в силах обработать эту земельную площадь по недостатку инвентаря.

Таким образом, раздел крупных имений между трудящимися земледельцами угрожает совершенно обессилить наше сельское хозяйство и оставить город без продовольствия.

Однако все эти угрожающие последствия земельной реформы отнюдь не неизбежны. Они неминуемо должны были бы наступить, если бы земельная реформа выразилась только в разделе земли крупных владельцев между мелкими. Но в том-то и дело, что земельная реформа ни в коем случае не может и не должна ограничиться только этим. Раздел земли между трудящимися земледельцами для того, чтобы не привести Россию к экономической катастрофе, неизбежно требует существенного дополнения в виде систематически проведенных мероприятий, имеющих в виду дать возможность новым земельным владельцам вести на прежней помещичьей земле не менее производительное хозяйство, чем вели помещики.

На первом плане среди этих мероприятий должны стоять меры по развитию крестьянской кооперации.

Уже до революции кооперация сделала в нашей деревне огромные успехи. Однако дореволюционная кооперация, которая в нашей деревне выражалась преимущественно в кредитных товариществах, опекаемых чиновниками Управления по делам мелкого кредита, не может быть базисом, на котором утвердится трудовое хозяйство русской деревни в будущем.

Земельная реформа выдвигает перед нашей кооперацией новые задачи, и эти задачи могут быть разрешены лишь при помощи новых форм кооперативного движения, с которыми русская деревня пока знакома очень мало.

Раздробление крупного помещичьего хозяйства и передача его в руки многих мелких хозяев обещает прежде всего уничтожить крупное сельскохозяйственное производство и превратить его в мелкое. Правда, в сельском хозяйстве выгоды крупного хозяйства гораздо менее значительны, чем в промышленности. Тем не менее эти выгоды в большинстве отраслей сельского хозяйства, и в частности в области культуры злаков, несомненно остаются. И потому уже уничтожение крупного сельскохозяйственного производства создает опасность понижения производительности сельского хозяйства.

Ввиду этого было бы с точки зрения развития производительных сил чрезвычайно существенно, если бы можно было и после раздела земли между мелкими владельцами, после уничтожения капиталистического сельского хозяйства сохранить крупное сельскохозяйственное производство. Нечто подобное теоретически вполне мыслимо: место крупного капиталистического сельскохозяйственного производства могло бы занять крупное кооперативное сельскохозяйственное производство. Это было бы самым желательным разрешением сельскохозяйственного кризиса, угрожающего ныне России.

И потому нисколько не удивительно, что наши социалистические партии, аграрные программы которых по существу почти тождественны и различаются между собой только в деталях, признают особенно желательным, чтобы на месте прежних крупных помещичьих экономий возникли не мелкие крестьянские хозяйства, но крупные сельскохозяйственные артели.

Действительно, такое разрешение нашей земельной революции было бы во всех отношениях наиболее желательным и с точки зрения развития производительных сил, и с точки зрения интересов города, и с точки зрения социалистического идеала. Ибо, несомненно, раздробление крупного хозяйства, хотя бы это крупное хозяйство было капиталистическим, а мелкие хозяйства трудовыми, не может признаваться движением в сторону социализма. Социализм предполагает обобществление труда, а в данном случае мы имеем движение в обратном направлении — от капиталистически обобщественного труда, к раздробленному индивидуальному труду мелких производителей.

В программу первого Интернационала, находившегося под руководящим влиянием Маркса, входило образование крупных земледельческих артелей. Нельзя представить другой формы превращения мелкого крестьянского производства в социалистическое, кроме сельскохозяйственных артелей. Совершенно очевидно, что крестьянин не согласится бросить свое самостоятельное хозяйство и вместо труда на своем поле перейти к труду на какой-то государственной ферме.

Другое дело — земледельческая артель. Здесь крестьянин не порывает со своим хозяйством и только его расширяет, включая в него и своих односельчан. Товарищеская работа в артели не мешает крестьянину сознавать и чувствовать себя самостоятельным хозяином, между тем как работа на государственной ферме по своей обстановке приближается к работе в помещичьей экономии, которая до такой степени ненавистна крестьянину.

Поэтому земледельческая артель является, говоря теоретически, наиболее естественным переходом от хозяйства мелкого сельского производства к социалистическому хозяйству.

И потому наши социалистические партии, сознавая опасность с социалистической точки зрения насаждения на место прежнего крупного сельского хозяйства мелкого крестьянского, признают наиболее желательной замену помещичьего производства крупным трудовым артельным производством.

Однако хозяйственное развитие не всегда идет в том направлении, которое признается желательным хотя бы и очень могущественными партиями.

Нельзя не согласиться, что именно сельскохозяйственные артели должны считаться той формой кооперации, развитие которой в настоящее время в России наиболее желательно, ибо только сельскохозяйственные артели являются радикальным разрешением нашего сельскохозяйственного кризиса, между тем как все другие формы кооперации могут лишь содействовать такому разрешению, не будучи таковым в окончательной форме. Тем не менее я не возлагаю больших надежд на сельскохозяйственные артели и думаю, что на практике с артелями считаться почти не придется.

Трудовая кооперация является, несомненно, чрезвычайно важным видом кооперации, но этот вид кооперации получит пышное развитие лишь после крушения капиталистического хозяйства, в социалистическом обществе будущего. Пока же речь идет об обществе настоящего, трудовая кооперация будет привлекать не народные массы, а немногих избранных, людей, стоящих выше толпы, ищущих нового мира. Таких искателей всегда немного, и трудовая кооперация является и останется кооперацией для людей исключительных и возвышающихся над средним уровнем человечества.

Я несколько не сомневаюсь, что в ближайшем будущем возникнет немало сельскохозяйственных артелей. По всей вероятности — хотя в этом уверенным быть нельзя, — в ближайшем будущем мы много услышим о сельскохозяйственных артелях, и вокруг них возгорятся самые ожесточенные споры и возникнет обширная литература.

Артели найдут среди интеллигентов восторженных поклонников, которые будут с фактами и цифрами в руках опровергать скептиков в данном вопросе, подобных мне.

Все это весьма вероятно, и мы должны быть готовы пережить новую «артельную эпопею» в дополнение к стольким предшествовавшим. Но, нужно думать, предстоящая «артельная эпопея» далеко оставит за собой по своим размерам все ранее бывшие.

Я охотно допускаю, — и был бы этому как кооператор искренне рад, — что у нас возникнут сотни сельскохозяйственных артелей с тысячами членов. Но ведь сотни артелей и тысячи членов — это капля в море сравнительно с размерами нашей земельной революции.

На месте разрушенных крупных экономий возникнут не тысячи, а миллионы крестьянских хозяйств, в распоряжение которых перейдут помещичьи земли. И мне кажется совершенно невероятным,

чтобы в близком будущем члены земледельческих артелей считались у нас миллионами.

Вероятнее всего, что число членов земледельческих артелей будет считаться немногими тысячами. В лучшем и весьма мало вероятном случае таких членов будут сотни тысяч. На миллионы же рассчитывать уж никак не приходится.

И потому даже в наиболее благоприятном случае земледельческие артели охватят лишь ничтожную долю крестьянских хозяйств.

Впрочем, и чрезмерный пессимизм по отношению к земледельческим артелям не может считаться обоснованным. Дело в том, что, несомненно, для успеха таких артелей условия складываются в настоящее время гораздо благоприятнее, чем когда-либо раньше. Во-первых, никогда раньше не происходило такой огромной ликвидации крупного капиталистического сельского хозяйства, как ныне. Можно себе представить, что во многих случаях, когда возникнет вопрос, как быть с помещичьей экономией, снабженной всем необходимым инвентарем, прежние земледельческие рабочие той же экономии заинтересуются мыслью продолжать общее хозяйство на той же земле, образовать земледельческую артель.

И это будет тем возможно, что идеи социализма носят теперь в воздухе и вождями крестьянства являются участники социалистических партий. До сих пор наше кооперативное движение в деревне развивалось почти без влияния социалистических партий. Не социалисты, а чиновники разных ведомств являлись главными насадителями деревенских кооперативов.

Теперь не то. Теперь вся интеллигенция, влияющая на настроения деревни, в большей или меньшей степени проникнута социалистическими симпатиями — не потому, чтобы среди интеллигенции не было элементов, враждебных социализму, но потому, что несоциалистические элементы интеллигенции не могут влиять на крестьянскую массу, признающую только социалистические партии.

Социалистически настроенные кооперативные деятели будут толкать крестьянство в сторону устройства земледельческих артелей, и, вероятно, такие артели будут возникать.

В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в единственной стране, в которой существуют в довольно значительном количестве

земледельческие артели — в Италии, такие артели возникли под непосредственным влиянием социалистических партий.

То же будет, вероятно, и у нас. Социалистические партии окажут и у нас свое влияние на развитие земледельческих артелей. Но как бы ни был велик успех таких артелей, они все же должны явиться в будущей русской деревне не правилом, а исключением.

4

На производительные артели как на средство поднятия производительности русского сельского хозяйства больших надежд возлагать, таким образом, не приходится. Иное нужно сказать о других формах кооперации.

Многие виды кооперации должны получить чрезвычайное развитие в трудовом крестьянском хозяйстве будущего. Я указывал, что разделение между многими мелкими хозяевами инвентаря крупного имения неизбежно должно повести к недостаточности этого инвентаря для обработки того же имения. Однако это затруднение может быть легко преодолено при помощи образования производительно-подсобных артелей.

Производительно-подсобные артели играли до настоящего времени в русской деревне совершенно ничтожную роль. Однако на Западе кооперативы этого рода имели и имеют очень большое распространение.

Возьмем, например, машинные товарищества, которые насчитывают в южной Германии многие десятки тысяч членов. Эти товарищества обычно образуются для кооперативного использования таких сельскохозяйственных машин, которые по своей цене недоступны для заурядного крестьянского хозяйства, как, например, молотилки и т. п. Потребность в товариществах этого рода после перехода помещичьей экономии в руки трудящегося народа будет громадна.

Было бы очень нецелесообразно передавать инвентарь помещичьей экономии отдельным крестьянским хозяйствам, гораздо целесообразнее было бы передавать этот инвентарь специально для того образуемым товариществам, производительно-подсобным артелям.

Такая артель могла бы снабжать деревню необходимым инвентарем, и инвентаря хватило бы для поддержания сельскохозяйственного производства на прежнем уровне.

Но нужно с этим спешить. Жизнь не ждет. Помещичья земельная собственность уже не существует. Место помещиков в качестве владельцев заняли земельные комитеты. Что касается помещичьего инвентаря, то судьба его остается неопределенной. Во многих случаях помещичий инвентарь расхищается соседними крестьянами, а то и просто уничтожается и погибает.

Земельные комитеты отнюдь не пригодны для того, чтобы организовать дело снабжения крестьянства инвентарем. Только добровольно возникающие специальные товарищества, находящиеся под контролем самих заинтересованных лиц, могут удачно справиться с этой далеко не легкой задачей.

Здесь открывается чрезвычайно важная задача для волостных и уездных земств. В большинстве земств в настоящее время имеются специальные инструкторы по кооперации. Им следует, ни мало не медля, приступить к организации таких товариществ, к которым и должны переходить от земельных комитетов сельскохозяйственные орудия и машины, принадлежавшие раньше помещикам.

С живым инвентарем дело обстоит значительно труднее, так как содержание скота и лошадей требует тщательного ухода, и сомнительно, чтобы такой уход мог быть достигнут, если скот и лошади будут принадлежать производительно-подсобной артели. Живой инвентарь помещичьей экономии, если он не отличается никакими особыми достоинствами, было бы целесообразно отчуждать отдельным крестьянам; в случае же племенного хозяйства следует сохранить стадо в нераздробленном виде во владении местного муниципалитета. Во всяком случае, кооперативное владение лошадьми и скотом организовать было бы нелегко.

5

Одним из самых трудных вопросов земельной реформы является судьба наших свеклосахарных заводов. Заводы эти в большинстве случаев ведут свое собственное плантаторское хозяйство — они владеют огромными площадями земли, на которой культивируют сахарную свеклу. Если отобрать эти плантации у заводов и передать их для других культур крестьянству, то возникнет опасность гибели свеклосахарной промышленности, дающей огромные заработки местному населению и производящей такой необходимый

предмет общенародного потребления, как сахар. Как же быть с сахарными заводами?

И в этой области вполне возможно применение кооперации. В Чехии незадолго до войны стали возникать многочисленные кооперативные сахарные заводы, принадлежащие крестьянам-поставщикам свеклы.

Такой кооперативный сахарный завод представляет собой товарищество по переработке (общеизвестным примером таких товариществ по переработке являются маслодельные артели). Известны поразительные успехи маслодельных товариществ во многих странах. Совершенно по тому же типу могут быть организованы и кооперативные свеклосахарные заводы.

Правда, не нужно преуменьшать трудностей этого дела и думать, что устроить кооперативный свеклосахарный завод так же легко, как устроить кооперативную маслодельню. Большая трудность в этом случае состоит в том, что по техническим условиям маслоделия только кооперативное маслоделие является технически рациональной формой производства масла: а именно, как было указано в главе IV, только при кооперативном маслоделии производитель масла имеет полный контроль над производством молока в хозяйстве мелкого производителя, а этот контроль в маслодельном производстве совершенно необходим благодаря тесной зависимости качества масла от свойства молока и условий хранения последнего. В свеклосахарной промышленности всех этих условий не имеется и вполне возможна капиталистическая организация производства сахара, которую мы и видим в настоящее время.

Таким образом, технические условия сахарного производства не требуют неизбежно кооперативной организации. С другой же стороны, создание кооперативных свеклосахарных заводов затрудняется огромной стоимостью их: в то время как маслодельный завод является предприятием сравнительно не крупным, сахарный завод для своего устройства требовал до войны многих сотен тысяч рублей, а теперь требует миллионов.

Все это так, но тем не менее ничего невозможного в устройстве кооперативных сахарных заводов нет. И если в Чехии число таких заводов возрастает, почему бы им не возникать и в России?

Главная трудность в данном случае заключается в огромной стоимости заводов. Но ведь при помощи государства кооперация всегда может получить нужные ей денежные средства. И потому переход свеклосахарных заводов в руки объединенных в особые кооперативы поставщиков свеклы должен считаться самым естественным путем дальнейшего развития нашей свеклосахарной промышленности.

Правда, свеклосахарные заводы могут быть устраиваемы и иначе — например, кредитными кооперативами. Но, строго говоря, это не будет кооперацией ибо кооператив выступает в данном случае как всякий иной предприниматель на рынке и кооперативного начала здесь нет. В этом заключается и естественная слабость таких предприятий, почему гораздо более могут рассчитывать на успех предприятия действительно кооперативные, т. е. такие, хозяева которых участвуют в кооперативном предприятии не только своим капиталом, но и пользуются данной организацией в своей хозяйственной деятельности. Напомнить об этом не мешает, так как у нас нередко возникают предприятия такого рода и среди кооператоров, а благодаря общей неясности кооперативной теории, нет вполне определенного отношения к ним.

Так, легко можно себе представить, что крупный кредитный кооператив, хотя бы Московский народный банк или Украинский кооперативный банк, устроит свой собственный свеклосахарный завод. Это предприятие может иметь успех, но, во всяком случае, он ничего общего с кооперацией иметь не будет. Свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, принципиально ничем не отличается от свеклосахарного завода, принадлежащего капиталистическому банку.

Напротив, свеклосахарный завод, принадлежащий товариществу производителей свеклы, которые перерабатывают на данном заводе свою свеклу, будет несомненным кооперативом. Почему же? Потому, что свеклосахарный завод, принадлежащий кооперативному банку, является в руках банка лишь одним из способов помещения капитала ради получения прибыли, между тем как завод в руках товарищества производителей свеклы является средством сбыта в переработанном виде трудового продукта этих производителей — свеклы.

А так как ведение банком промышленного предприятия является операцией, несомненно, рискованной и маложелательной, то столь же нельзя советовать и кооперативным банкам заниматься такими операциями. Напротив, производителям свеклы вполне целесообразно кооперативно объединяться для устройства своего свеклосахарного завода.

Правда, кооперативный сахарный завод может быть устроен и союзом потребительских обществ. Но и этому типу следует предпочесть товарищества по переработке. Опыт Запада показал это во всех областях, соприкасающихся с сельским хозяйством — крестьянская кооперация сильнее собственного производства потребительских обществ.

6

Кооперативное производство в разных его видах является вообще той областью кооперации, для которой требуется наибольшая подготовка участников. Гораздо легче удаются кооперативы в области обмена.

В этой области можно ожидать в связи с земельной реформой колоссального развития в близком будущем. Дореволюционная Россия уже была густо покрыта сетью кредитных товариществ. Но хотя членов кредитных товариществ у нас было больше, чем в любой другой стране, тем не менее наша кредитная кооперация оставляла желать очень и очень многого.

Главным недостатком нашей кредитной кооперации была крайне малая ее самостоятельность и непосредственно связанное с этим ее отклонение от райффайзеновского типа. Большинство наших кредитных товариществ только по имени было кооперацией.

Теперь нам необходимо перестроить наши кредитные товарищества по типу действительно самостоятельной кооперации и придать им черты райффайзеновских товариществ. Нужно стремиться к тому, чтобы каждое село имело свое собственное кредитное товарищество и чтобы члены товарищества фактически держали его в своих руках. Потребность в кредите в связи с земельной реформой и созданием целого ряда новых крестьянских хозяйств, а также с расширением старых хозяйств будет громадна. Государство должно, конечно, прийти на помощь этой потребности, и денежный капитал

должен поливаться широкой струей в нашу деревню. Но крайне важно, чтобы капитал этот находил на местах наиболее целесообразное применение и использование.

Для этого, в свою очередь, требуется, чтобы дело распределения капитала между нуждающимися в нем производителями было всецело в их собственных руках. Лишь при условии самого тщательного контроля крестьянским обществом можно рассчитывать на успех во всем деле применения капитала к поднятию крестьянского хозяйства.

Тут перед крестьянским населением открывается огромная творческая работа, которую оно должно взять на себя, не рассчитывая, как раньше, на правительственную опеку.

Теперь нет начальства, и трудящиеся массы сами должны строить свою жизнь. Конечно, инструктора по кооперации должны оказывать необходимую помощь; число таких инструкторов должно быть увеличено в огромных размерах. Трудно указать другую деятельность, потребность в которой в новой, преобразованной деревне так настоятельна.

Но инструктор по кооперации никоим образом не должен играть роли прежнего инспектора мелкого кредита. Инструктор по кооперации должен быть сам прежде всего кооператором и, значит, твердо помнить, что кооперация есть самостоятельность населения, а отнюдь не опека и руководство сверху. Его роль должна быть ролью инициатора и помощника — и только. Главной задачей его должно быть создание такого положения, при котором он сам становится ненужным вследствие развития самостоятельности населения.

Но пока это будет достигнуто, без помощи со стороны кооперация обойтись не может. И потому теперь самой настоятельной общественной потребностью является создание многочисленных кадров инструкторов и вообще работников кооперации.

Мощная и самостоятельная кредитная кооперация, опирающаяся на широкую поддержку государства (но без всякого элемента бюрократизма и опеки, чего новая русская деревня, впрочем, и не потерпит), должна стать маховым колесом, которое будет приводить в движение всю русскую кооперацию. Ибо всякое кооперативное предприятие требует прежде всего известного капитала, которым русская деревня снабжена крайне скудно. Поэтому кредитная кооперация является естественной основой всякой другой.

Но кредитная кооперация не должна стремиться захватывать в свои руки всю остальную. Задачи кредитной кооперации строго определены: снабжение денежным капиталом как индивидуального крестьянина, так и кооперативов. Было бы нежелательно, чтобы кредитный кооператив становился универсальным кооперативом, совмещающим в себе все крестьянские кооперативы разного рода. Между тем тенденция к такому развитию кредитной кооперации, несомненно, имеется благодаря тому, что кредитная кооперация располагает денежным капиталом и может давать ему любое направление и приложение.

Более правильным и соответствующим целям кооперации следует признавать устройство особых кооперативов для каждой особой задачи. В этом отношении следует возразить против райффайзеновского типа кооперации, стремящегося к образованию универсальных кооперативов на основе кредитной кооперации.

Итак, прежде всего нужно позаботиться о самом усиленном развитии кредитных товариществ, и притом преимущественно в чистом виде, т.е. ставящих для себя преимущественно чисто кредитные задачи. Рядом с кредитными кооперативами должны получить самое широкое распространение также кооперативы по закупке и сбыту.

Кооперативы по закупке было бы нецелесообразно организовывать в двух различных формах — кооперативы по закупке предметов потребления и кооперативы по закупке средств производства. Напротив, ввиду того что задачи кооперативов того и другого рода в деревне очень близки между собой (крестьянское хозяйство образует собой производительно-потребительную единицу, в которой производство и потребление тесно связаны друг с другом и образуют одно неразрывное целое), желательны универсальные закупочные кооперативы, в которых должны сосредоточиваться все закупки крестьянина как предметов потребления, так и средств производства.

Так как операция закупки представляется, вообще говоря, очень несложной, то при деятельной поддержке закупочных кооперативов со стороны кредитной кооперации нужно думать, что закупочная кооперация получит очень скоро огромное развитие в русской деревне. В идеале нужно стремиться к тому, чтобы крестьянин ничего не покупал индивидуально, а только через посредство своих закупочных кооперативов.

Гораздо более трудной является кооперация сбыта. Тем не менее и в этой области заметны за последнее время большие успехи. Во время войны наша кооперация по сбыту стала весьма важным органом сбыта сельскохозяйственных продуктов.

Весь характер внешней торговли России должен испытать глубочайшее изменение. Вряд ли Россия останется страной, вывозящей хлеб. Предметом нашего будущего вывоза станет, по-видимому, главным образом лес, которым мы снабжены лучше какой-либо другой страны и который обещает нам огромные богатства. Соответственно этому потребность в крупных экспортных элеваторах американского типа у нас отпадает за вероятным прекращением самого хлебного вывоза. Но, конечно, внутренний хлебный рынок требует своей организации. Мелкие зернохранилища действительно необходимы, и следует стремиться, чтобы в каждой волости было свое зернохранилище.

Можно себе представить, что такие зернохранилища будут устраиваться волостными земствами. Однако мне кажется более целесообразным, чтобы все, доступное по своим техническим задачам кооперации, исполнялось именно кооперацией, а не принудительными общественными союзами, каковыми являются муниципалитеты, как бы ни был ограничен район их действия. Дело в том, что кооперативная организация представляет собой вообще высший тип общественного устройства и стоит выше всякого принудительного общественного союза именно потому, что принудительный общественный союз основан на принуждении, между тем как кооперация является единственным известным нам типом хозяйственной организации совершенно свободной. И потому все, что может быть достигнуто путем кооперативной организации, должно и достигаться ею, и лишь в случае невозможности достигнуть тех же целей при помощи кооперации следует прибегать к союзам принудительного рода. Кооперативы по сбыту хлеба вполне целесообразно комбинировать с кооперативами по сбыту и других продуктов сельского хозяйства. Опыт германских кооперативных зернохранилищ убедительно говорит о необходимости такого соединения, ибо в противном случае помещение и рабочий персонал кооператива не могли бы быть полностью использованы в течение всего года.

Таким образом, кооператив по сбыту приближается к типу универсального кооператива по сбыту. Но, конечно, в такой универсальности нет безусловной необходимости, и если технические и экономические условия делают желательными специализированные кооперативы по сбыту, то против этого нечего возразить.

Эти кооперативы по сбыту требуют для своего успеха затраты значительных денежных капиталов. Поэтому первое время, пока дело кооперативного кредита не будет вполне налажено, было бы целесообразно соединять эти кооперативы с кредитными кооперативами.

Но когда кооперация получит под собой прочную основу, связь кооперации по сбыту с кредитными кооперативами могла бы без всякого ущерба для дела прерваться: как я говорил выше, наиболее естественным я считаю образование кредитных кооперативов чистого типа, которые финансировали бы кооперативы других типов.

Таким образом, вся область покупки и сбыта продуктов крестьянского труда должна сосредоточиваться с течением времени в кооперативах. Крестьянин, выступая на рынке, будет выступать не индивидуально, а как член мощных кооперативных союзов.

В связи с кооперацией земельная реформа может привести к мощному развитию нашего крестьянского хозяйства и явится, таким образом, стимулом развития производительных сил вместо тормоза такового в противном случае.

Отдел 4. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КООПЕРАЦИЯ

Глава I. Шульце-Делич и связанное с ним кооперативное движение

1. Шульце-Делич и его общественное мировоззрение

Как Англия является типичной страной пролетарской кооперации, так Германия была долгое время типичной страной кооперации мелкобуржуазной. Недаром отцом германской кооперации является такой характерный представитель мелкой буржуазии, со всеми сильными и слабыми духовными чертами этого класса, как Шульце-Делич.

И если английская пролетарская кооперация явилась непредвиденным ее творцами результатом увлечения рабочих масс Англии

идеям коммунистических общин, то организации, созданные Шульце, возникли как непредвиденный им результат увлечения общественных кругов Германии идеей производительной артели. Общественные убеждения Шульце сложились под сильным влиянием французского социализма, своеобразно преломившегося в социальной среде германской мелкой буржуазии, к которой принадлежал Шульце.

Шульце, безусловно, не был социалистом. По своей натуре он был слишком трезвым, осторожным и расчетливым человеком, чтобы увлекаться планами радикального преобразования общественного строя. Никакого полета воображения мы у него не видим, равно как и прямолинейности в преследовании одной господствующей идеи. Во всех этих отношениях Шульце является прямой противоположностью Оуэну.

Тем не менее и Шульце было суждено стать новатором и прокладывать новые пути. Объясняется это тем, что сама жизнь толкала на новые пути те общественные элементы, выразителем интересов которых явился Шульце.

Развитие капитализма сопровождалось во всех странах кризисом мелкой промышленности и торговли. В Германии этот процесс особенно резко почувствовался около половины прошлого столетия. Это вызывало недовольство обширных кругов мелкой буржуазии.

«Фабрика, — писал в 1858 г. Шульце в брошюре *«Die arbeitenden Klassen und das Associationswesen in Deutschland»*⁸⁶, — вытесняет ремесло и лишает рынка ремесло в тех отраслях промышленности, которые она вовлекает в свою сферу, и делает невозможной всякую конкуренцию с ней. Овладевая одной за другой новыми и новыми отраслями труда, как это мы видим ежедневно, фабрика в недалеком будущем не оставит ни одного уголка, где могло бы найти себе приют ремесло. И если уже теперь многие прежде самостоятельные мастера ищут работы на фабриках, нельзя не опасаться, что постепенно вся масса ремесленников спустится до роли простых наемных рабочих крупных предприятий и пополнит ряды злополучного пролетариата».

Вместе с тем ухудшается положение и фабричных рабочих. Рост крупного производства вызывает, следовательно, падение благосостояния всех трудящихся классов населения — как мелких самостоятельных производителей, так и фабричных рабочих. Но крупное

предприятие, говорит Шульце, обладает такими техническими преимуществами сравнительно с мелким, что тенденция к нему неустраима при современных условиях.

Как же помочь народной нужде при таком положении дел? Возвращение к старому экономическому порядку — восстановление цехового строя промышленности — Шульце признает невозможным. Останется одно: признать неизбежность роста крупного предприятия, но попытаться осуществить его в новых формах, согласованных с интересами трудящихся. Таким образом, Шульце приходит к выводу, что «ассоциация является единственным средством спасения для нуждающихся рабочих и ремесленников. В ассоциации воскреснет с новыми силами для ремесленников старый цех, ставший в наше время бесполезным и бессмысленным учреждением». Поэтому ассоциация может быть названа «цехом будущего». Ассоциация даст возможность трудящимся воспользоваться выгодами крупных предприятий без потери своей самостоятельности.

Высшим видом ассоциации Шульце, как было указано выше (в главе о производительных артелях), признает производительную ассоциацию.

Кооперативная система Шульце начала осуществляться на практике уже в конце сороковых годов, нехотя она сложилась далеко не в те формы, которые имелись в виду ее создателем, все же нельзя не признать, что практическое осуществление идей Шульце оказалось гораздо ближе к его теоретическому замыслу, чем это мы видим по отношению к Оуэну. С внешней стороны между судьбой обоих замыслов много общего. Потребительские общества фабричных рабочих были для Оуэна средством для подготовки коммунистических общин. Однако никаких коммунистических общин не возникло, а потребительские общества получили огромное развитие. Точно так же и для Шульце основанные им кредитные кооперативы, о которых он почти не упоминает в первых очерках своей кооперативной теории, были только первым шагом кооперативного развития, которое должно было привести к созданию производительной ассоциации. Производительная ассоциация оказалась утопией не меньшей, чем коммунистические общины Оуэна, а кредитные кооперативы процвели. Однако на самом деле судьба созданий Оуэна и Шульце была существенно различна.

Для Оуэна коммунистические общины были не туманным и отдаленным завершением кооперативного движения, а единственно ценным и важным элементом во всей его системе. Коммунистический идеал был для него все, средства же для этой цели (потребительские общества) теряли всякую ценность, если цель не была достигнута. И потому Оуэн не мог не чувствовать себя разбитым в своих лучших упованиях и надеждах. То, что получилось в результате его деятельности, не могло давать ему ни малейшего нравственного удовлетворения.

Напротив, в мировоззрении Шульце главную роль играли ближайшие результаты его деятельности, а вовсе не конечные цели. Признавая производительную ассоциацию венцом своей кооперативной системы, Шульце не был склонен отрицать значение того, что ему казалось подготовительными формами ассоциации. Напротив, чем больше разворачивается его практическая деятельность и чем больше выясняется утопичность производительной ассоциации, тем равнодушнее он становится к последней. Рост кредитных кооперативов его вполне удовлетворяет, и призрак неосуществившейся производительной ассоциации не причиняет ему никакой горечи. Эта ассоциация начинает в конце концов играть в его системе роль безобидного орнамента, ни к чему не нужного, но и ничему не мешающего.

Все дело в том, что Оуэн был человеком огромных замыслов, а Шульце — типичной мещанской натурой. И потому Оуэн чувствовал себя разбитым, а Шульце — победителем.

Что же такое была та кооперация, которая была создана Шульце? Деятельность Оуэна повела к возникновению потребительских обществ рочдельского типа — кооперативов, не имевших ничего общего с коммунистическими общинами, которые проповедовал Оуэн, но способных к грандиозному развитию. Против своей воли Оуэн создал нечто великое, не менее великое, чем то, к чему стремился.

Напротив, создание Шульце, вполне его удовлетворяющее, было так же лишено элемента величия, как и сам он или, точнее, как тот общественный класс — мещанства, мелкой торговли и ремесла, — выразителем которого он являлся.

2. Вызванное Шульце кооперативное движение

Очень интересна история созданных Шульце кооперативов. Мы видели, что теоретические воззрения Шульце приводили его к при-

знанию венцом кооперативной системы производительной ассоциации. Вместе с тем как человек большого практического смысла он понимал трудность осуществления этого наиболее сложного вида кооперации. Поэтому неудивительно, что первые кооперативы, созданные Шульце, были отнюдь не производительными ассоциациями, а кооперативами совсем иного рода, сырьевыми товариществами — обществами ремесленников для приобретения за общий счет нужного сырья.

Уже в 1849 г. Шульце основывает в Делич два сырьевых товарищества: столяров и сапожников. Затем возникает «несколько новых сырьевых товариществ, и к 1853 г. их было уже 6 (и, кроме того, два кредитных товарищества и два потребительских общества). К 1859 г. насчитывалось уже 55 сырьевых товариществ, а к 1868 г. — даже 131. Но из быстрого увеличения числа этих кооперативов было бы неправильно заключать о действительном росте этого вида кооперации. Дело в том, что в противность другим видам кооперативов, созданным Шульце, этот вид — сырьевые товарищества — оказался очень маложизнеспособным.

Первое время число их возрастало быстро, но более на бумаге, чем в действительности. Деятельность их почти не проявлялась, а в скором времени и число их стало падать. Еще меньше успеха имели магазинные товарищества — организации сбыта ремесленных продуктов, равно как и производительно-подсобные товарищества — организации совместного использования ремесленниками разного рода дорогих орудий и технических приспособлений. Все эти кооперативы не получили никакого развития и не приобрели никакого значения в народном хозяйстве Германии.

Полная неудача всех этих видов кооперативов совершенно бесспорна. О причинах этой неудачи речь будет идти ниже.

Еще меньше успеха имели производительные ассоциации, которые почти не вышли из стадии неудачных попыток их создания. Зато те виды кооперации, которые играли очень скромную роль в теоретической системе Шульце, получили значительное развитие на практике: это кредитные кооперативы и потребительские общества.

Центральное положение среди кооперативов, созданных Шульце, очень скоро заняли именно кредитные кооперативы.

Эти-то кооперативы, которые можно назвать ссудо-сберегательными товариществами, и были его историческим делом. Возникли они путем своеобразного развития сырьевого товарищества: как выяснил В. А. Косинский в своем исследовании «Учреждения для мелкого кредита в Германии», кредитный кооператив возник в результате неспособности сырьевого товарищества справиться с приобретением сырья на наличные деньги. Необходимо было организовать для сырьевых товариществ кредит; таким образом, для этих товариществ выдвинулась новая задача — организация кредита, и создались первые кредитные кооперативы, оказавшиеся в противность сырьевым товариществам вполне жизнеспособными учреждениями. Первоссудо-сберегательное товарищество было основано в Эйленбурге, по-видимому, без всякого участия Шульце неким Бюрманом, сапожным мастером, причем Бюрман исходил из опыта сырьевых товариществ.

Как из агитации Оуэна получились потребительские общества рочдельского типа, так из агитации Шульце получились ссудо-сберегательные товарищества.

Рочдельские кооперативы были типичными организациями пролетариата, в которых заложена тенденция к неограниченному росту и внутреннему развитию: начав с преобразования розничной торговли, они, естественно, перешли к устранению капиталистического посредничества в области оптовой торговли, а затем начали вовлекать в сферу своего влияния все народное хозяйство.

Напротив, ссудо-сберегательные товарищества Шульце являются столь же типичными организациями иного общественного класса — мелкой буржуазии, мелких торговцев и ремесленников, обладающих небольшими капиталами. И точно так же, как и в рочдельском кооперативе, все особенности данной экономической организации объясняются особенностями и экономическими интересами того общественного класса, в среде которого эта организация создавалась и получила развитие.

Что ссудо-сберегательные товарищества являются кооперативами преимущественно мелкой буржуазии, доказывается статистическими данными относительно классового состава их членов.

Так, например, в 1888 г., когда ссудо-сберегательные товарищества Шульце получили уже полное развитие, классовый состав их членов был следующий (в процентах):

Самостоятельные предприниматели в сельском хозяйстве, торговле и промышленности	74,1
Либеральные профессии, рантье, пенсионеры	13,8
Низшие служащие	3,5
Рабочие	8,6

Огромное большинство членов ссудо-сберегательных товариществ принадлежало и принадлежит к числу самостоятельных предпринимателей. Что это предприниматели преимущественно мелкие, а не крупные, ясно само собой, так как крупные предприниматели имеют к своим услугам обычные капиталистические банки.

Выше было указано, что в представлении Шульце производительная ассоциация была завершением кооперативной системы. Такова была теория. Практика ей не отвечала ни малейшим образом, да и сам автор этой теории не придавал ей сколько-нибудь серьезного значения, во всяком случае, в конце своей жизни Шульце коренным образом изменил свои взгляды на то, в чем следует видеть венец его кооперативной системы.

Главным видом кооперативных организаций Шульце были, как сказано, ссудо-сберегательные товарищества, — организации, наполовину не кооперативные, а капиталистические. Неудивительно, что товарищества эти при успехе быстро утрачивали последние следы кооперативной природы и превращались в обычные капиталистические акционерные банки, причем пайщики становились акционерами.

С точки зрения того кооперативного идеала, которому первоначально сочувствовал Шульце, такое превращение кооперативной организации в обычную капиталистическую должно было казаться изменой народному делу и встречать суровое осуждение. Иначе смотрел на это дело Шульце. На годовых собраниях союза кооперативов его имени он неоднократно высказывался в том смысле, что превращение ссудо-сберегательных товариществ в акционерные в его глазах является лучшим доказательством успеха народных банков.

Венцом кооперативной системы становится в глазах Шульце, следовательно, уже не производительная ассоциация — утопия его юности, а капиталистическая акционерная компания, ничего утопического в себе не заключающая. Здесь ярко сказывается капиталистический дух всей кооперативной системы Шульце.

Кооперативное движение в Германии, как и в Англии, началось среди средних классов общества. И это понятно, в половине прошлого века Германия была еще страной со слабо развитой фабричной промышленностью, в экономической жизни которой тон давали мелкие формы производства.

Экономическая неразвитость Германии была в это время так велика, что, например, Шульце в первых своих литературных произведениях еще не различал промышленный пролетариат и самостоятельных ремесленников. Созданные им кооперативные организации имели в виду мелких предпринимателей, а он полагал, что они могут служить интересам и пролетариата.

Если Шульце не понимал столь простых вещей, то это потому, что в самой жизни соответствующие общественные классы еще не успели резко обособиться, и новый общественный слой — промышленный пролетариат — еще не стал крупной силой. И в культурном, и в политическом отношении рабочий класс был заслонен в Германии половины прошлого столетия классом ремесленников.

Неудивительно, что именно в среде мелкой буржуазии и начало развиваться германское кооперативное движение. Затем, когда большее и большее значение в общественной жизни стал играть класс промышленного пролетариата, общие условия германской жизни сделали германский пролетариат на долгое время равнодушным к кооперации. Из всех видов кооперативов для пролетариата имеет особое значение потребительская кооперация. Но для германского пролетариата на первый план выдвинулись политические задачи, которые заслонили для него все остальное, в том числе и потребительскую кооперацию.

Известно, как отрицательно относился Лассаль к потребительским обществам. Он видел в них просто самообман рабочего класса: так как заработная плата при условиях капиталистического производства не может подняться, думал он, выше уровня, необходимого для голого существования, то все попытки рабочих удешевить для себя стоимость предметов потребления должны иметь своим результатом соответствующее понижение денежной заработной платы. Иными словами, ровно никакой пользы в окончательном итоге потребительские общества рабочему классу не приносят, и только временно отдельные рабочие могут выигрывать от этих организаций.

Единственный вид кооперации, который Лассаль не только признавал, но даже видел в нем решение всего социального вопроса, это были производительные ассоциации. Но так как Лассаль в противность Шульце ясно понимал невозможность самостоятельного развития таких ассоциаций, то он требовал государственной помощи производительным ассоциациям.

Однако из писем Лассалья к Родбертусу⁸⁷ видно, что Лассаль в действительности почти не верил в свои производительные ассоциации с государственной помощью. Ему нужно было указать рабочим какое-либо ясное и простое средство решения социального вопроса, и он остановился на плане Луи Блана, который ему казался наиболее удобным для агитационных целей.

Таким образом, знаменитый противник Шульце в сущности не верил вообще в значение кооперации. Он придавал значение только политической борьбе рабочего класса и явился создателем политической партии германского пролетариата.

Поэтому вполне естественно, что германская социал-демократия не могла поддерживать кооперативное движение среди рабочих. Маркс относился к кооперации почти так же, как и Лассаль. Единственным видом кооперации, которому он придавал значение, были производительные ассоциации, потребительским же обществом он решительно не сочувствовал. В известной резолюции Интернациональной ассоциации рабочих, осуждающей потребительские общества и рекомендующей производительные ассоциации, нашла себе выражение точка зрения Маркса⁸⁸.

Итак, вожди германского рабочего движения не придавали никакого значения или относились отрицательно к той единственно возможной для рабочего класса кооперации, которая получила такое блестящее развитие в Англии. Соответственно этому и в согласии с общим строем германской общественной жизни германское рабочее движение сосредоточилось на многие годы на политической борьбе.

Однако как ни могущественно было влияние духовных отцов германской социал-демократии, равно как и тех условий германской жизни, которые толкали рабочих на политическую борьбу, потребность в потребительской кооперации была слишком настоятельна именно среди рабочего класса, ибо бюджет рабочего

особенно страдал от вздорожания предметов потребления. И вот мы видим, что наряду с потребительскими обществами средних классов начинают развиваться и пролетарские потребительские общества.

Так как единственной общественной организацией, объединявшей кооперативное движение Германии (кроме райффайзеновской организации, охватывавшей сельскохозяйственные кооперативы), долгое время был основанный Шульце Всеобщий союз германских промышленных и хозяйственных товариществ, основанных на самопомощи, то вполне естественно, что пролетарские потребительские общества развивались в пределах именно этого союза.

И вот в пределах союза Шульце, объединявшего кооперативы мелкой буржуазии и проникнутого классовым духом этого общественного слоя, появились и начали быстро расти элементы совершенно иного общественного порядка.

На этой почве не могла не возникнуть в пределах союза борьба между двумя противоположными кооперативными течениями, борьба, отнюдь не вызванная какими-либо влияниями со стороны (ибо социал-демократия относилась с прежним равнодушием или пренебрежением к пролетарским кооперативам), но всецело вызванная внутренней противоположностью пролетарской и мелкобуржуазной кооперации.

Один из основных тезисов кооперативной теории Шульце: кооперация должна иметь внеклассовый характер и объединять по возможности все общественные классы, осуществляя, таким образом, в пределах современного общества и на основах частной собственности и свободы предпринимательства социальный мир. Правда, о примирении классов много говорил и Оуэн, но для Оуэна такое примирение было возможно только после прекращения капиталистического строя и создания нового общественного мира на коммунистических началах. Шульце же считал возможным примирение классов в пределах существующего капиталистического мира.

Соответственно этому и союз, основанный Шульце, стремился объединить все виды кооперативов, а в пределах каждого кооператива объединить лиц возможно более различных общественных классов. Формально это и достигалось: мы видели, например, что в на-

родных банках Шульце членами были лица всех общественных классов, начиная от крупных капиталистов и земледельцев и кончая фабричными рабочими.

Но это объединение имело лишь формальный характер: в каждом кооперативе, по самому существу дела, получали преобладание лица тех общественных классов, интересам которых эти кооперативы наиболее соответствовали. Так, в народных банках решительно преобладали мелкие торговцы и промышленники (а также, в меньшей степени, и мелкие сельскохозяйственные предприниматели). Что касается потребительских обществ, то долгое время они также были под преобладающим влиянием средних классов.

В это время германские потребительские общества не следовали рочдельским принципам и преследовали узкие цели удешевления предметов потребления. В них господствовал такой же мелкобуржуазный дух, как и в народных банках. Но так как потребительский интерес далеко уступает по своему значению для предпринимателя интересам его предприятия, то неудивительно, что потребительские общества, хотя и составляли одно из звеньев мелкобуржуазной кооперативной системы Шульце, играли в его союзе роль пасынка. И это тем более, что потребительские общества, несмотря на полное отсутствие в них каких-либо широких общественных целей, по самой своей природе плохо укладывались в эту систему. Ведь одной из главных, если не самой главной целью всей этой системы, Шульце признавал сохранение и укрепление средних классов общества. Между тем потребительские общества имеют неизбежную тенденцию вытеснять торгового посредника, влиятельнейшего представителя средних общественных классов. Торговые и промышленные предприниматели, интересам которых служили народные банки, игравшие господствующую роль в союзе Шульце, не могли поэтому не смотреть косо на своего собрата по союзу, который подрывал основы их благосостояния.

3. Раскол в кооперативном движении Германии

Такое положение таило в себе зародыш раскола. Для потребительских обществ естественной общественной средой являются фабричные рабочие. Равнодушие германского пролетариата к потребительским обществам объяснялось особыми историческими условия-

ми германского рабочего движения, сосредоточившегося на политической борьбе. Рано или поздно, несмотря на все неблагоприятные идеологические влияния лассальянства и марксизма, рабочие должны были пойти тем путем, который определялся их настоятельными жизненными интересами.

И вот мы видим, что начиная с девяностых годов, когда отмена закона против социалистов дала возможность более нормального и мирного развития германского рабочего движения, в Германии начинает быстро расти уже пролетарская потребительская кооперация. Она вливается в то единственное русло, которое дала для нее германская жизнь, — в мелкобуржуазный союз Шульце.

Вместе с усилением в союзе пролетарского элемента начинается в пределах союза все более ожесточенная борьба между руководителями союза и пролетарскими потребительскими обществами. Правление союза опасалось рочдельского направления развития потребительской кооперации. Оно желало бы, чтобы потребительские общества ограничивались скромной задачей покупки нужных им товаров по оптовым ценам и перепродажи их своим членам; но оно решительно не сочувствовало образованию потребительскими обществами единого для всей страны общества оптовых закупок и возникновению самостоятельного производства объединенных потребителей.

Вместе с тем правление союза всячески препятствовало самостоятельному объединению потребительских обществ. Последние должны были, по мысли правления, быть объединены лишь постольку, поскольку они были наряду с другими кооперативами членами общего союза; при этом нужно иметь в виду, что в союзе представители потребительских обществ были в меньшинстве сравнительно с представителями мелкобуржуазной кредитной кооперации.

Все эти неблагоприятные условия не помешали росту пролетарской кооперации, очень быстро, несмотря на все препятствия, принявшей и в Германии ту самую форму, которая явилась залогом силы английской кооперации.

Центром нового потребительского движения становятся саксонские потребительские общества, среди членов которых огромным преимуществом пользовались фабричные рабочие.

Пока германские потребительские общества были в руках мелкобуржуазных элементов, они слабо развивались и были неспо-

собны перейти на высшую ступень — к собственным оптовым операциям. К половине семидесятых годов общее число членов потребительских обществ Германии достигало лишь 90 тыс. чел., а к половине восьмидесятых годов это число возросло только до 120 тыс. Попытки создать общество оптовых закупок оканчивались неудачей потому, что потребительские общества боялись рисковать своим капиталом.

Все это было вполне естественно: потребительское общество из среды средних классов неспособно ни к какому крупному предприятию на новых началах, так как такое предприятие неизбежно сопряжено с известным риском. Пролетарское общество не боится риска потому, что оно преследует более широкие цели, а не только свои узкие хозяйственные выгоды.

С половины восьмидесятых годов и особенно с начала девяностых в Германии начинает расти пролетарская потребительская кооперация. Это сопровождается и быстрым ростом числа членов потребительских обществ. К половине девяностых годов это число достигает уже 300 тыс. чел., а в настоящее время приближается к трем миллионам. Рост этот был создан преимущественно приливом в потребительские общества пролетариата. Вместе с этим изменением классового состава потребительских обществ стало изменяться общее направление их хозяйственной деятельности.

Уже давно потребительские общества делали попытки объединиться вне рамок союза Шульце. Союз относился к таким попыткам очень враждебно, он стремился объединить в своих рамках все кооперативное движение Германии и, таким образом, подчинить своему влиянию и обезвредить с точки зрения интересов средних классов пролетарскую кооперацию.

Все попытки создать общество оптовых закупок встречали самое горячее сопротивление Шульце под предлогом трудной осуществимости такого предприятия. Но истинный смысл сопротивления Шульце лучше всего выражен был в его органе «*Blätter für Genossenschaftswesen*» при обсуждении одного подобного проекта. «Централизация закупок, — заявлялось в этом органе, — если бы и была осуществима, может быть желательна только как последствие социалистического государства, но противоречит духу германской кооперации».

Действительно, образование общества оптовых закупок противоречило духу мелкобуржуазной кооперации, выразителем которой был Шульце.

В конце концов благодаря усилиям главным образом саксонских пролетарских потребительских обществ общество оптовых закупок все же возникло в 1894 г. в Гамбурге. Быстрый успех этого общества был лучшим доказательством неосновательности всех опасений, которые высказывались правлением союза Шульце, точнее говоря, доказательством неискренности этих опасений.

Дальнейший рост пролетарской кооперации в пределах союза, проникнутого мелкобуржуазным духом, сделался в конце концов невозможным и привел к полному разрыву. Несмотря на то что пролетарские потребительские общества не находились ни в какой связи с социал-демократической партией, которая продолжала сохранять по отношению к ним враждебную позицию, правление союза навязывало этим потребительским обществам социал-демократические тенденции, что было равносильно доносу на них перед полицейскими властями.

Обвинения такого рода высказывались правлением союза совершенно официально. Так, например, в официальном издании союза «Jahrbuch des allgemeinen Verbandes» за 1902 г., в отчете секретаря союза Крюгера, встречаем по этому поводу следующие строки: «В кругах потребительских обществ нередко стараются доказать отсутствие какой бы то ни было связи между социал-демократической партией и новейшими потребительскими обществами. Для чего, однако, скрывать истину? Во влиятельных органах социал-демократии обнаруживается полнейшая перемена взглядов. Именно через посредство потребительских обществ социал-демократия надеется осуществить так называемое эволюционистское движение. Оставим в стороне вопрос о том, занимаются ли потребительские общества политикой... Правление союза должно занять определенную позицию по отношению к хозяйственному направлению этого движения. И правление не может одновременно соглашаться с теми воззрениями, которые имеют в виду коренное преобразование хозяйственного строя, повсеместную замену частнохозяйственных предприятий кооперативами, соглашаться с надеждами, что когда-либо вся хозяйственная жизнь сложится в одну кооперацию, и в то же время указывать кре-

дитным товариществам, ремесленным кооперативам и т. п. пути и способы, посредством которых эти кооперативы могут стать опорой существующего хозяйственного строя. Совершенно ошибочно заключать из этого, что Всеобщий союз должен поэтому занять отрицательное положение по отношению к потребительским обществам вообще. И потребительские общества могут укладываться в рамки существующего хозяйственного строя и в качестве таковых работать рука об руку с другими кооперативами. Несовместимы с задачами Всеобщего союза цели тех потребительских обществ, которые стремятся к преобразованию существующего хозяйственного строя».

Подобные обвинения приводили к тому, что правительственные власти различных германских государств получили возможность ссылаться на официальные заявления руководителей Всеобщего союза в своих преследованиях рабочих потребительских обществ. Так, саксонское правительство основывалось на заявлениях Крюгера в записке, которой оно обосновывало проект подчинения потребительских обществ обычному торговому обложению.

Во всяком случае, Крюгер был прав, утверждая, что задачи союза были несовместимы с целями пролетарских потребительских обществ. В то время как эти общества боролись с торговыми посредниками и стремились вытеснить их кооперативной организацией, союз стремился к укреплению и организации торгового капитала. На одном из съездов союза была принята резолюция, приглашавшая торговцев образовывать союзы для совместной закупки нужных им товаров. Иными словами, союз становился с полной откровенностью на сторону торгового капитала против потребительской кооперации.

Это не могло не вызвать взрыва негодования в кругах рабочих потребительских обществ. Но правление союза нисколько не было смущено этим и продолжало с еще большей решительностью свою политику провоцирования потребительских обществ.

На конгрессе союза 1901 г. в Баден-Бадене была принята по предложению правления следующая резолюция относительно потребительских обществ: «Задачи потребительских обществ лежат в хозяйственной области: общества эти доставляют менее обеспеченным классам населения выгоды закупки предметов потребления в крупных размерах и могут, если условия этому благоприятствуют, удовлетворять потребности своих сочленов и при помощи собственно-

го производства. Присоединения к этому иной более широкой хозяйственной деятельности, не связанной непосредственно с названными задачами, является нежелательным. Преследование политических целей прямо или косвенно и поддержание классовых или сословных организаций находятся в противоречии с задачами потребительских обществ».

Большинство представителей рабочих потребительских обществ высказалось за эту резолюцию, так как они также были сторонниками политического нейтралитета потребительских обществ.

Разрыв произошел на конгрессе в Крейцнахе в 1902 г.

Правление союза предложило исключить из союза целый ряд пролетарских потребительских обществ, и предложение это было принято значительным большинством членов конгресса. В прениях по этому поводу нашли яркое отражение принципиальные различия мнений обоих враждебных течений германской кооперации: пролетарского и мелкобуржуазного.

Что касается этого последнего, то его квалификация как мелкобуржуазного была принята самими его представителями. «Некоторые члены, — заявил секретарь союза Крюгер, — желали бы уничтожения существующего, так называемого капиталистического хозяйственного строя. Они называют шульце-деличевскую кооперацию мелкобуржуазной; я принимаю это наименование мелкобуржуазной кооперации и думаю, что мы можем испытывать только чувство гордости, если наши кооперативы называют мелкобуржуазными, ибо этим доказывается, что они служат интересам средних классов и рабочих классов, что они желают уничтожить пропасть, которая лежит между сильными и слабыми. Задача наших товариществ заключается в том, чтобы поднять общий уровень хозяйственного благосостояния». В своей речи Крюгер заявил, что в союзе не место тем кооперативам, которые стремятся к уничтожению торговли и ремесла, стремятся к развитию кооперации не ради непосредственных выгод ее участников, а для «создания новой хозяйственной системы».

Что касается Крюгера, то он не только не считал желательным вытеснение потребительскими обществами торговых посредников, но, наоборот, хотел бы укрепления торговцев при помощи той самой организации, которую выдвинула кооперация посредством объединения торговцев в общества совместной закупки. «Следует, наконец,

всем признать, что кооперативная организация есть новая форма торгового предприятия, пригодная как для потребителей, так и для торговцев. Действительно, мы замечаем теперь между торговцами стремление создавать союзы на кооперативной основе. Если эти круги желают извлекать все доступные им выгоды из кооперативной организации, то справедливо было бы, чтобы среди них прекратилась всякая агитация против той кооперации, которая считает себя самоцелью. Напротив, если они агитируют против тех потребительских обществ, которые заявляют: наша цель заключается в уничтожении торговли, то такая агитация естественна и неизбежна».

Крюгер был, безусловно, прав, когда настаивал на том, что в делах союза нельзя было совместить два совершенно противоположных кооперативных течения, из которых одно стремится к поддержанию и укреплению средних классов общества, а другое направлено к уничтожению последних.

Противоположное направление германской кооперации было представлено в конгрессе Рином, Пеусом, Эльмом и др. Рин указал, что Шульце-Делич не различал рабочих и ремесленников и что он не понимал сущности рабочего вопроса. Устранение торгового посредника неизбежно связано с самым фактом существования потребительских обществ, и потому всякий сторонник потребительских кооперативов является тем самым врагом торгового посредничества. То направление кооперативного движения, с которым борется правление союза, соответствует ходу экономического развития, и в этом его сила. «Мы, представители так называемого современного направления, — сказал Эльм, — стремимся к тому же, к чему стремятся и столь несовременные англичане, которых раньше так расхваливал Крюгер и стремления которых всегда одобрялись им, пока эти стремления не получили распространения в Германии; но как только оказалось, что в Германии делаются попытки направить развитие потребительских обществ по тому же руслу, как и в Англии, Крюгер выступил против нас и старался помешать нам делать то же, что давно сделали в Англии. Это — факт, который не подлежит оспариванию».

Спор этот закончился исключением из Всеобщего союза пролетарских потребительских обществ. Хотя представители этих последних сделали все возможное, чтобы остаться в пределах союза,

будущее показало, что противники их были совершенно правы, настаивая на их уходе. Действительно, совместное пребывание в одной организации представителей двух совершенно противоположных общественных течений было невозможно, и раскол был в интересах обеих сторон.

Глава II. Мелкобуржуазная кредитная кооперация

1. Характеристика народного банка Шульце

Кредитная кооперация обслуживает нужды тех общественных классов, которые ведут самостоятельное хозяйство. Пролетариат не испытывает существенной нужды в кредитных кооперативах, так как наемный рабочий не ведет самостоятельного хозяйства. Поэтому кредитная кооперация существует преимущественно в двух формах — крестьянской и мелкобуржуазной кооперации.

Мелкобуржуазная кредитная кооперация получила наибольшее развитие в Германии, и на примере этой страны можно с наибольшей отчетливостью наблюдать естественные тенденции развития этого рода кооперации. В кооперативной теории Шульце кредитная кооперация играла самую скромную роль. Но в действительной жизни кредитная кооперация в форме ссудо-сберегательного товарищества явилась, как сказано, главным содержанием всего кооперативного движения, созданного Шульце.

Что же такое представляют собой по своей внутренней природе ссудо-сберегательные товарищества Шульце? Каким реальным целям они служат?

Характернейшим признаком кооператива нужно считать некапиталистическую цель данной организации. В то время как капиталистические предприятия стремятся к получению наибольшей прибыли на затраченный капитал, кооперативные предприятия имеют своей целью либо увеличение трудовых доходов своих членов, либо сокращение расходов последних на их потребительские нужды. Крестьянские кредитные товарищества райффайзеновского типа являются несомненными кооперативами, так как капиталистических целей они не преследуют и преследовать не могут, ибо они почти не имеют или совсем не имеют паевого капитала. Задача их сводится к доставлению членам товарищества кредита на возможно более вы-

годны условиях, т.е. по возможно более низкому проценту. Никаких капиталистических доходов они давать не могут.

Иное нужно сказать о ссудо-сберегательных товариществах Шульце. По самой своей природе они имеют двойственный характер. Правда, они преследуют и те цели, которые ставят себе кредитные товарищества райффайзеновского типа: они стремятся к доставлению своим сочленам наиболее дешевого кредита. Но к этой цели кредитные организации, созданные Шульце, прибавляют и другую, совершенно противоположную — обеспечить своим пайщикам возможно больший дивиденд на пайщицкий капитал.

Поскольку организации этого рода стоят на почве первой задачи, они являются кооперативами; поскольку же они преследуют цели второго рода, они ничего общего с кооперацией не имеют и должны быть причислены к организациям капиталистическим.

Эта двойственность целей знаменует собой двойственность и внутренней природы кредитных организаций Шульце. В состав шульцевского народного банка входят члены с существенно различными хозяйственными интересами: одни ищут наиболее выгодного помещения своего капитала, другие — дешевого кредита.

По поводу «погони за дивидендом» шульцевских кредитных организаций велась долгиелетняя полемика между Шульце и Райффайзенем, упрекавшим Шульце, что его товарищества преследуют капиталистические цели. И конечно, в этом споре был прав Райффайзен.

Правда, сам по себе принцип паевого капитала не противоречит сущности кооперации. Почти все кооперативы, кроме райффайзеновских кредитных товариществ, имеют паевой капитал. Однако между паевым капиталом шульцевского кредитного товарищества и паевым капиталом других кооперативов имеется существенное различие.

Паевой капитал в других кооперативах появляется вследствие невозможности для этих кооперативов привлечь в свое предприятие необходимый для функционирования последнего капитал иначе, как в форме паевого капитала. Но паевой капитал этих кооперативов не имеет ничего общего с паевым капиталом капиталистических предприятий.

В капиталистических предприятиях весь чистый доход предприятия разверстывается пайщиками пропорционально паям каждо-

го. Напротив, пайщики кооператива получают лишь определенный (по возможности более низкий) процент на свой капитал; чистый же доход предприятия разверстывается не пропорционально паям, а пропорционально тому участию, которое каждый член принимает в оборотах кооператива: в потребительских обществах остаток за покрытием всех расходов разверстывается между покупателями пропорционально закупкам каждого, в кооперативах по сбыту — пропорционально поставленному каждым товару и т.д.

Таким образом, пайщицкий капитал кооператива аналогичен той доле капитала капиталистического предприятия, которая получена предприятием в кредит. Если взять акционерную компанию, то пайщицкий капитал кооператива аналогичен не акционерному, а облигационному капиталу.

Напротив, в ссудо-сберегательном товариществе Шульце паевой капитал вполне аналогичен паевому капиталу капиталистического предприятия: на паевой капитал начисляется не определенный, возможно более низкий процент, но дивиденд, величина которого измеряется в зависимости от чистого дохода товарищества. Дивиденд ссудо-сберегательного товарищества принципиально ничем не отличается от дивиденда акционерной компании, и, значит, паевой капитал народного банка Шульце аналогичен не облигационному, а акционерному капиталу акционерной компании.

Чтобы быть действительно кооперативом, ссудо-сберегательное товарищество должно было бы распределять свой чистый доход не пропорционально паям, а пропорционально тому, в какой мере члены товарищества содействовали его оборотам, пользовались его услугами, — пропорционально количеству полученного каждым кредита. Это было бы кооперативным распределением чистого дохода, между тем как то распределение, которое практикуется народными банками, характерно для капиталистических, а не кооперативных предприятий.

Итак, уже основные принципы устройства ссудо-сберегательного товарищества сближают его с капиталистическим предприятием. Неудивительно, что ссудный процент в ссудо-сберегательных товариществах Шульце стоит сравнительно на высоком уровне.

Вначале, пока эти товарищества не накопили своего собственного значительного капитала, ссудный процент был даже очень высок.

Так, по сообщению самого Шульце, его народные банки вначале взимали обычно $14 \frac{1}{3}$ годового процента со своих клиентов, причем этот огромный процент распределялся следующим образом: 5 % шли на уплату процентов по капиталам, помещаемым в товариществе лицами, ему посторонними, 3 % шли на покрытие расходов по управлению товариществом, остальное же шло на дивиденд пайщикам, что могло составить очень крупный дивиденд, принимая во внимание, что пайщицкий капитал был значительно ниже чужих капиталов, которыми работало товарищество.

Правда, с течением времени ссудный процент в шульцевских товариществах был значительно понижен, в шестидесятых годах он спустился до 8 %, а теперь обычно колеблется между 5 и 7 %. Но нужно иметь в виду, что ссудо-сберегательные товарищества Шульце являются очень хорошо организованными кредитными учреждениями. Кредитуя из 5–7 %, народные банки имеют возможность по-прежнему выдавать внушительные дивиденды своим пайщикам. Большинство товариществ выдает дивиденд в размере 5–8 % паевого капитала, но некоторые выдают дивиденд в размере 10–12 % и даже выше.

Точно так же и служба членов правления шульцевских народных банков оплачивается по обычной капиталистической расценке, что является разительным контрастом с действительно кооперативной организацией райффайзеновских товариществ, в которых труд членов правления и совета принципиально совсем не оплачивается.

Пойдем дальше. Истинный кооператив ведет свои операции со своими членами, а не с посторонними лицами. Так, в райффайзеновском товариществе кредит получают только члены. Напротив, шульцевские народные банки с самого своего возникновения вели значительные операции с лицами, не принадлежавшими к составу членов. Операции с не-членами привели многие народные банки к крушению в семидесятые годы прошлого столетия благодаря финансированию дутых предприятий, отчего страдают и обыкновенные банки.

В семидесятые годы погибло немало более крупных и богатых народных банков, ближе всего подходивших по своим операциям к обычным банкам, как, например, народные банки в Дрездене (в 1873 г.), в Дюссельдорфе (в 1875 г.), в Штутгарте (в 1885 г.), в Россвейне, Лейбусе и многих других городах. Особенное значе-

ние имело крушение Дюссельдорфского ссудо-сберегательного товарищества, которое Цейдлер, автор известной истории германской кооперации, называет «величайшим несчастьем, которое когда-либо постигало германскую кооперацию». И действительно, в результате этого крушения 22 народных банка рейнских провинций ликвидировали свои дела в качестве ссудо-сберегательных товариществ и приняли форму акционерных банков.

И по размерам паев кредитные организации Шульце не очень далеко отстоят от небольших капиталистических банков. При этом замечается, что с течением времени сумма паевого капитала, приходящегося на одного пайщика, быстро возрастает. Так, например, в 1903 г. в товариществах, входивших в состав Всеобщего союза Шульце, на одного члена приходилось 276 марок паевого собственного капитала, в 1908 г. уже — 336 марок.

Кооператив предполагает деятельное участие членов в управлении делом. Напротив, в народных банках Шульце большинство членов так же индифферентно относится к общему делу, как и большинство акционеров в акционерном предприятии. Общие собрания бывают, как общее правило, только раз в год, причем и это годовое собрание посещается очень плохо, на что обычно жалуются правления. Мало этого, большое число членов народных банков (среднее число членов на один такой банк достигало в 1912 г. 661 чел., а во многих банках число членов достигает несколько тысяч человек) приводит к тому, что общее собрание членов заменяется собранием уполномоченных. При таком порядке связь между рядовым членом и общим предприятием еще ослабевает и от «кооперативного духа» не остается почти ничего. Всем фактически управляет небольшая группа руководителей совершенно так же, как и в обычных капиталистических товариществах.

Точно так же и операции народных банков очень мало отличаются от обычных банковых операций. Главнейшими активными операциями их являются контокоррентный кредит и учет векселей. Ссуды под долговые расписки членов практикуются в ничтожных размерах; ссуды под векселя более распространены, но все же уступают чисто капиталистическим формам кредита. При самом возникновении народных банков преобладали некапиталистические формы кредита, теперь же замечается обратное:

Открытый народными банками кредит (марок)

	1880 г.	1912 г.
Под векселя	550,3	1103,2
Под долговые расписки	100,5	225,9
Учет векселей	299,2	1268,1
Ипотечный кредит	9,0	158,9
Контокоррентный кредит	488,4	2286,6
<i>Итого</i>	1447,2	4984,8

Учет векселей и контокоррентный кредит являются важнейшими кредитными операциями капиталистических коммерческих банков. Поскольку народные банки являются организациями некапиталистического кредита, для них характерен преимущественно кредит под долговые расписки. И мы видим, какое ничтожное значение имеет эта операция в балансах народных банков; в 1880 г. она составляла всего 0,7 % всех кредитных операций этих банков, а с 1912 г. — даже менее 0,5 %. Напротив, учет векселей и контокоррент составляли в 1880 г. 55 % всех операций, а в 1912 г. — уже свыше 70 %.

Что касается величины открываемого народными банками кредита, то об этом дают представление нижеследующие данные:

Высшие размеры кредита на одно лицо

	Высший кредит	
В 40 народных банках Берлина и окружающих местностей	1 банк	500 000 марок и выше
	5 банков	200 000 » »
	7 банков	100 000 » »
	4 банка	50 000 » »
	9 банков	20 000 » »
	8 банков	10 000 » »
	6 банков	ниже 10 000 марок
В 63 банках среднего Рейна	1 банк	300 000 марок и выше
	2 банка	200 000 » »
	8 банков	100 000 » »
	8 банков	50 000 » »
	18 банков	20 000 » »
	14 банков	10 00 » »
	12 банков	ниже 10 000 марок

Не говоря уже о кредите в 500 000 марок или 400 000 и 300 000 марок на одно лицо, даже кредит в 10 000 марок на одно лицо не может считаться мелким кредитом. Но, как видно из приведенных данных, почти все народные банки практикуют кредит свыше 10 000 марок на одно лицо; иными словами, почти все шульцевские ссудосберегательные товарищества являются учреждениями не только мелкого кредита.

В то время как кредитные товарищества райффайзеновского типа неизбежно требуют для своего успеха центральных учреждений, объединяющих в себе обширные группы этих товариществ, шульцевские народные банки только в очень ограниченной степени испытывают потребность в таком объединении. Правда, в первое время, пока они были слабы и с трудом находили поддержку у обычных банков, потребность в создании объединяющего центра все же чувствовалась ими и повела к созданию в 1865 г. Немецкого кооперативного банка Зергеля, Паризиуса и К°, который являлся командитным товариществом⁸⁹ на акциях. Акционерный капитал этого банка первоначально выражался очень скромной цифрой в 270 000 талеров, но постепенно по мере развития народных банков возрастал и в конце концов был доведен до 36 млн. марок.

Однако, несмотря на свое название, банк этот далеко не был всецело созданием народных банков: с самого начала последние владели лишь двумя третями его акций, а по мере увеличения его оборотов доля капитала, принадлежавшая шульцевским товариществам, значительно сократилась. Товарищества эти обнаруживали чем дальше, тем меньше интереса к их общему банку, и последний стал все более и более принимать характер обычного акционерного банка. Это повело к тому, что Немецкий кооперативный банк безнадежно запутался в разных рискованных спекуляциях и в конце концов должен был ликвидировать свои операции в связи с кризисом, вызванным крушением Лейпцигского банка в 1900 г.

Дальнейшая судьба этого банка была весьма своеобразна. Ликвидацией его дела занялся Дрезденский коммерческий банк, и Немецкий кооперативный банк перестал существовать как самостоятельное банковское учреждение. Функции центрального учреждения, объединяющего шульцевские народные банки, стал исполнять

Дрезденский коммерческий банк, который для этой цели открыл в своих филиальных отделениях особые кооперативные отделы.

Дрезденский банк является одним из крупнейших капиталистических банков Германии. Взявши на себя задачу обслуживать нужды шульцевских ссудо-сберегательных товариществ, он ввел в состав своих органов управления многих выдающихся деятелей шульцевских организаций, в том числе и председателя Всеобщего союза Крюгера. Неожиданное поглощение Немецкого кооперативного банка обычным капиталистическим не вызвало, по-видимому, никакого неудовольствия среди руководителей шульцевских организаций, и эти последние вполне примирились с создавшимся новым положением дел.

Таким образом, в настоящее время положение шульцевских кредитных учреждений таково: сами себя они признают кооперативами и в некоторых отношениях, действительно, приближаются к таковым. Но во главе всех этих «кооперативов» стоит объединяющий их уже вполне капиталистический и ничего общего с кооперацией не имеющий Дрезденский банк, принадлежащий к типу капиталистических банковых колоссов.

Впрочем, Дрезденский банк большой роли в деятельности народных банков не играет, потому что банки эти вообще не испытывают значительной потребности в объединяющем центре. Большинство из них стоит настолько прочно, что легко получает нужный кредит из любого банка, подобно всякому другому солидному кредитному учреждению. Отчасти же тут действовала и действует и иная причина: и сам Шульце и его преемники по руководительству Всеобщим союзом всегда относились с известным опасением к тесному хозяйственному объединению отдельных народных банков, опасаясь, чтобы такое объединение не привело к ослаблению самостоятельности этих последних. В данном случае Шульце стоял вполне последовательно на почве экономического либерализма, идеологией которого он был всегда проникнут.

2. Развитие народных банков

Обратимся теперь к цифровым данным относительно развития народных банков:

Год	Число народных банков	Число членов в них
1859*	80	18 676
1865	498	165 595
1870	740	314 656
1875	815	418 251
1880	906	460 656
1885	896	458 080
1890	1072	518 003
1896	1068	525 748
1900	870	511 061
1905	921	539 993
1912	957	632 480

* Год основания Всеобщего союза.

Мы видим, что в шестидесятых годах число шульцевских кредитных организаций быстро растет, равно как и число членов в них. Рост этот продолжается, хотя и несколько замедленным темпом, вплоть до начала девяностых годов. За десятилетие девяностых годов наблюдается падение и числа народных банков, и количества членов в них. Затем возобновляется рост того и другого, но очень незначительный: в 1912 г. число народных банков оказывается более низким, чем в 1890 г.

Отсюда ясно, что народные банки Шульце в противоположность райффайзеновским кредитным товариществам уже пережили период своего наибольшего расцвета, который приходится на семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия. Теперь народные банки утрачивают свое бывшее значение, в особенности, если мы будем сравнивать развитие их с ростом других кооперативных организаций. Чем же вызван этот относительный, а отчасти и абсолютный упадок народных банков?

Ответ звучит несколько парадоксально: упадок народных банков вызван их выдающейся хозяйственной успешностью. Именно потому, что народные банки оказались вполне жизнеспособными хозяй-

ственными организациями, они и стали сокращаться в своей численности. Сокращение численности их есть результат не плохого, а хорошего ведения дел: народные банки сходят со сцены не путем ликвидации их как неудачных хозяйственных предприятий, а путем превращения их в высшую для них форму — акционерных капиталистических банков.

Поворотным пунктом в истории этих банков является 1890 г. Что же произошло в этом году? В 1889 г. был издан в Германии новый кооперативный закон, запретивший кооперативным организациям операции с не-членами. Эта статья нового закона дала сильный толчок к развитию большинства германских кооперативов: запрещение операций с не-членами побудило этих не-членов войти в состав кооперативов. Совершенно иначе отозвалась она на народных банках. Так как народные банки имели и имеют мало общего с кооперативами, то операции с не-членами имели для них жизненное значение, и притом с такими не-членами, которые ни в каком случае не вошли бы в состав членов народного банка, принадлежа к классу крупных капиталистов и отнюдь не нуждаясь в услугах этого рода организаций. Капиталистические клиенты народных банков могли найти кредит в других банках, если народный банк отказывал им в кредите.

Поэтому после издания нового кооперативного закона многие из народных банков предпочли отказаться от кооперативной формы для того, чтобы сохранить свою истинную сущность учреждений обычного капиталистического кредита.

Впрочем, не нужно и преувеличивать значение закона 1889 г.: превращение народных банков в акционерные было только ускорено новым законом, но более глубокие причины этого процесса были заложены в самой сущности кредитной организации, созданной Шульце. Своеобразный ход развития народных банков от кооператива к капиталистическому предприятию был неизбежен, как доказал Р. Финк, автор монографии «Das Schulze-Delitzch'sche Genossenschaftswesen»⁹⁰.

Совершенно так же, как Финк, характеризуют этот процесс и другие исследователи: «Благодаря развитию операций с векселями, шульце-деличевские кредитные товарищества, — говорит, например, Герц в своей работе о банках в Пфальце, — достигли в Пфальце

того, что они стали выполнять все функции обычного банка. Неудивительно, что некоторые из этих товариществ, сильно выросшие благодаря успехам в Пфальце торговли и промышленности, перешли под влиянием внешних обстоятельств, а более под влиянием стремления к полному обнаружению своих внутренних сил, к более свободной форме акционерных товариществ. Когда именно совершался этот переход, это зависело существенным образом от отношения к данному вопросу руководителей народных банков. Различные товарищества указывали различные основания для такого перехода. Промышленный банк в Шпейере и народный банк в Ландау выставляли как основание введенное новым законом ограничение круга клиентов банка только членами. Людвигсхафенский народный банк (впоследствии Пфальцский банк) указывал на желание отказаться от неограниченной ответственности. Но действительное, частью высказываемое, частью не высказываемое основание для таких превращений заключалось в расширении операций этих кредитных учреждений».

Совершенно такой же характер имел ход развития шульцевской кредитной кооперации и в других местностях Германии. Так, Шрейбер в работе о саксонских банках, сообщает:

«Из 33 местных акционерных банков, имевшихся в Саксонии в 1892 г., только 6 возникли самостоятельно, все же остальные развились из ссудо-сберегательных товариществ путем превращения их в акционерные общества. В начале восьмидесятых годов в Саксонии возникла усиленная агитация в пользу законодательного разрешения товариществ переходить к ограниченной ответственности. Так как издание соответствующего закона замедлилось, а руководители германской кооперации не обнаруживали сочувствия такому изменению закона, то с половины восьмидесятых годов начались в большом числе переходы товариществ в акционерные компании. Однако страх перед неограниченной ответственностью был только внешним предлогом для таких переходов, внутренняя же причина последних заключалась в развитии самих товариществ. Хорошо руководимые товарищества в сущности переросли рамки товарищеской формы; они приняли характер настоящих банков и в то же время уже давно вели операции не только со своими членами. Начало к этим переходам положил в 1886 г. Лейзницкий банк; в следующем году последо-

вали переходы крупных банков в Пирне и Фрейберге. Последний толчок был дан новым кооперативным законом 1889 г. Правда, закон этот разрешил ссудо-сберегательным товариществам переходить к ограниченной ответственности, но при таких ограничительных условиях, которые были неприемлемы для товариществ, принявших характер настоящих банков. За время 1889–1891 гг. не менее 19 товариществ приняли форму акционерных компаний, в том числе из более крупных банков теперешний Лебауский, Цвиккауский, Фогтлэндский и др. банки».

Велика тяга ссудо-сберегательных товариществ к акционерной форме: за 1889–1905 гг. 161 шульцевский народный банк превратились в обычные акционерные банки.

Мало-помалу различие между народным банком и капиталистическим банком делается все менее и менее чувствительным. Это сказалось и в том, что Всеобщий союз шульцевских кооперативов постепенно стал включать в себя и акционерные банки. Уже в 1874 г. по предложению самого Шульце Бременский съезд союза постановил, что в союзе могут оставаться те товарищества, которые приняли акционерную форму.

На Кольбергском съезде прошло постановление еще более важного принципиального значения, а именно было постановлено, что в союз могут вступать и те акционерные банки, которые никогда не были ссудо-сберегательными товариществами. Согласно новому уставу союза, принятому в 1891 г., в союзе могут принимать участие акционерные общества, но лишь с особого согласия в каждом отдельном случае общего съезда. Правда, число акционерных обществ, принимающих участие в союзе, невелико — немногим более десятка, но с принципиальной стороны участие это имеет большое значение: оно воочию обнаруживает, что шульцевские кооперативы чувствуют себя внутренне близкими к капиталистическим товариществам, гораздо более близкими, чем к пролетарским кооперативам, которые были против своего желания исключены из союза в 1902 г.

Выше было указано, что шульцевская мелкобуржуазная кооперация пережила период своего наибольшего расцвета в семидесятые — восьмидесятые годы прошлого века. Действительно, именно в это время народные банки пользовались наибольшим влиянием в

германском кооперативном движении: городская кооперация вмещалась почти целиком в рамки основанного Шульце Всеобщего союза. Затем положение начинает изменяться: рядом с мощной деревенской кооперацией, которая вела свое начало от Райффайзена и никогда не сливалась с мелкобуржуазной кооперацией Шульце, начинает делать быстрые успехи и пролетарская кооперация. Что же касается народных банков, то эти организации начинают сокращаться в числе благодаря превращению значительной части их в акционерные банки, новые же народные банки почти перестают возникать после восьмидесятых годов прошлого века.

Однако этот застой шульцевской кредитной кооперации не нужно понимать в том смысле, что народные банки приостановили развитие своих операций. Наоборот, прекращение роста их числа сопровождалось чрезвычайным расширением их операций и вообще улучшением хозяйственной постановки всего дела. Именно после 90-х годов многие из этих товариществ дорастают до уровня благоустроенного капиталистического банка.

Современное хозяйственное положение шульцевских товариществ в полном смысле слова блестяще, и по своей хозяйственной силе они далеко оставляют позади себя истинную кредитную кооперацию, которая в Германии представлена райффайзеновскими товариществами.

Год	Товарищества Всеобщего союза Шульце		Год	Товарищества Имперского союза (крестьянские)	
	Открытые кредиты в среднем на 1 товарищество	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество		Оборот в среднем на 1 товарищество	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество
	В тыс. марок			В тыс. марок	
1890	1531	135,7	1892	189	7,5
1900	2617	204,8	1900	171	4,8
1912	5230	344,1	1911	418	6,7

С 1890 г. собственный капитал шульцевского товарищества возрос в среднем более чем в два с половиной раза, а сумма открываемого таким товариществом кредита возросла в три с половиной раза. Напротив, райффайзеновский кредитный кооператив, хотя и развил

свои обороты в среднем более чем в два раза, не только не увеличил своих капиталов, но стал еще беднее капиталом благодаря тому, что новые кооперативы этого типа, быстро возросшие в своем числе, не имели времени скопить капиталы.

В то время как райффайзеновские товарищества кредитуют только в ничтожной мере своим собственным капиталом, а почти исключительно чужим, шульцевские народные банки имеют столько собственного капитала, что почти на одну треть кредитуют своим собственным капиталом.

Рост оборотов шульцевского товарищества при отсутствии соответствующего роста числа членов является, по справедливому указанию Финка, лучшим доказательством, что товарищество это все более принимает капиталистический характер. Одновременно с этим вся шульцевская кооперация все более и более утрачивает связь с кооперативным движением в Германии.

Всеобщий союз, основанный Шульце, ведет в настоящее время борьбу на два фронта. С одной стороны, он сохраняет свою прежнюю враждебность к пролетарской кооперации, зародившейся в недрах самого союза и исключенной из него в 1902 г., с другой стороны, союз относится резко отрицательно и к государственному вмешательству в кооперацию, которое нашло выражение в деятельности Прусской центральной кассы, основанной в 1895 г.

От деятельности Прусской кассы руководители Всеобщего союза не ожидали ничего хорошего для германской кооперации. При обсуждении в прусском ландтаге соответствующего законопроекта против него решительно высказались представители свободномыслящей партии Шенк и Рихтер⁹¹. Точно так же и на съезде Всеобщего союза в том же году была принята резолюция, рекомендуемая шульцевским товариществам не вступать ни в какие сношения с Прусской кассой, причем Шенк указал, что и без помощи Прусской кассы шульцевские товарищества без труда находят требуемый им кредит, к государственному же банку товарищества эти не могут не относиться враждебно. «Ибо мы, — сказал Шенк, — убеждены, что вмешательство государства в кооперацию может только повредить кооперативному движению Германии, мы же остаемся по-прежнему при своих принципах самопомощи, самодеятельности и собственной ответственности».

Такое же враждебное отношение к Прусской кассе Всеобщий союз сохраняет и до настоящего времени. И, конечно, руководители союза правы, указывая, что шульцевские товарищества не нуждаются в государственном кредите, они слишком сильны, чтобы испытывать нужду в такой помощи. Напрасно только деятели Всеобщего союза говорят это от имени всей германской кооперации, которая по своему внутреннему строю не имеет с шульцевскими товариществами почти ничего общего и которая далеко не может находить с такой легкостью нужную ей финансовую поддержку у капиталистических банков, как народные банки.

Таким образом, принципы Всеобщего союза встречают все менее отклика в различных направлениях германской кооперации. И это понятно. Пролетарская кооперация идет совсем другим путем, пред-указанным еще рочдельскими пионерами. В крестьянской кооперации господствует райффайзеновское течение, относящееся без всякой враждебности к помощи государства. Что же касается мелкобуржуазной среды, среди которой возникла шульцевская кооперация, то и эта среда является менее благодарной почвой для движения, связанного с именем Шульце, чем она была пятьдесят лет тому назад.

Дело в том, что народные банки Шульце удовлетворяли насущной экономической потребности в пятидесятые — шестидесятые годы прошлого века. Пока в стране не было густой сети обычных капиталистических банков, получение кредита даже для более зажиточных слоев мелкой буржуазии было сопряжено с большими трудностями. Историческая роль шульцевских кредитных учреждений заключалась в том, что они явились первыми организациями, при помощи которых кредит стал доступен для мелкой буржуазии. Но чем более разрасталась сеть обычных капиталистических банков с их бесчисленными отделениями, разбросанными по всей стране, тем менее чувствовалась потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии.

Современный народный банк естественным ходом своей внутренней эволюции все более и более приближается к капиталистическому банку. Но если так, если имеются обычные банки, которые по своему капиталу несравненно сильнее шульцевских и которые в то же время при ожесточенной конкуренции между ними принуждены всюду искать своих клиентов и очень охотно берут на себя обслу-

живание кредитом тех общественных слоев, которые составляют главную силу народных банков, то для чего нужны эти последние? Конечно, обычные банки не могут кредитовать своих клиентов под долговые расписки, в чем заключалась первоначальная функция шульцевских кредитных учреждений. Но ведь в настоящее время народные банки почти не исполняют этой операции. Для капиталистического кредита — дисконта векселей и контокоррента⁹² — капиталистический банк является более подходящим учреждением, чем народный банк.

Вот это-то обстоятельство и задержало распространение народных банков. Чем более они сближались внутренне с капиталистическими банками, тем менее чувствовалась потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии. Дрезденский коммерческий банк превратил прежний центральный банк шульцевских кооперативов в свое собственное отделение к выгоде самих кооперативов. Точно так же поглощение того или иного ссудо-сберегательного товарищества обычным банком ни малейшим образом не сокращает возможности получения кредита для экономически более сильных клиентов этих банков.

Конечно, для более слабых общественных элементов, продолжающих принимать участие в ссудо-сберегательных товариществах, обычный капиталистический банк остается по-прежнему недоступен. Те двести миллионов марок, которые ссудо-сберегательные товарищества выдают в ссуду под долговые расписки, не могли быть выданы обычными банками. Но ведь эти двести миллионов марок составляют ничтожную долю оборотов народных банков.

Более слабые шульцевские товарищества не страдают от конкуренции капиталистических банков: операции этих товариществ не представляют собой ничего заманчивого для обычных банков и не могут исполняться этими последними. Но процветающие ссудо-сберегательные товарищества уже сами являются банками, и конкуренция обычных банков чувствуется ими очень сильно. Поэтому для таких товариществ открыты, по-видимому, только два пути — или превращения в капиталистический банк, или поглощения этими последними.

Этого не могут вполне отрицать и руководители шульцевской кооперации. В одной из недавних брошюр председателя Всеобщего

союза Крюгера мы встречаем, например, следующее характерное признание. «С глубокой переменной хозяйственных отношений изменилось и положение кредитных товариществ в хозяйственной жизни. В течение десятилетий они могли рассматривать как свою собственную область удовлетворение потребностей в кредите мелкого и среднего промышленника и даже известной части крупной промышленности и торговли. Теперь положение иное. Для кредитных товариществ возникли сильные конкуренты в лице банков, и с этой конкуренцией кредитные товарищества должны считаться в своих операциях, чтобы не утратить лучшей части своих клиентов и чтобы не пострадать в своих оборотах, что, конечно, не соответствует интересам торговли, промышленности и сельского хозяйства».

Однако Крюгер успокаивает себя следующим соображением: «В настоящее время является праздным вопрос, не окажутся ли для кредитных товариществ с течением времени опасными концентрация крупных банков и расширение сети их отделений по всей стране. Для ближайшего будущего потребность в кредитных товариществах не прекратится, и для отдельных областей, в их отношении к центрам, было бы невыгодно, если бы независимые ныне кредитные организации утратили свою самостоятельность. Это было бы такой концентрацией, которая причинила бы серьезный ущерб хозяйственному развитию отдельных районов».

Все это очень и очень неубедительно. Несравненно трезвее смотрит на вещи Финк, приходящий на основании тщательного исследования условий развития шульцевской кооперации к следующим заключениям:

«Где современное банковое дело достигло своего полного развития, там кредитное товарищество (шульцевское. — М. Т.-Б.) должно отойти в сторону. Но где современные банки еще не укоренились — в маленьких городах и отдаленных, мало заселенных местностях, — там шульце-деличевское кредитное товарищество сохраняет все свое бывшее значение. Большинство шульце-деличевских кредитных товариществ еще удовлетворяет своему прежнему назначению, но та тенденция развития, которая выражается в наиболее преуспевающих шульце-деличевских кредитных товариществах, и приводит к параллелизму между акционерным и народным банком, обозначается все яснее и направляется в сторону господства современной банковской

системы. С политико-экономической точки зрения не приходится жалеть об изменении внутренней природы шульце-деличевского кредитного товарищества, ибо оно только с очевидностью доказывает, что самопомощь нуждающихся в кредите не есть еще единственный выход из кредитной дилеммы прежних десятилетий. Ибо невозможно утверждать, что самопомощь в области кредита образует собой высшую ступень сравнительно с системой современного банковского дела... Первоначальное значение шульце-деличевской кредитной организации все более отходит в прошлое, и в этом нет ничего странного, если вспомнить, что эти хозяйственные учреждения существуют в наше быстро идущее вперед время уже 60 лет».

С этим заключением можно только согласиться. Кооперативная система Шульце имела большое историческое значение, но расцвет ее не мог быть продолжительным; имея своей социальной средой мелкую буржуазию в противоположность пролетарской рочдельской и крестьянской райффайзеновской кооперации, система эта, естественно, тяготеет к капиталистическим формам и сливается с капиталистическими организациями при полном успехе. В то время как рочдельская и райффайзеновская кооперативные системы заключают в себе существенно новые хозяйственные принципы, преобразующие современный хозяйственный строй, шульцевская кооперация есть не что иное, как преходящее хозяйственное явление, свойственное незрелой форме капитализма и исчезающее по мере дальнейшего развития капиталистического строя.

3. Возникновение в России ссудо-сберегательных товариществ

В России ссудо-сберегательные товарищества были созданы под непосредственным влиянием идей Шульце, бывшего вдохновителем Лугинина, пионера русской кредитной кооперации. Однако наши ссудо-сберегательные товарищества, история которых начинается от Дороватовского товарищества Рождественской волости Ветлужского уезда, составляют существенно иной тип, чем народные банки Шульце. Разница заключалась в том, что народные банки были кредитными организациями мелкой буржуазии, а ссудо-сберегательные товарищества, ведущие свое начало от Лугинина, должны были, по его замыслу, быть организациями крестьянскими.

Иными словами, Лугинин задумал перенести в среду русского крестьянства германские учреждения, приспособленные к нуждам и социальным особенностям германской мелкой буржуазии. Понятное дело, что такая попытка не могла иметь успеха. Хотя основные черты устройства русского ссудо-сберегательного товарищества и были глубоко переработаны Лугининым и его преемниками по делу, тем не менее кое-что весьма существенное было сохранено из первоначального образца этих товариществ в Германии, и прежде всего был сохранен принцип паевого капитала.

Правда, пай в крестьянских ссудо-сберегательных товариществах, которые в довольно большом числе возникали в семидесятых годах прошлого века в различных районах деревенской России, были, во-первых, невелики, а во-вторых, до известной степени номинальны в том смысле, что пай не вносился членом товарищества из его собственных средств при поступлении в товарищество, но вычитался из получаемой им из товарищества ссуды. Однако и в таком виде пай все же должен был уплачиваться членом, что при крайней бедности нашего крестьянства делало эти товарищества непригодными для среднего крестьянина. Только немногие более зажиточные члены крестьянского общества могли справляться с требованием уплаты пая.

Таким образом, уже принятие принципа паевого капитала делало ссудо-сберегательные товарищества непригодными для русской деревни. Еще, однако, важнее как причина неудачи их было то, что товарищества эти менее всего основывались на самодеятельности населения и в этом отношении самым резким образом отличались от своего германского образца. Все эти товарищества насаждались сверху, сначала несколькими благожелательными интеллигентами, а затем земствами, т. е. в конце концов теми же интеллигентами. Как только ссуды земства стали сокращаться, стало соответственно падать и число вновь открываемых ссудо-сберегательных товариществ:

Годы	Открыто товариществ	Получили ссуды от земства	В процентах
1871–1875	503	268	53
1876–1880	481	109	23
1881–1885	194	38	19

Щедрые ссуды со стороны земств приводили к тому, что товарищества возникали сплошь и рядом только ради получения этих ссуд, которые разверстывались между учредителями товарищества, чем и заканчивалась деятельность последнего. Неудивительно, что большая часть этих товариществ просуществовала очень недолго.

Годы	Число открытых товариществ	Число товариществ, закрытых к 1 января 1905 г.	В процентах
1871–1875	503	356	71
1876–1880	481	295	61
1881–1885	194	85	44

Наименее жизнеспособными оказались товарищества, возникшие в первую половину 70-х годов, когда земства были всего щедрее на выдачу ссуд и число вновь открываемых товариществ было особенно велико.

Правда, некоторая доля товарищества выживала, но нужно иметь в виду, что значительная часть этих выживших товариществ почти не функционирует в качестве действительных учреждений кредита и занята преимущественно «перепиской» ссуд — возобновлением их по отношению к первоначальным заемщикам.

4. Мелкобуржуазная кредитная кооперация в России

Эти первые деревенские ссудо-сберегательные товарищества представляли собой неудавшуюся попытку создать крестьянскую кредитную кооперацию. Однако рядом с ссудо-сберегательными товариществами в крестьянской среде (для которой данный тип кредитного учреждения был решительно неподходящим) такие же товарищества возникают и в иной социальной среде, той же самой, среди которой они так пышно расцвели в Германии, — в среде мелкой буржуазии.

Как правильно указывает С. Н. Прокопович, одновременно с этими неудачными опытами насаждения сверху кооперативного кредита у нас возникает гораздо более жизнеспособное аналогичное движение в среде городской мелкой буржуазии. Уже в 1867 г. некий Дидерих устраивает среди ремесленников (немецких) г. Петрограда ссудо-сберегательное товарищество. Правда, это городское движение казалось очень скромным сравнительно с деревенским: в то время как в

деревнях новые товарищества возникали в семидесятых годах сотнями, в городах — только десятками. Но зато эти немногие городские ссудо-сберегательные товарищества оказались гораздо жизнеспособнее, как видно из нижеследующих данных.

Годы	Число вновь открытых городских товариществ	Закрытых к 1 января 1905 г.	В процентах
1866–1870	3	—	—
1871–1875	102	65	64
1876–1880	76	33	43
1881–1885	61	12	19

Таким образом, мало-помалу шульцевские кредитные организации находят для себя в России подходящую социальную среду, каковой у нас, как и в Германии, является городская буржуазия. Соответственно этому ссудо-сберегательные товарищества, начиная с половины девяностых годов прошлого века, открываются преимущественно не в деревнях (как раньше), а в городах.

Весьма интересно отношение народнической печати шестидесятых и семидесятых годов к попыткам насаждения в нашей деревне шульцевских организаций кредита. Отношение это было резко отрицательным. Самопомощи крестьян, нуждающихся в кредите, наши народники противопоставляли помощь таковым со стороны государства, кооперативному кредиту — кредит общинный. Ссудо-сберегательные товарищества были объявлены «Отечественными записками»⁹³ учреждениями буржуазными, направленными против интересов массы крестьянского населения. «Массе рабочего сословия, — писали «Отечественные записки», — нисколько не будет легче от того, что из среды ее выдвинется ничтожный процент и обзаведется капиталом; напротив, по всей вероятности, ей будет несравненно тяжелее, потому что этот капитал будет стоять непосредственно над ней и действовать в одном и том же поле действия с ней».

С. Н. Прокопович склонен видеть в этом отрицательном отношении народнической печати к насаждению в деревне ссудо-сберегательных товариществ только непонимание народниками важности кооперации. Однако в действительности тут было не одно непонимание кооперации, но и совершенно правильная оценка непригодности шульцевской кооперации для массы крестьянства. Народническая печать была права, признавая ссудо-

сберегательные товарищества учреждениями «буржуазными», но она ошибалась, отождествляя с шульцевской кооперацией кооперацию вообще; с райффайзеновской кооперацией наша печать того времени была совершенно незнакома, но вряд ли можно допустить, чтобы наши народники отнесли к райффайзеновским товариществам с таким же осуждением, с которым они отнесли к шульцевским товариществам.

Как бы то ни было, ссудо-сберегательные товарищества нашли для себя в России подходящую почву и распространились преимущественно в среде мелкой буржуазии. В этой среде они достигли значительного успеха и обнаружили тенденцию развиваться так же, как и в Германии, — в сторону сближения с капиталистическими учреждениями кредита.

Что следует сказать, например, относительно польских ссудо-сберегательных товариществ.

По компетентному свидетельству г. Храневича, крупные ссудо-сберегательные товарищества в Польше — «кооперативы лишь по имени». Они широко практикуют различные формы капиталистического кредита, учитывают векселя, выдают ссуды под залог процентных бумаг и пр. Установленные уставом предельные размеры для ссуд не соблюдаются, и товарищества практикуют вместо мелкого крупный кредит. Ввиду этого официальные органы надзора за учреждениями мелкого кредита советовали некоторым таким товариществам сбросить форму товарищества и принять устав вполне капиталистических обществ взаимного кредита. Советы эти, однако, отвергались товариществами ввиду того, что форма товарищества дает значительные преимущества по отношению к взысканию долгов с неисправных должников.

Еще более капиталистический характер имеют ссудо-сберегательные товарищества Прибалтийского края. Они являются одними из наиболее старых русских товариществ и наилучше организованных. Паевой капитал на члена достигает во многих из них сотен рублей, ссуды — еще больших размеров. Так, например, в Венденском товариществе паевой капитал на члена достигал в 1907 г. 738 руб., а средний размер ссуды — 4820 руб., в Вольмарском паевой капитал — 300 руб., ссуды — около 2000 руб. и т. д. Такой высокий размер ссуд объясняется тем, что по уставам этих товариществ размер ссуды

ограничен лишь при ссудах по личному доверию, при ссудах же под обеспечение имуществом или ценными бумагами, а также за поручительством двух лиц кредит не ограничен. По словам г. Валаева, товарищества эти обслуживают «главным образом немецких баронов и отчасти промышленную жизнь городов и местечек». Дивиденды пайщиков в этих товариществах обычно очень высоки, и товарищества в обход своих уставов кредитуют не только своих членов, но и посторонних. В отдельных случаях кредит, открываемый на одно лицо, достигает до 20–25 тыс. руб.

Товарищество этого типа уже вполне приближается к народным банкам германского образца.

Большое развитие ссудо-сберегательные товарищества получили среди русского еврейства. Товарищества эти, общая численность которых к 1912 г. достигала 664 при 347 тыс. членов в 519 городских товариществах, состоят более чем на две трети из ремесленников и мелких торговцев. Однако большинство ремесленников являются мелкими предпринимателями, мало возвышающимися над уровнем обычной еврейской бедноты. Только немногие товарищества состоят из более зажиточных элементов еврейской буржуазии. Вот что говорит по поводу их С. О. Марголин в своем исследовании «Еврейские кредитные кооперации» (1908 г.): «Товарищества, приближающиеся по характеру своей деятельности к кооперации капитала, отличаются от остальных товариществ не только тем, что у них высокий размер пая и высокая норма оплаченного паевого капитала, но и состав членов этих товариществ резко отличается от обычного состава членов остальных товариществ. В этом отношении наиболее чувствительным показателем характера деятельности товарищества является участие членов-ремесленников. Можно предвидеть, что чем больше товарищество осуществляет у себя тенденции кооперации капитала, тем ниже процент ремесленников в этом товариществе, и, наоборот, чем больше товарищество осуществляет собой принцип кооперации, тем больше возрастает процент ремесленников в данном товариществе».

С. О. Марголин отмечает, что товарищества, состоявшие по преимуществу из торговцев, обнаруживают явно капиталистические тенденции, и в этих товариществах на первый план выступает задача выгодного помещения паевого капитала. «В этом отношении, — говорит

он, — наиболее характерна деятельность Мозырского товарищества. В этом товариществе понижение процента на ссуды повело бы к выходу многих членов из товарищества. Многие члены поступают в это товарищество не с целью пользоваться ссудами на льготных условиях, но с целью найти выгодное помещение своим капиталам».

Однако все тенденции еврейских, равно как и иных городских товариществ Прибалтийского края и Королевства Польского, чрезвычайно затрудняются тем, что товарищества эти все же более или менее связаны своими уставами и не свободны в своей деятельности. Уже одно ограничение нормальным уставом кредита, открываемого одному лицу, имеет в этом смысле большое значение. Правда, эта статья устава на практике обходится, но все же она остается существенным препятствием к тому, чтобы наши городские ссудо-сберегательные товарищества развивались в сторону обычных банков, как это мы видим в Германии.

Во всяком случае, у нас имеются кредитные кооперативы мелкобуржуазного типа, и основные тенденции развития наших кооперативов этого типа имеют сходный характер с теми тенденциями, которые так ярко обнаружили в Германии.

Глава III. Ремесленная кооперация

1. Возникновение ремесленной кооперации

Возникновение кооперативного движения тесно связано с кризисом ремесла. Именно городские ремесленники были той социальной средой, в которой кооперация впервые стала серьезной общественной силой. Так было в Англии, где пропаганда Оуэна после короткого периода неудачных экспериментов с коммунистическими общинами только тогда стала влиять на народные массы, когда захватила десятки и сотни тысяч городских ремесленников, переживающих в первые десятилетия прошлого века трудное время в связи с развитием капиталистической фабрики и вообще современной капиталистической системы. Именно кризис ремесла и сделал английских ремесленников восприимчивыми к коммунистическим мечтам Оуэна, давшим в действительной жизни столь непохожие на них плоды. Точно так же и в Германии кооперативное движение на-

чинается среди городских ремесленников. Но в то время как в Англии ремесленная кооперация не получила дальнейшего развития и явилась почти столь же мимолетным эпизодом в истории английского кооперативного движения (скоро приобретшего пролетарский характер), как и эксперименты с коммунистическими общинами в Германии, соответственно большему значению в общем строе хозяйства страны ремесла, ремесленная кооперация играет известную роль в ряду других форм кооперации вплоть до нашего времени.

Первыми кооперативами Шульце были ремесленные кооперативы — два сырьевых товарищества столяров и башмачников, созданные им в Деличе в 1849 г. С них начинается история германской кооперации.

Кооперативная теория Шульце, разработанная им в целом ряде брошюр и книг, точно так же имела в виду преимущественно класс ремесленников. Сырьевые и магазинные товарищества должны были явиться, по представлению Шульце, первыми ступенями кооперативного движения, долженствующего найти свое завершение в производительной ассоциации. Однако, как известно, до производительной ассоциации дело не дошло, да и сама производительная ассоциация чем больше развивалось кооперативное движение, тем более утрачивала свою привлекательность как для Шульце, так и для его преемников по духу. Таким образом, в действительной жизни специфически ремесленная кооперация выразилась в кооперативах только трех родов: сырьевых товариществах, магазинных и производительно-подсобных. Что же касается ссудо-сберегательных товариществ (народных банков Шульце), то хотя в этих товариществах ремесленники принимали и принимают деятельное участие, тем не менее ссудо-сберегательные товарищества не могут считаться вполне ремесленными кооперативами, так как ремесленники составляют и всегда составляли в них только меньшинство членов (за последнее время около $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ всех членов).

Чисто ремесленными кооперативами являются, таким образом, только три названных рода кооперативов.

Им придавал Шульце самое большое значение как средству преодоления кризиса ремесла.

Действительно, необходимость их для поднятия ремесла казалась очевидной не только самому Шульце, но и всем его преемникам по

кооперативной работе. Мало того, и теперь идея ремесленной кооперации находит много самых горячих партизанов как среди практиков кооперации, так и среди теоретиков. Вот, например, что говорит о ремесленной кооперации в своем известном курсе политической экономии столь авторитетный германский ученый, как проф. Конрад: «Будущность германского ремесла гораздо больше зависит от того, насколько ремесленники созреют до кооперации, чем от распространения принудительных цехов... Огромное значение для ремесленников магазинных товариществ, в которых публика может делать выбор покупаемых предметов по своему усмотрению и которые позволяют ремесленнику, когда у него нет заказчиков, работать на магазин, так очевидно, что кажется прямо-таки непонятным, каким образом магазинные товарищества не получили большого распространения». Точно так же Конрад выражает удивление, почему достигли пока мало успеха и другие ремесленные кооперативы, в том числе и производительно-подсобные товарищества, дающие возможность ремесленникам пользоваться сообща машинами и дорогостоящими сооружениями, недоступными для отдельного ремесленника.

Каковы же фактические успехи ремесленной кооперации? Вот соответствующая статистика за время деятельности Шульце:

Сырьевые товарищества				Магазинные товарищества		
Год	Число	Число давших сведения	В них членов	Число	Число давших сведения	В них членов
1870	135	9	381	29	7	160
1875	168	11	511	199	14	689
1880	150	17	733	131	10	693
1885	140	11	461	148	7	529

Что касается производительно-подсобных товариществ, то их почти совсем не было: отчет шульцевского союза за 1890 г. сообщает о 8 таких товариществах, в том числе о 7 товариществах мясников, имевших общие бойни для скота.

Приведенные данные дают яркую иллюстрацию ничтожных результатов деятельности Шульце в области создания ремесленной кооперации. Правда, по своей численности сырьевые и магазинные товарищества кажутся имеющими известное значение. Но, во-первых, и по своей общей численности товарищества эти за 1875–1885 гг. не выросли, а сократились. Во-вторых, — что еще важнее, — значащиеся в отчетах Всеобщего союза Шульце сотни сырьевых и магазинных товариществ существовали более на бумаге, чем в действительности; это лучше всего доказывается совершенно ничтожной численностью тех товариществ, которые давали о себе сведения: 11 сырьевых товариществ с 461 членом и 7 магазинных с 529 членами, дающих о себе сведения, — вот и все, что достиг Шульце в этой области за 35 лет своей деятельности. Что же касается товариществ, не давших о себе никаких сведений, то, очевидно, это отсутствие сведений вызывалось тем, что товариществам нечего было о себе сообщить.

Неуспех излюбленного детища Шульце — ремесленной кооперации — составлял яркий контраст с успехом ссудо-сберегательных товариществ, которые быстро росли и по числу членов, и по своим оборотам. Неуспех этот был настолько очевидным, что самый факт его никем не оспаривался. Вопрос заключался лишь в причинах неудачи ремесленной кооперации. Причины же эти отнюдь не могли заключаться в том, чтобы ремесленная кооперация привлекала к себе недостаточное внимание общественных деятелей и правительственных учреждений.

Напротив, можно смело утверждать, что ни одна отрасль кооперации в Германии не встречала такой деятельной поддержки со стороны, как именно ремесленная кооперация. Не нужно забывать, что все кооперативное движение, пока его руководителем был Шульце, имело целью поддержание ремесла, в чем Шульце усматривал верховный смысл своего общественного дела. Поддержание ремесла, помимо своего непосредственного экономического значения, приобретало еще и особую политическую окраску благодаря той роли, которую в глазах политически умеренных кругов германского общества средние классы должны играть в политической жизни как оплот против революционных тенденций пролетариата. Эта идеология вполне разделялась и самим Шульце. Еще большее значение она приобрета-

ла у тех общественных элементов Германии, которые были политически правее умеренного либерала Шульце.

Вопрос о причинах слабого развития ремесленной кооперации, равно как и о средствах содействия этому развитию, всегда привлекал усиленное внимание Всеобщего союза, созданного Шульце, и неоднократно обсуждался на общих собраниях союза.

2. Дальнейшие судьбы ремесленной кооперации

Что касается самих ремесленников, то среди них кооперативное движение, руководимое Шульце, только отчасти встречало идейное сочувствие. А именно: духовные вожди ремесленников были политически гораздо правее Шульце и в большинстве примыкали не к умеренным либералам, как Шульце, а к консерваторам. В соответствии с этим основной лозунг Шульце — самопомощь при полном отказе от содействия государства — не находил отклика в большинстве ремесленного класса, сочувствовавшего скорее мерам непосредственной государственной помощи ремеслу. Благодаря этому существенному разногласию между Шульце и вождями ремесленного класса ремесленное движение Германии шло своей особой дорогой, не сливаясь с кооперативным движением, во главе которого стоял Шульце, и занимая по отношению к последнему даже отчасти враждебное положение.

Прусское правительство, относившееся вначале неприязненно к Шульце, в котором оно видело одного из опасных представителей либеральной партии, мало-помалу изменило свою позицию и стало поощрять кооперацию. Тем не менее консервативное ремесленное движение вызывало со стороны правительственных властей отношение еще более сочувственное.

Поэтому правительство ничего не имело против образования в 1901 г. особого Главного союза немецких промышленных товариществ (*Hauptverband deutscher gewerblicher Genossenschaften*). Союз этот составил из тех кооперативов, которые не входили в состав союза, основанного Шульце. Новый союз с самого возникновения стал получать субсидию из государственных средств, которая с течением времени все возрастала. При помощи его прусское правительство получило возможность вступить в еще более тесную связь с ремесленным кооперативным движением.

Начало этому новому направлению прусской кооперативной политики было положено еще раньше учреждением Прусской центральной кассы кооперативных товариществ в 1895 г. Одной из главных задач кассы явилось развитие ремесленной кооперации. И надо признать, что касса сделала все возможное, чтобы вызвать к жизни ремесленную кооперацию. По признанию в прусском ландтаге Гейлигенштадта, президента кассы, Прусская касса по отношению к кредитованию ремесленных организаций пошла гораздо дальше, чем по отношению к другим кооперативным организациям. «Мы хорошо знаем, — заявлял Гейлигенштадт, — что ремесленные товарищества наталкиваются на особые затруднения, и этим соображением определяется наш образ действий по отношению к ним».

В правительственной записке от 1903 г., представленной в законодательные палаты Пруссии, указывалось, что несмотря на усиленные старания Всеобщего союза Шульце, ремесленная кооперация получила до настоящего времени в Пруссии очень незначительное распространение. «Широкая масса ремесленников осталась почти не затронутой кооперацией. Самостоятельного кооперативного движения среди ремесленников аналогично тому, что мы видим в деревне, совсем не наблюдается. Если и теперь из большинства провинций Пруссии раздаются жалобы, что ремесленники, а тем более мелкие торговцы, не принимают в кооперативных организациях должного участия, то раньше это было общим правилом. Ввиду такого положения дел попытка государства оживить своей поддержкой самопомощь заинтересованных лиц в области мелкой промышленности должна была натолкнуться на серьезные затруднения».

Для поощрения ремесленной кооперации министерству торговли и промышленности был открыт еще с 1896 г. особый кредит, из которого оплачивалось содержание особых «инструкторов кооперации». Инструкторы эти должны были объезжать страну, читать лекции о ремесленной кооперации и приходить непосредственно на помощь при возникновении ремесленных кооперативов. Помощь эта состояла не только в советах и указаниях, но и в кредитовании возникавших кооперативов из государственных средств. Связь инструкторов с основанными при их помощи кооперативами продолжалась и после, причем инструкторы исполняли обязанности бесплатных ревизоров.

Деятельное содействие успеху ремесленных кооперативов оказывала и «Прусская центральная касса». Открываемые ею кредиты обычно колебались между 1500–2000 марок на кооператив, но иногда достигали и 6000 марок.

За 1896–1902 гг. государство израсходовало из своих средств на поддержку ремесленных кооперативов 127 тыс. марок. Помощь Прусской кассы выражалась несравненно более крупными цифрами.

Возникший в 1901 г. Главный союз немецких промышленных товариществ покрывал свои расходы преимущественно при помощи правительственных субсидий.

При этом не нужно думать, что прусское правительство стесняло своей опекой свободное развитие ремесленной кооперации, наоборот, оно вполне понимало необходимость для кооперации свободы деятельности. Министр торговли Меллер заявил, например, в 1905 г. в прусском ландтаге по этому поводу следующее: «Мы далеки от того, чтобы при посредстве Главного союза, содержимого преимущественно на наши средства, в каком бы то ни было смысле подчинять кооперацию бюрократическому влиянию».

Точно так же и руководители Главного союза отмечают отсутствие какого бы то ни было бюрократического давления на их деятельность. «Несмотря на широкую поддержку Главному союзу, оказываемую прусским правительством и Прусской центральной кассой, — читаем в отчете о съезде союза в 1906 г., — союзу представлена полная свобода в разрешении всех его внутренних вопросов и во всей внутренней организации».

Затем не нужно забывать, что и ремесленные палаты — полуправительственные, полуобщественные учреждения, ставящие себе целью развитие ремесленной промышленности, также содействуют ремесленной кооперации. Главный союз действует в полном согласии с ремесленными палатами. В мае 1904 г. это согласие было окончательно установлено на конференции Главного союза с представителями ремесленных палат.

Таким образом, наряду с Всеобщим союзом Шульце целый ряд других общественных организаций преследует цели развития ремесленной кооперации, причем, несмотря на несколько враждебную позицию, которую Всеобщий союз Шульце занял по отношению к Главному союзу (враждебность эта вытекала из того, что Всеобщий союз

принципиально отрицает государственную помощь кооперации, между тем как Главный союз именно на этой помощи и основывается), все эти различные организации в равной мере озабочены распространением и ростом ремесленных кооперативов. Тому же содействует и правительственная власть, располагающая для этой цели таким мощным кредитным учреждением, как Прусская центральная касса.

Не менее энергичные усилия для развития ремесленной кооперации делали и делают и другие германские государства, кроме Пруссии. Так, в Баварии было учреждено в 1903 г. Центральное ремесленное товарищество в значительной степени на государственные средства; баварское правительство и раньше оказывало щедрую поддержку ремесленным кооперативам как кредитом, так и непосредственной затратой государственных средств. В Саксонии уже в 1891 г. была учреждена Кооперативная касса в Дрездене, с 5 млн. марок капитала, из которых $\frac{2}{3}$ были предназначены на помощь ремесленным кооперативам. В Бадене вновь учреждаемые ремесленные товарищества имеют право получать на покрытие первых расходов по своему устройству правительственную субсидию, доведенную в 1908 г. в среднем до 48 % этих расходов.

Об общем отношении германских государств к ремесленной кооперации может дать представление циркуляр вюртембергского министерства внутренних дел от 20 января 1904 г. «Общинные власти, — говорится в этом циркуляре, — нередко могут оказать деятельную поддержку ремесленным товариществам, если при отсутствии подходящих лиц среди ремесленников они возьмут на себя руководство вновь возникающими ремесленными товариществами, как это уже практикуется с большим успехом по отношению ко многим сельскохозяйственным товариществам, а в отдельных случаях и по отношению к промышленным товариществам. Затем нередко общинные власти могут содействовать образованию товариществ сырьевых, производительно-подсобных и по сбыту предоставлением в их распоряжение без всякой платы или по пониженной плате помещений и складов, принадлежащих общине, или же, поскольку община владеет соответствующими источниками механической двигательной силы (вода, газ, электричество), предоставлением в распоряжение товариществ соответствующей ссуды по пониженной плате

для первых операционных годов товарищества, наконец, освобождением товариществ на известный срок от общинных налогов. Кроме того, общинные власти могут содействовать образованию промышленных товариществ и оплатой расходов по слушанию местными ремесленниками особых курсов по ремесленной кооперации».

К каким же результатам привели эти упорные и настойчивые усилия правительственных и общественных кругов создать почти отсутствующую ремесленную кооперацию? Пусть отвечают цифры:

Число ремесленных кооперативов в Германии

Год	Товарищества			Год	Товарищества		
	Сырьевые	Производительно-подсобные	Магазинные		Сырьевые	Производительно-подсобные	Магазинные
1890	113	10	61	1900	92	53	73
1891	110	8	61	1901	145	67	79
1892	110	13	59	1902	188	78	81
1893	64	14	48	1903	215	91	94
1894	59	17	54	1904	266	106	108
1895	61	17	57	1905	290	112	120
1896	58	21	56	1906	257	341	73
1897	66	23	68	1907	299	390	81
1898	73	30	70	1908	349	447	96
1899	82	34	67	1909	363	673	115

Цифры эти могут показаться свидетельствующими о полном успехе новой правительственной политики по отношению к кооперации. До 1895 г. ремесленные кооперативы не только не развивались, но несомненно падали — ремесленная кооперация как бы вымирала.

Факт этот сам по себе чрезвычайно поучителен и знаменателен: в то самое время, когда германское кооперативное движение в деревне делало такие огромные успехи и росла с поразительной быстротой, ремесленная кооперация, предоставленная своим собственным силам и не опиравшаяся на правительственную поддержку, быстро шла к полному исчезновению.

Можно было думать, что пройдет еще немного лет и о ремесленной кооперации не придется говорить по ее совершенному отсутствию. Ожидания эти не оправдались. В 1895 г. в истории германской ремесленной кооперации происходит перелом. Сначала прекращается падение числа ремесленных кооперативов, затем начинается их рост, сперва очень медленный, затем все более и более быстрый, за последние же годы рост этот становится даже по отношению к некоторым кооперативам стремительным.

Правда, это относится не ко всем трем родам кооперативов. Магазинные товарищества растут медленно и с большими колебаниями, зато сырьевые товарищества дают картину правильного и ускоряющегося роста. А производительно-подсобные товарищества растут за последние годы огромными прыжками.

Легко понять, почему 1895 г. сыграл такую роль в истории германской ремесленной кооперации. В этом году была учреждена Прусская центральная касса. С этого года начинается новая эра германской экономической политики — деятельного правительственного содействия кооперативному движению вообще и ремесленной кооперации в частности. Отсюда и огромный рост числа ремесленных кооперативов.

Однако делать вывод о полном успехе правительственной политики было бы преждевременно. Одно число кооперативов говорит еще очень мало. По данным Прусской центральной кассы для 1908 г., в этом году было во всей Германии 1308205 членов кооперативов, причем на долю ремесленных производительно-подсобных товариществ приходилось 27204 члена, сырьевых товариществ — 11964, магазинных — 4544 члена, сырьевых и магазинных вместе — 4856 членов. На все эти три рода ремесленной кооперации приходилось в общем менее 50 тыс. членов, т.е. немногим более 1% всего числа лиц, участвующих в кооперативах Германии.

Таким образом, успехи ремесленной кооперации оказываются при сравнении их с общим ростом германского кооперативного дви-

жения весьма и весьма скромными. Ремесленников в Германии более полутора миллиона. 50 тыс. членов ремесленных кооперативов составляют лишь немногим более 3 % общей численности ремесленников; это после многолетних усилий правительственных учреждений и могущественных общественных союзов развить ремесленную кооперацию не может считаться крупным результатом.

Главное дело, однако, в том, что рост числа ремесленных кооперативов, равно как и 50 тыс. участников ремесленных кооперативов, значатся более на бумаге и весьма мало соответствуют действительности. В число ремесленных кооперативов германская статистика включает многие кооперативы и предприятия, которые ничего общего с ремеслом не имеют.

Так, из значительного числа производительно-подсобных товариществ, по мнению Эрнста Пэха, автора новейшего исследования германской ремесленной кооперации «Die wirtschaftliche Bedeutung des kleingewerblichen Genossenschaftswesens»⁹⁴ (1912 г.), на долю действительного ремесла приходится не более 50 товариществ. Анализируя данные о ремесленных кооперативах в последние годы, Пэх приходит к выводу, что ни о каких действительных успехах ремесленной кооперации не может быть и речи. «Картина ремесленной кооперации осталась в течение десятилетий по существу неизменной. И это те ремесленные кооперативы, ради которых Шульце-Делич создал всю свою кооперативную систему! Таков результат почти шестидесятилетней деятельности! Деятельности, которая по своей интенсивности не оставляла желать ничего лучшего; ибо как Шульце-Делич уже при первых шагах движения защищал дело ремесленной кооперации, совершенно так же почти каждый съезд Всеобщего союза, а с 1901 г. и Главного союза занимался этим видом кооперации. А рядом с такими усилиями заинтересованных лиц сколько еще было приложено труда вне круга последних! Как бесконечно много затрачено усилий, сколько сделано расходов государством и общинами, теоретиками и практиками, посторонними и заинтересованными лицами, чтобы создать столь неудачное детище ремесленной кооперации! Это поистине граничит с трагедией!» В признании неуспеха ремесленной кооперации сходятся все исследователи данного вопроса. Вот, например, отзыв Цейдлера, автора истории германской кооперации: «Шульце и его друзья питали особенную теоретическую

симпатию к промышленной кооперации. Факты, чем дальше, тем менее давали опору для этой симпатии, и теперь нельзя не признать практической безрезультативности ремесленной кооперации». Точно так же докладчик о ремесленной кооперации на Фрейбургском съезде Всеобщего союза в 1909 г. Лор должен был согласиться, что «если сравнить фактические успехи ремесленных товариществ с большой работой, потраченной на их поддержку на 50 съездах союза, то нельзя не сказать, результаты не утешительны».

Неуспех ремесленной кооперации кажется тем разительнее, что крестьянская кооперация, возникшая значительно позже, быстро достигла огромного развития.

3. Непосредственные причины неуспеха ремесленной кооперации

Вопрос о причинах неуспеха ремесленной кооперации приобретает, таким образом, значение серьезной теоретической проблемы. Посмотрим же, как объясняют этот неуспех кооператоры-практики, непосредственно заинтересованные в деле и ближе всего знакомые со всеми его деталями. Вопрос этот обсуждался много раз на съездах Всеобщего союза, и все частности его могут считаться достаточно выясненными.

Особенно обстоятельно разобран вопрос о причинах неудачи ремесленных кооперативов в докладе, прочитанном преемником Шульце по руководству Всеобщим союзом Крюгером на Крейцнахском съезде союза в 1902 г.

Финк, автор очень ценной работы «Das Schultze-Delitzsche Genossenschaftswesen» (1909 г.), сводит указания Крюгера на основные причины неудачи ремесленной кооперации к следующим 11 пунктам.

1. Равнодушие ремесленников, особенно более зажиточных, ко всякого рода реформам и новым общественным начинаниям.
2. Конкуренция между ремесленниками и взаимная зависть их к успеху другого.
3. Кредитование ремесленными кооперативами своих членов и задолженность самих кооперативов; эта пассивная и активная задолженность препятствует ремесленным кооперативам приобрести экономическую устойчивость, что достижимо лишь в том случае, если

операции ремесленных кооперативов могут основываться на платеже наличными деньгами.

4. Недостаточное знакомство со стороны членов товарищества с современной бухгалтерией.

5. Недостаточное знакомство со стороны широких кругов ремесленников с сущностью кооперации, а именно: ремесленники относятся подозрительно ко всяким призывам к самодеятельности, между тем как самодеятельность является единственно возможной основой кооперации.

6. Недостаточное знакомство с действующим законодательством.

7. Преувеличение значения кооперации: не следует думать, что кооперация есть талисман для создания благополучия всех падающих ремесленных хозяйств; только те ремесленники могут рассчитывать на поднятие своего экономического уровня, которые сами по себе располагают достаточными силами, «ремесленников же, спустившихся до уровня пролетариата, нельзя сделать успешными предпринимателями с помощью кооперации».

8. Соединение в одном кооперативе существенно различных целей и задач; один и тот же кооператив не может быть одновременно и кредитным, и сырьевым, и магазинным, и производительно-подсобным товариществом; такое соединение приводит лишь к тому, что ни одна из целей не достигается должным образом.

9. Непонимание со стороны строителей кооперативов значения личного момента в кооперации: обычно думают, что для устройства кооператива требуются только достаточные денежные средства; в действительности же успех кооператива зависит прежде всего от индивидуальных свойств входящих в его состав лиц; если нет соответствующих лиц, то никакие материальные средства не могут обеспечить успех кооператива.

10. Неправильное отношение к вопросу об образовании кооперативом собственного капитала: нередко строители кооператива относятся слишком легко к получению капитала со стороны, например, государства или общины; между тем кооператив может иметь успех только в том случае, если он располагает достаточным собственным капиталом: «в том-то и заключается опасность всяких субсидий, что субсидируемое учреждение привыкает на них рассчитывать, как будто бы им конца никогда не будет, и кооператив чувствует себя

освобожденным от обязанности заботиться об образовании своего собственного капитала».

11. Зависимость кооперативов от влияния чуждых им учреждений: кооперативы не должны быть под влиянием учреждений, которые по своему строю и духу не имеют с ними ничего общего, как, например, ремесленные палаты и вообще все учреждения, обладающие в большей или меньшей степени принудительной властью.

Перечень «корней зла», данный Крюгером, настолько обширен, что в смысле полноты он, казалось бы, не оставляет желать большего. Перечень этот кажется скорее слишком обширным и грешащим в противоположную сторону. Действительно, почти все причины неуспеха ремесленной кооперации, перечисленные Крюгером, не менее существенны и по отношению к другим преуспевающим видам кооперации, например крестьянской. Разве, например, крестьяне, особенно зажиточные, не «равнодушны ко всякого рода реформам»? Разве крестьянские кооперативы не страдают задолженностью и не склонны слишком кредитовать своих членов? Разве крестьяне не обнаруживают еще больше, чем ремесленники, полного незнакомства с современной бухгалтерией и т. д., и т. д.? Если же все эти неблагоприятные условия нисколько не мешают поразительному успеху крестьянской кооперации, то почему они оказываются столь губительными по отношению к кооперации ремесленной?

Это кажется мало понятным. Вообще, попытка Крюгера дать исчерпывающий список причин неуспеха ремесленной кооперации производит на непредубежденного читателя скорее обратное впечатление: получается впечатление, что указываемые причины маловажны и несущественны, во всяком случае, вполне устранимы при надлежащей постановке дела. А следовательно, и вывод получается несколько неожиданный — благоприятный для ремесленной кооперации. Если действительно причины ее неуспеха так разнообразны и мало связаны с самым существом ремесла, то проблема неуспеха ремесленной кооперации оказывается Крюгером нерешенной. Ведь совершенно ясно, что если в двух областях хозяйственной жизни, в данном случае в крестьянском хозяйстве и ремесле, сходные экономические образования дают результаты совершенно различные, то причины различий результатов должны корениться в различии обеих областей хозяйственной жизни. Крюгер же сваливает в одну

кучу и то, в чем крестьянское хозяйство отличается от ремесла, и то, в чем ремесло совершенно сходно с крестьянским хозяйством. Неудивительно, что результаты таких приемов анализа оказались неудовлетворительными: вместо объяснения проблемы неуспеха ремесленной коопераций Крюгер только запутал эту проблему привлечением к делу множества частных факторов, но ничего не говорящих об общих причинах их гибели, свойственных именно ремесленным кооперативам как таковым в отличие от кооперативов крестьянских.

4. Общие причины неуспеха ремесленной кооперации

Очевидно, «люди практики» именно потому, что они стоят слишком близко к делу и знают слишком много частных причин, приведших к гибели отдельные ремесленные кооперативы, не могут разрешить общей проблемы неуспеха ремесленной кооперации. Из-за деревьев люди эти совершенно не видят леса.

Обратимся же к общей экономической теории, которая, быть может, еще раз покажет, насколько она выше грубой эмпирии. В чем принципиальное экономическое различие между крестьянским хозяйством и ремеслом?

Различие это двоякого рода. По производимым продуктам крестьянское хозяйство отличается от ремесла тем, что крестьянин изготавливает сельскохозяйственные продукты, растительные или животные, ремесленник же занят промышленным производством. Крестьянин — сельскохозяйственный, а ремесленник — промышленный производитель.

Этим отличается крестьянское хозяйство от ремесла по роду производимых продуктов, а следовательно, и по характеру производственных процессов. Иначе говоря, различие это коренится в области техники.

Что касается экономической формы крестьянского хозяйства и ремесла, то и тут различие не менее глубоко. Правда, и в ремесле, и в крестьянском хозяйстве предприятие является мелким. Но мелкое предприятие ремесленника и крестьянина относится к существенно различным формам предприятий. А именно: ремесленник работает всегда непосредственно на потребителя, иначе говоря, на узкий и определенный рынок, без торгового посредника. В этом заключается само существо ремесла как определенной формы промышленно-

сти. Если только мелкий промышленный производитель начинает работать на широкий и неопределенный рынок, то он неизбежно нуждается в торговом посреднике, который связывал бы его с рынком; но тем самым он попадает в зависимость от этого посредника-капиталиста, утрачивает свою экономическую самостоятельность и превращается из ремесленника в кустаря. Итак, самое существо ремесла заключается в работе на узкий рынок без всякого посредничества торгового капитала.

Напротив, крестьянин, как общее правило, работает на широкий и неопределенный рынок, приближаясь в этом отношении к кустарю. В то время как рынок для ремесленника ограничивается небольшим районом, в пределах которого покупатель или заказчик ремесленного продукта вступает в личные сношения с ремесленником, для крестьянина рынком является, можно сказать, целый мир. Действительно, разве хлеб, масло, мясо и другие сельскохозяйственные продукты не являются предметом самой широкой международной торговли?

Итак, по своей экономической форме ремесло и крестьянское хозяйство различаются как работа на узкий рынок без посредства торгового капитала и работа на широкий рынок через торгового посредника.

Оба эти различия ремесла и крестьянского хозяйства — техническое и экономическое — глубоки и существенны. Ими и объясняется различие судеб кооперации в области крестьянского хозяйства и ремесла.

Из первого различия вытекает совершенно иное положение крестьянского хозяйства и ремесла в процессе развития современной хозяйственной системы. В то время как в сельском хозяйстве в силу технических особенностей мелкое производство не только не слабее крупного, но, наоборот, сильнее последнего и вытесняет последнее, в промышленности мелкое производство (а следовательно, и ремесло) не может выдержать конкуренции с крупным и падает под ударами капиталистической фабрики. В соответствии с этим среди ремесленников наблюдается глубокая дифференциация: часть их подымается выше и мало-помалу превращается из мелких в крупных капиталистов-предпринимателей, большинство же опускается книзу, пролетаризируется и сливается с классом наемных рабочих. Дифференциация наблюдается иногда и среди крестьянства, но в гораздо

слабейшей степени. Большинство крестьянства сохраняет свой своеобразный экономический тип — самостоятельных, трудящихся хозяев, почти не пользующихся наемным трудом и своим личным трудом участвующих в производстве. Весь смысл разнообразной крестьянской кооперации сводится к тому, что кооперация дает возможность крестьянину укрепить свое мелкое самостоятельное хозяйство теми выгодами крупного хозяйства, которые доставляет кооперация. Но для того чтобы кооперация могла развиваться и обрести, так сказать, со всех сторон мелкое предприятие, требуется, чтобы само это предприятие, составляющее естественную опору кооперации, было сильно и жизнеспособно. Если же мелкое предприятие слабо и неустойчиво, то и кооперации не к чему, так сказать, прислониться; падающее мелкое предприятие увлекает в своем падении и кооперацию, ибо кооперация не всесильна и может дать мелкому предприятию только некоторые, но не все выгоды крупного хозяйства.

В этой несравненно большей жизнеспособности мелкого трудового предприятия в сельском хозяйстве сравнительно с промышленностью заключается основная причина гораздо большей жизнеспособности крестьянской кооперации сравнительно с ремесленной. Правда, и ремесло держится очень упорно; общая численность ремесленников в развивающейся капиталистической системе, несмотря на быстрый рост фабрики, если и сокращается, то настолько медленно, что ремесло дает и еще долго будет давать занятие миллионам рабочих рук.

Но дело в том, что в связи со своим положением в современной хозяйственной системе класс ремесленников глубоко дифференцирован и складывается из общественных элементов существенно различного типа и с существенно разными интересами. С одной стороны, в состав ремесленников входят мелкие капиталисты, имеющие наемных рабочих и иногда настолько успешно развивающие свои операции, что они мало-помалу возвышаются над своим классом и постепенно превращаются в крупных капиталистов. Этим ремесленникам, наиболее зажиточным и преуспевающим, счастливым конкурентам своих менее удачливых товарищей, кооперация не нужна, так как и без помощи кооперации они чувствуют себя хорошо. Им противостоит масса ремесленников, опускающихся

кнizu, пролетариствующих и с трудом сохраняющих свое предприятие. Этим кооперация очень нужна и могла бы дать существенную помощь, если бы сами они были сильнее. Но неустойчивость их предприятия делает их неспособными воспользоваться выгодами кооперации. Практические деятели ремесленной кооперации указывают на равнодушие ремесленников ко всяким мерам самопомощи, как на первую причину трудности возникновения ремесленных кооперативов. Воспользуемся этим указанием, но спросим, почему же именно ремесленники обнаруживают такой общественный индифферентизм и отсутствие понимания своих классовых интересов. Не потому ли, что падающий общественный класс вообще всегда оказывается неспособным к созданию в своей среде сильных организаций? Естественными вождями ремесленного класса являются более удачливые и зажиточные ремесленники; уже самим фактом своей удачи они доказывают свою большую талантливость, предприимчивость и экономическую умелость. И уровень образования в их среде, естественно, является более высоким. Их голос звучит всегда наиболее внушительно и авторитетно во всех общественных начинаниях той социальной группы, к которой они принадлежат.

Однако именно они всего менее заинтересованы в успехе кооперации, а иногда даже заинтересованы в прямо противоположном — в неуспехе товариществ, объединяющих их менее удачных конкурентов и увеличивающих силу последних. Что же касается более слабых и бедных ремесленников, которые, казалось бы, должны были бы крепко держаться за кооперацию, то, слагаясь в своей массе из менее талантливых, образованных, энергичных и предприимчивых представителей своего класса, они оказываются неспособными к самостоятельным общественным выступлениям. Отсюда и тот общественный индифферентизм всего класса ремесленников, на который жалуются практические деятели кооперации, — индифферентизм, который является естественным последствием неблагоприятного положения ремесла в системе современного капиталистического хозяйства.

Что индифферентизм ремесленников отнюдь не является врожденным свойством последних, видно хотя бы из той выдающейся роли, которую ремесленники играли в общественной жизни средне-

векового города. Ведь именно ремесленники были тем классом, который создал цех и вместе всю сложную и стройную организацию средневекового городского хозяйства.

Ремесленники прежде времени были классом, отличавшимся перед всеми другими исключительной способностью к социальной организации. Можно сказать, что вообще во всемирной истории ни один общественный класс не обнаружил до сих пор такого умения подчинять общественный процесс производства регулирующему влиянию общественной власти, гармонично примиряя противоположные общественные интересы, такой способности к социальному творчеству, как ремесленники былой исторической эпохи.

И потому не нужно удивляться, что Шульце в начале своей деятельности более всего рассчитывал в своей кооперативной работе именно на ремесленников, на их историческую привычку к социальной организации.

Надежды Шульце были, однако, разбиты историей, и его преемник Крюгер, констатируя неудачу ремесленной кооперации, как на первую причину этой неудачи указывает на общественный индифферентизм ремесленников и на их неспособность к организованным выступлениям. Откуда эта перемена?

Из изменившегося положения ремесла в системе общественного хозяйства. Когда ремесло составляло вершину городского хозяйства, оно обладало исключительной способностью к социальному творчеству; когда оно было оттеснено на заднее место растущим капитализмом и стало слабейшим звеном промышленной системы, оно утратило способность к организации и пульверизировалось⁹⁵ на отдельные предприятия, каждое из которых думает только о самозащите и своих частных интересах, обнаруживая полное равнодушие к интересам других. Вот откуда является тот «индивидуалистический тип» современного ремесленника, на который так жалуются кооператоры.

Но это еще далеко не все. Причины слабости ремесленной кооперации заключаются не только в том, что ремесло является одной из отраслей обрабатывающей промышленности в противоположность крестьянскому хозяйству, имеющему дело с биологическими процессами природы. Кроме этого технического различия между ремеслом и крестьянским хозяйством, между ними

существует не менее глубокое различие и по отношению к экономической форме.

Ремесленник работает на узкий потребительский рынок, а крестьянин — на широкий рынок через посредство торговца. Непосредственно отсюда вытекает и вторая основная причина слабости ремесленной кооперации сравнительно с крестьянской.

К своему изумлению, кооператоры открыли у крестьянина полную готовность к объединению своих личных интересов с интересами своих товарищей в общественном коллективе и отвращение к такому объединению у ремесленника. Между тем ничего другого и ожидать было нельзя, если только понимать различие хозяйственного положения крестьянина и ремесленника как членов кооператива.

Крестьянин потому не избегает кооперативного объединения, что по самой сущности своей хозяйственной деятельности он не является конкурентом другого крестьянина. Успех одного крестьянина никогда не причиняет ущерба другому. Если, например, благодаря улучшенным приемам обработки поля и получению лучших семян тому или иному крестьянину удастся увеличить количество хлеба, который он выносит на рынок, то от этого нисколько не страдает сосед, производство хлеба у которого осталось прежним. Ведь рынком для крестьянского хлеба является весь мир и увеличение производства хлеба у одного из бесчисленных производителей того же продукта ровно никакого влияния на цену последнего не оказывает и никаких трудностей для сбыта этого продукта не создает.

Обширность, можно сказать, беспредельность рынка для продуктов крестьянского труда приводит к тому, что крестьяне не чувствуют себя ни в каком смысле конкурентами. Среди них отсутствует экономическая почва для взаимной зависти и вражды. А так как объединение нескольких крестьянских хозяйств в кооператив дает существенные выгоды каждому из них, то вполне естественно, что крестьяне охотно вступают в кооперативы, хотя крестьяне еще менее, чем ремесленники, знакомы с рациональной бухгалтерией, еще менее, чем ремесленники, привыкли к общественным организациям, еще более консервативны и недоверчивы ко всякому новому, незнакомому начинанию, еще более склонны к широкому пользованию кредитом и т.д., и т.д. Словом, почти все частные причины неудачи ремесленных кооперативов, которые с такой исчерпывающей об-

стоятельностью перечисляет Крюгер, действуют с еще большей силой и среди крестьян — с одним единственным исключением: среди крестьян нет поводов к «конкуренции и взаимной зависти друг к другу». Эта причина, занимающая у Крюгера второе место в его списке, у крестьян отсутствует не в силу их прирожденной доброжелательности, а в силу свойств их хозяйственного предприятия.

Наоборот, ремесленники отнюдь не вследствие низкого уровня своей морали относятся друг к другу с такой завистью и недоверием, а вследствие совершенно правильного понимания своих хозяйственных интересов. Ремесленники работают на местный потребительский рынок, размеры которого не только не беспредельны, но очень ограничены и не могут быть расширены никакими кооперативами.

Перед нами сапожник в небольшом городе или деревне, продающий сапоги в своей лавке или делающий их по заказам потребителей. Количество сапог, которое требуется жителям городка, представляет собой строго определенную величину, не зависящую от усилий сапожника. Ремесло находится теперь в упадке благодаря тому, что продукты ремесленного труда вытесняются продуктами капиталистической промышленности. Поэтому рынок для ремесленных продуктов как нормальное явление переполнен предложением, и ремесленников больше, чем требуется для удовлетворения местного спроса.

При таком положении дела, когда ремесленники данного района производят более продуктов, чем может быть потреблено местным населением, каждый из ремесленников не может не видеть в другом своего конкурента и не относиться с завистью к его успехам. Ведь если один из ремесленников в силу тех или иных причин расширяет сбыт своих продуктов, то это неизбежно должно вызывать при ограниченности рынка сокращение сбыта продуктов остальных ремесленников. Успех одного равносителен неуспеху другого.

Поэтому ремесленники видят друг в друге не товарищей, а соперников. Хотя они в большей или меньшей степени являются трудящимися производителями, подобно крестьянам или фабричным рабочим, но их психика, в их отношении друг к другу, не имеет ничего общего с психикой крестьянина или рабочего. Психика ремесленника есть психика предпринимателя, существованию которого угрожает конкуренция других предпринимателей.

Правда, за последние десятилетия мы видим все растущую тенденцию среди крупных предпринимателей к замене конкуренции соглашением, к образованию мощных предпринимательских союзов, картелей и трестов. Почему же и ремесленникам не последовать примеру своих более сильных собратьев и не сменить конкуренцию соглашениями? Если такая замена соответствует интересам крупных предпринимателей, то разве того же не требуют интересы и мелких предпринимателей?

Здесь нужно, однако, принять в соображение совершенно различное положение в системе современного хозяйства крупного и мелкого промышленного предприятия. Крупное предприятие безусловно побеждает; ему не приходится опасаться конкуренции мелкого. Картели и тресты потому получают такое распространение среди крупных предпринимателей, что они заменяют конкуренцию монополией. Монополия же дает возможность предпринимательскому союзу захватывать потребителя в свои руки и поднимать цены путем сокращения предложения соответствующих продуктов.

Возможно ли нечто подобное для ремесла? Ведь ремесло страдает от конкуренции крупных предприятий, которые являются в этой борьбе бесспорно сильнейшей стороной. Цены ремесленных продуктов не могут быть подняты соглашением ремесленников, так как цены эти диктуются конкуренцией с ремеслом крупных предприятий.

Представим, себе, например, что деревенские мельники, являющиеся одним из наиболее типичных представителей деревенского ремесла, заключают между собой соглашение для поднятия цены за помол. Соглашение это повело бы только к тому, что хлеб стал бы подвозиться для помола не на мелкие, а на крупные капиталистические мельницы, конкуренция которых держит на низком уровне цену за помол на деревенских ветрянках. Точно так же попытка деревенских сапожников поднять путем соглашения цены на сапоги должна потерпеть неудачу потому, что цена ремесленного сапога определяется его конкуренцией с фабричным и кустарным сапогом; поднятие цены ремесленного сапога должно повести к вытеснению его фабричным и кустарным сапогом.

Но если даже в силу тех или иных местных условий ремесленники и могут не опасаться в данном районе конкуренции круп-

ных предприятий и, значит, могут достигнуть путем соглашения монополии, монополия эта не может доставить им таких выгод, которые получают от монополии крупные предприниматели. Ибо каким образом монопольный трест достигает поднятия цен своих продуктов? Путем сокращения их производства. В Америке при слиянии многих фабрик в трест трест обычно начинает свою деятельность с того, что закрывает некоторые из этих фабрик или даже большинство и сосредоточивает производство в тех, которые представляют некоторые преимущества перед остальными. Точно так же и капиталистические картели достигают повышения цен лишь путем соответствующего сокращения производства.

Мыслима ли подобная политика для союза ремесленников? Могут ли они достигнуть поднятия цен своих продуктов путем сокращения производства? Очевидно, нет. Ни один ремесленник не согласится прекратить или сократить свое производство для того, чтобы таким образом поднять цены ремесленного продукта, ибо его рабочая сила окажется в таком случае неиспользованной или не вполне использованной.

Отсюда следует, что путь соглашения в целях достижения монополии, которым идут в настоящее время крупные капиталисты, закрыт для полукапиталистов-полурабочих ремесленников. И вот почему «дух конкуренции» в ремесле более живуч, чем в крупной промышленности.

К этому присоединяется еще другое обстоятельство, столь же непосредственно вытекающее из существа ремесла и столь же неблагоприятное для кооперации. А именно: ремесленные предприятия по самой своей природе должны быть в современном обществе разбросаны на обширных пространствах. В средние века ремесленники могли жить большими скученными группами, потому что ремесло было господствующей формой промышленности. Теперь не то. Теперь ремесло оттеснено из крупных населенных центров в мелкие, да и там должно быть разбросано на большой площади, чтобы находить клиентов. В каждом отдельном населенном центре (маленьком городке или деревне) ремесленников известного рода немного, ибо большое количество их не нашло бы сбыта продуктов своего труда.

И в этом отношении наблюдается разительный контраст между крестьянами и ремесленниками. Крестьяне живут в большом числе

бок о бок друг с другом, занимаясь одним и тем же родом труда и имея одни общие интересы. Напротив, ремесленники, занимающиеся тем же родом труда, имеются в небольшом количестве в каждом отдельном населенном центре и живут в большом отдалении друг от друга. Это требуется самими условиями их промысла. Несколько рядом живущих ремесленников не нашли бы заказчиков или покупателей своих продуктов. Очевидно, например, что булочные заведения не могут быть скучены в одном пункте города, но должны быть равномерно рассеяны по всей территории города.

Но чем меньше лиц, могущих войти в состав кооператива, тем слабее и этот последний. Из трех, четырех лиц не может составиться кооператив, как бы эти лица ни сочувствовали кооперации. Кооператив может иметь хозяйственное значение лишь в том случае, если он является более или менее крупным предприятием. Даже самые мелкие крестьянские кооперативы — кредитные товарищества райффайзеновского типа — считают своих членов многими десятками. Но легко ли набрать несколько десятков ремесленников того же рода и притом живущих настолько близко друг от друга, чтобы собираться вместе и вести общее хозяйство? И вот мы видим, что ремесленные кооперативы по недостаточной численности ремесленников, живущих в определенном районе, имеют обычно ничтожные размеры. Среди ремесленных кооперативов встречается много таких, число членов которых определяется не сотнями или десятками, а немногими единицами. Но кооператив с 7 или 8 членами уже почти не кооператив.

Итак, существенным препятствием к успеху ремесленной кооперации является и то обстоятельство, что ремесленники живут рассеянно на обширной территории, кооперация же может удаваться только при тесном общении между собой более или менее обширных групп лиц, живущих достаточно близко друг от друга. Разбросанность же ремесла есть непосредственное следствие конкуренции с ним капиталистической промышленности, оттеснившей ремесло в маленькие города и деревни, да и там рассеявшей ремесленников отдельными единицами среди населения, покупающего продукты ремесленного труда.

5. Магазинные и сырьевые товарищества

Среди различных видов ремесленных кооперативов наиболее глубоко захватывают условия ремесла магазинные товарищества. Эти товарищества обещают ремесленнику всего более: ведь современный кризис ремесла коренится именно в изменении условий сбыта. Поскольку ремесленник страдает от недостатка сбыта, постольку и меры помощи ремеслу должны быть направлены на улучшение условий сбыта. Магазинное товарищество обещает ремесленнику поставить сбыт его продуктов в те же условия, в которых сбываются и продукты капиталистической промышленности. Современный потребитель привык покупать все нужное ему в магазине, он не может разыскивать ремесленника и ждать, пока тот исполнит сделанный ему заказ. Кроме того, современный потребитель нуждается в большом подборе разнообразных товаров: он выбирает среди многих товаров те, которые ему более всего по вкусу.

Именно потому, что ремесленник не может удовлетворять этим требованиям, он и оказывается таким слабым в борьбе с капиталистической промышленностью. Магазинные товарищества, объединяя сбыт продуктов многих ремесленников, ставят их, казалось бы, в такое положение, при котором они могут вести эту борьбу с большей надеждой на успех.

Вот почему именно эти товарищества особенно необходимы для ремесла и составляют как бы пробный камень силы всей ремесленной кооперации.

Между тем не подлежит сомнению, что магазинные товарищества ремесленников являются самым неудачным детищем в кооперативной семье. Их совсем мало. Правда, их считается в Германии около сотни, причем в 1908 г. число членов в них достигало 4544. Последняя цифра незначительна, но еще хуже то, что из этих 4 тыс. членов магазинных товариществ свыше 3 тыс. приходится на один род ремесла — товарищества мясников. В этом ремесле товарищества по сбыту получили некоторое распространение в силу особых условий мясного дела. А именно: мясное дело дает, кроме мяса, целый ряд отбросов — шкуры, рога, жир, внутренности и пр. Эти отбросы имеют довольно значительную ценность, но не могут сбываться той публике, которая составляет нормального покупателя мясной лавки.

Товарищество по сбыту среди мясников имеет в виду сбыт отбросов мясного дела, но отнюдь не сбыт самого мяса. Товарищества эти получили за последнее время некоторое распространение, но они совершенно не затрагивают условий сбыта главного продукта мясного дела — мяса. В области сбыта мяса товарищества по сбыту совершенно отсутствуют.

Почему же магазинные товарищества так мало удаются ремесленникам? Помимо общих причин слабости ремесленной кооперации, в данном случае действуют особые причины. А именно: магазинные товарищества противоречат как бы внутренней природе ремесла. Ведь ремесло есть работа непосредственно на потребителя без всякого посредника. Если же между производителем и потребителем становится посредник — магазин, то это уже не ремесло, а кустарная промышленность.

Концентрируя в одном магазине продажу продуктов ремесленников, магазинное товарищество прежде всего требует больших расходов на содержание магазина. Продавая свой продукт у себя дома, ремесленник избегает всех расходов, связанных с ведением сложного торгового предприятия. Продукт переходит к покупателю, неся на себе только расходы производства. Будучи продан в магазине, продукт несет на себе еще очень крупные расходы по продаже. А эти последние расходы могут выразиться цифрой не менее крупной, чем расходы производства. Практика показала, что расходы по содержанию магазина сплошь и рядом превосходят все выгоды, которые ремесленники получают от продажи своих продуктов через посредство магазинов.

Затем магазин собирает к оному пункту ремесленные продажи. Но этим самым ремесленник отделяется от потребителя. Ведь ремесло работает на потребителя, а потребитель рассеян по всей площади известного населенного центра. Стягивая ремесленные продажи в магазин, товарищество разъединяет ремесленника и потребителя и затрудняет сбыт ремесленных изделий.

Правда, зато магазинное товарищество дает ремесленнику такое могущественное средство расширения сбыта, каким является магазин. Но не ясно ли, что магазин ремесленного товарищества стоит гораздо ниже обычного капиталистического магазина. Последний ничем не стеснен в выборе товаров, предлагаемых вниманию публи-

ки. Обычный магазин покупает тот товар, который всего дешевле и всего лучше удовлетворяет требования публики. Он торгует и ремесленными, и кустарными, но главным образом фабричными продуктами. Только таким образом и может быть достигнута полнота ассортимента товаров, составляющая главное условие для успеха магазина.

Напротив, магазинное товарищество ремесленников в своем чистом виде ведет торговлю только теми товарами, которые изготовляют его члены. Поэтому оно должно проигрывать в конкуренции с обычными капиталистическими магазинами.

На Франкфуртском съезде Всеобщего союза в 1908 г. магазинные товарищества были предметом продолжительного обсуждения, выяснившего, что магазинные товарищества могут рассчитывать на успех только при одном условии: если они сбывают не только продукты своих членов, но и продукты, покупаемые со стороны. Все немногие магазинные товарищества, которые удаются, торгуют преимущественно товарами этого последнего рода, так, например, товарищества башмачников и мебельщиков.

Но ведь в этом случае магазинное товарищество превращается в простую капиталистическую лавку, и, конечно, нет никаких оснований, почему бы группа ремесленников не могла устроить успешной капиталистической лавки, в которой продавались бы наряду с товарами, покупаемыми на стороне, также и продукты, производимые хозяевами лавок. Такие лавки вполне возможны, но все же более сильным предприятием является обычная лавка, принадлежащая одному капиталисту; связь лавки с товариществом ремесленников отнюдь не требуется для успеха лавки, а, напротив, мешает этому успеху, ибо крайне усложняет и запутывает все дело и создает огромные трудности для надлежащего руководства им. Не нужно забывать, что хозяевами общего предприятия являются в данном случае люди, видящие друг в друге опасных конкурентов и рассматривающие каждый успех другого, как убыток для себя. Товарищество из таких людей распадается очень легко, и нужны довольно исключительные условия, чтобы оно долго держалось.

При таких трудностях магазинных товариществ неудивительно, что они удаются так редко. На Франкфуртском съезде один из вид-

ных кооперативных деятелей сказал, что, когда к нему обращаются с просьбой помочь устройству магазинного товарищества, у него «пробегают мороз по коже».

Единственным видом ремесленной кооперации, имеющим известное значение на практике, являются сырьевые товарищества. Правда, и эти товарищества большого распространения среди ремесленников не получили. Но все же это — кооперация не только на бумаге, а хозяйственное явление, играющее свою, хотя и скромную, роль в современной жизни. В 1908 г. в 296 сырьевых товариществах Германии насчитывалось 11964 члена. Всего более были развиты сырьевые товарищества среди башмачников (2698 членов), булочников (2007), портных (1336) и парикмахеров (1420 членов). К этим сырьевым товариществам в чистом виде нужно присоединить еще товарищества смешанного рода, по закупке и по сбыту, которых насчитывалось 130 с 4856 членами.

Необходимость этих кооперативов для ремесленников так очевидна, что объяснения требует не наличие их, а их слабое распространение. Действительно, ведь главную затрату для ремесленника составляет обычно приобретение сырого материала для обработки. Для ремесленников закупочные товарищества гораздо необходимее, чем для крестьян, так как в сельском хозяйстве отсутствует затрата на сырье. С другой стороны, закупочные товарищества ремесленников не наталкиваются на те трудности, которые мешают успеху магазинных товариществ: сырьевые товарищества ни малейшим образом не противоречат внутренней природе ремесла, не изменяют условий сбыта ремесленных продуктов и не вызывают крупных добавочных расходов на устройство магазина.

Кроме того, нужно иметь в виду, что вообще в условиях современной хозяйственной системы закупка несравненно легче осуществима, чем сбыт. Поэтому наличие в некоторых отраслях ремесла жизнеспособных сырьевых товариществ не должна нас удивлять. Кооператоры-практики также относятся к сырьевым товариществам совершенно иначе, чем к магазинным. Они не только не говорят, что при просьбе об устройстве такого товарищества у них «пробегают мороз по коже», но, напротив, называют этот вид кооперации «благодетельным для всякого промысла, где появляются сырьевые товарищества».

Однако, как показывают факты, огромное большинство ремесленников обнаруживает полнейшее равнодушие к этому благоденствию, и лишь в очень немногих промыслах сырьевые товарищества получили, хотя и ограниченное, распространение. Поэтому в ничтожном успехе сырьевых товариществ следует видеть наиболее убедительное доказательство неприспособленности ремесленников к кооперативным организациям вообще. В данном случае действуют в чистом виде те общие причины неудачи ремесленной кооперации, о которых сказано выше. Слабость ремесла в современном строе хозяйства, разбросанность ремесленников среди других элементов населения, ожесточенная конкуренция между ними — вот что мешает распространению среди ремесленников даже таких кооперативов, выгоды которых очевидны.

6. Кооперация среди кустарей

Из изложенного видно, что кооперация не имеет никаких шансов получить среди ремесленников значительное распространение. Кооперация не для ремесленников — таков грустный вывод, который вытекает из беспристрастного анализа фактов.

Однако отсюда не следует заключать, что вообще в промышленности нет места для кооперации. В мелком промышленном производстве мы различаем две совершенно различные формы: ремесло и кустарную промышленность. Существенное различие между ними заключается в том, что ремесленник работает на узкий потребительский рынок без всякого посредника; кустарь же работает на широкий рынок через посредника.

По своей экономической форме кустарничество вполне сходно с крестьянским сельским хозяйством: в обоих случаях рынок для изготавливаемого продукта неопределенно широк. Но в противоположность крестьянскому сельскому хозяйству кустарничество является не растущей, а падающей формой хозяйства потому, что мелкое производство в промышленности слабее крупного.

Из трех основных причин неудачи ремесленной кооперации в области кустарничества действует лишь первая — кустарничество не менее ремесла вытесняется крупным производством. Однако по отношению к двум другим причинам слабости кооперации в ремесле кустарничество сближается не с ремеслом, а с крестьянским сель-

ским хозяйством: работая на широкий рынок, кустари живут значительными группами друг подле друга, и они так же мало конкурируют друг с другом, как и крестьяне. Успех одного кустика не причиняет никакого ущерба его товарищу по промыслу. Поэтому кооперативная организация кустиков не наталкивается на такие непреодолимые препятствия, как кооперативная кооперация ремесленников.

Товарищества по сбыту ни малейшим образом не противоречат внутренней природе кустиков. Последнее неизбежно предполагает посредническую организацию сбыта. Таким посредником обычно является скупщик-капиталист. Пользуясь своим выгодным экономическим положением, скупщик стремится свести к минимуму оплату кустикового продукта. Товарищество кустиков по сбыту может оттеснить скупщика и существенно повысить оплату кустикового труда.

Товарищество по закупке столь же необходимо кустикам, как и ремесленникам, но гораздо легче осуществимо, так как кустики живут обширными группами и не имеют основания опасаться успеха друг друга, ибо их экономическое существование не зависит от ограниченного местного рынка.

Таким образом для кустиковой кооперации открывается возможность развития. Затрудняется кустиковая кооперация одним чрезвычайно важным обстоятельством: крайним упадком экономического благосостояния кустиков, представляющих собой по уровню своего существования едва ли не ниже всего стоящую социальную группу в современном обществе. При такой экономической слабости кустики не могут собственными силами, без посторонней поддержки создавать кооперативы.

Но тут могут и должны прийти им на помощь другие общественные организации — как более сильные крестьянские кооперативы, так и земство, равно как и правительственные учреждения, помогающие кустиковой промышленности. В настоящее время среди всех практических деятелей по восполнению кустиковой промышленности является общепризнанным, что кооперация составляет необходимое условие поднятия кустиковых промыслов. Теория вполне подтверждает возможность кустиковой кооперации, имеющей шансы на значительное развитие, в противоположность безнадежности ремесленной кооперации.

Глава IV. Мелкобуржуазная потребительская кооперация

1. Мелкобуржуазные потребительские кооперативы на западе

Наиболее совершенным типом мелкобуржуазной потребительской кооперации могут считаться известные лондонские чиновничьи общества потребителей. В английской кооперативной литературе общества эти не признаются кооперацией, хотя сами эти общества именуют себя кооперативами. Дело тут, разумеется, не в словах. Но крайне характерно, что различие во внутренней структуре оказывается в данном случае так велико, что представители пролетарской кооперации отказывают лондонским обществам даже в названии кооперативов.

Сравнение организаций чиновничьих и пролетарских потребительских обществ лучше всего выясняет классовую природу кооперации. Действительно, откуда все различие тех и других обществ, как не из различия классового состава членов этих организаций?

Благодаря тому, что лондонские чиновничьи общества не признаются английскими кооператорами кооперативами, литература о них очень невелика. Наиболее обстоятельное и детальное описание этих обществ содержится, по-видимому, в книге Сернссона «*Les societies cooperatives anglaises*»⁹⁶ (1905 г.).

Прежде всего нужно констатировать, что общества эти отнюдь не являются малозначительными или плохо устроенными организациями. Самое крупное из этих обществ — Civil Service Supply Association — имело в 1903 г. свыше 62 тыс. участников. Другое лондонское общество сходного типа — Civil Service Cooperative Association — насчитывало в том же году свыше 10 тыс. участников.

Лондон называют «кооперативной пустыней», однако Лондон обладает огромным потребительским обществом — указанным обществом чиновников гражданской службы, которое по числу своих участников оставляет позади себя самые крупные рочдельские кооперативы Англии. И если Лондон действительно является «кооперативной пустыней», то это потому, что названные чиновничьи общества не признаются английскими кооператорами кооперативами.

Чиновничьи потребительские общества Лондона возникли уже довольно давно, в половине шестидесятых годов прошлого века, под непосредственным влиянием успехов рочдельской кооперации. История их возникновения такова.

В 1866 г. несколько мелких чиновников почтового ведомства стали производить совместные закупки предметов потребления. Побудительным толчком к этому явились сведения об успехах рочдельских обществ. Движение скоро охватило и высших служащих, возникло два особых потребительских общества: одно — мелких чиновников, другое — высших. Общество с большим числом членов Civil Service Supply объединяет мелких, а Civil Service Cooperative — высших служащих в различных учреждениях гражданского ведомства, офицеров армии и флота, врачей и вообще лиц либеральных профессий.

Различие того и другого общества видно уже по размеру пая: в первом обществе каждый член должен иметь одну акцию ценой в 1 ф. ст., во втором каждый должен иметь акций не менее чем на 5 ф. ст.

Припомним, что рочдельские общества требуют самых ничтожных единовременных взносов: для того чтобы стать членом, обычно первоначальный взнос должен быть не менее 1 шилл., остальная сумма до полного пая пополняется отчислениями из остатков, следуемых члену.

Рочдельское общество ставило своей целью преобразование всего существующего общественного строя. Лондонские общества чиновников более скромны в своих стремлениях; их цели сформулированы в уставе как «покупка по оптовым ценам предметов потребления с перепродажей их по возможно более низким ценам».

Уже в этой формулировке бросается в глаза отрицание основного рочдельского принципа продажи товаров по рыночным ценам. Чиновничьи общества стремятся продавать свой товар по возможно более низким ценам и, понятно, не задаются никакими отдаленными утопическими целями.

Полученные сбережения рочдельские общества распределяют между своими членами пропорционально забору каждого. Напротив, общества чиновников распределяют свои прибыли пропорционально числу акций в распоряжении каждого.

В общих собраниях рочдельских обществ каждый имеет один голос независимо от числа паев, которыми он владеет. Напротив,

в Supply Association число голосов каждого определяется числом акций в его распоряжении (с максимумом в 10 голосов). И то, и другое чиновничье общество знает две категории своих участников: членов и только покупателей. Первые должны обладать акциями, вторые обязаны делать лишь небольшой ежегодный взнос. Первые являются полноправными хозяевами всего дела, вторые же не имеют права голоса и не пользуются никакой долей прибылей общества. Первые составляют около одной десятой всего числа участников, в то время как вторые — несравненно более многочисленные — увеличивают своими покупками дивиденды первых.

Число акций в каждом из этих обществ представляет заранее определенную величину. Капитал общества низших чиновников равняется 300 тыс. ф. ст., капитал второго общества — 100 тыс. ф. ст. Чтобы стать акционером и, следовательно, полноправным членом, нужно приобрести акцию у кого-либо другого.

Процент прибыли, выражаемый этими обществами, очень невелик, если его распределить на общую сумму продаж общества. И это неудивительно, так как общества стремятся продавать свои товары по возможно более низким ценам. Но эта небольшая прибыль, распределенная на акции, дает огромные дивиденды. Первое общество в 1903 г. имело на акции всей прибыли 13 %, а второе, более аристократическое, — даже 16,5 %.

Эта огромная прибыль получается потому, что в пользу акционеров идут все выгоды от продажи товаров неакционерам.

Вся организация чиновничьих обществ построена иначе, чем пролетарских. Пролетарские потребительские общества дают самое ничтожное вознаграждение лицам, образующим правление общества, — обычно не более 10 ф. ст. в год. И это неудивительно, ибо пролетарские общества рассчитывают на преданность кооперативному делу со стороны его руководителей. Напротив, вознаграждение членов правления чиновничьих обществ выражается сотнями фунтов стерлингов.

Обладая значительными капиталами и превосходным управляющим персоналом, чиновничьи общества в смысле техники своего устройства не оставляют желать лучшего. Их магазины принадлежат к наиболее благоустроенным и элегантным в Лондоне. И в то же

время общества эти признают себя несколько не менее кооперативами, чем рочдельские общества.

Однако, если под кооперацией понимать организации, существенно отличные от капиталистических товариществ, то придется согласиться с английскими кооператорами, что потребительские общества чиновников не могут считаться кооперацией чистого типа. Они служат не интересам массы потребителей, а прежде всего капитала. Хозяевами их являются лишь акционеры, составляющие небольшую долю участников этих обществ. Организации эти очень близки к капиталистическим акционерным компаниям.

Крайне характерно, что эти общества, располагая довольно крупными капиталами, отнюдь не обнаруживают той тенденции к неограниченному расширению и захвату в свои руки за розничной торговлей оптовой, а затем и производства, которая составляет такую важную особенность рочдельских обществ. Ни одно из чиновничьих обществ не занимается производством чего бы то ни было. «Коротко говоря, эти общества, — замечает Сернссон, — после тридцатисемилетнего существования ограничивают свою деятельность теперь, как и в 1867 г., продажей в розницу товаров, покупаемых оптом. Они как бы застыли в своем первоначальном виде; но зато — и это стоит отметить — они все продают спиртные напитки, чего никогда не делают рабочие потребительские общества».

В то же время расходы по содержанию этих обществ очень велики сравнительно с рабочими обществами: во-первых, расходы названного рода не превышают в среднем 7 % общей суммы продаж, а в чиновничьих обществах те же расходы выражаются вдвое большими цифрами и доходят даже до 20 %. Может показаться непонятным, почему же чиновничьи общества не переходят к собственному производству, если это производство оказывается выгодным для рочдельских обществ.

Это зависит от следующего. Прежде всего, как ни странно это может показаться, чиновничьи общества обладают сравнительно с пролетарскими небольшими капиталами. Дело в том, что пролетарская кооперация в Англии, начав без всяких капиталов, накопила за долгие годы благодаря следованию рочдельским принципам капиталы, значительно превосходящие ныне капиталы чиновничьих обществ. Так, общество Civil Cooperative при 10 тыс. участников имеет

капитал в 100 тыс. ф. ст. Целый ряд пролетарских обществ с таким же числом членов имеет капиталы от 200 до 300 тыс. ф. ст. Капитал Civil Cooperative при 60 тыс. участников достигает 320 тыс. ф. ст., между тем как пролетарское Лидское потребительское общество при 50 тыс. членов имело капитал в 700 тыс. ф. ст.

Итак, пролетарские общества прежде всего богаты, в то время как общества людей высших классов бедны. Главное же дело в том, что пролетарским обществам присущ дух дерзания, стремления к новым путям, чего совершенно лишены чиновничьи общества.

Члены пролетарских обществ не имеют собственных капиталов, а их пай, вложенные в общество, представляют собой очень небольшие суммы. Богатству этих обществ противостоит бедность их членов. А так как общество управляется членами, то последние легко соглашаются на риск, последствий которого им особенно опасаться не приходится.

Совсем в ином положении находятся чиновничьи общества. Сами эти общества сравнительно бедны; но каждый из их акционеров владеет довольно крупными суммами в виде акций. Утрата этих сумм является существенным ущербом для их владельцев, и поэтому члены чиновничьих обществ в страхе отступают перед всяким новым предприятием, сопряженным с опасностью потери капитала. Да и для чего им рисковать, когда капитал, помещенный в акциях этих обществ, и теперь им дает очень крупный дивиденд.

Кроме того, весь внутренний дух пролетарских и чиновничьих обществ различен глубочайшим образом. Во главе пролетарских обществ стоят идейные люди, сознающие себя участниками великого общественного движения, имеющего еще более великое будущее. Они принимают участие в кооперативных конгрессах, читают кооперативную прессу, сами принимают участие в ней. Вознаграждение их в общем так невелико, что только интерес к самому делу может привлекать их к нему. Напротив, директора и администраторы чиновничьих обществ видят в своей деятельности только более или менее хорошо оплачиваемую службу, подобно всякой другой.

Столь же различна психология пролетария, рядового члена рабочего общества, и чиновника, рядового члена чиновничьего общества. В результате столь различной психологии и руководителей, и рядовых членов должен получиться и совершенно раз-

личный ход развития обществ того и другого рода, что мы и наблюдаем в действительности.

Общество, охватывающее имущие классы, неизбежно должно принять совершенно иной вид, сложиться в совершенно иную форму, чем потребительские общества фабричных рабочих.

2. Мелкобуржуазные потребительские кооперативы в России

В России потребительская кооперация возникает среди имущих классов в шестидесятых годах прошлого века. Вот как характеризуются наши первые потребительские общества в литературе того времени.

«Учредителями и членами в этих обществах являлись или богатые помещики и купцы, не испытывавшие никаких серьезных нужд и никогда не думавшие делать какие-либо сбережения, или чиновники, лишенные всякой способности к самостоятельности и привыкшие что-либо делать только по приказу или из-за наград». Именно этим составом первых потребительских обществ и объяснялась, по правильному мнению современной литературы, их полная неудача. «Люди, состоятельные настолько, чтобы лакомиться конфетками и бордоскими винами, не могут думать о копеечных сбережениях на какой-либо крупе или ржаном хлебе и не станут из-за гривенника ходить в общественную лавку, когда под боком у них есть частные гастрономические и колониальные магазины, которые удовлетворяют их вкусам, если и не лучше, то, во всяком случае, так же, как и общественная лавка. В большинстве случаев у нас общества устраивались вполне искусственным образом или с целью поддержать модную идею, или с целью поиграть в общественные деятели и поупражняться, причем крупные вкладчики были уверены, что они приносят громадную пользу и глубоко благодетельствуют человеческому роду.

При таком положении дела общества не могли рассчитывать на сколько-нибудь продолжительное существование, так как они имели характер скорее забавы богатых людей, чем серьезных хозяйственных предприятий. И действительно, эти общества быстро ликвидировали свои дела, поглощая в несколько лет или даже месяцев вложенные в них сравнительно крупные капиталы.

Неудачи эти вызвали в русском обществе разочарование в потребительской кооперации, и число вновь открываемых обществ в семидесятых годах прошлого века значительно падает. Затем следует новый подъем, идущий нарастающим темпом вплоть до нашего времени. В этом подъеме принимают видное участие и потребительские общества среди имущих классов. Чиновничьи и офицерские общества нередко являются у нас наиболее благоустроенными обществами.

Некоторые из этих потребительских обществ имущих классов по своей образцовой технической постановке напоминают лондонские чиновничьи общества, как, например, гигантское петроградское Экономическое общество офицеров гвардейского корпуса. Но кооперации в подобных организациях нет почти и следа.

Отдел 5. КООПЕРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глава I. Классовая природа и политическая позиция кооперации

1. Аргументация в пользу внеклассового характера кооперации

В кооперативной литературе обычно утверждается, что кооперативы являются внеклассовыми организациями. Кооператив согласно этому взгляду есть такая хозяйственная организация, которая по самому своему существу не связана ни с каким определенным общественным классом и открыта для всех сочувствующих ей. В особенности это кажется бесспорным относительно потребительской кооперации. Ведь всякий человек, какому бы классу он ни принадлежал, всегда вместе с тем и потребитель. Не существует особого класса «потребителей», значит, потребительское общество, если только оно построено правильно, должно быть открыто для всех потребителей, совершенно независимо от того, к каким классам принадлежат последние. Поэтому кооператив, а в особенности потребительский кооператив, не должен иметь классового характера, и всякая попытка приурочить кооперацию к определенным классам должна быть отвергнута как основанная на недостаточном понимании природы кооперации.

И действительно, нельзя спорить, что кооператив является организацией, открывающей свои двери для всех желающих. Если миллионер пожелает стать членом потребительского общества, то общество, конечно, так же охотно примет его в свой состав, как всякого другого. Поэтому, с точки зрения своей внешней формы, кооперативы, естественно, противопоставляются таким организациям, которые охватывают только лиц определенных профессий и которые закрыты для лиц иной профессии или иного общественного класса. Возьмем, например, какой-нибудь рабочий союз, хотя бы рабочий союз углекопов. В эту организацию никоим образом не могут войти, с одной стороны, рабочие других отраслей труда, кроме добычи угля; с другой же стороны, в союзе по самому существу дела не могут принимать участие и владельцы угольных копей, ибо союз для того и существует, чтобы защищать интересы рабочих в борьбе с работодателями.

Напротив, потребительское общество, устроенное теми же углекопами, имеет иной характер. Оно должно быть открыто как для рабочих, которые ничего общего с добычей угля не имеют, так и для капиталистов, владельцев копей. Действительно, для чего обществу закрывать свои двери перед капиталистами? Ведь рабочие, состоящие членами общества, только выигрывают от участия в обществе богатых людей, приносящих с собой не только паевой капитал, но и значительную покупательную силу.

Поэтому рационально организованное потребительское общество должно быть построено совершенно иначе, чем рабочий союз: оно должно быть открыто для всех желающих и никого не должно отвергать, если только данное лицо удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются ко всем, принимающим участие в общественном деле.

Все это совершенно бесспорно, и вот на основании этих-то соображений и говорят, что кооперация стоит вне классов, которые за пределами кооперации ведут между собой ожесточенную борьбу. Кооперация согласно этому представлению есть как бы некоторый оазис в современном капиталистическом обществе, раздираемом классовой борьбой; в этом оазисе царит социальный мир и исчезает антагонизм интересов, место которого заступает общая гармония.

Так смотрит, например, на кооперацию выдающийся деятель современного международного кооперативного движения, бывший се-

кретарь Международного кооперативного союза Ганс Мюллер. Для него потребительское общество и капиталистическая система современности — это два разных мира. «Потребительское общество, — говорит он, — в целом является полной противоположностью капиталистическому предприятию, и не только со стороны своих хозяйственных принципов, но и со стороны социальных и нравственных тенденций. В капиталистических предприятиях мы — в царстве противоречий классовых интересов погони за богатством и наслаждением, короче — в царстве мамоны; в потребительском обществе, напротив, мы — в царстве экономической и социальной солидарности, в царстве высших культурных интересов, в царстве социализма. Все живые силы его мы находим в потребительском обществе... Потребительское общество — не привилегия одного какого-нибудь класса. При приеме в члены оно не спрашивает ни о занятиях, ни о поле, ни о положении, ни о расе; оно не требует ни аттестаций, ни рекомендаций. Каждого охотно принимает общество. Все то, что носит образ человека, может войти в потребительское общество и имеет равные права с другими членами».

Сходным образом смотрит на этот вопрос и другой выдающийся деятель современного кооперативного движения Георг Кауфман, создатель и генеральный секретарь Центрального союза германских потребительских обществ, являющийся вместе с тем одним из наиболее выдающихся теоретиков кооперации. «Потребительская кооперация, — говорит Кауфман, — служит членам всех классов, которые обращаются к ней, и как раз в той мере, в какой они обращаются к ней. Здесь нет преимущества одного класса перед другим; никто не в состоянии употребить помощь кооператива только для себя как привилегию. Кооператив постоянно служит членам всех классов, насколько они являются в качестве организованных потребителей и насколько они как таковые, невзирая на классовые перегородки, соединены в один большой, однородный, всеобщий потребительский кооператив. Вне этого кооператива они могут оставаться ярыми классовыми борцами.

Эти взгляды могут считаться типичными для большинства кооперативных деятелей как на Западе, так и в России. Нетрудно понять, в чем заключается ошибочность всей приведенной аргументации. Аргументация эта основывается на чисто формальном толковании

внешних признаков кооператива. Действительно, потребительский кооператив является организацией, открытой для всех потребителей, без различия сословий, классов и профессий. Но ведь отсюда не следует, что все классы общества в равной мере обнаруживают готовность входить в состав этих открытых организаций. Чтобы примкнуть к кооперативной организации, нужно иметь для этого достаточные побудительные мотивы. Одинаково ли сильны эти мотивы для лиц всех классов общества? Вот в чем заключается вопрос, ответ на который может быть только отрицательный.

Тот же Георг Кауфман, настаивающий в теории на внеклассовом характере потребительских обществ, совершенно отказывается от своего тезиса, переходя на конкретную почву фактов. «Потребительские кооперативы, — заявляет он, — служат для защиты интересов потребителей. Потребительский интерес существует не только в рабочем классе. Таким же интересом обладают и служащие. Потребительский интерес сильно выражен и в крестьянстве, как это показывают примеры Дании, Венгрии, Финляндии и России. И у мелкой буржуазии потребительский интерес не противоречит их производительному интересу. Таким образом, не один класс, а четыре из шести социальных классов заинтересованы в развитии потребительских кооперативов».

Итак, что же утверждает Кауфман? То, что потребительские общества суть внеклассовые организации? Отнюдь нет, по его собственным словам, в потребительских обществах заинтересованы не все общественные классы, а только некоторые, именно четыре класса из шести. Какие же общественные классы, по мнению Кауфмана, не заинтересованы в потребительской кооперации? Очевидно, что два имущественных класса — крупные землевладельцы и крупная буржуазия.

Все это сознается Кауфманом, как и всяким, сколько-нибудь знакомым с кооперативным движением. «Само собою разумеется, — говорит он, — и нет надобности это подчеркивать, что некоторые потребители никогда не помышляют сделаться членами потребительских кооперативов. У некоторых лиц производительные интересы настолько превышают потребительские, что они становятся во враждебное отношение к потребительской кооперации. Другие же живут в таких хороших условиях, что мелкая хозяйственная

выгода, которая предлагается им потребительской организацией, не играет для них никакой роли. Ни один потребительский кооператив и не думает о том, чтобы приспособливать свое хозяйство к потребностям миллионеров, которые принципиально могли бы быть его членами. Кооперативная организация хорошо знает, что эти миллионеры едва ли станут членами ее, хотя бы двери кооперативов и были открыты для всего народа. Вход открыт, но не каждый заходит в него, а потому каждая кооперативная организация соотносит свою практическую деятельность с потребностями того слоя населения, который не остается вне кооперации, но фактически участвует в ней».

Что же выходит? То, что потребительская кооперация является, по мнению Кауфмана, организацией не внеклассовой, а объединяющей лишь некоторые классы современного общества, именно трудящиеся классы. Ведь все четыре класса, перечисленные Кауфманом в качестве единственных, для которых существует потребительская кооперация, суть трудящиеся классы в противоположность двум нетрудящимся классам — крупным землевладельцам и крупной буржуазии. Напрасно только Кауфман говорит о четырех трудящихся классах современного общества, между тем как нужно говорить о трех таких классах — рабочем классе, крестьянстве и мелкой буржуазии (промежуточном классе между трудящимися классами и буржуазией). Служащие, рассматриваемые Кауфманом как особый класс, входят в состав более широкого рабочего класса, а отчасти мелкой буржуазии. Но если даже вместе с Кауфманом и признавать наемных служащих особым классом, все же ясно, что Кауфман, вопреки своему собственному заявлению о внеклассовом характере потребительского общества, признал потребительскую кооперацию хозяйственной организацией только некоторых классов современного общества, иначе говоря — организацией классово́й.

Впрочем, с этим в сущности все согласны. Кто же отрицает, что кооперация есть организация нетрудящихся, капиталистических классов, как, например, картели, тресты и т. п. С этим никто не спорит. Но ведь если так, то как же отказать кооперации в классовом характере? Ведь, чтобы быть действительно внеклассовой организацией, кооперация должна была бы охватывать не только трудящиеся классы, но также и классы капиталистические. Если же этого

нет, то совершенно ясно, что кооперацию следует признать организацией с определенными классовыми чертами.

2. Классовые и внеклассовые организации в современном обществе

Нужно, однако, заметить, что фактически в кооперативах действительно участвуют все классы общества, участвуют не только рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия, но и крупные капиталисты и крупные землевладельцы. Возьмем, например, сельскохозяйственную кооперацию. Участие в ней помещиков, даже самых крупных, даже владельцев латифундий, чрезвычайно характерно для многих стран. В Германии, например, политическая позиция сельскохозяйственных кооперативов определяется политическими интересами крупных помещиков. То же наблюдается в Бельгии, Франции и других странах.

Нисколько не отрицая этого, мы все же должны признать сельскохозяйственную кооперацию хозяйственной организацией в интересах отнюдь не помещиков, а крестьянства. Классовые интересы крестьянства, а отнюдь не помещиков определяют собой всю структуру этих хозяйственных организаций.

Действительно, какой смысл имеет демократическая организация кооперативов, как не защиту интересов именно трудящегося люда? Откуда, например, правило, что каждый имеет в общем собрании только один голос независимо от числа паев в своих руках, какой смысл имеет запрещение скопления в одних руках более определенного числа паев, откуда требование, чтобы доход распределялся между членами не по паям, а по участию данного лица в оборотах предприятия и т.д., и т.д.? Какой смысл имеют все так называемые райффайзеновские принципы, как не защиту интересов крестьянства? Фактически в райффайзеновских кооперативах Германии огромную роль играют помещики. Но кооперативы эти в хозяйственной области служат интересам не помещиков, а крестьян, ибо не помещики, а крестьяне нуждаются в мелком кредите. Правда, участие помещиков в кооперации не проходит бесследно и является для них средством укрепить свое политическое влияние среди крестьянства. В политической жизни Германии сельские кооперативы служат интересам отнюдь не крестьян, а именно помещиков, так как в области

политики не помещики идут за крестьянами, а крестьяне за помещиками. Но в пределах чисто хозяйственных функций кооператива участие помещиков ни малейшим образом не мешает тому, что кооператив обслуживает интересы именно крестьянства, как участие богатых лиц во главе благотворительных организаций не мешает тому, что эти организации непосредственно служат интересам бедных, а не богатых.

Чтобы дать вполне точный ответ на вопрос, есть ли кооперация классовое или внеклассовое движение, мы должны прежде всего констатировать, что кооперативы, конечно, не являются такими организациями, в которых участвуют представители только одного какого-нибудь общественного класса. Общественных организаций, приуроченных только к определенному общественному классу, вообще существует в современном обществе очень немного. Так, общественной организацией с совершенно чистым классовым составом являются союзы рабочих как продавцов рабочей силы и союзы работодателей как покупателей рабочей силы. Вполне ясно, что капиталисты никоим образом не могут быть членами рабочего союза, который именно для того и возникает, чтобы вести борьбу с капиталистом; точно так же в союзе работодателей рабочие по самому существу дела не могут принимать участия.

Кроме союзов рабочих и работодателей в области их профессиональных интересов, в современном обществе почти не существует широких организаций всецело классового характера; в остальных организациях, поскольку они возникают свободно и без участия государства, обычно участвуют представители различных классов. Тем не менее мы имеем полное основание говорить о классовом характере многих из современных общественных организаций — не в том смысле, чтобы в состав этих организаций входили представители только одного какого-либо класса, а в таком смысле, что организации эти, будучи смешанного классового состава, служат интересам преимущественно того или иного общественного класса.

В этом смысле мы говорим, например, о классовом характере современных политических партий. Конечно, таких партий, которые целиком состояли бы из одного общественного класса, не существует. Из всех германских политических партий (а именно в Германии политическая жизнь наиболее ярко отражает борьбу классовых ин-

тересов) наиболее чистый классовый состав имеет партия социал-демократов. Однако и в состав этой партии входят далеко не одни промышленные рабочие. Как показала известная работа Бланка относительно классового состава тех нескольких миллионов лиц, которые голосуют в Германии за социал-демократических депутатов, в числе этих голосующих имеется очень значительное число лиц, не принадлежащих к рабочему классу, сколько именно определить невозможно, но, во всяком случае, не менее полумиллиона. Если же мы возьмем другие германские политические партии, то об однородности классового состава каждой из них и говорить нельзя.

В особенности это ясно относительно политических партий, представляющих собой интересы имущих классов. Так, никем не оспаривается, что консервативная партия в Германии является партией крупных землевладельцев, а партия национал-либеральная — партией крупной буржуазии. Но ведь очевидно, что крупные землевладельцы, равно как и крупные капиталисты, составляют только ничтожное меньшинство среди миллионов лиц, голосующих на выборах в рейхстаг за консерваторов и национал-либералов, ибо численность крупных землевладельцев и крупных капиталистов в стране весьма ограничена, и партии, состоящие только из представителей двух названных классов, никогда не могли бы провести в рейхстаг и одного депутата.

Итак, ясно, что в состав консервативной и национал-либеральной партий должны входить в значительно преобладающем числе лица, принадлежащие к иным общественным классам: крестьяне, сельские рабочие, мелкая буржуазия и пр. И если мы говорим, что консервативная партия в Германии есть классовая партия прусских юнкеров, то не в том смысле, чтобы эта партия состояла только из прусских юнкеров (их так мало, что сами по себе они никакой политической партии образовать были бы не в состоянии), а в том смысле, что прусские юнкера играют руководящую роль в консервативной партии, их интересам служит эта партия, и их классовые интересы она представляет в политической жизни страны.

Конечно, было бы неправильно на основании сложности классового состава любой политической партии говорить о политической партии как о некотором оазисе классового мира в раздираемом классовой борьбой современном обществе. Именно в по-

литических партиях и наблюдается особая обостренность классовых интересов: партия защищает с чрезвычайной энергией интересы того общественного класса, который играет в ней руководящую роль, хотя бы представители этого класса в партии численно далеко уступали членам ее из других классов.

Вполне внеклассовых общественных организаций в современном обществе так же мало, как и организаций, построенных только на классовом начале. Внеклассовой организацией являются, например, разного рода религиозные объединения, да и то далеко не всегда. Обычно же разнообразные организации современного общества имеют более или менее классовый характер; хотя они отнюдь не слагаются из представителей только одного какого-нибудь общественного класса и в состав их входят, как общее правило, лица различных общественных классов, все же интересы тех или других общественных классов получают в них преобладание, и данная организация в своей практической деятельности служит вполне определенно тем или другим классовым интересам.

Имея все это в виду, можно дать вполне определенный ответ на вопрос о классовой природе кооперации. Преобладающий тип кооператива — организация сложного классового состава. В нее обычно входят лица нескольких классов. Кооперативы чистого классового состава являются исключением. Такими чисто классовыми кооперативами являются по самой своей природе трудовые артели разных видов (производительно-подсобные артели, трудовые и производительные). Это — кооперативы столь же определенного классового состава, как и рабочие союзы, в них могут принимать участие только трудящиеся производители. Однако трудовые артели являются, как известно, тем видом кооперации, который играет наименьшую роль в кооперативном движении современности.

Все же другие кооперативы, кроме трудовых артелей, — смешанного классового состава. В этом отношении они походят на политические партии, отличаясь, однако, от последних в сторону большей определенности своего классового строения. А именно, в состав политических партий входят лица всех общественных классов, причем в партии, защищающие интересы господствующих классов, по самому существу дела входят как представители господствующих классов, так и народных масс, ибо без участия последних партия не

могла бы собрать достаточное число голосов для проведения своих представителей в парламент. Поэтому консервативные и умеренные партии обнаруживают чрезвычайно пестрый классовый состав.

Напротив, кооперативы обслуживают хозяйственные интересы лишь некоторых общественных классов, именно: трудящихся классов, пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Хозяйственным интересам крупной буржуазии и крупных землевладельцев служат другие формы хозяйственных предприятий, а отнюдь не кооперативы, которые построены так, чтобы защищать интересы труда в противность капиталу. Поэтому, казалось бы, крупные землевладельцы и крупные капиталисты не должны бы принимать в кооперации какое бы то ни было участие.

На самом деле, как указано выше, это не так. Правда, крупные капиталисты участия в кооперации почти не принимают. Но крупные землевладельцы в некоторых странах очень деятельно участвуют в сельскохозяйственной кооперации и даже играют в ней руководящую роль.

Эта деятельная роль крупного землевладения в сельскохозяйственной кооперации некоторых государств объясняется историческими и политическими условиями развития кооперации в этих государствах. В таких странах, как Германия, Бельгия, отчасти Франция, крестьянство находится в политическом союзе с крупными землевладельцами, причем этот союз основывается на взаимности услуг: в политической жизни крестьянство идет за крупными землевладельцами и оказывает им деятельную поддержку, а в хозяйственной жизни в кооперативах крупные землевладельцы сотрудничают с крестьянами и оказывают поддержку их организациям.

Поэтому сложность классового состава многих сельских кооперативов нисколько не мешает этим кооперативам служить вполне определенным хозяйственным интересам крестьянства, совершенно так же как еще большая сложность классового состава германской консервативной партии нисколько не мешает ей служить вполне определенным классовым интересам германских аграриев.

Итак, кооперация не может считаться чисто классовой организацией, подобно рабочему союзу или союзу работодателей, ибо только немногие кооперативы имеют столь же чистый классовый состав. Но классовый состав кооперативов, в общем, более определен, чем

классовый состав политических партий, и кооперация преследует в более чистом виде определенные классовые интересы, чем политические партии.

3. Тенденции развития кооперации различного классового состава

Каждый общественный класс находит выражение своих интересов в той или иной политической партии. Но кооперация служит в хозяйственной области интересам не всех общественных классов, а только некоторых из них — именно интересам трудящихся классов. Соответственно трем основным классам, интересам которых служит кооперация, кооперативное движение совершенно естественно и без малейшей натяжки распадается на пролетарское, крестьянское и мелкобуржуазное кооперативное движение.

Каждая из трех основных ветвей кооперативного движения имеет свой особый характер и свои специфические черты. Соответственно этому различно и то общее направление, в котором движется кооперация в каждой из этих трех различных областей.

Пролетарская кооперация тяготеет к полному преобразованию современной хозяйственной системы, к созданию нового хозяйственного строя на основе подчинения всей хозяйственной системы интересам общественного потребления. Иначе говоря, потребительская кооперация тяготеет к коллективизму.

Отсюда, однако, не следует, что такой строй может быть достигнут собственными силами пролетарской кооперации. Известные слова бельгийского кооператора и одного из вождей бельгийской социалистической партии Анзееле⁹⁷ о сокрушении твердыни капитализма бомбами из ковриг хлеба и картошек в складах потребительских обществ свидетельствуют о крайнем преувеличении Анзееле общественных сил потребительской кооперации. На самом деле пролетарская кооперация наталкивается в своем развитии на известные пределы, которых она своими силами преодолеть не может.

Поэтому не следует думать, будто потребительская кооперация сама по себе может привести к крушению капиталистической системы хозяйства и замене капитализма коллективизмом. Но не подлежит сомнению, что потребительская кооперация в своем собственном развитии тяготеет именно к этой последней системе хозяйства.

Пролетарская кооперация далеко не исчерпывает собой всего пролетарского движения нашего времени, которое, кроме кооперации, находит себе выражение также в политической партии рабочего класса и в рабочих союзах. Таким образом, пролетарская кооперация согласно классической форме, данной Давидом на Ганноверском съезде, является одной из трех ветвей освободительного движения рабочего класса.

Совсем иное следует сказать о крестьянской кооперации. Крестьянская кооперация тяготеет не к коллективизму в какой бы то ни была форме, а к совершенно иной системе общественного хозяйства. Действительно, ведь сама сущность типичного пролетарского кооператива — потребительного общества — характеризуется тем, что это — организация в интересах потребителей, а не производителей. Производители в потребительском кооперативе являются наемными рабочими потребителей. Именно поэтому потребительское общество и является прообразом коллективистической системы хозяйства, ибо эта последняя система мыслится как крупная хозяйственная организация, в которой общественный труд управляется из единого центра, выражающего собой интересы всего общества, совпадающего с совокупностью потребителей. Напротив, крестьянский кооператив есть организация в интересах не потребителей, а производителей. Это полагает принципиальное различие между пролетарской и крестьянской кооперацией.

Если бы мы предположили, что крестьянская кооперация дошла до своего логического предела, т. е. охватила со всех сторон крестьянское хозяйство не только в области обмена, но и в области производительного труда, то мы получили бы крестьянскую производительную артель. Мы можем предположить, что такие крестьянские артели сливаются одни с другими и таким образом возникает одна огромная крестьянская производительная ассоциация. Но все это отнюдь не было бы коллективизмом, а представляло собой хозяйственную систему существенно иного типа — синдикальный социализм, при котором средства производства находятся во владении ассоциаций производителей, самостоятельно руководящих процессом общественного производства, а отнюдь не управляемых потребителями как при системе коллективизма. Таким образом, крестьянская коопе-

рация ни в каком случае к коллективизму вести не может, какого бы развития она ни достигала.

Но нужно иметь в виду, что крестьянская кооперация отнюдь не обнаруживает тенденции охватывать со всех сторон крестьянское хозяйство. На самом деле, как показывают факты, крестьянская кооперация захватывает только одну область крестьянского хозяйства, именно область обмена, а не крестьянского производительного труда. Мы почти не знаем успевающих крестьянских производительных артелей (итальянские производительные земледельческие артели не могут быть примером противного, ибо они не являются самостоятельными производительными предприятиями, будучи лишь своеобразной формой помощи безработным, вспомогательной организацией при рабочих союзах). И потому мы не имеем никакого основания предполагать, что крестьянская кооперация мало-помалу захватит и область крестьянского производительного труда, не можем думать, что в дальнейшем своем развитии крестьянские кооперативы возьмут на себя и производство земледельческих продуктов, причем крестьянин лишился бы самостоятельного хозяйственного предприятия, перестал бы самостоятельно обрабатывать свое поле, которое вместе со всем инвентарем перешло бы крестьянскому кооперативу. Жизнь не показывает таких примеров, и ни малейших тенденций к такому процессу развития мы пока не наблюдаем.

Наоборот, факты показывают, что по мере развития кооперации крестьянин все крепче сидит на своем поле и не обнаруживает ни малейшей охоты отказаться от своего хозяйственного предприятия и передать его какому-либо кооперативу.

Поэтому, считаясь с реальными фактами, мы должны прийти к заключению, что крестьянская кооперация отнюдь не имеет тенденции упразднять собственное хозяйство крестьянина; а, наоборот, укрепляет последнее и только преобразовывает его в том отношении, что отношения крестьянина с рынком утрачивают свой прежний индивидуалистический характер и заменяются кооперативной организацией. В сфере обмена, а также в сфере переработки крестьянских продуктов кооперация действительно упраздняет частное хозяйство крестьянина; но в сфере производства этих продуктов крестьянское хозяйство не только не терпит умаления, а, наоборот,

только укрепляется благодаря тому подъему благосостояния, которое создается кооперацией.

Итак, стоя на почве фактов, мы должны прийти к выводу, что крестьянская кооперация вовсе не заключает в себе тенденции к замене крестьянского хозяйства синдикальным социализмом. Благодаря кооперации создается новый тип крестьянского хозяйства, в котором для индивидуального хозяйства остается только одна область — сельскохозяйственного труда, все же остальные хозяйственные операции — купли-продажи, получения кредита и переработки сельскохозяйственных продуктов — исполняются не единоличными силами сельскохозяйственного производителя, а коллективной силой организованных в кооперативы производителей. В результате получается некоторая новая система крестьянского хозяйства, но система совершенно иная, чем та, к которой приводит естественный ход развития пролетарской кооперации.

Наконец, что касается мелкобуржуазной кооперации, то тенденции развития этой ветви кооперативного движения опять-таки совершенно иные. Мелкобуржуазная кооперация не тяготеет ни к коллективизму, ни к какой-либо иной новой хозяйственной системе. Более всего она тяготеет к чисто капиталистическим организациям и нередко при благоприятных условиях испытывает капиталистический метаморфоз — превращается в капиталистические предприятия. Таков, например, ход развития одной из самых характерных форм мелкобуржуазных кооперативов на Западе — народных банков Шульце в Германии, которые, как это было выяснено выше, путем естественного развития превращаются в обычные капиталистические банки. Точно так же и потребительские общества мелкобуржуазного состава легко принимают формы, мало уклоняющиеся от обычных акционерных компаний. Примером таких потребительских обществ являются знаменитые лондонские общества чинов гражданского ведомства, относительно которых возникает вполне обоснованный вопрос, можно ли их считать кооперативами или нет.

Правда, превращение в капиталистические предприятия не является неизбежным законом развития мелкобуржуазных кооперативов. Нельзя, например, утверждать, что всякое потребительское общество мелкобуржуазного состава непременно должно в конце концов при благоприятном ходе дела превратиться в акционерную компанию.

Это превращение возможно, но для общества может оказаться более удобным сохранение кооперативной формы. Как общее правило, потребительские общества мелкобуржуазного состава сохраняют форму кооперативов, потому что эта форма более соответствует хозяйственным интересам их членов.

Но, во всяком случае, ясно, что мелкобуржуазные потребительские общества никакого тяготения к социализму в какой бы то ни было форме не обнаруживают. Они твердо ограничивают свои функции своей непосредственной задачей — доставкой своим сочленам предметов потребления возможно лучшего качества и по возможно более низкой цене и ни к чему большему не стремятся, обнаруживая в этом отношении резкий контраст с пролетарскими роцдельскими обществами, которым присущ дух стремления к неограниченному расширению своих операций путем захвата в круг своего влияния все новых и новых областей хозяйственной жизни.

Таким образом, мы видим, что кооперация в каждой из своих основных классовых ветвей имеет существенно иной характер и имеет различные тенденции развития. Отсюда ясна невозможность объединения всего кооперативного движения в одну организацию и неустраиваемость внутренних трений между кооперативами, представляющими кооперативы различной классовой природы.

4. Центральные кооперативные организации

Во всех тех странах, где кооперация достигла значительного развития, кооперативное движение с течением времени резко поделилось на несколько различных организаций соответственно своему классовому составу. Это мы видим, например, в Англии, где кооперация имеет три особых центра соответственно трем основным классам, участвующим в кооперативном движении: пролетарская роцдельская кооперация объединена в двух обществах оптовых продаж (английском и шотландском) и в Кооперативном союзе; мелкобуржуазная кооперация имеет свой особый центр в лондонских чиновничьих потребительских обществах, которые ни в каком общении с роцдельскими обществами не состоят, не принимают участия ни в обществах оптовых продаж, ни в Кооперативном союзе; недавно народившаяся, но быстро развивающаяся крестьян-

ская кооперация Англии имеет также свои особые центры и стоит особняком от Кооперативного союза.

Только в начале своего развития кооперативное движение может сохранить известное единство благодаря невыясненности своей классовой природы и невозможности развернуть все свои силы. В этом отношении очень поучительна история германской кооперации. При своем возникновении она тесно объединена в одной организации — Всеобщем союзе Шульце. В этот союз входят все виды кооперативов, и некоторое время кооперативы эти прекрасно уживаются вместе. Затем рядом со «Всеобщим союзом» и совершенно независимо от него начинают расти крестьянские кооперативы, созданные Райффайзенем и скоро объединившиеся в свою особую центральную организацию, причем между обеими организациями — Шульце и Райффайзена — начинается многолетняя распря и ожесточенная полемика. Враждебные отношения между Шульце и Райффайзенем вытекали из различия тех принципов, на которых строились кооперативы в пределах шульцевской и райффайзеневской организаций. Райффайзеневские принципы казались и не могли не казаться Шульце совершенной нелепостью, ибо, действительно, принципы эти в применении к мелкобуржуазной кооперации, во главе которой стоял Шульце, не имели никакого смысла. Но они были вполне приспособлены к условиям жизни общественного класса, с которым имел дело Райффайзен, — крестьянства.

Таким образом, в германской кооперации оказалось два центра: Всеобщий союз Шульце и райффайзеневский союз. Но этим раздробление германской кооперации, вызванное ее естественным развитием и ростом, не кончилось. Только до тех пор, пока пролетарская кооперация была слаба, она могла уживаться в рамках шульцевского союза. Но с началом ее роста пребывание ее в пределах этого союза оказалось невозможным, и союз исключил все пролетарские кооперативы из своего состава. Любопытно, что пролетарские кооперативы очень противились этому исключению и всячески цеплялись за союз. Очевидно, они не понимали неизбежности этого разрыва и верили в единство кооперации, как продолжают верить в его единство многие кооператоры и до настоящего времени.

То, что произошло после исключения из Всеобщего союза пролетарских кооперативов, лучше всего доказало, до какой степени

были неосновательны страхи руководителей германской пролетарской кооперации. Оказалось, что разрыв этот не только не помешал росту пролетарской кооперации, но чрезвычайно содействовал этому росту. Только после утраты связи с шульцевским союзом начинается то стремительное развитие германской потребительской кооперации, которое мы наблюдаем за последние годы.

Таким образом, в Германии, как и в Англии, возникло три центра кооперации соответственно трем общественным классам, участвующим в кооперативном движении, — пролетариату, крестьянству и мелкой буржуазии. Всеобщий союз — центр мелкобуржуазной кооперации, Центральный союз германских потребительских обществ (созданный пролетарскими кооперативами, исключенными из Всеобщего союза) — центр пролетарской кооперации и Имперский союз — центр крестьянской кооперации. Никому не приходит в настоящее время в Германии мысль о возможности возвращения к доброму старому времени, когда Всеобщий союз объединял всю германскую кооперацию, — до такой степени очевидно, что такое объединение различных по своей классовой природе кооперативов и невозможно, и нежелательно.

Вообще, ни в одной стране со значительным развитием кооперации мы не встречаем организаций, включающих в себя все виды кооперативов без различий. В частности, крестьянская кооперация везде стоит особняком от пролетарской и идет своей особой дорогой.

Только в таких странах, как Россия, где кооперативное движение только начинается, может быть речь об организациях, объединяющих все кооперативное движение. При незрелости русского кооперативного движения такие объединяющие организации могут быть полезны, но, конечно, при дальнейших успехах русской кооперации и ей придется подразделиться в соответствии с классовым делением современного общества.

Очень поучительны в том же смысле попытки создать международное объединение кооперации. Творцы «Международного кооперативного союза» имели в виду объединение всего мирового кооперативного движения, а не какой-либо его части. И вначале в конгрессах союза принимали участие (хотя и далеко не равное) представители различных кооперативных течений — как вожди про-

летарской кооперации, так и представители шульцевского и райффайзеновского союзов. Но уже через несколько лет такое совместное сожительство в одной организации разнородных общественных элементов оказалось невозможным, и из Международного союза ушли последователи как Шульце, так и Райффайзена. В настоящее время союз принял форму всемирной организации только одного вида кооперации — именно пролетарской кооперации.

Наряду с этим возник международный союз крестьянских кооперативов как организация, совершенно независимая от «Международного кооперативного союза».

Что касается мелкобуржуазной кооперации, то она никакого объединяющего международного центра не имеет и, по-видимому, не чувствует ни малейшей потребности в таком центре. Это и понятно: мелкобуржуазная кооперация в противность пролетарской и крестьянской не стремится ни к каким широким задачам или отдаленным целям, а прекрасно уживается в условиях существующей хозяйственной системы, почему и не испытывает нужды в международном объединении.

5. Взаимные отношения пролетарской и крестьянской кооперации

Но если признать, что различные ветви кооперативного движения идут различными путями, то возникает новый вопрос: как же должны складываться отношения между этими различными кооперативными течениями? Существует ли неустрашимый антагонизм между этими течениями или же они, не сливаясь в одно целое, все же могут быть примирены друг с другом?

Вопрос этот имеет значение в особенности по отношению ко взаимным отношениям пролетарской и крестьянской кооперации. Что же касается мелкобуржуазной кооперации, то так как по самому своему существу кооперация этого рода преследует только ближайшие узкие хозяйственные цели, то она вообще стоит вне широкой общественной жизни современности, не встречая ни горячих защитников, ни ожесточенных врагов.

Совсем другое дело пролетарская и крестьянская кооперация. И та и другая представляют собой мощные общественные движения с огромными задачами, глубоко затрагивающими самые существенные

жизненные интересы современного общества. Крестьянская и пролетарская кооперации быстро растут и охватывают собой миллионы трудящихся. И потому вопрос о взаимоотношениях пролетарской и крестьянской кооперации имеет первенствующую важность для нашего времени.

Нельзя отрицать, что до сих пор отношения пролетарской и крестьянской кооперации в тех странах, где кооперативное движение получило значительное развитие, были далеко не дружественными. И это понятно. Помимо того, что крестьяне и пролетариат в важнейших странах Западной Европы входят в состав противоположных политических партий (крестьянство обычно является опорой консервативной, а пролетариат — социалистической партии), и в чисто хозяйственной области крестьянская и пролетарская кооперация легко приходят в столкновение.

Пролетарская кооперация, выражением которой являются потребительские общества, стремится к понижению цен предметов потребления. Важнейшими же предметами потребления рабочего класса являются разного рода сельскохозяйственные продукты, производимые крестьянами. Поэтому потребительская кооперация стремится к понижению городской цены продуктов крестьянского труда.

Наоборот, крестьянская кооперация, представляя интересы не городских потребителей, но деревенских производителей, ставит себе целью поднятие той цены, которую крестьянин выручает при продаже в деревне продукта своего труда.

На почве этих противоположных стремлений может возникнуть самый резкий антагонизм между пролетарской и крестьянской кооперацией. В странах Запада мы сплошь и рядом замечаем, что городская потребительская кооперация видит в деревенской производительной кооперации своего опасного врага.

Во время волнений, вызванных в 1911 г. в разных западноевропейских странах обострением дороговизны жизни, деревенские кооперативы подвергались ожесточенным нападкам со стороны вождей пролетарской потребительской кооперации. Да и вообще отношения деревенской и пролетарской кооперации на Западе отнюдь еще не могут быть названы дружественными.

Итак, наличность известного антагонизма интересов пролетарской и крестьянской кооперации может считаться бесспорным

фактом. Но отсюда еще не следует, что мы должны признать обе важнейшие ветви кооперативного движения естественными врагами.

Прежде всего нужно принять в соображение следующее. Покупная цена предметов потребления в городе и продажная цена тех же предметов, выручаемая крестьянином в деревне, весьма значительно разнятся друг от друга. Между деревенским производителем и городским потребителем стоит ряд торговых посредников, присваивающих себе львиную долю цены продукта, на месте потребления. Вот эта-то разница между покупной и продажной ценой и есть область, за счет которой могут быть удовлетворены интересы и производителя, и потребителя.

Если бы производитель непосредственно сносился с потребителем, то, конечно, выигрыш в цене одного был бы равносителен проигрышу в цене другого. Но ведь положение не таково, и за счет присвоения прибыли торгового посредника возможно одновременно повышение продажной цены деревенского производителя и понижение покупной цены городского потребителя. А так как торговый посредник получает очень значительную долю товарной цены, — специальные расследования показали, что очень часто товар, доходя до розничной городской лавки, повышается в своей цене сравнительно с той ценой, по которой он был продан сельским производителем, в два раза и более, — то, значит, для согласования интересов производителя и потребителя имеется очень широкая область.

Но, конечно, возможность одновременного выигрыша за счет продажной цены и производителя, и потребителя все же заключена в известные пределы, за которыми примирение интересов производителей и потребителей этим путем достигнуто быть не может. В таком случае остается прибегнуть к принципу «справедливой цены» — цены, соответствующей труду производства. Такая трудовая цена должна быть признаваема основой для установления прочного мира между крестьянской кооперацией производителей и городской кооперацией потребителей.

Крестьяне и фабричные пролетарии в равной мере принадлежат к трудящимся классам населения, а это создает почву для солидарности их интересов. За последние десятилетия повсеместно замечается отлив населения из деревни в город: крестьяне и сельскохозяйственные рабочие превращаются в городских рабочих, причем не-

редко в одной и той же семье одни члены семьи пахут землю, а другие работают в городе на фабрике. Не говоря уже о таких странах, как Россия, где фабричный рабочий еще сплошь и рядом работает летом в деревне, а зимой в городе или же, работая на фабрике, содержит свою семью в деревне на своем наделе; и на Западе, где имеется уже вполне дифференцированный класс фабричного пролетариата, фабричные рабочие имеют много общих интересов с крестьянами. Падение благосостояния деревни и на Западе невыгодно отражается на заработной плате фабричных рабочих, вызывая усиленный приток рабочих в города и сбивая плату городских рабочих.

С другой стороны, падение заработной платы городских рабочих невыгодно отражается на деревне, уменьшая возможность для деревенского люда находить себе заработок в городе и в то же время сокращая городской спрос на изделия крестьянского труда. Ведь если в известном смысле интересы продавца и покупателя противоположны, то в другом смысле солидарны: продавец нуждается в платежеспособном покупателе, как и покупатель нуждается в обладающем достаточными производительными средствами продавце.

В силу этого при наличности известных различий интересов между трудящимися классами в деревне и городе существует и глубокая общность интересов, создающая почву для взаимного сближения крестьянского и пролетарского кооперативного движения.

Правда, в руководящих странах Запада пока такого сближения не наблюдается. Но для этого взаимного разъединения существуют особые причины, коренящиеся не в хозяйственной, а в политической области. Если же оставить в стороне политику, то пролетарской и крестьянской кооперации следовало бы идти рука об руку, а не находиться во взаимной вражде. В России до настоящего времени, к счастью, не наблюдается антагонизма между крестьянской и пролетарской кооперацией: обе ветви кооперативного движения не только не враждуют между собой, но и обнаруживают стремление объединяться в одних общих организациях. Последнее можно было считать возможным лишь при начале кооперативного движения. После революции обособилась пролетарская кооперация и должна получить свой особый центр крестьянская кооперация. Последнее еще дело будущего. Во всяком случае, сохранение дружественных

отношений между крестьянской и пролетарской кооперацией отнюдь не противоречит классовому характеру кооперации, и было бы крайне желательно, чтобы то положение дела сохранилось у нас и в будущем.

6. Политическая позиция кооперации

Итак, кооперация отнюдь не является организацией, стоящей вне и выше социальных классов. Она объединяет определенные классы на почве их классовых интересов в еще большей мере, чем это можно сказать относительно политических партий. Не следует ли из этого сделать вывод, что кооперация должна тесно примкнуть к политическим партиям и объединиться со всеми другими организациями, защищающими интересы того же класса?

В некоторых странах кооперативное движение не имеет самостоятельного характера и входит в состав политического движения. Это мы видим, например, в Бельгии, где пролетарские кооперативы находятся в тесной связи с бельгийской социалистической партией, а крестьянские кооперативы являются опорой консервативной католической партии. Сходное положение дела наблюдается и в Италии, отчасти во Франции и других странах. Напротив, в Англии, родине пролетарской кооперации, кооперация не была до последнего времени в определенной связи с какой бы то ни было политической партией и всегда сохраняла строгий политический нейтралитет (в настоящее время позиция английской кооперации по отношению к парламентским выборам как будто изменилась, но какое практическое значение получит решение кооперативного конгресса 1917 г. в пользу участия кооператоров как таковых в парламентских выборах — покажет будущее). Германские кооператоры почти без исключений высказываются принципиально за полную независимость кооперации от каких бы то ни было политических партий, за полный политический нейтралитет; однако фактически германской кооперации не удалось удержаться на этой политически нейтральной почве, и различные ветви германского кооперативного движения тяготеют к известным политическим партиям.

Так, германские пролетарские кооперативы, объединенные в Центральном союзе германских потребительских обществ, хотя и исповедуют принцип политического нейтралитета, но фактически стоят

близко к социал-демократической партии. Мелкобуржуазные кооперативы, входящие в состав Всеобщего союза, также тяготеют к либеральной Свободомыслящей партии. А сельские кооперативы Имперского союза находятся под сильным влиянием аграриев, стоящих во главе консервативной партии.

На примере Германии мы видим, как трудно кооперации сохранить нейтральную позицию, если политическая борьба очень обострена. Тем не менее можно считать несомненным, что вовлечение кооперации в политическую борьбу не усиливает, а ослабляет кооперативное движение. Действительно, ведь кооперация сама по себе никаких политических целей себе не ставит и является организацией чисто хозяйственного характера. Непосредственные задачи кооперации такого рода, что в кооперативе могут принимать участие лица самых различных политических партий, ибо все они в равной мере заинтересованы в целях кооперации.

И консерватор, и либерал, и умеренный, и радикал являются в равной мере потребителями и в равной мере заинтересованы в том, чтобы их предметы потребления были хорошего качества и стоили возможно дешевле. Точно так же, каковы бы ни были политические убеждения крестьянина, он одинаково заинтересован в улучшении условий продажи своих продуктов или в удешевлении необходимого для него кредита. Поэтому кооперация привлекает к себе лиц трудящихся классов совершенно независимо от их принадлежности к той или иной политической партии.

Если кооперация приходит в связь с политическими партиями, то в состав одного и того же кооператива не могут входить лица, принадлежащие к различным политическим партиям. Иными словами, отказ от принципа политического нейтралитета неизбежно приводит к раздроблению кооперации и, значит, к уменьшению ее силы.

Кооперативное движение и так естественно подразделяется на особые организации соответственно своему классовому составу: крестьянская кооперация складывается особо от кооперации пролетарской, а пролетарская кооперация не сливается с мелкобуржуазной. Крайне нежелательно, чтобы наряду с этим делением, вытекающим из неустраимых классовых различий, возникало еще новое подразделение кооперации в пределах каждого класса соответственно политическим взглядам членов того же общественного класса. Между

тем именно это мы видим там, где кооперация вовлечена в политические партии. Так, например, в Бельгии имеются потребительские общества как социалистические, так и либеральные и католические. В Италии имеются как социалистические, так и католические крестьянские кооперативы и т.д.

Это неизбежно приводит к такому дроблению кооперации, которое существенно ее ослабляет. Привнесение политических целей ни малейшим образом не требуется существом кооперации как организации, созданной для разрешения определенных хозяйственных задач, в которых в равной мере заинтересованы лица самых противоположных политических воззрений.

От соединения кооператива с политической партией проигрывают обе стороны, как партия, так и кооператив.

Что касается кооператива, то проигрыш его очевиден. Партия ровно ничего не может дать для укрепления кооператива. Если партия оказывает известное давление на своих членов для того, чтобы они вступали в кооператив, то от этого кооператив нисколько не выигрывает, ибо участие в кооперативе должно быть вполне добровольным. Только при полной свободе участия в кооперативе последний может успешно достигать своих целей: такова основная сущность кооперации. Поэтому кооператив отнюдь не может желать, чтобы к участию в нем привлекались лица, которые сами по себе, без внешнего давления не вступили бы в его состав.

С другой стороны, партия не может оказывать и экономической поддержки кооперативу, финансировать его, ибо политические партии не являются финансовыми организациями, располагающими излишними капиталами. Наоборот, партия нуждается в финансировании ее со стороны кооператива.

Таким образом, ни с какой стороны связь кооператива с политической партией не может принести кооперативу пользы. Но такая связь приносит кооперативу несомненный вред.

Кооператив преследует хозяйственные цели, а политическая партия — политические. В кооперативах люди группируются по своим хозяйственным интересам, а в партиях — по политическим взглядам. Но при схождении интересов взгляды могут быть различны. Действительно, в пределах каждого общественного класса находятся сторонники самых различных политических партий.

Связь кооператива с партией должна, очевидно, вести к тому, что в состав кооператива не будут входить лица, принадлежащие к другим партиям. Иначе говоря, численный состав кооператива существенно сокращается и кооператив становится благодаря связи с партией слабее.

В литературе часто указывается, например, что благодаря партийной окраске бельгийских кооперативов бельгийские потребительские общества слабее швейцарских, где принцип политического нейтралитета кооперации проводится очень строго. Ничего другого и быть не может, ибо в Бельгии наряду с социалистическими имеются в тех же районах либеральные и католические потребительские общества, которые все находят себе членов, между тем как в Швейцарии в данном городе обычно имеется лишь одно потребительское общество, в состав которого входят лица самых различных политических партий, что нисколько не мешает им мирно работать в кооперативе друг около друга.

Но и партия не выигрывает от связи с кооперативом. Действительно, в чем может выражаться этот выигрыш? Почти исключительно в финансовой поддержке партии кооперативом. Однако такая финансовая поддержка не может выражаться крупными цифрами, так как в противном случае кооператив оттолкнет от себя членов, которые ведь представляют собой не исключительных личностей, готовых к самопожертвованию, но заурядных людей, отнюдь не склонных уделять значительную часть своего дохода на нужды, не связанные непосредственно с их жизненными потребностями.

И действительно, мы видим, что везде, где кооперация связана с политическими партиями, финансовая поддержка партии кооперативами выражается самыми скромными цифрами, вызывая, однако, большое недовольство со стороны многих членов кооператива и упреки в эксплуатации кооперации партией.

Таким образом, от полного разрыва между кооперацией и политическими партиями выигрывают обе стороны. Конечно, между партией и кооперативом, выражающими интересы того же общественного класса, могут и должны быть дружественные отношения, что может выражаться самым различным образом. Но и та, и другая организации должны быть совершенно автономны и самостоятельны во всех своих действиях и решениях. В состав партии и кооператива

могут входить одни и те же лица, но крайне важно, чтобы формальной юридической связи между обеими организациями не было, так как только таким образом может быть достигнута полная свобода роста кооперации.

И потому партии, сочувствующие кооперации, поступают наилучшим образом, совершенно отказываясь от стремления подчинять себе в каком бы то ни было отношении кооперативное движение, которое должно быть вполне свободно от каких бы то ни было партийных целей.

Эта необходимость полной свободы кооперации была признана и на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене в 1910 г., на котором вопрос об отношении социалистических партий к кооперации подвергся обстоятельному обсуждению⁹⁸. Конгресс значительным большинством признал принцип самостоятельности и независимости кооперации.

Требования, выставленные конгрессом по отношению к потребительской кооперации, заключались в следующем.

Денежные суммы, распределяемые потребительскими обществами, не должны возвращаться целиком членам, но должны также идти в фонд для организации обществ оптовых закупок, а также и самостоятельного производства. Кроме того, этот фонд должен служить целям воспитания, образования и поддержки членов. Затем конгресс постановил, что отношения труда и заработной платы служащих в кооперативах должны соответствовать постановлениям рабочих союзов, что собственное производство потребительских обществ должно быть образцово поставлено и что должно быть обращено внимание на условия труда в производстве тех товаров, которые покупаются кооперативом.

Все эти требования вполне соответствуют интересам здорового развития кооперации и потому никаких возражений не вызывают. Конгресс не формулировал в данном случае ничего нового, а только одобрил реальную практику кооперации. Конечно, кооперация жизненно заинтересована в развитии собственного производства, поднятии духовного уровня своих членов и поддержании их в случае нужды. Точно так же в области своего рабочего вопроса кооперация должна действовать в согласии с рабочими союзами. Требование, чтобы кооперативы обращали внимание на условия труда в произ-

водстве товаров, приобретаемых кооперативом, обосновывается солидарностью коопераций со всеми мерами, направленными к улучшению положения трудящихся.

Таким образом, Копенгагенский конгресс занял по отношению к кооперации вполне правильную позицию, предоставив кооперации идти своей собственной дорогой.

Однако признание политического нейтралитета кооперации еще неравносильно требованию полного отказа кооперации от участия в политической жизни. При известных условиях кооперация может и должна участвовать в политической жизни — именно тогда, когда дело идет о защите законодательным путем жизненных интересов кооперации. Если является необходимость в выработке кооперативного закона или в изменении правового положения кооперативов, улучшении условий обложения кооперативов налогами и т.п., то кооперация не может не защищать на политической арене своих интересов, чем ни малейшим образом не нарушается принцип ее политической нейтральности, ибо в этом случае кооперация становится на почву защиты вполне определенных собственных интересов, а не стремится влиять на общее направление политической жизни в стране.

И, конечно, защищая свои специальные интересы в законодательных палатах, кооперация не имеет надобности в создании своей собственной политической партии. Политическая партия не может преследовать только узкоопределенные, частные цели, но должна участвовать во всей политической жизни страны. Кооперация же принципиально уклоняется от политической деятельности и только по необходимости, для защиты своих специальных интересов, может нарушать свое воздержание от политики. Поэтому для кооперации недопустимо не только образование политической партии, но и выставление кооперативных кандидатур при выборах в законодательные палаты.

Участие кооператоров как таковых в выборах в парламент может выразиться только в том, что кооператоры оказывают поддержку лишь тем кандидатам, которые обязываются поддерживать в законодательных палатах меры, благоприятные для развития кооперации. Точно так же при проведении в законодательных палатах мер, непосредственно затрагивающих интересы кооперации, кооператоры в

лице своих выборных представителей могут и должны стремиться влиять на решения законодательных палат в смысле, благоприятном для кооперации. Для этого могут быть образованы при парламентах особые выборные органы из среды кооператоров.

Но в самих парламентах для кооперативной партии места нет, и кооператоры должны защищать свои интересы через посредство всех депутатов, к какой бы партии последние ни принадлежали, если только они сочувствуют делу кооперации.

Так поступила русская кооперация при внесении в Государственную думу проекта общеккооперативного закона, выработанного и одобренного представителями всероссийской кооперации. Проект поступил в думу не от имени той или иной политической партии, но как поддерживаемый целым рядом партий, от умеренных до крайних левых. В данном случае еще столь молодая русская кооперация обнаружила большую политическую зрелость, и было бы крайне желательно, чтобы такую же политическую зрелость наша кооперация продолжала проявлять и в будущем.

Но, конечно, за пределами кооператива члены его становятся гражданами и как таковые участвуют в политической жизни страны. Увлечение кооперацией не должно ни малейшим образом приводить к политическому индифферентизму: устранение политики из кооперации основывается не на пренебрежении к политике со стороны кооперации, — а на сознании различия этих областей общественной жизни.

Глава II. О кооперативном идеале

1.

Кооперация является новой формой общественного хозяйства, которая может иметь успех только при условии известного воодушевления, морального подъема участников этого хозяйства. В этом глубокое принципиальное отличие кооперации от капитализма.

Капитализм обращается к грубым и первобытным инстинктам человеческой природы — к инстинктам эгоизма. Жажда богатства, жажда власти, страх перед потерей заработка — вот основные хозяйственные мотивы человеческого поведения в капиталистическом обществе.

Человек в строе капитализма превращается в слугу капитала. Но ведь капитал — продукт самого человека. Таким образом капитализм заключает в себе нечто противоестественное и как бы безумное. Вещь, созданная человеком, становится его собственным повелителем.

В этом заключается своеобразный фетишизм капитализма, природа чего была так гениально раскрыта Марксом в его знаменитых страницах о товаре-фетише⁹⁹. Как деревянный идол, сделанный собственной рукой дикаря, становится для дикаря богом и кажется дикарю управляющим всем его поведением, так и трудовой продукт цивилизованного человека становится при господстве капиталистических отношений повелителем этого самого человека и определяет собой в его собственных глазах его поведение.

Банальным образом этого господства в современном строе хозяйства вещи над человеком является власть над человечеством денег, золотого тельца.

Золото, иначе говоря — капитал, парит над миром. И не только пролетарий, рабочий, лишенный средств производства, подвластен капиталу, — нет, и сам капиталист служит золотому идолу.

Чрезвычайно любопытна в этом смысле личная жизнь крупнейших капиталистов современного мира — американских миллиардеров. Эти люди — Гүльды, Морганы, Рокфеллеры, — располагающие или располагавшие невероятными денежными капиталами, менее всего пользовались своей хозяйственной властью для удовлетворения своих личных потребностей. Они отнюдь не ушли «в свое удовольствие», отнюдь не тратили своих огромных богатств на роскошь и прихоти личного вкуса.

Напротив, эти люди, которым в мире чувственных наслаждений все было доступно в самом неограниченном размере, в своей личной жизни были образцом упорнейшей и напряженнейшей работы, иногда прямо самоотречения.

Скромная и умеренная пища, отказ от каких бы то ни было увлечений и непрерывный труд, поглощавший до конца всю их духовную и физическую энергию, — такова была жизнь этих владык и вместе слуг капитала, олицетворявших собой в общественном мнении власть золота, но в свою очередь поработанных капиталом, хотя и в другом смысле, чем рабочие¹⁰⁰.

Таким образом и капиталист, и рабочий подчинены в капиталистическом мире, хотя и в разных формах и смыслах, капиталу.

Истинным владыкой этого мира является не человек, хотя бы и капиталист, а безличная сила общественных отношений капиталистической системы, сила, господствующая над всем капиталистическим обществом, — капитал.

Кооперация представляет собой прямо противоположную систему хозяйства. В ней царит не капитал, не вещь, а человек, личность. И для успеха кооперации требуется господство в душе человека не жажды богатства, а чувства общественной солидарности, готовность жертвовать личным интересом ради интересов общественной группы.

Вот почему кооперативное хозяйство настоятельнейшим образом требует воспитания соответствующего человека.

Затрачивая огромные суммы на поднятие духовного уровня современного человечества, устраивая библиотеки, музеи, учебные заведения, курсы, лекции, народные дома, кооперация следует не только свойственным ей идеалистическим мотивам, но и своему правильно понятому хозяйственному интересу. Ибо для достижения своих хозяйственных целей кооперация должна прежде всего создать человека, способного ей служить.

Кооперация может преуспевать лишь в атмосфере энтузиазма, увлечения высокими целями. Энтузиазм так же необходим кооперации, как жажда богатства капитализму.

Попробуйте представить себе цветущее капиталистическое хозяйство в среде людей с психическим строем первых христиан — не является ли само предположение такого общественного состояния внутренне противоречивым? Христианский отшельник — спекулирующий на бирже; христианский мученик — считающий свои барыши и накапливающий капиталы — все это чудовищно, невозможно и нелепо.

Столь же невозможна кооперация среди людей, чуждых общественной солидарности и думающих лишь о себе.

Но в то время как капитализму не приходится заботиться о создании требующегося для него человека — ибо об этом достаточно позаботилась сама природа, — кооперации нужно создавать своего человека с величайшими усилиями, так как весь современный строй

хозяйства воспитывает в человеке отнюдь не те душевные свойства, которые требуются для кооперации.

Кооперации нужно идти против господствующего течения, создавая встречное историческое течение, которое должно преодолеть течение капитализма.

И кооперации удастся побеждать капитализм. Каждый год возникают новые и новые тысячи кооперативов, примыкают новые и новые миллионы работников к великой кооперативной армии мира.

Но победы и завоевания кооперации возможны лишь благодаря росту кооперативного воодушевления и энтузиазма.

Вот почему в кооперативной литературе обычно так сильно звучит идеалистический мотив. Почти все популярные работы, посвященные кооперации, — все эти бесчисленные брошюры и листовки, кооперативные календари, журналы и газеты, которые расходятся среди миллионов кооператоров, — являются в большей или меньшей степени хвалебными гимнами кооперации, более или менее удачными попытками доказать величие, силу и моральную красоту кооперации.

Правда, научное исследование должно подходить к кооперации с таким же беспристрастным анализом, как и ко всякому другому предмету изучения. Но кооперативная пропаганда ставит себе иные цели и совершенно законно апеллирует не только к разуму, но и к чувству человека, стремясь увлечь массового читателя яркими картинками возвышенности и благородства целей кооперативного движения.

При таком положении дела и для научного исследования кооперации вопрос о конечной цели кооперации — о кооперативном идеале — приобретает первенствующий интерес.

К чему в конце концов стремится кооперация — действительно ли ее конечная цель так высока, как это думают кооператоры?

Что цели кооперации благороднее, чем цели капитализма, это ясно само собой и ни в каком доказательстве не нуждается.

Но многие (даже кооператоры) думают, что цели кооперации могут требовать себе предпочтение лишь по сравнению с целями существующей хозяйственной системы — капитализма.

Кооперация выросла на капиталистической почве и питается соками капиталистического общества. Весь смысл современной коо-

перации заключается в борьбе с различными формами капитализма. Кооперацию, как она реально существует в обществе нашего времени, почти нельзя себе представить вне капитализма и частной собственности.

В основе современной кооперации, несомненно, лежит частная собственность, и не только частная собственность, но и капиталистическая эксплуатация труда. Паи, проценты на капитал, наемный труд — что это такое, как не элементы капитализма?

Многие очень убежденные апологеты кооперации являются столь же убежденными противниками социализма и сторонниками общественного строя, основанного на частной собственности.

Не говоря уже о таких исторических деятелях кооперации, как Шульце-Делич, все мировоззрение которого было насквозь проникнуто мелкобуржуазным духом, и теперь большинство вождей кооперации не стоит на почве социалистического мировоззрения.

Только в тех странах, где кооперация связана на практике с политическими партиями, мы видим мощные кооперативные течения, принципиально приемлющие социализм. Но и тут рядом с социалистической кооперацией мы встречаем кооперацию, самым решительным образом враждебную социализму.

В то же время следует подчеркнуть, что и социалистическая кооперация столь же твердо, как и либеральная и консервативная, строит все хозяйство на буржуазной основе.

Паи, проценты на капитал и наемный труд в равной мере свойственны всякой кооперации, кроме трудовой, независимо от ее партийной окраски.

Нисколько не удивительно поэтому, что кооперативные идеалы (даже представляющие собой социалистическую кооперацию) обнаруживают сильное тяготение к буржуазным теориям прибыли — к теориям, отрицающим борьбу классов, эксплуатацию труда капиталом и т.д.

Эти идеологи хотели бы оправдать с точки зрения теории ту реальную практику кооперации, которая исходит из капиталистических отношений как своей естественной основы.

И вот с этой точки зрения, которая является в кооперативном мире, безусловно, преобладающей, кооперативный идеализм кажется чем-то весьма половинчатым и компромиссным.

Кооперация оказывается при таком понимании идеологией мещанства.

Частная собственность должна быть сохранена, но лишь в виде мелкой собственности, доступной рабочему. Процент на капитал и, значит, капиталистическая прибыль также должны остаться, но опять-таки ограниченные невысоким пределом. Сохраняется и эксплуатация труда капиталом, но опять лишь в известных границах.

Словом, кооперация в таком понимании оказывается как бы новой формой капитализма, ограниченного в интересах трудящихся масс.

Если бы это понимание кооперации было верным, то о кооперативном идеале совсем нельзя было бы говорить.

Ведь сущность идеала в том-то и заключается, что идеал есть не-который абсолют, нечто верховное, не знающее ограничений.

Идеал есть верховная ценность, на которой основываются и из которой исходят низшие ценности, но выше которой ничего нет и быть не может.

Социальный компромисс, как бы он ни был необходим и практически целесообразен, никогда не станет идеалом. Напротив, идеал всегда является сам по себе чем-то стоящим вне и выше всевозможных компромиссов.

Если кооперация является только компромиссом, значит, она не есть ни в каком смысле социальный идеал.

И, конечно, существующая кооперативная идеология до сих пор была не в силах вскрыть природу кооперативного идеала. Наоборот, эта идеология сделала все, чтобы затемнить эту природу и представить кооперацию в мещанском виде социального компромисса.

Однако если бы эта идеология была объективно правильна и если бы кооперация была лишь компромиссом, то было бы непонятно, откуда практика кооперации черпает столько идеализма.

Ведь оставляя в стороне всякие теории и обращаясь к живой действительности, нельзя не видеть, что кооперативное движение в целом проникнуто самым действенным и мощным, неподдельным в своей искренности, глубоким идеализмом.

Кооперация по своей идеалистичности является единственным в своем роде социальным движением современности.

В кооперации больше идеализма, чем хотя в социализме наших дней. Современный социализм имеет узкоклассовый характер и его

пафосом является преимущественно классовая вражда — на одном полюсе и классовая солидарность — на другом. Конечно, и в социалистическом движении, как оно выражается ныне, очень много само-го чистого морального пафоса и идеализма.

Но наряду с этим социалистическому движению свойственны и мотивы далеко не высокого характера — даже мотивы прямо низменные, как жажда личного обогащения, зависть бедных к богатым и т.д. Все вместе составляет весьма сложную амальгаму с высокими мотивами и создает своеобразный социалистический пафос, в котором рядом с элементами морали огромную роль играют и мотивы классового и личного эгоизма.

Напротив, кооперативный пафос другой природы, и в нем гораздо сильнее звучат чистые, благодарные струны человеческой души.

Кооператоры любят сравнивать свое движение с движением первого христианства, и, действительно, кое-что общее тут есть. Как и первые христиане, кооператоры надеются возродить мир не мечом и насилием, а общей дружной работой на пользу всех; как и первое христианство, кооперация интернациональна — она стоит вне национальных рамок и свободно переливается за границы отдельных государств; как и христианство, кооперация стремится создать новый социальный мир, с новым человеком, новыми формами общественной жизни, новыми целями и новыми мотивами человеческого поведения.

Правда, в реальной жизни кооперативное движение является классовым движением. Но ведь и первое христианство в исторической действительности было классовым движением, движением социально обездоленных и эксплуатируемых классов греко-римского общества.

По своим же целям кооперация, как и первое христианство, стоит выше каких бы то ни было классовых интересов,

Идеал кооперации, как и современного социализма, есть вне-классовый идеал, общество, не знающее социальной эксплуатации.

Наличность в реальном кооперативном движении этой мощной струи социального идеализма доказывает недостаточность и несовершенство существующей кооперативной идеологии.

Ибо откуда бьет эта идеалистическая струя, если не из подлинного кооперативного идеала, который живет в сознании кооперативной массы?

Значит, существует же он, кооперативный идеал; значит, он не призрак, а некоторая реальность; значит, не компромисс кооперация, а некоторая абсолютная ценность, которую наука должна точно описать и установить ее действительную природу. И в этом случае, как и в стольких других, серая теория оказалась позади зеленеющей жизни. Бессознательный разум масс оказался выше ученых теорий.

Кооперативное движение не по недоразумению насквозь проникнуто, в своих высших проявлениях идеализмом, и я постараюсь показать, что кооперативный идеал не только существует, но что это самый высокий социальный идеал, какой только может себе представить слабая человеческая мысль.

2.

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом совершенного анархизма. Кооперация отрицает какую бы то ни было власть человека над человеком, власть большинства над меньшинством совершенно так же, как и власть меньшинства над большинством.

Кооперация вполне свободна — кооператив никого не принуждает вступать в члены кооператива и никого не задерживает в своей среде. Всякий столь же свободно входит в кооператив, как и уходит из него.

В кооперативе нет принудительной власти. Правление, избранное членами, отнюдь не является такой властью, ибо каждый может избавиться от подчинения данному правлению, выйдя из кооператива. В этом существенное принципиальное и основное различие между правлением и правительством. Правительство в демократическом государстве (хотя бы это государство было социалистическим) также избирается прямо или косвенно большинством граждан, но оно является принудительной властью потому что само-то участие в государстве не является для каждого гражданина актом свободно-го волеизъявления.

Весь строй кооператива в каждый данный момент определяется связанным договорами участвующих в нем лиц и может быть во всякий момент изменен в желательном смысле. Правда, этот строй опре-

деляется волей большинства, и меньшинство должно склоняться перед этой волей. Тем не менее воля меньшинства нисколько не подавляется волей большинства, ибо меньшинство имеет полную возможность уйти из кооператива и построить новый, свой собственный кооператив, в котором получит полное проявление воля тех лиц, которые были не согласны с решениями большинства членов старого кооператива.

Таким образом, все лозунги анархизма находят себе полное проявление в кооперативе. Кооператив является, следовательно, организацией анархического хозяйства, иначе говоря, в кооперативе осуществляется в принципе самый высокий социальный идеал.

С точки зрения современного социального мировоззрения, признавшего человеческую личность высочайшей ценностью мира, абсолютной целью в себе, только свобода личности и может быть признана высшим социальным идеалом. Это открыли отнюдь не анархисты — это ясно и определенно формулировал величайший представитель философской мысли нового времени — Кант, категорически заявивший в своей «Метафизике нравов», что существует только одно прирожденное, естественное право человеческой личности и этим правом является право каждого человека на свободу, независимость от принуждающей воли другого человека. Все прочие права человеческой личности суть следствие основного и единственного, первоначального естественного права.

Современное социальное мировоззрение признало личность человека верховной и абсолютной ценностью, целью в себе. Каждый человек есть бесконечно сложная, никогда не повторяющаяся индивидуальность, которая однажды приходит в мир, чтобы потом навсегда из него исчезнуть. Как верховная цель в себе человек не может быть никогда обращен в средство для других целей.

В этом смысле все человечество имеет не больше ценности, чем каждый отдельный человек. Ибо бесконечность не может быть увеличена ни от какого ее умножения.

« — Представь, — говорит Иван Карамазов Алеше в «Братьях Карамазовых», — что ты возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого неминуемо предстояло бы замучить всего одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя

кулачком в грудь, и на неотмщенных слезках его основано это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

— Нет, не согласился бы, — тихо проговорил Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, чтобы люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а, приняв, остаться навеки счастливыми.

— Нет, не могу допустить».

И, конечно, иначе не может ответить ни один человек с нравственным сознанием. Даже ради всего человечества нельзя приносить в жертву человеческую личность, как бы ничтожен ни казался отдельный человек!

Социальным идеалом является такое состояние общества, при котором ничья личность не приносилась бы в жертву интересам целого, при котором все интересы были бы гармонично примирены и все были бы одинаково свободны. Совершенное общество есть общество вполне свободных людей.

К этому идеалу стремится человечество своим трудным и тернистым путем, через кровь, насилие и борьбу. Как далекая звезда, идеал свободы озаряет исторический путь людей и указывает им цель, к которой нужно направлять свои усилия.

В нашу историческую эпоху социальная борьба идет под знаком интересов большинства. Трудящиеся народные массы, эксплуатируемые незначительной группой неработающих, стремятся завоевать свою свободу. Но власть большинства над меньшинством все же есть отрицание свободы, и социальная борьба не прекратится, пока каждый не станет вполне свободен, пока не исчезнет какая бы то ни была власть человека над человеком.

Коллективизм, государственный социализм есть организация общества в интересах большинства. Коллективизм предполагает сильную государственную власть, поглощение воли отдельных личностей волей большинства.

Социалистическое государство стоит гораздо выше современного, в котором меньшинство господствует над большинством. Но господство большинства над меньшинством все же есть отрицание свободы, все же есть деспотизм и насилие.

Социальный идеал требует вполне свободного общества. Но, конечно, вполне свободное общество не есть общество, лишенное организации, и в свободном обществе одни люди должны руководить действиями других, а другие должны исполнять указания первых.

Но такое исполнение, чтобы быть свободным, должно основываться не на принуждении, не на власти руководителя, а на добровольном согласии исполнителя следовать указаниям руководителя.

Кооператив дает нам образчик свободного общественного союза уже в недрах современного общества, основанного на насилии. Правление кооператива не обладает принудительной властью, но его деятельность существенно важна для успеха кооперативной работы; правление организует все хозяйство кооператива, указывает задачи и цели каждого отдельного работника, устанавливает взаимную зависимость всех отдельных частей и элементов кооперативного хозяйственного целого, не опираясь ни на какой внешний авторитет, кроме согласия каждого члена кооператива подчиняться решениям большинства.

Правда, реальная кооперация, которая объединяет миллионы трудящихся во всех странах, не может считаться выражением вполне свободной хозяйственной организации.

Дело в том, что в основе огромного большинства современных кооперативов лежит наемный труд. Рабочий, работающий по найму в кооперативе, работает в нем не потому, что эта работа соответствует его желаниям и влечениям, а под влиянием голода и нужды — совершенно так же, как и при работе в капиталистическом предприятии.

В кооперативе, основанном на наемном труде, свобода существует лишь во взаимных отношениях хозяев кооператива — его членов. Но в отношениях кооператива к тем, кто выполняет в нем трудовую функцию, царит такая же принудительная власть имущего над неимущим, как и в отношениях капиталиста-предпринимателя к своему рабочему.

Значит, современная кооперация лишь в принципе является свободным хозяйственным союзом; в реальной же действительности кооперация, как общее правило, опирается на насилие, подобно капиталистическому предприятию.

Однако это верно только по отношению к части современной кооперации, именно к той части последней, которая основывается на наемном труде.

Вся же трудовая кооперация имеет иной характер. Трудовая кооперация действительно является вполне свободным хозяйственным союзом трудящихся лиц. Трудовая кооперация стремится осуществить, таким образом, в своих внутренних отношениях уже хозяйственный строй идеального общества.

3.

Трудовые кооперативы являются во всех отношениях свободными хозяйственными организациями, ни с какой стороны не опирающимися на принуждение.

Правда, именно благодаря этому, трудовые кооперативы при современных условиях хозяйства оказываются наименее жизнеспособными и распространенными, представляя в этом отношении разительный контраст с кооперативами, основанными на наемном труде.

Но по той же самой причине, по которой в капиталистическом обществе только кооперативы, основанные на наемном труде, могут иметь успех, в социалистическом обществе для всех этих кооперативов места не найдется.

Все кооперативы, основанные на наемном труде, объединяют те или другие группы собственников. Уничтожение частной собственности упразднит в социалистическом обществе всю эту кооперацию.

Однако одна группа кооперативов возможна и при социалистическом строе, именно трудовая кооперация. Для кооперации этого рода найдется место и при социализме по той причине, что государственный социализм объединяет и организует национальный труд на принудительном начале, между тем как трудовая кооперация исполняет то же на началах полной свободы трудящихся.

Чтобы предотвратить подавление личности обществом, в социалистическом государстве крайне важно оставить открытым путь к совершенно свободным хозяйственным организациям. Такими свободными организациями явятся в социалистическом обществе трудовые кооперативы различных типов.

Прежде всего в социалистическом государстве должны получить большое развитие производительные артели. На государственных и муниципальных фабриках работа должна исполняться на основе всеобщей трудовой повинности, причем не может быть предоставлено полной свободы в выборе рода труда. Конечно, чрезвычайно важно во всех отношениях, чтобы ограничения в выборе занятий были сведены к минимуму. И это вполне достижимо при помощи регулирования продолжительности труда в зависимости от его большей или меньшей привлекательности и других соответствующих мер.

Однако полной свободы в выборе труда при государственной или муниципальной организации производства все же не будет, ибо государственная власть не может не настаивать на том, чтобы все продукты, в которых нуждается население, и в соответствующей пропорции для каждого продукта были изготовлены.

Принудительно организуемый труд в социалистическом государстве еще долгое время должен иметь первенствующее значение в области производства всех тех продуктов, которые жизненно необходимы для общества и производство которых в то же время мало привлекательно для человека само по себе.

Сюда относится, например, горное дело. Работа в глубоких рудниках и шахтах мало кому может быть приятна, но общество без нее обойтись не может.

Однако принудительный хозяйственный труд сам по себе настолько нежелателен, что он должен быть сведен к возможному минимуму. Принудительная система труда должна быть восполнена в социалистическом государстве трудом совершенно свободным, организуемым на началах кооперации.

Государство и его местные органы могли бы брать на себя организацию тех родов труда, которые мало привлекают добровольных рабочих. Вместе с тем государство могло бы открывать возможность образования разного рода свободных трудовых кооперативов.

Эти трудовые кооперативы могли бы возникать следующим образом. Государство при социалистическом строе является владельцем и верховным распорядителем всех общественных средств производства. Но нет никакой необходимости, чтобы государство во всех случаях и неизменно само руководило общественным трудом.

Возможен и такой порядок. Государственная власть отдает во временное пользование те или иные средства производства трудовым кооперативам. Трудовые кооперативы берут на себя обязательства выполнять все требования, которые им предъявит государство, и прежде всего поставлять в государственные склады и магазины определенное количество продуктов.

Весьма возможно, что при такой передаче общественных средств производства в пользование рабочей ассоциации государство обеспечит себе большее количество продуктов, чем при непосредственном использовании данных средств производства при помощи трудовой повинности. Эта возможность объясняется благоприятным влиянием свободы частной предприимчивости и организации труда на добровольных началах.

Всякая государственная организация страдает бюрократизмом и шаблонностью выполнения. Государственная власть может рассчитывать только на среднего рабочего, среднюю производительность труда, среднюю изобретательность, предприимчивость и т. д. Рабочий на государственной фабрике не имеет никаких мотивов развивать более чем среднюю энергию труда и давать более среднего количества трудового продукта. То же нужно сказать и о руководителях хозяйственных процессов — техниках, инженерах и пр.

Трудовая кооперация должна дать выход свободным творческим силам общества. Группа рабочих берет на свой страх и риск определенный комплекс средств производства, принадлежащих государству. Государство обеспечивает свои интересы обязательством, возлагаемым на образующийся трудовой кооператив, поставлять в пользу государства необходимое количество продуктов.

Но рабочая группа может произвести большее количество продуктов или продуктов лучшего рода, чем те, которые производились раньше при помощи данных средств производства. Избыточное количество продуктов, равно как и выгода улучшения их качества, достается самому кооперативу.

Таким образом, члены кооператива получают мотив развивать более чем среднюю энергию труда, более чем среднюю предприимчивость, изобретательность и пр.

В трудовые кооперативы будут объединяться люди выше среднего уровня, между тем как для рядовых рабочих будут открыты государственные и муниципальные мастерские.

Возможность большего заработка в трудовых кооперативах будет вполне оправдываться большей производительностью труда членов этих кооперативов сравнительно с рядовыми рабочими. С другой стороны, эта возможность большего заработка будет компенсироваться риском заработать менее: если кооператив не выполняет перед государством своего обязательства поставить определенное количество продуктов (соответствующее среднему поступлению продуктов при государственной организации труда), то члены кооператива обязываются возместить государству недостающую ценность из своего собственного трудового дохода.

Трудовые кооперативы, возникающие таким образом, будут двоякого рода. Одни из них будут объединять производителей того же продукта, другие будут объединять производителей различных продуктов, удовлетворяющих потребностям членов трудовой группы. Кооперативы первого рода образуют собой производительные ассоциации, кооперативы второго рода — общины.

Областью производительных ассоциаций явится промышленность, областью общин — сельское хозяйство.

Идеал коммунального социализма, представителями которого были Фурье и Оуэн, в наше время должен считаться устранившимся ходом хозяйственного развития.

Мы не можем в настоящее время представлять себе будущее общество, распавшимся на независимые или почти независимые друг от друга небольшие общины, которые соединят внутри себя сельское хозяйство с промышленностью и будут удовлетворять большую часть своих потребностей своим собственным трудом. Коммунальный социализм игнорирует огромное значение территориального разделения труда внутри общества, а также необходимые размеры концентрации промышленного производства.

Внутри социалистической общины не найдется места ни для современного металлургического завода, ни для угольной копи, ни для современной фабрики.

Распадение социалистического общества на отдельные общины знаменовало бы собой отказ от всей современной техники с ее же-

лезными дорогами, машинами и пр. И, конечно, на такой отказ человечество не пойдет.

Тем не менее коммунальный социализм все же заключает в себе зерно истины. Зерно это заключается в идее сельскохозяйственной общины.

Как всем известно, и как это множество раз доказывалось в специальной литературе, выгоды крупного производства в сельском хозяйстве гораздо менее значительны, чем в промышленности. В некоторых отраслях сельского хозяйства, например в интенсивном животноводстве, выгоды эти почти исчезают, так как уход за молодыми животными и птицей требует такой тщательности и такой индивидуализации труда, которые недостижимы при крупных размерах производства.

Тем не менее в большинстве случаев и в сельском хозяйстве крупное производство представляет известные, хотя и не столь большие, выгоды сравнительно с мелким; но выгоды эти компенсируются преимуществом трудового хозяйства перед капиталистическим.

При социалистическом строе крупное сельское хозяйство с точки зрения интересов всего общества явится более желательным, чем мелкое, ибо при крупном хозяйстве общество будет обеспечено в наибольшем количестве предметами питания.

Между тем в настоящее время в большинстве стран в сельском хозяйстве решительно преобладает мелкое производство, причем в силу социальных условий наблюдается постепенное вытеснение мелким сельским хозяйством крупного; в России этот процесс разрушения крупного сельского хозяйства принял в связи с революцией 1917 г. особенно стремительный характер.

Таким образом, ко времени возникновения социалистического строя сельское хозяйство будет в большинстве случаев в руках мелких хозяев — крестьян.

Крестьяне во всех странах обнаруживают большую привязанность к своим привычным формам хозяйства. Везде, кроме Англии, крестьяне составляют очень многочисленный класс населения, а во многих странах и большинство населения. Нечего и думать о каком бы то ни было насилии социалистического общества над крестьянским классом: где сельское хозяйство находилось до эпохи социализма в

руках крестьян, там оно останется в тех же руках и после осуществления социалистического строя.

Каким же образом крестьяне могут прийти к крупному сельскому хозяйству? Только через трудовую кооперацию.

О фаланстерах в настоящее время мечтать не приходится, и, вероятнее всего, члены сельской общины будущего предпочтут жизнь не в общем социальном дворце, а в отдельных домах, как и в настоящее время. Еще менее приходится рассчитывать на то, что сельская община объединит в своей среде сельское хозяйство и промышленность. Только мелкое производство промышленных изделий могло бы получить некоторое развитие в социалистической общине, и очень вероятно, что это производство в социалистической общине будет иметь место, так как сельские производители располагают зимой свободным временем, которое они могут с пользой употреблять на изготовление промышленных продуктов.

Можно себе представить, что социалистическая община будет перерабатывать свои продукты и при помощи машин благодаря электрической энергии.

Электричество не произвело в капиталистическом обществе промышленной революции и не вернуло былого значения мелкому производству, как на это рассчитывали очень многие. Но возможно, что при социализме передача электрической энергии на расстояние поведет к тому, что мелкое промышленное производство оживет и в сельской общине заработают сотни станков, приводимых в движение из центральной электрической станции.

Все это возможно и весьма желательно. Однако все же выгоды крупного производства в промышленности столь значительны, что центром тяжести промышленного производства и при социализме останется фабрика, а не сельская община. В лучшем случае мелкое промышленное производство в общине составит при господстве социализма существенное дополнение к фабричной промышленности.

Социалистическая община будет построена по другому принципу, чем производительная ассоциация. А именно: в производительной ассоциации объединяются рабочие, изготовляющие тот же продукт. Напротив, в общине объединятся производители разнообразных продуктов, работающие не только на нужды всего общественного целого, но и для удовлетворения своих собственных потребителей.

Социалистическая община должна иметь характер автономной хозяйственной организации, живущей в значительной мере своими собственными продуктами. В этом смысле идеалы Оуэна и Фурье сохранили и теперь свое значение.

Но, конечно, социалистическая община не будет верховным хозяином своих средств производства. Над общиной будет социалистическое государство.

Подобно тому как государство предоставляет на известных условиях средства производства производительным ассоциациям, точно так же государство будет поступать и по отношению к общинам. Верховным хозяином земли, которой пользуется данная община, останется все общество в лице государства. Но государственная (или хотя бы муниципальная) организация сельскохозяйственного производства трудно осуществима во всех тех случаях, когда социализм застанет сельское хозяйство в руках крестьян.

Во всех этих случаях задачей социалистической сельской политики будет развитие сельских общин с общим производством сельскохозяйственных продуктов. Каждая община будет обязана поставлять в пользу государства известное количество продуктов, которые затем будут тем или иным порядком распределяться между остальным населением.

За вычетом этого количества продуктов община будет совершенно свободно распоряжаться создаваемым ею богатством. Но для успеха всей этой организации весьма важно, чтобы она имела не принудительный, а вполне добровольный характер, чтобы общины возникали как трудовые кооперативы, а не как учреждения, навязываемые сельскому населению.

В таких кооперативных социалистических общинах возможна будет весьма различная степень кооперирования различных сельскохозяйственных процессов.

Некоторые из этих процессов будут кооперированы до конца — весь соответствующий труд будет исполняться общими силами всех членов общины и продукт будет безраздельно принадлежать всей общине, которая по уплате следуемого государству будет распоряжаться остатком совершенно свободно по своему усмотрению: распределять его на тех или иных основаниях между членами общины, сохранять в общем нераздельном пользовании или же сбывать в

свою пользу через посредство государственных и муниципальных магазинов остальному населению. В других случаях процесс производства того или иного продукта будет находиться частью в руках всей общины или известной доли ее членов, частью исполняться трудом отдельных лиц.

Наконец, в-третьих случаях возможно, что процесс производства с начала до конца будет исполняться трудом отдельных лиц.

Так, например, более простые сельскохозяйственные процессы, как производство хлеба, могут быть легко кооперированы до конца: вся община будет сообща пахать поле, собирать урожай и молотить его.

Напротив, в молочном хозяйстве возможно будет разделение процесса производства на две ступени: уход за коровой и получение молока могут быть делом отдельного лица, но переработка молока в масло должна исполняться особым трудовым кооперативом, причем в состав этого кооператива будут входить не все члены общины, но лишь те из них, которые заняты молочным хозяйством.

Однако социалистическая маслодельная артель будет тем отличаться от современной, что современная построена на наемном труде лиц, занятых переработкой молока в масло, между тем как в социалистической артели наемных рабочих не будет: маслоделы и все рабочие маслодельного завода будут такими же полноправными членами маслодельного кооператива, как и владельцы коров, поставщики молока.

Доход в социалистической маслодельной артели будет распределяться поэтому не по количеству поставленного молока, а по каким-либо иным основаниям.

Наконец, в огородничестве для собственного потребления возможно сохранение с начала до конца индивидуального производства. Небольшие огороды составляют естественное дополнение домашнего хозяйства, и поскольку домашнее хозяйство сохранит свой обособленный характер (а наиболее вероятно, что социализм не уничтожит обособленности домашнего хозяйства, связанного с характером современной семьи, — пока сохранится современная семья, до тех пор обособленный домашний очаг будет привлекать человека), постольку и огородничество будет делом каждой отдельной семьи в общине.

Само собой разумеется, что весь сбыт продуктов социалистической общины, равно как и все совершаемые ею закупки, должны быть делом коллективного целого.

Таким образом, почти все виды современных кооперативов, кроме кредитных, найдут себе место в социалистической общине будущего, с тем, однако, существенным различием сравнительно с кооперативами нашего времени, что они, по необходимости, примут характер трудовых кооперативов и, соответственно этому, должны будут существенно измениться в своей внутренней структуре.

Итак, свободная кооперация найдет себе в социалистическом обществе широкое применение.

Кооператоры не должны думать, что этот хозяйственный строй, который они создают, представляет собой низший социальный тип, сравнительно с социалистическим государством.

Нет, кооперация представляет собой более высокий социальный тип, чем коллективизм, ибо коллективизм является организацией, основанной на принудительной власти большинства над меньшинством, между тем как кооперация является типом вполне свободного хозяйственного и общественного союза.

Конечно, современная кооперация, основанная на наемном труде, кооперация, платящая проценты на капитал, кооперация, эксплуатирующая рабочего и охраняющая интересы мелкого собственника, очень далека от того общественного идеала. Но современный облик кооперации есть результат приспособления кооперации к той социальной среде, в которой она возникла, — к среде капиталистического общества. В кооперации, однако, заложены основы и совершенно иного хозяйственного строя, стоящего выше не только капитализма, но и коллективизма.

Этот новый, свободный хозяйственный строй возник, в виде кооперации, уже в пределах капиталистического хозяйства, которое развивается, таким образом, в двух различных направлениях; с одной стороны, в сторону коллективизма, государственного социализма; с другой стороны, в сторону свободных анархических хозяйственных союзов, выражением чего является кооперация.

Но что будет, когда капитализм сойдет с исторической арены и коллективизм вытеснит капитализм, — не остановится ли тогда всемирная история? Каков будет следующий исторический день после

того светлого «завтра», которое уже бросает свои лучи на сумрак сегодняшнего дня?

Нет, всемирная история никогда не прекратится. Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации.

Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей — стать насквозь свободным кооперативом.

Таков социальный идеал, который полностью никогда не будет достигнут, но в приближении к которому и заключается весь исторический процесс человечества.

Приложение 1. Статистика кооперации

Статистика международного кооперативного движения

Нижеследующие данные заимствованы из последнего выпуска «Jahrbuch der internationalen Genossenschafts bevegung» за 1913 г.

Статистика эта весьма несовершенна и сильно запаздывает. Данные для России исключены ввиду их крайней неполноты.

	Число кооперативов	Число членов кооперативов (тыс. чел.)	1 член кооператива на число жителей
Европа:			
Дания	5 033	614	4
Швейцария	7 827	375	10
Австрия	16 563	2 400	12
Германия	30 555	4 800	13
Румыния	2 904	443	13
Бельгия	2 270	500	15
Финляндия	1 929	200	15
Нидерланды	2 679	355	16
Соединенное Королевство	2 500	2 750	16
Италия	7 564	1 667	20
Норвегия	3 078	100	24

	Число кооперативов	Число членов кооперативов (тыс. чел.)	1 член кооператива на число жителей
Венгрия	6 000	800	26
Швеция	2 100	160	30
Сербия	1 252	60	44
Франция	10 983	800	49
Болгария	727	50	80
Испания	274	80	244
<i>Всего</i>	104 238	16 154	
Азия:			
Япония	5149	500	103
Америка:			
США	500	60	1533

Общая статистика русской кооперации

(по подсчету М. Л. Хейсина)

На 1 января 1917 г.

Кредитных кооперативов	16 055
Потребительских обществ	20 000
Сельскохозяйственных обществ	6 032
Сельскохозяйственных товариществ	2 100
Маслодельных артелей	3 000
<i>Всего</i>	41 187

Число членов их близко к 13,5 млн. чел.

Статистика русской кредитной кооперации

(по данным управления по делам мелкого кредита)

На 1 января 1916 г.

	Кредитные товарищества	Ссудо-сберегательные товарищества
Число товариществ	11 412	4 042
Число членов	7786 724	2297 709
Число членов на одно товарищество	682	559

	Тыс. руб.
Средства собственные	129
Вклады и займы у частных лиц	558
Правительственные	95, 5
Ссуд выдано	569

На 1 января 1917 г.

	Балансы (млн. руб.)	Вклады (млн. руб.)
Кредитных товариществ	601, 4	419, 6
Ссудо-сберегательных товариществ	382, 3	262, 7
Земских касс	167, 7	
70 союзов	75, 2	

По подсчету В. Меркулова на 1 января 1918 г. в России было около 22 500 потребительских обществ. Число членов в них — около 8–9 млн. чел., обороты — свыше 5 млрд. руб. Союзов потребительских обществ было свыше 500.

	1914 г.	1915 г. (на 15 октября)	1916 г. (на 15 октября)	1917 г.
Кредитных товариществ	10 695	11 465	11 972	12 114
Ссудо-сберегательных товариществ	3 891	4 108	4 289	4 363
Союзов кредитных товариществ	11	25	83	136
Земских касс	232	254	281	281

Приложение 2. Литература по кооперации

В нижеследующем указаны лишь те книги по вопросам кооперации, которые кажутся мне имеющими более важное значение для изучения кооперации и притом преимущественно на русском языке. Только в крайних случаях, когда на русском языке соответствующих книг совсем нет, указаны иностранные источники.

Для общего ознакомления с состоянием кооперации в разных странах Западной Европы можно рекомендовать книгу:

Фей Ч. Р. Кооперация в Западной Европе (1912). Книга эта имеет характер довольно полной сводки фактических данных о состоянии кооперации на Западе; теоретическая часть ее мало интересна.

Что касается **общей теории кооперации**, то вполне подходящую книгу указать нелегко. Правда, в германской литературе имеется работа, соответствующая по теме этой задаче: *Jacob. Volkswirtschaftliche Theorie der Genossenschaften* (1913). Но эта книга кажется мне очень неудачной во многих отношениях. Единственной ценностью и главным содержанием ее является не лишняя известного значения оригинальная классификация кооперативов. *Bernard Lavergne. Le régime coopératif.* (1908) при известных достоинствах также не может быть рекомендована ввиду крайнего своеобразия теоретических построений автора, с которыми трудно согласиться и которые не встретили сочувствия среди представителей кооперативной мысли.

Таким образом, по общей теории кооперации русскому читателю можно указать только книги: *Николаев А. А.* Теория и практика кооперативного движения (1908). В 2-х т.; *Пажитнов К. А.* Основы кооператизма (1917).

Последняя книга интересна своеобразным освещением понятия кооперации: кооперативное движение автор сближает с профессиональными союзами рабочих.

По пролетарской кооперации литература обширна и содержит в себе ряд выдающихся работ, но, к сожалению, только иностранных авторов. Некоторые из этих работ переведены и на русский язык.

Потребительская кооперация

Уэбб Б. (Поттер). Кооперативное движение в Великобритании (1905). *Халиок.* История рочдельских пионеров (1913). *Riehn.* Das Konsumvereinswesen in Deutschland (1902). *Göbre P.* Die deutschen Arbeiterconsumvereine (1910). *Cernesson J.* Les sociétés coopérative anglaises (1905). *Жид Ш.* Кооперация (1909).

Производительные и трудовые артели

Webb S. a B. Cooperative Production and Profit-sharing//The new Statesman. 1914. Special Supplement. Vol. II. N 45. *Cernesson J.* Les

associations Oufrières de Production. *Huber*. Capital und Verwaltungsbeteiligung der Arbeiter in den britischen Produktivgenossenschaften (1912).

По **домостроительной** кооперации можно указать книгу: *Диканский М. Т.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. 2-е изд. (1912).

По **крестьянской** кооперации имеется несколько очень ценных работ русских авторов: *Косинский В. А.* Учреждения для мелкого кредита в Германии (1901); *Анциферов А. Н.* Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции (1909); Современное положение кредитной кооперации в странах Западной Европы (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. 1. (1913); *Железнов В. Я.* Теория мелкого (кооперативного) кредита (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. 1. (1913); *Чупров А. И.* Мелкий кредит и кооперация. (1909); *Он же.* Мелкое земледелие и его основные нужды. Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского (1909); *Каратыгин Е. В.* стране крестьянских товариществ (Сельскохозяйственная кооперация в Дании). 2-е изд. (1913).

По **мелкобуржуазной** кооперации можно рекомендовать превосходную монографию: *Fink R.* Das Schulze-Delitzsche Genossenschaftswesen (1909).

По **промысловой** кооперации можно указать обширную работу: *Петров Г. П.* Промысловая кооперация и кустарь (1917).

По вопросу о **классовой природе и политической позиции** кооперации посвящены две имеющиеся в русском переводе брошюры: *Мюллер Г.* Теория классовой борьбы и принцип нейтралитета кооперативного движения (1909); *Кауфман Г.* Теория потребительной кооперации (1912).

Против **политического нейтралитета**: *Vandervelde Emile.* La coopération neutre et la coopération socialiste (1912).

Литература по **русской кооперации** обширна, но имеет по преимуществу характер пропаганды и популяризации принципов кооперации. Из книг иного рода можно рекомендовать следующие:

Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика (1913). (Безусловно, самая ценная обобщающая работа о русском кооперативном движении.); *В. В. Артель* в кустарном промысле (1895); *Макаров И. П.* Крестьянское кооперативное движение

в Западной Сибири (1910); *Евдокимов А. А.* Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России (1911); *Марголин С. О.* Еврейские кредитные кооперации (1908); *Зак Л. С.* Кооперация среди евреев (1913); *Мавричев В. В.* Земство и мелкий народный кредит (1912); *Зельгейм В. Н.* Организация и практика потребительных обществ в России (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. II (1913); *Бондарев И. А.* Организация и практика учреждений мелкого кредита в России. Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского; *Кулыжный А. Е.* Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства. Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского; *Кн. К. В. Кежуатов.* Кооперация и право (1914); *Подольский И. М.* Ответы на вопросы учреждений мелкого кредита (1915); *Меркулов А. В.* Исторический очерк потребительной кооперации в России. 2-е изд (1917); *Хейсин М. Л.* 50 лет потребительской кооперации в России (1915).

Справочные издания по русской кооперации

Меркулов А. В., Хейсин М. Л. Как организовать и вести потребительные общества? (1912); *Мацевич К. А.* Справочная книга для сельских товариществ (1913); *Бородаевский С. В.* Сборник по мелкому кредиту. 5-е изд. (1915).

По вопросу изучения кооперации и русской кооперативной литературы имеется прекрасный очерк: *Фортуатов А. Ф.* Об изучении кооперации (Курсы по кооперации). Изд. Ун-та имени А. Л. Шанявского. Т. I (1913). Тому же вопросу с педагогической точки зрения посвящена интересная книга: *Подольский И. М.* Пособие при устройстве курсов, чтении и бесед по кооперации и литературе для изучения кооперации (1913).

Русская кооперативная пресса: «Вестник кооперации» (Петроград), «Кооперативная жизнь» (Москва), «Союз потребителей» (Москва), «Вестник кооперативного кредита» (Москва), «Вестник кооперативных союзов» (Москва), «Кооперативный мир» (Москва).

МАРКС

Критический социализм насчитывает столько же великих представителей, как утопический социализм. Прудон, Родбертус и Маркс могут быть противопоставлены Оуэну, Сен-Симону и Фурье. Но среди критиков далеко не замечается того сходства общего мирозерцания, которое характерно для утопистов. Анархист Прудон, вышедший из полукрестьянской среды, сохранивший всю жизнь тяготение к мелкобуржуазным идеалам, имеет весьма мало общего по своему социальному мировоззрению с крупным землевладельцем и сторонником крепкой государственной власти Родбертусом; еще глубже отличается от них обоих величайший представитель критического социализма, вдохновитель новейшего рабочего движения — Карл Маркс.

В лице Маркса мы имеем перед собой удивительно законченную и цельную фигуру, как бы всю вылитую из бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоуверенное, но в то же время угловатое, жесткое, резкое сквозит во всякой черте его характерного нравственного облика. Видно, что перед вами человек, привыкший царить над умами людей и не допускающий ни минуты сомнения в своем праве на это. Его портрет несколько напоминает изображение Юпитера Олимпийца. И действительно, таким олимпийцем, повелителем неба, держащим в своих руках громоносные стрелы, должен был казаться Маркс своим многочисленным ученикам и последователям. В своем собственном царстве он был не конституционным монархом, но самодержавным владыкой. Его умственное руководство превращалось в железную диктатуру, которой должен был подчиняться каждый, поддерживавший с ним духовное общение.

По внешним фактам своей жизни Маркс может показаться типом самоотверженного борца за идеал. Большую часть жизни он прожил политическим эмигрантом, в бедности, нередко в тяжелой обстановке политического одиночества. Его первые шаги на жизненном пути сопровождались большими успехами, но затем наступили трудные, долгие годы изгнания, среди полного равнодушия публики к научной работе великого мыслителя и при невнимании рабочего класса к его социальной проповеди. Все это, однако, нисколько не сломило энергии Маркса, который в минуты невзгоды оставался таким же твердым и непоколебимым, как и во время успехов.

Его социальное мировоззрение сложилось очень рано — когда ему не было и 30 лет; но умирая 64-летним стариком, он ни одним словом, ни тем более делом, не изменил этому мировоззрению и оставался ему верен до конца; никаких компромиссов не было в его политической карьере. Неуклонно шел он выбранным им самым путем и мог с полным правом применить к себе гордые слова Данте:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!

*(Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят!)*¹⁰¹.

И все же идеализм был не свойствен натуре Маркса. Не был он и фанатиком идеи, ибо не идея владела им, но он владел своей идеей. Из всех страстей, волнующих душу людей, его холодная душа была всего доступнее одной страсти — страсти к познанию. Упорная умственная работа привела Маркса к выработке законченного мировоззрения, и вся его жизнь превратилась в борьбу за торжество этого мировоззрения. Но, несмотря на настойчивость и поразительную энергию, которую Маркс проявил в своей жизненной борьбе, борьба эта не освещалась тем высшим светом, о котором говорил своим ученикам умиравший Сен-Симон — светом энтузиазма. В лице Маркса мы имеем перед собой не вдохновенного бойца за лучшее будущее человечества, не пророка и не проповедника новой социальной веры, но упорного и настойчивого мыслителя, непоколебимо убежденного, что им открыты законы развития человеческого общества, что завеса будущего спала перед его умственным взором, и что люди должны идти указанным им путем, ибо такова железная необходимость. Литературный талант Маркса был первоклассным; многие страницы его произведений блещут такой сжатой энергией выражения и таким блеском и остроумием сравнений и метафор, что должны быть причислены к лучшим образчикам художественной прозы. Но как ни разнообразны и ни могущественны душевные струны Маркса, одна струна никогда не звучала в его душе — энтузиазма, вдохновения.

Ненависть, презрение, сарказм — вот те чувства, из которых складывался пафос Маркса. Творец «Капитала» был глубоким психологом, но нельзя не согласиться с Зомбартом¹⁰², что человеческая душа была раскрыта для него лишь наполовину: все темное и злое находит в нашем мыслителе удивительного ясновидца, но по отношению к благородным движениям человеческой души он страдал чем-то, весьма

похожим на умственную слепоту. Ему было знакомо негодование против зла, — но в этом негодовании чувству симпатии к угнетенным почти не было места.

Каким глубоким контрастом является душевный облик Маркса сравнительно с обликами великих утопистов! Непобедимая любовь к людям Оуэна, рыцарское благородство Сен-Симона, вдохновенные мечты Фурье о прекрасном гармоническом строе будущего общества — все эти движущие силы идеалистического мировоззрения утопистов были чужды Марксу. И если он сошелся с утопистами в своем социальном идеале, то это, с одной стороны, потому, что научный анализ объективного хода исторического развития оправдывал в его глазах предвидение утопистов; с другой же стороны, Маркс не был лишен чувств, толкавших его в ту же сторону, куда шли и утописты. Правда, чувство любви к людям было ему мало доступно. Но зато он был чрезвычайно способен к вражде, — и вражда к угнетателям заменяла в его душе любовь к угнетенным.

К своим политическим врагам Маркс был беспощаден; а врагом его было сделаться легко, — для этого было достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста являются его отношения к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба, и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения Маркса отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путем выражения ему самого ядовитого презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это орудие в ход так часто и так охотно.

Со своими друзьями, в своей частной жизни, Маркс был совсем иным. Подобно многим сильным людям, он был мягок и добродушен с теми, кто ему покорялся и признавал его авторитет. Суровый политический боец преображался у своего домашнего очага, в интимном кругу среди своей семьи, которую он очень любил, в веселого, остроумного и приветливого хозяина и собеседника. По словам Либкнехта¹⁰³, одной из трогательных черт Маркса была его любовь к детям — он чувствовал большую потребность в детском обществе и мог целыми часами играть с детьми. Обладая крепким здоровым организмом, уравновешенным, хотя и желчным характером, Маркс

любил простые непритязательные развлечения, и веселье было частым гостем в его доме. Трудно сказать, внушал ли он к себе любовь; но, несомненно, многие перед ним преклонялись и были ему преданы. Со своими верноподданными он был милостивым повелителем; но ничего похожего на равенство не было в интимном кругу Маркса. Он один царил, а все прочие — были его покорными слугами и учениками. И горе было ученику, который осмелился бы ослушаться учителя!

Карл Маркс (1818–1883) происходил из еврейской семьи, из которой в течение ряда поколений выходили замечательные раввины. Отец его был адвокатом и вскоре после рождения Карла принял крещение вместе со всей семьей. В университете молодой Маркс специально изучал философию и право и получил степень доктора философии. Он предполагал открыть курс лекций по философии в Боннском университете, но созданные правительством затруднения для академической деятельности его друга Бруно Бауэра¹⁰⁴ (который был доцентом богословия) побудили молодого ученого отказаться от этой мысли.

Итак, Маркс получил философское образование и первоначально думал посвятить себя специальному изучению философии. Его первая работа — докторская диссертация о философии Эпикура¹⁰⁵ — была написана на философскую тему. Серьезная философская школа, которую прошел Маркс, несомненно глубоко отразилась на всей последующей литературной деятельности великого экономиста. Тем не менее философа в узком смысле слова из него не вышло. Несмотря на свою огромную умственную силу и крайне широкую область своих исследований, охватывающих всю общественную жизнь, никакой законченной системы своих философских воззрений Маркс не дал. В истории философии для нашего доктора философии почти нет места.

Философская непроизводительность нашего мыслителя зависела от его быстрого разочарования в философии как особой области познания. Будущий творец материалистической теории общественного развития вышел из идеалистической школы Гегеля. В конце 30-х годов, когда наш юный студент проходил в Берлине свой философский курс, Гегель был венчанным королем философской мысли Германии. Метафизика праздновала свои самые пышные триумфы, и за

ее победной колесницей скромно шла наука. Но молодой философ не надолго присоединился к этому торжественному шествию. В свойствах своего ума и характера он обладал талисманом, охранявшим его от метафизических увлечений. Трудно указать в истории мировой мысли другой выдающийся ум, который был бы до такой степени чужд всяких идеалистических порывов, как ум Маркса. Никакого искания вечного и абсолютного, никакого стремления за пределы опыта, никакой жажды веры, никакого чувства тайны, наполняющей мир! Прямо-таки странно, каким образом такой сильный ум мог мыслить так грубо реалистически! Быть может, Маркс был единственным в истории примером гениального мыслителя, совершенно лишенного религиозного чувства. И конечно, только философская непродуманность его мирозерцания давала ему возможность с таким высокомерным презрением относиться к верховным проблемам человеческого духа, неотступно привлекающим к себе возвышенные умы. Вообще, по своему общему мирозерцанию и душевному складу, Маркс более всего напоминает французских материалистов XVIII века, с их моралью разумного эгоизма и реалистической ограниченностью философского мышления. Но французские материалисты были людьми малого духа, между тем как Маркс был мыслителем огромной силы. И в этом глубокое различие между ними.

При таких умственных симпатиях Маркс не мог проникнуться идеалистическим духом философии Гегеля. Тем не менее, гегельянская школа не прошла для него бесследно. Отвергнув наиболее существенную идеалистическую часть системы Гегеля — все положительное содержание этой системы, наш философ усвоил диалектический метод Гегеля — представление о мировом процессе как о непрерывном развитии путем [борьбы] противоположностей. Однако, марксистская диалектика существенно отличается от гегельянской. У Гегеля процесс природы есть внешнее обнаружение процесса мысли. «Для меня же, — говорит Маркс, в предисловии ко второму изданию «Капитала», — идеальное начало является, наоборот, лишь прошедшим через человеческий мозг материальным началом... Диалектика стоит у Гегеля вверх ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти рациональное начало в мистической оболочке». Подвергнув гегелевскую диалектику этой рискованной операции, Маркс признал ее вполне пригодным методом исследования общественного развития.

Диалектическое развитие предполагает постоянную смену трех фазисов — тезиса, антитезиса и синтеза: данная ступень развития (тезис) влечет свое отрицание (антитезис), за которым следует высшая ступень, отрицающая отрицание и примиряющая противоречие двух предшествовавших ступеней в высшем единстве (синтезе), в свою очередь отрицаемом дальнейшей ступенью развития и т. д. Внутренние противоречия, присущие каждому бытию, являются движущими силами развития. Развитие не имеет конца, — все находится в непрерывном движении, возникает для того, чтобы погибнуть, и погибает для того, чтобы возникнуть в новом виде, — неподвижна лишь голая абстракция от всякого движения — «бессмертная смерть».

Этот метод Маркс думал применить к изучению исторического развития общества. Но, строго говоря, автор «Капитала», как он и сам признавался, только «кокетничал гегелевской манерой выражаться». От гегелевского метода у него осталась под конец почти одна терминология.

Гораздо глубже повлиял на Маркса другой философ, также вышедший из школы Гегеля, но чуждый гегелевскому идеализму — Людвиг Фейербах¹⁰⁶. Его книга «Сущность христианства» пришлось как нельзя более по вкусу юных гегельянцев, стремившихся освободиться от метафизического плена. Не нужно забывать, что дело происходило в начале 40-х годов, когда вся умственная атмосфера Европы была насыщена приближавшейся революционной грозой. Книга Фейербаха показалась откровением. «Нужно самому пережить освобождающее действие этой книги, чтобы составить себе представление о ее значении, — писал Энгельс. — Воодушевление было всеобщее; мы все моментально сделались фейербахианцами».

И действительно, в лице автора «Сущности христианства» Маркс нашел философа значительно более родственного себе по духу, чем Гегель. Главное, что влекло юного отрицателя к Фейербаху — это общее направление философии последнего. В области морали Фейербах был утилитаристом, в области философии — материалистом. Одному из своих сочинений Фейербах дал характерный подзаголовок: «человек есть то, что он есть». Философское значение этого оригинального мыслителя Энгельс характеризует следующим образом: «Путь развития Фейербаха вдет от гегельянства — правда, далеко не правоверного — к материализму, — развития, приводящего на из-

вестной своей ступени к совершенному разрыву с идеалистической системой Гегеля. С непреодолимой силой в уме Фейербаха возникает убеждение, что принимаемое Гегелем домировое существование абсолютной идеи, вечное бытие логических категорий, есть не что иное, как остаток фантастических суеверий, что материальный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственно реальное бытие и что наше сознание и мышление, какими бы сверхчувственными они нам ни казались, суть продукты материального, телесного органа — мозга. Не материя продукт мозга, но дух есть не что иное, как высший продукт материи».

Все эти идеи, вплоть до знаменитого тезиса «человек есть то, что он есть» (зерно материалистического понимания истории), были восприняты Марксом. Но для нашего радикального мыслителя даже Фейербах был слишком идеалистичен. Несмотря на свой материализм, автор «Сущности христианства» признавал необходимость религии — хотя бы только религии человечества. Он был не чужд энтузиазма: отвергнув поклонение высшему началу, он склонял колена перед величием любви, которая была венцом его системы, верховной силой, управляющей человеческим обществом. На этом базисе несколько сентиментальный, несмотря на свой атеизм, философ стремился обосновать свою систему морали.

Как презрительно должен был относиться к этим слабостям добродушного немецкого философа молодой Маркс! Он столь же мало верил в любовь, как и в абсолютную идею. Человеческая история, насыщенная насилием и кровью бесчисленных поколений, казалась ему лучшим опровержением религии любви. Он возлагал свои надежды не на любовь, а на силу, которая должна, наконец, избавить людей от тяготеющего над ними тысячелетнего беспощадного, безжалостного гнета.

Уже в 1842 г. (т. е. всего 24-х лет от роду) наш радикальный философ становится редактором большой оппозиционной газеты в Кельне — «*Rheinische Zeitung*»¹⁰⁷. Газета была органом оппозиционной буржуазии, и просуществовала недолго — правительство поспешило ее закрыть.

На родине Марксу делать нечего, он едет в Париж и вместе с Арнольдом Руге¹⁰⁸ основывает орган «*Deutsch-französische Jahrbucher*»¹⁰⁹, из которого появилась, однако, только одна книжка. Жур-

нал прекратился частью вследствие трудности доставления его в Германию, частью вследствие принципиальных разногласий между редакторами. Разногласия состояли, по словам Энгельса, в том, что Руге оставался гегельянцем и буржуазным радикалом, между тем как Маркс под влиянием изучения французских социалистов переходит к социализму.

Около этого времени Маркс начинает упорно изучать экономические вопросы. Первый толчок к экономическим исследованиям был дан нашему мыслителю, по его собственным словам, необходимостью высказываться по экономическим вопросам в редактированной им газете «*Rheinische Zeitung*». Пребывание в Париже доставило молодому немецкому эмигранту случай ближе познакомиться с французскими социалистами, из которых наибольшее влияние на него оказал, вероятно, Прудон. Вместе с тем, существенное значение в выработке социального мировоззрения Маркса имела, по-видимому, и книга Лоренца Штейна «*Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs*»¹¹⁰ (1842 г.)

В числе сотрудников «*Deutsch-französische Jahrbücher*» был и Фридрих Энгельс, с которым Маркс хорошо сошелся в Париже в 1844 году; между ними установилась тесная дружба, основанная на сходстве воззрений и на полном подчинении Энгельса своему несколько более старшему сверстнику. В истории трудно указать другой пример такой тесной духовной связи двух выдающихся людей. Что Энгельс сам по себе представлял крупную величину, это достаточно доказывается его работами, исполненными до сближения с Марксом. Одна из них «*Die Lage der arbeitenden Klasse in England*»¹¹¹ представляет собой, бесспорно, замечательное произведение, оригинальное и глубокое. Но в натуре Энгельса не хватало, по-видимому, самостоятельности и энергии; после сближения с Марксом он как бы утрачивает свою индивидуальность, совершенно отходит на второй план, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великого друга и популяризатора его взглядов. Только после смерти Маркса Энгельс перестал играть «вторую скрипку» и занимает в руководительстве рабочим движением его место.

Первым совместным трудом обоих друзей была книга, направленная против их прежнего товарища — Бруно Бауэра («*Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten*»¹¹², 1845 г.), написанная в

том резко полемическом тоне, который характеризует все произведения Маркса.

В Париже Маркс пробыл недолго. Прусскому правительству удалось выхлопотать у министерства Гизо¹¹³ высылку молодого публициста из Франции за редактирование небольшой немецкой оппозиционной газеты «Vorwärts»¹¹⁴, издававшейся в Париже. Преследуемый писатель переселяется в 1845 году в Брюссель и здесь издает в 1847 г. полемическую книгу против Прудона¹¹⁵. Маркс и Энгельс становятся членами одного тайного политического общества¹¹⁶ и выпускают в начале 1848 г. по поручению этого общества знаменитый «Коммунистический Манифест».

Затем следует февральская революция, арест Маркса в Брюсселе и возвращение его в Париж по приглашению одного из членов временного правительства. Вся Европа полна революционной смуты, Германия волнуется. Маркс спешит вернуться на родину и возобновляет в Кельне издание газеты «Neue Rheinische Zeitung»¹¹⁷, просуществовавшей, однако, меньше года. Победа реакции повела к высылке молодого революционного публициста из Кельна, а вслед затем и французское правительство запретило ему пребывание в Париже.

Тут наступает решительный поворот в жизни нашего мыслителя; на политической арене ему делать нечего, и он удаляется в обычное убежище политических эмигрантов европейского континента — в свободную Англию, в Лондон, который и делается его окончательным и постоянным местом жительства.

Революционные бури затихли. Скитания Маркса кончились, и он живет несколько десятков лет, не преследуемый и не тревожимый никем в мировой столице. Но это внешнее спокойствие было тяжелым испытанием для творца «Капитала». По своей натуре он был борцом; его мощная воля требовала энергичной деятельности, а между тем политические условия Европы обрекали его в течение длинного ряда лет на полное политическое бездействие. Когда Маркс покинул континент, ему едва исполнился 31 год; несмотря на такую молодость, он был уже одним из самых видных радикальных публицистов Германии и пользовался огромным влиянием и авторитетом среди своих единомышленников. Он принимал деятельное участие в революционном движении 1848 г., когда даже самым скептическим людям могло казаться, что наступил огромный социаль-

ный переворот, за которым последует рождение мира будущего. Но революционный вихрь пронесся, — и старая Европа устояла; только обломки революционных партий свидетельствовали о неудавшейся революции.

Первые годы реакции были особенно тяжелы для политических эмигрантов, скопившихся из всех стран Европы в Лондоне. Разочарование было глубоко. После стольких блестящих успехов — такое уничтожающее поражение! После стольких светлых надежд — такая удручающая действительность! Бывшие диктаторы, главнокомандующие революционных армий, министры, члены временных правительств превратились в жалких изгнанников, искавших и не находивших заработка. Такое падение было трудным испытанием стойкости политических убеждений многих революционных деятелей. Более слабые пали и «поклонились тому, что сжигали», но и самые сильные поколебались, утратили энергию и прежнюю веру, поддались унынию, которое охватило всю европейскую демократию. Вспомним, например, какой тяжелый душевный кризис пережил в это время Герцен — человек выдающейся энергии и светлого ума. И быть может, среди всех усталых, измученных, колеблющихся или совсем изменивших своему делу ветеранов и инвалидов революции один Маркс остался таким же бодрым, каким он был в минуты наибольшего подъема революционной волны. Его социальное мировоззрение только крепнет под влиянием пережитых испытаний. В тех событиях, которые другим казались крушением движения, он видел лишь последовательные фазисы развития движения. За отливом должен последовать прилив, — и чем сильнее реакция, тем выше должна подняться грядущая революционная волна.

Политический застой 50-х годов был для Маркса периодом самой упорной, бодрой и плодотворной умственной работы. Уже в конце 40-х годов он обладал серьезной экономической эрудицией и как показывает его книга о Прудоне, был хорошо знаком с английской экономической литературой. Пребывание в Лондоне и постоянные занятия в Британском Музее доставили ему возможность расширить его экономическую эрудицию в колоссальных размерах. По всей вероятности никто до и после Маркса не знал в таком совершенстве и в такой полноте английскую экономическую литературу. Французскую экономическую литературу он также знал хорошо, немецкую же

гораздо меньше, как показывает засвидетельствованное Энгельсом его незнакомство с первыми работами Родбертуса.

В 50-х годах Маркс деятельно сотрудничал в «New-York Tribune»¹¹⁸ и выпустил несколько брошюр, из которых особенно замечательна «Die 18 Brumaire des Louis Bonaparte»¹¹⁹ (1852 г.) — мастерский анализ событий, поведших к диктатуре Бонапарта. Наконец, в 1859 г. он представил первый очерк своей критики капиталистического строя в работе под заглавием «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»¹²⁰. Книга эта должна была быть первым выпуском задуманного Марксом обширного экономического сочинения, но последующих выпусков не появилось, благодаря тому, что автор изменил план своей работы. Вместо продолжения «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» он выпустил в 1867 г. первый том своего главного, в полном смысле слова гениального труда «Das Kapital». Второй том «Капитала» вышел после смерти своего великого автора в 1885 году, третий — в 1894 г.

В 60-х годах, в то время, когда Маркс работал над «Капиталом», обстоятельства позволили ему вернуться к практической общественной деятельности. В 1864 г. в Лондоне была основана «Международная ассоциация рабочих»¹²¹. Инициатива создания «Интернационала» не принадлежала Марксу, но так как Маркс был велик, а прочие члены «Интернационала» были людьми обыкновенного роста, то руководство общества естественно перешло к нему. Задачей «Интернационала» было объединение рабочего движения в разных странах капиталистического мира и поддержка этого движения общими силами пролетариата. Со стороны Маркса требовалась большая ловкость и хитрость для того, чтобы корабль «Интернационала» не разбился с первых же шагов о подводные камни партийных раздоров среди рабочих. Но великий экономист был вместе с тем искусным дипломатом. Он умел, когда нужно, скрывать свои мысли и прибегать к туманным выражениям, чтобы заставить людей согласиться с тем, с чем они не согласны. Вступительный адрес общества и его статуты, принадлежащие перу Маркса, были составлены так ловко, что самые противоположные рабочие течения могли примкнуть к «Интернационалу».

Деятельность общества вначале выразилась главным образом в поддержке стачек. Однако с каждым годом Маркс все более и более забирал в свои руки нити управления обществом, постепенно про-

никавшимися идеями автора «Капитала» и подчинявшимся его социально-политической программе. Но вместе с тем росла и оппозиция, группировавшаяся преимущественно вокруг Бакунина и приведшая в конце концов к крушению «Интернационала». В 1872 г. на конгрессе в Гааге было постановлено под внушением Маркса, лично ненавидевшего Бакунина, исключение последнего из состава общества. Это повело к расколу «Интернационала» — целый ряд секций высказался за Бакунина, и «Международная ассоциация рабочих» фактически прекратила существование.

Падением «Интернационала» заканчивается публичная, политическая деятельность Маркса; но его влияние на рабочее движение всего мира росло и росло. К концу жизни гениальный экономист был на вершине своей славы. Его мысли стали символом веры германских рабочих; его практическая программа легла в основание политической борьбы пролетариата. Все его бывшие соперники сошли со сцены или были забыты. И он оставался единственным общепризнанным верховным авторитетом, творцом и главою самого могущественного социального движения, какое только знает новейшая история.

Учение Маркса охватывает собой не только экономическую теорию, но и общую философию истории; в то же время из теоретических основ этого учения вытекает определенная программа политической и общественной деятельности. Поэтому марксизм, может быть изучаем с разных точек зрения. Но мы не будем говорить о философии истории Маркса — так называемом материалистическом понимании истории*, а остановимся только на его экономической теории — учении о природе и законах развития капиталистического хозяйства.

В основание всей своей экономической системы Маркс кладет учение о труде, как единственной и абсолютной субстанции ценности. «Величина ценности какой-либо полезной вещи определяется только количеством общественно необходимого труда или общественно необходимого для ее производства рабочего времени», — говорит Маркс.

* Критическая оценка исторического материализма дана в моей книге «Теоретические основы марксизма».

«Общественно же необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или иной полезной вещи... Товары, в которых содержатся одинаковые количества труда, или которые могут быть произведены в одинаковые промежутки рабочего времени, имеют поэтому одинаковую ценность. Ценность одного товара относится к ценности другого товара как рабочее время, необходимое для производства одного относится к рабочему времени, необходимому для производства другого. Как ценности все товары суть только определенные количества застывшего рабочего времени». Итак, ценность товара — это застывшее в нем рабочее время. Человеческий труд есть не один из моментов, влияющих на высоту ценности, как учил Рикардо; нет, труд образует самое существо, самую субстанцию ценности.

Но ведь конкретный человеческий труд так же различен, как различны и продукты труда. Труд сапожника в своей конкретной форме есть нечто иное, чем труд врача. Различные, конкретные виды труда столь же несоизмеримы между собой, как и продукты труда в своей потребительной форме. Все разнообразные виды труда становятся, однако, вполне соизмеримыми друг с другом, если мы отвлекаемся от их конкретной формы и рассматриваем их как простое выражение абстрактного человеческого труда, как затрату человеческой рабочей силы вообще.

Сложный искусный труд, требующий обучения со стороны рабочего, содержит в себе как бы в сжатом виде умноженное количество простого труда. В этом смысле все виды труда соизмеримы между собой и могут быть выражены в одних и тех же единицах человеческого труда в его абстрактной форме. Именно этот абстрактный человеческий труд, освобожденный от конкретных форм своего обнаружения, и образует субстанцию ценности.

Итак, ценность — это кристаллизованный в товаре человеческий труд. Понятно, что с точки зрения Маркса ничего не могло быть нелепее вопроса о том, какое участие принимает природа в создании ценности. «Так как меновая ценность есть только определенный общественный способ выражать потраченный на какую-нибудь вещь труд, то в меновой ценности может содержать-

ся столько же данного самой природой вещества, сколько, например, в вексельном курсе».

Но ценность есть не просто человеческий труд. Хозяйственный труд есть необходимая основа всякого хозяйства, независимо от исторической формы его. Ценность же есть историческая, преходящая экономическая категория, свойственная только определенной исторической форме хозяйства — товарному хозяйству.

Экономическая категория ценности предполагает два момента: 1) затрату человеческого труда на производство данного хозяйственного продукта и 2) выражение этой затраты не непосредственно в рабочем времени, а посредственно в трудовом продукте, обмениваемом на данный трудовой продукт. Представим себе, например, что общество складывается не из товаропроизводителей, обменивающихся продуктами своего или чужого труда, а образует собой социалистическую общину, владеющую сообща средствами производства и всеми предметами своего потребления. В таком обществе количество труда, заключенного в продукте, вовсе не потребовало бы для своего определения окольного пути (обмена); ежедневный опыт непосредственно указывал бы такому обществу, сколько труда заключено в продукте. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочих часов стоила данная паровая машина, гектолитр пшеницы, сто квадратных метров сукна. Никому не могло бы придти в голову выражать непосредственно известное количество труда, заключенное в продукте, в относительном, колеблющемся и недостаточном мерило — другом продукте, а не в естественном адекватном и абсолютном мерило труда — времени... Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребления. Оно должно было бы установить общий план производства, принимая в соображение полезность разных, нужных предметов и потребное для их производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто без посредства знаменитой ценности. Понятие ценности есть, таким образом, самое общее и всеобъемлющее выражение экономических условий товарного производства».

Итак, обмен продуктов труда есть необходимое условие для возникновения экономической категории ценности. Теперь нам ясно, чем отличается категория ценности от категории трудовой затраты.

Трудовая затрата есть факт всеобщий, не связанный с историческими особенностями данной формы хозяйства, ценность же есть исторический факт. Для превращения трудовой затраты в ценность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людям выражать трудовую затрату иначе, как окольным путем, сравнением одного трудового продукта с другим трудовым продуктом.

Возьмем, например, натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; в этом случае всякий хозяин непосредственно знает, сколько труда он потратил на изготовление потребляемого им продукта. То же следует сказать и о социалистической общине, сообща владеющей средствами производства. Но в товарном хозяйстве производитель потребляет продукт не своего, а чужого труда, и потому не может непосредственно знать, сколько труда заключено в этом продукте. Трудовая затрата остается, однако, по-прежнему основным моментом хозяйства. Но выражается она в товарном хозяйстве не прямо — в приравнивании одного количества труда другому количеству труда, а косвенно — в приравнивании одного трудового продукта другому трудовому продукту, в объективировании труда в *ценности* товара. Поэтому, хотя субстанцию ценности образует человеческий труд, но он становится ценностью лишь тогда, когда застывает в вещной форме товара. «Человеческий труд, правда, образует ценность, но не является сам ценностью. Он становится ценностью лишь в застывшем состоянии, в вещной форме».

Отсюда вытекает та своеобразная особенность товарного хозяйства, которую Маркс называет *фетишизмом товарохозяйственного строя*. Дело в том, что основой товарного хозяйства, как и всякого иного, остается человеческий труд — взаимная работа членов общества друг на друга. Но эта взаимная работа скрывается в обществе товаровладельцев под совершенно иной категорией — обмена товаров. В товарном хозяйстве не труд, а продукт труда — товар — является связующим звеном между отдельными хозяйственными единицами.

Общественные отношения объективируются в товаре, который как будто одухотворяется и приобретает самостоятельную жизнь.

Обращение товаров на рынке есть несомненный результат человеческой деятельности. Однако никакой отдельный товаропроизводитель не может управлять этим обращением. Наоборот, оно само управляет деятельностью товаропроизводителя; не человек господ-

ствует над товарным рынком, а товарный рынок господствует над человеком. Не производитель устанавливает цену, а цена устанавливает размеры производства. Товар и его цена как бы совершенно вырываются из-под власти человека и становятся его повелителями. Это объективирование в сознании товаропроизводителей их собственных общественных отношений в отношения вещей, товаров, Маркс и называет фетишизмом товарного хозяйства.

Товарный фетишизм выступает с наибольшей ясностью в господствующем товаре товарного мира — в деньгах. Золотой телец кажется истинным владыкой капиталистического мира. Неудивительно, что первые теоретики товарного хозяйства — меркантилисты — признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чем основана ценность денег? Это кажется решительной загадкой, но факт возможности приобрести на деньги все что угодно стоит у всех перед глазами. Отсюда вытекает ненасытная жажда денег, характеризующая психологию товаропроизводителя. «Загадка денежного фетиша есть та же загадка товарного фетиша, которая лишь стала вполне видимой и ослепляет взор своим металлическим блеском».

Товарный фетишизм коренится в самой природе товара и потому не исчезает из сознания товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара как фетиша разгадана. Сложные общественные отношения, выражением которых является товарная цена, скрыты от сознания товаровладельца. Отсюда возникает необходимость рассматривать цену не как общественное отношение, но как свойство вещи, товара. Таким образом, товар как бы получает в придачу к своим физико-химическим свойствам, которыми он обладает в качестве материального тела, еще новое общественное свойство — ценность. На самом же деле ценность отнюдь не есть свойство товара, как материальной вещи, а определенное общественное отношение, отношение затраты человеческого труда.

Товарный фетишизм коренится в основной товарохозяйственной категории — ценности, ибо ценность есть *вещное* выражение *общественных* отношений. Экономическая критика вскрывает тайну товара, как фетиша, объясняет происхождение товарного фетишизма, показывает иллюзию, которая лежит в его основании, но самой иллюзии убить не может. Луна на горизонте кажется нам большего диа-

метра, чем посреди неба. Мы знаем, что это иллюзия, но поддаемся обману чувства; но все наше знание бессильно развеять иллюзию и изменить обманчивые представления. То же следует сказать и о товарном фетишизме. Открытие закона ценности, объяснение товарного фетишизма составляет, по словам Маркса, «эпоху в историческом развитии человечества, но отнюдь не рассеивает вещной видимости общественных свойств труда. Определение величины ценности рабочим временем есть тайна, скрытая под явными движениями носительных ценностей товаров. Раскрытие этой тайны устраняет видимую случайность в определении величины ценности продуктов труда, но несколько не устраняет ее вещной формы».

Однако кто понял тайну товарного фетишизма, того эта иллюзия не может ввести в обман. Иное следует сказать о буржуазной политической экономии, всецело остающейся во власти указанной иллюзии, порождающей такие проникнутые фетишизмом учения, как учение о способности средств производства создавать процент, земли — создавать ренту и т.п. Один из экономистов, находившихся во власти товарного фетишизма, даже прямо заявил, что «ценность есть свойство вещи, богатство же (потребительная ценность) есть свойство человека... Жемчужина или алмаз имеют ценность как жемчужина или алмаз». Но, — замечает по этому поводу Маркс, — «до сих пор еще ни один химик не открыл меновой ценности в веществе жемчуга или алмаза».

Вещи самой по себе столь же чужда ценность, сколь чужды божеские свойства сделанному дикарем деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является ценностью, а деревянный чурбан для дикаря богом, то это лишь потому, что в среде самих товаропроизводителей (а отнюдь не вещей), имеются общественные отношения, выражаемые категорией ценности, а среди дикарей (а не чурбанов), имеются условия, заставляющие дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношение выражается ценностью? Отношение общественного труда, взаимной работы членов общества друг на друга, и притом работы не непосредственной, но при посредстве обмена продуктами труда, становящимися в силу этого товарами. Присущая всякому хозяйству категория трудовой затраты тем отличается от исторической категории ценности, что последняя

предполагает *материальное* выражение трудовой затраты в продукте труда. Отсюда вытекает товарный фетишизм, своеобразный общественный мираж, который исчезнет лишь с падением товарного хозяйства.

«Общественный процесс жизни, т. е. материальный процесс производства лишь тогда сбросит с себя мистическое покрывало, когда он как продукт свободно соединившихся людей станет под их сознательный и планомерный контроль. Но для этого требуется такая материальная основа общества или такой ряд материальных условий его существования, которые в свою очередь являются лишь естественным продуктом долгого и мучительного исторического развития».

Мистическое покрывало окутывает собой все социальные отношения, возникающие на почве товарного производства. Отличительной категорией капиталистического строя является капитал. Капиталистическое хозяйство есть доведенное до своего завершения товарное хозяйство, такое товарное хозяйство, в котором не только продукты человеческого труда, но и сама рабочая сила человека становится свободно отчуждаемым товаром. Что же такое капитал?

Прежде всего, капитал не есть вещь и не есть свойство вещи, подобно тому, как ценность не есть вещь и не есть свойство вещи.

«Накопленный труд, служащий для нового производства — вот что такое капитал». Так говорят экономисты.

Что такое раб негр? Человек черной расы. Один ответ стоит другого.

Негр есть негр. Но только при известных условиях он становится рабом. Бумагопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Но только при известных условиях она становится капиталом. Вне этих условий она настолько же не капитал, насколько золото само по себе не составляет еще денег».

Если бы орудие труда само по себе было капиталом, в таком случае капиталистическое хозяйство было бы не исторической, переходящей, а постоянной и неизменной формой хозяйства. Нужно было бы говорить о капиталистах каменного периода, когда человек начал пользоваться орудиями труда.

Нет, капитал не есть та или иная вещь. Как ценность есть некоторое общественное отношение, скрытое под маской товара, так и ка-

питал есть некоторое общественное отношение, скрытое под вещной маской.

Коротко говоря, капитал есть ценность, приобретающая в силу известных общественных отношений способность к самовозрастанию. Капитал есть ценность, которая создает в пользу своего собственника некоторый избыток ценности. Это приращение, этот излишек ценности Маркс называет *прибавочной ценностью*.

Существование такой прибавочной ценности не подлежит сомнению. В наиболее упрощенной форме прибавочная ценность проявляется в виде ростовщического или ссудного процента. Ростовщический капитал есть вместе с тем одна из древнейших форм капитала. Античному миру была хорошо знакома (и надо прибавить, была ненавистна) фигура ростовщика, ссужающего свои деньги и получающего их обратно с прибавкой огромного процента. В ссудном капитале загадка прибавочной ценности выступает наиболее ярко. Капиталист бросает в обращение определенную сумму денег — и через некоторое время сумма эта возвращается к своему исходному пункту в увеличенном виде, создается прибавочная ценность, которая и поступает в распоряжение капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная ценность? Не порождает ли ее сам капитал, подобно тому, как курица кладет яйца или как на яблоне растут яблоки?

В ссудном капитале капиталистический фетиш достигает своей наиболее законченной формы, подобно тому, как товарный фетиш достигает полноты своего развития в деньгах. Как ценность кажется естественным свойством денежного металла, так и способность создавать процент кажется свойством ссудного капитала. Мистическая оболочка совершенно скрывает в ссудном капитале его общественное содержание. Ослепленные чудесной способностью ссудного капитала порождать процент, экономисты доходили иногда в своих расчетах самовозрастающей силы капитала до геркулесовых столбов нелепости. Вспомним, например, знаменитые соображения экономиста XVIII века Ричарда Прайса¹²² о погашении английского национального долга.

Достаточно положить на продолжительный срок ничтожный капитал для возрастания по сложным процентам, и самый огромный долг будет погашен, — так учил Прайс, ослепленный силой самовозрастания капитала. «Пенни, выданный в ссуду при рождении Спаси-

теля и возрастающий по сложным процентам из 5 %, превратился бы к настоящему времени в сумму денег, превосходящую по своим размерам 150 миллионов земных шаров, состоящих из чистого золота». Какой безделицей сравнительно с этими фантастическими золотыми мирами является английский национальный долг! Нужно только предоставить полный простор самовозрастающей силе капитала — и труднейшие финансовые вопросы будут разрешены шутя.

Капитал-фетиш, капитал, несущий золотые яйца, рождающий сам из себя процент, находит свое наиболее яркое и наглядное выражение в ссудном капитале. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистический мираж, нужно обратиться к другим формам капитала. Подобно тому, как в товаре скрыта разгадка денежного фетиша, так и разгадку капитала-фетиша нужно искать не в ссудном, а в промышленном капитале. Промышленный капитал выступает на историческую арену гораздо позже ростовщического и торгового капитала. Торговый капитал появляется одновременно с ростовщическим, но эра капиталистического способа производства начинается лишь с XVI века. Несмотря на свое позднее появление, промышленный капитал есть капитал по преимуществу. Пока ростовщический и торговый капитал были единственно известными формами капитала, до тех пор общий строй народного хозяйства не был капиталистическим. Ростовщик и торговец представляют собой характерные фигуры хозяйственного мира древних и средних веков, но не они определили собой общий тип античного и средневекового хозяйства. Пока ростовщический процент был главнейшей формой капиталистического дохода, до тех пор капиталистический доход признавался общественным мнением противоестественной и безнравственной формой дохода. И только с тех пор, как капиталистический способ производства преобразовал все основы хозяйства, общественное правосознание перестало возмущаться капиталистическим доходом.

Откуда же возникает прибыль промышленного капиталиста? Ответ на этот вопрос дает нам решение всей загадки прибавочной ценности.

Не возникает ли прибавочная ценность из самого обращения товаров, из того, что товары продаются по ценам, превышающим действительные ценности? Если бы это было так, то выигрыш одного

капиталистического предпринимателя был бы равносителен убытку другого. Капиталисты в своей совокупности, как класс, ничего не выигрывали и не проигрывали бы, — только отдельные представители класса были бы в выгоде или в убытке. Но так как капиталисты, как общественный класс, извлекают прибавочную ценность, то, следовательно, источником прибавочной ценности не может быть обращение товаров, несомпадение цены и ценности товаров.

Остается искать источник прибавочной ценности в производстве товаров. Приступая к производству, капиталист должен приобрести товары двоякого рода: во-первых, средства производства, которые не могут создать никакой новой ценности, только переносят на продукт ценность, заключенную в них самих; и во-вторых, рабочую силу человека, которая является источником всякой ценности. Ценность человеческой рабочей силы определяется на товарном рынке так же, как и всякого иного товара, — трудовая стоимость производства товара рабочей силы и есть его ценность. Приобретши этот товар на рынке, капиталист приобретает и право пользования им. Допустим, что ценность товара рабочей силы равна 6 часам в сутки, т. е. что ежедневно требуется шестичасовой труд для поддержания работоспособности и жизни рабочего и его семьи. Если рабочий будет работать в пользу капиталиста те же 6 часов, то капиталист получит от рабочего такую же ценность, какую он сам выдал рабочему в виде заработной платы; иными словами, никакой прибавочной ценности не возникает. Но ничто не обязывает капиталиста ограничить рабочий день таким коротким сроком. Он купил право пользования рабочей силой в течение всего дня и, естественно, постарается извлечь возможно большую выгоду из своего права. Если он заставит рабочего работать 12 часов в сутки, то это будет вполне согласно с условиями рабочей сделки. В 12 часов рабочий создает в пользу капиталиста двенадцать единиц ценности, расход же капиталиста на приобретение рабочей силы выразился 6 единицами ценности. Разница в 6 единиц ценности есть чистый выигрыш нашего капиталиста — прибавочная ценность, извлеченная им из капиталистического процесса производства.

Итак, тайна прибавочной ценности раскрыта. Рабочий работает в пользу капиталиста более продолжительное время, чем то, которое требуется для восстановления полученной им заработной платы.

Этот неоплаченный капиталистом прибавочный труд и есть источник прибыли капиталиста.

Мы видим, таким образом, что прибавочная ценность отнюдь не есть создание средств производства. Средства производства существовали всегда с тех пор, как человек возвысился над чисто животным состоянием, но средства производства превратились в капитал лишь с того времени, как на товарном рынке появился новый род товаров — человеческая рабочая сила. Для этого же, в свою очередь, требуются определенные социальные отношения, возникающие путем исторического развития. Чтобы продавать свою рабочую силу, рабочий должен быть, во-первых, лично свободен, так как можно продавать лишь то, на что имеешь право собственности (раб не мог себя продавать, так как был сам собственностью господина). Вторым условием появления на рынке товара рабочей силы является невозможность для рабочего продавать что-либо, кроме своей рабочей силы, отсутствие у него средств производства. Рабочий должен быть, следовательно, свободен в двояком смысле: свободен лично и свободен от средств к существованию. Ему противостоит капиталист, располагающий средствами производства и готовый приобрести рабочую силу нашего пролетария, но, конечно, не из филантропии, а с вполне ясным коммерческим расчетом — извлечь из рабочего возможно большую сумму прибавочного труда.

Теперь нам ясно, какое общественное отношение скрыто под вещной маской капитала: отношение присвоения владельцами средств производства, без соответствующего эквивалента, более или менее значительной части общественного труда и общественного продукта — присвоения, вытекающего из капиталистической купли-продажи труда, работы по найму в пользу капиталиста.

Капиталист начисляет свою прибыль на весь затраченный в производстве капитал, как на ту долю капитала, которая превратилась в рабочую силу, так и на средства производства. Но средства производства играют в образовании прибавочной ценности пассивную роль — они только переносят на готовый продукт свою ценность, не создавая новой ценности, поэтому Маркс называет их постоянным капиталом. Напротив, рабочая сила, занятая в процессе производства, создает большую ценность, чем та, которая была потрачена на приобретение рабочей силы; поэтому эту часть капитала Маркс называет

переменным капиталом. Лишь труд создает прибавочную ценность, а следовательно, и прибыль капиталиста. Отношение прибавочной ценности к переменному капиталу образует собой *уровень прибавочной ценности*. Очевидно, уровень прибавочной ценности должен быть выше уровня прибыли (т. е. отношения прибавочной ценности, образующей прибыль, ко всему затраченному капиталу).

Капиталистическая прибыль есть одна из форм прибавочной ценности, но совершенно неправильно отождествлять прибавочную ценность с прибылью. Капиталистический предприниматель не имеет никакой возможности присвоить себе всю прибавочную ценность, выкачанную им из рабочего. Только часть этой прибавочной ценности остается в руках промышленного капиталиста и образует его прибыль, остальная же часть распределяется между другими классами общества. Капиталист-торговец требует своей доли в прибавочной ценности и получает ее, покупая товар у промышленного капиталиста по пониженной цене сравнительно с истинной ценностью товара; продавая товар потребителю по его истинной ценности, торговец сохраняет в свою пользу разницу в цене и таким образом реализует свою прибыль. Если капиталистический предприниматель ведет свое предприятие при помощи заемного капитала, то его кредитор, денежный капиталист, получает свою долю прибавочной ценности в виде ссудного процента, который должен уплачивать кредитору наш предприниматель. Земельная рента есть доля прибавочной ценности, уплачиваемая землевладельцу арендатором и реализуемая им в цене продукта земли. Точно также налоги, взимаемые государством, представляют собой прибавочную ценность, присваиваемую государством; из прибавочной же ценности черпаются и доходы непроизводительных классов общества, то есть классов, не производящих своим трудом иной ценности. Сюда входят не только праздные лица, но и чрезвычайно полезные работники, труд которых, однако, не имеет хозяйственного характера, как например, ученые, врачи, судьи, артисты, учителя и пр. Все они живут на счет прибавочной ценности, создаваемой трудом рабочих, занятых в производстве.

Чтобы правильно понять теорию прибавочной ценности, нужно помнить, что она имеет в виду объяснить распределение народного дохода не между отдельными лицами, а между общественными клас-

сами. Когда мы говорим о рабочем, промышленном капиталисте, торговце и пр., то всегда нужно подразумевать не отдельного рабочего, промышленника, торговца, но *класс* рабочих, *класс* промышленников и пр. Именно в этом смысле теория прибавочной ценности утверждает, что прибыль капиталиста создается не всем его капиталом, а только переменной частью последнего — рабочей силой, занятой в производстве. Это может быть верно только в применении ко всему классу капиталистов, но отнюдь не к отдельному представителю капиталистического класса.

Распределение прибыли между отдельными капиталистами подчиняется совершенно иным законам, чем создание прибыли всего капиталистического класса. Если бы прибыль каждого капиталиста была пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности, то в таком случае процент прибыли в различных предприятиях неминуемо был бы различен, благодаря различию того, что Маркс называет органическим строением капитала, т. е. распределения капитала на постоянную и переменную часть. Чем большую долю капитала составляет его переменная часть, тем выше должен бы быть процент прибыли, так как только переменный капитал создает прибавочную ценность. Но условия капиталистической конкуренции не допускают различия процента прибыли, — капиталистические предприятия должны давать в среднем одинаковый процент прибыли как бы ни были велики различия органического строения капитала. Поэтому не подлежит сомнению, что прибыль отдельного капитала отнюдь не пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности и не определяется только переменной частью капитала. Маркс представляет процесс образования прибыли в отдельном предприятии следующим образом. Для всего класса капиталистов единственным источником прибыли является прибавочная ценность, создаваемая производительными рабочими. Но отдельные капиталисты распределяют между собой эту прибыль пропорционально всему затрачиваемому капиталу, а не только переменной его части. Капиталисты, в предприятиях которых преобладает переменный капитал, побуждаются конкуренцией уступать часть создаваемой в их предприятиях прибавочной ценности тем капиталистам, в предприятиях которых преобладает постоянный капитал. Таким образом, путем перераспределения прибавочной

ценности между отдельными капиталистами осуществляется основной капиталистический закон равенства прибылей. Прибыль каждого отдельного капиталиста зависит в такой же мере от постоянного, как и переменного капитала, но для всего капиталистического класса труд рабочих, занятых в производстве, иначе говоря, — переменный капитал, есть единственный источник прибыли.

Теория прибавочной ценности вскрывает нам тайну капитала-фетиша, высшим выражением которой является чудесная способность ссудного капитала к самовозрастанию, созданию процента. Если мы обратимся к хозяйственным эпохам, предшествовавшим капитализму, то увидим тот же прибавочный труд, но без всякого мистического покрывала. «Весь мистицизм товарного мира, все то волшебство и колдовство, которое окружает продукты труда, производимые на основе товарного производства, исчезают тотчас, как только мы обращаемся к другим формам производства». Возьмем, например, античную организацию хозяйства, покоившуюся на рабском труде. Может ли прийти в голову господина или раба сомнение, что господин не живет за счет труда раба? То же следует сказать и о средневековом строе, когда рабочий был крепостным своего сеньора. «Крепостной труд так же хорошо измеряется временем, как и труд, производящий товары; но каждый крепостной знает, что он тратит определенное количество своей личной рабочей силы на службе своего господина». Когда три дня в неделю крестьянин работает на своем поле, а три дня на помещищем, то существование прибавочного труда очевидно для всех.

«Капитал не изобрел прибавочного труда. Везде, где одна часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен к рабочему времени необходимо для поддержания его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время, идущее на производство средств существования для владельца, средств производства, будет ли это афинский нуадо, этрусский теократ, римский гражданин (*civis romanus*), норманский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лэнд-лорд или капиталист». Но капитал скрыл прибавочный труд под специфической капиталистической категорией прибавочной ценности. Благодаря этому возникла иллюзия, будто капиталистическая прибыль, процент на капитал, создается не неоплаченным, приба-

вочным трудом рабочего, но самими средствами производства. Эксплуатация крепостного помещиком бросается в глаза; напротив, капиталист и рабочий кажутся равноправными участниками гражданской сделки, купли-продажи рабочей силы. Сделка эта юридически вполне подобна всякой другой товарной сделке; и как при обмене пшеницы на сукно нет основания предполагать эксплуатацию одной стороны другой, так и при купле-продаже рабочей силы эксплуатация рабочего капиталистом совершенно скрывается под обманчивой видимостью гражданской равноправности обоих участников договора. Но это юридическое равенство есть только правовая оболочка экономического неравенства. Капиталистический способ производства точно также основывается на присвоении прибавочного труда, как и предшествующие ему способы производства — рабский и крепостной.

Таково существенное содержание теории ценности и прибавочной ценности Маркса. Переходим теперь к его теории развития капиталистического хозяйства.

Прежде всего устраним одно недоразумение. Многие думают, что социальные требования Маркса логически связаны с теорией прибавочной ценности. Против этого энергично протестовал Энгельс. Не на теории прибавочной ценности, а на теории развития капиталистического строя, представляющей собой обобщение реальных исторических фактов нашего времени, покоится, по мнению Энгельса, система практической политики марксизма, столь могущественно повлиявшая на современное рабочее движение.

В предисловии к I тому «Капитала» Маркс говорит, что его главной задачей является открытие «экономического закона движения современного общества». По своему социальному идеалу творец «Капитала» был последователем утопических социалистов. Утописты не только создали этот идеал, но и подвергли острой и смелой критике господствующий социальный строй — капиталистическое хозяйство. Тем не менее, путь, ведущий от общества нашего времени к обществу будущего, оставался туманным и неясным. Мир будущего является в изображении утопистов таким глубоким контрастом сравнительно с миром настоящего, что казалось непонятным, как переберется человечество через бездну, отделяющую оба эти мира. Кто выведет человечество из «дома сумасшедших», в который оно заключено теперь,

по словам Оуэна? Фурье дал поразительно яркую картину «пороков цивилизации», но где же найти в цивилизованном обществе силы, способные расцечь «порочный круг» цивилизации, как железными тисками сковывающий общественную жизнь и общественное развитие? Утописты черпали свое вдохновение в противопоставлении светлого, лучезарного, гармоничного будущего темному и мрачному настоящему. Однако в практической политике приходилось исходить из того самого классового общества, из того самого «сумасшедшего дома», все ужасы которого так гениально изобразили утописты. Нужно было указать в капиталистическом обществе элементы и силы, способные осуществить великое социальное преобразование, к которому с таким энтузиазмом утописты призывали человечество.

Для решения этой задачи требовалось открыть «закон движения современного общества», к чему и стремился Маркс. Путем обобщения реальных фактов исторического развития Маркс попытался выяснить, в каком направлении идет это развитие, какие новые общественные формы с железной необходимостью вырастают из недр старого общества. При этом Маркс естественно исходил из своей философии истории — из доктрины социального материализма, признающей основным и решающим моментом социального прогресса развитие материальных условий хозяйственного труда. Если хозяйственное развитие определяет собой все остальное, то рождение нового общественного строя должно быть результатом закономерного развития формы хозяйства, господствующей в настоящее время. Таковой является капитализм. Отсюда получался вывод, что движущие силы грядущего социального преобразования должны быть созданы развитием капиталистического хозяйства.

Таким образом проблема осуществления капиталистического строя была сведена социальным материализмом к открытию закона развития капиталистического способа производства. В наличности такого развития нельзя было сомневаться. Уже самое поверхностное наблюдение новейшей, хозяйственной истории обнаруживало глубокие последовательные изменения, которые претерпевает капиталистическое хозяйство. В сочинениях утопистов (особенно у Фурье) было разбросано множество отдельных указаний на общее направление капиталистического развития. Но заслуга построения закон-

ченной и систематической теории развития современного хозяйственного строя, несомненно, принадлежит Марксу.

Капиталистический способ производства отмечает собой новейший фазис в прогрессивном развитии человечества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, с одной стороны, и принудительное производство, основывающееся на крепостных отношениях, с другой. Обе эти формы производства с чисто технической стороны стоят несравненно ниже капитализма. Буржуазия сыграла в высшей степени прогрессивную роль в истории человечества. «Буржуазия, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идилические отношения. Она безжалостно порвала разнообразные феодальные узы, которые связывали человека с человеком, и не оставила между людьми никакой иной связи, кроме голого интереса, кроме бесчувственной «уплаты наличностью». «Буржуазия в течение своего менее чем столетнего классового господства создала более всеобъемлющие и колоссальные производительные силы, чем все предшествующие поколения в совокупности. Подчинение сил природы, введение машин, применение химии к промышленности и земледелию, паровое судоходство, железные дороги, электрический телеграф, подчинение культуре целых частей света, улучшение рек, внезапно выросшие из земли целые народы — какой из предшествующих веков мог предчувствовать, что такие огромные производительные силы таятся в недрах общественного труда!»

Но эти изумительные успехи были куплены дорогой ценой, — ценой разорения и пролетаризации огромных масс населения. Развитие капиталистического способа производства равносильно уничтожению мелкого производства. Мелкое производство было господствующей формой промышленности в докапиталистическое время. Капитализм экспроприировал мелкого производителя, лишил его орудий производства и сделал из прежнего, самостоятельного ремесленника, крестьянина, кустаря наемного слугу капитала.

Однако чем шире развивается капиталистическое производство, чем полнее оно охватывает все роды общественного труда, тем ярче выступает коренное противоречие, заложенное в самом существе капиталистической формы хозяйства. При господстве мелкого производства форма присвоения, форма собственности была в полной

гармонии со способом производства. Собственность была индивидуальной, и таким же индивидуальным было и производство. Напротив, в капиталистическом хозяйстве производство принимает все более общественный характер, а собственность остается по-прежнему индивидуальной. Никто из отдельных рабочих, занятых на фабрике, не может сказать: «это мой продукт, я это сделал», ибо всякий продукт, создаваемый фабрикой, есть результат общей работы многих лиц. Но этот общий продукт многих поступает в частную собственность одного — капиталиста. Таково неустрашимое противоречие капиталистического способа производства. И «чем больше новый способ производства подчиняет своей власти различные отрасли промышленности, чем больше он низводит до жалких остатков прошлого прежнее единоличное производство, тем ярче выступает наружу несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением».

В то же время, в пределах самой капиталистической промышленности происходит чрезвычайно многозначительная перемена. Законы капиталистической конкуренции (благодаря большей производительности крупного производства), требуют постоянного расширения оборотов капиталистического предприятия. Средством для этого служит капитализация большей или меньшей доли прибыли. Таким образом, происходит то, что Маркс называет *аккумуляцией* средств производства — увеличение размера капиталистического предприятия путем накопления капитала. От аккумуляции средств производства следует отличать их *централизацию* — слияние нескольких или многих капиталов в один капитал. В первом случае каждый капитал растет собственными средствами, — один капитал не поглощает другого. Во втором случае происходит уничтожение индивидуальной самостоятельности капиталов — «превращение многих мелких капиталов в небольшое число крупных. Этот процесс тем отличается от первого, что он предполагает лишь изменение в распределении имеющихся уже и функционирующих капиталов, и что его поле действия не ограничено, следовательно, абсолютным ростом общественного богатства или абсолютными границами накопления. Капитал нарастает в одних руках *здесь*, потому что *там* он исчез из многих рук». Централизация капиталов вызывается конкуренцией капиталистических предприятий между

собой. Капиталистический мир не знает мира, — в нем кипит неустанная ожесточенная борьба, в которой сильный экспроприирует слабого, и капитал побежденного становится прекраснейшим трофеем победителя. «Независимо от этого с развитием капиталистического производства создается новая сила — кредит, который вначале робко прокрадывается в виде скромного пособника накопления, невидимыми нитями стягивает в руки индивидуальных капиталистов или ассоциаций капиталистов денежные средства, рассеянные на поверхности общества в больших или меньших массах; но вскоре становится новым и страшным орудием конкуренции и наконец превращается в громадный социальный механизм для централизации капиталов».

Конкуренция капиталов и кредит являются двумя могущественнейшими рычагами централизации. Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять размеры своих операций. «Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, произойдет ли централизация насильственным путем присоединения, при котором некоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяжения для других, что побеждают их индивидуальное сцепление и притягивают к себе их разрозненные куски, или же слияние массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталов произойдет более гладким путем, посредством образования акционерных обществ — экономическое действие от этого не изменится».

Без помощи централизации образование очень крупных капиталистических предприятий было бы почти невозможно. «Мир оставался бы еще и до сих пор без железных дорог, если бы ему пришлось ждать, пока накопление поставит отдельные капиталы в возможность построить железную дорогу. Централизация же, напротив, произвела это сразу посредством акционерных компаний».

Аккумуляция и централизация средств производства чрезвычайно повышают производительность общественного труда. Но чем могущественнее производительные силы капитала, тем большее значение в жизни капиталистического общества приобретает другое основное противоречие капиталистического способа производства — «противоречие между организованностью производства в отдельной фа-

брике и анархией производства во всем обществе». На почве обоих указанных противоречий капитализма возникают периодические промышленные кризисы, от которых так жестоко страдает капиталистическое хозяйство. «В кризисах противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением насильственно прорывается наружу. Товарный обмен как бы уничтожается; орудие обращения — деньги — становится препятствием обращению, все законы производства и обращения товаров превращаются в свою противоположность. Экономическая коллизия достигает своего апогея: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа обмена, который они переросли».

Капиталистическая промышленность принуждена с роковой неизбежностью повторять один и тот же цикл развития: за спокойным состоянием идет оживление промышленности, затем следует промышленная горячка, неизбежно заканчивающаяся крахом и кризисом, после которого та же история начинается сызнова.

«Как небесные тела, будучи раз приведены в известное движение, неизменно повторяют его, так и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, также постоянно повторяет его... До настоящего времени период этих циклов составляет 10–11 лет, но нет никакого основания считать эту величину постоянной. Наоборот, на основании законов капиталистического производства следует предположить, что она изменяется и что продолжительность циклов будет постепенно сокращаться».

Таким образом, Марксу рисуется в будущем хронический кризис, который совершенно остановит движение капиталистического производства и этим нанесет смертельный удар всему капиталистическому строю. «Тот факт, что общественная организация производства в пределах фабрики должна достигнуть пункта, на котором она становится несоединимой с сопутствующей ей анархией производства в целом обществе — этот факт обнаруживается самим капиталистом в насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов путем разорения многих крупных, а еще более мелких капиталистов. Весь совокупный механизм капиталистического способа производства отказывается работать под давлением

созданных им самим производительных сил. Он не может превратить в капитал всю эту массу средств производства, они остаются без употребления. Таким образом, капиталистический способ производства приводится, с одной стороны, к сознанию собственной неспособности к дальнейшему руководству производительными силами общества. С другой же стороны, эти самые производительные силы стремятся с нарастающей силой к разрешению этого противоречия, к своему освобождению от капиталистической оболочки, к фактическому признанию за ними их характера общественных, производительных сил».

«Современное буржуазное общество, создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не может совладать с подземными силами, вызванными им самим. Уже в течение многих десятков лет история промышленности и торговли есть история возмущения современных производительных сил против современных отношений производства, против современных отношений собственности, которые суть условия жизни и господства буржуазии... Производительные силы, которые находятся в распоряжении общества, не могут более содействовать развитию буржуазных отношений собственности, наоборот, они становятся слишком могущественными для этих отношений, они связываются последними: преодолевая эти узы, производительные силы приводят в расстройство все буржуазное общество, подвергают опасности самое существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения становятся слишком узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем насильственного уничтожения массы производительных сил, с другой же стороны, путем захвата новых рынков и более глубокого использования старых. Другими словами, путем приготовления новых и более могущественных кризисов и путем сокращения средств борьбы с этими кризисами. Таким образом, оружие, которым буржуазия повергла в прах феодализм, обращается теперь против самой буржуазии».

Итак, чисто экономические силы, заложенные в капиталистической организации общественного хозяйства, влекут ее к роковой необходимости к превращению в социалистическое хозяйство. Рядом с этими слепыми, стихийными силами хозяйственного развития дей-

ствуют в том же направлении и сознательные, социальные силы, порождаемые тем же процессом капиталистического развития. Капитализм не только приходит к экономическому конфликту, неразрешимому на почве существующей организации хозяйства и требующему обобществления средств производства, но тот же капитализм создает и общественный класс, непосредственно заинтересованный в таком обобществлении. Этим классом является пролетариат.

Огромную историческую заслугу капитализма составляет вызванный новым способом производства гигантский подъем производительности общественного труда. Но чем выше подымается общественное богатство, тем ниже падает тот, кто создает это богатство — рабочий.

Ухудшение положения рабочего есть необходимое следствие основного закона капиталистического накопления — того, что по мере успехов техники все меньшая доля капитала превращается в заработную плату, и все большая — в средства производства. Переменный капитал образует все меньшую долю всего общественного капитала, а так как спрос на рабочие руки создается лишь переменным капиталом, то, следовательно, и спрос на рабочие руки, по отношению ко всему общественному капиталу, должен падать (абсолютно он возрастает, но возрастает, согласно сказанному, гораздо медленнее роста общественного капитала и общественного богатства). «Капиталистическое накопление постоянно создает пропорциональное своей энергии и своим размерам относительно, т.е. для потребностей капитала в самовозрастании, излишнее рабочее население».

«Крепостной, несмотря на господство крепостного права, достиг того, что стал членом общины, подобно тому, как мелкий буржуа стал крупным буржуа, несмотря на иго феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы подниматься с успехами промышленности, падает все ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета растет быстрее населения и богатства. Все более становится очевидным, что буржуазия не способна оставаться господствующим классом в обществе, так как она не способна обеспечить существование своему рабу в пределах его собственного рабства, так как она не имеет возможности воспрепятствовать такому падению этого раба,

при котором он сам поступает на содержание буржуа, вместо того, чтобы содержать ее».

«Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения на противоположном полюсе, т.е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала». Законы капиталистического производства вызывают образование избыточного населения, которое, как свинцовая гиря, все глубже и глубже затягивает рабочего в безвыходную трясиину нищеты. «Рабочее население, вместе с производимым им же самим накоплением капитала, создает в возрастающих размерах средства, делающие часть населения избыточной. Это есть закон народонаселения, характерный для капиталистического способа производства; вообще всякому историческому способу производства свойственны особые законы народонаселения, имеющие историческое значение. Абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных до тех пор, пока они не подвергаются историческому влиянию человека».

В чем же заключается закон народонаселения капиталистического способа производства? В том, что этот способ производства по неизменным экономическим, социальным (но не естественным, физиологическим) законам порождает избыточное население, для которого нет места ни в общественном труде, ни в общественном потреблении совершенно независимо от того, каким темпом идет размножение населения. Это избыточное население образует промышленную резервную армию капитализма, без которой капиталистический способ производства со свойственными ему периодическими сокращениями и расширениями производства не мог бы существовать. Всякое сокращение производства неизбежно выталкивает на мостовую тысячи рабочих, которые опять возвращаются к активной службе капиталу при оживлении промышленности, предшествующем кризису. Капитал, попеременно, то притягивает, то отталкивает рабочих. Без промышленной резервной армии капиталистическая промышленность не могла бы быстро расширять производство при оживлении рынка, что является, в свою очередь, условием существования капиталистической промышленности любой страны, конкурирующей на мировом рынке. Поэтому промышленный резерв

столь же необходим капиталу, как необходим военный резерв государству, охраняющему силой оружия свои интересы. «Характерный жизненный путь современной промышленности... покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и новом образовании промышленной резервной армии. В свою очередь, превратности промышленного цикла создают человеческий материал для перенаселения и служат одним из самых энергичных факторов его воспроизведения».

Но кроме этого перенаселения, находящегося в связи с фазисами промышленного цикла, капитализм создает и иные формы избыточного населения. Маркс указывает три такие формы — текучее, скрытое и стационарное перенаселение. *Текучее* перенаселение вызывается неодинаковостью спроса, предъявляемого капиталистическим производством на различные возрастные группы рабочих. Наибольшим спросом со стороны капиталистической промышленности пользуется несовершеннолетний труд, благодаря чему массы рабочих теряют работу по достижении совершеннолетия и входят в состав текучего избыточного населения; из них вербуются главная армия эмигрантов. Далее, капитал чрезвычайно быстро потребляет рабочую силу человека. Рабочий, приближающийся к старости, более не нужен капиталу, и также становится элементом текучего перенаселения.

Существование *скрытого* перенаселения в капиталистическом обществе всего ярче обнаруживается постоянным притоком рабочих из деревни в город. Этот приток не мог бы иметь места, если бы в деревне не имелся постоянный контингент скрытого избыточного населения — рабочих, не находящих себе занятия в деревне и ожидающих только благоприятного момента, чтобы покинуть родную деревню, не обеспечивающую заработка, и перейти в город.

Третью, *стационарную* форму перенаселения образует собой многочисленная группа хронических безработных или же рабочих, работающих крайне нерегулярно, изредка и случайно. Из этой группы вербуются рабочие в домашней промышленности, в пределах которой капиталистическая эксплуатация достигает своих крайних пределов... Сюда же входит и низший слой современного общества — бродяги, преступники, проститутки, нищие. «Нищие представляют собой инвалидный дом активной рабочей армии и

балласт промышленной резервной армии. Чем больше общественное богатство, чем значительнее функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше и абсолютная величина пролетариата и производительная сила труда, тем больше промышленная резервная армия. Рабочая сила, готовая к услугам капитала, развивается вследствие тех же причин, что и сила расширения капитала. Относительная величина промышленной резервной армии возрастает, следовательно, вместе с силами общественного богатства. Но чем больше эта резервная армия в сравнении с активной рабочей армией, тем больше стационарное перенаселение, а нужда его жертв обратно пропорциональна мукам их труда. Наконец, чем больше инвалидов и пр., этих Лазарей¹²³ рабочего населения — и вообще, чем значительнее вся промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления.*

К чему же должно привести это накопление нищеты, сопутствующее росту богатства, рост пролетариата, все более погружающегося в бедность, по мере того, как сокращающаяся группа капиталистов сосредоточивает в своих руках все более колоссальные средства производства? Капиталистическому способу производства предшествовало мелкое производство, достигшее наибольшего процветания «только там, где рабочий является свободным частным собственником своих условий труда, которые он сам пускает в ход, крестьянин — собственником земли, которую он обрабатывает, ремесленник — собственником орудий, с которыми он справляется, как виртуоз с инструментом. Этот способ производства предполагает раздробление земли и других средств производства. Он исключает как концентрацию последних, так и кооперацию, т. е. он не допускает деления труда внутри одного и того же процесса производства, общественного господства над природой и управления ее силами, свободного развития общественных производительных сил. Он совместим только с очень узкими, стихийными рамками производства и общества. Увековечить его, значило бы... декретировать всеобщую посредственность. На известной степени своего развития он сам порождает материальные средства своего уничтожения... Его уничтожение, превращение индивиду-

альных и разрозненных средств производства в концентрированные и общественные, т. е. мелкой собственности многих в крупную собственность немногих, отнятие средств существования и орудий труда у народных масс, эта ужасная экспроприация народной массы составляет доисторический период в жизни капитала».

Но экспроприировав мелких производителей, капитал еще не завершает своего развития. За экспроприацией рабочего следует экспроприация самого капиталиста капиталистом же. «Один капиталист побивает многих». Средства производства концентрируются в руках все меньшей и меньшей группы капиталистов. «Вместе с постоянным уменьшением числа капиталистов-магнатов... увеличивается масса нищеты, угнетения, рабства, но, с другой стороны, увеличивается также и сопротивление постоянно возрастающего рабочего класса, вышколенного, объединенного и организованного механизмом самого капиталистического способа производства. Монополия капитала превращается в путы для дальнейшего развития того способа производства, который развивался вместе с ней и под ее господством. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимыми с капиталистической частной собственностью. Экспроприаторы экспроприируются».

«Капиталистический способ производства... есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство создает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, но индивидуальную собственность на основе всех приобретений капиталистической эры, на основе кооперации и общественного владения землей и средствами производства».

«Превращение раздробленной частной собственности, основанной на собственном труде производителей, в капиталистическую есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже покоящейся на общественном производстве, в собственность общественную. Там дело шло об экспроприации народных масс немногими узурпаторами, здесь же идет дело об экспроприации немногих узурпаторов народными массами».

Резюмируя все сказанное, мы можем свести теорию развития капиталистического строя, разработанную Марксом и отчасти Энгельсом, к следующим положениям:

1) Рост капиталистического производства непосредственно вызывает уничтожение мелкого самостоятельного производства. Прежние, мелкие самостоятельные производители становятся наемными рабочими капиталистов и пополняют собой ряды пролетариата.

2) Соответственно этому производство принимает все более общественный характер, и все ярче выступает наружу несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

3) В среде капиталистического производства происходит аккумуляция и централизация средств производства. Общественное богатство все более сосредоточивается в руках сокращающейся кучки капиталистов-магнатов.

4) Периодические промышленные кризисы с возрастающей силой приводят в расстройство капиталистическое хозяйство. В кризисах обнаруживается неспособность капитализма руководить общественным процессом производства и неизбежность крушения капитализма.

5) Параллельно росту общественного богатства растет при капиталистическом способе производства и нищета рабочего класса. Капиталистический способ производства порождает избыточное население, принимающее различные формы. Промышленная резервная армия является условием существования капиталистического производства.

6) Увеличение нищеты и страданий численно все возрастающего пролетариата сопровождается ростом организации рабочего класса, под влиянием условий самого капиталистического производства.

7) Таким образом, капитализм, с одной стороны, становится тормозом дальнейшего развития производительных общественных сил, с другой же стороны, капитализм организует и общественный класс, непосредственно заинтересованный в превращении капиталистического хозяйства в социалистическое.

В противоположность утопистам Маркс не придавал никакого значения выработке планов будущего социального устройства. Будущий социальный строй явится естественным результатом экономического развития современного строя. Общий характер обще-

ственного строя будущего уже и теперь ясен, ибо законы развития капиталистического хозяйства открыты. Что же касается до подробностей, то они пока еще не предвидимы и определяются конкретной экономической и социальной обстановкой того исторического момента, когда совершится ликвидация капиталистического способа производства.

Практическая программа марксизма (лежащая в основании практической деятельности германской социал-демократии), сводится почти исключительно к политической организации рабочего класса и к политической борьбе за его интересы. Правда, Маркс неоднократно выражал свое сочувствие и профессиональной организации рабочих. Но сочувствие это было совершенно особого рода. Маркс не придавал большого значения рабочим союзам как средству поднятия заработной платы и вообще улучшения положения рабочего класса, и если он признавал желательным распространение такого рода организаций среди рабочего класса, то это лишь потому, что он видел в них могущественное средство классового объединения рабочих. Рабочие союзы превращают борьбу отдельного рабочего с отдельным капиталистом в классовую борьбу рабочего класса с классом капиталистов. Они могут служить опорными пунктами для политической организации рабочего класса, — и только поэтому Маркс считал нужным их поддерживать.

С гораздо меньшим сочувствием Маркс относился к кооперативному движению в его господствующей форме — потребительных обществ.

Женевский конгресс «Интернационала» принял, согласно предложению Маркса, следующую резолюцию по вопросу о кооперативном движении среди рабочих:

«Мы советуем рабочим обратить гораздо больше внимания на кооперативное производство (производительные ассоциации. *М. Т.-Б.*), чем на кооперативные лавки (потребительные общества. *М. Т.-Б.*). Что касается последних, то они лишь поверхностно затрагивают современный хозяйственный строй, между тем, как первые захватывают самое его основание»¹²⁴.

В III-м томе «Капитала» имеется следующее любопытное замечание о производительных ассоциациях. «Кооперативные фабрики, — пишет Маркс, — представляют собой в пределах старой формы

первое изменение этой формы, хотя они, естественно, воспроизводят и должны воспроизводить в своей фактической организации все недостатки существующей системы. Но в них уничтожается антагонизм капитала и труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных, производительных сил и соответствующих последним общественных форм производства естественно развивается и организуется из одного способа производства новый способ производства. Без фабричной системы, созданной капиталистическим способом производства, так же как и без системы кредита, вытекающей из того же способа производства, не могла бы развиваться кооперативная фабрика. Кредит, являясь основой постепенного превращения частных капиталистических предприятий в капиталистические акционерные общества, дает в то же время средства для постепенного распространения кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, так же как и кооперативные фабрики, являются переходными формами из капиталистического способа производства в ассоциированное».

Таким образом, Маркс придавал производительным ассоциациям известное значение в качестве первых зачатков новых коллективных форм хозяйства и не придавал в этом смысле почти никакого значения потребительным обществам. Несмотря, однако, на это частичное признание со стороны Маркса важности кооперации, кооперативное движение не играет в практической программе марксизма почти никакой роли. Объясняется это тем, что та форма кооперации на практике не получила и не может получить при условиях капиталистического хозяйства сколько-нибудь значительного развития и распространения, между тем, как потребительные общества, к которым Маркс относился более чем холодно, сделали гигантские успехи.

Переходя к критике изложенной теории развития капиталистического строя, мы прежде всего остановимся на входящей в ее состав «теории обнищания» (*Verelendungstheorie* — этот термин не принадлежит самому Марксу, но он очень удачно характеризует суть дела). Приведенные цитаты из сочинений Маркса не оставляют никакого сомнения, что Маркс смотрел крайне мрачно на возможность улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического

хозяйства*. Он не только не верил в эту возможность, но утверждал даже обратное — что благосостояние рабочего класса падает по мере развития капиталистического производства, рабочий погружается глубже и глубже в нищету.

Утверждение это находится в самом резком противоречии с фактами последних десятилетий. Сознавая это, многие правоверные марксисты нашего времени пытались и пытаются изменить смысл «теории обнищания» и придать ей более невинный вид. С особенным искусством это делает Каутский в своей известной книге о Бернштейне¹²⁵. По толкованию этого остроумнейшего представителя современного марксизма, теорию «обнищания» нужно понимать лишь как выражение *тенденции*, а не положительного факта и притом тенденции не к абсолютному понижению уровня экономического благосостояния рабочего класса, а лишь к относительному ухудшению положения рабочих сравнительно с положением капиталистов. Нищета по объяснению Каутского может быть понимаема в двояком смысле: физиологическом — по отношению к удовлетворению человеком своих физиологических потребностей, и в социальном — по отношению к несоответствию между потребностями человека и возможностью их удовлетворения. Факт увеличения нищеты в этом последнем смысле кажется Каутскому бесспорным, ибо «сами буржуа признают рост нищеты в социальном смысле, давая ему лишь другое название — требовательности рабочих. Но дело не в названии. Дело в том, что несоответствие между потребностями рабочего и возможностью удовлетворения этих потребностей при помощи получаемой рабочим заработной платы постоянно возрастает... Социальное обнищание растет, выражаясь в более медленном повышении уровня жизни пролетариата, сравнительно с подъемом жизни буржуазии... Возрастает и постоянно не физическая, а социальная нищета, и именно противоречие между культурными потребностями рабочего и

* Правда, Маркс был горячим сторонником фабричного законодательства и видел в законодательном ограничении рабочего дня одну из важных целей рабочего движения: он приветствовал английский закон о десятичасовом рабочем дне как великую победу английского рабочего класса. Но это лишь одна из многих непоследовательностей автора «Капитала» — один из многих примеров несогласованности *теории и практики* марксизма.

имеющимися у него средствами для удовлетворения этих потребностей; иными словами, масса продуктов, приходящаяся на одного рабочего, может становиться больше, но доля рабочего в создаваемом им продукте становится меньше» («Bernstein und das social-demokratische Programm»¹²⁶).

Это может быть верно или неверно, но во всяком случае, это не теория Маркса. Нищета, о которой говорит Маркс, отнюдь не есть «требовательность» рабочих, как толкует теорию обнищания Каутский, и рост нищеты в смысле Маркса далеко неравносителен росту потребностей рабочего класса. Ни о каком повышении потребностей рабочего класса с точки зрения авторов «Коммунистического Манифеста», не может быть и речи, так как рабочий «становится нищим, и нищета растет быстрее населения».

Рост капиталистического богатства признается в «Капитале» равносильным «накоплению нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения» рабочего класса. Язык Маркса во всех этих случаях так ясен и выразителен, что никаких кривотолков не допускает. Автор «Капитала» говорит не о тенденциях, которые могут и не осуществляться в действительности, а о конкретных законах капиталистического развития, выражающихся в реальных исторических фактах. Маркс категорически утверждает, что чем могущественнее производительные силы капитализма, тем хуже удовлетворяются насущные, физиологические потребности рабочего; более того, рабочий не только низводится капиталистическим развитием до положения нищего, но он регрессирует в физическом, умственном и моральном отношениях — он «вырождается», все более погружается в невежество и нравственное одичание.

Такова истинная доктрина Маркса, и если эту доктрину не решается в настоящее время поддерживать даже Каутский, то это лишь доказывает ее полную несовместимость с новейшими фактами истории рабочего класса. Все основные социальные воззрения Маркса сложились в эпоху 40-х годов — в период понижения заработной платы, хронической безработицы и огромного роста бедности и нищеты. Выражая свое убеждение в невозможности существенного и прочного улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства, Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономи-

стам того времени. Рикардо¹²⁷ и Мальтус¹²⁸ смотрели на положение и будущность рабочих классов не менее мрачно. Но последующие исторические факты лишили теорию обнищания всякого значения и привели к тому, что даже самые горячие сторонники марксизма должны, как мы видели, отказаться от нее, замаскировывая свой отказ от теории Маркса искажением ее смысла.

В своем первоначальном виде теория эта, очевидно, не может быть поддерживаема ни одним серьезным экономистом. Даже Каутский должен признать, что «нельзя констатировать общего увеличения физической нищеты в передовых капиталистических странах; все факты скорее говорят в пользу того, что физическая нищета в этих странах уменьшается, хотя крайне медленно и не повсеместно. Уровень жизни работающих классов в настоящее время выше, чем пятьдесят лет тому назад». Действительно, вряд ли даже самый правверный марксист решился бы отстаивать теорию обнищания в том виде, как она изложена в «Коммунистическом Манифесте» и «Капитале»; вряд ли, например, может встретить сочувствие в настоящее время с чьей бы то ни было стороны (кроме разве крайних реакционеров), мнение Маркса о растущем невежестве, нравственном одичании и вырождении рабочего класса. Социал-демократия всего менее может защищать этот тезис, ибо эта защита была бы для нее самоубийственной и равносильной признанию безнадежности своего собственного дела: победа в общественной борьбе не может принадлежать классу, регрессирующему в умственном, моральном и экономическом отношениях. Сильнейшего венчает победа, но не численно сильнейшего, а сильнейшего мужеством, энергией, знанием, самопожертвованием, героизмом, преданностью общим интересам. Вырождающиеся, одичавшие, невежественные рабы, каковыми Маркс рисует рабочих, как бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы в себе мужества для самоосвобождения. Если бы теория вырождения рабочего класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачные социальные фантазии иных социологов и романистов, предвидящих распадение человеческого общества на два вида, две породы — господ, владеющих волей и знанием, и рабов, превратившихся в тупых и покорных домашних животных¹²⁹, были бы самой вероятной картиной социального будущего. Но, к счастью, вся эта безнадежная теория вырождения большей части человечества есть фантазия и ложь,

опровергнутые фактом несомненного экономического, морального и умственного подъема рабочего класса в новейшее время.

Мы можем согласиться с Каутским, что нижеприводимая характеристика изменения положения рабочего класса в Англии применима и к другим капиталистическим странам. «Значительная часть рабочего класса, — говорит Сидней Вебб в своей брошюре «Labor in the longest reign»¹³⁰, — сделала со времени 1837 г. большие успехи, другие же слои рабочих сделали меньшие успехи или даже совсем не приняли участия в общем прогрессе цивилизации и богатства. Если мы возьмем различные условия жизни и работы и установим уровень, ниже которого невозможно сносное существование, то мы увидим, что по отношению к заработной плате, рабочему времени, жилищам и общей культуре процент живущих ниже этого уровня теперь меньше, чем был в 1837 г. Но мы также найдем, что и общее число тех, кто живет ниже установленного нами уровня, в настоящее время вероятно выше по своей абсолютной величине, чем в 1837 г.»

Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства. Согласно этому учению капиталистический способ производства экспроприирует мелких производителей, а в пределах самой капиталистической промышленности крупный капитал поглощает мелкий. Благодаря этому средства производства как бы под влиянием взаимного притяжения сливаются во все более и более обширные скопления и конгломераты, планомерно организованные и объединенные изнутри, но разъединенные и не организованные в своих внешних отношениях. Общество все резче раскалывается на растущую массу пролетариев внизу и на сокращающуюся группу капиталистов сверху, сокращающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процесс концентрации средств производства одновременно создает почву для будущего социалистического производства, ибо благодаря ему производство становится все более крупным, все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства и, в то же время, этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту. Растущая концентрация общественного производства

легче всего объясняет, каким образом капиталистический хозяйственный строй превратился в свою противоположность, каким образом из беспощадной борьбы, угнетения, эксплуатации и ненависти, царящих ныне, вырастет с необходимостью естественного процесса семя мирной, свободной и равноправной социалистической ассоциации будущего. Капитализм является при таком понимании условий развития социализма суровой, но необходимой школой человечества, в которой человечество дисциплинируется и накапливает силы для того, чтобы взять в свои руки руководство общественным производством и заменить господствующую ныне анархию общественного хозяйства планомерной, сознательной организацией его.

Мы сказали, что это учение является центральной и, — теперь мы можем прибавить — самой сильной идеей марксизма. История промышленности всех капиталистических стран, несомненно, свидетельствует о растущей концентрации средств производства. Правда, мелкое производство в большинстве случаев почти не уменьшается по своим абсолютным размерам. Но по своему относительному значению в народном хозяйстве оно быстро падает. Крупное производство растет повсеместно гораздо энергичнее мелкого. Этот рост совершается частью за счет мелкого производства, представители которого разоряются и опускаются в ряды пролетариата. Частью же рост крупной промышленности не препятствует одновременному существованию мелкой промышленности. И наконец, в некоторых своих отделах крупное производство, развиваясь и расширяя свои операции, непосредственно содействует и росту мелкой промышленности, поставляя последней новые материалы для обработки или удешевляя старые, создавая запрос на продукты мелкой промышленности, предъявляя требования на разные работы, исполняемые мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т. д. и т. д. В результате получается, как свидетельствует промышленная статистика всех капиталистических государств, быстрый рост крупного производства и значительно более медленный рост, а иногда и упадок мелкого производства, которое в одних отраслях промышленности уничтожается крупным, в других, куда еще не проникла машина, растет и развивается. Фабрика и завод энергично и неудержимо подвигаются вперед, захватывают одну отрасль промышленности за другой, но так как единовременно с этим для мелкой про-

мышленности открываются новые отрасли производства, то более быстрый рост фабрично-заводской промышленности иногда не препятствует, во всяком случае, гораздо более медленному росту мелкого производства.

Но если по отношению к промышленности теория Маркса в общем подтверждается новейшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать про земледелие. Благодаря разнообразным техническим и экономическим условиям (большей зависимости сельскохозяйственного производства от природы, меньшей применимости к нему машины и разделения труда, большего значения в области сельской промышленности натурального хозяйства и пр. и пр.), крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представляет таких экономических преимуществ сравнительно с мелкими, как крупное промышленное производство. К этому присоединяются различного рода социальные препятствия, с которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразном «рабочем вопросе» крупного земледелия — недостатке сельских рабочих, бегущих из деревни в город), и которых не существует для мелкой сельскохозяйственной промышленности. В силу всех этих причин, останавливаться на которых мы не можем, в сельском хозяйстве не наблюдается ничего подобного концентрации производства, которое так характерно для эволюции промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупным капиталистическим земледелием, но даже растет в большинстве случаев, насчет этого последнего.

Даже такие горячие последователи Маркса, как Каутский, не могут отрицать этот факт. «Ожидания, выраженные Марксом при открытии «Интернационала», — пишет Каутский, — не сбылись; упрощения аграрного вопроса путем концентрации всей земельной площади в немногих руках не произошло... Мы никогда не достигнем в сельском хозяйстве той простоты и той ясности отношений, которые характерны для промышленности. Бесчисленные влияния в том и другом направлении перекрещиваются в сельском хозяйстве и взаимно уничтожают действие друг друга, классовые отношения остаются колеблющимися, в особенности там, где мало развита арендная система, где масса предпринимателей, а часто также и сельских рабочих, еще владеет землей. Смена времени года нередко приводит и к перемене

классовых отношений. Один месяц тот же деревенский житель может быть предпринимателем, другой месяц — наемным рабочим».

Статистика показывает, что, например, в Германии энергичнее всего развивается зажиточное крестьянское хозяйство. Точно также в Англии среднее и мелкое сельское хозяйство растет за счет крупного (и, отчасти, очень мелкого). Ничего подобного систематическому поглощению мелкого сельского хозяйства крупным мы не наблюдаем в настоящее время ни в одной стране.

Таким образом, к сельскому хозяйству схема Маркса совершенно не приложима. Но это только ослабляет, а не уничтожает значение этой схемы по отношению ко всему общественному хозяйству в совокупности. В своей интересной и содержательной книге «Die Agrarfrage»¹³¹ Каутский рисует яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всех капиталистических странах процесс подчинения сельского хозяйства промышленности; промышленность завоевывает все более господствующее положение в народном хозяйстве и вместе с тем промышленное население быстро растет за счет земледельческого. Сельское хозяйство повсеместно дает занятие все меньшей и меньшей доле населения. Опыт всех стран указывает на неизбежность этого процесса, приводящего к тому, что условия существования и развития промышленности в возрастающей степени определяют направление развития всего общественного хозяйства. Благодаря этому, особенности сельскохозяйственного развития могут совершенно поглощаться преобладающим характером промышленного развития. Несмотря на упадок капиталистического земледелия, капиталистический способ производства все более подчиняет себе общественное хозяйство.

До сих пор мы говорили о марксизме, как научной системе, как определенном понимании причинных законов социального строя, но марксизм есть не только объективная научная система. Марксизм есть вместе с тем и система практической политики, именно в этом тесном соединении объективной науки с политикой заключается самая характерная особенность и вместе причина исключительного общественного влияния марксизма сравнительно со всеми другими социологическими системами. Мы не будем останавливаться на рассмотрении и оценке практической программы марксизма, заметим только, что стремление марксизма свести все рабочее движение к ка-

питалистической борьбе рабочего класса за свои классовые интересы представляется нам односторонней политикой. Профессиональные организации рабочих, равно как и кооперативные учреждения, в своей господствующей форме — потребительных обществ — являются столь же существенными факторами социальной мощи рабочего класса, как и представительство рабочей партии в парламенте. Но, повторяем, критика практической программы марксизма не может быть предметом нашего рассмотрения. Мы остановимся лишь на общем принципиальном вопросе: возможно ли построение какой бы то ни было практической программы общественной деятельности всецело на научной почве, на почве познания объективных законов исторического развития?

Марксисты очень гордятся тем, что они освободились от утопизма. У Энгельса есть брошюра, заглавие которой — «Die Entwicklung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft»¹³² стало излюбленным трафаретом марксистской, популярной литературы. Маркс превратил утопию в науку, как утверждают его последователи. Поэтому многие из них считают себя вправе относиться с большим пренебрежением ко всякого рода социальному идеализму, ибо сами они, по их мнению, не нуждаются в социальном идеале — социальный идеал заменяется для них пониманием законов исторического развития. Стоя на почве материалистического понимания истории, марксисты полагают, что новый социальный строй должен с неизбежностью естественного процесса вырасти из недр старого, в силу законов экономического развития, перед которыми не только воля отдельных лиц, но даже и целых общественных классов бессильна. Обобществление средств производства совершится не потому, что частная собственность на средства производства будет признана большинством общества несправедливым и нецелесообразным учреждением, этого обобществления требует всемогущее экономическое развитие, и потому оно должно совершиться, чтобы мы ни делали, как бы ни относились к грядущему социальному перевороту.

В предисловии к немецкому изданию «Нищеты философии»¹³³ Энгельс говорит, что социальные требования Маркса вытекают отнюдь не из признания капиталистического и землевладельческого дохода несправедливой и нежелательной формой дохода, а из признания неизбежности крушения капиталистического строя. «Соглас-

но законам буржуазного хозяйства, — пишет Энгельс, — большая часть продукта, произведенного рабочим, принадлежит не ему. Если мы говорим: «это несправедливо, этого не должно быть», то до всего этого хозяйству нет никакого дела. Мы выражаем лишь то, что данный экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Маркс основывал свои социальные требования не на этом, а на необходимости крушения капиталистического строя, которое с возрастающей силой происходит на наших глазах».

Итак, Маркс, по словам Энгельса, основывает свои социальные требования на законах социальной необходимости. Конечно, все на свете необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никаких исключений. Социальный материализм приписывает решающую роль в процессе исторического развития экономической необходимости. С этим можно соглашаться или нет, но во всяком случае нельзя отрицать, что закон причинности безусловно господствует в истории человечества, как и вообще в природе, и что социальное будущее также детерминировано, необходимо, как и социальное прошлое.

Но Маркс объясняет экономическим развитием не только историю, — он исходит из того же и в своих социальных требованиях. Он пробует построить систему практической политики на основе познания законов исторического развития. Он пытается поставить на место *социального идеала социальное предвидение*.

Но, как правильно указывает Штаммлер¹³⁴, вся наша сознательная деятельность неразрывно связана с психологическим убеждением, в возможности изменить будущее, повлиять на него, придать ему желательный для нас вид. Если бы мы рисовали себе социальное будущее в его конкретном виде как нечто неизменное и необходимое, если бы картина будущего была нам ясна во всех своих подробностях, то решимость следовать закону социального развития была бы совершенно равносильна «твердому решению вращаться вместе с землей вокруг солнца. При решениях подобного рода смешивается два различных и взаимно исключающих класса наших представлений. Или я познаю явления и движения в их законосообразной необходимости и предвижу определенный результат как причинно неизбежный, и тогда для воли и для решений относительно этого результата не остается места. Или же я имею твердое

решение и волю что-либо осуществить, и тогда это последнее не познано мною как несомненно долженствующее быть в силу необходимых законов природы».

«Кто познал, что известный результат неизбежно произойдет по законам природы, тот не может содействовать достижению этого результата. В представлении содействия, помощи чему-либо заключено признание, что то, чему помогают или содействуют, еще не познано, как необходимо имеющее быть. Эта альтернатива не допускает никакого уклонения: если научно познано, что известное событие необходимо наступит определенным способом, то нет никакого смысла содействовать именно этому определенному способу его наступления».

«Каждый, содействующий предвидимому им в общих чертах или хотя бы лишь вероятному ходу развития должен дать себе отчет, почему он желает оказывать такое содействие и очевидно он не может дать такого ответа — потому что событие, которому оказывается содействие, все равно неминуемо произойдет. Ибо поскольку событие зависит от нашего содействия, поскольку событие может не произойти, постольку оно не познано нами как причинно необходимое событие: было бы совершенной бессмыслицей содействовать тому, что мы сами признаем неизбежно долженствующим наступить по неизменным законам причинности».

На это можно возразить, что согласно материалистическому пониманию истории, необходимость известного хода общественного развития обуславливается именно тем, что наша деятельность неизбежно принимает то или иное направление. Данного события совсем могло бы не наступить, если бы мы его не желали или не оказывали ему содействия, но так как мы необходимо должны по неизменным законам причинности желать этого события и оказывать ему содействие, то мы и предвидим его заранее как причинно необходимое. Социальная необходимость действует не помимо нас, а через нас: мы и наша воля только орудия в руках этой необходимости, которая управляет нами через нас же самих.

Возражение это имеет очень убедительный вид, что не мешает ему быть совершенно несостоятельным. Вопрос заключается в данном случае не в том, существует ли социальная необходимость или нет, подчинен ли исторический процесс закону причинности или не

подчинен. Этот вопрос уже давно решен философской и научной мыслью в утвердительном смысле. Перед нами проблема совершенно иного рода — совместима ли свобода нашей сознательной воли с сознанием необходимости того, на что наша воля направлена. И опять-таки, дело идет не о свободе воли в философском смысле. Достаточно того, что психологически мы сознаем себя свободными (хотя бы это сознание было и ошибочным). Могу ли я хотеть, могу ли я напрягать свои силы для достижения того, что я сознаю, как необходимо долженствующее произойти? Вот в чем вопрос.

И мы должны на него ответить категорически, нет! Мне незачем помогать неизбежному, тому что неизмеримо сильнее меня самого. Психологическая неуверенность в будущем есть необходимое предварительное условие сознательного волевого акта. Я опасаясь, что моя бездеятельность повредит дорогим мне интересам, и я надеюсь, что мои действия помогут последним. Эти опасения и эти надежды указывают на незнание того, что именно произойдет, ибо известное будущее могло бы вызывать лишь вполне определенное отношение с моей стороны — отношение радости или грусти, — но не того и другого вместе.

Поэтому, хотя будущее так же подчинено закону причинности, как и прошедшее, хотя будущие события с такой же роковой необходимостью, вытекают из настоящих, как настоящие из прошедших, все же психологическая неуверенность в будущем навсегда останется основанием нашей деятельности. А следовательно, и социальное предвидение не только не может заменить в качестве мотива к общественной борьбе социального идеала, но, наоборот, социальное предвидение, если бы оно было полным, означало бы собой прекращение всякой произвольной деятельности. Познание, доведенное до своего крайнего предела, было бы равносильно уничтожению нашего произвола, сознательной воли.

Социальное предвидение, конечно, чрезвычайно важно для успешности общественной работы. Сознательная деятельность предполагает познание, и чем глубже познание, тем плодотворнее работа. Все это — трюизмы, которые никому не придет в голову отрицать. И тем не менее Штаммлер глубоко прав, утверждая, что полное и абсолютное познание будущего лишило бы всякого смысла нашу деятельность и потому в корне убило бы нашу сознатель-

ную волю. Такое полное предвидение, однако, безусловно недостижимо для нашей познавательной способности, заключенной в рамках опыта. Наше познание будущего навсегда обречено быть частичным, оставляя таким образом широкий простор для нашей воли. Но мало хотеть, нужно уметь достигать желаемого. Чем обширнее наше предвидение, тем целесообразнее направляются наши усилия, тем менее сталкиваются они с естественным и необходимым ходом вещей, тем более шансов на победу. Вот почему возможно полное предвидение будущего есть лучшее оружие в борьбе за социальный идеал!

Только небольшая доля наших усилий достигает цели, вся же остальная наша деятельность погибает бесплодно, благодаря тому, что сталкивается с естественными законами природы. «Чем лучше нам известны эти законы, тем целесообразнее мы направляем нашу деятельность. Чем обширнее наше познание социального будущего, тем более сосредоточивается социальная работа на объективно достижимом и тем значительнее ее результаты. Так, поток вздымается всего выше и бежит всего быстрее там, где берега всего более стесняют его бег. Но если бы берега совсем сомкнулись, если бы наше предвидение будущего стало абсолютным, то и бег потока должен был бы прекратиться, наша деятельность должна была бы остановиться по отсутствию цели. Тот же самый результат получился бы и в противоположном случае, если бы берега потока так широко раздвинулись, что вода перестала бы течь, если бы наше познание будущего оказалось слишком ничтожным для какой бы то ни было сознательной деятельности. Абсолютное незнание, как и абсолютное познание, не оставляет места для целесообразной работы. Нельзя работать, нельзя ставить себе сознательные цели, если мы ничего не знаем о средствах и способах достижения этих целей, но нельзя работать, нельзя ставить себе сознательные цели, если мы заранее знаем, что будет завтра, через год, через десятки лет, если мы читаем в будущем как в раскрытой книге. Наша деятельность заключена в этих пределах — относительного и ограниченного знания, и она тем плодотворнее, чем это относительное значение полнее.

Итак, не социальное предвидение, а социальный идеал является верховным вождем в социальной борьбе. Познание есть только верный слуга, выполняющий приказание своего владыки. Но этот

сверхопытный владыка — социальный идеал — не создается руками своего слуги.

Прекрасно, если предвидимое нами направление исторического развития совпадает с нашим идеалом. Тогда в нашем социальном мировоззрении нет никаких диссонансов, и оно все проникнуто здоровым оптимизмом. Но если картина будущего, раскрывающаяся перед нашим умственным взором, идет грубо вразрез с тем, что мы считаем святым и высоким, если мы не видим впереди приближения к нашему идеалу, то решимся ли мы изменить наш идеал, чтобы привести его в согласие с действительностью? История сохранила нам примеры благородных людей, идеалы которых оказались в непримиримом противоречии с современной им действительностью благодаря тому, что эти люди были выше своего времени. Подчиняли ли эти люди свое нравственное сознание, каким бы то ни было требованиям текущей жизни? Нет и нет! Чем глубже была окутывавшая их ночь, тем дороже становился им единственный, могучий луч света, прорезывавший тьму и исходивший из них самих, из их собственного внутреннего мира, из их непобедимого идеала. Ни для чего в мире не согласится человек с нравственно развитым сознанием поступиться своим идеалом, который есть единственное верховное, чистейшее и прекраснейшее благо, единственная абсолютная ценность, нечто бесконечно и безусловно обязательное — то, ради чего всем можно пожертвовать, но что само никогда ни для кого и ни для чего не может быть предметом жертвы.

Ничего не может быть несправедливее презрительного отношения многих марксистов к социальному идеализму вообще и к идеализму великих утопистов в частности. От утопистов Маркс получил (не говоря уже об остальном), самое важное и ценное — социальный идеал. И лишь при свете этого идеала Маркс мог выработать свое замечательное учение об объективных законах капиталистического развития. Пренебрежение к социальному идеализму не только теоретически неправильно, но и практически вредно. Теоретически неправильно потому, что в своей практической работе марксизм столь же мало может обойтись без социального идеала, как и другие исторические общественные движения. Практически же вредно потому, что великая борьба требует и великого напряжения сил личности. Откуда же человеческая личность может взять эти силы, как не из

преданности идеалу? Без энтузиазма, без бескорыстного религиозного подчинения себя, своей личности, всех интересов, всей своей жизни чему-то более высокому, чем мы сами, нельзя достигнуть великих социальных целей, которые марксизм получил как драгоценное наследие от утопистов. А только идеал — прекраснейшее достояние духа — может порождать энтузиазм.

Борьба с идеализмом ведет к равнодушию к широким общественным задачам, требующим самоотверженной работы и самопожертвования личности. Эгоистический интерес не может не занять в нашей душе пустого места, остающегося после исчезновения идеала. И если марксизм на практике не утратил энтузиазма, то лишь потому, что вопреки всякой теории марксистское движение осталось проникнутым могучей струей социального идеализма. Серая теория оказалась не в силах заглушить прекрасный рост золотого дерева жизни¹³⁵. Но этот результат был достигнут лишь пожертвованием логической стройностью марксизма.

Мы переживаем теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится, и отовсюду растут побеги новой жизни. Идет новый мир, все большие народные массы собираются вокруг красного знамени социализма. Пока — это знамя отчаянной борьбы, знамя революции. Но придет время, когда для социализма, победившего капиталистическое рабство, на первый план выступят положительные, творческие задачи. Как устроить жизнь на новых началах свободы, правды и справедливости? Марксизм не интересовался подробностями будущего социального строя, потому что этот строй казался ему далеким. Но чем ближе мы к нему будем, тем важнее для нас будут задачи, которые привлекли к себе все внимание создателей современного социализма — великих утопистов. И именно в этом направлении социалистической мысли нашего времени предстоит огромная творческая работа. Предстоит великое возрождение утопического социализма.

ТРИ ВЕЛИКИХ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМЫ

(Нравственное мировоззрение Достоевского)

Из всех русских писателей Достоевский всего более писатель будущего. При жизни он почти не был понят; в нем видели талантливо-го романиста, ценили его защиту «униженных и оскорбленных», но совершенно не подозревали гениального мыслителя. Для многих он до конца жизни был только «жестоким талантом» и публицистом славяно-фильско-реакционного направления. Первые произведения Достоевского, в которых его мировоззрение только складывалось и которые нам кажутся теперь совершенно ничтожными сравнительно с тем, что он дал впоследствии, имели шумный успех, за которым последовало быстрое охлаждение к писателю как со стороны публики, так и со стороны таких руководителей общественного мнения, как Белинский и его кружок. Затем его популярность как романиста стала расти при полном, однако, игнорировании более глубокого содержания его грандиозных романов. В «Преступлении и наказании» заметили только «гуманную мысль» — что преступник не всегда бывает злодеем; «Идиот» был совершенно не понят и почти незамечен, а «Бесы» вызвали негодование, как пасквиль на либералов и революционеров. И только к самому концу жизни Достоевского русская интеллигенция как бы против воли и бессознательно начинает все более и более подчиняться очарованию великого писателя, как показал единственный в своем роде и беспрецедентный в России успех его пушкинской речи, внезапно выросшей в целое событие: гений, хотя и на мгновение, но покорила-таки толпу, даже такую косную толпу, как та, с которой он имел дело.

В наше время Достоевский все более и более приковывает к себе внимание. Но его всемирно-историческое значение еще мало со-знается; у нас его едва начинают понимать, а на Западе он более возбуждает любопытства, чем действительного и глубокого интереса. А между тем, если за последние полвека был писатель, в равной степени необходимый и важный для всякого современного человека, какой бы национальности он ни был, то это именно творец «Братьев Карамазовых». Несмотря на свою необычайно тесную

связь с Россией, Достоевский так же мало принадлежит только России, как Шекспир Англии или Гете Германии. В этом смысле он еще весь в будущем; и, быть может, еще пройдет много десятилетий ранее, чем цивилизованный мир откроет Достоевского, узнает, поймет и полюбит его.

Достоевского много раз сопоставляли с Ницше. И действительно, многие страницы его предвосхищают излюбленные мысли немецкого философа; но в общем и целом стройное и законченное миросозерцание нашего писателя имеет лишь некоторые пункты соприкосновения с причудливым и парадоксальным фейерверком мыслей Ницше. Для Достоевского идеи Ницше были только одним из превзойденных этапов его умственного развития, точнее, одним из уголков его собственного философского царства. И если уж сопоставлять Достоевского с кем-либо из философов Запада, то скорее всего с величайшим из философов нового времени — Кантом.

Трудно допустить прямое влияние Канта на автора «Карамазовых» — слишком уж они различны по всему своему духовному складу. Уравновешенный, спокойный, весь без остатка погруженный в свои умственные интересы, проводивший с правильностью хорошей машины свою до последней степени размеренную и заключенную в неизменные внешние рамки жизнь, «аккуратнейший немецкий профессор не имел ничего общего со страстной и мятущейся натурой Достоевского, всегда и во всем «переходившего черту». Кант был величайшим философским выразителем того миросозерцания, характерного для всей новой истории со времен Возрождения, которое признало верховной святыней жизни человеческую личность; то же миросозерцание выразил в небывалых во всемирной литературе по своей силе и яркости художественных образах и Достоевский. Миросозерцание одного было миросозерцанием и другого, и было каждому из них в равной мере внушено духом всей нашей исторической эпохи. И вот почему самые поразительные образы Достоевского составляют как бы художественный комментарий к нравственной философии Канта; комментарий — и вместе развитие и углубление.

Центральной идеей нравственной философии Канта является идея бесконечной ценности человеческой личности; как естественный вывод отсюда получается идея равноценности человеческой личности, ибо бесконечность равна бесконечности. Но сформулиро-

вав эту идею с полной ясностью, Кант не дал ей окончательного развития и не показал разрешения с ее точки зрения чрезвычайно трудных проблем практической жизни. Именно это исполнил Достоевский и в этом его непреходящая заслуга, как морального философа.

Прежде всего, идея верховной ценности человеческой личности требует обоснования: нужно показать, почему мы ценим человеческую личность так необычайно высоко. Обоснование это непосредственно приводит к проблеме Бога. Затем, идея эта должна быть истолкована, как основа нравственного закона — она приводит к проблеме человечества. И, наконец, с ее точки зрения должно быть дано объяснение нарушению нравственного закона, иначе говоря — требует разрешения проблема мирового зла. Эти три великие проблемы поглощали все внимание Достоевского и им посвящено его лучшее творчество.

«Меня Бог всю жизнь мучил», — говорит в «Бесах» Кириллов. В лице Кириллова мы имеем перед собой человека огромной душевной силы и с неутолимой жадой абсолюта. Подавляющему большинству людей так называемые высшие интересы, не связанные непосредственно с поддержанием существования и чувственными удовольствиями разного рода, только изредка и слабо напоминают о себе. Но бывают люди, душевная организация которых такова, что интересы этого порядка способны вытеснять в их душе все остальные. Таким человеком и является Кириллов.

Без веры в абсолютную ценность жить он не может. Но в Бога он не верит; если же нет Бога, рассуждает он, то нет и абсолютного нравственного закона, ибо какое другое основание, кроме абсолютного добра, может иметь этот закон? Где же найти, однако, абсолютную ценность, если Бог и добро не являются таковой? Единственной ценностью, и, значит, уже абсолютной ценностью, после упразднения других, остается человеческая личность. И вот Кириллов приходит к выводу, что человек должен стать для себя абсолютной ценностью, иначе говоря, «стать для себя богом». «Сознать, что нет Бога и не сознать, что сам богом стал, есть нелепость», — думает он.

Но стать для себя богом не значит не признавать других ценностей, кроме своих интересов. Интересы человека относительны, достижение их ограничено законами природы и, в конце концов, смертью, предстоящей каждому. Кириллов же жаждет абсолютной ценно-

сти, которая ничем не может быть ограничена, и хочет превратить в нее единственную ценность, которая у него осталась — человеческую личность. Чтобы стать абсолютной ценностью, человеческая личность должна стать безгранично могущественной и свободной. А для этого нужно, чтобы воля человека не была ничем стеснена, чтобы человек ничего не боялся, не боялся того, что всего больше страшит его — смерти.

«Будет новый человек, счастливый, гордый. Кому будет все равно жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет... Тогда новая жизнь, тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут делить на две части: от гориц до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до перемены земли и человека физически. Будет богом человек и переменится физически». Атрибутом этого нового человека — человека-бога — будет «своеволие» — безграничная дерзость воли, полное и абсолютное бесстрашие. Но как может человек доказывать, что его воля лишена всякого страха? Только одним — добровольным самоубийством. Именно этот акт является верховным и единственным доказательством того, что все границы для воли человека бесповоротно и окончательно пали. «Я три года искал атрибут божества моего. Этот атрибут — своеволие. Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу свою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы доказать непокорность и новую страшную свободу свою».

Самоубийство есть высшее доступное человеку проявление его своеволия. Низшим проявлением того же было бы убийство другого человека. Убивая другого, человек доказывает, что для его воли не существует преград нравственного закона, что Бога для него нет; но он сам еще не становится поэтому богом — для его воли могут остаться Преграды страха боли и смерти. И только убивая себя, человек разрушает все преграды для своей воли, становится богом.

Конечно, самоубийц были миллионы, но все они убивали себя от жизненных неудач, из страха, а «не для того, чтобы страх убить. Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас богом станет».

И Кириллов себя убивает, убивает в отвратительной обстановке, служа низким целям человека, которого презирает и ненавидит, — Петра Верховенского, представляющего собою моральный

антипод ему самому. Но как бы ни был гадок Верховенский и как бы ни была бессмысленна по своим практическим последствиям прикрывающая чужие преступления смерть Кириллова, Кириллов не может и не должен, со своей точки зрения, отказаться от своего намерения. Ибо если бы для чего бы то ни было на свете он мог отказаться от самоубийства, то где же было бы его безграничное своеволие, которое он считает себя признанным заявить? Потрясающая картина смерти Кириллова и вся предшествующая сцена, в которой во весь рост обрисовываются оба действующих персонажа драмы, — Верховенский, с совершенным цинизмом и бездушием требующий добровольной смерти ненавидящего его человека для сокрытия следов сделанного им подлого убийства, и высокий и чистый духом Кириллов, приносящий эту поразительную жертву, — нужна для того, чтобы величина «своеволия» самоубийцы обнаружилась во всех своих фантастических размерах. Больших размеров «своеволия» мы, действительно, и представить себе не можем.

Какой же смысл этого удивительного художественного образа, созданного Достоевским? Кириллов, как сказано, прежде всего, глубоко религиозная натура; он не может жить без Бога, но в Бога он не верит. Вместе с тем это не мистик и не аскет, не понимающий и чуждый жизни. Напротив, он страстно любит жизнь во всех ее проявлениях; он во всем чувствует радость жизни. «Когда мне было десять лет, — говорит он Ставрогину, — я зимой закрывал глаза нарочно и представлял себе лист зеленый, яркий, с жилками, и солнце блестит. Я открывал глаза и не верил, потому что очень хорошо, и опять закрывал... Человек несчастлив потому что не знает, что он счастлив; только потому. Это все, все! Кто узнает, тотчас станет счастлив, сию минуту... Я всему молюсь. Видите, паук ползет по стене, я смотрю и благодарен ему за то, что он ползет». По своей любви к жизни, по своей способности понимать красоту и прелесть мира, Кириллов брат по духу святых Достоевского — князя Мышкина и старца Зосимы; и для него, как и для них, «жизнь есть рай». И, однако, он добровольно бросает этот рай и отдает свою жизнь в распоряжение злодея для его честолюбивых целей. Почему такой ужасный контраст между душевным обликом и практическим делом?

Ответ ясен. Потому, что Кириллову не хватало самого главного для практического дела — веры в Бога. Он сам этим объясняет в пред-

смертном разговоре с Верховенским свою трагическую судьбу. «Бог необходим и потому должен быть. Но я знаю, что Его нет и не может быть. Неужели ты не понимаешь, что человеку с двумя такими мыслями нельзя оставаться в живых? Неужели ты не понимаешь, что из-за этого только одного можно застрелить себя? Ты не понимаешь, что может быть такой человек, один человек из тысячи ваших миллионов, один, который не захочет и не перенесет?» Утративши Бога, Кириллов попытался заменить его человеческой личностью. Но оказалось, что идея верховной ценности человеческой личности, вне идеи Бога, не только не пригодна для построения жизни, а, наоборот, ведет прямым путем к отказу от жизни и самоубийству. Фигурой Кириллова Достоевский говорит, что идея самоценности человеческой личности неизбежно предполагает, как свое скрытое основание, идею абсолютного добра, иначе говоря, идею Бога. Вне этой последней идеи, личность перестает быть верховной ценностью, а жажда превратить ее в таковую приводит к собственному уничтожению личности. Идея самоцельной личности вне абсолютного добра есть, иными словами, внутренне противоречивая идея.

Итак, личность человека становится абсолютной ценностью лишь постольку, поскольку мы предполагаем существование абсолютного добра. Вне Бога и человек утрачивает свою бесконечную ценность — таков ответ Достоевского на вопрос об обосновании идеи самоценности личности. Нравственный закон самым фактом своего существования требует признания Бога.

Таким образом разрешается Достоевским проблема Бога — в полном соответствии с философией Канта, постулирующего Бога, как единственно возможную основу нравственного закона. Человек обладает бесконечной ценностью потому, что обладает нравственным сознанием; в его нравственном сознании отражается Божественный разум, на человеке почиет отблеск Божества, сообщающий свою бесконечную ценность и носителю нравственного сознания — человеку.

Но все ли люди обладают в равной мере нравственным сознанием? Конечно, нет. Если же так, то не следует ли заключить, что ценность человеческой личности должна быть, по необходимости, различна? Чем ниже нравственное сознание человека, тем меньшую ценность представляет его личность, переставая быть верховной целью в себе и превращаясь в средство для более высоких личностей.

Люди неравноценны и более высокие из них имеют нравственное право превращать в средство для своих высоких целей личности людей, стоящих ниже их по своему нравственному сознанию. Неравенство — не только закон существующего человеческого общества, но, по-видимому, и неизменный закон морали.

Таким образом, возникает новая этическая проблема — как примирить бесконечную ценность человеческой личности и вытекающую отсюда их равноценность с реальным неравенством людей, логически приводящим, по-видимому, к признанию их неравноценности. Эта вторая проблема — проблема человеческого общежития, проблема человечества — непосредственно вытекает из первой проблемы, проблемы Бога, как основы нравственного закона. Разрешение этой второй проблемы Достоевский дал в целом ряде художественных образов.

Убеждение в неравноценности людей есть основное убеждение Раскольников в «Преступлении и наказании». Для него весь род человеческий делится на две неравные части: большинство, толпу обыкновенных людей, являющихся сырым материалом истории, и немногочисленную кучку людей высшего духа, делающих историю и ведущих за собою человечество. «Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы, наконец, через какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом, посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, понатужиться и породить, наконец, на свет, нухоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. Еще с более широкой самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один... Еще с более широкой — из ста тысяч один... Гениальные люди — из миллионов, а великие гении, завершающие человечество, — может быть, по истечении многих тысяч миллионов людей на земле».

Гений, великие люди — цель человечества, обыкновенные люди, толпа — средство к этой цели. Естественно, что и образ действия тех и других должен быть совершенно различен; то, что обязательно для человека толпы, не может связывать воли великого человека. «Необыкновенный человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего

человечества) того потребует... Если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия, вследствие некоторых комбинаций, никоим образом не могли бы стать известными людям иначе, как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию, то Ньютон имел бы право и даже обязан бы был... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству».

Все это очень логично. И вот Раскольникову, озлобленному нуждой, угнетавшей не только его, но и его мать и сестру, «осужденную таскаться в гувернантках», приходит мысль, как бы поступил на его месте великий человек, Наполеон, если бы для его карьеры требовалось совершить убийство какой-нибудь ничтожной старухи. На этом вопросе он мучился страшно долго, так что ему «ужасно стыдно стало», когда он «вдруг догадался», что Наполеон не только не испугался бы убийства, «но ему даже в голову бы не пришло, что это не монументально... и даже не пенял бы он совсем: чего тут коробиться? И если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости». И «по примеру авторитета» Раскольников совершает убийство.

Убивши старуху, он не только не испытывает раскаяния, но больше, чем когда-либо верит в свою теорию. Даже в последнюю минуту, идя в участок, чтобы выдать себя, он не хочет признать, что ему есть в чем раскаиваться. «Преступление? Какое преступление, — кричит он своей сестре, — то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушенку-процентщицу, никому ненужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? («Ты кровь пролил» — говорит ему сестра). «Которую все проливают, — подхватывает он в исступлении, — которая льется, как водопад, которую льют, как шампанское и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества. Да ты взгляни пристальнее и разгляди! Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, так как вся эта мысль была вовсе не так глупа, как теперь она кажется (при неудаче все кажется глупо)... Никогда, никогда яснее я не сознавал этого, как теперь, и более чем когда-либо не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!»

И несмотря на убеждение в своей правоте, он идет и доносит на себя, принимает наказание за преступление, которого, по его мнению, не совершал. Что-то высшее, чем доводы рассудка, побеждает его волю. Эта борьба бессознательной воли протестующей против пролитой крови, и разума, оправдывающего кровь, и составляет душевную драму Раскольникова после преступления. Даже когда воля — слепой и непонятный нравственный инстинкт — окончательно побеждает, когда Раскольников уже томится на каторге, разум все не сдается и все отказывается признать свою неправоту. «И хотя бы судьба послала ему раскаяние — гжучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он обрадовался бы ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении. Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинной».

Эта явка с повинной доказывала в его глазах не то, что его теория не верна, а то, что он сам не принадлежит к числу великих людей, которые могут преступать нравственные законы. «Если бы только я зарезал из-за того, что голоден был, то я бы теперь счастлив был», — говорит он Соне Мармеладовой. «Мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я преступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею?.. И неужели ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что уж если я начал себя спрашивать и допрашивать: имею ли я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. И что если задаю вопрос: вошь ли человек? — то стало быть уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит, кто прямо без вопросов идет. Ведь если я столько дней промучился, пошел ли бы Наполеон или нет? Так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон».

Вот это-то и терзает Раскольникова — он оказался обыкновенным человеком, подвластным нравственному закону. Он хотел иметь «свободу и власть, а, главное, власть! Над всей дрожащей тварью, над всем муравейником!» И эту власть он должен был получить освобождением себя от нравственного закона. Но нравственный закон оказался сильнее его и он пал...

И только после нескольких лет каторги в душе Раскольникова совершается переворот: он признает свое преступление и этим возрождается к новой жизни. Нравственное сознание победило.

Такова трагедия Раскольникова. Бессознательный инстинкт оказался сильнее теории, несмотря на ее логическую неуязвимость.

И, действительно, в чем ошибочность этой теории? С точки зрения утилитарной морали против нее совершенно нечего возразить. С этой точки зрения нравственность или безнравственность известного образа действий определяется балансом пользы или вреда для общества от этих действий. Если в результате получается плюс на стороне пользы, то данный образ действий является нравственным. Великое научное открытие могло принести пользу миллионам людей; разве не требует нравственный долг пожертвовать для него, если это необходимо, жизнью нескольких десятков людей? Или, если взять пример самого Раскольникова, разве общество проиграло от того, что убита «гадкая вошь» — старуха-ростовщица и что ее деньги перешли человеку, который даст им, несомненно, гораздо лучшее употребление? На это можно возразить, что если в отдельном частном случае общество и может выиграть от убийства, то распространение в обществе равнодушия к человеческой жизни, несомненно, опасно и невыгодно для общества; поэтому общество заинтересовано в том, чтобы убийство внушало страх человеку совершенно независимо от того, каковы будут последствия убийства. Это так, но ни малейшим образом не колеблет теории Раскольникова: ведь и он согласен, что масса должна быть подвластна слепому инстинкту страха крови. Он требует только свободы от этого инстинкта, как и вообще от всего бессознательного, не находящего себе объяснения в разуме, для немногих избранных человечества, которые могут вместить всякую правду — а ведь правда-то заключается с точки зрения утилитарной морали в том, что убийство человека, если оно увеличивает сумму счастья в обществе, нравственно.

Именно неотразимая логика этого рассуждения и губит Раскольникова; он не боится правды, не хочет подчиняться слепым инстинктам — и гибнет. Какая-то ошибка в его рассуждении, следовательно, была.

Да, была, была в том, что он хотел логически обосновать, рационализировать нечто по самому своему существу не допускающее такого

логического обоснования, рационализирования. Он хотел вполне рациональной морали и логическим путем пришел к ее полному отрицанию. Он искал логических доказательств нравственного закона — и не понимая, что нравственный закон не требует доказательств, не должен, не может быть доказан — ибо он получает свою верховную санкцию не извне, а из самого себя. Почему личность всякого человека представляет собой святыню? Никакого логического основания для этого привести нельзя, как нельзя привести логического основания для всего того, что существует собственной своей силой, независимо от нашей воли. Факт тот, что наше нравственное сознание непобедимо утверждает нам святость человеческой личности; таков нравственный закон. Каково бы ни было происхождение этого закона, он столь же реально существует в нашей душе и не допускает своего нарушения, как любой закон природы. Раскольников попробовал его нарушить — и пал. И так должен пасть каждый, кто, обладая нравственным сознанием, нарушит нравственный закон.

Конечно, у кого нравственное сознание спит, тот может совершенно спокойно проливать кровь, не вызывая никаких трагедий в своей душе. Верховенский совершает убийство без всякой особой надобности и не чувствует от этого ни малейших утрызений совести. У кого совести нет, тому не приходится ее бояться. Но таким людям и не приходится спрашивать себя, имеют ли они право убить другого — они не нуждаются в моральном оправдании своих действий. Раскольников же обладает совестью и она мстит ему за попрание нравственного закона.

Этот нравственный закон провозглашает, что всякая человеческая личность есть верховная святыня совершенно независимо от того, каковы моральные достоинства этого человека. Самый низкий и самый преступный человек такая же бесконечная ценность, как и самый высокий: никто не может быть средством в руках другого, а каждый составляет цель в себе. Или, как говорит Кант, «в природе все, что угодно, над чем мы имеем власть, может служить нам средством, и только человек, и с ним всякое разумное существо есть цель в себе... Человек и вообще всякое разумное существо существует, как цель в себе, не как средство для той или другой воли, но всегда должен рассматриваться во всех своих действиях, направленных как на него самого, так и на другие разумные существа, как цель».

В этом смысле все люди равны между собой, как бы они ни были различны и неравны в других отношениях. Раскольников отверг начало равноценности человеческой личности и тем самым отверг нравственный закон. Если вообще личность человека может быть святыней, то личность всякого человека без различия. Ибо от святого до злодея существует бесчисленное множество незаметных переходов: на какой же из этих ступеней личность человека становится священной? Или все личности священны, или никакая из них.

Интересно сравнить Раскольникова с Кирилловым. Трагедия того и другого существенно различны. Кириллова мучит Бог; он стремится к свободе, хочет сделать человека богом и для этого убивает себя. Раскольников не думает о Боге, он стремится к власти, хочет подчинить себе «дрожащую тварь» и для этого убивает другого человека. Кириллов ничего не хочет для себя — он верит в бесконечную ценность, значит, равноценность человеческой личности; Раскольников всего хочет для себя, он отрицает равенство людей. Кириллов осуществляет собой высшую ступень человеческого своеволия, Раскольников — низшую.

В лице Кириллова Достоевский казнит отрицание Бога и показывает, что человеческая личность, сама по себе, не может быть Богом. В лице Раскольникова Достоевский казнит отрицание святости человеческой личности и показывает, что всякая человеческая личность обладает этой святостью и что в этом отношении все люди равны.

Еще глубже та же проблема самоцельности и равноценности человеческой личности разработана Достоевским в его последнем великом романе — в «Братьях Карамазовых». В «Великом инквизиторе» Достоевский сопоставляет два социальных идеала, которые делят между собою человечество. В чем идеал человеческой жизни — в наибольшем счастье или в наибольшей нравственной высоте личности? — таков вопрос, который ставит Христу в своей исступленной речи Великий инквизитор. Этот старик еще гораздо глубже Раскольникова убежден в коренном неравенстве людей; но в отличие от Раскольникова, он не убивает, а сам себя приносит в жертву. Он презирует людей и любит их любовью, основанной на жгучем сострадании к их жалкой беспомощности и к их ничтожеству — любит, как любят слабых, порочных детей. Правда, с этой любовью соединяется такая жажда власти и такая гордыня, которых Раскольникову и не снилось.

Раскольников хочет победить людей силой — хочет, чтобы перед ним «трепетала дрожащая тварь»; честолюбие великого инквизитора гораздо больше — он хочет окончательно покорить себе волю людей, всю без остатка, хочет стать для людей высшим, непререкаемым авторитетом, богом, перед которым добровольно преклонялись, на которого молились бы эти жалкие существа.

Христос отверг искушения «страшного и умного духа, духа небытия». Христос не захотел прельстить людей земными благами, не захотел подчинить Себе их духа чудом и основать на этом всемирное, земное царство. «Ты не захотел, — говорит Ему великий инквизитор, — лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли Ты, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли и сразится с Тобою и победит Тебя, и все пойдут за ним, восклицая: «Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси?». Вместо твердого, древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и зло, имея лишь в руководство образ Твой пред собою, — но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же, наконец, и оспорит даже и образ Твой и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?.. Они воскликнут, наконец, что правда не в Тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал Ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким образом, сам Ты и положил основание к разрушению Своего же царства и не вини в этом никого более... Ты не сошел с креста, когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: «Сойди с креста и уверуем, что это Ты». «Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом, и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника перед могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками».

Христос принес человеку свободу, но с ней и страдания, неразрывно связанные со свободой. Великий инквизитор хочет «исправить подвиг Христа» — отнять у человека свободу, которая для него непереносима, и подчинить его твердой и неизменной власти авторитета, дать людям «тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных

существ, какими они и созданы». «О, мы убедим людей — восклицает он в диком восторге — не гордиться, ибо Ты вознес их, и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаще всякого. Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети, за то, что мы позволим грешить».

И люди превратятся в тихих, довольных детей. «Тихо умрут они, тихо угаснут и за гробом обрящут лишь смерть — ибо если бы и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они».

Но те, кто будут пасти это стадо и создавать счастье миллионов существ, сами не будут счастливы: как могут они быть счастливы, когда на их плечах будет лежать все страшное бремя свободы и когда все царство их будет основано на лжи, когда они во имя Христа лишат людей того самого дара, который Христос принес людям свободы? «Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла».

Перед нами поразительная картина человечества, в котором огромное большинство до такой степени унижено, до такой степени утратило человеческую личность, что даже лишилось высшего дара человека — бессмертной души, — но зато приобрело счастье, а меньшинство получило безграничную власть над остальными миллионами, но заплатило за эту власть страшной ценой неутолимой душевной муки.

Где же правда? Христос любил людей, но принес им страдание свободы; великий инквизитор также любит людей — и он был в пустыне, и он истязал себя, и он пожертвовал собой для человечества — и принес людям счастье, лишив их свободы. С точки зрения утилитаризма вся правда на стороне инквизитора: ведь люди счастливы в его Царстве. Что с того, что они перестали быть людьми и утратили бессмертную душу? Людям нужно только счастье и его они получили.

Но для кого человеческая личность, во всей своей сложности, со своей свободой совести, со своим свободным нравственным сознанием есть высочайшая ценность, тот никогда не согласится жерт-

вывать человеческой свободой ни для чего в мире — даже и для счастья человечества. Лучше пусть люди страдают от познания добра и зла, чем будут счастливы, отказавшись от этой свободы. Человечество существует не для счастья, а для бесконечного совершенствования личности человека; счастье же ценно потому, что оно идет рядом с этой более высокой целью и содействует ее достижению. И потому вся правда на стороне Христа. Мечта же великого инквизитора есть ложь, внушенная ему непониманием величия человеческой личности. В своей гордыне он думает, что другие люди не обладают такой личностью, как он сам; но люди не так ничтожны, как ему кажется, и, главное, не должны быть так ничтожны и не всегда будут так ничтожны. Слабый человек может стать сильнее — и к этому-то и нужно стремиться, твердо веруя в возможность возвышения человека; как ни низко стоит человечество, но в своем историческом развитии оно идет не вниз, а вверх, и никто не может сказать, как далеко оно пойдет в этом движении. Именно в этом движении и заключается жизнь, а то, что проповедует инквизитор, есть отказ от жизни, духовная и физическая смерть.

Весь секрет великого инквизитора, — как говорит Алеша Карамазов, — в том, что он не верует в Бога. Не веруя в Бога, он не верит и в человека, в самоцельность человеческой личности. Этим последним он отличается от Кириллова — и именно потому может жить: нельзя верить в человека и не верить в Бога, если же нет веры ни в Бога, ни в человека, то жизнь возможна, но жизнь вне нравственного закона — даже при возвышенном духе и любви к людям. Мрачная и фантастическая мечта великого инквизитора равносильна уничтожению человечества — ибо если одни люди утратили человеческую личность и превратились в покорных животных, а другие отделились духу и только этим сохранили свою личность, то какую ценность имеет такое человечество и не представляет ли оно просто «диаволов водевиль»? И не лучше ли смерть и окончательное уничтожение такого человечества, чем то подобие жизни, которое сохраняет ему инквизитор?..

Великий инквизитор родственен по духу Раскольникову, но несравненно сильнее и выше его. Раскольников просто крепкий волей и умом, властный человек, великий же инквизитор — исполин, титан, способный перевернуть мир. Раскольников убивает другого человека

и все-таки не получает власти над людьми, великий же инквизитор сам приносит себя в жертву и этим достигает безграничной власти над человечеством. Раскольников, в конце концов, раскаивается и отказывается от своей мечты — великий инквизитор пребывает тверд до конца и не боится вызвать на суд самого Бога.

Интересно, что фантастичная мечта Достоевского имела свое осуществление — и даже в тех самых формах, которые рисовались Достоевскому. Разве не царством великого инквизитора было парагвайское государство иезуитов¹³⁶, граждане которого, действительно, превратились в подобие счастливых младенцев, а над ними безгранично царило несколько иезуитов. Разве не дух великого инквизитора веял над этим удивительным царством, просуществовавшим более 150 лет и павшим лишь вследствие внешнего насилия — царством, относительно которого трудно сказать, было ли оно осуществлением социализма или же выражением самого полного порабощения человеческой личности, которое только знает история.

В том же романе Достоевский с необычайной силой ставит и третью великую проблему, которая его мучила — проблему мирового зла. Проблема эта непосредственно вытекает из двух первых. Если Бог существует и если человек самоцель, то человек может страдать только за свои вины, за то злое, что он совершил; страдание непосредственно вытекает в этом случае из факта свободного самоопределения преступника и представляет собой единственное средство для восстановления попорченного нравственного закона. Ибо если зло не будет искуплено, то где же справедливость? Но как объяснить и оправдать безвинное страдание? А ведь безвинное страдание не только существует в мире, но его ужасно, безмерно много. За что страдают, например, дети, в которых никакого зла быть не может уже потому, что они не обладают еще полным нравственным сознанием? «Если все должны страдать, — говорит Иван Карамазов своему брату Алеше, — чтобы страданием купить вечную гармонию, то причем тут дети, скажи мне пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собой для кого-то будущую гармонию? Солидарность в грехе между людьми я понимаю, понимаю солидарность и в возмездии, но не с детками же солидарность в грехе, и если правда в самом деле в том, что и они солидарны с от-

цами их во всех злодействах отцов, то уж, конечно, правда эта не от мира сего и мне непонятна».

Безвинное страдание ничем не может быть оправдано. И если оно в мире существует, значит мир не может быть оправдан нашим нравственным чувством. «Представь, — спрашивает Иван Алешу, — что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы всего замучить лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотмщенных слезах его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги?

— Нет, не согласился бы, — тихо проговорил Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остались бы навеки счастливыми?

— Нет, не могу допустить».

И, конечно, ничего другого ответить Алеша не может. Если каждый человек есть абсолютная цель, то никакая гармония, как бы грандиозна и высока она ни была, не может быть куплена ценой безвинной жертвы хотя бы одного человека. Значит если я верю в Бога и абсолютное добро, я должен отвергнуть мир, как несогласный с его волей. Какая бы ни была гармония впереди, она «не стоит слезинки хотя бы одного того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженьке». Не стоит, потому, что слезки остались неискупленными. И потому Иван отвергает гармонию. «Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу лучше оставаться со страданиями неотмщенными. Лучше уж я останусь при неотмщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем хотя я был бы и не прав. Да и слишком дорого оценив гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это я и делаю. Не Бога я не принимаю, я только билет Ему почтительнейше возвращаю».

Итак, мир не от Бога, ибо в мире зло, а Бог абсолютное добро. Но если не от Бога, то от кого? И мыслима ли идея Бога, стоящего вне мира и не подчиняющего себе мир? Конечно, нет. И потому Иван Карамазов совершенно напрасно говорит, что он принимает Бога, а только отвергает его мир: отвергнувши он отверг и Бога.

Проблема мирового зла есть самая трудная проблема религиозного сознания — точнее говоря, неразрешимая проблема для вашего «евклидова» ума. Ясно только одно, что мы не можем представить себе мира вне безвинного страдания, ибо, без такого мир лишится всякого нравственного смысла, действительно, представьте себе, что в мире нет безвинного страдания, иначе говоря, что всякий страдает по заслугам, а, значит, и награждается по заслугам. Разве это не уничтожило бы в корне, окончательно и без остатка, смысл нравственного подвига? Ведь в том именно и заключается величие человеческого духа, что человек на свой собственный страх осуществляет нравственный закон, не смущаясь господством зла в окружающем его мире. Если добродетель награждается в этом мире, а порок наказывается, то исполнение нравственного закона превращается в дело простого расчета — иначе говоря, нравственность исчезает. Без борьбы нет победы — зло есть необходимое искушение, чтобы добро показало свою силу. И чем больше в мире безвинного страдания, иначе говоря, чем больше зла, тем лучезарнее и ярче выступает непобедимая сила добра. Мир без зла был бы раем, но рай не есть жизнь и в раю нет заслуг. Жизнь может кончаться раем, но заключаться в нем не может.

Мировое зло преодолевается у Достоевского мистической идеей вины каждого за всех. Неотмищенное безвинное страдание заставляет Ивана отвергнуть мир во имя оскорбленного нравственного чувства, требующего мести; но есть нечто более высокое, чем месть — это прощение и любовь. Чем сильнее любовь, тем меньше места остается для негодования и мести. Иван не любит людей и вовсе не во имя любви к людям он отвергает мир: он потому и останавливается на страданиях детей, что детей он любит, а людей нет. Для гордого человека детей любить гораздо легче, чем людей: с детьми не приходится ничего делить, дети ничем не могут оскорбить, детям не в чем завидовать. И детей Иван любит и жалеет жгучей жалостью. Взрослых же людей Иван не только не любит, а прямо и не обинуясь заявляет, что «они отвратительны и любви не заслуживают». Для тех же, кто любит

людей не только, когда они еще безвинны и не знают добра и зла, но и грешных, слабых и порочных, какими они становятся впоследствии, проблема мирового зла является в другом освещении.

Князь Мышкин в «Идиоте», старец Зосима и Алеша в «Карамазовых» — вот типы истых человеколюбцев у Достоевского. У Ивана благородная, но гордая, злобная и завистливая душа; он живет высокими интересами, но весь живет в себе. Он умеет ценить любовь — но именно потому, что сам совершенно ее лишен (к равным себе, к взрослым). «Отвлеченно еще можно любить ближнего, — думает он, — и даже иногда издали, но вблизи почти никогда... Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой никогда, ведь, не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я, и, сверх того, редко человек согласится признать другого за страдальца (точно будет это чинить). Почему не согласится? Потому, например, что от меня дурно пахнет, что у меня глупое лицо, потому, что я раз когда-то отдал у него ногу».

Но бывают люди, хотя их и мало, которые обладают этим чудным даром любви: их не пугает и дурной запах другого человека и его неприятное лицо. Они любят не только хороших (которых любить легко и которых всякий полюбит), но и дурных и даже иногда именно на дурных и останавливают, по преимуществу, свое любовное внимание из особого сострадания к ним. Такие люди, когда встречают зло, то по душевной организации своей больше волнуются состраданием и жалостью к обиженному, чем злобой и негодованием против обидчика, ибо вообще в их душе любовь сильнее злобы. Любовь дает им великое счастье и радость и потому, сколько бы зла они ни видели вокруг, они органически не могут проклясть мир, как это делает Иван. Они для этого слишком любят этот мир и, если видят зло вокруг себя, то по любящей натуре своей скорее склонны усматривать причину этого зла не в других, а в самих себе. «Знайте, милые, — поучает старец Зосима, — что каждый единый из нас виновен за всех и за все на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей, за всякого человека на сей земле».

Великая любовь к людям приводит таких человеколюбцев к тому, что их собственная личность как бы растворяется и сливается с человечеством, не только, однако, не теряя своей индивидуальности, но именно утверждая ее; полные любовью, они благословляют жизнь и

мир. «Мама, — говорит умирающий брат Зосимы, — не плачь, жизнь есть рай, все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай».

Если жизнь есть рай, то где же проблема мирового зла? Ее уже нет, потому что нет и самого зла прощенного, побежденного любовью.

Мир полон тайн и подчиняется своим собственным жестоким и неумолимым законам, смысла и цели которых человеческому уму постигнуть невозможно. Но бывают иногда мистические моменты, когда грубая ткань мира начинает как бы сквозить и просвечивать потусторонним светом. Такой момент пережил и любимый герой Достоевского — Алеша Карамазов — после смерти своего друга и учителя. «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих, сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился неясный еще Млечный путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы соприкасалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоей и люби сии слезы твои»... прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны «и не стыдился иступления сего». Как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божьих сошлись разом в душе его и она вся трепетала «соприкасясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все, и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а «за меня и другие просят», — прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и это уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час, — говорил он потом, — с твердой верою в слова свои...»

КАНТ И МАРКС

(по поводу русского перевода сборника
статей Форлендера¹³⁷ о Канте и Марксе)

Один из самых видных представителей современного марксизма, вернее, самый видный из них — Карл Каутский неоднократно выражал на страницах редактируемого им научного органа германской социал-демократии жалобы на равнодушие современных социалистов к теории. В своей книге об аграрном вопросе¹³⁸ он сделал в этом отношении исключение только для России; действительно, в то время, когда Каутский писал свою книгу — в конце 90-х годов закончившегося века — русские марксисты выделялись среди всех других своим живым и, прибавлю, действенным, плодотворным интересом к теории. Теперь это время прошло, и вряд ли Каутский имел бы основание отдавать предпочтение по интересу к теории русским марксистам перед марксистами других стран. И у нас, как и на Западе, марксистская мысль как бы замерла и не обнаруживает серьезного интереса к вопросам поднимающимся над уровнем практических нужд переживаемого момента.

Между тем, исчезновение этого интереса — очень знаменательный и характерный признак. Оно доказывает, что данное умственное течение исчерпало себя и уже перестало будить и волновать умы. Если среди марксистов действительно замечается, по компетентному свидетельству Каутского, исчезновение интереса к теории, то это совершенно неверно относительно социалистов вообще. Напротив, именно за последнее время теория социализма разрабатывается в различных направлениях особенно энергично, но уже, увы!.. не под флагом марксизма. Мы переживаем теперь переходное время, когда старая теория перестала удовлетворять более живые умы, и совершается энергичное творчество новой теории, имеющей заменить марксизм старого типа.

Одним из различий новой теории социализма сравнительно со старой является новое философское обоснование ее. Марксизм частью не интересовался философией, частью довольствовался самой слабой из философских систем — материализмом. Новая теория социализма примыкает в философском отношении к Канту. Статьи

Форлендера содействовали в Германии, быть может более всех других литературных произведений того же направления, выяснению истинного отношения философии Канта к теории социализма. Форлендер неопровержимо доказал, что единственно возможным этическим обоснованием социализма является кантовская идея самоцельности человеческой личности. Весь этический пафос социализма вытекает из этой идеи, которая сознательно или бессознательно предполагается каждым социалистом. С другой стороны, логическое развитие ее неизбежно приводит к социализму. А так как социализм не есть чисто теоретическое построение, но относится к практике общественной жизни и, следовательно, лежит в сфере этики, то названная идея должна быть признана центральной идеей социализма.

Отрицать это можно лишь отрицая необходимость этического обоснования социализма. А это последнее отрицание предполагает, в свою очередь, отрицание этики вообще, — ибо социалист, признающий этику, не может не нуждаться в этическом обосновании своего общественного идеала. Итак, что-либо из двух — либо этика подлежит упразднению, как изжитый человечеством предрассудок, либо, если согласиться, что никакое человеческое общежитие невозможно без той или иной системы морали, следует безусловно признать, что общественный идеал неизбежно требует этической санкции.

Марксизм отвергал необходимость этического оправдания социализма и, конечно, не без достаточных оснований. Дело в том, что вся система общественной философии марксизма проникнута принципиальным отрицанием этики. Внеклассовую этику марксизм признает предрассудком, а классовая этика есть внутренняя невозможность. И потому марксизм вполне последовательно ставит на место морали классовый интерес. Получается очень стройное социологическое построение, в котором для этики в собственном смысле слова места нет. И если на практике марксизм не в силах удержаться на этом принципиальном аморализме, то в теории он твердо стоит на этой позиции.

Я вполне согласен с Форлендером, что «вне этики нет социалиста и не может быть речи о социализме». Но, в противность ему, я никак не могу считать аморализм марксизма настолько несущественным элементом марксистской теории, что теория эта может быть просто дополнена этической точкой зрения и не изменит

своей внутренней природы. «Маркс и Кант, — говорит Форлендер, — отнюдь не противоположности: они должны дополнять друг друга, подобно тому, как историко-эволюционная точка зрения должна быть дополнена точкой зрения, в основании которой лежит понятие цели или ценности. Вполне правильно, — продолжает он, — формулировал эту мысль... Штаудингер. Поскольку марксизм имеет своей целью сознательное и планомерное преобразование существующего, он в последовательном развитии своего собственного принципа приходит к Канту».

Я думаю, наоборот, что ни о каком дополнении Маркса Кантом не может быть и речи. И марксизм и кантианство являются чрезвычайно стройными и законченными логическими системами. Что касается марксизма, то даже враги его признают тесную связь между всеми составными частями его теоретической конструкции, представляющей собой органическое целое, в котором каждая отдельная часть предполагает остальные и вытекает из них. В частности, признание внеклассовой морали несовместимо с материалистическим пониманием истории и с классовой точкой зрения — ибо, если этика для всех общественных классов одна, значит, есть нечто высшее, чем классовой интерес, значит, классовый интерес не играет такой преобладающей роли в общественной жизни, как это думали творцы материалистического понимания истории.

Вообще Форлендер обнаруживает некоторую робость в критике марксизма и чрезмерное стремление сделать свою точку зрения, коренным образом расходящуюся с марксистской, приемлемой и для ортодоксального марксизма. Стремление это практического успеха иметь не может, так как марксисты прекрасно понимают, что дополнить материалистическое понимание истории этикой Канта значит в корне разрушить стройность марксистской теории. И потому они предпочитают постоянное нарушение этой теории на практике малейшему изменению ее логической конструкции, — чтобы не остаться без всякой теории, чего они с полным основанием боятся более всего. Итак, этическое обоснование социализма знаменует собой не дополнение марксизма, а коренное преобразование, точнее разрушение его. Но разрушивши марксизм, необходимо использовать драгоценный научный материал, который содержится в нем. Новая теория социализма должна быть построена в огромной части из элемен-

тов марксизма, и лишь общая связь их и общее освещение должны стать совершенно иными. Этическая точка зрения Канта не может быть примирена с аморализмом Маркса. Новая теория должна по этому пункту решительно отвергнуть Маркса и пойти с Кантом; но уже одно то, что кантовские этические идеи становятся обоснованием социализма, в то время как Кант выводил из них необходимость частной собственности, показывает, как глубоко расходится новая теория с историческим кантианством. И потому Форлендер прав, отвергая лозунг «назад к Канту». Но и его собственный лозунг «вперед с Марксом и Кантом» неправильно характеризует задачи нашего времени. Лозунгом современных социалистов должно стать «вперед, к созданию новой теории социализма!», — и Кант и Маркс должны остаться позади, как превзойденные этапы общественной мысли.

ПОЧЕМУ ПАЛО КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Одной из характерных особенностей нашей прошлой истории является необычайная сила и устойчивость в нашем общественном строе института принудительного труда. Крепостное право не представляло собой ничего специфически русского: западная Европа была хорошо знакома с этим институтом, и было время, когда на Западе закрепощенное крестьянство охватывало до $\frac{4}{5}$ всего населения. Но уже в 13–14 веках на Западе начинается раскрепощение населения — медленный, но неуклонно развивавшийся процесс, растянувшийся на несколько столетий. Падение крепостного права в странах Запада не может быть приурочено в какой-либо определенной исторической дате и только остатки крепостного права были уничтожены во Франции в знаменитую ночь 4 августа 1789 г., а в германских государствах значительно позже. Ничего похожего на день 19 февраля Запад не знал.

Напротив, наше крепостное право не только не отмирало путем длительного стихийного процесса, но развивалось в обратную сторону. В 14 и 15 веках оно еще не сложилось в определенный юридический институт. В 16 и 17 веках закрепощение крестьянина принимает уже законченные формы, но крепостной крестьянин все же остается крепостным своего помещика, а не его рабом — он все же еще не вполне бесправное существо. Российское государство развивается дальше и дальше свое политическое могущество, превращается в колоссальную империю — и все ниже и ниже падает крестьянин.

При Екатерине¹³⁹ крестьянин становится в полном смысле слова собственностью помещика, который распоряжается им, как вещью. В то время как на Западе крепостной крестьянин постепенно приобретает новые и новые права, у нас крепостной крестьянин утрачивает последние жалкие остатки свободы; только по имени наш крепостной в конце 18 века не был рабом. Как прекрасно сознавали современники, наше крепостное право позднейшего времени в сущности было чистейшим рабством. В начале царствования Николая I Сперанский¹⁴⁰ составлял по его поручению записку, в которой устанавливал различие между прежним крепостным правом, которое было крепостью земле (Servage) и новым крепостным правом, которое является крепостью личности, иначе говоря, рабством (Esclavage). Этот новый

вид крепостного права Сперанский признал продуктом позднейшего злоупотребления помещичьей властью.

Исчезновение крепостного права на Западе совершилось путем превращения личных трудовых повинностей крепостных крестьян в определенные денежные оброки. У нас точно также были барщинные и оброчные крестьяне, но не только не наблюдалось общей тенденции к переводу барщинных крестьян на оброк, но во многих районах замечалось обратное. Когда накануне освобождения Лебедянское общество сельского хозяйства поставило на обсуждение вопрос о сравнительной выгоде ведения хозяйства при помощи барщинных и оброчных крестьян, то местные помещики высказывались в пользу барщины. По расчетам помещиков Костромской губернии, барщинное тягло в имениях с сельскохозяйственным хозяйством давало в среднем 150 р. денежного дохода, а оброчное тягло лишь 50–60 р. дохода.

Конечно, все подобные расчеты были очень произвольны, но факты говорят, что в сельскохозяйственных губерниях в первую половину прошлого века не только не наблюдалось ослабления барщины, а, наоборот, барщина росла насчет оброка. Другое замечалось в промышленных губерниях, в которых процент оброчных крестьян за время от конца 18 века до кануна освобождения, увеличился очень значительно. Так, в Московской губернии процент оброчных крестьян (в общей сумме крепостных крестьян) возрос с 36 до 68, во Владимирской — с 50 до 70, Ярославской — с 78 до 89, Костромской — с 85 до 88, Псковской — с 21 до 23. Почти во всех губерниях нечерноземной полосы наблюдалось повышение процента оброчных крестьян.

Напротив, в губерниях черноземной полосы, где земледелие было господствующим занятием населения, процент барщинных крестьян увеличивался. Так, в Воронежской губернии процент барщинных крестьян возрос с 36 до 55, Орловской с 66 до 72, Пензенской с 48 до 75. В Малороссии накануне освобождения почти все крепостные крестьяне были на барщине.

Итак, в губерниях чисто сельскохозяйственных барщина росла насчет оброка. Объяснялось это тем, что в первой половине прошлого века в России быстро развивалось помещичье предпринимательское хозяйство. Следствием этого явилось расширение запашки помещичьих

земель и, следовательно, рост потребности в рабочих руках для нужд помещичьего земледельческого хозяйства. При крайней примитивности этого хозяйства в техническом отношении, самой выгодной формой эксплуатации крестьянского труда в имении помещика была барщина. Отсюда и тенденция к замене оброка барщиной.

Рост барщины насчет оброка с полной очевидностью доказывает, что ничего похожего на постепенное отмирание крепостного права в России не наблюдалось. Если в промышленных губерниях крепостное право принимало более мягкие формы, то в земледельческих оно все теснее сплеталось с помещичьим предпринимательским хозяйством. Только благодаря даровому труду крепостных наше помещичье хозяйство первой половины прошлого века могло достигнуть значительного развития¹⁴¹.

Почему же крепостное право все же пало и у нас? Под влиянием очень сложных причин, действие которых перекрещивалось с другими факторами, поддерживавшими крепостное право, и даже толковавшими его в сторону рабства.

На первом плане среди причин падения крепостного права следует указать на отношение к своему закрепощению самих крестьян. Крестьяне не признавали себя рабами и упорно стремились к свободе. По справедливому замечанию И. И. Игнатович¹⁴², «крепостные далеко не были безгласным «быдлом», над которым дворянство и правительство безнаказанно могли производить эксперименты в экономической, правовой и других областях. Крепостная масса определенно и энергично протестовала против крепостных отношений как в целом так и против частных проявлений крепостного права». Хотя волнения крепостных крестьян в 19 веке и не принимали характера народных восстаний, угрожавших государству, но протест крепостных против рабства никогда не прекращался и даже усиливался с течением времени. За время царствования Николая I известно не менее 674 случаев крестьянских волнений. Но имеющиеся сведения далеко не отличаются полнотой; в действительности волнений было, несомненно, гораздо более¹⁴³. Число этих волнений по пятилетиям изменялось следующим образом:

1826–29 г. — 85

1830–34 г. — 60

1835–39 г. — 78

1840–44 г. — 138

1845–49 г. — 208

За исключением первого пятилетия, когда на рост числа волнений повлиял первый год царствования Николая, число их с каждым пятилетием возрастает. Волнения происходили особенно часто в губерниях с преобладанием барщинных крестьян. Наиболее частой причиной волнений было стремление крестьян, на основании ли слухов о воле или по каким-либо другим основаниям, — к освобождению. В конце царствования Николая I и в начале царствования Александра II волнения стали принимать массовый характер. К таким волнениям относится витебское движение 1847 г., движение крестьян в разных губерниях в 1854 и 1855 гг. по поводу морского и государственного ополчения и движение многих тысяч крестьян на юге России «в Таврию за волей» в 1856 г.

Витебское движение возникло в связи с постройкой Николаевской ж. д. и слухами о том, что работающие при ее постройке рабочие получают волю. Эти слухи вызвали массовый уход крестьян со своих родных мест в поисках воли, причем толпы крестьян вступали в столкновение с воинскими частями и даже избили одну небольшую воинскую команду. В усмирении волновавшихся крестьян, число которых достигало до 10 тысяч, принимала участие значительная воинская сила — свыше тысячи человек. Движение по поводу морского и государственного ополчения времен Крымской кампании¹⁴⁴ охватило, по официальным сведениям, 10 губерний и выразилось в уходе крестьян из своих деревень в города для записи в ополчение, что, по мнению крестьян, должно было дать им свободу. При усмирении этих волнений в Киевской губернии участвовало 16 эскадронов кавалерии и значительные силы пехоты и было убито и ранено до сотни крестьян.

Движение 1856 г. охватило Харьковскую, Екатеринославскую и Херсонскую губ. Целые деревни уходили в «Таврию», в которой, по слухам, можно было получить волю. При усмирении движения в Екатеринославской и Херсонской губ. произошли 6 кровавых столкновений, причем несколько десятков крестьян было убито и ранено.

Эта готовность крестьянских масс откликаться на самые нелепые слухи, если с ними была связана надежда на волю, ясно гово-

рит, как сильна была в массах закрепощенных крестьян потребность в воле. Но правительство и общество не могли, конечно, забыть и двух великих крестьянских восстаний 17 и 18 веков, которые до самого основания поколебали Русское государство. «Призрак пугачевщины, — говорит В. И. Семевский¹⁴⁵, — вечно стоял в глазах нашего дворянства и, как грозное *memento mori*¹⁴⁶ напоминал о необходимости покончить с крепостным правом в интересах самих помещиков». На опасность крестьянского восстания неоднократно указывали и Екатерина и Николай. В знаменитой речи московскому дворянству Александр II повторил старую мысль, сказав, что лучше, чтобы «освобождение произошло сверху, нежели снизу»¹⁴⁷. Это соображение было всегда самым неотразимым аргументом в пользу освобождения.

Затем, далеко не все помещики были одинаково заинтересованы в сохранении крепостного права. Жизненно заинтересованы были только помещики, пользовавшиеся барщинным трудом. Это были, главным образом, средние и мелкие помещики. В Новороссии и отчасти в Юго-Западном крае уже до освобождения в помещичьем хозяйстве был распространен вольнонаемный труд; помещики этих районов должны были даже выиграть от освобождения, так как оно должно было понизить заработную плату, увеличив предложение рабочих рук. По материалам редакционных комиссий, в степную полосу ежегодно прибывало из центра России и Малороссии до 300 тысяч рабочих, но и этих рабочих не хватало для нужд широко развитого предпринимательского помещичьего хозяйства в этих губерниях. «Когда крестьяне всей Империи, — заявляли в редакционных комиссиях степные помещики, — получают право переходить с барщины на оброк и даже совершенно выходить из общества, то целая масса рабочих будет свободно двигаться к Югу, оплодотворяя эти степи вольным трудом, возвышая ценность земель и обогащая их владельцев».

Наиболее богатые помещики имели своих крестьян большей частью на оброке, так как вести хозяйство барщинными крестьянами при крупных размерах имения, а, тем более, во многих имениях, разбросанных в разных губерниях, было очень нелегко. Поэтому придворная знать, окружавшая царя, легко склонялась к мысли о ликвидации крепостного права на выгодных для себя условиях.

Но среди имущих классов были и решительные противники крепостного права. К таковым не могло не принадлежать все купечество, не имевшее крепостных. Фабриканты испытывали очень значительные стеснения в приискании свободных рабочих для своих фабрик. В то же время фабричная работа при помощи не-свободных рабочих была решительно невыгодна, что доказывалось упадком посессионных фабрик¹⁴⁸. В 18 веке право пользования принудительным трудом было основным условием самого существования крупной промышленности, и фабриканты из купеческого класса не могли не держаться за право пользования трудом посессионных рабочих. В 19 веке положение настолько изменилось, в силу введения в фабричное производство машин и общего изменения условий промышленности, что фабриканты, имевшие посессионных рабочих, сами стали просить правительство об избавлении их от этих рабочих. По ходатайствам посессионных фабрикантов правительство издало в 1840 г. закон, разрешавший увольнение в свободное состояние посессионных фабричных крестьян, и, хотя такое увольнение требовало в большинстве случаев известных денежных затрат со стороны фабриканта на переселение увольняющихся крестьян, около половины посессионных фабричных крестьян было уволено в свободное состояние самими фабрикантами.

Отсюда ясно, что в фабричной промышленности в 40-е годы 19 столетия принудительный труд был уже пережитком прошлого времени. Если крупное предпринимательское земледелие могло пользоваться принудительным трудом несмотря на его малую производительность, то фабрика требовала более производительного труда, каковым мог быть труд только свободного рабочего. К тому же сами фабриканты и торговцы в это время нередко выходили из крепостных крестьян и даже некоторые из них, давая работу сотням рабочих, оставались сами крепостными своих помещиков, не желавших отпускать их на волю. В селе Иванове, принадлежавшем графам Шереметевым, было немало таких крупных фабрикантов, которые, несмотря на все свои капиталы, сами были крепостными. Так как владение крепостными было привилегией дворянства, то естественно, что рост промышленной и торговой буржуазии подрывал социальный институт принудительного труда.

В этом отношении существует известная аналогия между освобождением крестьян в России и освобождением негров в Северной Америке. И у нас и в Америке рабство оказалось чрезвычайно живучим экономическим учреждением, легшим в основу предпринимательского земледелия. И здесь и там не наблюдалось ничего похожего на постепенное отмирание этого института и на готовность землевладельческого класса от него отказаться. И потому и в России, как и в Америке, рабство прекратилось в результате определенного законодательного акта, осуществленного лишь после упорного сопротивления класса, пользовавшегося принудительным трудом.

Таким образом, на стороне сохранения крепостного права были средние и мелкие помещики, ведшие барщинное хозяйство. Противником крепостного права была буржуазия. Крупное дворянство склонялось к ликвидации крепостного права на выгодных для себя условиях. Наконец, чиновничество, хотя и состоявшее в своих высших слоях преимущественно из земельного дворянства, но, благодаря службе, не ведшее барщинного хозяйства, занимало по отношению к крепостному праву то же положение, что и крупнее дворянство, с тем существенным добавлением, что к классовому помещичьему интересу в среде бюрократии присоединялись и важные профессиональные интересы, сближавшие ее с противниками крепостного права. Эти профессиональные интересы заключались, прежде всего, в сознававшейся нашими правительственными кругами опасности крепостного права для спокойствия государства. С государственной точки зрения следует стремиться к уничтожению крепостного права, постоянно угрожавшего народным восстанием, — и это прекрасно сознавалось правящими кругами России.

Затем, крепостное право тормозило экономическое развитие России и, в частности, развитие промышленности. Правительство со времени Петра усиленно заботилось о развитии промышленности, правильно полагая, что без роста производительных сил страны невозможно и увеличение ее политического могущества, — а это последнее было всегда главной целью нашей политики. Поэтому наша бюрократия не могла не сознавать необходимости упразднения крепостного права, сохранение которого было вопиющим противоречием с постоянными заботами правительства о развитии промышленности. Это последнее соображение не могло не быть очень сильным доводом в пользу освобождения: интересы государственного могущества

не могли не иметь веса в глазах правительства. «Крепостное право является причиной того, что у нас нет торговли и промышленности», — говорил Николай I депутатам от смоленского дворянства.

Мы видим, что в России половины прошлого века были могущественные интересы на стороне как сохранения, так и уничтожения крепостного права, — и вот почему вопрос об его уничтожении стоял на очереди в течение более полувека, но все не получал окончательного решения. Но чем дальше подвигалось наше общественное развитие, тем сильнее становилось течение, враждебное рабству. После декабрьского восстания и образования у нас политической оппозиции приобретает значение и чисто идейное, внеклассовое движение, направленное против крепостного права. Вся лучшая часть русского общества, без различия направлений, славянофилы не менее, чем западники, стремилась к освобождению России от позорного клейма рабства. И это внеклассовое движение, вдохновлявшееся отвращением к крайней социальной несправедливости и к крайнему угнетению человеческой личности не могло не нарастать по мере культурного роста России.

Таким образом, время мало-помалу подрывало устои крепостного права. Но, опираясь на могущественные классовые интересы, на интересы среднего помещика, жившего в своей деревне и не могшего себе представить хозяйства без барщинного труда, оно продолжало держаться, пока, наконец, не пало после разгрома, испытанного Россией в эпоху Крымской войны. Война самым убедительным и бесспорным образом доказала необходимость обновления нашего общественного строя, приведшего к политическому ослаблению государства. Оказалось, что и помимо угрозы народным восстанием, старый строй, краеугольным камнем которого было крепостное право, опасен государству уже тем, что он разрушает основы политической силы государства.

Этот аргумент был всего понятнее правящим сферам и он явился тем последним ударом, который привел к крушению институт принудительного труда. Но и без этого удара крепостное право должно было пасть. Поражение в Крымской кампании дало лишь последний толчок к историческому событию 19 февраля, которое было вызвано невозможностью дальнейшего культурного и экономического роста государства при сохранении института рабства.

МАРКСИЗМ И НАРОДНИЧЕСТВО

Борьба народничества и марксизма была в свое время одной из ярких и необходимых страниц нашей общественной истории. Оба направления глубоко различались друг от друга по стольким существенным пунктам, что никакое примирение между ними не было возможно. Возникшая отсюда ожесточенная полемика была вполне естественна и не могла не привлечь общественного внимания, так как дело шло о смене одного широко распространенного мировоззрения другим.

Со времени этих споров прошло около двух десятилетий, но марксизм и народничество по-прежнему делят между собой нашу радикальную интеллигенцию и занимают на словах, если не на деле, ту же непримиримую позицию по отношению друг к другу. Но что было правильно и неизбежно прежде, то все более и более становится в наше время, не имеющим под собой почвы, пережитком прошлого.

На самом деле в наше время уже не существует ни марксизма, каков он был десять лет тому назад, ни, тем более, народничества. Пережитое Россией последнее десятилетие было слишком знаменательно, слишком полно событий огромного значения, чтобы какое бы то ни было широкое общественное течение могло не подвергнуться их влиянию. В частности, и марксизм и народничество испытали такие глубокие превращения, что под прежними партийными флагами оказалось совершенно новое идейное содержание.

Что касается народничества, то в семидесятых годах, когда оно достигло своего полного развития и апогея общественного влияния, оно было стройной и законченной доктриной, в основе которой лежала идеализация условий крестьянского натурального хозяйства. Конечно, народничество, в лице своих лучших представителей, было всего менее склонно идеализировать те конкретные условия, в которых велось хозяйство русского мужика. Огромной заслугой народничества было именно вытеснение всего мрака, нищеты, всяческого насилия и бесправия, среди которых приходилось жить русскому мужику. Но народники думали, что выход из всего этого указывается народным идеалом свободного и самостоятельного крестьянского хозяйства на своей земле. Капиталистическая

система хозяйства рассматривалась народниками под углом зрения крестьянских интересов как опасный враг, борьба с которым вполне возможна, хотя и не легка. Не только в сфере сельского хозяйства, но и в промышленности крестьянин может отстоять свою хозяйственную самостоятельность и с успехом бороться с капиталистом, если только ему придет на помощь «общество», — иначе говоря, социалистическая интеллигенция.

Напротив, марксисты девяностых годов относились с безусловным отрицанием к крестьянскому хозяйству во всех его сферах и усматривали в нем самый решительный тормоз экономическому прогрессу России. В сельском хозяйстве крупное капиталистическое производство должно вытеснить мелкое крестьянское, подобно тому, как это наблюдается в сфере промышленности. Классовая борьба пролетариата за свои интересы должна явиться движущей силой нашего общественного прогресса, которая сдвинет с места консервативную косность крестьянской массы.

Таковы были взаимоисключающие общественные позиции народничества и марксизма прежде. Что же осталось от них теперь?

Поскольку дело идет о крестьянском хозяйстве в сфере земледелия, народничество существенно не изменилось. И теперь, как и раньше, народничество защищает крестьянское земледелие и верит в его жизнеспособность. Но отношение народничества к капитализму вообще изменилось очень глубоко. Теперь уже никто из народников не верит в возможность для русской промышленности сложиться в систему артелей и, таким образом, избежать капиталистической фабрики. Тот самый В. П. Воронцов¹⁴⁹, который в 1882 г. полагал, что «есть надежда повернуть весь процесс развития народного труда на народный путь, на путь артелей», признал в 1907 г., что «предсказание Маркса» осуществилось: Россия подчинилась «неумолимым законам» экономической эволюции и в ней водворяется форма хозяйственного быта, известная под именем капиталистической». Молодые народники не отрицают, что развитие фабрики является процессом прогрессивным и что натуральное крестьянское хозяйство неизбежно разлагается современным хозяйственным строем. Они настаивают лишь на том, что наряду с фабриками остается место и кустарному производству, что и в пределах капиталистической системы крестьянское хозяйство не отмирает и что в земледелии и промышлен-

ности экономическая эволюция имеет не только различный, но даже противоположный характер: в то время как в промышленности неуклонно растет крупное производство, фабрика, в земледелии крестьянское хозяйство сильнее крупного капиталистического и постепенно вытесняет последнее.

Что касается марксизма, то он испытал не менее глубокое превращение. Крестьянство представляет собой безусловно господствующий, по численности, класс русского населения. Поэтому, никакая партия, опирающаяся на народные массы, не может идти вразрез с крестьянскими интересами. Марксистам пришлось в этом убедиться при первом же соприкосновении с практической жизнью. Чтобы стать политически влиятельной партией, они должны были согласовать свою общественную программу с интересами крестьянства. В результате получилось, что аграрные программы марксистов стали все больше приближаться к аграрным программам народников, пока, наконец, между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства.

Марксисты прежнего времени, твердо стоявшие на почве классовой борьбы, относились равнодушно или даже враждебно к кооперации. Напротив, марксисты нашего времени несколько не менее народников сочувствуют кооперации и принимают, в лице своих представителей, деятельное участие в кооперативном движении. Наши наиболее видные кооператоры выходят даже теперь, по преимуществу, из среды марксистов.

При таком положении дела старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь, своей властной рукой, вынула из-под них почву.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИЗМ

I

Социалистические идеи насыщают общественную атмосферу нашего времени. Социалистические партии уже имеют свои органы власти в лице советов солдатских и рабочих депутатов, огромное влияние которых на ход нашей политической жизни не подвержено ни малейшему сомнению. Именно благодаря этому влиянию Россия фактически перешла от самодержавия не к конституционной монархии, как этого хотели представители нашего либерализма, а к республике, которая скоро получит санкцию Учредительного собрания.

Затем наши социалистические партии оказались вполне правы, провозгласив, что если война была начата буржуазией, то мир будет делом трудящихся классов. Мы быстро идем к миру путем, давно уже предначертанным международным социализмом. Историческое обращение Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов к народам всего мира¹⁵⁰ уже начало оказывать свое действие: мир без аннексий и контрибуций — такова формула, которая с неотразимой силой овладевает мыслью и волей трудящихся масс воюющих держав; остается лишь ожидать, что этой формуле подчинятся и правительства этих держав.

В общем, мы видим, что социализм становится великой мировой силой, уничтожающей международные барьеры и выводящей человечество на совершенно новый путь исторического развития.

Ввиду этого одной из очередных задач общественной мысли становится выяснение проблемы социализма и притом в совершенно иной постановке, чем прежде. Прежде социализм был вопросом отдаленного будущего, не имевшим значения для сегодняшнего дня.

Таково было отношение к социализму не только общественных кругов и партий, относившихся к социализму враждебно, но и самих социалистов в лице их огромного большинства.

В частности, такую позицию по отношению к социализму заняла социал-демократия и вообще марксизм. Марксизм принципиально отвергал целесообразность обсуждения вопросов социалистического строя по следующим соображениям. Социалистический строй, со-

гласно представлению марксистов, явится результатом политической революции захвата политической власти пролетариатом. Пока власть находится в руках буржуазии и вообще имущих классов, до тех пор всякие разговоры о социализме бесполезны, ибо буржуазия жизненно заинтересована в сохранении господствующего капиталистического строя и никаких широких социальных реформ, приближающих капиталистический строй к социалистическому, допустить не может.

Благодаря этой позиции социал-демократии произошло следующее. Пока социализм не играл важной роли в общественной жизни, а интересовал лишь одиноких мечтателей, вопросы социалистического устройства создали огромную и чрезвычайно ценную литературу. Это было во время так называемого утопического социализма, к которому марксисты относились с большим презрением, хотя сам Маркс и его ближайшие ученики признавали заслуги великих социалистов-утопистов начала прошлого века.

Когда же благодаря марксистам социализм вырос в мощное общественное движение, когда создались многомиллионные социал-демократические партии, тогда социалистическая литература в подлинном смысле слова почти исчезла и социалистическая мысль направилась в совершенно другую сторону. Вопросы социалистического строя стали казаться досужими умствованиями утопистов, а единственно важным и жизненно необходимым признавалась выработка приемов политической борьбы за власть.

В этом отношении социал-демократия пошла тем же путем, как и более раннее, первое в современной истории пролетарское движение в крупном масштабе — чартизм¹⁵¹ — революционное движение английского рабочего класса в 30-е и 40-е годы прошлого столетия, которое охватило миллионы английских пролетариев и серьезно угрожало Англии социальной катастрофой. Чартизм был, несомненно, движением социальным, а не только политическим. Конечные цели чартистов заключались в коренном преобразовании современного экономического строя в соответствии с интересами пролетариата. Но ближайшие требования чартистов были исключительно политическими. Всеобщее избирательное право и приближение парламента к народным массам — вот под каким флагом выступали чартисты.

Что касается социальных целей чартистов, то эти цели оставались для них самих в большом тумане. В начале чартистского движения значительная часть чартистов рассчитывала достигнуть общего подъема народного благосостояния при помощи... бумажных денег. Потом самый замечательный вождь чартистов, пламенный народный трибун, человек исключительной энергии и таланта, Фергюс О'Коннор¹⁵² выдвинул идею «земельного плана», — приобретения фабричными рабочими Англии земельных участков для превращения фабричных рабочих в крестьян.

Такие социальные планы, совершенно утопические и даже невежественные, не мешали чартизму быть вполне сознательным движением пролетариата. Ибо чартистская масса мало интересовалась социальными планами. Дело было не в них, а в захвате политической власти. Время социальных планов должно было наступить тогда, когда пролетариат получит большинство в парламенте. А пока этого нет, разговоры о будущем общественном устройстве остаются умствованиями, совершенно не затрагивающими практических интересов жизни.

Очень сходную позицию заняла в наше время и германская социал-демократия. Правда, социал-демократия имела гораздо более определенное представление о будущем социальном строе, который должен наступить, когда пролетариат захватит власть в свои руки, чем чартисты. Это и понятно, ибо, во-первых, социал-демократическое движение было движением значительно более позднего времени, когда социалистическая мысль сделала значительные успехи, а, во-вторых, во главе социал-демократического движения стоял мыслитель такой гениальной силы, с таким ясным и мощным умом, с таким всеобъемлющим знанием, как Карл Маркс.

Тем не менее основная постановка проблемы социализма у марксистов была в общем та же, что и у чартистов. Социал-демократы, подобно чартистам, не интересовались условиями социалистического строя, как такового, а все свои духовные и физические силы направляли на политическую борьбу, в которой видели единственное средство приближения социализма.

С течением времени тактика германской социал-демократии стала утрачивать свою первоначальную определенность и прямолинейность. Вопросы рабочей политики и ближайших экономиче-

ских задач рабочего класса стали приобретать все большее и большее значение для социал-демократии как партии многомиллионных рабочих масс.

Тогда выдвинулось направление Бернштейна, имевшего смелость открыто провозгласить: «Конечная цель (социализм) для меня ничто, движение к этой цели — все». Формула Бернштейна не имела успеха, равно как и все бернштейнианство, лишенное какой бы то ни было теоретической силы и полета мысли, сводившееся к узкому практицизму, без всяких обобщающих целей и широких задач. Но на практике бернштейнианцы, невзирая на все громы, которые сыпались на них на партийных конгрессах, несомненно, торжествовали, так как социал-демократия Запада все более и более превращалась в весьма умеренную рабочую партию улучшения положения рабочего класса в пределах существующего общественного строя.

Теперь наступает новая историческая эпоха. Социализм становится уже не досужим умствованием, а вопросом дня. И для социалистов, и для их противников становится одинаково важно выяснить, в какой мере социализм может быть осуществлен в ближайшем будущем, в какой мере совершенно новый общественный строй, мечта о котором сопровождает всю мировую историю человечества, может наконец превратиться из утопии в будничную повседневную действительность.

II

Русская революция поставила вопрос о социализме в новой форме. А именно: до сих пор для социал-демократии вопрос о социализме сводился преимущественно к вопросу о захвате политической власти. Пока политическая власть не находится в руках пролетариата, до тех пор все разговоры о социализме не имеют практического значения. Когда же пролетариат станет господином положения, тогда придет конец капиталистическому обществу и социальный переворот осуществится сам собой. Таков был господствующий взгляд социал-демократии, хотя и нельзя сказать, чтобы все социал-демократические вожди рассуждали именно таким образом. Во всяком случае, Карл Маркс отнюдь не думал, что для осуществления социализма достаточно политической победы пролетариата. Опыт

Парижской коммуны явился в глазах его поучительным уроком того, что дело социализма решается не только физической силой и что социалистический строй возможен лишь при экономической подготовленности общества к этому строю. Только на известной ступени развития капиталистического общества оно созревает до социалистического переворота. До этого времени никакие политические революции не могут создать социалистического строя, как бы ни складывались условия политической борьбы.

В представлении германских социал-демократов осуществление социалистического строя обычно соединялось с моментом, когда социал-демократические депутаты получают большинство в парламенте. Исходя из быстрого роста социал-демократических голосов, многие вожди германской социал-демократии предвидели в более или менее близком будущем осуществление в Германии социалистического идеала. Так, например, Энгельс в свое время предсказывал в Германии осуществление социализма во [второй] половине 90-х годов прошлого века; Бебель¹⁵³ точно так же неоднократно выражал надежду дожить до социалистической Германии.

Социалистический переворот связывался в этом представлении с социалистическим парламентом. Когда будет социалистический парламент, тогда будет и социализм.

Теперь возникает вопрос: скоро ли мы, русские, получим социалистический парламент? Я лично считаю весьма вероятным, что в нашем Учредительном собрании большинство будет принадлежать социалистам. Правда, делать какие-либо предсказания относительно будущего России в настоящее время крайне трудно, и никто теперь не скажет с уверенностью, каков будет состав предстоящего Учредительного собрания.

Однако наиболее вероятным мне кажется следующий его состав. Самая многочисленная группа депутатов будет проведена голосами крестьянства и будет принадлежать к тем или иным партиям социалистического народничества — социалистам-революционерам, трудовикам и народным социалистам. Весьма влиятельную партию в собрании образуют социал-демократы. Правое крыло собрания образуют сильные национальные партии (кроме тех, которые будут стоять на социалистической платформе) и кадеты, в состав которых войдут все те партии, которые до революции стояли правее

партии народной свободы. Эти последние, более правые партии, по всей вероятности, совсем не будут представлены в собрании, как их не было или почти не было и в нашей первой Думе¹⁵⁴.

В общем, правое крыло Учредительного собрания (кадеты и буржуазные национальные партии) составит, вероятно, меньше половины собрания. Большинство же будет принадлежать социалистическим партиям или беспартийным членам, примыкающим или находящимся под влиянием этих партий¹⁵⁵.

Таким образом, в ближайшем будущем мы можем увидеть в России то, чего с такой горячей верой ожидали и не дождались для Германии Энгельс и Бебель, — социалистический парламент.

Россия доживет до социалистического парламента раньше, чем страны развитого капитализма, как Германия, Англия или Америка. В этом ничего странного нет, так как русский социалистический парламент не будет первым в истории.

Социалистические парламенты уже существовали и существуют, например, в Австралии, в Финляндии, где социалистическая партия имеет большинство голосов; точно так же и в Швеции социалистическая партия является самой сильной в парламенте. Характерно при этом, что все страны, в парламентах которых преобладают социалистические партии, отнюдь не являются странами с развитой капиталистической промышленностью, а странами совершенно иного типа, по преимуществу аграрными. Предвидимый мною русский социалистический парламент увеличит собой группу социалистических парламентов аграрных стран.

III

Но знаменует ли собой социалистический парламент также и торжество социализма?

В этом и заключается главный вопрос. Социалистические парламенты уже были, но социализм до настоящего времени ни в одной стране мира осуществлен не был. Будет ли социализм осуществлен в России?

Ответить на этот вопрос можно лишь после детального анализа условий переживаемого исторического момента. Как я сказал, наиболее сильной партией в будущем русском Учредительном собрании

явится, по всей вероятности, группа представителей крестьянства. Если крестьяне будут против социализма, то, конечно, социалистический переворот в России не осуществится. Как же выскажутся крестьяне?

Мне кажется весьма вероятным, что крестьянские представители в парламенте будут признавать себя социалистами и будут входить в состав социалистических партий. Тем не менее я несколько не сомневаюсь, что наше крестьянство не только не стремится к социализму, но что, наоборот, оно всеми своими силами окажет противодействие водворению в сельском хозяйстве России социалистического строя.

В таких вопросах необходима прежде всего полная ясность и точность терминологии. Что такое социалистический строй, за который борются современные социалистические партии? Это — такая система хозяйства, при которой средства производства принадлежат не отдельным лицам или хотя бы группам лиц, а всему обществу как целому. Правда, мыслимы и другие формы социализма, но именно на почве такого социалистического идеала (так называемого коллективизма) стоят социал-демократы и другие влиятельные социалистические партии современности.

При господстве коллективизма средства производства, равно как и трудовой продукт, отнюдь не являются собственностью тех лиц, которые работают при помощи данных средств производства или которые создали данный продукт. Нет, и средства производства, и продукт принадлежат всему обществу — значит, и тем, кто никакого участия в данном труде не принимал и кто трудился в совершенно иной области.

Спрашивается, стремятся ли наши крестьяне к общественному строю, при котором их средства производства и их трудовой продукт принадлежали бы не им, а всему обществу. Не подлежит ни малейшему сомнению, что русские крестьяне требуют земли. Какой же смысл имеет это требование?

Чего, собственно, хотят наши крестьяне? Почему они требуют помещичьей земли, и с такой энергией, что это требование не может не быть удовлетворено? Почему они не хотят работать по найму в помещичьих экономиях, а требуют земли?

Ответ совершенно ясен. Потому, что наши крестьяне хотят вести свое собственное хозяйство, хотят пахать не чужим плугом и чужой

лошадью, а своим собственным плугом и своей собственной лошастью, хотят, чтобы их трудовой продукт принадлежал не кому-либо другому, а им самим. Словом, идеалом нашего крестьянина является его собственное хозяйство с достаточным рабочим инвентарем и с достаточным земельным обеспечением.

По-видимому, наш крестьянин согласен, чтобы отчуждаемая помещичья земля поступала не в его собственность, а переходила в общенародное достояние. Но и в этом случае крестьянин хочет, хотя бы и не на своей земле, вести свое собственное хозяйство. Если бы ему предложили отказаться от своего хозяйства, отдать свой плуг, свою лошадь, свой трудовой продукт государству и работать взамен этого на какой-либо государственной ферме, получая хорошую плату, то он не только не пришел бы в восторг от этого предложения, но без всякого колебания его бы отвергнул.

А ведь коллективизм именно и предполагает лишение мелкого производителя средств производства и передачу их государству, причем на место мелкого единоличного производства водворилось бы общественное производство, при котором мелкий самостоятельный производитель уступил бы место рабочему, послушному исполнителю велений общественной власти. Этого ли хочет русский крестьянин и к этому ли он стремится?

Необычайная энергия крестьянского требования земли доказывает именно противоположное, доказывает, что крестьянин не может мыслить своего благополучия иначе, как в пределах своего собственного хозяйства. Когда помещичья земля тем или иным способом перейдет к крестьянину, крестьянин еще больше будет держаться за свое хозяйство и не променяет его ни на какую государственную службу, какие бы заманчивые условия ему ни сулили.

И не только крестьянин ни малейшим образом не стремится к передаче своих средств производства обществу, но и объективный процесс хозяйственного развития противодействует этой передаче. Крестьянин не теряет, а приобретает землю. Ничего похожего на массовую пролетаризацию крестьянства не наблюдается, а наблюдается обратное — переход частновладельческой земли в руки крестьян. Растет не капиталистическое сельское хозяйство при помощи наемного труда, а трудовое крестьянское сельское хозяйство.

Маркс хорошо понимал дело, когда он в своей исторической теории исходил из глубокого убеждения, что социалистический переворот может быть осуществлен только пролетариатом. Пролетаризованный рабочий, батрак, работающий в помещичьей экономике, может быть таким же убежденным социалистом, как и фабричный пролетарий. Но поскольку крестьянин не утратил любви к своему крестьянскому хозяйству, постольку он стоит вне социалистического идеала.

И потому, к каким бы партиям ни принадлежали крестьянские депутаты, как бы ни были они убеждены в своем социализме, они стоят как представители крестьянских идеалов вне социализма и ни к какому социалистическому преобразованию современного строя они в данное время органически не способны.

IV

Итак, единственным классом, могущим сознательно и в соответствии со своими идеалами и чаяниями совершить социалистический переворот, является до настоящего времени пролетариат.

Пролетариат имеется у нас в достаточном количестве. Миллионы фабричных рабочих составляют мощную армию социал-демократии. Для фабричного рабочего восприятие социалистического идеала не требует никакого отказа от привычных форм хозяйства и труда. Если вместо капиталистической фабрики рабочий будет работать на фабрике принадлежащей социалистическому государству, то рабочему не только не придется отказываться от каких-либо своих прав (как крестьянину при переходе от работы в своем хозяйстве к работе на общественной ферме), но, наоборот, он приобретет новые и очень важные права. Хотя при господстве коллективизма рабочий не является хозяином той фабрики, на которой он работает, но все же его влияние на ход фабричной работы и на условия труда должно быть несравненно большим, чем в настоящее время, когда полновластным хозяином фабрики является капиталист.

И потому фабричный рабочий с такой легкостью воспринимает идеалы социализма: социализм обещает ему дать чрезвычайно много, ничего у него не отнимая, кроме, как говорил Маркс, его цепей.

Отсюда ясно, что по отношению к фабричному пролетариату не может быть и речи о каких-либо волевых препятствиях к социа-

листическому перевороту. Напротив, поскольку дело идет об общественной психике, можно быть уверенным, что в этом общественном классе — фабричном пролетариате — социализм нашел для себя в высшей степени благоприятную и подготовленную почву.

В противоположность крестьянам, которые не хотят социализма и не могут в своей массе его хотеть, какие бы социалистические ярлыки они к себе ни прикрепляли, фабричные рабочие не только могут, но и должны хотеть социализма, поскольку они правильно понимают свои интересы.

Однако одного хотения в данном случае недостаточно. В истории осуществляется не то, чего хочет тот или иной общественный класс, а то, что соответствует естественному направлению исторического развития. Знаменитая марксистская формула развития производительных сил мне кажется в данном случае вполне пригодным критерием для разграничения возможного и невозможного в области социальных перспектив ближайшего будущего. В применении к данному случаю эта формула должна получить следующий вид: социализм возможен в России в ближайшем будущем лишь в том случае, если социализирование нашей фабричной промышленности повлечет за собой подъем производительности общественного труда. Если же социализирование фабрик поведет к понижению производительности труда, то такое социализирование нужно будет признать экономически неосуществимым, несмотря на противоположные желания рабочих.

Иными словами, в области промышленности проблема социализма приобретает иной вид, чем в области сельского хозяйства: в последней области проблема эта решается отрицательно (конечно, лишь по отношению к переживаемому историческому моменту, а отнюдь не принципиально, навсегда) ввиду того, что для осуществления социализма имеются препятствия в области сознания и воли соответствующего общественного класса (крестьянства). В области промышленного труда это волевое препятствие отсутствует, и, значит, открывается возможность осуществления социализма. Но для осуществления социализма требуется еще одно объективное условие — соответствие с ходом развития производительных сил. Поэтому, чтобы окончательно решить вопрос о возможности социализации наших фабрик, мы должны рассмотреть проблему социализма и с этой объективной точки зрения.

Если бы оказалось, что социализация фабрик в современных русских условиях равносильна поднятию производительности труда, в таком случае такую социализацию следовало бы признать экономически вполне возможной, а при существующем соотношении общественных сил и весьма вероятной. Но если бы оказалось, что социализация фабрик равносильна не развитию, не повышению, а понижению производительных сил, то социалистический переворот следовало бы признать экономически неосуществимым.

Действительно, можно ли допустить, что социализация фабрик совершилась бы и в том случае, если бы от такого переворота общая сумма национального богатства уменьшилась? Ведь в этом случае от социализации фабрик пострадало бы все русское общество в совокупности — пострадали бы и трудящиеся классы, крестьяне и даже сами фабричные рабочие. Крестьяне пострадали бы как потребители фабричных продуктов, а фабричные рабочие также оказались бы в худшем положении, так как, производя меньше, чем в условиях капиталистической промышленности, они не могли бы обеспечить себе повышенного дохода.

Социализм возможен лишь в том случае, если при социалистическом преобразовании народного хозяйства сумма национального богатства повышается. Если же этого нет, то это показывает, что общество еще не созрело до социализма.

Оценим же с этой точки зрения переживаемый исторический момент. Социализация фабрик может произойти в двух формах. Либо фабрики перейдут в распоряжение тех или других органов принудительной общественной власти — государства или муниципалитетов, либо фабрики перейдут в распоряжение тех рабочих, которые на них работают.

Остановимся сначала на втором способе социализации, который кажется наиболее простым и наиболее удовлетворяющим интересы рабочих. В этом случае капиталистические фабрики заменяются производительными артелями рабочих.

Казалось бы, чего проще! Почему бы рабочим, работающим на данной фабрике, не взять ее в свои руки и, таким образом, сохранить в свою пользу всю ту предпринимательскую прибыль, которую при капиталистическом строе получает капиталист.

Однако многолетний опыт показал, что производительные артели являются тем видом кооперации, который среди всех кооперативов имеет всего менее успеха. Рабочие всегда обнаруживали сильное тяготение к этому виду кооперации, что и понятно, так как производительная артель обещает рабочим всего больше. В ней рабочий непосредственно становится на место капиталиста и капиталистическая эксплуатация труда погашается в самом своем источнике. Поэтому более ранние кооператоры усматривали в производительной артели венец кооперации, окончательное разрешение социального вопроса.

Теперь эти иллюзии разделяются очень немногими. Опыт показал, что производительные артели в огромном большинстве случаев нежизнеспособны. Тысячи артелей возникали в разное время в разных странах, но большинство их распадалось вскоре после своего возникновения...

Таким образом, всякую мечту о превращении капиталистических фабрик в производительные артели в сколько-нибудь широком масштабе нужно оставить. Конечно, вполне возможно, что та или иная капиталистическая фабрика преобразуется в производительную артель. Можно ожидать, что такие случаи будут повторяться теперь значительно чаще, чем раньше. Но все же эти случаи будут не общим правилом, а редким исключением.

Рабочие не должны предаваться мечтам о легкости устройства артелей. Производительные артели, конечно, возможны, но для успеха их требуются такие условия, которые не часто имеются в наличности, и уж во всяком случае не путем производительных артелей капиталистический строй превратится в социалистический*.

V

Точно так же не обещает значительных результатов другой путь социализации фабрик, переход их в руки государства или иных принудительных общественных союзов.

* Читателя, интересующегося вопросом об осуществимости производительных артелей, отсылаю к своей книге «Социальные основы кооперации» (изд. Университета имени Шанявского).

Такой переход возможен лишь в том случае, если социализация фабрик поведет не к падению, а к повышению производительности труда, если социализация равносильна не понижению, а подъему общественных производительных сил.

Можно ли быть в этом уверенным относительно современной России? Можно ли считать несомненным, что огосударствление и муниципализация наших фабрик повысит производительность труда?

Все это весьма гадательно. Если бы дело шло об Англии или Германии, то положительный ответ можно было бы дать с гораздо большей уверенностью.

При капиталистической системе хозяйства высокий уровень производительности труда достигается при помощи самых могущественных двигателей человеческого поведения: по отношению к руководителю капиталистического предприятия двигателем этим является стремление к наибольшему барышу, жажда богатства и хозяйственного успеха; по отношению к рабочему — страх потери заработка, призрак голода.

Если фабрика перейдет к государству, то оба эти стимула перестанут действовать. Вместо предпринимателя во главе фабрики станет какой-либо агент государственной власти, который сам по себе отнюдь не будет заинтересован в том, чтобы поднять производительность предприятия до возможно большей высоты; с другой стороны, и рабочий социалистического государства не будет бояться лишиться заработка при недостаточно производительной работе.

Что же может заменить в социалистическом государстве те стимулы повышения производительности труда, которые столь мощно действуют в капиталистическом обществе? Главным образом, чувство долга и преданности общим интересам. Гражданин социалистического государства должен уметь ставить общие интересы выше своей частной выгоды и работать на общую пользу с такой же энергией и напряжением всех своих сил, с какой в наше время люди работают по эгоистическим мотивам.

Возможно, что в Англии, Германии и Франции культурный уровень населения уже настолько высок, что мотивы личной выгоды могут быть заменены мотивами общего интереса и гражданского долга. Относительно России мне кажется это весьма сомнительным.

Представим себе, что государственными фабриками управляют агенты министерства торговли или министерства труда. Неужели можно быть уверенными, что эти лица лучше поведут дело, чем прежние предприниматели, которые, правда, особых талантов на русской почве не обнаружили, но которые все же благодаря личной заинтересованности как-никак поддерживали наше промышленное развитие?

Если даже эти министерские агенты будут добросовестно исполнять свои обязанности, то ведь этого недостаточно: нужен талант, нужна предприимчивость, энергия, изобретательность. Будут ли всем этим обладать агенты нашей государственной власти, хотя эта власть стала республиканской вместо монархической?

Все это очень и очень сомнительно. Затем нужно иметь в виду и иное.

Наше промышленное развитие питалось притоком иностранного капитала. Иностранный же капитал приходил в Россию, привлекаемый высоким уровнем капиталистической прибыли у нас.

Если мы предположим в России социалистический строй, в то время как на Западе сохранится капиталистическая система хозяйства, то, конечно, приток в Россию иностранного капитала прекратится. Мало того, наш собственный капитал, поскольку это будет для него возможно, устремится за границу, и мы останемся и без тех незначительных капиталов, которыми мы до сих пор располагали.

VI

Но не приведет ли Россию к социализму в близком будущем кооперативное движение, которое уже в дореволюционной России получило широкое распространение в народных массах? Приблизительно около трети всего русского населения входило в состав кооперативов. При этом, однако, нужно иметь в виду, что до войны у нас была распространена преимущественно крестьянская кооперация. Пролетарская же кооперация существовала лишь в слабых зачатках.

Во время войны в связи с продовольственным кризисом у нас начинает развиваться и пролетарская кооперация. Революция, без сомнения, приведет к еще более быстрому росту пролетарских кооперативов, и они скоро станут огромной общественной силой.

Вообще не может быть сомнения, что всевозможные хозяйственные и политические организации среди рабочего класса начнут теперь расти со сказочной быстротой.

Еще несколько месяцев тому назад наш рабочий класс был организован крайне слабо. Профессиональных союзов среди рабочих почти не было, политические партии рабочего класса также имелись лишь в смысле определенных политических симпатий рабочего класса, но не существовало определенных партийных органов. Кооперативы, как сказано, только зарождались.

Рабочий класс представлял собой рассыпанную хранину в противоположность крестьянству, которое все же заключало внутри себя разнообразные организационные связи. После революции дело должно измениться и рабочий класс, без сомнения, не замедлит наверстать упущенное время. Опыт Запада показывает, как быстро происходит организация рабочего класса, если устраняются внешние препятствия к такой организации, для которой внутренне рабочий класс созрел.

То же должно повториться и у нас. И среди новых организаций видное место должны занять кооперативы. Если в дореволюционное время кооперативное движение достигло таких успехов, что по числу кооперативов, равно как по числу организованных в них лиц, Россия заняла первое место в мире, то чего следует ожидать в наше время, когда кооперация получила для своего развития полную свободу? Кооперативное движение должно получить невиданный до настоящего времени размах.

Наша революция является не только политической, но и социальной. Точнее говоря, она должна принимать, по мере своего дальнейшего поступательного движения, все более и более социальный характер.

Рядом с политическим движением неизбежно должно развиваться — и притом с нарастающей силой, так как политика есть только средство для определенных социальных целей — и движение социальное. В этой последней области кооперативному движению принадлежит почетное место.

Кооперация имеет свою долгую историю и свою своеобразную идеологию, в которой много элементов не только идеалистических, но и утопических, что, однако, не мешает кооперативному движе-

нию в целом быть проникнутым духом самой трезвой деловитости и практицизма.

Последнее не удивительно и прекрасно уживается с утопизмом: с какими бы утопическими заданиями люди ни приходили к кооперации, сама-то кооперация, как организация чисто хозяйственного рода, и притом на почве существующего хозяйственного строя, волей-неволей требует осторожности и реализма.

В связи с переживаемыми великими историческими событиями, открывшими для русской кооперации полную возможность показать свое подлинное лицо, чрезвычайно важно и для самих кооперативных деятелей, а равно и для общественных кругов, стоящих вне кооперации, выяснить соотношение кооперации с социализмом.

Кооперация имеет, несомненно, известную связь с социализмом. Какова же природа этой связи?

Прежде всего, нужно твердо признать, что, каковы бы ни были цели кооперации и каково бы ни было происхождение кооперации, кооперация сама по себе не только не есть социализм, но, наоборот, предполагает, как свою естественную основу, капитализм. Кооперация есть своеобразная хозяйственная организация, стоящая на почве частной собственности и преследующая частнохозяйственные выгоды своих членов. Если бы мы предположили осуществление социалистического строя, то внутри этого строя для кооперативных предприятий места бы не нашлось.

И это по той простой причине, что кооператив есть предприятие, т. е. хозяйственная организация в пределах современного менового хозяйства, преследующая частные выгоды своих членов, между тем как социализм упраздняет меновое хозяйство и имеет в виду не частные интересы, а общий интерес. Кооперация обеими ногами стоит на основе современного хозяйственного строя и немыслима вне его.

Это ясно каждому, знакомому с кооперацией в ее реальных формах. Весь строй кооперативного предприятия во всех своих подробностях приспособлен к современной капиталистической системе.

Кооперативное предприятие является одним из видов организации собственников, и это обнаруживается в том, что кооператив, как общее правило, предполагает паевой капитал, вносимый его членами и принадлежащий этим последним на правах частной собственности.

Если и существуют некоторые кооперативы без паевого капитала, например кредитные товарищества, то и эти кооперативы строятся на основе отношений частной собственности.

Задача кредитного товарищества заключается в снабжении необходимым денежным капиталом членов товарищества для нужд их частного хозяйства как собственников и предпринимателей.

Главной областью кооперации является область обмена. Но обмен неизбежно предполагает частную собственность обменивающихся сторон на предметы обмена. Правда, кооперация стремится охватить и область производства. Но каким образом? Преимущественно на основе наемного труда. Только производительные артели принципиально чужды наемному труду. Остальные же кооперативы предполагают, как свое естественное основание, наемный труд. В потребительном обществе торговые операции выполняются наемным персоналом, совершенно так же, как и на фабрике, принадлежавшей потребительному обществу, работают наемные рабочие. В кредитном товариществе, товариществе по переработке, по закупке средств производства или по сбыту продуктов труда — везде трудовая функция выполняется наемным персоналом, как и в капиталистических предприятиях.

И нельзя не признать крайне характерным, что среди всех кооперативов как раз производительные артели, принципиально отрицающие наемный труд, имеют всего менее успеха. Этот неуспех вызывается именно тем, что лишь на основе наемного труда кооперация может получить широкое распространение.

Итак, кооперация предполагает хозяйственный строй, покоящийся на основе частной собственности.

Конечно, я не хочу этим сказать, что кооперация есть одна из форм капиталистического хозяйства. Отнюдь нет! Кооперация не только не капитализм, но весь смысл кооперации заключается не в чем ином, как в борьбе с капитализмом. Но с капитализмом кооперация борется его же оружием, и потому конец капитализма знаменует собой и конец кооперации, во всяком случае, в тех формах, в каких кооперация существует в настоящее время. Кооперация есть своеобразный орган организма капиталистического хозяйства, социализм же есть отрицание капитализма, и потому кооперация ни малейшим образом не является социализмом.

VII

Но сказанное само по себе не выясняет еще, конечно, соотношения кооперации и социализма. Кооперация не социализм; но кооперация может быть переходной формой к социализму. Так смотрят на кооперацию многие кооператоры и социалисты. Достаточно вспомнить известные слова самого выдающегося кооперативного деятеля Бельгии, Анзееле, о разрушении капиталистического строя ковригами хлеба и картошками из складов потребительских обществ.

Говоря о соотношении кооперации и социализма, нельзя не вспомнить и о том, что чем бы ни была кооперация, но своим возникновением она, несомненно, обязана социализму. Как я постарался показать в своей книге «Социальные основы кооперации», кооперация исторически возникла как побочный продукт социалистического движения. Семенем, из которого выросла кооперация, были социалистические идеи великих социалистов-утопистов прошлого века — Оуэна и Фурье, но идеи эти упали на капиталистическую почву и дали своеобразный плод — кооперацию.

Однако вопрос о происхождении кооперации далеко не так важен, как совершенно иной вопрос о тенденциях развития кооперации: в каком направлении развивается кооперация — имеет ли она тенденцию постепенно превращать путем незаметных переходов капиталистическое общество в социалистическое или нет, — вот в чем заключается величайший вопрос кооперации как одной из ветвей социального движения современности.

В нескольких словах на это ответить нельзя. Дело не в том, что кооперативное движение есть движение классовое и в различных общественных классах кооперация имеет различные тенденции развития. Тенденции развития пролетарской кооперации иные, чем крестьянской.

Пролетарская кооперация выражается, главным образом, в потребительных обществах. Кооперативы этого рода развиваются, несомненно, в сторону одной из форм социализма, так называемого коллективизма. Потребительное общество является в пределах капитализма как бы зародышем коллективизма.

Действительно, что такое общество на началах коллективизма? Это, как мы отметили уже выше, такая хозяйственная организация,

при которой все средства производства принадлежат общественному целому, полновластно распоряжающемуся всем общественным трудом, а плоды труда распределяющему между своими членами по тем или другим основаниям, свободно устанавливаемым всем обществом. Средства производства при господстве коллективизма принадлежат не отдельным группам рабочих, которые работают при помощи данных средств производства, а всему обществу в совокупности. Так, например, земля при господстве коллективизма будет принадлежать не крестьянам, а всему народу, т. е. и остальным группам населения, земли не обрабатывающим. Фабрики в коллективистическом государстве должны принадлежать не фабричным рабочим, а опять-таки всему обществу, в том числе, значит, и земледельческим рабочим, и т. д. и т. п. Но так как земледельческие рабочие не могут непосредственно управлять сельскохозяйственным производством, то общественный труд выполняется под контролем и руководством общественной власти, выбираемой всем обществом.

Совершенно так же построено потребительное общество — оно также владеет средствами производства и распоряжается ими в общих интересах своих членов. На фабриках и заводах потребительного общества работа производится рабочими, которые не являются хозяевами этих фабрик, не слугами общества, выполняющими то, что им приказывает общественная власть. И лишь поскольку рабочий состоит одновременно и членом потребительного общества, постольку он является хозяином фабрики.

Поэтому можно представлять себе коллективистическое общество как пролетарское потребительное общество гигантских размеров, охватившее собой всю нацию. Такое потребительное общество и было бы коллективистическим государством.

Пролетарские потребительные общества имеют внутреннюю тенденцию развиваться именно в направлении коллективизма. Начав с организации на кооперативных началах розничной торговли, они затем переходят к постепенному овладению и оптовой торговлей. Следующим этапом развития пролетарской кооперации является создание собственного производства — устройство фабрик и заводов, на которых изготавливаются предметы потребления членов потребительных обществ.

Достигнув собственного производства, потребительная кооперация с формальной стороны замыкает круг своего развития и становится самоудовлетворяющим общественным целым. И если Анзееле говорил об уничтожении потребительными обществами капиталистической системы хозяйства, то он имел в виду именно это завершение развития потребительного общества.

Однако в настоящее время может быть признано научно установленным, что потребительные общества никогда не дойдут в своем развитии до захвата всего общественного производства. Не буду останавливаться над этим вопросом, достаточно освещенным кооперативной теорией. Кооперативные деревья не растут до неба, и по достижении известного предела кооперация неизбежно замедляет свой рост.

Это замедление роста кооперации обнаруживают нам все страны с более долгой кооперативной историей. Наиболее резко это явление замедления роста видно в Англии, родине пролетарской кооперации и вместе с тем стране, где пролетарская кооперация достигла наибольшего развития.

На одном из пределов роста пролетарской кооперации следует, однако, остановиться. Пролетарии потребляют как произведения промышленности, так и сельского хозяйства. Потребительные общества рабочих могут с успехом производить на своих фабриках и заводах промышленные продукты. Но опыт показал, что сельское хозяйство не может быть захвачено потребительными обществами. Тут пролетарская потребительная кооперация наталкивается на непреодолимую стену, создаваемую крестьянской кооперацией.

Действительно, производство сельскохозяйственных продуктов может быть кооперативно организовано двояким образом: либо потребительные общества для нужд своих членов организуют производство сельскохозяйственных продуктов; либо кооперативно объединяются не потребители, а производители сельскохозяйственных продуктов — крестьяне. В первом случае кооператив защищает интересы потребителей, а процесс производства совершается при помощи наемных рабочих. Во втором случае кооперация защищает интересы производителей — крестьян.

Крестьянская кооперация производителей полагает границу потребительской пролетарской кооперации.

В каком же направлении развивается крестьянская кооперация? Тяготеет ли она к коллективизму, подобно пролетарской?

На это нужно ответить самым решительным отрицанием. Направление развития крестьянской кооперации совершенно иное.

Коллективизм предполагает, что отдельные группы производителей, не владея теми средствами производства, при помощи которых они работают, выполняют свой труд в пользу всего общества, под контролем этого последнего. Коллективистическая организация производства подчиняет производителей потребителям. Крестьянская же кооперация есть организация производителей в интересах их самих, и потому ни на какой ступени своего развития крестьянская кооперация не может привести к коллективизму.

Правда, можно себе представить, что крестьянская кооперация приведет к социализму известного рода. А именно, если бы в результате развития крестьянской кооперации отдельный крестьянин утрачивал право личной собственности на свой земельный участок и отдельные крестьянские участки переходили бы во владение более или менее обширных крестьянских групп, которые сообща и за общий счет вели бы крупное хозяйство на общей земле, то эта форма производства, крестьянские земледельческие артели, хотя и не имела бы ничего общего с коллективизмом, но сама по себе являлась бы ячейкой социализма особого рода, так называемого синдикального социализма.

Однако факты показывают, что крестьянская кооперация никакого стремления к превращению в земледельческие производительные артели не обнаруживает. Крестьянская кооперация отнюдь не отрывает крестьянина от его земельного участка. Наоборот, чем сильнее кооперативные организации крестьянства, тем прочнее сидит крестьянин на своем земельном участке.

Ячейкой всех форм крестьянской кооперации (за очень редкими исключениями) является единоличное крестьянское хозяйство. Кооперация со всех сторон обрастает крестьянское хозяйство, но крестьянин остается единоличным хозяином на своем поле.

Если бы мы представили себе, что крестьянская кооперация достигла наибольшего развития, то получилась бы такая картина. Все хозяйственные сношения крестьянина с окружающим миром совершаются при помощи кооперативных организаций. Предметы потре-

бления крестьянина, не производимые им в своем хозяйстве, равно как и необходимые ему средства производства закупают закупочные кооперативы; продукты крестьянского труда, в переработанном или непереработанном виде, сбываются кооперативами по сбыту. Необходимый денежный капитал крестьянин получает при помощи кредитного кооператива. Словом, поскольку крестьянин появляется на рынке, он выступает не единолично, но как член того или иного кооператива.

И при всем том ячейкой этих кооперативных организаций оставалось бы единоличное хозяйство крестьянина на его поле и при помощи его собственных средств производства.

Иными словами, кооперация отнюдь не разрушает частной собственности крестьянина и, следовательно, отнюдь не ведет к обобществлению средств производства в крестьянском хозяйстве.

И потому на поставленный выше вопрос о соотношении кооперации и социализма ответ должен быть таков. Пролетарская кооперация действительно тяготеет к социализму в форме коллективизма, хотя и не может своими собственными силами разрушить капиталистическое хозяйство и превратить его в социалистическое. Крестьянская же кооперация, хотя и глубоко преобразовывает крестьянское хозяйство в его отношениях к рынку, самую основу крестьянского хозяйства — личный труд крестьянина на его поле и при помощи его собственных средств производства не только не разрушает, но, наоборот, укрепляет и упрочивает. Как бы мощно и широко ни развилась крестьянская кооперация, коллективистического производства из нее возникнуть не может.

VIII

Какой же вывод получается из всего сказанного? Только один — *до социализма современная Россия безусловно не созрела*¹⁵⁶. Великая русская революция является не только политической, но и социальной. Но это не революция социалистическая.

Социальный характер русской революции проявляется в следующем. Она произошла в интересах трудящихся классов, и ее неизбежным результатом должен быть огромный подъем этих классов.

Благодаря русской революции социальный состав русского общества должен измениться в самом своем корне. Исчезнет тот обще-

ственный класс, который во всю многовековую историю русского государства играл руководящую роль, — класс крупных землевладельцев-помещиков.

Россия превращается в великую крестьянскую демократию и в качестве таковой станет во главе старой Европы.

До сих пор впереди цивилизованного мира по смелости своего социального законодательства стояли англосаксонские демократии далекого южного полушария — Австралии и Новой Зеландии.

Теперь эта роль перейдет к России. России открывается широкий путь смелого социального законодательства, эра великих социальных реформ.

Эти социальные реформы должны прежде всего охватить область аграрных отношений, должны привести к передаче земли трудящемуся народу на тех условиях, которые всего более содействуют подъему производительности общественного труда.

В области промышленного труда должно быть разработано социальное законодательство, обеспечивающее рабочему достаточно высокий уровень существования и ограждающее его права по отношению к предпринимателю-капиталисту: на месте самодержавной фабрики недавнего прошлого должна быть создана конституционная фабрика, в которой власть капиталиста должна быть ограничена участием в этой власти рабочих.

Мировая война, как предвидели многие, должна стать началом новой социальной эры. Капиталистическое общество не в силах справиться с невероятными хозяйственными трудностями ведения этой войны, и сами собой намечаются новые пути в области хозяйственной жизни.

Наша промышленность стоит перед катастрофой. Промышленность не в силах удовлетворять требования рабочих, не в силах повысить им заработную плату в соответствии с их требованиями. Между тем рабочие упорно настаивают на новых расценках труда, обнаруживая полную несговорчивость, решительно отклоняя даже передачу вопроса на рассмотрение примирительных камер. Они хотят немедленного повышения своей платы и притом в таком размере, что, по словам промышленников, дальнейшее существование капиталистической промышленности при этом становится невозможным.

Как же все это должно разрешиться?

О социализации всех фабрик думать в настоящее время не приходится. Что же остается делать?

Мне кажется, выход остается только один. Нужно создать на капиталистической фабрике такие условия, при которых на фабриках прекратилась бы та анархическая война труда и капитала, которая теперь на них царит.

Отношения труда и капитала должны быть подчинены регулирующей власти государства и изъяты из области свободно-договорных отношений.

Государство должно провозгласить, что оно берет на себя установление размера заработной платы, равно как установление продолжительности рабочего дня и прочих составных элементов рабочего договора.

Эта мера отнюдь не равносильна социализации фабрик, ибо государственное регулирование заработной платы и вообще рабочего договора уже давно с успехом практикуется в некоторых странах, например в Новой Зеландии и других австралийских колониях. Промышленность этих стран продолжает оставаться капиталистической, хотя, конечно, это уже капитализм совершенно иного рода, чем свободный, нерегулируемый капитализм прежнего времени.

К этому должны перейти и мы. Мы сделали уже столько шагов в сторону подчинения частнохозяйственных отношений власти государства, что этот шаг будет далеко не самым крупным.

Взять хотя бы хлебную монополию и твердые цены на хлеб и иные продукты. Это дело гораздо более трудное и сложное, так как тут государству приходится брать на себя все те функции, которые раньше выполняла частная свободная предприимчивость. Волей-неволей государству пришлось стать на место капиталистической торговли, ибо капиталистическая торговля оказалась в новых условиях хозяйственной жизни, созданных войной, невозможной.

Теперь к войне присоединилась еще социальная революция. При таких условиях государство принуждено делать дальнейшие шаги в том же направлении.

Нужно прекратить анархическую борьбу труда и капитала, а для достижения этого нет других путей, кроме подчинения всех элементов рабочего договора регулирующей власти государства.

Рабочие не могут не признавать авторитета государственной власти, ибо власть государства выражает собой власть всего народа, перед которой должны склониться все частные интересы и все частные домогательства.

Таким образом, во всех областях хозяйственной жизни для России открывается широкий простор для нового социального творчества, долженствующего все более и более приближать Россию к социалистическому строю.

Но, двигаясь в сторону социализма и постепенно приближаясь к последнему, Россия все же в ближайшем будущем не станет социалистической страной.

В пределах сельского хозяйства капитализм должен уступить место крестьянскому трудовому хозяйству, связанному кооперацией в мощные союзы и объединения. Но в пределах промышленности капитализм — правда, в новой форме государственного урегулированного капитализма, капитализма, не свободного, но ограниченного в своих правах интересами всего общества и контролем рабочего класса, — еще на многие годы останется единственно возможной формой организации в крупных размерах общественного труда.

Этот государственный капитализм будет проникаться все более и более социальным содержанием; все же это будет капитализм, а не социализм.

Царство социальной свободы еще не наступило, и мы лишь идем к нему.

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ НА ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ФИЛОСОФИЮ

Классификация наук играет видную роль в научной философии. При этом в большинстве случаев авторы, пытавшиеся расположить в систему различные науки, придают своим классификационным таблицам линейный характер — науки образуют собой в этих построениях как бы лестницу, соответственно большей или меньшей сложности данной науки. Такой характер имеет, например, классификация наук Огюста Конта, имевшая особенный успех среди представителей точного знания и вызвавшая многочисленные подражания.

Линейное расположение наук, соответственно их большей или меньшей общности, кажется наиболее естественной классификацией их, вытекающей из самой природы знания. Так, ясно, что математика является, по своей внутренней природе, знанием более общего характера, чем естествознание, физика и химия более общими науками, чем геология — и т.д., и т.д. Отсюда получается вывод, что, располагая науки по степени общности их выводов, мы получим такую систему научного знания, в которой каждый последующий член оказывается опирающимся на предыдущий, в том смысле, что выводы науки, занимающей последующее место, предполагают данные науки, занимающей более раннее место и невозможны вне последних. Эта последовательность логической природы знаний естественно должна отражаться и на ходе развития соответствующих наук — более конкретные науки должны возникать позже более абстрактных, и развитие первых должно следовать за развитием последних.

Однако такая линейная классификация наук наталкивается на очень значительные трудности. Прежде всего, место некоторых наук в линейном ряду вызывает сомнение. Возьмем, напр., психологию. Конт относил психологию к биологии. Психология оказывалась, таким образом, наукой с очень специализированной областью исследования весьма конкретного характера. Но, с другой стороны, психологию можно рассматривать и как науку о познающем субъекте. В таком смысле психология окажется наиболее общей наукой, ибо всякое познание предполагает познающего субъекта — и, сле-

довательно, знание свойств этого субъекта нужно будет признать условием всякого иного познания. Правда, логически, теорию познания, гносеологию, можно и должно строго различать от психологии, но известной связи между психологией и гносеологией все же отвергать нельзя. Во всяком случае исторически гносеология и психология являются науками, находящимися между собой в близкой связи. А так как теория познания и логика представляют собой образец наиболее общего знания, то кажется неестественным совершенно отрывать психологию от этих наук и помещать ее в ряду наук с гораздо более конкретным содержанием, давать ей гораздо более отдаленное место в классификационной лестнице.

Но еще важнее другая трудность линейного расположения наук. Дело в том, что совершенно неверно, будто науки конкретные не оказывают влияния на науки абстрактные. На самом деле взаимная зависимость наук имеет более сложный характер — конкретные науки не только подвергаются влиянию наук абстрактных, но и, наоборот, абстрактные науки подвергаются могущественному обратному воздействию более конкретных наук. Эти обратные влияния доказывают, что в действительности все науки образуют собой не прямую линию, а круг, в котором каждая точка является одновременно и началом и концом. Правда, нельзя отрицать, что более конкретные науки логически предполагают науки более общего характера; но с таким же правом можно утверждать, что более абстрактные науки основываются, в своем развитии, на науках более конкретных. Система наук представляет собой, таким образом, не лестницу, а живой организм, в котором каждая отдельная часть, каждый орган служит другим частям и органам и в то же время пользуется ими, является, одновременно, и средством и целью.

Действительно, возьмем самую совершенную и наиболее абстрактную науку — математику. Исторически обе основные отрасли древнейшей математики — арифметика и геометрия — выросли целиком из потребностей хозяйственной жизни: арифметика — из потребностей торгового оборота, счета денег, а геометрия, как показывает самое ее название, — из потребностей измерения продаваемых земельных участков. Но не только таков был первоначальный генезис математической науки — и в последующее время, вплоть до наших дней, математика непрерывно развивалась

под непосредственным влиянием заданий, которые давались ей более конкретными науками и практической жизнью.

Вот, напр., что говорит по этому поводу один из современных математиков проф. Граве¹⁵⁷: «Значение приложений для прогресса математики, по моему мнению, настолько важно, что я не берусь отвечать, что имеет более важное значение: математика для приложений или приложения для математики. Мы не погрешим, если скажем, что развитие математики совершалось под постоянным влиянием приложений. Эти приложения были как теоретические, в натуральной философии, так и практические, в технике, и вообще в обыденной жизни. Несомненно, что если бы не было Кеплера, то все, что сделано Ньютоном, могло бы явиться, быть может, гораздо позднее и, быть может, мы до сих пор не имели бы дифференциального и интегрального исчислений. Эти исчисления могли бы явиться под влиянием других приложений и, вообще, история математики могла бы иметь совершенно другое течение». (Д. Граве. Энциклопедия математики. 1912. Стр. 587–588).

Итак, вплоть до нашего времени, та наука, которая, согласно классификации Конта, лежит в основе всей системы научного знания, оказывается зависящей в своем развитии от заданий, которые ставит ей как практическая жизнь, так и более конкретные науки. То же следует сказать и о всех остальных науках — каждая из них развивается под сложным влиянием как всех остальных наук — не только более абстрактных, но и более конкретных, чем данная наука, — так и практической жизни.

Нужно отказаться от мысли, что не теория вытекает из практики, а практика из теории. На самом деле практика и теория представляют собой живое единство, каждая из составных частей которого существенна для развития целого. Практика дает теории цели и задачи исследования и, таким образом, самым могущественным образом влияет на направление и характер теоретического исследования.

В этой статье я хочу остановиться на одном из самых интересных примеров указанных обратных влияний конкретных наук на абстрактные, а именно — на влиянии идей политической экономии на естествознание и философию.

Политическая экономия является одной из самых молодых общественных наук — она принимает определенные очертания лишь в

XVIII веке в трудах Кенэ¹⁵⁸ и Адама Смита¹⁵⁹. Однако, несмотря на такое позднее возникновение, политическая экономия, среди всех общественных наук, является всего более приближающейся к тому типу научного познания, образцом которого могут считаться естественные науки, изучающие общие закономерности природы, как, напр[имер], физика, химия или биология.

Не подлежит сомнению, что политическая экономия опирается в своих исследованиях на данные естествознания. Взять, хотя бы, теорию земельной ренты; теория эта исходит из так назыв[аемого] закона падающей производительности земледельческого труда. Закон этот гласит, что за известным пределом каждая последующая затрата труда должна давать убывающее количество земледельческого продукта. Закон этот имеет характер естественно-научного обобщения. Правда, обобщение это не было заимствовано экономистами у естествоиспытателей, а получено самостоятельно ими самими — и даже, наоборот, естествоиспытатели заимствовали его у экономистов. Так, напр., знаменитый химик Либих¹⁶⁰, придающий первенствующее значение этому закону, указывает, как на источник, откуда он извлек знание этого закона, на известный курс политической экономии Д. С. Милля¹⁶¹. Но, во всяком случае, сам по себе закон падающей производительности земледельческого труда (или, как его неправильно называют, закон падающей производительности почвы), по своей гносеологической природе, принадлежит, несомненно, к области естествознания в его прикладной части и может быть доказан лишь данными естествознания.

Учение экономистов о преимуществах крупного производства перед мелким точно также всецело основывается на известных данных прикладного естествознания — технологии, агрономия и пр. Только исходя из этих данных, экономисты приходят к выводу, что в тех отраслях труда, в которых человеческий труд прилагается к неорганической природе, выгоды крупного производства гораздо значительнее, чем в отраслях труда, непосредственно соприкасающихся с биологическими процессами природы. Технолог и агроном являются учителями экономиста во всех вопросах относительно общего направления экономической эволюции, ибо всякое изменение техники, как это особенно выпукло показано Марксом, не может не

влиять самым могущественным образом на характер экономической структуры общества.

Вообще, зависимость политической экономии от более общих и абстрактных отраслей знания, как естествознание, настолько ясна и общеизвестна, что не требует особого доказательства. Гораздо менее обращало на себя до сих пор внимание обратное влияние политической экономии на развитие естествознания. А между тем это обратное влияние так же несомненно, как и прямое влияние естествознания на политическую экономию.

Каждый естествоиспытатель согласится, что теория Дарвина¹⁶² о происхождении видов путем естественного отбора сыграла совершенно исключительную роль в истории естествознания. Во второй половине XIX века не было другой естественнонаучной теории, которая могла бы сравниться по своему общенаучному значению с дарвинизмом. Возможно, что теперь дарвинизм находится в упадке, и ему на смену приходят другие биологические доктрины; но все же дарвинизм явился чрезвычайно могущественным фактором развития биологии во второй половине прошлого века и составил эпоху в истории науки.

Основной идеей теории Дарвина является соображение, что в силу ограниченности пищи, при практически неограниченной способности живых существ к размножению, организмы должны вести между собой ожесточенную борьбу за существование, в таковой борьбе погибают все более слабые, а выживают и оставляют потомство лишь наиболее приспособленные организмы. Из этой идеи с большой легкостью получается вывод, который сделал Дарвин и который и составляет собой сущность так назыв[аемого] дарвинизма, — что отличительные черты каждого организма суть не что иное, как закрепленные наследственностью те прирожденные особенности его предков, которые оказались этим предкам полезны в борьбе за существование.

Конечно, требовалась исключительная умственная одаренность Дарвина и его удивительная наблюдательность, чтобы из этих столь простых основных идей извлечь все огромные проистекающие из них выводы для объяснения происхождения органических видов во всем их разнообразии. Но самая-то теория происхождения видов заключалась только в двух указанных очень простых

соображениях, из которых второе составляло естественный вывод первого.

Ввиду этого, приобретает особое значение тот несомненный факт, что свою основную идею Дарвин заимствовал не у кого иного, как у экономиста Мальтуса. Об этом свидетельствует сам Дарвин. Вот что говорит он по этому поводу в своей автобиографии. По его словам, вернувшись из путешествия на корабле «Бигль», он стал систематически искать причин изменчивости организмов, поразившей его во время этого путешествия. Однако никакого объяснения этим фактам он найти не мог. По его словам, он шел методом Бэкона¹⁶³, собирая и группируя факты без всякой предвзятой теории. Очень скоро он понял, что в образовании пород домашних животных решающую роль играет искусственный подбор. «Но каким образом подбор мог быть применен к дикоживущим организмам, это оставалось — говорит Дарвин — некоторое время для меня тайной. В октябре 1838 г., т. е. через 15 месяцев после того, как я начал свою систематическую работу, я случайно прочел, для развлечения, книгу Мальтуса о народонаселении. Я был подготовлен продолжительными наблюдениями над жизнью животных и растений, чтобы оценить значение борьбы за существование, которая всюду наблюдается, и меня поразила идея, что в таком случае благоприятные изменения должны сохраняться, а противоположные уничтожаться. В результате этого должны возникнуть новые формы. Таким образом, я достиг того, что мог формулировать теорию, исходя из которой мог производить свою работу» (*La vie et la correspondance de Charles Darwin*. 1888, т. I, стр. 86).

Но если бы даже и не было решающего свидетельства самого Дарвина, то сходство дарвинизма и мальтузианства так велико, что взаимная зависимость обоих учений не могла бы подлежать ни малейшему сомнению. Основная идея борьбы за существование развита Мальтусом с чрезвычайной силой и отчетливостью, не оставляющей желать ничего большего.

В изображении Мальтуса, касающемся только человеческого общества, инстинкт размножения является естественной силой, приводящей к тому, что человечество всегда стоит на пороге нищеты и голода. Человеческое общество размножается до тех пор, пока оно не станет перед непреодолимой стеной недостатка пищи.

С особенной резкостью это представление об ожесточенной борьбе за существование между людьми Мальтус выразил в первом издании своей знаменитой книги. В последующих изданиях он эту мысль смягчил признанием, что нравственное самообуздание человека может вводить в границы действия инстинкта размножения и ставить пределы борьбе за существование. Но это ограничение, даже по отношению к человеку, казалось Мальтусу мало действительным, и основная его концепция оставалась прежней — инстинкт размножения, при ограниченности пищи, должен приводить человеческое общество к нищете.

В применении к другим организмам те ограничения борьбы за существование, которые указывал Мальтус, естественно должны были отпасть и, таким образом, Дарвин должен был извлечь из книги Мальтуса идею о том, что в органическом мире царит самая ожесточенная борьба за существование, совершенно неустраняемая и вытекающая из самой природы вещей. Отсюда Дарвин и сделал, по собственному признанию, все дальнейшие свои выводы, составившие эпоху в истории естествознания.

Это заключение — о непосредственной зависимости теории Дарвина от гораздо более раннего учения Мальтуса — приобретает тем большую убедительность, что и Уоллес¹⁶⁴, разделяющий вместе с Дарвином славу создания теории происхождения видов путем естественного подбора, точно также, по его собственному признанию, извлек свою идею из той же книги Мальтуса. Как известно, Уоллес пришел к своей теории, во всех существенных чертах совпадающей с теорией Дарвина, совершенно независимо от последнего. И то обстоятельство, что оба они указывают на книгу Мальтуса, как на источник, откуда они заимствовали свои основные идеи, лучше всего доказывает, какую важную роль сыграла эта книга в генезисе дарвинизма. Очевидно, теория Мальтуса была не случайным толчком, вызвавшим работу мысли Дарвина и Уоллеса в известном направлении, а действительно логическим отправным пунктом всех дальнейших рассуждений обоих творцов новой доктрины.

Итак, история дарвинизма убедительно свидетельствует, как мощно влияли в XIX веке идеи экономистов на развитие естествознания. Но пример дарвинизма является далеко не единственным.

Возьмем более широкое учение об эволюции, которое в наиболее законченном виде мы встречаем в философии Герберта Спенсера¹⁶⁵. Спенсер был одним из тех философов второй половины XIX века, которые оказали особенно сильное влияние именно на естествоиспытателей, в особенности в Англии и Америке. Его учение о мировой эволюции может считаться наиболее значительным достижением научной философии англо-саксонского мира за последние полвека. Сущность этого учения сводится к двум очень простым идеям — развитие идет, во-первых, в направлении растущей дифференциации, все большего и большего усложнения и разнообразия сущего и, во-вторых, в направлении растущей интеграции, большей и большей связанности частей целого. Эти идеи Спенсера представляют собой не что иное, как обобщение на всю природу наблюдений биологов над ходом развития органического мира. В частности, на Спенсера сильно повлияла эволюционная теория Бэра¹⁶⁶.

Но учение биологов о прогрессивном характере усложнения функций и органов организма, с возрастающей зависимостью органов друг от друга, несомненно отражает на себе господствующие идеи политической экономии. Еще со времени Адама Смита в экономической науке твердо упрочилось учение о разделении общественного труда, как об основном факторе общественного прогресса. Учение о разделении труда выражено на первых же строках «Богатства народов», причем Смит крайне преувеличивал значение этого фактора, как стимула общественного богатства. Вслед за Смитом это учение было усвоено и всей его школой, и только социалисты признали необходимым ввести в тезис о прогрессивном характере все далее идущего разделения труда существенные ограничения.

Не подлежит сомнению, что биологи признали большую или меньшую сложность строения организма критерием высоты его развития именно под влиянием учения экономистов о прогрессивности разделения труда. От биологов заимствовал свое учение о мировой эволюции Спенсер и, таким образом, чисто экономическая доктрина легла в основание объяснения фактов наиболее общего значения, охватывающих весь мир явлений в совокупности.

Другим примером всеобъемлющего применения принципа, установленного экономической наукой, является любопытная судьба характерного построения экономической науки, так назыв[аемого]

«экономического принципа». Экономическим принципом, в котором многие экономисты усматривали отличительный признак самого понятия хозяйства, экономисты называют правило, согласно которому человек в своей хозяйственной деятельности должен стремиться к получению наибольшей пользы с наименьшей затратой сил. Этот «экономический принцип» играет весьма важную роль в экономической литературе второй половины прошлого века, преимущественно у немцев.

Важность этого принципа для рационального построения хозяйства явствует сама собой. Он является критерием рациональности хозяйства, и потому многие экономисты (напр. Рошер, Ад. Вагнер, у нас проф. А. Исаев и др.) определяют хозяйство, как деятельность, соответствующую этому принципу.

Однако такое определение хозяйства должно быть признано неудачным по следующим основаниям. Желая установить отличительный признак хозяйства, экономисты открыли принцип гораздо более широкого значения. Действительно, всякая разумная деятельность должна следовать этому принципу. Мы мыслим согласно хозяйственному принципу, стремясь с наименьшей затратой своих умственных сил разрешить интересующий нас вопрос, и тем же принципом определяется ценность продукта нашего умственного творчества. Отвлеченное понятие, закрепляющее в общей формуле неограниченное число отдельных конкретных впечатлений, потому является таким необходимым орудием нашего мышления, что, благодаря ему, экономизируются силы нашего ума. В этом же смысл всех приемов математики. Можно было бы обходиться напр[имер] без умножения, заменяя его складыванием множимого, но это чрезвычайно увеличило бы затрату наших умственных сил. Точно также алгебра, обобщая буквенным выражением отдельные числа, чрезвычайно экономизирует наши силы, и в этом ее преимущество перед арифметикой.

Эстетическая ценность произведений искусства точно также зависит от способности их с наименьшей затратой внешних средств достигать наибольшей суммы эстетического впечатления. Чем отличается картина художника от фотографии? Тем, что в фотографии воспроизводится все то, что влияет на светочувствительную пластинку, между тем как в картине художник переносит на полотно лишь существенное для его цели, откидывая все лишнее и ненужное. Лиш-

ним же и ненужным является все, не усиливающее впечатления, которое желает произвести своей картиной художник. Именно в этом и заключается превосходство картинки перед фотографией, секрет гораздо более сильного впечатления, производимого первой, ибо всякая ненужная подробность, отвлекая внимание от главного и существенного, только ослабляет впечатление.

Расширение экономического принципа на гораздо более широкую область произведено знаменитым австрийским философом и естествоиспытателем Эрнстом Махом¹⁶⁷, в философской системе которого принцип экономии сил занимает выдающееся место. «Экономия мысли, — говорит он, — наиболее развита в той науке, которая достигла наивысшего формального развития, и к услугам которой так часто прибегает и естествознание, т.е. в математике... Физика представляет собой экономически упорядоченный опыт». (Эрнст Мах. Научно-популярные очерки. Пер. Г. Котлера, 1909, Стр. 158–159). Объясняя, откуда он заимствовал свою идею экономии сил, Мах ссылается на экономиста Э. Германа (*Populärwissenschaftliche Vorlesungen*¹⁶⁸, 209). Таким образом и в данном случае мы видим, что экономическая наука устанавливает принципы, получающие впоследствии гораздо более широкое применение, и при том в науках более общего характера, чем политическая экономия.

Но, нужно думать, самое глубокое и широкое влияние идей и принципов политической экономии на научную философию еще впереди. Я имею в данном случае в виду одну научную доктрину, которая разработана всецело политической экономией и которая приобретает в наше время все более и более всеобъемлющее значение — теорию ценности.

За последнее время мы замечаем, что проблема ценности все более привлекает к себе внимание философии в самом широком смысле. Философы начинают разрабатывать теорию ценности с не меньшим усердием чем экономисты. В этом смысле крайне характерен обширный трактат о ценности в чисто философском смысле, принадлежащий одному современному английскому философу, Вильбуру Урбану¹⁶⁹. «Вряд ли в истории мысли было время — говорит он в начале своего труда — когда проблема ценности была бы в такой степени в центре общего внимания, как теперь». (*Wilbur Urban. Valuation, its Nature and Laws. 1909. Стр. 1*).

И действительно, для новейшего направления философского мышления характерно стремление все больше и больше раздвигать рамки понятия ценности, которое становится одним из основных философских понятий. Это находится в связи с волюнтаристическим направлением современной психологии. Воля признается современными психологами основным и определяющим элементом психической жизни человека. Но категория ценности есть не что иное, как одна из форм категории воли. Как можем мы отличить ценное от неценного? Только по реакции нашей воли. Воля всегда к чему-либо стремится и от чего-либо отталкивается, чего-либо избегает. То, к чему она стремится, признается нами положительной ценностью, чего она избегает, отрицательной ценностью. Вне воли нет ценности и вне ценности нет воли. Вот почему современная философия с ее волюнтаристическим направлением, и придает категории ценности первенствующее значение среди всех психических категорий. «Момент ценности — говорит напр[имер] знаменитый германский натуралист и философ Вундт¹⁷⁰ — образует важнейший отличительный признак духовного от чисто физического. Духовный мир есть мир ценностей, которые имеют самые различные качественные особенности и самые различные степени. В духовном мире все имеет свою положительную или отрицательную, свою большую или меньшую, ценность». (Wundt. Logik. Methodenlehre. II. Стр. 16). «Философия — определяет Виндельбанд¹⁷¹ — есть критическая наука об общеобязательных ценностях». (Windelband. Präludien. Стр. 30). «То, чего не хватает нашему мышлению — утверждает американский психолог и философ Мюнстерберг¹⁷² — есть законченная в себе система чистых ценностей; только тогда философия станет опять действительно жизненной силой». (Münsterberg. Philosophie der Werte. 1908. Стр. VI).

Итак, категория ценности, впервые понятая и разработанная экономической наукой, приобретает первенствующее значение для общей философии. Но этого мало. Я смею думать, что понятие ценности должно сыграть существенную роль и в развитии естествознания. Я постараюсь показать, какое применение может получить это понятие к решению одной из самых важных и трудных проблем физиологической психологии.

Всем известно, какую выдающуюся роль в современной физиологической психологии играет так назыв[аемый] «закон Вебера-Фехнера»¹⁷³. Закон этот был впервые установлен опытным путем Вебером, получил математическую обработку у Фехнера и был назван последним «основным законом психофизики». Действительно, закон этот занимает центральное место в физиологической психологии, устанавливая математическую зависимость между раздражениями внешней окружающей организм физико-химической среды и внутренними переживаниями организма.

По формулировке Фехнера, закон этот гласит, что ощущения растут, как логарифмы раздражений, или говоря иными словами, что рост раздражений в геометрической прогрессии дает рост ощущений в арифметической прогрессии. Тот же закон может быть выражен еще проще, а именно, что абсолютные различия двух ощущений бывают одинаковы при одинаковом отношении раздражений, или что для одинакового абсолютного увеличения ощущений требуется увеличение раздражений в одинаковом отношении.

Обширные опытные работы, произведенные различными исследователями для проверки этого закона, показали, что последний действителен лишь в известных пределах; а именно, логарифмической зависимости не наблюдается в том случае, когда ощущение близко к своему порогу (*Reizschwelle*, своей низшей точке) или к своей границе (*Reizhöhe*, своей высшей точке). А именно, у своего порога и у своей границы ощущения растут медленнее, чем в арифметической прогрессии (при росте раздражений в геометрической прогрессии). Но в своих средних частях целый ряд ощущений изменяется согласно закону Вебера-Фехнера.

Опытным путем установлено, что для каждого ощущения существует свой постоянный коэффициент нарастания. А именно, по данным, приводимым Вундтом в его «*Physiologische Psychologie*»¹⁷⁴ коэффициент этот для световых ощущений равен $\frac{1}{100}$, для мускульных (поднятие тяжести) $\frac{1}{40}$, ощущений давления — $\frac{1}{20}$, звуковых — $\frac{1}{10}$. Иными словами, мы ощущаем усиление света в том случае, когда сила света увеличивается на $\frac{1}{100}$, едва заметное увеличение давления, если поднимаемая тяжесть увеличивается на $\frac{1}{20}$ и т. д.

Таков смысл закона Вебера, огромное значение которого для всей области психических явлений не может быть преувеличено. Но если

современная наука и установила этот закон, то объяснение его, сведение его к более простым закономерностям, до сих пор вызывает разногласие среди исследователей. Вундт сводит различные попытки объяснения этого закона к трем основным типам.

Во-первых, объяснение самого Фехнера. В сущности, Фехнер никакого объяснения установленному им закону не дал, усматривая в этом законе основную закономерность психической жизни, не поддающуюся разложению на более простые элементы. Современная наука, не разделяющая мистического мировоззрения Фехнера, не может последовать примеру творца психофизики и не может удовлетвориться признанием логарифмического закона основной закономерностью жизни духа.

Гораздо более научный характер имеет то чисто физиологическое объяснение данного закона, которое принадлежит физиологу Георгу Мюллеру¹⁷⁵. По мнению Мюллера, раздражение передается нервом не согласно логарифмическому закону — нарастание раздражающей силы в геометрической прогрессии вызывает также в геометрической прогрессии нарастание и раздражений, передаваемых нервом; однако в центральной нервной системе раздражения эти встречают известное сопротивление и задержку, благодаря чему в нашем сознании геометрически растущие раздражения превращаются в арифметически нарастающие ощущения.

И это объяснение Вундт отвергает, как неподтверждаемое опытными данными.

В результате оценки различных попыток объяснения логарифмического закона Вундт приходит к следующему выводу. Само по себе раздражение наше нервной системы растет пропорционально раздражающей силе, без всякого отставания. В пользу этого, по словам Вундта, говорят опыты Фика с сокращением мускула под влиянием раздражения нерва. Тем не менее, в нашем сознании раздражения, пропорциональные раздражающей силе, превращаются в ощущения, нарастающие в гораздо более медленной, арифметической прогрессии. Объясняется это особенностями нашей психической жизни, в которых и следует искать объяснения закона Вебера. Таким образом, Вундт приходит к психологическому объяснению данного закона. Сущность этого объяснения сводится к следующему.

«Психологическое объяснение — говорит Вундт — выводит данный закон не из физиологических особенностей нервной субстанции и не из своеобразного взаимодействия физического и психического, а из психологических явлений, которые действуют при измеряющем сравнении ощущений. Это объяснение выводит закон не из ощущений самих по себе, но из процессов апперцепции, без которых никогда не может происходить количественная оценка (*Schätzung*) ощущений. Психологический закон Вебера, очевидно, сводится к более общему наблюдению, что мы в своем сознании имеем не абсолютное, а относительное мерило для интенсивности состояний этого сознания, что мы, следовательно, всегда меряем одно состояние сознания другим состоянием сознания, с которым мы принуждены сравнивать первое состояние сознания. Поэтому мы имеем право рассматривать закон Вебера как частный случай более общего закона относительности наших внутренних душевных переживаний. Важнейшим доводом в пользу такого понимания является наличность этого более общего закона, который мы наблюдаем также и в других областях психики, а именно в качественном сравнении ощущений, так же как в отношениях чувств к представлениям. Согласно такому пониманию Веберовский закон не есть закон ощущений, но закон апперцепции, — только этим можно объяснить, что действие этого закона выходит за пределы ощущений. В то же время очевидно, что такому пониманию не противоречит допущение, что ощущение, как таковое, растет в своих пределах по тому же закону приблизительной пропорциональности, как и возбуждение центральной воспринимающей нервной системы, — ведь данный закон относится не непосредственно к ощущениям, а к процессам апперцепции, которые вызываются ощущениями. Поэтому психологическое объяснение имеет то преимущество, что оно не исключает физиологического объяснения, между тем как два предшествующие объяснения могут осветить лишь одну сторону дела. При этом следует заметить, что наше знание нервных процессов центральной нервной системы еще слишком ничтожно, чтобы дать нам эмпирическую основу для такого объяснения». (Wundt. *Grundzüge der physiologischen Psychologie*. III Auflage. 1 Band, S. 374–378¹⁷⁶).

Вундт является едва ли не самым авторитетным современным представителем молодой еще науки — физиологической психоло-

гии. Поэтому его объяснение «основного психофизического закона» заслуживает особого внимания. К чему же оно сводится?

По мнению Вундта, закон этот коренится всецело в области оценок ощущений нашим сознанием. Мы не видим света лишней свечи, при наличии 200 зажженных свечей не потому, чтобы 201 свеча, не реагировала на наши органы чувств и центральную нервную систему, а исключительно вследствие заполненности нашего внимания светом 200 свечей. Наше сознание оценивает, бессознательно для нас, силу всех раздражений, которые воспринимаются нашей нервной системой, отводит им соответствующее место, причем учитывает в этой оценке не абсолютную, а относительную силу каждого раздражения. Когда перед нами 50 свечей, то мы замечаем усиление света, если к 50 свечам прибавляется еще одна свеча. Но если перед нами 500 свечей, то увеличение силы света еще на 1 свечу совсем не замечается нами.

По объяснению Вундта, основной психофизический закон есть следствие бессознательных процессов оценки внешних раздражений нашим сознанием. Можно согласиться с этим объяснением, но оно, очевидно, не доведено до конца — Вундт не показал, почему же наше сознание оценивает раздражение именно так, а не иначе, почему оно учитывает относительную, а не абсолютную величину раздражений; именно в этом и заключается главный вопрос, который Вундтом оставляется без ответа.

Я думаю, что неудача Вундта объясняется тем, что Вундт — не экономист и мало знаком с теорией ценности, созданной современной экономической наукой. Конечно, Вундт имеет общее знакомство с политической экономией и даже посвятил немало очень интересных страниц в своей «Логике» методологии экономической науки. Тем не менее из всего его изложения я выношу впечатление, что Вундт более знаком со старой экономической литературой и почти не знает современной теории ценности — теории так назыв[аемой] предельной полезности¹⁷⁷. Между тем, сходство основного психофизического закона с процессом оценки, поскольку таковой выяснен теорией предельной полезности, вполне очевидно. Человек, имеющий в своем распоряжении 100 рублей, ценит один рубль гораздо меньше, чем тот кто располагает всего 10 рублями: точно также при наличии 100 свечей свет одной свечи реагирует на наше сознание гораздо

меньше, чем при наличии 10 свечей. Разве здесь не полная аналогия сознательной оценки (в первом случае) и бессознательной оценки (во втором)? Сходство закона Вебера и наших сознательных оценок по методу предельной полезности давно замечено экономистами. Указывая на это сходство, экономисты объясняют его тем, что экономическая оценка является не чем иным, как частным применением закона Вебера.

Я вполне согласен с наличием этого сходства, но объясняю его совершенно обратно: *не экономическая оценка в моих глазах является частным случаем закона Вебера, а, наоборот, закон Вебера есть не что иное как частный случай экономической оценки*. Таков парадоксальный тезис, который я попытаюсь доказать.

В сущности, доказательство это не так трудно. Мне нужно только развить и продолжить дальше то объяснение основного психофизического закона, которое дает нам Вундт.

Вундт указывает на то, что в процессе апперцепции учитываются лишь относительные, а не абсолютные различия. Но возникает вопрос, почему же наша апперцепция имеет именно такой, а не иной характер?

Я думаю, что это может быть вполне удовлетворительно объяснено исходя из теории естественного подбора. Наша апперцепция, равно как и вообще наше сознание, являющееся выражением своеобразного характера нашей нервной системы, создались в результате борьбы за существование и переживания наиболее приспособленных. Можно допустить, что нервная система первоначально воспринимала внешнее раздражение пропорционально их силе, без всякой задержки. Спрашивается, соответствовал ли такой характер апперцепции сохранению вида или нет? Отрицательный ответ очевиден. Ведь внешних раздражающих сил, воздействию которых подвергается наш организм, в окружающей нас среде бесконечно много. Если бы наша нервная система реагировала на каждую раздражающую силу, то она была бы в непрерывном возбуждении, на что бесплодно расходовались бы силы нашего организма. Организм заинтересован в том, чтобы воспринимать те раздражения, реакция на которые может оказаться ему практически полезной; но восприятие раздражений, которые никак не могут изменить условий борьбы за существование вида, не только бесполезно, но и вредно, с точки зрения сохранения

вида, ибо всякая нервная реакция требует известной затраты сил организма, расходуемых в данном случае без практического результата, так сказать, впустую.

Вид заинтересован в том, чтобы наше сознание замечало лишь практически важное, т. е. то, ответ на что, путем соответствующей внешней реакции организма, может повлиять на сохранение вида. Поэтому мы воспринимаем только ограниченное количество раздражений и притом соответственно их относительной, а не абсолютной силе. Так напр[имер], какую пользу принесла бы нам способность различать слабые источники света при наличности сильных? Представим себе напр[имер], что мы могли бы днем видеть луну и звезды. Оказалась ли бы эта способность для нас практически полезной в борьбе за существование? Ни малейшим образом. Напротив, способность видеть ночью лунный свет и свет звезд необходима для благополучия организма — организмы, совершенно слепые ночью, должны были бы вымереть от нападения различных хищников.

Можно допустить, как это делает Вундт, что нервная система первоначально передает центральному сознанию ощущения пропорционально силе раздражений — раздражение, вызываемое светом звезды, воспринимается сетчаткой нашего глаза и передается центральной нервной системе совершенно так же днем, как и ночью, однако наше сознание днем не воспринимает этого раздражения, потому что, в борьбе за существование, мы выработали способность воспринимать раздражения не по их абсолютной, а по их относительной силе.

Можно себе представить, что первоначально организмы воспринимали свет звезд днем; путем переживания наиболее приспособленных эти организмы уступили место другим, которые утратили способность видеть звезды днем, но зато развили способность различать слабые источники света ночью. Таким образом, мало-помалу наш воспринимающий аппарат развил в себе способность воспринимать согласно логарифмическому закону Вебера — по той причине, что такой характер восприятия наиболее соответствует интересам сохранения вида.

Действительно, представим себе, что мы не обладали бы этой способностью, что мы воспринимали бы раздражения не по их относи-

тельной, а по их абсолютной силе. Как это отразилось бы на нашем существовании?

В таком случае количество наших восприятий возросло бы в огромной степени — мы слышали бы одновременно всевозможные шумы и звуки, число которых было бы так велико и разнообразно, что в них было бы крайне трудно разобраться — рядом с голосом нашего собеседника мы слышали бы стук колес по мостовой и голоса в соседней комнате, шум ветра в трубе и шуршанье мыши. Все ночные шорохи врывались бы к нам в комнату днем во время жаркого разговора. Легко понять, как развлекало бы все это наше внимание, и какую бесполезную растрату сил нашей нервной системы представляло бы такое ее устройство.

Точно так же представим себе, что нам нужно пронести на большое расстояние пакет. Для нас существенно важно уметь определить вес этого пакета и в смысле расходования наших сил далеко не безразлично, весит ли этот пакет 5 или 6 фунтов. Но если дело идет о выгрузении мешков, перемещении значительных тяжестей на короткое расстояние, то разница в один фунт при весе в несколько пудов не играет никакой роли, и мы с таким же усилием перенесем на плечах 3 пуда, как и 3 п. 1 фунт. Значит, в то время как умение определять незначительные различия в весе, когда абсолютный вес не велик, существенно важно для нашего благосостояния, умение различать такие же абсолютные различия в весе, при большом весе, было бы практически совершенно бесполезным.

То же самое верно, как было указано, и по отношению к умению видеть слабые источники света при наличности сильных и без них. Во всех этих случаях вполне ясно, как выигрывает организм благодаря тому, что он воспринимает ощущения по их относительной, а не по абсолютной силе — иначе говоря, по закону Вебера.

Чтобы наилучшим образом достигать своих целей, — наше сознание должно было выработать способность не замечать слабых раздражений при наличности сильных. А так как роль сознания в борьбе организмов за существование чрезвычайно велика — совершенно ясно, что именно благодаря своему интеллекту человек занял господствующее положение среди организмов — то неудивительно, что наша апперцепирующая способность приобрела именно те свойства, которые требовались интересами сохранения вида.

Но ведь экономическая оценка, учитывающая предельную полезность каждой оцениваемой единицы полезных предметов, именно и есть оценка по относительному, а не по абсолютному значению данного предмета для нашего благосостояния. Почему мы ценим 1 фунт хлеба меньше в том случае, когда мы имеем в своем распоряжении 3 фунта хлеба, чем тогда, когда у нас только 2 фунта хлеба? Потому, что третий фунт хлеба имеет меньше значения для нашего благополучия, чем второй фунт. В этом процессе оценки нельзя не видеть совершенной аналогии с нашей способностью воспринимать очень слабые раздражения, если только наше внимание не поглощено раздражениями большей силы. Разница между двумя нервными процессами заключается лишь в том, что в первом случае экономической оценки мы имеем дело с процессами вполне произвольными и познаваемыми нами, между тем как процесс восприятия не зависит от нашей воли — как бы мы ни напрягали зрения, днем звезды мы не увидим. Различие это обгоняется тем, что естественный подбор закрепил в нашей нервной системе способность воспринимать внешние раздражения в соответствии с законами экономической оценки — иначе говоря, в соответствии с законом Вебера, ибо закон Вебера, как я постарался показать, есть не что иное, как закрепленная экономическая оценка.

Таким образом, экономическая теория ценности оказывается основой для объяснения центрального закона психических явлений. Вообще, во всех случаях, когда приходится объяснять какое-либо приспособление организма, имеющее целесообразный характер — а такой характер присущ каждому органу — при объяснении его необходимо исходить из экономической теории ценности, ибо экономическая оценка есть не что иное, как учет целесообразности. В основе всякой телеологии, какова бы она ни была, относится ли она к внешнему миру строения организма или к внутренним психическим переживаниям — везде мы встречаем явления оценки.

Естествоиспытатели мало знакомы с теорией предельной полезности, создание которой является гордостью новейшей экономической науки. Но с течением времени это знание придет, и тогда естествознание сумеет извлечь из данного принципа все богатые выводы для объяснения органического мира, которые из него проистекают. Развита экономистами теория борьбы за существование уже произ-

вела целую революцию в науке о происхождении организмов; быть может не меньшую роль сыграет в будущем и экономическая теория ценности.

Но чем же вызывается это мощное влияние политической экономии на иные науки, притом гораздо более общего характера? Особым характером экономической науки.

Дело в том, что из всех наук политическая экономия изучает явления, касающиеся наиболее насущных, жизненных интересов человека. Конечно, я не хочу сказать, что хозяйственный интерес есть единственный практический интерес человека. Практические интересы человечества сложны и многообразны, хозяйственные интересы, среди этих интересов, являются наиболее простыми и элементарными.

Жизнь, конечно, далеко не исчерпывается хозяйственной заботой. Однако хозяйственные интересы играют совершенно исключительную роль среди других жизненных интересов в том смысле, что они являются наиболее насущными интересами и, в то же время, наиболее близкими к материальной основе жизни. Хозяйство есть не что иное, как приспособление внешней материальной среды к потребностям человека; всякая человеческая потребность предполагает такое приспособление, и потому удовлетворение всех потребностей жизни в большей или меньшей степени связано с хозяйственной деятельностью.

В силу насущности хозяйственной потребности (*primum vivere, deinde philosophare!*¹⁷⁸) человек особенно *настоятельно* заинтересован в тщательном учете всего, относящегося к условиям удовлетворения этих потребностей. В то же время — благодаря непосредственному отношению хозяйства к материальной среде — такой учет становится возможным в более точной форме, чем в других областях психической жизни. Таким образом, наука о хозяйстве вырабатывает приемы более точного учета тех психических процессов, с которыми она имеет дело, чем какая-либо иная наука о духе.

Строго говоря, только в одной хозяйственной области процессы оценки приводят к числовым результатам. Все в жизни человека имеет свою определенную ценность, но почти нигде вне сферы хозяйственной ценности, ценность эта не допускает числового выра-

жения. Как измерить ценность красоты, ума, здоровья, таланта? Ценность всего этого вне сомнения, но она не поддается измерению.

Напротив, хозяйственная ценность, цена, выражается в строго определенных величинах, вполне соизмеримых друг с другом. Только благодаря количественному соизмерению ценности, хозяйственные расчеты приобретают тот точный, законченный характер, который необходим для успеха хозяйства.

Только благодаря этому точному учету и вырабатывается понятие ценности. При этом следует иметь в виду, что понятие хозяйственной ценности приобретает законченный количественный вид только на определенной ступени хозяйственного развития — в денежном хозяйстве. Пока товарное хозяйство не получило большого развития, и главная масса хозяйственных потребностей удовлетворялась без помощи обмена, хозяйственная ценность имела весьма несовершенное количественное выражение. Но в развитом денежном хозяйстве каждый предмет хозяйства, каждый элемент прихода и расхода выражен в строго определенных денежных ценах, допускающих самое точное измерение и сравнение их между собой.

В форме денежной цены хозяйственная ценность стала предметом точного научного изучения и анализа; на этой денежной основе выросла и современная хозяйственная теория ценности, охватывающая гораздо более широкую область, чем хозяйство. Хозяйственная теория ценности, открытая экономической наукой, есть вместе с тем теория ценности, как общего явления психической жизни, присущего психической жизни, как таковой. Современная научно-философская мысль примат практического разума над теоретическим, примат воли над разумом. Интеллект, с современной точки зрения, есть орган, созданный волей, слуга воли, орудие организма в борьбе за существование, развившееся в этой борьбе.

Влияние идей политической экономии на развитие науки вообще объясняется тем, что предметом изучения политической экономии является сфера наиболее обостренного практического интереса. Хозяйственный интерес есть наиболее настоящий и, в то же время, наиболее элементарный, упрощенный интерес, допускающий, в силу своей элементарности, количественное измерение. Таким образом экономическая наука приходит к обобщениям, охватывающим вообще всю область телеологии, действия воли. Дарви-

низм чрезвычайно раздвинул область применения телеологического изучения явлений природы — и нисколько не удивительно, что толчок к этому научному перевороту был дан политической экономией. И можно думать, что экономическая теория ценности должна явиться источником новых теоретических построений в тех науках, которые изучают явления, возникающие на основе борьбы организмов за существование.

ПИСЬМА

Письмо № 1¹⁷⁹

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. — СТРУВЕ П. Б.

Дорогой Петр Бернгардович.

Итак, «Начало» закрыто 4-мя министрами. Последним я не был огорчен, так как, по моему мнению, насильственная смерть в данном случае гораздо предпочтительнее добровольной смерти. По моему мнению, раз было известно, что «Начало» будет закрыто, не следовало его закрывать добровольно. Впрочем, министры все равно сделали свое дело и мы прекратили, в конце концов, перед всей Россией не по своему желанию.

С Б.¹⁸⁰ я виделся два раза и не могу сказать, чтобы он произвел на меня благоприятное впечатление. Я ожидал, что та буря, которая на него надвинулась, меньше всего способна его испугать. Я думал увидеть в нем борца, — а оказалось, что он меньше всего борец и теперь думает только о том, как бы ослабить впечатление своих собственных заявлений. Его разговор непрерывно вертелся вокруг разгоревшейся полемики, причем он жалуется на то, что его не поняли, признает, что его выражения были неосторожны, и вообще более или менее хнычет. И особенно он жалуется на Каутского, который, по его словам, выдал его с головой врагам.

По-видимому, он очень раскаивается, что выпустил свою книгу. В сущности, он очень далек от своих прежних взглядов, но когда поставишь ему вопрос ребром, он никогда не отвечает прямо и старается представить дело так, как будто у него с Каутским никаких разногласий нет. Ваше замечание на его счет в «Архиве»¹⁸¹ очень его обидело.

Посмотрим, по отношению к нему его бывшие товарищи действительно поступили гнусно — на публичных собраниях заявляют, что он всегда был Strohmann¹⁸², что ему давали работу для того, чтобы ему доставить заработок и т.п.

Но все же нужно помнить наличие мужества и без боязни высказывать то, что думает.

Моя работа продвигается очень энергично, много интересного материала, значительно изменившего те взгляды, которые я высказы-

вал в «Архиве»¹⁸³. Удивительно, как скоро забываются многие события! Впрочем, об этом говорить теперь можно слишком долго.

Что касается до последнего издания моей книги, о котором Вы спрашиваете, то это может уладиться очень легко, так как Feber, с которым я говорил в Берлине, выражает полную готовность взять на себя издание, но я переговорю еще с Fischer'ом и Dumke'ом — их бы я предпочел в качестве издателей¹⁸⁴.

В Лондоне страшная жара. Виделся несколько раз с Булгаковым¹⁸⁵ — он со мной любезен, но, по-видимому, еще не забыл нашей литературной стычки.

Поклон Нине Александровне¹⁸⁶. Лида Вам обоим кланяется.
Ваш М. Т.-Б.

Письмо № 2¹⁸⁷

ТУТАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. — СТРУВЕ П. Б.

Дорогой Петр Бернгардович!

Мне было очень приятно получить Ваше письмо. От него повеяло на меня Петербургом и тем строем жизни, теми впечатлениями, которые теперь мне кажутся такими далекими, что страшно подумать, какой небольшой промежуток времени отделяет меня от них.

В моей жизни произошел 20 декабря такой резкий перелом, какой трудно себе представить. Судьба, как будто нарочно, позаботилась о том, чтобы сделать для меня разрыв с прошлым более полным — перенесла меня в новую среду, окружила новыми людьми; от прошлого 36-летнего не осталось ровно ничего — кроме воспоминаний, все еще остающихся мучительными. Со мной произошло совершенно то же, что иногда продельывают авторы со своими героями: заставляют их заснуть и проснуться в новой обстановке с новыми людьми. Вот так и я внезапно был перенесен из Петербурга в полтавскую деревню. Резкость этой перемены есть для меня как бы наглядное, чувственное свидетельство призрачности и нереальности мира. Все проходит, колеблется, исчезает и когда оглядываешься назад, то затрудняешься различить — что в воспоминаниях действительность, и что только мечта.

У меня складывается свое собственное философское мировоззрение, в основе которого лежит Кантовское учение об идеальности пространства и времени; по-моему, сам Кант не вполне понимал зна-

чение этого своего гениального учения и не сделал всех выводов, которые из него проистекают.

Но вы не думайте, что я стал равнодушен к общественным вопросам или даже переменял свои взгляды. Ни того, ни другого. Человеческая комедия или трагедия не потеряла для меня своей занимательности — я чувствую себя более зрителем, чем действующим лицом.

Эта роль, впрочем, и более приличествует человеку мысли. Ужасно странно иногда натолкнуться на наши, еще столь недавние литературные упражнения в «Новом слове» или «Начале». Боже, как все это кажется давно и по-детски наивно! Как смешно встречать этот задорный самоуверенный тон, эти запальчивые нападения на литературных противников, эту наивную уверенность, что мы нашли, наконец, самую настоящую истину, и эта истина заключена в «Капитале» Маркса. Это впечатление произвело на меня перечитывание статей Ильина о Сисмонди, что мне было нужно для моей работы в «Мире божьем»¹⁸⁸. Так хотелось сказать — «маленький ты мальчик, не горячись, будь спокойнее, то, что тебе кажется верным, вовсе не так верно — жизнь неизмеримо сложнее, глубже, таинственнее, чем ты это себе представляешь».

И мне так смешно подумать, что те же лица и теперь с таким же азартом разносят «критиков» и поднимают страшную бурю в стакане воды.

Просматривал я также Прокоповича о Марксе¹⁸⁹; этот тоже старается выдвинуться и заставить говорить о себе и тоже разносит кого-то. По-моему, для человека мысли, с внутренним содержанием, самая приличная позиция — одиночество. Ничего не может быть ужаснее, как быть человеком партии.

Я вполне разделяю Ваш оптимизм и думаю, что мухи больше всего кусаются тогда, когда их лето приходит к концу. Я теперь вижу, что я в некоторых отношениях был неправ и уменьшал значение наших общественных сил. Марксистская страничка нашего общественного развития, по-видимому, приходит к концу — хотя нельзя, разумеется, не поручиться, чтобы наши «ортодоксы» не нашли себе подходящей среды для восстановления своего влияния, ибо люди ужасно глупы, и нет такой глупости, которой бы они не поверили, если им хочется верить.

Вы меня спрашиваете, что я буду делать? Читать, думать и писать. У меня опять проснулся интерес к широким задачам и как только кончатся мои «Очерки», я примусь за большую работу по истории социальных идей, которую давно задумал¹⁹⁰. Мои основные взгляды в социальной области нисколько не переменились.

Цензура отчаянно уродует мои (бывшие) «Очерки» и выкидывает все существенное. Очерк о Фурье совсем не пойдет, в очерках о Сен-Симоне и Оуэне оставлена только биография.

Книга, о которой Вы пишете, осталась среди Лидиных книг в шкафу у дверей моей комнаты на Лиговке. Я ее помню и найти ее нетрудно, так как все эти книги были в одном шкафу.

Относительно портрета Лиды не могу Вам помочь, так как здесь у меня только один портрет — остальные в Петербурге у А. А. Мне больше всего нравится последний портрет, переснятый после смерти с группы.

Повидаться нам было бы теперь очень трудно и придется отложить свидание до будущего.

Крепко жму руку Вашу и Нине Александровне.

Ваш М. Т.-Б.

Письмо № 3¹⁹¹

ТУТАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. — СТРУВЕ П. Б.

Дорогой Петр Бернгардович!

Я получил Ваше письмо из Флоренции на обратном пути в Россию, я уже не мог изменить своего маршрута. Вот почему я не мог заехать в Ниццу, чтобы повидаться с Вами.

Свидеться с Вами я также очень бы хотел, но теперь, когда я в России, можно было бы удобнее всего устроить наше свидание таким образом, чтобы Вы приехали ко мне в деревню, где я живу. Кстати, для Вас это будет представлять интерес и в том отношении, что Вы познакомитесь с местной земской жизнью. Нельзя сказать, чтобы эта жизнь особенно была ключом — но все же для понимания России знакомство с ней весьма важно.

Удивительно страшно подумать, что со времени наших журналов и вообще марксистского периода прошло 2–3 года. Кажется, будто все это было настолько давно — все настолько перемешалось, как будто все это не жизнь, а декорация в театре. Мои взгляды вообще

почти не испытывали перемены, но страшно изменилось отношение к жизни; вроде того, как если смотреть в противоположную сторону бинокля. Все кажется далеким-далеким и страшно маленьким; какие-то маленькие фигурки, которые очень похожи на людей, но по размерам вроде муравьев.

Я думаю писать большую работу о капиталистическом строе — т. е. на ту же тему, как и Зомбарт¹⁹², книги которого я пока не видал. Меня очень интересует философия, но писать на философскую тему я еще буду не скоро. Нужно еще выступить в качестве философа.

Посылаю Вам постановления кустарного съезда¹⁹³ — журналы еще, по-видимому, не вышли — по крайней мере здесь их нет. Когда выйдут журналы, перешлю их Вам.

Если вы не скоро вернетесь в Россию, то нам будет трудно встретиться. Как страшно будет увидеться через несколько лет! Вам, впрочем, не так уж страшно — Вы все время живете одной жизнью. А я уже живу третьей жизнью — первая от Лиды и Петербурга, вторые, десять лет Вы знаете, а теперь третья совсем новая. Но уже четвертой не будет.

Привет Нине Александровне. Крепко жму Вам руку.

М. Т.-Б.

Письмо № 4¹⁹⁴

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. — СТРУВЕ П. Б.

Дорогой Петр Бернгардович!

Не хотел уехать в Россию, не черкнув Вам два слова — только два слова потому, что обстоятельства так сложились, что я имею для написания письма не более десяти минут времени: ко мне должен через 10 минут прийти Зомбарт, а затем после обеда у него я еду в Россию.

Я никак не могу побывать у Вас в Париже, так как по разным обстоятельствам личного свойства старался по возможности сократить свое пребывание за границей. Приезжал же я затем, чтобы ждать свою книгу *Theoretische Grundlagen des Marxismus*, которая и выйдет у Dukker und Humblat.

Хотя я теперь очень отдалился от своих прежних друзей и знакомых, но, поверьте, они мне теперь дороже, чем прежде, и я отношусь к ним с большой теплотой.

Живется мне недурно — даже почти счастливо, хотя все же несколько грустно. Не думайте, что я так легкомысленен и могу без вся-

ких страданий перейти от одной жизни к другой. Нет, того что было, я никогда не забуду. Хотя у меня есть теперь одно новое сильное чувство — любовь к моему сыну, для которого я бы мог все отдать, даже свою научную деятельность, которая мне раньше была всего дороже.

Ну, до свидания. Когда приеду за границу следующий раз, непременно зайду к Вам. Поклон Нине Александровне. Всего хорошего и не поминайте меня лихом.

Ваш М. Т-Б.

Письмо № 5¹⁹⁵

ТУТАН БАРАНОВСКИЙ М. И. — СТРУВЕ П. Б.

Дорогой Петр Бернгардович!

Меня очень тронуло Ваше письмо. Я пережил и переживаю очень тяжелое время — хотя настроение как-то колеблется. Иногда становится совсем нестерпимо, иногда легче. По церковному поверью, душа после смерти сорок дней остается около тела, а потом отлетает. И у меня произошла какая-то перемена именно на 40 день. Три последующих дня мне было так невыносимо, что если бы это настроение упрочилось, то я не мог бы его перенести и уже думал о том, как покончить с собой. Но теперь, дня два мне вдруг стало легче.

Я думаю, что если бы Вы хотели, мы могли бы быть очень близки с Вами, так как наши общие взгляды на жизнь, на мир и на людей действительно очень близки. Я нисколько не изменил своих общественных убеждений, но мне теперь противна та ярмарка тщеславия, какой не может не являться всякая общественная деятельность. Теперь я читаю Канта, и получаю очень большое удовлетворение от чтения его «Критики чистого разума». Чтение это дается мне с большим трудом — я все перечитываю дважды, но в конце концов, все понимаю и предо мной как бы раскрывается новый мир. Еще меня теперь очень занимает вещь, в общественном мнении очень пошлая и вульгарная: спиритизм. Я был на сеансе одного профессионального медиума, который явно шарлатанил и морочил публику: тем не менее кроме очевидного обмана было, быть может, и нечто другое. Теперь я устраиваю другой сеанс, на котором возможность обмана будет устранена. Вероятно, не будет ровно ничего — если же будет, то ценность приобретенного таким путем познания громадная. Я никогда не говорил с Вами о мистицизме и не знаю, как Вы на это смотри-

те — но я всегда думал, что под густой оболочкой шарлатанства, обмана и самообмана в мистицизме скрывается какое-то таинственное зерно истины.

Я бы очень хотел, чтобы мы были с Вами друзьями. Для меня мир теперь представляется пустыней и полным одиночеством. Поэтому близкий человек получает особенную ценность.

Ваш М. Т-Б.

Письмо № 6¹⁹⁶

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. — СТРУВЕ П. Б.

Дорогой Петр Бернгардович!

Охотно посылаю Вам 3 экземпляра моих «Кризисов» для передачи их Бернштейну, Адольфу Брауну и Шмидту. Кстати, не перепутайте их — я сделал на каждом экземпляре соответствующие надписи на белой заглавной странице.

Статьи Ш. М. о моей книге я не читал и очень был бы Вам благодарен, если бы Вы выслали ее мне прямо в заказном письме. Только не посылайте всего номера журнала, ибо в этом случае он, наверное, до меня не дойдет, а отдельную статью я получу. Можно послать ее и так бандеролью.

Очень грустно, что Вы вернетесь еще не скоро. Нам бы с Вами следовало о многом поговорить; по-моему, теперь делается мало глупостей, которые следовало бы предотвратить. Вообще, в общественной жизни царит страшная неразбериха; жизнь развивается так быстро, а у лиц, берущихся ею руководить, нет никакого понимания ее причин. Это я в особенности говорю об «ортодоксах», с некоторыми произведениями которых я познакомился за последнее время. Они мнят себя наблюдателями, но в этом сказывается только их ограниченность и тупость. Я совершенно убежден, что с минувшим десятилетием навсегда закончилось кратковременное процветание русского марксизма. Теперь это покойники мир его праху!

Что же касается до противоположного лагеря — «Русского богатства»¹⁹⁷, то там столь же мало жизни. С уходом марксизма они решительно не знают, что им делать и с кем бороться. Они теперь торжествуют победу и думают, что пришла пора воскрешения даже таких мертвецов, как «субъективный метод» и пр. Вообще же в литературе чувствуется полное отсутствие статей, независимой мысли и энер-

гичного темперамента. Последнее, впрочем, имеется у ортодоксов с избытком, но зато по части мысли — отсутствие всякого присутствия. Все это очень грустно.

Что касается до меня лично, то я пока занят исключительно наукой. Мне хочется поскорее кончить со своими «Очерками»¹⁹⁸, чтобы приступить к большой работе, в которой хочу развить свои мысли, которые пока высказывал отрывочно, а иные и совсем еще не высказывал. Совершенно согласен с Вами, что торопливость очень вредила моим предшествовавшим работам и думаю теперь избежать этого греха. Теперь я как-то не склонен к торопливости — некуда спешить.

Поклон Нине Александровне.

Жму Вашу руку.

Ваш М. Т-Б.

Письмо № 7¹⁹⁹

ТУТАН-БАРАНОВСКИЙ М. И. — КУЗЬКО П. А. ²⁰⁰

Многоуважаемый Петр Авдеевич!

С большим интересом прочитал Ваше письмо.

Не только в Вас, как и вообще в теперешних «молодых» меня удивляет быстрота и решительность суждений о Канте. Вы считаете возможным просмотреть в короткое время и уже заранее составили о нем свое мнение, а я на него употребил целый год, перечитал «Критику чистого разума» семь раз, а прочие работы раза по четыре.

Не думайте при этом, что я вообще медленно работаю. Я не был на юридическом факультете и был исключен с естественного, но когда через год мне представилась возможность сдать экзамен, то я в три месяца прошел курс юридического и естественного факультета и сдал за этот срок кандидатский экзамен по обоим факультетам.

Вы, разумеется, не рассердитесь на меня за эти соображения. Я еще не стар, хотя уже и не молод — мне 42 года, но уже чувствую себя человеком другого поколения, и как всегда в этом случае склонен сравнивать новое поколение со старым к невыгоде первого. Но, право, молодежь теперь удивительно скоропалительна.

Вы лично находитесь в неблагоприятных условиях для работы, но те, кто вполне имеет возможность работать, предпочитают теперь выступать с готовыми суждениями.

Возьмите новейшую беллетристическую и публицистическую литературу — сколько в ней задора и, вместе, невежества.

Ваши философские соображения относительно вещи в себе производят обычное, господствующее представление, между прочим, выраженное и Спенсером.

Вещь в себе не похожа на наше представление о ней, но вызывает, своим воздействием извне, наше представление.

Это, по-моему, недостаточно продуманное кантианство. Недостаточно продуманное потому, что здесь молчаливо предполагается, что вещь в себе отчасти, все же, походит на наше представление, ибо заключена в форму пространства и времени. В сущности, это философия Локка²⁰¹. Если же ее дополнить Кантом, т.е. признать, что и пространство и время суть формы нашего восприятия, т.е., что прошлое, настоящее и будущее, далекое и близкое также субъективны, как субъективен зеленый и красный цвет, что объективно нет ни близкого, ни далекого, ни прошлого, ни будущего, то получается идеалистическое мировоззрение, отрицающее материальный мир. Объективный мир, конечно, существует — я считаю солипсизм²⁰² несообразностью, но объективный мир для меня есть только признание того, что мое сознание не исчерпывает всего мирового сознания.

Впрочем, на эти темы трудно писать, так как они требуют очень много места.

Что касается нашего спора о равноценности, то как же можно обосновать равноправность, как не равноценностью? Можно ли для блага человечества зажарить на костре ребенка.

Если нельзя, значит ценность всего человечества не больше, чем ценность ребенка, значит ценность ребенка бесконечна (ибо она не меньше ценности всего человечества), а бесконечность равна бесконечности. Будьте последовательны — если люди равноправны, значит они и равноценны.

На чистом нищезанстве нельзя основать социализма.

Ведь о равноценности можно говорить лишь в условном смысле конечно, люди не равны по своему достоинству, но я отношусь к ним, в известном отношении так, как если бы они были равноправными.

Всего хорошего,

Ваш М. Туган-Барановский

КОММЕНТАРИИ

Социальные основы кооперации

- ¹ Первое издание книги увидело свет в Москве в 1916 г., второе — в 1918 г., третье (последнее при жизни автора) — в 1919 г. Печатается по третьему изданию.
- ² *Пекер* (Пеккер, Resqueur) Константен (1801–1887) — французский социалист-утопист и экономист, весьма популярный во 2-й половине XIX в., а ныне почти забытый. Его концепция сочетала богословие и мораль христианства, традиции французских просветителей, элементы сенсимонизма и фурьеризма, самостоятельный анализ экономики капитализма и будущего общества. Главные произведения: «Новая теория социальной и политической экономии» (1842), «Республика Бога» (1844). Участвовал в революции 1848 г., был близок к Луи Блану. После установления Второй империи (1852) отошел от литературной и политической деятельности.
- ³ *Блан* (Blanc) Луи (1811–1882) — французский утопический социалист, журналист и историк, видный деятель революции 1848 г. во Франции. Полагал, что путь к обществу будущего — «организация труда», создание «общественных мастерских», сначала организуемых и субсидируемых демократическим государством, а затем превращающихся в самостоятельные самоуправляющиеся ассоциации. Будучи в 1848 г. членом правительства, пытался воплотить свои идеи в жизнь, но неудачно.
- ⁴ *Лассаль* (Lassale) Фердинанд (1825–1864) — знаменитый немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель (социал-демократического направления). Организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863–1875), главной задачей которого считал мирную политическую борьбу за введение всеобщего избирательного права. Видел возможность перехода к социализму в организации производственных ассоциаций рабочих, получающих государственные кредиты.
- ⁵ *Фурье* (Fourier) Шарль (1772–1837) — французский утопический социалист. Подверг резкой критике современный ему общественный строй и разработал проект нового гармоничного общества, в котором должны развернуться все человеческие способности. М. И. Туган-Барановский посвятил Фурье отдельный очерк (1901), позднее включенный им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма».

- ⁶ *Прудон* (Proudhon) Пьер Жозеф (1809–1865) — французский философ и политический деятель (социалист), теоретик анархизма. М. И. Туган-Барановский посвятил Прудону отдельный очерк (1902), позднее включенный им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма».
- ⁷ *Кабе* (Cabet) Этьен (1788–1856) — французский публицист и общественный деятель. Считал, что коммунизм может быть достигнут мирным путем посредством всеобщих выборов. Его роман «Путешествие в Икарию», вышедший в свет в 1840 г., описывал страну без армии, полиции и судей, с демократической системой выборов, уравнительным распределением материальных благ. Кабе удалось собрать большую сумму денег на устройство «икарийских» поселений в Америке, однако жизнь этих общин сопровождалась бесконечными внутренними конфликтами (в конечном итоге все они распались).
- ⁸ *Оуэн* (Owen) Роберт (1771–1858) — английский утопический социалист и промышленник, один из первых социальных реформаторов XIX в. Предпринял ряд неудачных попыток организации коммунистических колоний в Великобритании и США. М. И. Туган-Барановский посвятил Оуэну отдельный очерк (1901), позднее включенный им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма».
- ⁹ Любопытно, что на текстильной фабрике Р. Оуэна в Нью-Ланарке в числе множества других посетителей побывал и великий князь Николай Павлович (будущий император Николай II). Осмотр фабрики произвел такое сильное впечатление на великого князя, что он предложил Оуэну переселиться с рабочими в Россию и устроить там фабричную колонию по образцу Нью-Ланаркской, обещав предоставить в ее распоряжение землю и все необходимые средства. Однако Оуэн это предложение не принял.
- ¹⁰ Критика построений Р. Оуэна (и других утопистов) зачастую опиралась на «Басню о пчелах» английского философа Бернарда Мандевиля (1670–1733). В этом сатирическом произведении исчезновение пороков приводит общество к загниванию: пока пчелы грешили, улей процветал; обратившись к добродетели, он обнищал.
- ¹¹ *Годвин* (Godwin) Уильям (1756–1836) — английский писатель и публицист. Требовал отмены права собственности и всякой государственной власти. Его идеалом было общество мелких независимых производителей, организованных в небольшие общины.

- ¹² «Рабочие потребительские товарищества в Германии» (Берлин, 1910). Автор Пауль Гере (Göhre) — сначала пастор, затем известный деятель Социал-демократической партии Германии (СДПГ), автор книги «Как священник стал социал-демократом» и ряда работ по кооперации.
- ¹³ «Продамет» («Общество для продажи изделий русских металлургических заводов») — крупнейшая монополия в промышленности Российской империи. Синдикат возник на основе ряда соглашений и договоров в 1902 г. в южном промышленном районе, финансировался французскими, немецкими, бельгийскими и русскими (Азовско-Донской, Международный и др.) банками. Постепенно монополизировал сбыт листового и сортового железа, осей, балок, чугунных труб, рельсов. К 1914 г. объединял около 90 % металлургических заводов страны (кроме уральских) и сосредоточил свыше 85 % общероссийской продажи черных металлов. В 1918 г. синдикат был национализирован советским правительством.
- ¹⁴ *Отпенгеймер* (Oppenheimer) Франц (1864–1943) — немецкий экономист и социолог, представитель социальной школы. Рассматривал капитализм как систему распределительных отношений в сфере обращения, прибыль капиталиста — как результат неэквивалентного обмена. Выдвинул программу преобразования общества на некапиталистической основе путем устранения крупного землевладения и создания кооперативных товариществ. Считал, что такие товарищества, первоначально возникнув в сельском хозяйстве, вследствие своих преимуществ постепенно вытеснят капиталистические предприятия.
- ¹⁵ *Шульце-Делич* (Schulze-Delitzsch) Франц Герман (1808–1883) — немецкий экономист и политический деятель (либерального направления). С 1849 г. развернул среди немецких рабочих и ремесленников кампанию за создание кооперативных товариществ и ссудно-сберегательных касс, видел в них единственный путь избавления от нужды. Кооперация, по мнению Шульце-Делича, должна объединять представителей всех классов; цель ее — осуществление социального мира в рамках существующего общества.
- ¹⁶ *Рин* (Riehn) Рейнольд — немецкий общественный деятель и исследователь. М. И. Туган-Барановский цитирует его работу «Потребительные общества в Германии» (Штутгарт, 1902).
- ¹⁷ *Ольдгам* (Oldham) — город в английском графстве Ланкастер, в 11 км от Манчестера. В конце XIX в. там были многочисленные текстильные фаб-

- брики и машиностроительные предприятия, а также каменноугольные шахты.
- 18 Грабари — строительные рабочие, готовившие искусственные насыпи (например, для укладки шпал и рельс при строительстве железной дороги).
 - 19 *Эльм* (Elm) Адольф фон (1857–1916) — деятель немецкого рабочего и кооперативного движения, депутат рейхстага от Социал-демократической партии Германии. Автор многих статей по профсоюзным и кооперативным вопросам.
 - 20 *Тампсон* (Thompson) Уильям (ок. 1785–1833) — ирландский социолог и экономист, социалист-утопист, последователь Р. Оуэна. Подчеркивая неизбежность перехода «общественного капитала» в руки рабочих, полагал, что этот процесс может быть осуществлен мирным путем без ликвидации частной собственности.
 - 21 В работе конгресса участвовали представители кооперативных обществ самого Манчестера и его пригородов, а также Рочделя, Ливерпуля, Болтона и пр. Любопытно, что в том же 1831 г. ссыльные декабристы в Сибири создали артель, устав которой получил официальное одобрение (эта артель иногда рассматривается как первый российский кооператив).
 - 22 «Кооперация и социализм в Англии в 20-х и 30-х годах XIX столетия» (1912). Эта работа российского исследователя Л. Пумпянского получила очень высокую оценку зарубежных специалистов, в том числе Б. и С. Вебб.
 - 23 Тред-юнионизм — встречающееся в литературе название движения тред-юнионов (профсоюзы в Великобритании и ряде других англоязычных стран). В более узком смысле данный термин обозначает течение в рабочем и профсоюзном движении и одну из форм реформистской идеологии, ограничивающие задачи рабочего движения рамками профсоюзной борьбы за установление более выгодных условий труда, улучшение экономических и правовых условий для рабочих (прежде всего, объединенных в профсоюзы).
 - 24 Чартизм (от *англ.* charter — хартия) — первое массовое рабочее движение в Великобритании в 1830–1850-е гг. Требования чартистов были изложены в виде законопроекта («Народная хартия», 1838). В 1840 г. была основана Национальная чартистская ассоциация. В 1840, 1842, 1848 гг. чартисты вносили в парламент петиции с требованием введения всеоб-

щего избирательного права (для мужчин), тайного голосования на выборах в парламент, оплаты труда парламентариев, ограничения рабочего дня, повышения зарплаты и др.; все петиции были отвергнуты. После 1848 г. чартизм вступил в полосу упадка.

²⁵ *Галейок* (Холиок, Holoake) Джордж Джакоб (1817–1906) — пропагандист идей кооперации. Был сыном рабочего и в молодости сам работал в чунолотейной мастерской, затем познакомился с учением Роберта Оуэна, стал его последователем, но позже от идей Оуэна отошел. В 1843 г. выступил с лекцией перед рабочими города Рочдель и рекомендовал открыть потребительскую лавку на кооперативных началах (и через несколько месяцев было основано общество «рочдельских пионеров»). Основным принцип, который выдвигал в своих выступлениях, — «кооперация вместо конкуренции». Редактировал кооперативные журналы, написал историю «рочдельских пионеров», а также двухтомный труд «История кооперации».

²⁶ «История немецкой кооперации нового времени» (Лейпциг, 1893).

²⁷ *Грей* (Gray) Джон (1854–1912) — деятель британского и международного кооперативного движения, генеральный секретарь Кооперативного союза Великобритании в 1890–1912 гг., председатель I конгресса Международного кооперативного альянса (МКА) в Лондоне в 1895 г., почетный секретарь МКА. М. И. Туган-Барановский упоминает речь Дж. Грея на конгрессе Кооперативного союза Великобритании в Бирмингеме в 1906 г.

²⁸ Автор упоминает христианских социалистов и деятелей кооперативного движения в Великобритании Чарльза *Кингсли* (1819–1875), Фредерика Мориса (1805–1872), Эдуарда Венситарта *Нила* (1810–1892), Томаса *Юза* (1822–1896).

²⁹ Беатриса Поттер более известна как Беатриса Вебб (см. комм. 51).

³⁰ Копартнершип — участие рабочих в прибылях предприятия и управлении им (например, через приобретение акций). Проповедником коопартнершипа в Великобритании был Э. Нил, первый генеральный секретарь Кооперативного союза Великобритании (1873–1891) и президент созданной в 1884 г. «Ассоциации коопартнершипа».

³¹ *Карлейль* (Carlyle) Томас (1795–1881) — английский писатель и философ. В своей книге «Чартизм» (1839) призывал аристократию извлечь урок из французской революции, обеспечив массам мудрое руководство — залог процветания и спокойствия.

- ³² *Митчел* (Mitchel) Джон (1828–1895) — деятель английской кооперации, один из основателей английского Общества оптовых закупок.
- ³³ См. комм. 12.
- ³⁴ Здесь «туземный» — в значении «местный».
- ³⁵ *Мюллер* (Müller) Ганс — деятель швейцарского и международного кооперативного движения начала XX в., теоретик политической и классовой нейтральности кооперативного движения. Многие его работы были переведены и изданы в России: «Как основать и вести потребительское общество» (СПб., 1909); «Теория классовой борьбы и принцип нейтралитета кооперативного движения» (СПб., 1909); «Настоящее и будущее потребительской кооперации» (М., 1911) и др.
- ³⁶ *Прокопович* Сергей Николаевич (1871–1955) — российский экономист, публицист и политический деятель. Первоначально умеренный социал-демократ (один из лидеров «экономизма»), затем либерал. После Февральской революции 1917 г. во Временном правительстве министр торговли и промышленности (август) и министр продовольствия (сентябрь–октябрь). После октября 1917 г. неоднократно арестовывался, в 1922 г. выслан из Советской России. Активный участник кооперативного движения в России, автор работы «Кооперативное движение в России. Его теория и практика» (М., 1918).
- ³⁷ Имеется в виду утвержденное Временным правительством 20 марта 1917 г. Положение о кооперативных товариществах и их союзах — первый в стране специальный закон о кооперации. Новый закон был весьма прогрессивен и, в частности, устранил действовавшую ранее разрешительную систему: после вступления закона в силу каждое кооперативное товарищество могло свободно возникнуть, выработать для себя устав и предоставить его в окружной суд для регистрации; суд рассматривал устав только с формальной стороны, т.е. решал вопрос о том, соответствует ли он закону, или нет. Новый закон также разрешал товариществам вступать в союзы и образовывать новые, причем в состав союза могли входить как однородные, так и разнородные товарищества. «Положение» с некоторыми изменениями и добавлениями действовало в Советской России практически все первое послереволюционное десятилетие.
- ³⁸ *Хейсин* Миней Леонтьевич (1871–1924) — социал-демократ, экономист, один из первых историков российской кооперации, автор многочисленных работ по теории и практике работы кооперативных учреждений.

- ³⁹ Московский Союз потребительских обществ (МСПО) стал всероссийским центром этого вида кооперации (и крупнейшим союзом российских кооператоров). В 1903 г. МСПО вступил в Международный кооперативный альянс (МКА). В 1917 г. переименован во Всероссийский центральный союз потребительских обществ (Центросоюз), под названием «Центральный союз потребительских обществ РФ» (Центросоюз РФ) существует и в настоящее время.
- ⁴⁰ *Вивиан* (Vivian) Генри — английский политический деятель, член парламента, либерал. Активный участник кооперативного движения, выступал за создание кооперативов квартирнанимателей и развитие коопартнершипа (многолетний фактический руководитель созданной в 1884 г. «Ассоциации коопартнершипа»).
- ⁴¹ Идея «города-сада» появилась в Англии в конце XIX в. (Э. Говард) и получила значительное распространение, в том числе и в России. Это была идея возведения новых автономных, самодостаточных и самоуправляемых поселений за чертой существующих городов.
- ⁴² Под псевдонимом «А. В. Глебов» печатался Александр Васильевич Меркулов — экономист, видный деятель кооперативного движения, автор многочисленных работ по кооперации.
- ⁴³ *Бюше* (Buche) Филипп Жозеф (1796–1865) — французский политический деятель, историк, один из идеологов христианского социализма. Выдвинул план создания с помощью государства производственных товариществ рабочих, по известному выражению С. и Б. Вебб — «отец французской кооперации».
- ⁴⁴ *Сен-Симон* (Saint-Simon) Клод Анри (1760–1825) — французский социалист-утопист. Отказался от графского титула, дворянства и богатства. В своих трудах обосновывал неизбежность мирного перехода от капитализма к «индустриализму» (социализму). Взгляды Сен-Симона и его последователей оказали существенное влияние, с одной стороны, на К. Маркса, а, с другой — на основателя позитивизма и «отца социологии» О. Конта (ученика Сен-Симона). М. И. Туган-Барановский посвятил Сен-Симону и его ближайшим последователям отдельный очерк (1901), позднее включенный им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма».
- ⁴⁵ *Тьер* (Thiers) Луи Адольф (1797–1877) — знаменитый французский политический деятель и историк. Автор трудов по истории Великой французской революции. При Июльской монархии (1830–1848) — несколько

- раз премьер-министр Франции, депутат Учредительного собрания 1848 г. Руководил разгромом Парижской Коммуны 1871 г. Первый (временный) президент французской Третьей республики (1871–1873).
- 46 Имеется в виду I Интернационал (Международное товарищество рабочих, 1864–1876).
- 47 I (Женевский) конгресс Интернационала состоялся в 1866 г. Присутствовало 60 делегатов от Генерального Совета Товарищества, различных секций и рабочих обществ Великобритании, Германии, Франции и Швейцарии.
- 48 Мамонизм (маммонизм) — страсть к накоплению материальных богатств. В Новом Завете слово «маммона» обозначает «богатство» и олицетворяет богачей.
- 49 Пауперизм (от лат. *pauper* — бедный) — массовая бедность, обнищание.
- 50 Фабианское общество (Fabian Society) — организация английских интеллектуалов умеренно-социалистического направления. Основано в 1884 г., в состав общества вошли видные деятели английской культуры (в их числе драматург Б. Шоу, писатель-фантаст Г. Уэллс, С. и Б. Вебб и др.). Организаторы общества назвали его по имени древнеримского полководца Фабия Максима Кунктатора (Медлительного), известного выжидательной, медлительной тактикой в борьбе с Ганнибалом. Считая социализм неизбежным результатом экономического развития, фабианцы признавали лишь эволюционный путь развития, отрицали революцию («социальные катаклизмы»). После создания Лейбористской партии в 1900 г. Фабианское общество вошло в ее состав, сохранив свою организацию; вплоть до настоящего времени играет в партии роль интеллектуального центра, разрабатывающего программные и тактические основы лейборизма.
- 51 Вебб (Уэбб, Webb) Сидней и Беатриса (супруги с 1892) — английские экономисты и общественные деятели, историки английского рабочего движения, теоретики тред-юнионизма и «фабианского социализма». Сидней Вебб (1859–1947) был одним из организаторов и руководителей «Фабианского общества», в 1920-е гг. занимал различные министерские должности. Беатриса Вебб (до замужества Поттер, Potter) (1858–1943) изучала условия труда рабочих на лондонских предприятиях, была членом ряда правительств, комиссий по вопросам безработицы и положения женщин. Произведения Сиднея и Беатрисы Вебб (большинство из них написано совместно) проникнуты идеями фабианства и социал-

реформизма. Вебб считали осуществимым переход к социализму путем постепенного роста кооперативной и муниципальной собственности, активизации профсоюзного движения и развития местного самоуправления. Труды Вебб отличались обилием фактического материала по истории английского рабочего движения, что обусловило широкий интерес к ним со стороны многих мыслителей, в том числе совершенно не разделявших теоретических установок авторов (включая В. И. Ленина). В 1932 г. Вебб посетили СССР и в 1935 г. издали книгу «Советский коммунизм — новая цивилизация?», написанную в благожелательном по отношению к советской действительности тоне (в 1937 г. книга была издана в СССР).

⁵² «Участие рабочих в прибыли и управлении в британских производственных кооперативах» (Штутгарт, 1912). Автор — Губер (Huber) Виктор-Эме — один из «отцов» германской кооперации, пропагандист опыта «рочдельских пионеров».

⁵³ «Ремесленные производственные кооперативы в Германии» (Мюнхен, 1913).

⁵⁴ Первый Всероссийский кооперативный съезд состоялся в Москве в 1908 г.

⁵⁵ Этот вывод в целом сохраняет свою актуальность и сегодня, хотя имеются примеры успешно функционирующих производственных кооперативов. Наиболее интересен опыт испанской федерации кооперативных предприятий «Мондрагон». Созданная в 1956 г., она ныне объединяет более 160 фирм, на которых занято более 68 тысяч работников. В 2003 г. общий оборот «Мондрагона» превысил 9 млрд. евро, прибыль — 410 млн. В Испании предприятия «Мондрагона» являются лидерами в производстве бытовых электроприборов и станков и третьими по величине в Европе поставщиками запчастей для автомобилей. Работники предприятий федерации имеют самые высокие в Испании заработки. Отчисления из прибыли на развитие и модернизацию производства разносятся по личным счетам работников пропорционально их трудовому вкладу, входят в их пай. С этих паев работники получают проценты не ниже средних банковских, а при уходе с работы или выходе на пенсию получают денежную стоимость своих паев. Работники избирают менеджеров всех уровней.

⁵⁶ Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах (КССПТ) был создан в 1871 г. по инициативе видных земских дея-

телей при Московском обществе сельского хозяйства; почти одновременно было также создано Санкт-Петербургское отделение комитета, которое и стало впоследствии играть главную роль в развитии кооперации в России, превратившись в ее научный, организационный и методический центр.

- 57 *Кауфман* (Kaufmann) Генрих — руководитель потребительских обществ в Германии в начале XX в., выступал за нейтралитет и беспартийность кооперации. На русском языке была издана его книга «Теория потребительской кооперации» (СПб., 1912).
- 58 *Каутский* (Kautsky) Карл (1854–1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала, центрист.
- 59 «Рабочие и арендные кооперативы Италии» (Йена, 1913).
- 60 Эта железная дорога между городами Реджо-нель-Эмилия и Чано-де-Энца была построена в 1907 г. консорциумом производственных кооперативов провинции Реджо-Эмилия.
- 61 *Вольф* (Wolf) Генри Виллиам — деятель английского и международного кооперативного движения. В 1896–1909 гг. — председатель Международного кооперативного союза. На русском языке была опубликована его книга «Кооперативные товарищества в Италии» (СПб., 1904).
- 62 *Райффайзен* (Raiffeisen) Фридрих Вильгельм (1816–1888) — идеолог и практик сельскохозяйственной кредитной кооперации в Австрии и Германии. Родился в немецкой земле Вестфалия, в городке Гамм, в бедной семье мелкого фермера (был седьмым из девяти детей). Из-за болезни оставил карьеру военного и начал работать в администрации г. Кобленц, затем был бургомистром нескольких небольших городков. В 1862 г. вышел в отставку, посвятив свое время и силы преимущественно развитию кооперации. К моменту смерти Райффайзена в Германии существовало 425 созданных им обществ, в Австрии — около 120. Является основателем банковской группы «Райффайзен», которая с 1996 г. работает и в России.
- 63 «Общества ссудных касс».
- 64 Имеется в виду работа: Косинский В. А. Учреждения для мелкого кредита в Германии. М., 1901.
- 65 «Ф. В. Райффайзен в его жизни, мыслях и поступках» (Берлин, 1902).
- 66 Имеется в виду работа: Анцыферов А. Н. Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции (Воронеж, 1909). Автор — известный русский экономист, специалист по кооперации (упомянутая работа является его магистерской диссертацией).

- ⁶⁷ Роберт де Рокини — активный деятель французского и международного кооперативного движения, последовательный противник социалистических идей. На русском языке была издана его книга «Союзы в сельском хозяйстве» (М., 1907), которая содержит много ценных указаний по организации сельскохозяйственных кооперативов.
- ⁶⁸ В «молочном деле» (и некоторых других отраслях сельскохозяйственного производства) кооперативы сохранили свои ведущие позиции в большинстве западных стран вплоть до настоящего времени — так, в той же Дании кооперативам сегодня принадлежит свыше 90 % переработки молочной продукции.
- ⁶⁹ В 1907 г. в Румынии вспыхнуло массовое восстание крестьян, вызванное в первую очередь малоземельем. Восставшие пытались овладеть крупнейшими городами страны (включая Бухарест), но были рассеяны регулярными войсками (погибло около 11 тыс. повстанцев). После этих событий правительство передало крестьянам приблизительно 4 млн. га земли (в наделах от 1 до 61 га), но помещики сохранили за собой около 3 млн. га.
- ⁷⁰ «Экономическое и социальное значение сельских кооперативов в Германии». Автор Макс Грабейн — известный деятель германской кооперации в 1890–1900-е гг., генеральный секретарь Имперского союза.
- ⁷¹ Вопрос о выгоде кооперации для крупных сельских хозяев вызывал в начале XX в. ожесточенные споры. В. И. Ленин и некоторые другие левые публицисты полагали, что «благами товариществ <...> пользуются главным образом капиталисты» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 228–229. Курсив автора). Напротив, либеральные авторы указывали, что кооперация приносит наибольшую пользу мелким сельским хозяевам. М. И. Туган-Барановский, как видно из текста работы, занимал в этом вопросе промежуточную позицию.
- ⁷² Манчестерство (по названию г. Манчестер) — направление экономической мысли, представители которого требовали полного невмешательства государства в хозяйственную жизнь.
- ⁷³ «Земля» (1887).
- ⁷⁴ Лугинин Святослав Федорович (1838–1866) принадлежал к известной династии уральских предпринимателей. Изучив политическую экономию в Гейдельбергском университете и находясь под впечатлением успехов кооперации в Германии, пришел к выводу, что в России также необходимо создать товарищества, предоставляющие дешевый кре-

дит, — по образцу уже существующих в Германии и в других странах Европы кредитных учреждений. Первое такое товарищество было создано Лугининым в его имении в Ветлужском уезде Костромской губернии. После скоропостижной смерти Лугинина (ему было всего 29 лет) его дело продолжил старший брат Владимир Федорович Лугинин (1834–1911), известный ученый (в области термохимии) и общественный деятель. В 1869 г. В. Ф. Лугинин совместно с Н. П. Коллюпановым опубликовал книгу «Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ», в которой был помещен полный текст «Устава Рождественского ссудного товарищества» и обобщен первый опыт его функционирования. В 1870 г. по просьбе земских деятелей В. Ф. Лугинин совместно с А. В. Яковлевым опубликовал еще одну книгу — «Сельские ссудные товарищества (их устройство и назначение)». Эти издания сыграли очень важную роль в популяризации идеи кооперации в России.

⁷⁵ Инициатива принадлежала Николаю Васильевичу Верещагину (1839–1910), старшему брату известного художника В. В. Верещагина, который привлек к новому делу своих сослуживцев по военно-морскому флоту Г. А. Бирюлева и В. И. Бландова (будущего крупного маслопромышленника). Впоследствии Н. В. Верещагин разработал свою технологию производства масла из «кипяченных» сливок и реализовал ее на Вологодчине (знаменитое «вологодское масло»).

⁷⁶ *Чайковский* Николай Васильевич (1850–1926) — российский общественный и политический деятель, «дедушка русской революции». В начале 1870-х гг. — революционный народник (кружок «чайковцев»). В 1874–1907 гг. в эмиграции, увлекался идеями «богочеловечества», участвовал в организации религиозно-коммунистических колоний в США. В 1904–1910 гг. член партии эсеров. После возвращения в Россию активно участвовал в кооперативном движении. В годы Первой мировой войны «оборонец», один из руководителей Всероссийского союза городов. После Февральской революции — народный социалист, после прихода к власти большевиков — их последовательный противник, глава антибольшевистского правительства в Архангельске. С 1920 г. в эмиграции.

⁷⁷ Любопытна дальнейшая судьба Московского народного банка (МНБ). 2 декабря 1918 г. был принят декрет Совнаркома РСФСР «О национализации Московского народного банка и кредитовании кооперации». Мо-

сковский офис МНБ превратился в кооперативный отдел Государственного банка. Британский филиал в 1919 г. был зарегистрирован в лондонском Сити как английский банк, лицензированный Банком Англии. После официального признания британскими властями Советского Союза и подписания англо-советского торгового соглашения МНБ в 1924 г. был включен в новую советскую банковскую систему. Система советских коммерческих банков на протяжении существования СССР обслуживала внешнеэкономические связи страны. В постсоветской России МНБ стал участником банковской группы Внешторгбанка (ВТБ), в 2006 г. переименован в «ВТБ Банк Европа».

- ⁷⁸ Следует добавить, что до возникновения Союза около 90 % сибирского масла попадало в руки частных экспортных контор. С появлением Союза началась жесткая конкурентная борьба за рынок сбыта. Частные противники тратили большие средства для уничтожения Союза. Только крупная датская фирма «Сибирская компания» тратила по полмиллиона рублей в год на борьбу с Союзом. Однако Союз, руководимый А. Н. Балакшиным, смог разорить многих конкурентов на зарубежном рынке. Экспорт кооперативного масла давал России в 1911–1914 гг. больше экспортной выручки, чем экспорт золота.
- ⁷⁹ Всероссийский кооперативный съезд состоялся в Москве 25–27 марта 1917 г. Съезд одобрил политику Временного правительства. Для руководства неторговой деятельностью кооперации был избран Совет Всероссийских кооперативных съездов (Н. А. Каблуков, С. Л. Маслов, А. В. Меркулов, В. Н. Зельгейм, А. В. Чаянов, В. В. Хижняков и др.).
- ⁸⁰ Первый всероссийский съезд рабочей кооперации представлял 124 организации и 511 тыс. членов. На нем в августе 1917 г. был избран Всероссийский совет рабочих кооперативов.
- ⁸¹ Приведенные факты противоречат тезису автора, что «в области производства в силу технических условий крестьянское производство оказывается значительно более производительным, чем капиталистическое». (С. 340.)
- ⁸² М. И. Тутан-Барановский отождествляет здесь помещичьи хозяйства с капиталистическими и противопоставляет им крестьянские (трудовые) хозяйства, что не вполне правомерно. В помещичьем землевладении сохранялись пережитки крепостнического строя; с другой стороны, капитализм интенсивно развивался на основе крупных крестьянских хозяйств.

- ⁸³ Освобождение от крепостного права 19 февраля 1861 г.
- ⁸⁴ Многие современники весьма однозначно воспринимали помещичьи хозяйства как деградирующие (символическим маркером для такой трактовки стал «Вишневы сад» А. П. Чехова); данный тезис разделяли и большинство советских и зарубежных историков, занимавшихся аграрной проблематикой. Однако американский историк Сеймур Беккер поставил этот тезис под сомнение (Becker S. *Nobility and Privilege in Late Imperial Russia*. Northern Illinois Univer. Press, 1985. Русское издание: Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004). Согласно С. Беккеру то, что большинство дворян после освобождения крестьян избавилось от своей земли, было проявлением отнюдь не непрактичности, а, напротив, здоровой способности приспосабливаться к радикально переменившимся социальным и экономическим обстоятельствам. Меньшинство же, сохранившее связи с землей, вовсе не состояло из беспомощных собственников, живших в долг и постепенно разорявшихся в ожидании, когда их имения будут проданы с молотка. Они, особенно владельцы средних и крупных имений, перестроили хозяйство и постепенно превратились в экономически и политически влиятельную общественную группу.
- ⁸⁵ Это предупреждение осталось не услышанным: конфискация и последующий раздел помещичьих земель и большинства крупных частных крестьянских наделов уничтожили основной источник продовольствия для городского населения. По замечанию Р. Пайпса, «одной этой причины было бы достаточно, чтобы объяснить жестокую нехватку продовольствия, возникшую после большевистского переворота» (Пайпс Р. *Русская революция*. М., 1994. Т. 2. С. 410).
- ⁸⁶ «Трудящиеся классы и ассоциации в Германии» (Лейпциг, 1858). Брошюра была написана Шульце-Деличем как программа к первому съезду представителей основанных им или по его системе товариществ, который состоялся в Веймаре в 1859 г.
- ⁸⁷ *Родбертус* (Родбертус-Ягецов, Rodbertus-Jagetzow) Карл Иоганн (1805–1875) — немецкий экономист, один из основоположников теории «государственного социализма». М. И. Туган-Барановский считал Родбертуса представителем «критического социализма» (наряду с Прудоном и Марксом) и посвятил ему отдельный очерк (1902), позднее включенный в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма».

- ⁸⁸ Женевский конгресс I Интернационала (1866) принял в качестве резолюции раздел «Кооперативный труд» из написанной К. Марксом «Инструкции делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 199–200).
- ⁸⁹ Коммандитное товарищество (или «товарищество на вере») — товарищество, в котором наряду с участниками, осуществляющими от его имени предпринимательскую деятельность и отвечающими по обязательствам товарищества своим имуществом (полными товарищами), имеется один или несколько участников-вкладчиков (коммандитистов), которые несут риск убытков, связанных с деятельностью товарищества, в пределах сумм внесенных ими вкладов и не принимают участия в осуществлении товариществом предпринимательской деятельности.
- ⁹⁰ «Шульце-дельчевская кооперация» (Берлин, 1909).
- ⁹¹ Партия свободомыслящих (прогрессистов) — леволиберальная оппозиционная партия в Германской империи, объединявшая часть политически активных служащих, мелких предпринимателей, ремесленников, рабочих.
- ⁹² Дисконт векселя — 1) покупка векселя до истечения срока его действия по цене ниже номинала; 2) в банковской практике: учетный процент, взимаемый банками при покупке (учете) векселей. Контокоррент — 1) единый банковский счет, на котором учитываются все операции с данным клиентом. Служит как для хранения вкладов, так и для осуществления расчетов клиента, представляет сочетание текущего счета со ссудным счетом, единый дебетово-кредитовый расчетный счет; 2) активный счет, открываемый физическими и юридическими лицами своим постоянным клиентам для взаимных расчетов по совершаемым между ними сделкам.
- ⁹³ «Отечественные записки» — русский литературный журнал, выходивший в Санкт-Петербурге в 1818–1884 гг. (с перерывами). В 1868–1884 гг. выражал интересы революционно-демократической интеллигенции, в 1884 г. закрыт правительством.
- ⁹⁴ «Хозяйственное значение мелкокустарной кооперации» (Галле, 1912).
- ⁹⁵ Распылилось.
- ⁹⁶ «Английские кооперативные общества» (Париж, 1905). Автор Жозеф Сернссон написал книгу после поездки по основным кооперативным центрам Великобритании и детального изучения британского опыта.

- ⁹⁷ *Анзееле* (Анзеле, Анзель, Ансель, Anseele) Эдуард — бельгийский писатель и политический деятель (социалист), активный деятель кооперативного движения в Бельгии (в 1880-х гг. организовал крупный кооператив «Вперед» и до 1914 г. руководил им). После Первой мировой войны неоднократно был министром в бельгийском правительстве.
- ⁹⁸ Имеется в виду VIII (Копенгагенский) конгресс II Интернационала. Конгресс обсудил вопрос о взаимоотношениях кооперации и политических партий и образовал кооперативную комиссию из 75 представителей от партий 20 стран. В комиссии имели место острые споры между теми, кто отстаивал «нейтралитет» кооперации (проект одного из лидеров французских социалистов Ж. Жореса) и сторонниками охвата кооперативных обществ социал-демократическим влиянием (В. И. Ленин, Ж. Гед и др.). Принятая конгрессом резолюция носила компромиссный характер.
- ⁹⁹ Товарный фетишизм (от фр. *fetich* — фетиш, идол) — овеществление производственных отношений между людьми в условиях товарного производства, основанное на частной собственности. Сущность товарного фетишизма состоит в том, что стихия общественных отношений, господствующая над людьми, внешне выступает в виде господства над ними определенных вещей. Отсюда — мистическое отношение к товару как к сверхъестественной силе, порождаемое товарной формой, прикрывающей зависимость товаропроизводителей от рынка. К. Маркс отмечал, что «этот фетишистский характер товарного мира порождается...» своеобразным общественным характером труда, производящего товары» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 82). См. об этом также настоящее издание, с. 545.
- ¹⁰⁰ Конечно, возможны и иные трактовки описанного поведения (например, стремление к самореализации в предпринимательской деятельности).

Маркс

Впервые очерк опубликован в журнале «Мир Божий» (СПб., 1902. № 7–9), впоследствии включен М. И. Туган-Барановским в сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализм». Печатается по тексту седьмого издания «Очерков...» (Харьков, 1919. С. 217–259).

- ¹⁰¹ Эти перефразированные слова великого итальянского поэта Данте Алигьери (1265–1321) из поэмы «Божественная комедия» («Чистилище»,

песнь V) К. Маркс привел в предисловии к первому изданию первого тома «Капитала», характеризуя свое отношение к общественному мнению.

¹⁰² *Замбарт* (Sombart) Вернер (1863–1941) — немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры. В молодости испытал влияние К. Маркса, но позже отошел от марксизма. Полемизируя и с К. Марксом, и с М. Вебером, связывал генезис капитализма с множеством различных социальных и психологических факторов.

¹⁰³ *Либкнехт* (Liebknecht) Вильгельм (1826–1900) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Последовательно проводил революционную линию, действуя в соответствии с лозунгом «никаких компромиссов с реакцией». В период действия «Исключительного закона против социалистов» (1878–1890) — один из организаторов подполья, после отмены закона — главный редактор центрального органа германской социал-демократии «Vorwärts». Автор книги «Воспоминания о Карле Марксе».

¹⁰⁴ *Бауэр* (Bauer) Бруно (1809–1882) — немецкий философ, младогегельянец. Отвергая гегелевскую абсолютную идею, объявил абсолютным самосознание и считал движущей силой истории умственную деятельность «критических личностей». Дал радикальную критику евангелий, отрицал реальность Иисуса Христа. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли критическому анализу взгляды Бауэра в сочинениях «Святое семейство» и «Немецкая идеология». К концу жизни стал сторонником германского рейхсканцлера О. Бисмарка.

¹⁰⁵ *Эпикур* (342/341–271/270 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель эпикуреизма. Написал около трехсот сочинений, но до наших дней сохранились очень немногие из них. Философия Эпикура носит ярко выраженный практический характер и подчинена единой цели — научить человека как достичь счастливой, блаженной жизни, свободной от страданий тела и смятения души. Эпикур во многом опирался на натурфилософию досократиков и на атомизм Демокрита, но К. Маркс в своей докторской диссертации указал на принципиальные различия между учениями Эпикура и Демокрита.

¹⁰⁶ *Фейербах* (Feuerbach) Людвиг (1804–1872) — немецкий философ-гуманист, материалистические идеи которого повлияли на становление взглядов К. Маркса. Историко-философское значение творчества Фейер-

баха определяется фундаментальностью поставленных им проблем безрелигиозной морали, поскольку он истолковывал религию лишь как отчуждение человеческого духа, результат зависимости человека от стихийных сил природы и общества. Осознание обезбоженности мира впоследствии обрело трагизм, но сам Фейербах был последователем просветительства и оптимистом.

¹⁰⁷ «Рейнская газета» (нем.; полное название: «Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности»). Выходила в Кёльне в 1842–1843 гг.

¹⁰⁸ *Руге* (Ruge) Арнольд (1802–1880) — немецкий философ и публицист, младогегельянец. Совместно с К. Марксом издавал в Париже «Немецко-французский ежегодник», однако к коммунистическим взглядам Маркса отнесся отрицательно. Во время революции 1848–1849 гг. — депутат Франкфуртского национального собрания, принадлежал к его левому крылу. В конце жизни стал сторонником О. Бисмарка и национал-либералом.

¹⁰⁹ «Немецко-французский ежегодник» — журнал, издававшийся в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге. Вышел в свет только один (сдвоенный, первый) выпуск (февраль 1844). В нем были опубликованы некоторые письма К. Маркса за 1843 г. и его работы «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также работы Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии». Эти произведения ознаменовали окончательный переход Маркса и Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

¹¹⁰ «Социализм и коммунизм современной Франции» (Лейпциг, 1842). Автор — Лоренц Штейн (Stein) (1815–1890), знаменитый немецкий юрист, государствовед и экономист. Указанная книга является первым опытом исторического изучения социализма и его научной критики.

¹¹¹ «Положение рабочего класса в Англии» (работа Ф. Энгельса, написанная им в сентябре 1844 — марте 1845 г.).

¹¹² «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К⁰».

¹¹³ *Гизо* (Gizot) Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) — французский историк и государственный деятель периода Июльской монархии (1830–1848). Один из создателей теории, согласно которой классовая борьба признавалась главным двигателем исторических событий. Его исторические труды, блестящие лекции в Сорбонне оказали большое влияние на раз-

витие исторической мысли в Европе и на состояние общественного самосознания в 1820–1840-е гг. В 1840–1848 гг. Гизо возглавлял Министерство иностранных дел Франции.

¹¹⁴ «Вперед» (немецкая газета, выходила в Париже в 1844 г.).

¹¹⁵ Имеется в виду «Нищета философии» (1847), ответ на книгу Прудона «Система экономических противоречий, или философия нищеты».

¹¹⁶ Имеется в виду «Союз справедливых», созданный немецкими политическими эмигрантами в Париже в 1836 г. После вступления К. Маркса и Ф. Энгельса в «Союз справедливых» он был реорганизован и получил название «Союз коммунистов».

¹¹⁷ «Новая рейнская газета» (выходила ежедневно в Кельне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г.; главным редактором был К. Маркс, в редакцию входили Ф. Энгельс и др. члены Союза коммунистов).

¹¹⁸ Газета выходила с 1841 по 1924 г., Маркс сотрудничал в ней с 1851 по 1862 г.

¹¹⁹ «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (*фр.*).

¹²⁰ «Критика политической экономии» (*нем.*).

¹²¹ Официальным названием I Интернационала (1864–1876) было Международное товарищество рабочих.

¹²² Прайс (Price) Ричард (1723–1791) — английский философ-моралист и экономист.

¹²³ Имеется в виду Лазарь — нищий из притчи Иисуса Христа «О богаче и Лазаре» (Лк. 16: 19–31). В Евангелии упоминается и другой (более известный) Лазарь, воскресенный Иисусом Христом.

¹²⁴ См. комм. 47 и 88.

¹²⁵ *Бернштейн* (Bernstein) Эдуард (1850–1932) — один из деятелей германской социал-демократии, основатель т.н. ревизионизма. В книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899) подверг теоретической ревизии учение Маркса, которое, по его мнению, в целом ряде пунктов оказалось научно несостоятельным. Такими пунктами Бернштейн посчитал учение Маркса о прогрессирующем обнищании пролетариата по мере развития капитализма, о революционном восстании масс и диктатуре пролетариата и др.

¹²⁶ «Бернштейн и социал-демократическая программа» (1899; рус. пер.: 1906).

¹²⁷ *Рикардо* (Ricardo) Давид (1772–1823) — английский экономист, видный представитель классического направления в политической экономии.

Главное теоретическое сочинение — «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817), в котором он завершил разработку классической политической экономии, начатую А. Смитом.

- ¹²⁸ *Мальтус* (Malthus) Томас Роберт (1766–1834) — английский священник и ученый, демограф и экономист, автор теории, согласно которой неконтролируемый рост народонаселения должен привести к голоду на Земле, поскольку рост народонаселения имеет тенденцию опережать рост производства средств существования.
- ¹²⁹ Речь, возможно, идет о знаменитом фантастическом романе Г. Уэллса (члена «Фабианского общества») «Машина времени».
- ¹³⁰ «Труд в долгое царствование. 1837–1897» (Лондон, 1897).
- ¹³¹ «Аграрный вопрос» (Штутгарт, 1899).
- ¹³² «Развитие социализма от утопии к науке» (1880). Эта работа Ф. Энгельса представляет собой три переработанные главы из «Анти-Дюринга».
- ¹³³ Это предисловие было написано Ф. Энгельсом уже после смерти К. Маркса, в 1885 г.
- ¹³⁴ *Штаммлер* (Stammler) Рудольф (1856–1938) — немецкий теоретик права, неокантианец. В книге «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896, рус. пер.: 1899) с позиций «юридического мировоззрения» подверг критике марксизм, отождествлявшийся им с экономическим детерминизмом. Утверждал, что право первично по отношению к экономике и государству, если не во временном и причинном, то во всяком случае в логическом плане.
- ¹³⁵ Измененная цитата из трагедии И. В. Гёте «Фауст», ч. 1, сц. IV: «Сера, мой друг, теория везде, Златое древо жизни зеленеет». (Перевод В. Я. Брюсова.)

Три великих этических проблемы (Нравственное мировоззрение Достоевского)

Первые статья была опубликована под названием «Нравственное мирозерцание Достоевского» в 1908 г. в журнале «Вопросы обществоведения», № 1 (журнал редактировался М. И. Туган-Барановским и П. И. Люблинским). Позже под измененным названием «Три великих этических проблемы (Нравственное мирозерцание Достоевского)» включена в сборник работ М. И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (СПб., 1912); публикуется по тексту этого сборника.

¹³⁶ Государство иезуитов в Парагвае — уникальный социальный эксперимент, осуществлявшийся в течение примерно полутора столетий (с 1611 до 1768 г.) на территории испанских владений в Южной Америке. Государство было создано и управлялось иезуитами, основное население составляли индейцы-гуарани. Базовыми принципами, на которых основывалось устройство государства, были имущественное равенство, определяющее воздействие церковно-религиозных установок на повседневную жизнь людей и культуру, изоляция от внешнего мира. Государство было уничтожено в связи с запрещением ордена иезуитов в Испании. Опыт иезуитов высоко оценивали мыслители Просвещения, в том числе и те, которые резко отрицательно относились к католической церкви (Вольтер). В XIX в. иезуитское государство стали называть коммунистическим, против чего коммунисты всегда резко протестовали (видный деятель коммунистического движения и зять К. Маркса П. Лафарг даже посвятил специальную работу критике представления об иезуитском государстве как коммунистическом).

Кант и Маркс

Предисловие к книге К. Форлендера «Кант и Маркс. Очерки этического социализма» (СПб., 1909). В 1912 г. включено в сборник работ М. И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (1912); публикуется по тексту этого сборника.

¹³⁷ *Форлендер* (Vorlander) Карл (1860–1928) — немецкий философ, представитель марбургской школы неокантианства. Известен как теоретик «этического социализма» и исследователь этики И. Канта. Анализируя взаимоотношение учений Канта и К. Маркса, утверждал, что в экономических работах Маркса заключается глубокая этическая точка зрения.

¹³⁸ Имеется в виду книга К. Каутского «Аграрный вопрос» (Штутгарт, 1899).

Почему пало крепостное право

Впервые опубликовано в сборнике работ М. И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (1912), публикуется по тексту этого сборника. Более подробно автор осветил проблему отмены крепостного права в своем сочинении «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (т. 1) и в работе «Крепостная фабрика», включенной в юбилейное (к 50-летию крестьянской

реформы 1861 г.) издание «Великая реформа, русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» (В 6 т. М., 1911. Т. 3).

¹³⁹ Императрица *Екатерина II* (1762–1796).

¹⁴⁰ *Сперанский* Михаил Михайлович (1772–1839) — выдающийся государственный деятель России. С его именем связаны преобразовательные планы и реформы 1807–1811 гг., однако в начале 1812 г. он был отправлен императором Александром I (1801–1825) в отставку и сослан. В 1821 г. возвращен из ссылки. Был включен новым императором Николаем I (1825–1855) в состав Верховного суда над декабристами, заслужил его благоволение, проголосовав за смертный приговор руководителям восстания. Возглавил грандиозную работу по кодификации российского законодательства.

¹⁴¹ Растущую в 1-й половине XIX в. продуктивность крепостнических помещичьих хозяйств отмечают и современные исследователи (см. например: Миронов Б. Н. Социальная история России. СПб., 2003. С. 394–395).

¹⁴² Игнатович И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1911.

¹⁴³ «Практически на каждого помещика хотя бы раз в его жизни нападали крестьяне» (Миронов Б. Н. Социальная история России. СПб., 2003. С. 405).

¹⁴⁴ Крымская война 1853–1856 гг.

¹⁴⁵ *Семевский* Василий Иванович (1848–1916) — русский историк либерально-народнического направления. Изучал историю крестьянства («Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.». Т. 1–2. СПб, 1888), рабочего класса, освободительного движения в России. Его работы написаны с привлечением огромного фактического материала и сохранили научное значение до настоящего времени.

¹⁴⁶ *Memento mori* (лат.) — помни, что умрешь.

¹⁴⁷ 30 марта 1856 г. Александр II по настоянию московского генерал-губернатора А. А. Закревского, просившего успокоить дворян, взволнованных слухами об освобождении крестьян, произнес речь перед московскими губернскими и уездными представителями дворянства. Неожиданно для слушателей император завершил выступление словами: «Слухи носятся, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, и вы это можете сказать направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами их помещиками, к несчастью существует, и от этого

было уже несколько случаев неповиновения. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу».

- ¹⁴⁸ На посессионных фабриках работали закрепленные за ними крепостные крестьяне (также называвшиеся посессионными). Категория посессионных крестьян была введена при Петре I в 1721 г. в связи с необходимостью обеспечить рабочими руками растущую мануфактурную промышленность.

Марксизм и народничество

Впервые опубликовано в сборнике работ М. И. Туган-Барановского «К лучшему будущему» (1912); публикуется по тексту этого сборника.

- ¹⁴⁹ *Воронцов* Василий Павлович (лит. псевд. В. В.) (1847–1918) — русский экономист, социолог и публицист, один из идеологов либеральных народников 1880–1890-х гг. Считал, что в России нет условий для развития капитализма, становление русской промышленности воспринимал как неестественное и вредное явление, результат покровительственной политики правительства.

Русская революция и социализм

Публикуется по первому изданию: *Туган-Барановский М. И.* Русская революция и социализм. Пг., 1917.

- ¹⁵⁰ Имеется в виду воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», принятое 14 (27) марта 1917 г. В документе содержался призыв к народам воюющих стран выступить за мир без аннексий и контрибуций.

- ¹⁵¹ См. комм. 24.

- ¹⁵² *О'Коннор* (O'Connor) Фергюс Эдуард (1796–1855) — один из лидеров чартистского движения в Великобритании, оратор и публицист. Отстаивал революционные методы борьбы за «Народную хартию» (принцип «физической силы»). Защита интересов рабочего класса сочетались у О'Коннора с пропагандой возвращения рабочих к земле (в 1845 г. он с этой целью основал «Земельное общество»). В 1847 г. стал первым пред-

ставителем рабочих в английском парламенте. В апреле 1848 г., во время подготовки выступления чартистов, проявил нерешительность, позже перешел на реформистские позиции.

- ¹⁵³ *Бebelь* (Bebel) Август (1840–1913) — немецкий политический деятель и публицист, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Германии и II Интернационала.
- ¹⁵⁴ Имеется в виду I Государственная Дума, избранная в феврале-марте 1906 г. и распущенная 8 июля 1906 г.
- ¹⁵⁵ Этот прогноз в целом оправдался: в Учредительном собрании, избранном в ноябре 1917 г., представители социалистических политических партий (правые и левые эсеры, большевики, меньшевики и пр.) получили абсолютное большинство мест.
- ¹⁵⁶ Ср.: «Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма» (Г. В. Плеханов).

Влияние идей политической экономии на естествознание и философию

Последняя работа М. И. Туган-Барановского, написана в Киеве в конце 1918 — начале 1919 г. Первоначально был опубликован перевод на украинский язык (Записки Української Академії наук. Київ, 1923. Т. 1), затем — отдельное издание на русском языке (Влияние идей политической экономии на естествознание и философию/Предисловие секретаря социально-экономического отделения Украинской Академии наук акад. М. Птуха. Киев, 1925); печатается по первому русскому изданию.

- ¹⁵⁷ *Граве* Дмитрий Александрович (1863–1939) — математик, создатель первой крупной русской математической школы, из которой вышли многие ведущие математики следующего поколения. С 1899 г. и до конца жизни работал профессором математики Киевского университета.
- ¹⁵⁸ *Кенэ* (Quesnay) Франсуа (1694–1774) — французский экономист, основатель экономической школы физиократов. Свои экономические взгляды наиболее полно выразил в работе «Экономическая таблица» (1758), где при помощи диаграмм описаны отношения между главными слоями и секторами общества, вводятся понятия постоянного и переменного капитала, экономического баланса.

- ¹⁵⁹ *Смит* (Smith) Адам (1723–1790) — шотландский экономист и философ, основоположник классической политической экономии. Основное сочинение — «Исследование о природе и причинах богатства народов» вышло в свет в Лондоне в 1776 г.
- ¹⁶⁰ *Либих* (Liebig) Юстас (1803–1873) — немецкий химик, основатель научной школы. Многие русские ученые были учениками Либиха.
- ¹⁶¹ *Милль* (Mill) Джон Стюарт (1806–1873) — английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. В труде «Основания политической экономии и некоторые приложения их к социальной философии» (1848) дал систематизированное изложение идей классической политической экономии.
- ¹⁶² *Дарвин* (Darwin) Чарльз Роберт (1809–1882) — английский натуралист и путешественник, заложивший основы современной эволюционной теории и направления эволюционной мысли, носящего его имя (дарвинизм). В 1831–1836 гг. в качестве натуралиста совершил кругосветное путешествие на экспедиционном судне королевского флота «Бигл». В 1859 г. Дарвин опубликовал свой основной труд «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».
- ¹⁶³ *Бэкон* (Bacon) Френсис (1561–1626) — английский философ, историк, политический деятель, основоположник эмпиризма. Разработал и популяризировал индуктивную методологию научного исследования, часто называемую методом Бэкона (сочинение «Новый органон», 1620), провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой.
- ¹⁶⁴ *Уоллес* (Wallace) Альфред Рассел (1823–1913) — видный британский натуралист, путешественник, географ, биолог и антрополог. Разработал учение о естественном отборе, наспех изложив его в статье, которую направил в Англию Чарлзу Дарвину. Последний обнаружил в этой статье сокращенное изложение своей собственной теории. В 1858 г. выдержки из трудов Дарвина и Уоллеса относительно естественного отбора были впервые представлены широкой публике на чтениях в Линнеевском обществе. Однако Уоллес не считал нужным дальше развивать свое понимание естественного отбора, а позже его интересы обратились совсем в иную область (он увлекся спиритизмом и беседами с духами усопших — увлечение, получившее тогда чрезвычайно широкое распространение и не обошедшее М. И. Туган-Барановского).

- ¹⁶⁵ Спенсер (Spencer) Герберт (1820–1903) — английский философ и социолог, идеолог социал-дарвинизма. Центральной идеей всего его творчества была идея эволюции, под которой он понимал переход от неопределенной, бессвязной однородности к определенной, связанной разнородности. Спенсер показал, что эволюция есть неотъемлемая черта всего окружающего нас мира и наблюдается во всех областях природы, в науке, искусстве, религии и философии. Человеческую психику Спенсер рассматривал в основных понятиях биологической эволюции, хотя и подчеркивал, что человек, в отличие от животных, существует не только в природной, но и в социальной среде, и вынужден приспосабливаться к ней. Социальная эволюция, по Спенсеру, составляет часть эволюции вообще, поэтому законы и механизмы приспособления человека к социальной среде усложняются благодаря появлению новых факторов — языка, общества, материального производства, науки и др. Многочисленные работы Спенсера в последней трети XIX в. пользовались огромной популярностью и издавались большими тиражами во всех странах мира, в том числе и в России.
- ¹⁶⁶ Бэр Карл Эрнст (Карл Максимович) (1792–1876) — один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии, академик Петербургской Академии наук. В «Истории развития животных» (1828) установил, что в зародыше появляются сначала общие основы, и из них обособляются все более и более специальные части (т.е. имеет место процесс дифференциации).
- ¹⁶⁷ Мах (Mach) Эрнст (1838–1916) — австрийский физик и философ, один из основателей эмпириокритицизма. Представлениям об абсолютном пространстве, времени, движении, силе и т.п. Мах противопоставил релятивистское понимание этих категорий, которые, по Маху, субъективны по своему происхождению. Подвергся резкой критике в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».
- ¹⁶⁸ «Популярные научные лекции» (нем.).
- ¹⁶⁹ Урбан (Urban) Вильбур (1873–1952) — американский философ. Ниже М. И. Тутан-Барановский цитирует его книгу «Определение ценности, его характер и законы» (Нью-Йорк, 1909).
- ¹⁷⁰ Вундт (Wundt) Вильгельм (1832–1920) — немецкий физиолог, психолог, философ и языковед. В основном известен как основатель экспериментальной психологии (предложил программу построения психологии как отдельной, самостоятельной науки, опирающейся на экспери-

мент и в 1879 г. в Лейпциге основал первую в мире лабораторию экспериментальной психологии, а в 1881 г. — первый психологический журнал «Философские исследования»). Идеи Вундта в области языкознания не имели успеха у современников и вызвали интерес лишь в последней трети XX в.

¹⁷¹ *Виндельбанд* (Windelband) Вильгельм (1848–1915) — немецкий философ, глава баденской школы неокантианства. Философию рассматривал как критическую науку об общепринятых ценностях. Ставил задачу раскрыть общезначимые предпосылки разумной деятельности, на которых покоится культура. Исследование всех культурных реалий рассматривал как материал для обнаружения основной структуры, которая присуща культурному творчеству во вневременном, сверхэмпирическом существе разума.

¹⁷² *Мюнстерберг* (Münsterberg) Гуго (1863–1916) — немецко-американский психолог, один из основоположников психотехники (ввел сам термин «психотехника»), ученик В. Вундта. Занимался проблемами управления, профотбора, профессионального обучения. Разработал стратегии исследования трудовых процессов в лабораторных условиях.

¹⁷³ Закон Вебера-Фехнера — эмпирический психофизиологический закон, заключающийся в том, что интенсивность ощущения пропорциональна логарифму интенсивности стимула. Соавторами открытия закона являются немецкий психофизиолог и анатом Эрнст Генрих Вебер (Weber) (1795–1878) и обобщивший его наблюдения немецкий психолог и философ Густав Фехнер (Fehner) (1801–1887).

¹⁷⁴ «Физиологическая психология» (нем.).

¹⁷⁵ *Мюллер* (Müller) Георг Элиас (1850–1934) — немецкий философ, один из первых экспериментальных психологов. Получил известность остроумной критикой психофизического закона Вебера-Фехнера и самостоятельной, покоящейся на математически точных основаниях, разработкой основных вопросов психофизики.

¹⁷⁶ Вундт. Основные черты физиологической психологии. III издание. 1 том. С. 374–378.

¹⁷⁷ Вопрос о том, что лежит в основе стоимости (ценности) — полезность или затраты труда — обсуждался экономистами еще в XVIII в. Против попытки базировать теорию стоимости на основе полезности А. Смит выдвинул аргумент, получивший название «парадокс Смита»: если стоимость хоть как-то связана с полезным эффектом, то почему блага,

имеющие наивысший полезный эффект, жизненно необходимые для всех (например, вода), ценятся весьма низко или вообще не имеют стоимости, тогда как блага, полезность которых с точки зрения естественных потребителей сомнительна (например, бриллианты), ценятся столь высоко? Столкнувшись с этой трудностью, представители трудовой теории стоимости (Смит, Рикардо, Маркс) предпочли вообще не связывать цену товара с его полезностью, а для объяснения их уровня апеллировать только к затратам труда. Однако в последней трети XIX в. благодаря т. н. «маржиналистской революции» и работам представителей «австрийской школы» (К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер) было доказано, что ценность блага для потребителя определяется не общей (суммарной) полезностью, а т. н. предельной полезностью, т. е. полезностью, которую приносит каждая дополнительная единица потребляемого блага, и именно предельная полезность, согласно данной теории, лежит в основе цены блага. В конце XIX — начале XX в. английский экономист А. Маршалл (1842–1924) осуществил синтез классической политической экономии (Смит, Рикардо) и маржинализма. В своем знаменитом изречении он сравнил значение полезности и затрат для формирования цены с двумя лезвиями ножниц. Отечественная политэкономия советского периода игнорировала все эти теоретические разработки, называя их «вульгарными». Между тем сам Маркс после возникновения теории предельной полезности, по-видимому, просто-напросто прекратил работу над «Капиталом»: в 1883 г. Ф. Энгельс, разбирая его рукописи, обнаружил, что все материалы, относившиеся к «Капиталу», написаны готическими буквами, в то время как с 1873 г. Маркс использовал исключительно латинские буквы (см.: Гребнев Л. С. Мавр возвращается? А он и не приходил... (К дискуссии о значимости научного наследия К. Маркса)// Вопросы экономики. 2004. № 8, 9).

¹⁷⁸ *Primum vivere, deinde philosophare (лат.)* — сначала жить, потом философствовать.

Письма

В фонде П. Б. Струве бывшего Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории) имеется шесть писем М. И. Туган-

Барановского к его другу и на определенном этапе единомышленнику Петру Бернгардовичу Струве (РГАСПИ. Фонд П. Б. Струве. Оп. 1. Д. 963. Л. 253–267). Эти письма я обнаружил в архиве и впервые их опубликовал в 1994 г. (см.: Д. М. Туган-Барановский. «Я бы очень, хотел, чтобы мы были с вами друзьями» (Письма М. И. Туган-Барановского к П. Б. Струве)) // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 128–136). Письма относятся, вероятно, к 1899–1905 гг. — периоду, во многом определяющему и важному как для П. Б. Струве, так и для М. И. Туган-Барановского. Именно в эти годы произошел их разрыв с социал-демократическим движением и окончательный отход от марксизма.

Письма М. И. Туган-Барановского прежде всего любопытны тем, что несут на себе отпечаток этих событий. В первом письме речь идет о журнале «Начало», закрытом по распоряжению правительства. Редакторами журнала были П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, но в нем сотрудничали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов и другие известные лидеры социал-демократии. Однако от В. И. Ленина и его окружения Туган-Барановского отталкивали их высокомерно-снисходительное отношение к другим общественным теориям и «наивная уверенность», что они «нашли, наконец, самую настоящую истину и эта истина заключена в «Капитале» Маркса». Именно так откровенно высказался Туган-Барановский в одном из публикуемых писем (письмо № 2), но отзвуки этих мыслей и настроений можно почувствовать и во многих его работах.

Открытость и плюрализм в отношении к различным социальным и философским течениям мысли сквозят в высокой оценке, которую Туган-Барановский дает И. Канту (письма № 2 и № 5). Он даже говорит, что, по его мнению, «сам Кант не вполне понимал значение этого своего гениального учения и не сделал всех выводов, которые из него проистекают». Вероятно, эти суждения могут представлять интерес для исследователей в области истории философии. Но, на мой взгляд, в философской системе немецкого мыслителя Туган-Барановского прежде всего привлекала концепция верховной ценности человеческой личности. С этим был связан интерес Туган-Барановского к нравственному мировоззрению Ф. М. Достоевского. Позже с позиций этики, а точнее говоря, с позиций этики И. Канта и Ф. М. Достоевского, он критиковал марксизм.

Публикуемые письма любопытны и бытовыми зарисовками, отзывами Туган-Барановского о Э. Бернштейне, С. Н. Прокоповиче, В. Зомбарте (с кото-

рым, по воспоминаниям моего отца, он находился в очень дружеских отношениях), К. Каутском. Интерес могут представлять и заявления о его собственных планах. Письма, разумеется, свидетельствуют также о большой близости Туган-Барановского к Струве, их понимании друг друга, хотя в дальнейшем их идейные пути разошлись.

Письма публикуются в той последовательности, в которой они находились в фонде П. Б. Струве. Также в настоящей книге публикуется письмо Туган-Барановского к его ученику П. А. Кузько. Впервые оно было опубликовано мною в 1997 г. (Туган-Барановский Д. М. Туган-Барановский М. И. Биографический очерк // Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1997. С. 52–53). Это письмо любопытно отзывами о Канте, Спенсере, Ницше, Локке, суждениями автора о равноценности и равноправности человеческой личности. Главную идею письма можно выразить в словах Туган-Барановского: «На чистом ницшеанстве нельзя основать социализма».

Д. М. Туган-Барановский

¹⁷⁹ Письмо относится, вероятно, к маю-июню 1899 г., так как в нем идет речь о закрытии журнала «Начало».

¹⁸⁰ Имеется в виду Э. Бернштейн. Следует отметить, что М. И. Туган-Барановский всегда отрицал влияние на него идей Бернштейна и справедливо указывал на самостоятельность своего поиска (см.: ИРЛИ. Ф. 377. Собр. биографий 1а, 1913–1914 гг. Ед. хр. 2772. Л. 2–3).

¹⁸¹ Немецкий журнал «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» («Архив социального законодательства и статистики»). В своей рецензии на книгу Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899) Струве дал положительную оценку бернштейнианской трактовке марксизма. В статье «Марксистская теория социального развития» («Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung») Струве также подверг критике учение Маркса о конфликте между производительными силами и производственными отношениями как основе социальной революции. Бернштейну, вероятно, ревизия марксизма Струве на тот момент представлялась чрезмерной, а его поддержка — ухудшающей положение Бернштейна и его сторонников в СДПГ.

¹⁸² Подставное лицо, марионетка (*нем.*).

¹⁸³ М. И. Туган-Барановский опубликовал в «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» (1898, XII) свою статью на немецком языке «Die sozialen

Wirkungen der Handelskrisen in England» («Социальные последствия торговых кризисов в Англии»).

- ¹⁸⁴ Речь идет о книге М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (СПб., 1898). В 1900 г. в Берлине вышло два издания этой книги на немецком языке.
- ¹⁸⁵ *Булгаков* Сергей Николаевич (1871–1944) — русский экономист, философ, теолог. В 1890-е гг. — «легальный марксист». Имеется в виду полемика между М. И. Туган-Барановским и С. Н. Булгаковым по вопросу о рынках в капиталистическом хозяйстве (см.: Туган-Барановский М. И. Капитализм и рынок (По поводу книги С. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд». М., 1897)// *Мир Божий*. 1898. № 6. С. 118–127). Туган-Барановский, в частности, отметил, что, по его мнению, Булгаков «мало оригинален» и слишком любит «клясться словами учителя» (*Мир Божий*. С. 123).
- ¹⁸⁶ *Струве* (урожд. Герд) Нина (Антонина) Александровна (1868–1943) — дочь известного педагога А. Я. Герда, жена П. Б. Струве. Преподавала естественную историю.
- ¹⁸⁷ Письмо относится ко 2-й половине 1901 г., когда М. И. Туган-Барановский был выслан из Петербурга в полтавскую деревню.
- ¹⁸⁸ *Сисмонди* (Sismondi) Жан Шарль Леонар Симонд де (1773–1842) — швейцарский экономист и историк. Первоначально находился под влиянием идей А. Смита, но затем обосновал собственную систему экономических воззрений, положив начало новому направлению политической экономии — экономическому романтизму. В. И. Ленин (Ильин) подверг критике взгляды Сисмонди в работе «К характеристике экономического романтизма», которая впервые была напечатана в № 7–10 журнала «Новое слово» (апрель–июль 1897 г.) за подписью «К. Т-н». Очерк М. И. Туган-Барановского, посвященный Сисмонди, был опубликован в журнале «Мир Божий» (1901. № 10. С. 134–161), впоследствии включен в книгу «Очерки из новейшей истории политической экономии».
- ¹⁸⁹ Прокопович С. К критике Маркса. СПб., 1901.
- ¹⁹⁰ Поскольку «марксистская страничка нашего общественного развития» отнюдь не пришла к концу, то вслед за «Очерками из новейшей истории политической экономии» последовала большая книга М. И. Туган-Барановского — «Теоретические основы марксизма» (СПб., 1905). Но уже в следующем году появилась книга, посвященная развитию социалисти-

ческих идей («Современный социализм в своем историческом развитии»: СПб., 1906).

¹⁹¹ Письмо можно условно датировать 1902–1903 гг.

¹⁹² Книга В. Зомбарта «Современный капитализм», принеся ему широкую известность, появилась на немецком языке в 1902 г.; уже в следующем году был издан первый том на русском языке.

¹⁹³ Имеется в виду Первый съезд деятелей кустарной промышленности (С.-Петербург, 1902).

¹⁹⁴ Письмо определенно относится к 1905 г., поскольку в нем идет речь о немецком издании книги М. И. Туган-Барановского «Теоретические основы марксизма» (издана в Лейпциге на немецком языке в 1905 г.).

¹⁹⁵ В письме говорится о смерти первой жены М. И. Туган-Барановского, что позволяет его датировать примерно январем 1901 г.

¹⁹⁶ Письмо, по-видимому, относится ко 2-й половине 1901 — началу 1902 г., в нем идет речь о немецком издании его «Промышленных кризисов в современной Англии» (изданы в Йене на немецком языке в 1901 г.).

¹⁹⁷ «Русское богатство» — ежемесячный литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1876 по 1918 г. В конце XIX — начале XX в. журнал являлся рупором народничества и вел активную полемику с марксистами.

¹⁹⁸ Имеются в виду «Очерки из истории политической экономии», которые выходили в 1901–1902 гг. и затем составили книгу «Очерки из новейшей истории политической экономии» (СПб., 1903).

¹⁹⁹ Письмо относится к началу 1907 г., оригинал — в Отделе рукописей РГБ (Ф. 144. Карт. 8. Ед. хр. 59. Л. 11–12).

²⁰⁰ Кузько Петр Авдеевич (1884–1969) — журналист, литературный критик, сотрудник Наркомпроса РСФСР.

²⁰¹ Локк (Locke) Джон (1632–1704) — выдающийся английский философ и педагог. Основой познания считал опыт, который состоит из единичных восприятий.

²⁰² Солипсизм — радикальная философская позиция, характеризующаяся признанием собственного индивидуального сознания в качестве единственной и несомненной реальности и отрицанием объективной реальности окружающего мира.

Библиография

М. И. Туган-Барановский. П.-Ж. Прудон, его жизнь и общественная деятельность: Биогр. очерк. СПб., 1891.

М. И. Туган-Барановский. Дж. С. Милль. Его жизнь и учено-литературная деятельность: Биогр. очерк. СПб., 1892.

М. И. Туган-Барановский. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь: Дисс. СПб., 1894. Переработанные автором другие издания: 2-е (СПб., 1900), 3-е (СПб., 1914).

М. И. Туган-Барановский. Статистические итоги промышленного развития России. СПб., 1898.

М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. Т. I: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898. Второе, значительно дополненное издание: СПб., 1900.

М. И. Туган-Барановский. Лекции по политической экономии 1898–1899 гг. СПб., 1899.

М. И. Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб., 1903.

М. И. Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905.

М. И. Туган-Барановский. Земельная реформа: Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905.

М. И. Туган-Барановский. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906.

М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. СПб., 1909. Переработанные автором другие издания: 2-е (СПб., 1911), 3-е (Пг., 1915).

М. И. Туган-Барановский. Русская интеллигенция и социализм (По поводу сборника «Вехи»)/Интеллигенция в России: Сб. ст. СПб., 1910.

М. И. Туган-Барановский. Крепостная фабрика//Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. Т. 3. М., 1911.

М. И. Туган-Барановский. К лучшему будущему. СПб. 1912. (Сборник статей разных лет.)

М. И. Туган-Барановский. Очерк развития мануфактурной промышленности в России. М., 1912.

М. И. Туган-Барановский. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. СПб., 1913. (Второе, переработанное и значительно дополненное издание: М., 1919.)

М. И. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916. (Дополненные издания: 2-е — М., 1918; 3-е — М., 1919).

М. И. Туган-Барановский. Значение биржи в современном хозяйственном строе//Банковая Энциклопедия. Т. II. Киев, 1916.

М. И. Туган-Барановский. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917. (2-е посмертное издание с изменениями и дополнениями автора: Одесса, 1919).

М. И. Туган-Барановский. Русская революция и социализм. Пг., 1917.

М. И. Туган-Барановский. Социализм как положительное учение. Пг., 1918.

М. И. Туган-Барановский. Влияние идей политической экономии на естествознание и философию. Киев, 1925.

Указатель имен

- Абалкин Л. И. — 37
Александр I, российский император — 700
Александр II, российский император — 642, 643, 700
Александр III, российский император — 7
Анзееле Э. — 488, 637, 639, 694
Анфантен Б.-П. — 30
Анцыферов А. Н. — 290, 292, 317, 328, 335, 529, 688
- Базар С.-А. — 30
Бакунин М. А. — 32, 542
Балакшин А. Н. — 371
Барановская Р. — 5
Батоки, фон — 307
Бауэр Б. — 534, 538
Бебель А. — 624, 625, 702
Беккер С. — 285, 692
Белинский В. Г. — 585
Беллами Э. — 30
Бем-Баверк Е. — 21
Бернштейн Э. — 6, 25, 32, 571, 623, 673
Бирюлев Г. А. — 369
Блан Луи — 31, 62, 214, 410
Бландов В. И. — 369
Бланк Р. М. — 485
Бонапарт (Наполеон III), французский император — 541
Бондарев И. А. — 530
Бонч-Бруевич В. Д. — 17
Бородаевский С. В. — 530
- Браун А. — 673
Брезигар Э. — 23
Бруцкус Б. Д. — 30
Брюсов В. Я. — 698
Булгаков С. Н. — 668
Бэкон Ф. — 650
Бэр К. Э. — 625
Бюлов Б. — 194
Бюрман — 407
Бюше Ф. — 212, 213, 214, 285
- В. В. — см. Воронцов В. П.
Вагнер Ад. — 653
Валентинов Н. (Вольский) — 20
Вебб Б. (Поттер Б.) — 222, 228–231, 235, 240,
Вебб С. — 222, 228–231, 235, 240, 574
Вебер Э. Г. — 656–658, 660–663
Вересаев В. В. — 6
Верещагин В. В. — 690
Верещагин Н. В. — 369, 690
Ветке, фон — 17
Вивиан Г. — 205
Вигодзинский В. — 77, 114, 122–124, 307
Визер Ф. — 21
Виндельбанд В. — 655
Винниченко В. К. — 18
Вольтер — 699
Вольф Г. — 262, 263, 265
Воронцов В. П. — 15, 618, 701
Вундт В. — 655–661
Выдрин Д. — 15

- Гааз В. — 295, 300, 301
 Гайдебуров В. П. — 36
 Гегель Г. — 534–537
 Гед Ж. — 336, 694
 Гейлигенштадт — 447
 Герд А. Я. — 709
 Гере П. — 78, 79, 173, 197
 Герман Э. — 654
 Герц Ф. — 429
 Герцен А. И. — 540
 Гессенский, Великий Герцог — 335
 Гете И. В. — 46, 586
 Гизо Ф. П. Г. — 539
 Глебов А. В., см. Меркулов А. В.
 Говард Э. — 685
 Говорухин О. М. — 6
 Гоголь Н. В. — 46
 Годвин У. — 31, 32, 73, 74
 Голейок (Холиок) Дж. — 153, 158, 160, 161
 Грабейн М. — 328, 332
 Граве Д. А. — 647
 Гранат А. и И., бр. — 37
 Гребнев Л. С. — 706
 Грей Дж. — 152
 Грессер П. А. — 7
 Гринчук В. Г. — 38
 Губер В.-Э. — 224
 Давид Г. — 489
 Давыдов К. Ю. — 8
 Давыдова Л. К. — 8, 9
 Даниэльсон Н. — 38
 Данте Алигьери — 532
 Дарвин Ч. Р. — 649
 Джевонс У. — 21
 Дзержинский Ф. Э. — 17
 Дидерих Э. — 438
 Диканский М. Т. — 529
 Дмитриев В. К. — 22
 Добролюбов Н. И. — 7
 Достоевский Ф. М. — 28, 585–587, 589–591, 596, 600, 602–604
 Думин С. — 5
 Евдокимов А. А. — 530
 Екатерина II, российская императрица — 602, 613
 Железнов В. Я. — 22, 529
 Жид Ш. — 528
 Жорес Ж. — 694
 Зак Л. С. — 530
 Закревский А. А. — 700
 Засулич В. И. — 10
 Зверяков М. И. — 38
 Зельгейм В. Н. — 530
 Зомбарт В. — 6, 22, 532, 671
 Игнатович И. И. — 611
 Ильин, см. Ленин (Ульянов) В. И.
 Исаев А. — 653
 Кабе Э. — 30, 66
 Каблуков Н. А. — 691
 Кант И. — 28, 513, 586, 590, 595, 605–608, 672, 674, 675
 Каратыгин Е. — 529
 Кареев Н. И. — 19, 20, 25
 Карлейль Т. — 164
 Каутский К. — 6, 255, 345, 571, 572, 574, 576, 577, 605, 667
 Кауфман Генрих — 245

- Кауфман Георг — 480–482
Кейнс Дж. — 22, 45
Кекуатов К. В. — 530
Кенэ Ф. — 648
Кеглер И. — 592, 647
Кингсли Ч. — 158
Кинерсли Р. — 22
Классон Р. Э. — 9
Коковцов В. Н. — 15
Колюпанов Н. П. — 690
Комб А. — 129, 130
Кондратьев Н. Д. — 12, 13, 22
Конрад И. — 444
Конт О. — 645, 647
Корнейчук Б. В. — 23, 45
Короленко В. Г. — 11
Королькова Е. И. — 29
Косинский В. А. — 271–273, 529
Котлер Г. — 654
Красильников Г. П. — 355, 356
Кропоткин П. А. — 17, 31, 32
Крупская Н. К. — 9
Крюгер — 124, 125, 198, 264, 265,
416–418, 426, 435, 453, 455, 456,
460, 462
Кузько П. А. — 674
Кузьминов Я. И. — 37
Кулишер И. М. — 22
Кульжный А. Е. — 530
Куприн А. И. — 6, 8
Куприна-Иорданская М. К. — 8
Курлов — 14
Кускова Е. Д. — 13

Лазарь (библ.) — 566
Лассаль Ф. — 62, 214, 218, 220–222,
409, 410
Лафарг П. — 699
Левин Е. — 36
Ленин (Ульянов) В. И. — 9, 10, 15, 20,
25, 26, 669
Лескюр Ж. — 22
Либих Ю. — 648
Либкнехт В. — 533
Локк Дж. — 675
Лугинин С. Ф. — 436, 437
Лукашевич И. Д. — 6,
Луначарский А. В. — 15
Любавин В. — 38
Люблинский П. И. — 698
Люксембург Р. — 22
Лященко П. И. — 43

Мавричев В. В. — 362, 530
Макаров И. П. — 529
Мальтус Т. Р. — 573, 650, 651
Мандевиль Б. — 680
Марголин С. О. — 441, 530
Маркс К. — 9, 19–22, 24, 26, 27, 29,
32, 38, 81, 83, 84, 215, 217, 254,
256, 391, 410, 506, 531–543, 545–
547, 549, 552, 554, 556–559, 561,
565, 568, 570–573, 576–579, 583,
605, 607, 608, 618, 622, 623, 628,
648, 669
Мартов Ю. О. — 15
Маршалл А. — 706
Маслов С. Л. — 691
Мах Э. — 654
Махновец — 17
Мацеевич К. А. — 530
Меллер — 448
Менгер К. — 21
Меркулов А. В. (Глебов) — 201, 230, 530

- Меркулов В. — 527
 Милль Дж. С. — 8, 648
 Миронов Б. Н. — 700
 Митчел Дж. — 167
 Михайловский Н. К. — 25
 Могилянский — 15
 Мор Т. — 66
 Морис Ф. — 158
 Мюллер Ганс (деятель кооперации) — 187, 246, 480, 529
 Мюллер Георг (физиолог) — 263, 657
 Мюнстерберг Г. — 655
- Наполеон I**, французский император — 592, 593
 Николаев А. А. — 528
 Николай I, российский император — 609, 611–613, 616, 700
 Николай II, российский император — 680
 Нил Э. В. — 158, 160, 262, 263
 Ницше Ф. — 586
 Ноув А. — 22
 Ньютон И. — 592, 647
- Оболенский Л. Е.** — 25
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. — 27, 46, 47
 О'Коннор Ф. Э. — 622
 Оппенгеймер Ф. — 102
 Оуэн Р. — 27–29, 31, 38, 67–76, 102, 126–130, 132–134, 136–139, 141, 142, 150, 154, 158, 203, 215, 219, 266–268, 271, 403–405, 407, 411, 442, 519, 522, 531, 533, 557, 637, 670
- Пажитнов К. А.** — 36, 528
 Пайпс Р. — 692
 Пекер К. — 30
 Первушин С. А. — 22
 Петр I, российский император — 615
 Петров Г. П. — 529
 Пеус — 195, 418
 Пилецкий — 15
 Пичета В. И. — 9
 Плеханов Г. В. — 6, 9, 15
 Подольский И. М. — 530
 Поссе В. А. — 6
 Потресов А. Н. — 26
 Поттер Б., см. Вебб Б. — 159, 176
 Прайс Р. — 549
 Прейер — 258
 Прокопович С. Н. — 198, 354, 438, 439, 529, 669
 Прудон Ж. — 8, 31, 32, 65, 531, 538–540
 Пумпянский Л. — 139
 Пушкин А. С. — 46
 Пэх Э. — 452
- Райффайзен Ф.** — 266–277, 281, 283–286, 289, 290, 294, 295, 302, 303, 306, 307, 332, 420, 431, 493, 495
 Редферн — 159
 Рикардо Д. — 21, 22, 543, 573
 Рин Р. — 110, 418
 Рипон — 100
 Рихтер — 432
 Родбертус К. И. — 531, 541
 Рокинъи Р. Де — 336, 337
 Рошер — 653

- Руте А. — 537, 538
Русинова О. Ф. — 11
Руссо Ж.-Ж. — 46
- Самсонов Л. А. — 37
Семевский В. И. — 613
Сен-Симон К. — 27–30, 212, 531–533, 670
Серафимович А. С. — 6
Сернссон Ж. — 472, 475, 693
Сисмонди Ж. Ш. — 669
Смит А. — 648, 652
Сокульский — 371
Сорвина Г. Н. — 23, 34, 45
Спенсер Г. — 652, 675
Сперанский М. М. — 609, 610
Струве (Герд) Н. А. — 668
Струве П. Б. — 8–11, 19, 20, 26, 27, 667, 668, 670–673
Сэй Ш.-Б. — 22
- Татарникова С. Н. — 19
Тейлор — 160
Толстой Л. Н. — 31
Томпсон У. — 31, 133
Туган-Барановский Д. М. — 47
Туган-Барановский Давид — 5
Туган-Барановский И. Я. — 5
Туган-Барановский М. И. — 5–46, 667, 670–675, 678
Туган-Барановский М. М. — 16
Туган-Барановский Н. И. — 18
Туган-Барановский Я. («Туган-черт») — 6
Туган-бек — 5
Тыркова-Вильямс А. В. — 20, 21
Тьер А. — 213
- Ульянов А. И. — 6, 7, 10
Уоллес А. Р. — 651
Урбан В. — 654
Уэбб Б., см. Вебб Б. — 528
Уэллс Г. — 686, 698
- Фабий Максим Кунктатор — 686
Фасбендер — 269
Фей Ч. Р. — 528
Фейербах Л. — 536, 537
Фехнер Г. — 656, 657
Фик — 657
Финк Р. — 428
Форлендер К. — 605–608
Фортунатов А. Ф. — 530
Франк С. Л. — 20
Фридман М. И. — 29
Фроммет Б. А. — 362
Фурье Ш. — 27–29, 31, 38, 62, 63, 65, 67, 68, 70, 72, 73, 75, 76, 212, 362, 519, 522, 532, 533, 557, 637, 670
- Хансен Э. — 23
Хейсин М. Л. — 36, 202, 530
Хижняков В. В. — 365
Холиоок, см. Голейок Дж. — 528
Храневич К. И. — 410
Христиан Г. — 226
Хрущов-Сокольников Г. А. — 5
- Цейдлер Г. — 147, 423, 452
- Чайковский Н. В. — 370
Чаянов А. В. — 691
Чеботарев И. Н. — 6
Чехов А. П. — 692
Чупров А. И. — 529

- Шанявский А. Л. — 12
 Шевырев П. — 6
 Шекспир У. — 586
 Шенк — 432
 Шереметьев Н. А. — 376
 Шереметевы — 614
 Шестир Е. — 37
 Шмидт — 673
 Шмоллер Г. — 22
 Шопен Ф. — 8
 Шоу Б. — 6
 Шпитгоф А. — 22
 Штаммлер Р. — 579, 581
 Штанге А. Г. — 227, 228
 Штаудингер — 607
 Штейн Л. — 538
 Штилинг Андерсен — 313
 Шульце-Делич Ф. (Шульце) — 103,
 124, 125, 188, 211, 214, 218, 219,
 220, 222, 264, 265, 272–276, 282,
 284, 288, 349, 402–415, 418–423,
 426–428, 430–433, 436, 443–448,
 452, 453, 460, 491, 493, 495, 509
 Эйзенгард-Роте, фон — 334
 Элиот Дж. — 8
 Эльм фон А. — 124, 125, 195, 418
 Энгельс Ф. — 20, 21, 24, 27, 563, 538,
 539, 541, 556, 568, 578, 579, 624, 625,
 Эпикур — 534
 Юз Т. — 158, 160
 Яковлев А. В. — 690
 Ян Казимир, король Речи Посполи-
 той — 5
 Borawski P. — 6
 Cernesson J. — см. Сернссон Ж.
 Dubinsky A. — 6
 Dumke — 668
 Feber — 668
 Fink R. — см. Финк Р. — 428, 432, 435,
 453
 Fischer — 668
 Göhre P., см. Гере П.
 Huber — см. Губер В.-Э.
 Jacob — 528
 Laverigne B. — 528
 Riehn — см. Рин Р.
 Vandervelde E. — 529
 Webb B. — см. Вебб (Поттер) Б.
 Webb S. — см. Вебб С.

Содержание

Михаил Иванович Туган-Барановский <i>Д. М. Туган-Барановский</i>	5
М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ. ИЗБРАННОЕ	49
Социальные основы кооперации	51
Отдел 1. Общее учение о кооперации	54
Отдел 2. Пролетарская кооперация	126
Отдел 3. Крестьянская кооперация	266
Отдел 4. Мелкобуржуазная кооперация	402
Отдел 5. Кооперация как социальное движение	478
Маркс	531
Три великих этических проблемы (Нравственное мировоззрение Достоевского)	585
Кант и Маркс (по поводу русского перевода сборника Форлендера о Канте и Марксе)	605
Почему пало крепостное право	609
Марксизм и народничество	617
Русская революция и социализм	620
Влияние идей политической экономии на естествознание и философию	645
Письма	667
КОММЕНТАРИИ	677
Библиография	711
Указатель имен	713

Научное издание

*Библиотека отечественной общественной мысли
с древнейших времен до начала XX века*

Туган-Барановский Михаил Иванович
Избранное

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *Т. В. Хромцева*
Корректор *М. В. Бучная*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 45,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1790

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

